

СОДЕРЖАНИЕ

Полифония

Алексей Зарахович УРОЖАЙ	6
Маріанна Кіяновська 3 КНИЖКИ «БАБИН ЯР. ГОЛОСАМИ»	7
Александр Кабанов СПАСЕНИЕ	15
Ирина Евса МЕЖДУ	21
Татьяна Вольтская ГЛАВНОЕ – МУЗЫКА	27
Сергей Соловьев РАЙ НА ПРИЩЕПКАХ	34
Евгения Джен Баранова ЭВОЛЮЦИЯ	42
Игорь Лапинский ДЕТИ ИНДИГО	49
Семен Заславский ТУВА	56
Сергей Гаврилов ОСЕННЯЯ НОСТАЛЬГИЯ ЕКАТЕРИНЫ ГОЛУБКОВОЙ	58
Екатерина Голубкова ОКТАБРЬ-16	60
Александр Столяров АНТИПАСХА	67
ПРОРОК ИЗ РЮМОЧНОЙ	69
И ТУТ ВДРУГ...	71
ДВА ТОВАРИЩА	72
Семен Абрамович НОВЫЙ НАЧАЛЬНИК	75
ПО СОСЕДСТВУ	79
ПОТЕРЯВШИЕСЯ ДЕТИ	82
Надежда Бурова ЧАСЫ	85
Дмитрий Каратеев ГОРОД, ВЕСНА, СВОБОДА	92
Дмитро Лазуткін ЗЕЛЕНА ВУЛИЦЯ	102
Ирина Карпинос КИТЕЖАНКА	111

Главный редактор:
Дмитрий Бурого

**Редакционный совет
выпуска:**
Наталья Бельченко
Сергей Главацкий
Ирина Евса
Алексей Зарахович
Марианна Кияновская
Игорь Лапинский
Владимир Пучков
Дмитрий Стус
Елена Шелкова

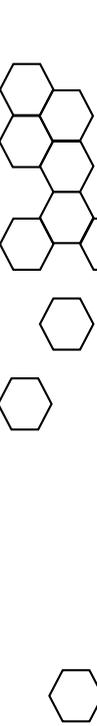
**Издательский дом
Дмитрия Бурого**

Свидетельство о внесении
в Государственный реестр
Серия ДК № 2212 от
13.06.2005 г.
тел.: (044) 227-38-28,
227-38-86;
e-mail: info@burago.com.ua
www.burago.com.ua
Адрес для переписки:
04080, г. Киев-80, а/я 41

Подписано в печать:
09.02.2017.
Формат: 70x100/16.
Гарнитура
Franklin Gothic Book.
Уч.-изд. л. 37,34.
Усл.-печ. л. 44,22.
Заказ №1589

Татьяна Аинова	
ИГРА СЛОВ	119
Вадим Жук	
ВАГОН	129
Еліна Свенцицька	
ПІД НЕБЕСНОЮ ТУГОЮ	136
Элина Свенцицкая	
ИЗ СБОРНИКА «МОИ ШЕДЕВРЫ»	144
ИЗ НОВЫХ РАССКАЗОВ	148
Сергей Шаталов	
ИЗ ЦИКЛА «НЕЗРИМОЕ»	154
ИЗ ЦИКЛА «ПРИХОДИ ВО ВСЕГДА»	158
Олексій Торхов	
ЛЮДИНА ПОЕЗІЇ	162
Антонина Медведчук	
ЛАСТОЧКА	167
Вячеслав Шаповалов	
МОИ БАБУШКИ	174
ИЗ КАТЕРИНЫ БАБКИНОЙ	185
Андрей Танцырев	
БЫВАЕТ ЯСНОГЛАЗЫЙ ДЕНЬ	187
Владимир Пучков	
НАКОНЕЦ Я РАССЛЫШАЛ	191
Аркадий Суров	
СЛОВО	198
Татьяна Бонч-Осмоловская	
СКВОЗЬ СЛОИСТОЕ СТЕКЛО	202
Татьяна Орбатова	
МИФОЛОГИЯ ТЕЛА	213
Анна Протасова	
УЛИЧНЫЙ ДИРИЖЁР	219
Андрей Грязов	
ОСЕННИЙ ЛЕС	223
Юлія Ємець-Доброносова	
ВЕРХНЯ ПОВІКА ВІЙНИ	236
Анатолий Лемыш	
Я – ЧЕЛОВЕК, ВЫПОЛЗАЮЩИЙ ИЗ РУИН	247
Елена Шелкова	
ЗАВЕДИ МЕНЯ	254
Соня Атлантова	
НАСЛЕДНИКИ ХУДОЖНИКА КОКИНА	259
Майя Димерли	
НЕ КУРИТЕ, ДЕТИ!	276
СКОРОСТЬ – НЕ ГЛАВНОЕ	277
НЕТ НИЧЕГО ВКУСНЕЕ	277
СМЕРТИ НЕТ! (НО ЕСТЬ БАРМАЛЕЙ)	278

Ирина Иванченко ТМУТАРАКАНЬ	280
Станислав Минаков МОПСОВЫЙ СКЛАДЕНЬ	286
Елена Лазарева ТЯЖЕЛЫЙ РОК	294
Александр Моцар ГРОЗА	305
Людмила Смоляр ПОДОРОЖ ДО ЕЛЛАДИ	312
Роман Скиба СУТІНКИ БОГІВ	319
Ия Кива ВОЗВРАЩАЯСЬ ДОМОЙ	324
Вячеслав Теркулов НА КОНЧИКАХ ПАЛЬЦЕВ	328
Мария Панчехина ГОРОДСКОЙ СУМАСШЕДШИЙ	336
Илья Рейдерман «ВСЛУШИВАТЬСЯ В ТО, ЧТО ШЕПЧУТ КОРНИ...»	339
Елена Раскина ХОЛМЫ НАД БУГОМ	346
КРЫМСКИЕ СТИХИ	348
Ольга Ильницкая САША ИЗ БЕЛОГО ГОРОДА	351
Саша Мальй «ФАНТОМАС РАЗБУШЕВАЛСЯ»	367
ОНА ЗДЕСЬ ЖИВЕТ	368
ПРОПИТЧИК И ПИСТОЛЕТЧИЦА	369
ЛИСТОВКА	369
ДЕНЬ ВАЛЕНТИНА	370
Юлия Петрусевичюте НЕ ПЕЙ ИЗ РЕКИ	372
Михаил Юдовский Я ЗДЕСЬ, ПОТОМУ ЧТО Я ЗДЕСЬ	378
Александр Семькин МНЕ СНИЛСЯ СНЕГ	385
Милена Макарова НОВАЯ МИФОЛОГИЯ	390
Леонид Кулаковский ЭТОТ ГОРОД	396
Елена Росовская МАШЕНЬКА	400
Александр Филин ПОД ВЕЧЕР	405

Майя Студзинская	
ИЗ ЦИКЛА «ТЕНИ И ПТИЦЫ»	407
Леся Тышковская	
МАРИ	417
ТЕРАПИЯ	420
Людмила Шарга	
ПИСЬМА ДЛИНЮЮ В ЖИЗНЬ	426
Дмитрий Аверьянов	
ЦВЕТЫ ГАСНУТ	436
Оксана Боровець	
ДЕРЕВО БУДД	439
Евген Стрілецький	
ЗЛИТТЯ (РІКА МУРАФА)	447
Евгений Пивень	
ЯСТРЕБ	450
Володимир Прилипка	
СКРИПАЛІ	453
Михаил Красиков	
БЫЛ БЫ БИСЕР, А СВИНЬИ НАЙДУТСЯ!	456
Елизавета Радванская	
МОЛИТВА БОГА К ЧЕЛОВЕКУ	459
Олег Духовный	
ОБРАТНАЯ СТОРОНА ЛУНЫ	461
Антон Полунін	
ЮНІСТЬ	465
Олег Андрос	
РАЗМИНИРОВАНИЕ	467
Андрей Костюченко	
СТРАННЫЕ ЛЮДИ ГОРОДСКОГО ТИПА	470
ПРАКТИЧЕСКИ БАХ	472
БЕЗ ТОРМОЗОВ	473

Калейдоскоп

Олег Максименко	
ЖЕЛЕЗНЫЙ КОЛОБОК	475
Диана Сушко	
ЭКЗЮПЕРИ	476
Сергей Игнатов	
СВИДЕТЕЛЬ	476
Людмила Усенко	
«НЕ ОБОЛЬЩАЙТЕСЬ ЧИСТОТОЙ ЛИСТА»	477

Наше наследие

Феликс Кривин ДРУЗЬЯ МОИ, ПРЕКРАСЕН НАШ СОЮЗ!	478
Борис Чичибабин СТИХИ	484
Валерий Куринский ПЕЧАЛЬ ЗАТЕРЯЛАСЬ В РАЗДУМЬЯХ	494
Владимир Ильин МОИ НЕСТРОГИЕ СОНЕТЫ	502

Переводы

Данило Йоканович ЭРОС НА КОЛЕНЯХ (ПЕРЕВОД С СЕРБСКОГО ЕЛЕНЫ БУЕВИЧ)	508
Сергей Главацкий КРУГИ ПО ВОДЕ (ПЕРЕВОД С УКРАИНСКОГО ЕЛИЗАВЕТЫ РАДВАНСКОЙ)	516
Глубина Митева ВЕРНУТЬСЯ (ПЕРЕВОД С БОЛГАРСКОГО ОЛЬГИ ИВАНОВОЙ)	524
Симеон Христов КАЛЕЙДОСКОП (ПЕРЕВОД С БОЛГАРСКОГО ОЛЬГИ ИВАНОВОЙ)	526
Анатолий Зеков ДЕРЕВЕНСКАЯ БАНЬКА (ПЕРЕВОД С БЕЛОРУССКОГО ОЛЬГИ ИВАНОВОЙ)	527
Михась Миранович ГДЕ БОЛЬШЕ СЧАСТЬЯ? (ПЕРЕВОД С БЕЛОРУССКОГО ОЛЬГИ ИВАНОВОЙ)	528
Тенгиз Догузов ПЕСНЬ БЕССМЕРТИЯ (ПЕРЕВОД С ОСЕТИНСКОГО ОЛЬГИ ИВАНОВОЙ)	528
Анна Агнич АРТУР (ПЕРЕКЛАД З РОСІЙСЬКОЇ НАТАЛІЇ БЕЛЬЧЕНКО)	537
СКЛЯНА ПЕЛЮСТКА (ПЕРЕКЛАД З РОСІЙСЬКОЇ НАТАЛІЇ БЕЛЬЧЕНКО)	542

Рецензии

Инна Мельницкая ДОБРОЕ УТРО, «УТРО ВЕЧЕРА»!	545
ОБ АВТОРАХ	547
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ДМИТРИЯ БУРАГО. ИЗДАНИЯ, ВЫШЕДШИЕ В 2016 ГОДУ	558

Алексей ЗАРАХОВИЧ

УРОЖАЙ

Яблоки, груши, сливы –
Я знаю, зачем вас так много
На Нижних и Верхних садах
нынче летом

Не от ловкости, жадности
Или любви
к этой земле
Садоводов

Нет,

Вы подобны камням,
Что сорока в кувшин набросала
Чтоб вытеснить воду
Поднять на глоток
До иссохшего клюва

– Вот и вы
Вытесняете воздух, плоды
...Поднимается воздух, уходит на самое небо

на самое дальнее небо

...Яблоки, груши, сливы
Крыжовник, малина –
На Верхних и Нижних садах,
Где сидят за столами счастливые люди
В тех позах,
В каких их застал
УРОЖАЙ

З КНИЖКИ «БАБИН ЯР. ГОЛОСАМИ»

Маріанна КІЯНОВСЬКА

* * *

я би вмерла на вулиці цій або тій що за рогом
та конвой не дозволить здається проси не проси
у валізі не те щоби речі збиралась в дорогу
як збираються люди в дорогу в останні часи
тільки ключ і листи фотографії брошка і гроші
ну не те щоби гроші всього лише кілька банкнот
ми бредемо по куряві літній немов по пороші
оминаючи вирви тіла і сліди нечистот
увірвалися в дім наказали все цінне узяти
я взяла теплий плед трохи хліба і трохи води
а есесівець крививсь віспаво на вбогість кімнати
що запалася раптом в ніщо як і я назавжди
а тепер я їду назавжди розумію і бачу
всю приреченість нашу крізь світла щільного ясу
я би вмерла на вулиці цій і тому я не плачу
а лишая валізу на бруці ім'я лиш несучу
я рахила

* * *

в африці акули в африці горили
ми сиділи з юрою і папір курили
він казав що виросте і піде на флот
але ось фашисти й холоди от-от
я у нього кульку попросив скляну
він на мене зиркнув і сказав ай ну
я тобі цієї кульки не віддам
бо нічого доброго не дають жидам
потім ми сварилися й билися авжеж
він щосили врізав я щосили теж
сидимо заюшені нас таки уб'ють
голову і серце заливає лють
як була облава ледве утекли
і зайти додому не було коли
юрі зараз легше юра зараз сам
а у мене вдома мама і адам
мама певно плаче а малий реве
я поранив руку скоро заживе
близько чути постріли потім кілька черг
юра перекинувся дивиться уверх
а у мене рана десь не знаю де
кров тече по майці вдома мама жде

* * *

годувала слиною кота ще не можу щоб кров'ю
йшла лишила відчинені двері щоб вижив щоб втік
заподіяно місту і світу життю і здоров'ю
непоправної шкоди неначе на білому сік
чорних ягід незмивні ці дні ці роки з місяцями
попередня війна хоч страшна була та не така
щось у небі та пеклі либонь помінялось місцями
працювала хірургом мені не здригалась рука
а тепер я не сплю чую постріли крики із ночі
і якісь голоси з-за стіни що насправді глуха
марк пішов на війну я йому подивилася в очі:
я безрукий утиль він сказав не доводь до гріха
ці облави це спосіб померти принаймні для мене
дуже шкода усіх цих людей але в енкаведе
поламали мою праву руку і душу а клени
бездоганно багрянні у нас під вікном як ніде
кажуть всіх поженуть в бабин яр а оскільки я ліза
то полізу вперед гарне місце придумали яр
люди наче здуріли пожитки несуть у валізах
смерть це пупсики дар многоцінний я вірю що дар

* * *

я виживу і стану просто татом
таким як мій або як тато раї
у мене буде пряників багато
я буду татом тато не вмирає
у мене будуть діти я і йоня
і буде два чи три автомобілі
і буде шрам великий на долоні
і голубник і навіть миші білі
і буде мама ніжна і ласкава
із ніжними і теплими руками
я виживу бо я не маю права
померти тут в цій ямі сам без мами

* * *

за цю війну я навіть аж підріс
ходив у другий клас тепер я був би
в четвертому боить розбитий ніс
ударив толік я про це й забув би

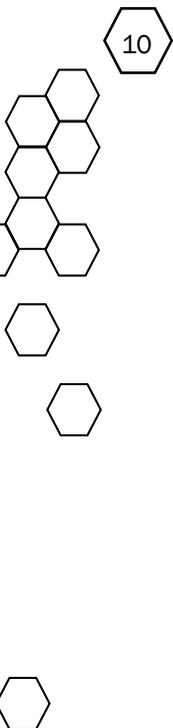
якби не те що ми із ним удвох
вцілили чудом із цілого класу
я заховався за чортополох
він ніч сидів на дереві щоразу
зригався і боявся що впаде
від страху весь спітнів казав до нитки
він думав хтось лишився та ніде
нікого але в їхньої сусідки
знайшовся кусник хліба на столі
він дав його мені казав не хоче
бо всіх убили всі лежать в землі
у бабинім яру земля хлюпоче
казав від крові там живих катма
вбивати німців в нього є граната
вже третій день ніде його нема
дивлюсь на жовті стрілки циферблата
годинник дідів і давно не йде
я скоро вмру як він бо час не жде
була облава наших всіх взяли
й мене візьмуть не знаю ще коли

* * *

забути чи все ж таки ні в ці хвилини останні
боротись за пам'ять чи ні хай згасає хай никне
я ніби завис на годину в своєму вмиранні
я весь перетворююся в дещо по суті незникне
я був намагався збагнути навіщо жорстокість
безглузда з ударами в спину ці жертви рови ці
страшна безконечна поганьблена зла самотність
обличчя у наших конвойних не те щоби ниці
скоріше пропиті вони щоби легше вбивати
вливають у себе крім спирту безпам'ятство люте
я думаю жертві простіше мабуть забувати
і жертві простіше в кінці позбуватись отрути
я жертва ми всі в цій колоні однакові в муці
і в кожного досвіди муки і смутки як ріки
у лейбеле маму убили він хоче на руці
уб'ють і мене тож його пригортаю навіки

* * *

у кімнаті була висіла
у кімнаті була висіла
у кімнаті була висіла
біла сукня весільна

я у шафу її сховала
я у шафу її сховала
я у шафу її сховала
бо давида убили
айнзацгрупа зондеркоманда
айнзацгрупа зондеркоманда
айнзацгрупа зондеркоманда
поліцаї есес розстрільна
ми з давидом були щасливі
ми з давидом були щасливі
ми з давидом були щасливі
ми з давидом любили
мама вранці його прибігла
мама вранці його прибігла
мама вранці його прибігла
запитала чи знаю
я не знала всю ніч не спала
я не знала всю ніч не спала
я не знала всю ніч не спала
чула постріли з яру
я не маю вже каже сина
я не маю вже каже сина
я не маю вже каже сина
а тебе проклинаю
ти живеш а його не стало
ти живеш а його не стало
ти живеш а його не стало
май це вірко за кару
я за кару це мамо маю
от: стою і співаю
щоб не чути пострілів з яру
і потрошки вмираю

* * *

я вже навіть не знаю чи й плакати тут і тепер
увійду в перетворення це ніби лезом у зела
запах поту сечі і присохлої крові я здер
струп із рани сукровиця жовта а пісня весела
пташка поруч щебече насправді звичайно що ні
зараз вересень всі відлетіли за море у вирій
нас ведуть попри мур поступово здається мені
що на розстріл у яр у гестапівця усмішці щирій
щось від вищирю зуби біліють арійські білки
кожне з яблук очних ідеальне і вилиці й скроні

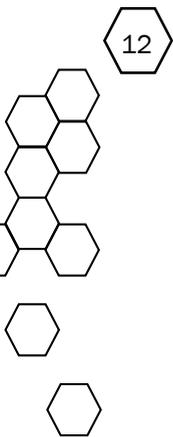
я колись на таке не зважав а оце навпаки
я зважаю на все ось на сірій стіні на осонні
притулився метелик і вірю що бачить мене
цей метелик мій свідок хоч сам він помре незабаром
так іскриться повітря так листячко вітер жене
так конвойного крик переламує тишу над яром
що приходить гулке усвідомлення смерті нема
нас ведуть крізь веселку й росу в різнотрав'ї густому
рімма каже що всюди лиш біль нагота і п'їтьма
але потім є світло безмежне і радість в усьому

* * *

тільки мама моя неходяча просила втікай
сам аркашо втікай не дивися на мене каліку
я ж без неї не міг утекти ще не край ще не край
думав я ще не край відчуваючи тугу велику
як не стало її все її я дбайливо зберіг
не продав і не виміняв навіть на хліб навіть вчора
а годину тому ледве встиг завернути за ріг
як обставили вулицю знову облава майора
я вже бачив на кірова був при параді в кашне
а сьогодні він вистрелив в мене поранив мене
то нічого однаково я вже халяви варив
ми із данею приноровились варити халяви
даня учень шевця з хорєвої ой бідний хорив
бідний київ і бідні ми всі що руде що біляве
бідний кожен хто втратив надію конвойний тепер
нас веде чотирьох але дивиться тільки на розу
і мугиче німецькою сказку із билью я вмер
або майже умер я в це вірю йдучи по узвозу
але все ж таки думаю отже існую не вбитий
вже урочище там десь розстрілюють хочу любити

* * *

дуже горло боліло сьогодні і ніби на зло
всю дорогу хотілось волати кричати а зранку
падав дощ ми топтали багнюку тож важко було
і на фрунзе й на мельника хтось відхиливши фіранку
тільки глянув і зникнув а ми все брели і брели
швець адам нарікаючи алік безтямно і кволо
на недужих деревах великі кущі омели
загарчав кулемет жінка зойкнула боже миколо

той микола напевно юдей я вважаю юдей
тут юдеї усі в цій на три кілометри колоні
навіть яник потоцький який сторонився людей
всіх із нашого дому з козою сидів на балконі
і носив їй у кепці траву навіть плакав була
говорив до війни ще про бомби і про парашути
ми сміялися з нього а зараз у нього брова
перебита і кров зі слиною скотилась на груди
я б йому допоміг та не можу він зараз впаде
хай хоч так а не в ямі в яру серед тисяч ніде
я і сам би упав якби міг якби міг якби міг
хай би вбили мене або хоч збили з ніг збили з ніг збили з ніг

* * *

танцювала здається колись у балеті здається
зараз тіло неначе чуже важко дихати йти
автоматник стоїть на узбіччі стоїть і сміється
я ще думала вранці що треба кофтину вдягти
ту привезену з кантиком білим бо вже прохолода
дуже гарна була і улюблена ще до війни
даніель мій казав що мені на усе недогода
але зараз інакше усе бабин яр довкруги бур'яни
коло мене ідуть різні люди і дуже багато
на руках у жінок немовлята скрізь діти й старі
а сусідка хавіва вдяглась як на справдішне свято
навіть туфлі святкові узула і бог угорі
бачить сльози хавівині й ноги об камені стерті
аж до крові у танці під дулом підшви ж тонкі
залишилося кілька хвилин до останньої смерті
бо усі попередні вмирання були не такі

* * *

про нас не напишуть ми ті хто ніхто ми невтеклі
самі поприходили встали при брамі цегельні
а ті поліцаї і німці горітимуть в пеклі
бо крики і шепіт і стогін тут справді пекельні
про нас не напишуть нічого і навіть доносів
наприклад про мене сусідка моя по квартири
стою коло неї я взута хоч декотрі босі
вона комсомолка і часто стріляла у тирі
одначе лишилася в києві мама з інфарктом
рука здійнялася полегшити муки та пізно

ми з нею так близько ця відстань між фатумом й фартом
насправді смішна німець дивиться тоскно та грізно
тому що у мене з собою в пакунку нотатки
багато паперу не золото навіть не шуба
на хутра він дивиться тепло на інші манатки
з байдужістю вбивці йому усміхається люба
вона серед нас в неї мама була колись лея
на них хтось доніс ці доноси немов похоронки
вона спакувала все цінне стоїть тепер в шлеях
достоту як кінь сяють золотом жовті коронки
я хочу молитися спати і зернятко кави
або навпаки хочу зернятко кави і спати
про нас не напишуть історію це не цікаве
рови вже готові хоч може накажуть копати

* * *

ми були тут палили вогнище найчастіше Льоня і Яків
Льоня тут коло мене майже в нього чорна щербинка в зубі
а коли уже догорало він казав – серцевини маків
і дивиться – якісь обличчя й поруч інші – червоногубі
зараз тут всі роти з землею хтось ковтав намагавсь кричати
та не вийшло кричати що ви в тісноті тріскотливій спертій
всі вмирали за себе кожен а мені захотілось спати
а тоді захотілось жити й реготати чомусь до смерті
кулеметні далекі черги ми уже не ходили в школу
мама навіть мене просила не виходити в двір хоч літо
але я утікав із дому аж до ночі блукав по колу
і зі мною блукали іноді Агранатів молодші діти
Рутка вічно хотіла їсти задивлялась на вікна темні
і постійно повітря нюхала вконтентується її просили
а вона все ніяк облава почалась ми в ходи таємні
а вони навздогін із псами Йоська крикнув: біжіть щосили
я побіг і побіг дворами врятувався тоді на диво
Йоська й Рутку знайшли уранці їх таки наздогнали кулі
я дивився на них не плакав та на серці було жахливо
назлітались зелені мухи тітка Циля й новоприбулі
теж лежали рядком тихенько і мовчали як лиш уміли
я ж назавтра попав в облаву в Бабин Яр повезли у спеку
дядько поруч стогнав і марив ніби небо зробилось біле
я поглянув – звичайне синє жінка поруч була далеко
нас усіх розстріляють зараз на щоках палахтять рум'янци
Льоня тут коло мене майже в нього верхня губа розбита
в мене там голуби зачинені хто ж їх випустить рано-вранці
це ж вони там усі погинуть в голуб'ятні й без крихти жита

* * *

вірш яким кричу тому що можу
тільки це робити тільки це
вірш який роботу робить Божу
а тоді роздряпує лице
зведене судомою до кості
вірш приймаю з болям як удар
вірш ненатлий вірш у високості
йду з ним як рахиля в бабин яр
сине туги вірше беньяміне
сам у полі воїн сам же й рать
в кублах сліз отруйне кровоспинне
але букви стигмами горять

СПАСЕНИЕ*Александр КАБАНОВ**** * ***

Вот была бы у меня фамилия – Соединенных,
Александр Михайлович Соединенных,
это лучше, чем Александр Михайлович Зловонных,
но, похуже, чем Мамин-Сибиряк-Влюбленных.

Вот вам пару образов, пару сравнений, парус метафор,
чтобы вы считали это дерьмо – стихами:
злые кубики камфоры, корень в квадрате амфор,
геи рождаются с первыми петухами.

Пусть отныне кличут меня Александр Кабанов,
а когда-то я был собран в одном букете:
соединенных цветов: Нагасак Хиросимович Икебанов,
лишь святая Мария звала меня – Ебукентий.

*** * ***

Комиссары нюхали кокаин,
отвыкая от солонины,
больше в мире не было украин,
потому, что кончились украины.

День мерцал фонариком на корме,
отплывая в залив Бискайя,
я тогда сидел третий год в тюрьме –
на поруки бороду отпуская.

Говорят, что завтра придет весна,
и, опухнувшая от пьяни –
на майдан подтянется матросня,
а за ней – приползут крестьяне.

Затекая в рифму – прольется кровь,
и туда ей теперь дорога,
что такое, братец, твоя любовь –
это зрада и перемога.

Треугольный народ соберут в кружок
бородай, парубий, ефремов:
желтоватый, гибельный порошок –
раздавая из пыльных шлемов.

* * *

Деревья в очередь на жильё
стоят, раскручены, как улитки,
снег предлагает термобелье,
не замечая сосулёк скидки.

Ну что же ты, лежишь, как бревно,
овальное на квадратных метрах,
в кровати с видом на Люблино,
одна в одних полосатых гетрах.

Подстать японским городовым,
подобно Сухову-Гюльчатаю:
по черным кольцам, по годовым
и обручальным тебя читаю.

РАНЕНИЕ

Обними меня – обескрыль,
перейди на молчание о высококом:
роза – цвета кетчупа-гриль,
волонтер с гранатовым соком.

Кто-то мне подмешал в судьбу
клофелин причастия, на удачу,
я такие фильмы видал в гробу,
белый свет – копеечка, дай мне сдачу.

Дай мне снег, просеянный сквозь зурну,
тот, что в праздник поет, не тая:
богомол съедает свою жену –
потому, что она – святая.

КОШЕР

Время – это огнемёт и водомёт
над гнездом воронки,
рана – рано или поздно заживет
на своей сторонке.

Сгинут наши и не наши вороги,
феникс – многоразовая птаха,
одноногий встал не с той ноги
в эпицентре праха.

Сгинут гаджеты и книги до зари,
сгинут лайки, теги,
мы тогда с тобою встретимся, Мари –
в газовом ковчеге.

Обесмыслен доктор в колбасе,
сплавились медали,
сгинут все и даже слово «все»,
чтоб не начинали.

Будет пахнуть кашемиром пустота,
белый свет – торшером,
самым первым – я придумую – кота,
назову Кошером.

* * *

За окном троллейбуса темно,
так темно, что повторяешь снова:
за окном троллейбуса окно
черного автобуса ночного.

Как живешь, душа моя, Низги,
до сих пор тебе не надоело:
мужу компостировать мозги,
солидоллом смазывая тело.

Правый поворот, районный суд,
караоке на костях и танцы,
то сосну, то елочку снесут
в зимний лес коварные веганцы.

Так темно, что не видать снега,
ветер гонит угольную пену,
я – троллейбус, у меня рога:
родина, спасибо за измену.

* * *

За то, что снег предпочитает быть
подделкою, упрятавшей вериги,
и я, как школьник, должен полюбить
всю эту белизну, все эти книги,

мороз в чернилах, зубчик чеснока,
турецкий чай с ворованной малиной,
и Пастернака, и Пастернака,
и ямщика с его дорогой длинной.

Укутавшись в шанхайский пуховик,
я обречен ходить на эти встречи,
где, обожженный высунув язык,
посольский зад вылизывают свечи.

Как пахнет ель, убитая вчера,
ночная водка с привкусом рефрена,
о, как зима бессмысленно добра,
снег падает, зачем, какого хрена?

Когда мне снятся пальмы и песок,
вакханка, утомленная загаром,
скажи: по ком торчит ее сосок,
так гениально, так, мой друг, недаром.

* * *

Я споткнулся о тело твое и упал в дождевую
лужу с мертвой водой, но еще почему-то живу,
дай мне девичью память – крестильные гвозди забыть,
ты спасаешь весь мир, для того, чтоб меня погубить.

Я споткнулся о тело твое – через ручку и ножку,
в Гефсиманском саду, где шашлык догорал под гармошку,
дай ворованный воздух – в рихонские трубы трубить:
ты спасаешь весь мир, для того, чтоб меня разлюбить.

Сколько праведных тел у судьбы – для войны и соблазна,
сосчитать невозможно, и каждая цифра – заразна,
дай мне эхо свое, чтоб вернуться, на зов окликаюсь,
или минное поле – гулять, о тебя спотыкаясь.

* * *

Если б было у меня много денег,
чтоб сходить с тобой с ума понарошку,
я бы выбросил в окно старый веник,
целовал бы я кота на дорожку.

Словно конник, оседлав подоконник,
я сидел бы и смотрел в подстаканник,
выбирал бы: или джин, или тоник,
а на закуску: лишь чак-чак да паланик.

Собирал бы я каменья пращою,
будто ангелов чертовски опавших,
я кричал бы из окна: всех прощаю,
от моей большой любви пострадавших.

Если б, если б – помечтать – не работа,
позвонил бы, но лишен подзарядки,
старый веник, если встретишь кого-то,
передай, что я в порядке, в порядке.

СПАСЕНИЕ

Пассажиры выходили из самолета:
у мужчин в подмышках – черные розы пота,
а у женщин на джинсах и платьях, в области паха –
подсыхали лилии ужаса и хризантемы страха.

В разноцветной блевотине, по надувному трапу –
заскользили они, вспоминая маму и папу,
отводя глаза друг от друга, и все таки, от стыда
всех очистили сперма, бурбон, табак и вода.

Как прекрасны они: инженеры, айтишники, домохозяйки,
ветераны АТО, секретарши и прочие зайки,
лишь один среди них – подлец, хирург-костоправ,
он сидит в слезах, на траве, у самой взлетной лужайки,
бормоча: «Сексом смерть поправ, сексом смерть поправ...»

* * *

Человек засиделся в гостях,
среди немых, среди глухих и незрячих,
человек – это храм на костях:
осетровых, свиных, индюшачих.

Это злое тамбовское бро –
подставлять беззащитный затылок,
и душа у него – серебро
из украденных ложек и вилок.

Но, когда он проснется вчера,
саблезубую память раззявив,
посреди доброты и добра,
в окружении мертвых хозяев.

* * *

Бегут в Европу черные ходоки,
плывут в Европу черные ходоки,
а их встречают белые мудаки –
свиных колбасок мерзкие едоки.

Вокзал вонзит неоновые клыки –
и потекут из яремной вены:
вода, одежда, памперсы, сухпайки,
цветы и средства для гигиены.

У белых женщин бедра, как верстаки,
у белых женщин слабые мужики,
но всё исправят черные ходоки,
спасут Европу черные ходоки.

В Берлине снег, внизу продается скотч,
сосед за стенкой меня не слышит:
зачем он пьет по-черному третью ночь,
а может быть, он набело что-то пишет.

К примеру: «...больше нет ничего,
остался дом и дряхлое, злое тело,
и только смерть ползет змеей для того,
чтоб жизнь моя над высоким огнем летела...»

МЕЖДУ*Ирина ЕВСА**** * ***

Наверно, в этом был какой-то смысл.
«Чур, я – Атос!» « Нет, чур, ты – Арамис,
он – д' Артаньян». Портос всегда в
остатке,
поскольку толстый. В клетчатой тетрадке
четыре капли клятвы запеклись.

«Один за всех, и все за одного!»
Оглянешься, а рядом никого.
Четвертый спал, когда рванули трое.
Одни литературные герои
вокруг: не хватит жизни перечесать.

И в этом тоже смысл какой-то есть.

*** * ***

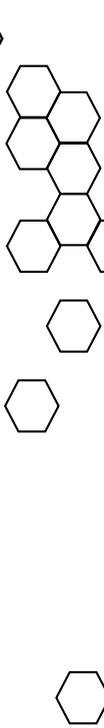
В общем, спрашивать не с кого –
разгребать доведется самой.
Жизнь спиной Достоевского
в подворотне мелькнула сквозной.

И застряла в бомжатнике,
где, надежду послав далеко,
сепараты и ватники
забивают «козла» под пиво.

Темень хрусткую комкая,
намывая сугроб на углу,
крупка сыплется колкая.
Примерзают костяшки к столу.

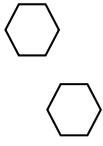
Митрич, Шурка безбашенный,
что к сеструхе забрел на постой,
Ленька с мордой расквашенной,
Витька Череп из двадцать шестой.

Не стерпев безобразия
и шального боясь топора,
полукровка Евразия
отрыгнула их в зону двора.

Им, с ухмылками аццкими
прочесавшим Афган и Чечню,
черно-белыми цацками
в этот раз не позволят – вничью.

И – сквозь драное кружевце
лип заснеженных – стол дармовой
продирается, кружится,
ввысь четверку влача по кривой.

То сбивает впритирочку,
то мотает попарно в пурге.
И у каждого бирочку
треплет ветер на левой ноге.

* * *

Если страх, – какого тебе врача?
Это снега тающие пласты,
с крыш на землю валяются, грохоча,
а совсем не то, что подумал ты.

Был сметлив, как рысь, и здоров, как лось.
Нахлебался бед, но не лег под них.
Все чего боялся, уже сбылось:
ты за каждый вдох получил под дых.

А теперь трясешься, держа в уме,
что молчать – безбожно, кричать – нельзя.
И когда шутихи трещат во тьме,
ты мычишь, к несущей стене ползя,

что пришел обещанный тохтамыш
разнести хибару, где ты живешь,
в щель забившись, как полевая мышь,
или в складку, как платяная вошь.

* * *

Сосны темным полукругом. Снег. Звезда в семнадцать ватт.
Ослик вздрагивает, руган. Ослик вечно виноват.
Не избежать колотушек. Соль в ресницах. Боль в заду.
Но не он, слетев с катушек, прикрутил в ночи звезду.

Нет, не он в дурную среду проложил следов курсив,
чтоб сарай спалить соседу, провода перекусив.
И не он, почуяв запах крови, пороха, бухла,
в бойню вверг восток и запад приграничного села.
Но ушастому не внове подставлять бока, и на
хоровое: кто виновен? – отвечать: иа, иа,
под ночным топча обстрелом глины мерзлую халву,
видя мир большим и белым сквозь пробоину в хлеву.

ПОЭТ

Ну, брюзглив, брюзглив. И, как ни крути, – не в теме.
Старость мыслит смутно, а изрекает веско.
Подписал не то, не ту похвалил, не с теми
вдруг побил горшки, вломил не тому словесно.
Словно мир не резок, сбились настройки: в луже
мнится небо, тело шага страшится, вдоха.
И ему советчик – всяк проходимец: ну же,
отведи туда, где сухо и нет подвоха.

Но, гляди: в стихах по-прежнему держит спину
и лицо, лицо! Не трусит, не бережется.
И слоисто слово, и не подвластен сплину
дух, деталь живая жостовским жаром жжется.
И, каким бы ни был, к Богу он точно ближе,
чем любой из тех, кто злей, голодней, моложе.
Хорошо, не спорю: рифмы теперь поживе.
Ну, так он и прежде этим грешил. И что же?

* * *

Пятые сутки баржу болтает в море.
Умный дурак мне пишет, что всем кранты.
На берегу коты застывают в ссоре,
прямоугольно выгнув свои хвосты.

Спорить не стану: шар наш – ковчег без трапа.
Правда, коты считают, что выход есть.
Черный – за Клинтон, рыжий (верняк!) – за Трампа.
Морда в бугристых шрамах и дыбом шерсть.

Дует восток, ломая зонты на пляже,
круг надувной катя по волне ребром.
Фуры вдоль трассы. И никакой продажи
у торгашей, пока не пойдет паром.

Жалко водил, заснувших на жесткой травке.
Мелкого жаль, что, круг упустив, гундит;
жалко народ, что ринулся делать ставки
на кошаков...Мне пофиг, кто победит

там или здесь – под этой, летящей криво
гиблой волной, сводящей запал к нулю.
Сидя на парапете с бутылкой пива
и сигаретой winston, я всех люблю.

* * *

Видно, здорово напился, убаюкивая дух,
коль не хипстера на пирсе видишь ты, а сразу двух.
Это прям какой-то Пратчетт. Клацнув дверцами тойот,
глупый хипстер робко прячет, умный – смело достает,
чтоб, торча в чужой палатке с гордой надписью «Надым»,
ты ловил ноздрями сладкий электронной цацки дым.
Не впервой курить вприглядку бездоходному тебе,
на челе сгоняя в складку мысль о классовой борьбе.
Не впервой слезой давиться пересекшему Сиваш.
Все плывет, и все двоится: крымненаш и крымневаш.
И маячат беспартейно – между миром и войной –
цвета местного портвейна два светила над волной.
Ты и сам давно раздвоен: у тебя внутри мятеж,
перестрелка, смута, зрада, разоренная страна,
где один – Аника-воин, а другой – А ну-ка врежь,
и обоим вам не надо ни победы, ни хрена.
Потому что в этом гуле, продолжающем расти,
ты боишься, но не пули – страшно резкость навести
на окрестность, где отсрочка от войны лишает прав,
и никчемный одиночка видит, голову задрал,
как меж бездною и бездной, рассекая темноту,
хипстер движется небесный с огнеметом на борту.

* * *

В туче искрит золотой пирит, влага ползет с гор.
Он говорит, она говорит, все говорят – хор.
И всяк хорист на своей волне: тенор, басы, фальцет –
любых октав и гармоний вне. Но там, где она – центр.
Один вину воздаст хвалу, другой – про войну-войну.
Но среди тех, кто прирос к столу, он слышит ее одну.
Что ему до смысла ее речей? – звук подчинил слова.
Она говорит, как журчит ручей, как шелестит листва.

Что ей до прочных его опор, нравственной правоты? –
она не видит его в упор, с другим перейдя на «ты».
И он, от ярости ошалев, – ни выдохнуть, ни сглотнуть –
гудит, как шмель и рычит, как лев, к ней пробивая путь
ревностью звука, нахрапом дна, ведая, что творит.
Его не слышит она одна. Неважно, он повторит.

* * *

Говорит приемыш, пасынок, лишний рот:
«Ладно, я – урод, нахлебник, дурное семя,
но сарай твой скреб и вскапывал огород,
а когда повальный, помнишь, был недород,
я баланду хлебал со всеми.

Я слепым щеглом в твои залетал силки,
на твоем крючке висел лупоглазым карпом.
А когда по ребрам били твои сынки,
я в ментовку на них не капал.

Кто тебя тащил, когда ты была пьяна,
избавлял от вшей, от пуль заслонял спиною?
Что же ты меня выталкиваешь, страна,
и отхаркиваешься мною?»

А она в ответ: «Ты воду, манкурт, вари
из другой страны, что, пасынкам потакая,
согласится слушать все эти: «твой», «твои»,
не кривясь брезгливо. Что ты застыл? Вали,
если есть на земле такая».

ШЕСТВИЕ

Если тебе велят – влево, а ты направо
топаешь в аккурат, –
не сомневайся, брат, это еще не слава
и не свобода, брат.

Правду ори свою рэпом или былинным
слогом, но посмотри:
ты все равно в строю, непоправимо длинном,
ровного рва внутри.

Вот и гадай, как лох: пафос, а может, лепет?
Прятаться или сметь?

Гиппиус или Блок? Быков или Прилепин?
Родина или смерть?

Вверить спешат толпу ратники и сиротки –
всяк своему божку.
Хуже всего тому, кто семенит в середке,
в плечи втянув башку.

С кем ты, – спеша, скользя? – мне за тебя тревожно.
В тот ли вписался ряд?
Притормозить нельзя. Выбраться невозможно.
Разве что – в небо, брат.

ПОЕЗД

И, вертясь, трясет нечесаной головой,
и сопит, с часами блеклый пейзаж сверяя.
Наш состав по водам движется, как живой.
Хлороформом пахнет наволочка сырая.

Всех достал, трещотка (вот уж не повезло!):
мол, стекло в подтеках, чай не разносят утром;
чем лечить подагру; кто изобрел весло,
москалям сейчас вольготнее или украм.

Выясняет нудно: вторник или среда?
То ли он, хлебнув, куражится, то ли бредит.
А еще все время спрашивает: куда
этот поезд едет?

Но уже глупца назначил своим врагом
с верхней полки дядька. И настучал на «гада».
– Вы его куда – с вещами? – В другой вагон.
Проводник суров: «Постель не бери. Не надо».

Тут законы круты: если чужак – свали.
В коридоре – пусто. Шторки раздвинешь – голо.
Но все глубже, глубже – в сумрачные слои –
проникает поезд из одного вагона,

заливая светом логово темноты,
где цветут, кренясь, медуз голубые маки,
где, со дна поднявшись, ляхи и гайдамаки
подплывают к нам, как рыбы, разинув рты.

ГЛАВНОЕ – МУЗЫКА*Татьяна ВОЛЬТСКАЯ*

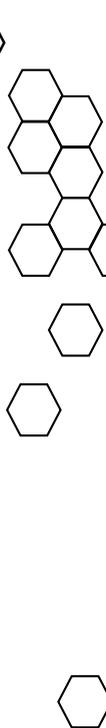
* * *

Перед тем как отправиться в дальний путь,
Положи-ка голову мне на грудь,
Подожди минуты две или три,
А о том, что услышишь, не говори –
Ни о том, как сердце мое стучит,
Ни о том, как об пол звенят ключи,
Ни о снеге, летящем быстрее стрижа,
Ни о том, как губы мои дрожат,
Не смотри на замерзшие катера,
Не шепчи беззвучно: пора, пора –
Ведь за это время и жизнь пройдет
С легким шорохом, будто бы невский лед,
Проплывающий медленно под мостом
Из реки в залив, из сейчас в потом.

* * *

Нет конной гвардии, но есть Конногвардейский
Бульвар: скамейки, сонное семейство
С коляской и собакой. Не надейся,
Не повстречается драгун или улан,
Но снег неспешный продолжает действие –
Он начал падать не сейчас – лет двести,
Или вчера, когда мы были вместе,
А нынче – буквы на бумажной дести,
Разорванной неровно пополам,

Без даты – и без подписи подавно,
И только снег торжественно и плавно
Шеренгами вступает на бульвар,
Как белые драгуны и уланы,
Плывет в зазор меж нашими телами,
Меж нашими сердцами – прямо, прямо,
И липы над бесшумными конями –
Из розовых ноздрей ветвистый пар.

* * *

То ли выпить водки, то ли не пить,
То ли выпить, то ли уснуть.
Отливает кровь от гранитных плит,
Подо льдом замирает ртуть.

Полицейскому УАЗику лень шнырять,
Охраняя покой семей,
Обвивается вьюга вокруг фонаря,
Как вокруг райского древа – змей.

В серебристых кольцах – парадняки
И припудренные сады,
У подъездов запертых – огоньки,
На поземке – твои следы.

Я стараюсь попасть, но иду не в лад,
И встает меж тобой и мной
Императорской площади циферблат
С тяжелой стрелкою часовой.

Этот город живет по законам сна,
И когда я среди живых
Окликаю тебя – предо мной стена,
Иероглифы чертит вихрь.

Не пойму, к чужому припав плечу, –
То ли тот, то ли этот свет,
Но когда среди мертвых тебя ищу –
То и там тебя тоже нет.

* * *

Спит Нева в гробу хрустальном,
Небеса над ней пусты.
Пересыпанные тальком,
Спят воздушные сады,

Спят двугорбые сугробы,
И с лопатюю таджик,
На окне пучок укропа
Засыпающий лежит.

Спит бездомный на вокзале
На заплеванном полу,
И с открытыми глазами
Спит прохожий на углу.

Спит Исакий – будто сани
Перевернутые – сквозь
Вьюги рваное вязанье,
Ветра сломанную трость.

Спит пустой почтовый ящик,
Спит собачья – дыбом – шерсть.
Есть ли кто-то настоящий?
Кто-то бодрствующий – есть?

Средь боков дворцовых желтых
И покатых белых спин
Только мы с тобой, дружок мой,
Целый год уже не спим.

* * *

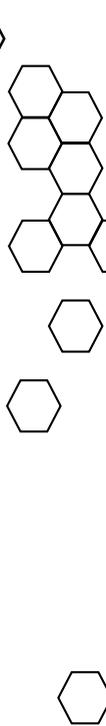
Не много осталось одежды сносить,
Стоптать башмаков,
Смотреть, как земля одевается в сныть
И болиголов.

Не много осталось от ветра грустить,
От солнца шалеть.
Осталось жалеть и осталось любить,
Любить и жалеть

Мужчину, дитя, воробьиною прыть,
Рябинную медь –
Недолго, но все же осталось любить,
Но больше – жалеть.

* * *

Главное – музыка, музыка,
Листьев ночной разговор,
Солнцем залитая узкая
Улица: русский пробор.

Девочка семечки лузгает,
Платьем коленки прикрыв,
Курят вспотевшие грузчики
В арке. Меняя мотив,

Где-то копыта процокали,
Ветка взмахнула, как флаг:
Музыка около, около,
Да не ухватишь никак.

Может, догонишь на идише,
Может, на мове – куда! –
Слишком уж вольная, видишь ли, –
Как дождевая вода.

Позднего путника выберет
В сквере – любого из нас,
Хлынет без спросу за шиворот,
Из-под рубашки. Из глаз.

* * *

Все кажется, жив, а не умер,
Все кажется, ходишь, не спишь –
То буквы читаешь на ГУМе,
То слушаешь под полом мышь.

И сколько же дел неотвязных
Тебя осаждает с утра
И писем – из Праги, из Вязьмы,
Из града святого Петра –

Как будто невидимый кратер
Гудит – дорожает бензин,
Из гроба встает император,
Соседка бежит в магазин,

И сам с непонятною ношей
Несешься вдоль елок и шпал.
А влюбишься – сразу проснешься
И вскрикнешь: «Как долго я спал!»

* * *

Запах дегтярного мыла от чистых волос –
Осени запах, листвы умирающей, первых
Льдинок и птичьих едва различимых полос,
В небе натянутых, словно звенящие нервы.

Вкус одиночества, солоноватый, как кровь:
Ранку лизнув, не пуская рябинную каплю
Дальше запястья, почувствуешь – скоро Покров,
Твердь затвердела вверху, а дорога размякла.

Инеем всю обметало траву поутру,
Воздух – бутылка из погреба – льется густая
Брага, и лист, как тифозный, в холодном жару
Мечется и, отстрадав, как душа, отлетает.

Ты не привыкнешь – не бойся – ко мне никогда, –
Запах дегтярный, листвы замирающий лепет –
Даже когда под мостом онемееет вода,
Луг полинялый оглохнет, и небо ослепнет.

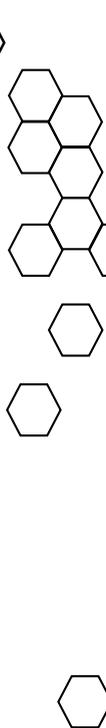
Ты не привыкнешь ко мне – и на все голоса
Ветер завоет, как пьяный от водки паленой,
Глянут леса, потемневшие, как образа,
Прямо в глаза – с укоризной – со стенки беленой.

* * *

Я вымыла окна – и город на шаг отступил,
И робкое небо, неловкое, как деревенский
Нечаянный родственник, пряча под мышкою шпиль
Соседней церквушки, присело на краешек венский.

Мочало, как будто не зная, о чем говорить,
По комнате взглядом блуждало, на книжную полку
С почтением косилось. – Пора уже чай заварить –
Нелепая мысль промелькнула, но небо недолго

Сидело на стуле – а вдруг поднялось и ушло,
Всем видом прощенья прося за неумную шалость.
И пестрые книжки померкли, и только стекло
Внезапно метнулось за ним, обняло и прижалось.

* * *

Чтобы голос продолжался,
Не срывался в пустоту,
Чтобы в нем звенела жалость
К пожелтевшему листу,

К тесной тропке муравейной,
К бедной радости земной,
К уходящему мгновенью –
Ты побудь еще со мной,

Посиди еще на бровке,
На хвоинке, на строке,
На ступеньке, сжав неловко
Руку в дрогнувшей руке.

* * *

Дается человеку человек,
Чтоб голос на ветру не расточался,
А тек в ушную раковину. Свет
Из облака течет в преддверье часа,

Когда на Арарат ступает Ной,
И скачет царь Давид перед ковчегом.
Пространство разговаривает мной
С самим собой, со звездами и с веком.

Но темный и печальный разговор
От облаков отскакивает глухо,
А как шепчу тебе любовный вздор –
Так сам Господь мне подставляет ухо.

* * *

А чего ты хотела – чтоб тебя называли святой,
Чтоб с тебя алфавит начинался – с заглавной, витой,
Под незримой фатой, чтоб внимали тебе, не корбясь, –
Нет, ты будешь беззвучным кружком, упраздненной фитой
С пояском архаичным. Завозится, как понятой,
Сквознячок у порога, и с треском захлопнется пропись.

Потрясая рассудок, как трубами Иерихон,
Кто с тобою грешит – тот тебя попрекает грехом,
Хорошо, не грешком. Но и это не новость.
А чего ты хотела бы – в стайке порядочных жен
Щебетать о высоком? Но кто прокажен,
Тот сидит в темноте, по инерции яростно моясь –

Не отмоешься. Чистый узнает тебя за версту
И однажды невольно прошепчет: «Ату!» –
Не желая тебя уязвить. И, колеблема ветром,
Повернешься спиной и спокойно пойдешь по листу
Пожелтевшего снега, от холода сжавшись в фиту,
Поясок затянув – а хотелось бы фертом!

С благодарностью глянешь на зиму и скажешь: «Сестра!»
То-то койка ее жестковата, да память остра,
И следы по газону петляют, как длинная фраза,
Ты пред ней не виновна, ты ей ничего не должна,
Вы действительно сестры – вот только настанет весна,
И с нее соскользнет ноздреватого снега проказа,

А с тебя не сотрутся ни глупость твоя, ни грехи.
Раздувает пространство сырые мехи,
Попляши – выдыхает – а то на фига же ты пела?
А и правда, сплясать остается – лебедушкой плыть,
Вся-то прыть – от мороза, объятья сестрицы – теплы,
Ну, а свечку держать над тобой – не ее это дело.

Так приплясывай шибче на льдинках, как на угольках,
Тростниковую дудку сжимая в остывших руках,
Ни Москва твоих слез не увидит, ни Питер, не бойся.
Огонек твой не в зале затеплен и не в алтаре –
Головешкой болотной блуждает в квадратном дворе,
На взметнувшейся тусклыми волнами лестнице скользкой.

Попляши, попляши, да сама же себе подыграй,
Под глазами мешки, и полы не домыты с утра,
Мельче, мельче ступая с ужимками загнанной клячи,
Так допляшешь, зубами стуча, до Господня Суда
И услышишь: «Ну, здравствуй, Фита!» – и тогда –
Поняла? – но не раньше – заплачешь.

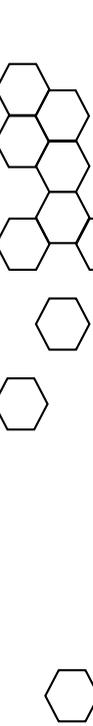
Сергей СОЛОВЬЕВ

РАЙ НА ПРИЩЕПКАХ

* * *

Этот рассказ будет в рифму и несколько дурковат
в целях самодисциплины, ну и чтобы не унесло
чёрт знает куда. Типа связываем рукава
за спиной – смирительные, как добро и зло.
В общем, звали ее мадам Гхош.
Познакомились мы, как в колодец летящее ведро.
Это когда оказался я до середины вхож
в Индию, земную жизнь пройдя до дырки
лучезарной. Где ангелы, как в лужах воробьи,
купались... Нет, не так все было. По порядку.
Она ребенком в лес пошла. И стала егерницей,
окончив в Дехрадуне ДепЛесХоз и отпустив бородку
животных знаний, эпистемку, короче. Не водица
которая, слегка смешалась в ней с звериной
и смутилась. Но не надолго. Да, отличницей была
и женщиной. Что редкость – для егерич в веригах
домостроя. Смугла. И крепко сбита? Нет, смола,
скорее, в ней преобладала. Свой род от кшатриев вела.
Смола, сказал? Ну нет, ботва. Вообще, едва
поймем мы что в индийской женщине. В мундире
она была – картофель. Одинокий. Ее распределили
в пропащий заповедник, в никуда, и на другом
конце Бхарата. Ни леса там, ни зверя, ни людей.
Война племен, нет языка, гортанное арго
и пули. И помощник, из тех которые везде-нигде,
по имени Творец Вселенной – Брахма, местный,
с лицом текучим и улыбочиво древесным.
Да, Брахма нас селил в лесничестве, она потом
приехала. Я был с собой, вернее, с той,
которая могла бы, и порой могла. Наш милый дом
несуществующий звенел меж нами солнечной серьгой
цыганской. Хозяйство Гхош – полсотни золотых
лангуров, обезьян из Красной книги,
они сидят на ветках, как авгуры, и следы
ведут по небу к ним. В коротких шубках, темнолики,
они сидят, листву перебирая пеплом пальцев,
стволы деревьев забинтованы под ними,
их доит племя здешнее, деревья то есть. В танце
ритуальном подносят кринки. А те сидят, как в нимбах
меховых, и смотрят вниз, на племя молодое
незнакомое. А в крайней к лесу хате, триста лет
пустующей, живет король. Он – Шилорай. Удои

ему приносят, пол метут, постель перестилают и обед готовят. И ждут. Хотя его уж семь веков как нет. Да, Шилорай, и имя подходящее. И Гхош мадам из спального района наведывалась с Брахмой к нам в лесничество. Мы их встречали с петухом, вернее, супом из. Потом фотографировались. Ом, – при каждом снимке Брахма наш икал, поскольку мы мадам хотели снять с ружьем, по весу равным ей, но совладать никак ей с ним не удавалось: то в висок направив Брахме, то в меня, то в ногу себе. К тому ж она надела поясok с патронами. К тому ж волченok за порогом скулил и скреб, и, приоткрыв из кухни дверь, врывался. И это не последний зверь, который был там на довольствии. Питон, израненный мотыгами, хромой павлин делил с ним жизнь. Ну в общем, тот еще притон любви и боли. И лес лежал, как исполин, сожжен, сворочен, срублен. «Красные рога» – военная застава за холмом, мертва дорога, и простыни висят со списками погибших, но врага никто не видит. Неподалеку Манас, носороги истреблены, рога растворены в Китае. Манас, разум. Он пуст. Мы по ночам включаем Мертвых душ и слушаем под сеткою москитной. Спим, как пазл, прильнув друг другу. А наутро фройляйн Гхош к нам приезжает, с нею – Бхубан, вождь неведомого племени в подбрюшии Бутана, он нас зовет к себе, мы едем, там со ста коров для нас собрали тридцать грамм сметаны, чтоб встретить подобающе. Совет старейшин перед походом в джунгли: два брата-киборга и черепаха полуметровая глядят в огонь, понеже судьба кроится там, по крайней мере, выборка ее. Но тут отдельная история, вернемся к мисс. Так вот, вчера, в фб, скольжу по ленте: ба, знакомое лицо! И ссылка на газету. Интервью. Она теперь Верховный Егерь. Да, в ней вырос лес. И рис. И край другой. И Брахмапутра течет в ней. И ружье стреляет. Вечер обычный мюнхенский, переходящий в утро сто лет спустя. И та, с которой был, давно далече.

* * *

Здравствуй, отец. Хоть тебя уже нет,
здравствуй. Помнишь, ты говорил маме,
когда она еще только меня носила:
главное – отношение людей,
я бы хотел, чтобы мальчик наш
вырос таким же веселым и добрым, как ты,
чтобы так же легко сходился с людьми,
научи его этому.
Вроде бы так всё и шло,
а потом, как-то исподволь,
стало куда-то сносить,
я не заметил даже – когда и как...
Не в мизантропию
и не в усталость.
Просто мир всё меньше
делился на человека.
Но как-то ещё удерживался в письме
между тем и другим.
Чем «другим»?
Думаешь, после Индии?
Нет, мне не кажется так.
Но помнишь,
я рассказывал тебе,
как однажды ранним утром
я вышел к Ганге,
там у берега покачивался плавучий дом,
я поднялся по трапу,
капитан пил чаёк на корме,
смотрел на воду,
на плывущий людской пепел,
игравший на солнце,
уже восходящем,
на пепел и цветы, скользящие вдоль борта.
Я спросил: куда он плывет и возьмет ли меня.
Да, он сказал, вон туда, и указал на пристань
в белесой дали за излучиной вниз по теченью.
Жаль, я подумал, всего-то пару часов, наверно.
Но всё же спросил.
Может, неделю, он говорит, может, две,
и смотрит на воду.
Что, не сходя на берег?
Нет, кивает он, не сходя.
Да, там река заплеталась, как змеиная свадьба,
или Ом на санскрите,
возвращалась, дробилась, горела,

как разбитое зеркало.
Нет, не в Индии дело,
всё это было во мне.
Я сходился, отец,
и веселым и добрым, и разным,
и не только с людьми.
И сошелся. С собой.
Он сидел на корме, пил чаёк.
И ни мне эта пристань была не нужна,
ни, похоже, ему.

* * *

Если ты мной не любил,
боже, зачем ты меня явил?
Давай с тобой сядем,
как идиот с идиотом, поговорим.
Без метафор, чтобы ты понимал.
Да и я тебя.
Что ж ты так меня одарил?
Говорил, ты меня и создал
для нее, разве нет? Что же ты – мной –
как Дедал вмуровал себя в лабиринт.
Что тебе с этой речью и пустотой,
без нее?
Поживи еще, поживи,
без ночей и дней.

* * *

Снился Алеша Парщиков, но не он – звездный хамелеон
мерно раскачивался вместе с космосом на рессорных лапах,
обмениваясь образчиками возможной среды обитания –
вдох на выдохе. Тьма под ним двигалась, как эскалатор,
но в разные стороны, и где-то вверху, далеко, на выходе –
мушка светящаяся трепетала, он мог бы одним плевком
языка взять ее. Медлил язык, и глаза назначали свидания –
каждый свое, множились женщины сред и мужчины суббот,
и кто-то меж ними с отрыжкой счастья, похож на страданье,
искал себе место и мял их как тесто, и вел их спиной вперед,
и сад не пойми чьих друзей, как зарница, по небу метался,
и тазовой костью под ними обломок вращался, как Колизей.
И где-то, совсем на краю выживания зренья и пенья комет,
видел себя он, Алеша, – живого – как слово – которого нет.

* * *

Шеф-повар Пенг Фан из провинции Гуандонг приступил к приготовлению особого супа: отсеченная голова индонезийской кобры глядела как он ловко шинкует ее оголенное тело с содранной кожей, в которой жил еще легонький ток, и, кривясь разинутым ртом, входила в ступор. Уважаемая семья, заказавшая этот деликатес, сидела за крайним столиком у окна, в котором отражались пламя свечи и лес; переходя ко вторым закускам, они говорили о феномене плюющей кобры: как же она плевком в глаза попадает жертве с расстояния 2-3 метров? И поясняли внучке: это две струйки такие, как у клоунов на арене, помнишь, когда они плачут? Только она это делает ртом. Но интересно вот что, возвращаясь к димсам: едва ли она различает глаза у жертвы – дело в том, что зрение у них не ахти. Ставились опыты на манекене: она плевала в глаза, нарисованные на животе. Муза поваром водит, суп на славу, он моет разделочный стол, напевая милое из Ши цзин, он ведь в седьмом колене мастер, берет ее голову, чтобы бросить в мусор. Музыка, говорит, это люй-луй, 12-ступенный укол пяти стихий... И вскрикивает: голова кусает его, он ее стряхнуть пытается, как детскую варежку на резинке. Семья переходит к «столетнему яйцу» – последней закуске. За соседним столом играют в го и доедают палочками что-то похожее на опарышей... и на повара – бледен стоит в проеме, руку к лицу подносит и валится, губы в пене. На том свете они срастаются в единое тело – вся труппа: повар, змея, семья и немотивированные соседи. Государство, говорит Конфуций, – искусство супа.

* * *

Она амазонка смуглая со взором Кочубея.
Волосы – от Севильи до Запорожья – черным жаром.
Грудь ее, как нашлепка, чтоб тетиве не мешала,
и сосок своим голым достоинством коченеет.

Она немного запуталась, воин возраста и психолог
в театре кукол. Ноги она выгуливает на свободе,
а в голове, в алькове – звездное небо собачьих свадеб.
Кровь течет в ней, темна и шипуча, как пепси-кола.

Она выпускает ребенка чувств, пьет им прану
радости, пьет, чуть хмелея и отдаляясь, взрослая,
между ног – колчан (стрелы точно подходят к ранам,
в них входя, говорит Кафка), а в волосах – роза.

Она поёт: где б ни была любовь – вверху, внизу ли...
Вернее, шепчет: где бы ты... и жизнь не значит
ровно ничего. Одна, в песке, в темнеющей лазури
она лежит на берегу, лицом в ладонь, и плачет.

* * *

Ты говоришь: выбирай.
Речь и рай – вещи несовместимые.
Выбрал бы, да нет стимула.
Впрочем, ни того, ни другого нет.
Какая-то промежуточность,
как та шуточка между ног –
тот еще свет, иго мое благо...
Я бы тебя окучивал
нежностью, как осьминог,
чернил бы достал, плакал...
Нет, лучше ты:
у тебя их – то две, то восемь,
а я между ними – вода влекомая,
цветы воды
взвинченные, нелегко им,
а ты – фьють, и уплыла, как авоська.
Авоська любви.
Ячейка – тоже хорошее слово.
Довольно чахлый
свет. Плавает, как солома.
Речь и рай на прищепках,
а веревка – бобо.
Может, и не цветы – чакры
воды тянутся за тобой,
замедляя свое вращенье.

* * *

Представь, они называют его черт знает кем –
Иеговой, Аллахом, Маздой, Кецалькоатлем,
а он тем временем в животе – просто морула,
ежевика, тут он. Маленький, 0,1 миллиметра.
А потом подрастет и будет, как Диоген

в бочке. Брахман по небу, говоришь, атман – по морю. Просто сблизилась две гаметы, ценой гибели всех возможных миров. Как из двух единиц возникает двойка? И наоборот: из двойки – две единицы? Это, считал Сократ, непостижимо. Гибели, да, мой егерь Грах, всех, кроме этого, и поглаживаешь живот. Двое сблизилась, став единым. Свят-свят, говорю, любовь – животворящий крест. А потом странствует эта морула к яслям – семь дней, боженька, 0,1. Но именно здесь весь он в славе своей и силе. Потом, отверст, рушится в жизнь, на то и это (делясь ли? – непостижимо), помнит, ищет себя (как есть, но нет которого) там, в другом. Сбрасывает, как кожу, наши с тобой очертания, становясь в этом все больше на нас похожим, то есть все более отдаляясь.

* * *

Человек, она говорит, – проходной двор.
Жизнь принудительного свечения.
Вся история – становленье программы Ворд,
вскоре снесенной – по умолчанию.
Сердце мое, приправленное цветком,
она берет легким длинным движением
и запивает одним глотком
воздуха. Вегетативное размноженье,
у душ, говорит, знаешь? А мы порхаем,
их переносчики. На крыло
ложится и, исчезая: но
это ведь не про нас, да, архангел?

Вот вишу, думаю,
как последний комар звеню,
сам себе край света:
может, создать семью –
например, в Умани,
с этой...

* * *

Тучка-девочка, темненькая, с энурезом.
А где ж мама?
В стороне плывет, светлая, с желтой розой
в руке. Жеманно.

Деревце что ли выпить взглядом?
Клён или липу?
Людой ее назовем. Да, Люда?
Помнишь ли ты талиба

сердца своего? Лапа твоя
в жар бросает.
Ах, Люда, хлопотно
тебе со мной, моя Вирсавия?

Не такой уж горький я пропойца,
свищу в травинку,
как Секст Проперций
в свою Гостию.

А хотел быть прозрачной кабинкой
для переодеваний твоих – из лета в осень.
А ты? Космонавтом, небось? На покосе
звездном? Ах, Люда,

ничего ты не можешь,
как и я. Может, это и хорошо.
Ну что ты всё машешь, машешь,
улеглось ведь, и дождь прошел.

Евгения Джен БАРАНОВА

ЭВОЛЮЦИЯ

Из подушек на пухлых креслах
в изразцовой печи небесной
на овсянке и молоке
я настаивалась, старела,
целовала, лгала, смелела,
переламываясь в руке.

Я смотрю на себя – не верю:
что мне делать? какому зверю
уподобиться? где найти –
саламандры, лягушки, змеи –
чьи аллели внутри алеют?
кто с фонариком впереди?

С чьим дыханьем чешуекрылым
над смолистой склонюсь могилой
(земляничное слово: лес!)
Плауны привечают гостя,
зеленеют неяркой злостью
и календула, и чабрец.

Может, все-таки к моховидным?
После жизни бревна не видно,
а при жизни – туман свинцов.
Но не выбраться. Давит тайна.
И глядит на меня зеркально
человеческое лицо.

* * *

Мёртвые растут до самых звёзд.
Медуница, донник – рвы да рвы.
Вот Сергей Иванович, он – прост.
Он всегда хотел быть зерновым.

Сложно мыслям в травяной избе.
Рвутся-рвутся, потому растут.
Вот Франциск Филиппович Лаббе.
Он когда-то похоронен тут.

Слой за слоем – и числа им несть.
Катит камушек трудяга-муравей.
Мёртвые растут, пока мы здесь.
Не ходи без стука по траве.

* * *

интересна не форма но мысль
watermelon арбуз ли кавун
с боем взяли снега перемышль
но надеюсь оставят москву

интересна не форма но стыд
птицеловом прикормленных слов
и горчит и горит и гранит
за собой оставляет любовь

анатомия тела овал
страусиные гонки зрачков
или рифма которой связал
все аксоны-дендриты в пучок

или гладкая шея коня
или терпкие осени дни
интересна не форма но я
не умею пока объяснить

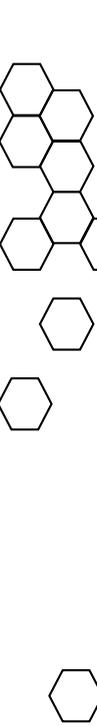
АНДЕРСЕН

Непроходимый свет тебе дорогой,
мой дорогой, дражайший,
лет драже
закончилось.

Сошли слова, как ноготь –
и тяжело не помнится уже.
И тяжело не дымом, не дыханьем,
ни прелестью, ни прелостью вериг.
Чирик-чирик –
не ощущаю тайны.

Прости меня, воробушек
– чирик.

Мифологемой нашего романа,
как говорил коллегам герр Мазох,
явился датский Ханса Кристиана.
Там оловянный парень занемог.
Там балерины плавится излишек –
большая жизнь, расплывчатая смерть.
Непроходимый свет меня услышал.
Попробуй сам его преодолеть.

КАРДИОЛОГИЯ

Живи как хочешь. Вовсе не живи.
Устойчивость у хордовых в крови.

Игла за ниткой, насыпь да карьер,
не в меру умирать, лишь полимер

тебя спасёт (он точно ведь спасёт?)
Следи за тем, как движется живот,

за цветом рук, за шеи ломотой.
Живи как хочешь. Ты ещё живой.

Не встретил никого. А нужен – кто?
Играешь с пузырьками в страхлото.

– Ты как там поживаешь?
– Я в поряд...
И радуешься, надо же, звонят.

Овсянка. Ясли. Медсестра. Манту.
Влюбленность. Ялта. Виноград во рту.
И сердца стук. Всего лишь ровный стук.

ПАМЯТЬ

что в памяти осталось голубой
не так уж много в том числе детали
ленивый лев диванчик угловой
мартышка с апельсинами в спортзале

шипастый мяч как зашивали бровь
рулет с корицей хруст китайских кедров
чернянка жар дредноуты коров
густое молоко перед обедом

подсолнухи саган при чем здесь грусть
тиль уленшпигель прочие meinelieben
так обожгло что выжгло наизусть
две реплики и три-четыре книги

и что теперь как говорил в игре
антагонист увенчанный ковбойкой
гнездо на ветке стройка в декабре
и вид на упомянутую стройку

и дома нет и речка не течет
и не занять товарищей у ленца
лишь памяти заржавленный крючок
еще тревожит вымершее сердце

ЗОЗУЛЯ

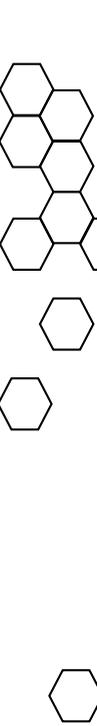
прекрасные истерические люди
спрашивают меня
когда наконец закончится
то что должно закончиться
и я не знаю право стоит ли им отвечать
потому что в небе по-прежнему существует кукушка
отвешивающая грузики нашим жизням
потому что не так ли звучит как itisnot
потому что зеленый чай горчит независимо от религии
потому что ромашкин страх перед дулом
не исчезнет в ресницах веков
и все – таки я смею надеяться
что малыш из рекламы уснет у планеты на ручках
из танковых гусениц вырастут вольные бабочки
неважно кому говорила кукушка
неважно о чем говорила кукушка
не так ли
не так
чи не так
чи не так

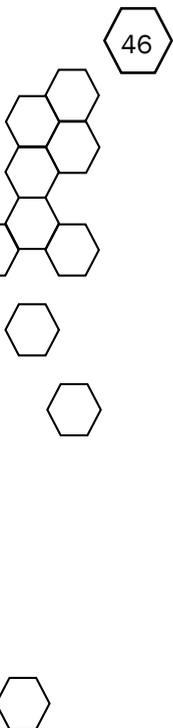
МОЛОЧНИК

Был человечком непрочным,
пряником с высохшим дном.
Где же ты, птица-молочник,
скользящий бидон с молоком.

Масло, кефир, простокваша
в год девяносто (какой)
мимо балкона пропляшут:
– Дяденька, есть молоко?

Улица вырастет. Тонк,
лопнет асфальт пузырьком.
Вырвется птица-бочонок,
и улетит молоко.

Детства трава худосочна.
Впрочем, не умер пока,
помни, как птица-молочник
реет среди молока.

гуси-лебеди
где же вы гуси лебеди
утки гагары вороны
что же меня не ищите
всё позабыли, чай?
нет у меня иванушки
нет у меня алёнушки
есть только море белое
да позапрошлый чай

есть еще сказки шведские
есть еще письма детские
есть табурет хромающий
на табурете я
над головой повесилась
в рамочке дева с персиком
зелень в окно и редкая
радость от бытия

где же вы крачки с клушами
обыкновенным гоголем
может ко мне подниметесь
крошками накормлю
я превращусь в черёмуху
ветки раскину до неба
и пропоёт мне вечное
радуга – гамаюн

ЭМИГРАЦИЯ

Меня затрагивает жизнь
холодной лапой октября,
щенком, прирученным в Крыму,
безвкусным чудом Nescafe.
Меня растрчивает жизнь.
И я пытаюсь второпях
здесь научиться жить и жать
масличной тяжестью морфем.

Приставки, суффиксы, софизм.
Рифмовка вяжет узелок, садится тихо в самолет
и эмигри – , и эмигр – ать.
Меня расплющивает жизнь. Песчаной змейки поворот
так выбивает из-под ног,
так выворачивает вспять.

Я – Эми Грант,
I am Мегрэ.
Я детектива персонаж –
размиллионенный, пустой и все улики налицо.
Так забывают на земле
простивший небо экипаж.
Так убивают в тишине.
Так объясняются с отцом.

Так оставляют маму ждать,
и ждать, и ждать (за скайпом дверь).
Плюс тридцать, Родине легко, в осенних плавках не ходи.
Я – эмигрант,
я – вор,
я – зверь,
не примиренный с миром зверь,
не подчиненный миру зверь
с горячим камушком в груди.

АЙВА

Зрелость с наполнителем «Айва»
медленно вползает на весы.
Август был хитер и тороват –
лишь цыплят по осени просил:
– Не взрослейте, цыпы, не взросле...
Не взрослеешь – значит не съедят.
Девушка-сентябрь навеселе
листьями смущает Москвоград.
В 3-Б эсминцы мастерят
из бумаги, лучшей во дворе.
Не считай по осени солдат,
не ищи ошибок в букваре.
Зрелость с наполнителем.
Семья.
Семечки под лавочкой грустят.
Август был решителен, но прян.
Август был решительней, а я?

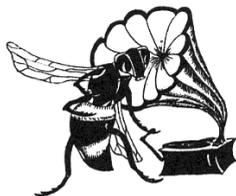
ЖЕЛТОК

Солнце закатное – дивное солнце.
Страшное солнце. Кровавый желток.
Оком скользит над двубортным оконцем,
огненным лаком ласкает висок.

Лакомка кошка купается в красном,
зубки легко примеряет к руке.
Солнце закатное – солнце безвластных –
топит в туманном своем молоке

Осипа, Анну, кресты под Смоленском,
звёзды на кедах, Рязань, Эр-Рияд.
Или же красит карминовым блеском
то, что советские песни хранят.

Солнце закатное – чёрствое солнце.
Призраки зданий тихонько гудят:
– Друг мой поручик, а, может,
вернёмся?..
Но никогда не приходят назад.

ДЕТИ ИНДИГО

Игорь ЛАПИНСКИЙ

ПОЭМА

Дай мне книгу – вон ту, и ту, а ещё и ту.
«Тууу-тууу» – поёт паровозик, лошадка бежит.
Ах, куда они едут, куда бегут?
Едут туда, где можно всё нарисовать.
Тууу-тууу едут, тууу-дааа бегут.
За ними несутся: небо, дома, поля и жнец одинокий.
В разные стороны они бегут.

Дай мне книгу – вон ту, и ту, а ещё и ту.
Я ребёнок-индиго, я их все прочту.

Открываю наугад – страница сорок девятая. Читаю –
глазами – мгновенно по вертикали, а вслух очень
медленно, по горизонтали:

«Превосходство самца состоит в том, что он есть
семенное животное по преимуществу.
Сексуальная связь – вещь естественная, в ней
нельзя видеть зло», – и так далее.

А на другой странице написано конкретно:
«Выведение спермы из тела оказывает благотворное
воздействие на душу, соитие отвлекает
от навязчивых идей и смягчает неистовый гнев», –
и так далее.

Папа и мама считают, что мне, ребёнку знать всё это
не положено, ну, хорошо, а им-то, конкретно,
родителям, что знать положено?

Похоже, знать им такое положено:

«Сексуальность, какой мы ее знаем сегодня, стала
одним из наиболее продуктивных источников
нашего общества и бытия», – и так далее.

«Мы должны производить хорошие наркотики, способные
производить крайне интенсивное удовольствие», –
и так далее.

«По большому счёту всё – только безумие; по малому
счёту само ВСЁ – не более чем безумие».

Кто написал все это?

Мишель Фуко, – великий философ написал.

Конкретно.

А чем же он так велик, а чем он так велик, конкретно?

Философ, учитель жизни, умерший от СПИДа.

Мишель Фуко.

Не нужно больше книг, вместо них телевизор – не умолкает ни днём,
ни ночью, орёт, шумит, кричит...

А что в том телевизоре, а что в том телевизоре, что в нём, конкретно?
Там показывают не то, что сами видят, а совсем наоборот.

Говорят не то, что сами думают, а наоборот, а те, кто смотрит, вообще,
ни о чём не думают и ничего не видят и не слышат.

Даже **НАОБОРОТ** они не видят и не слышат, даже **НАОБОРОТ**.

Они любят

смотреть и слушать шум

просто так.

Смотреть и слушать шум.

Белый шум.

Не нужно больше телевизора, вот стоит компьютер, – всё видит,
всё слышит, обо всём думает и сразу, и в отдельности, и всё
понимает.

Конкретно.

Он умнее телевизора, умнее стиральной машины и пылесоса, и,
даже, умнее утюга.

Он умнее шахматистов, умнее математиков, умнее вычислителей,
знаменателей и числителей, умнее их всех!

Лошадка, а тебя он тоже умней?

Ландо без извозчика, без управления, без логистики катит супротив
движения поездов, супротив научно-технического прогресса
катит, куда?

Нет! Всё-таки дай мне книгу – вон ту, и ту, а ещё вон и ту.

Я проглочу их всех одним махом, запомню все тексты до последней
запятой, на всю свою жизнь запомню.

Пойму ли я эти тексты? А запросто – что их там понимать...

Куда бежит эта лошадка? Знаю, знаю, бежит туда, где всё можно
нарисовать.

Мазок за мазком повторяя картину, всё можно нарисовать.

Вслед за художником, вслед за художником, накладывая каждый
мазок даром воображения – только так можно понять и увидеть
картину.

Гусиное перо макнув, – слово за словом, слово за словом, тщательно
выводя слова, вслед за поэтом, вслед за поэтом, имея дар
воображения, в огромном труде выписывая, вырисовывая
буквы, только лишь так можно понять La Divina Commedia и
многие чудесные вещи.

Но мучит меня, ребёнка, другое.

«По большому счёту всё – только Безумие; по малому счёту само ВСЁ
тоже безумие».

И по большому и по малому счёту я, конкретно, никак не могу понять, в чём величие человека на этой планете?

Люди в очередях считают, что ВЕЛИКИЕ это: Александр Македонский, Цезарь Римский, Наполеон Корсиканский, и свора всех прочих генералисимусов.

Что оставили миру они, эти спесивые дяди? Что оставили они, кроме миллионов трупов, что?

Двадцатый век – вожди, вожди, вожди, как в племенах с каменными топорами, – сплошные вожди... Что, кроме сотен миллионов трупов, что они оставили, что?

Конкретно?

Флеминг, Флори и Чейн спасли миллиарды жизней, но они не великие, а просто так...

Полузабытые люди, вот просто так...

Скажем хором с людьми в очередях и книгами, лошадка: для того, чтобы стать ВЕЛИКИМ, НАДО УБИВАТЬ, УБИВАТЬ, УБИВАТЬ!

Конкретно.

А не просто так, ту-ту, ту-ту, ту-ту...

Выживает сильнейший.

Жизнь родилась из молекулы, просто так, – взяла и родилась.

Просто так, из молекулы, сама по себе взяла и родилась.

Просто так, молекула сотворила из себя микробу.

Просто так, напрягла свой ум, взяла и сотворила из себя микробу.

А та микроба, ох, какая умная! сама из себя сотворила амёбу.

Сначала одноклеточную, затем подумала, подумала, и сотворила многоклеточную амёбу сотворила она.

Амёбе захотелось кушать, и она начала питаться микробой.

Микроба испугались, и сотворила инфузорию тифельку.

Из амёбы сотворила её она, и амёба начала кушать тифельку.

Кайфуя и причмокивая, начала питаться инфузорией и закусывать микробой.

Конкретно.

О, этот вечный процесс питания, поедания, поглощения, пожирания!

Он, этот процесс, называется ЖИЗНЬ.

Выживает сильнейший.

А как обезьяна сама из себя создала человека, лошадка, ты знаешь?

Это было очень трудно.

Это было очень трудно, очень долго и нудно.

Сначала обезьяна создала орудие труда.

Как и нынешние шимпанзе и попугаи, создала орудие труда.

Затем обезьяна тупо и механистично совершенствовала это орудие труда.

Совершенно не думая ни о чём,
тупо и механистично улучшала орудие труда.
Зачем ей думать?, – Естественный Отбор думал за неё, конкретно.

О, этот Естественный Отбор, ВЕЛИКИЙ Естественный Отбор!
Он сотворил из обезьяны Дарвина и Энгельса – отобрал самых
лучших,
на то он и отбор, на то он и естественный.
Выживает сильнейший, а не просто так: ту-ту, ту-ту, ту-ту...

О, этот Естественный Отбор, ВЕЛИКИЙ Естественный Отбор!
Он повелел, поставил задачу: к 2041 году убить всех диких зверей и
птиц.
Не задумываясь, тупо и механистично убить всех животных и птиц.
Выживает сильнейший.

Если бы знал кто, лошадка, это сверлящее чувство индиго,
чувство кривды,
кривой и неправедной кривды – сверлящая боль: от макушки и
по всему позвоночнику, до обожжённых пят!
Потому что крив и неправеден весь этот мир – от ядра Земли и до
ионосферы.
Сплошная мука, сплошная гибель, сплошной позор.

Мои папа и мама не понимают меня, потому что я не понимаю, что
такое «тупо» и что такое «механистично».
Они не понимают этого, потому что ДУМАЮТ
ТУПО
и МЕХАНИСТИЧНО.

А точнее:
ничего не думают.
Естественный Отбор думает за них.
Выживает сильнейший.

В 2041 году всех вольных зверей и птиц конкретно заменят
машинами!
Автомобиль, телевизор, холодильник, уют, компьютер, кондиционер,
пылесос, микроволновка, бойлер, электронагреватель,
газовая плита, стиральная машина, электроплита, вытяжка,
сигнализация, миксер, электрочайник, электромясорубка,
тостер, кофемолка, кофеварка, хлебопечка, мультиварка,
посудомойка, электролампочки, выключатели, гаджеты,
смартфоны, ай-пады, ай-фоны краны, смесители, а главное –
унитаз, Его Величество подогретый
У-НИ-ТАЗ!!!
Машины.
Их Величества – машины.

Мои папа и мама думают, что владеют всем этим.
Они думают, что машины – это их рабы.
Тупые и механистичные рабы, но без этих рабов они жить не могут.
Жизнь кончается, космический триллер случается, когда унитаз
ломается!
Конкретно.
Электрочайнику и миксеру наплевать, кто их покупает, и кто их продаёт,
живут они, или ржавеют.
Машинам наплевать, существуют ли люди, вообще, или их начисто нет.
Вообще.
Людям тоже наплевать, когда они ржавеют.
Потому, что когда ржавеют люди, то говорят: «это не мы, это жизнь
такая».
Машины могут ржаветь без людей, люди без машин ржаветь не могут.
Так кто же кому хозяин, а кто раб?
Водородная бомба тоже машина.

Остановись, лошадка, наконец-то приехали мы, наконец-то мы дома.
Здесь поле полей, поле новое!
Журавлиное, нежное, чистое.
Поле, поле, засеянное травами, что сами тебя вспахали.
Степь неоглядная, безмерная и безбрежная, нескончаемая,
необъятная и неисчерпаемая; кто только не пролетает над твоей
ворожкой!
Жёлтая цапля, колпица, пеночка, альпийская завирушка, белая
лазаревка и пёстрый каменный дрозд.
Овсянка, белоглазый нырок и казарка, малый лебедь и гусь большой –
пребольшой!
Обыкновенная гага и обыкновенный гоголь?..
Нет, – необыкновенный. Гоголь обыкновенным быть не может.
Огарь и савка летят, летят, большой крохаль и тучи дятлов, стрепент,
глухарь и рябчик – друг за дружкой, гуськом, хохлатый баклан и
косач, – морская ширь и тайга, тайга и морская ширь.
Розовый пеликан и сизоворонка, луговая тиркушка и поручейник,
чеграва и шилоклювка, бородатая неясыть и воробьиный сыч,
европейский тювик и филин благородный, луговой лунь и малый
подорлик, а также скопа, – чредой из Красной книги сюда, на
поле полей новое, чистое летят, летят...
«Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в
житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли
лучше их?»*

Внезапно солнца сверлящий сверк!, солнце закрыл белый стерх, на
один только миг, на микросекунду закрыл, а дале – летит себе
меж горами.

* Мтф, 2:6.

Горы рядом, вот прямо здесь, над горами столешница-степь, и всё это вместе скипелось.

Сроднились, спаялись горы и степь, время повисло, ОНО стало нелинейным, сверхтекучим и невесомым.

Синяя-пресиняя степь, горы, цветут фиолетом, небо же цвета индиго. И когда горы сквозь степь просвечивают, то степь гуляет, как хочет, в толщах горных пород – ковыль и типчак, мялик, овсец треплют ветра подземные.

Наш путь туда, лошадка, сквозь недра гор прозрачные и невесомые. За нами другая живность пойдёт – смотри, как бегут стада, как бегут сюда размашистыми семидесятимильными скаками.

Сплошной гобелен эта степь – дикий звериный стиль пестрит глазами мудрыми четвероногих, двуногих и лестопёрых живых душ и наименований.

И поёт разновидности их ричеркаром «Приношения» Баха.

«На свете потому так много зверей, что они умеют по-разному видеть Бога» – вторит Баху Хлебников.

Ну, вот, наконец, наконец-то – знакомый наш зверь прибежал, успокоился, остановился.

Тууу-тууу – поёт этот зверь, тууу-тууу, – вторит неба твердь, сцепные дышла претворяются в лапы, дымовая коробка в красивую пасть, ободья колес же не претворились.

«Вид колёс и их устройство – как внешность берилла. И у всех четырёх одно подобие; то есть их вид и их устройство – это как бы колесо внутри колеса».*

« А их ободья – они были высокие и были они величественно страшные; и ободья у всех четырёх были кругом полны глаз».**

И вышли из чёрной трубы, из дыма её
вышли все до единого дети индиго.

Безо всяких лидеров, сами, пошли по степи над горами горделиво, неспешно и тихо
дети индиго.

По тверди небесной, по степи поверх гор, по степи внутри гор, по степи целокупной.

Этот край, эта страна и небесная, и подземная – вплоть до земного ядра пролегают она, страна индиго.

Как вольготно бытийствуют души наши здесь, без всяких болячек тела. Невесомые и сверхплотные.

Вопреки свалкам Уродий труда, вопреки «выживает сильнейший», мы пришли сюда не ВЫЖИВАТЬ, а ЖИТЬ без кровавой пошлыны «оптовых смертей»***.

Мы, дети индиго, не будем никого поедать, поглощать, пожирать.

* Иез, 1:16

** Иез, 1:18

*** О. Мандельштам «Стихи о Неизвестном Солдате».

Вместо истечения спермы будем истекать завитками нежных лучей
индиго.

Идём спокойно и тихо по степи невесомой поверх горных вершин и
между горами, а в недрах гор сквозь базальт и гранит, потому
что легки эти камни как пар для сверхплотных торсов индиго.

Вечно в движении мы, лежать и стоять глупо, – в сердцах блаженный
покой: никто здесь никого не мучит и не убивает и не поучает.

Нега движения, нега бега.

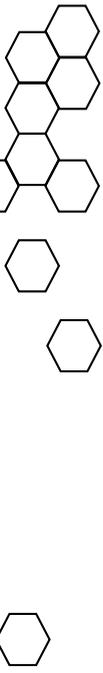
Это не рай, не чистилище, это благовест сердец, могущественных
ударами чистой судьбы.

Благовест.

Пусть хотя бы нарисованный
пока...

03.12.2016

Семен ЗАСЛАВСКИЙ**ТУВА**

Володе Семенову

Непредсказуемых событий
Бесшумно двинулся обвал...
Тува моя – моё Таити.
Мой азиатский идеал!
Твоя земля душе желанна.
Давно ль среди твоих степей
Остыли палеовулканы
И цепью высятся курганы
Долины царственной твоей.
Здесь места много. Неба много
И оживает древний прах,
Когда скуластый облик Бога
Вдруг проступает в облаках,
Где реют огненные грифы,
И предвещая смертный бой,
По небу вихрем мчатся скифы
Зеленоглазую ордой.
О, как силен их натиск юный
На европейский материк!
Но вскоре их сменяют гунны,
И слышат облачные дюны
Народов новых первый крик.
Да, слишком многое дано им
Отбросить на своём пути
И к государственным устоям
В Константинополе прийти.
И вновь разрушить мир, объятый
Всеевропейскою войной,
Явив кровавый меч заката
Над средиземною волной.
И всё же там, подвластна року,
Что насылает шторм и штиль,
Внезапно повернув к востоку
Обратно к своему истоку
Летит орда, взметая пыль.
Где утро, просияв росой,
Ей обдувает потный лоб,
Где ни Америк, ни Европ
Не помнит небо голубое.
Где в белом мареве Китая,
Уйдя в монгольскую пустынь
Жара жемчужно-золотая
Струит расплавленную синь.

Памяти Эмы Маркман

Годовщина утраты пришла. Не смиряется с нею
И сжимается сердце в предчувствии новых потерь.
Ты мне снилась сегодня. Но разве понять я сумею
На каком языке говоришь ты со мною теперь.

Там, куда ты ушла, все, наверное, переменялось
И минувшая жизнь стала тенью сгоревших страстей,
Но холодным огнем пониманья душа осветилась
Над уже бесполезной, пустой оболочкой своей.

Только что говорю я... Быть может, немые рыдания
Слышит все же душа и сквозь изморозь стынущих плит.
И внимает во тьме над собою словам состраданья,
Там, где пепел холодный в иверскую землю зарыт.

Так неужто ушли с тобой мужество, честь и отвага,
Благородная верность твоим идеалам былым,
Твой Гулаг роковой и трагедия красного флага.
О, не знать бы, не видеть, как будет глумиться над ним

Межеумок и выскочка с плоским лицом мещанина,
Чья вселенская пошлость, пожалуй, опасней чумы.
С ним пришедшая власть растлеивает мою Украину
И валютное рабство страшней лагерей Колымы.

С ней не станет искусства и сердца порывы живые
Обратятся в ненужный и тронутый тлением хлам.
Неужели приблизилось время распада России.
О, как тяжело теперь проживать в этом времени нам.

Но ведь эта душа не однажды уже погибала
И в Орде Золотой пробивалась к становью славян.
И следила за тем, как ступают слоны Ганнибала
На всемирный майдан.

Сергей ГАВРИЛОВ

ОСЕННЯЯ НОСТАЛЬГИЯ ЕКАТЕРИНЫ ГОЛУБКОВОЙ

В последние годы редко появляются новые публикации стихов Екатерины Голубковой. А жаль. Хочется напомнить читателям о замечательной поэтессе из Николаева – авторе пяти сборников: «Акварели» (1973), «Звездный корабль» (1980), «По праву любви» (1984), «День летящий» (1987) и «Звезда в колодце» (2006), члене Союза писателей. Ее произведения в 70-80-е годы прошлого века публиковались в известных альманахах и журналах, получая восхищенные оценки читателей и критиков.

* * *

В предисловии к одному из сборников поэтесса сказала о себе: *«Писать стихи я начала довольно рано, но никогда даже не задумывалась о том, чтобы стать профессиональным писателем.*

Я мечтала быть кем угодно, начиная от летчика и геолога и кончая химиком-органиком, а стихи – это было нечто, как бы само собой разумеющееся.

...Я не очень-то люблю сам процесс писания, т.е. вождения пером по бумаге, поэтому даже стихи я предпочитаю записывать только тогда, когда они уже сложились в голове окончательно, и их осталось просто перенести на бумагу...».

Поэзия сопровождала ее всегда.

«...Я родилась поздней осенью первого послевоенного года в небольшом поселке под Красноярском, – говорит о своем детстве поэтесса. – Тогда его окружала дремучая, еще не искалеченная человеком тайга, и однажды на прогулке наша детсадовская группа нос к носу встретилась с медведем-подростком. Дело было летом, и обе стороны при встрече отделались легким испугом. Юный медведь, пожалуй, нашего дружного визга испугался гораздо больше.

Первые впечатления детства – деревья, настолько высокие, что как ни задирай голову, вершину все равно не увидишь; белые прямые столбы дыма из труб; сугробы чуть ли не до крыш, и в этих белых слоистых стенах прорублены траншеи-тропинки...

В шесть лет я с мамой переехала в Николаев. Здесь поражало уже совсем другое. Черные, бархатные ночи, напоенные пронзительными ароматами цветущих растений; тротуары, мощенные гладкими, то светлыми, то чер-

но-синими, слегка неровными плитами, такими приятными на вид, что их хотелось если не лизнуть, то хотя бы погладить; вечерние гуляния на бульваре с духовым оркестром и множеством веселых морячков в белых бескозырках и нарядных, смеющихся барышень... Так Николаев стал моей второй родиной, и я полагаю – уже навсегда».

Маленькая девочка «прикипела» к суровому краю, повзрослев в нашем городе. Сначала она работала пионервожатой в школе, затем матросом, красила корабли на верфи, и потом, окончив Ленинградский университет, «подалась в социологию». Многие годы она руководила николаевскими литобъединениями («Стапель», детская студия «Секрет») – как бы учила писать стихи совершенно разных людей: детей и взрослых, гуманитариев и технарей, пэтэушников и профессоров. Учила честно, прекрасно сознавая, что «поэта научить нельзя через томительную мудрость правил».

Стихи, по мнению самой поэтессы, «рождаются спонтанно», и проникнуть в эту лабораторию, чтобы посмотреть содержимое тигля, где варятся будущие строчки, невозможно.

Действительно, из каких файлов позвоночной памяти рождается, например, такое:

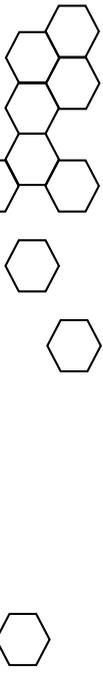
*«О, дымная шерсть полуночного юга!
Пронзительный запах цветущих растений,
И ртутные волны (Ингула ли? Буга?),
И черных деревьев хвостатые тени,
Оркестр духовой на открытой площадке,
Тягучая, вязкая темень бульвара
(Душа замирает тревожно и сладко
Под круглое эхо от плит тротуара),
Листвы лепетанье и всплеск разговора,
Таинственный запах прохладного ила...
Таким я впервые увидела город,
В который судьба меня накрепко вбила».*

Екатерине Голубковой удалось создать романтический образ родного города. Она пошла против «модного течения» в краеведческой литературе, где Николаев изначально предстает военной казармой, «застегнутой на все пуговицы».

Для поэтессы «столица корабельного края» – целый мир, где всё и все родные.

Этот эмоциональный посыл пронизывает лирику Екатерины Голубковой, являясь тем цементным раствором, что объединяет городскую общину в лихую годину и в праздники. Её поэзия делает нас лучше и помогает жить. Вот почему уже многие годы в Николаеве она остается читаемой, почитаемой и заучиваемой наизусть.

Екатерина ГОЛУБКОВА

ОКТЯБРЬ-16

* * *

На дорожках прозрачного сада,
у темнеющей кромки воды –
всюду птичьи следы листопада,
всюду осени лисьи следы.
Над асфальтом, блестящим и черным,
крепко ветки сплетая свои,
так доверчиво, так обреченно
золотая природа стоит.
И под небом, пронзительно-ясным,
вдруг понятно становится нам,
как она беззащитно прекрасна,
как прощально нарядна она.
В сад просторный, недвижимый, покорный –
нету сил – невозможно войти!
Чей-то взгляд бесконечно спокойный
бесконечно печален и тих.
И не вынести этого взгляда,
и не выдержать этой беды –
эти птичьи следы листопада,
эти осени лисьи следы...

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Владимиру Топчему

Во дворе, за забором,
абрикосы, как прежде, висят,
и, как прежде, пестры и копейчаты
тени акаций...
Здесь мы бегали в детстве
от мамы тайком в Дикий Сад,
чтоб, дрожа и ликуя,
в запретной воде искупаться!
А потом мы росли.
Грохотали в ночи поезда.
Уводила нас даль,
и пускай нам бывало несладко,
но над далью любую
горела всё та же звезда,
что из нашего детства
за нами следила украдкой.

Стали тверже ладони,
прямей и взыскательней взгляд.
Стала строже душа
и, быть может, немножечко суше.
Но когда мы устанем
и вернемся в свой город назад –
от любви и от нежности
непривычно смущаются души.
Как любимая песня,
которую редко поем,
как единственный друг
и как памяти строгой соседство,
ты навек, Николаев,
останешься в сердце моем
поцелуем соленым
в таинственном шепоте детства!

ПРИГЛАШЕНИЕ

Живу, сучусь, ошибаюсь, куда-то спешу...
Но только сегодня я суетность эту отрину,
и сяду за стол, и друзьям своим так напишу:
«Я в гости вас жду на родную мою Украину!
Весной приезжайте, когда, отряхнувшись от сна,
сады через край закипают вишневой метелью.
Ах, если б вы знали, какая на юге весна!
Вы б всё позабыли, и тотчас бы к нам прилетели.
А можете – летом, когда созревают плоды
и яблоки в полночь со стуком срываются с веток,
когда тишина, как вода, заливают сады
сплошным водопадом нездешнего лунного света.
А лучше – под осень, когда не вмещают столы
всего, чем богата осенняя наша природа,
и утром пустынным без дела толпятся стволы
роняя листву на седую ботву огорода.
Но если зимой вам приехать захочется вдруг –
пускай не сезон, все равно, невзирая на это,
чтоб вас оградить от ветров, от метелей и вьюг,
достанет у нас и тепла, и улыбок, и света!

ПРОЩАНИЕ С КОРАБЛЕМ

*Друзьям моим –
корабелям завода
им. 61 коммунара*

Когда встают, протяжны и низки,
торжественно-прощальные гудки,
и лязг металла глохнет, словно в вате,
мы молча застываем у реки
и долго вдаль глядим из-под руки,
как наш корабль
выводят на фарватер
Все просто – сдан еще один заказ.
Не в первый раз, и не в последний раз,
и новый день над миром торжествует...
А мы стоим у старого моста,
и заполняет душу пустота,
как будто души вправду существуют!
Будь счастлив, уходящий от земли!
Тебя зовут моря и корабли,
высокая судьба, большое дело...
А мы вернемся к нашим стапелям,
поскольку вновь растущим кораблям
необходимы руки корабелов.
Но в час, когда протяжны и низки,
раздвинут даль прощальные гудки
и трос стальной
струной натянет катер,
позвольте нам, застывшим у реки,
в который раз
следить из-под руки,
как наш корабль
выводят
на фарватер.

Татьяне Карнаух

Осенние боги грустны и рассеянны,
зато их улыбка светла и добра.
Бредущие вдаль листопады осенние,
я – ваша сестра!
В прилежной, в прибрежной осинової рощице,
впервые увидевшей – речка быстра,
заблудшая музыка в душу к нам просится:
я – ваша сестра!

И рощица эта, познавшая таинство,
сквозь неуловимую дымку утра
вослед журавлям улетающим тянется:
я – ваша сестра!
Я знаю, что в мире тепла не убавится,
какая бы там ни стояла пора!
И осень застенчиво нам улыбается:
я – ваша сестра!

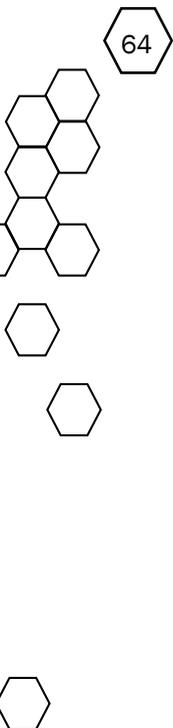
* * *

Ты выходишь смотреть,
как не падает медленный снег,
как зима наклонилась
над маленьким городом в белом.
А в тумане ветвей –
полутень, полусвет, полусмех...
Ах, душа! Ты опять
перед чудом зимы оробела!
И уже не уйти,
и не сдвинуться вбок или вглубь,
не сойти с полотна
убеленных домов и кварталов,
и остаться на нем
в незаполненном левом углу
той единственной точкой,
которой ему не хватало.

* * *

Из-под пилы
такой сосновый запах,
что на него,
лохматый и живой,
дремучий бор
на деревянных лапах
идет ко мне,
качая головой.
В нем на опушках
притаились лани,
в нем паутинки
оплели кору,
и птичий мир
на все лады горланит
о птичьем счастье –
жить в таком бору.

В нем дух грибной
и пряный дух валежин,
пчелиный, разомлевший
звон жары,
и по тропе
за добродушным лешим –
кипучий столбик
юркой мошкары...
– Ау, ау!..-
Бор лапищи раскинул.
– А ну, а ну!..-
Азартный вой пилы.
– Ау, ау!..-
По свежему распилу
ползет слепая
капелька смолы..

* * *

Ясны мои осенние леса,
недвижны их отчетливые тени,
и небо, опустившись на колени,
Целует землю в строгие глаза.
Ясна моя недолгая судьба,
как лист янтарный ясен против света,
когда его разглядывает лето,
откинув пряди с выпуклого лба.
Ясны во мне слова и голоса,
прозрачен час вечернего отлива...
Как просто оказалось быть счастливой!
Ясны мои осенние леса.

САД ЗИМОЙ

1.

В коралловых ветках бесшумного зимнего сада
багряное солнце стоит, опершись на копые...
А жизнь коротка
(что, конечно, ужасно досадно!)
Но так хороша,
что прощаешь мгновенность ее!

2.

Меж грядущих и прошлых эпох
этот мир ни хорош, и ни плох,
он – прекрасен во всех своих видах!
О, зимы очарованный вдох
и серебряный выдох!
Эта жизнь, это чудо взаимности –
и не мнилось!
О, не вечной зимы
мимолетная царская милость!

* * *

Тебе сегодня повезло:
ненаказуемое зло
наказано, и жалкий хвост поджало.
И потому твое добро
меняет шпагу на перо
и чистит фрукты дедовским кинжалом.
Ты будешь счастлив день, и два,
пока не высохнут слова,
пока не выцветут зеленые чернила...
И ты опять махнешь рукой
и скажешь: «Я – такой-сякой,
и справедливо все, что раньше было!»
Не огорчайся, погоди,
не все на свете позади,
еще мы посмеемся, право слово!
Еще на шпагах: «Раз, два, три!
А ну-ка, что у вас внутри?
я так и знал – мякина да полова!»
А нынче, что ни говори,
пора засесть за словари,
чтоб развести добро и зло в первоначале.
И улыбается заря
нам со страницы букваря,
и жизнь идет –
не то смешно,
не то печально!

* * *

Вот я, Господи, с просьбой какою.
Если выпадет мне уставать –
дай мне только стремленье к покою,
а покоя – не нужно давать!
Если суетной жизни заботы
встанут вдруг непроглядной стеной,
опали меня жаждой свободы,
но спаси – от свободы самой!
И в любом моем слове и деле,
наблюдая усердье мое,
дай мне сил, чтобы двигаться к цели,
но не дай – достиженья ее!

АНТИПАСХА

Александр **СТОЛЯРОВ**

Заведение а-ля совок – «Рюмочная». Подают пиво в бокалах, водку в стопарях и томатный сок в граненых стаканах. Из закуски только бутерброды: черный хлеб с кружочком соленого огурца и килечкой. Полдень. Сценарист Иван Герасимов, прозванный киношной братией за пьянство «Муму», в ожидании продюсера уже выпил сто грамм водки и медленно пережевывает кильку. Ее хвостик еще торчит у него изо рта, когда в дверях появляется продюсер Шапиро. Он оглядывает заведение, морщится, замечает машущего из-за столика сценариста, морщится еще больше и, брезгливо извиваясь всем телом, пробирается между посетителями к сценаристу Герасимову. Тот уже вскочил из-за стола и всем своим большим круглым лицом расплылся в детской улыбке, распахнув для объятий огромные руки.

– Христос Воскресе! – гудит маяком бас Герасимова в тумане заведения. Шапиро с трудом уклоняется от объятий и протягивает руку как стодолларовую купюру.

– Рад, очень рад встрече, – говорит продюсер, с сомнением глядя на свободный стул. Герасимов перехватывает взгляд, протирает сиденье ладонью и подставляет стул продюсеру.

– А как я рад! – восклицает Иван Герасимов. – Полгода без работы, молился каждый день – и вот вы. Мне вас Бог послал.

– Бог? Ну да. К делу. Вы, как я понимаю, человек верующий, – говорит Шапиро и смотрит по сторонам.

– Да, православный, – скорее удивляется вопросу, чем утверждает свою веру Герасимов.

– И это хорошо. Православие сегодня – бренд. Конечно, оно уже не то, что раньше, не так тотально. Но все эти «Господи помилуй, аллилуйя», батюшки, монашки, «со Святыми упокой» – замечательно. Прекрасный антураж для триллера.

– Для ужастика, что ли?

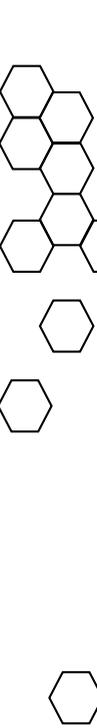
– Ну да. Фильм ужасов, по-вашему. Короче, нам необходим сценарий православного триллера. «Вий» Гоголя помните? Нужно еще круче.

– Круче Гоголя? Боюсь, не потяну.

– Я неточно выразился. Жестче. Фильм «Пила» видели?

– Ага. Так это чтобы батюшка вышел из алтаря с бензопилой вместо чаши с причастием и всех прихожан в фарш покрошил? – улыбается Герасимов.

– Вот-вот, – радуется Шапиро, – это струя, вы это чувствуете. Мы не собираемся замыкаться нашей

страной. Мировой прокат. Бог – он везде. Я езжу повсюду, на одном месте не сижу никогда. Человечество ждет православный триллер. Батюшка – маньяк, монахини – ведьмы, как вам ведьмы?

– Ведьмы в Киеве никогда не переводились, – говорит Герасимов, – моя жена, например. Вы сходите во Флоровский женский монастырь, он тут рядом на Подоле, под Лысой горой. Стоят в храме, молятся. Ведьмы. Те, которые уже не могут на помеле не летать – монашки.

– Вот-вот. В этом роде нам и надо, вы сможете, кроме вас, некому. Пишите сценарий, и ужасу побольше.

– Страху Господня!

– Вот именно.

– А любовь? – вдруг говорит Герасимов.

– Конечно, сексу побольше. Женский монастырь все-таки. Как вы говорите, он называется?

– Флоровский, там еще воинская часть напротив.

– Окей, – потирает руки Шапиро, – Подземный ход, утопленные в Днепре младенцы, расследование ведет секретный агент ФБР, потому что в украинской военной части убит американский офицер-советник. Вы запишите.

– Я запомню, но...

– Да-да, можете смело брать меня в соавторы. Шапиро – киношная фамилия.

Итак, секретный агент Дэвид Шап... В результате расследования выясняется, что настоятель, нет, не настоятель,.. Кто там главнее его?

– Епископ.

– А кто его главнее?

– Блаженнейший.

– Берите выше!

– Патриарх?

– Да, сам Патриарх глава сатанинской секты. Это будет культовый во всех отношениях фильм. «Код Давинчи» спрячется. «Оскар» наш! Вы, Иван Герасимов, потенциальный оскароносец. Вы гений! Официант, сто грамм водки гениальному сценаристу!

– А вам?

– Я за рулем. Выпейте за меня. Через неделю жду сценарий, прощайте.

Продюсер исчезает, будто и не было.

– Закуску брать будете? – ставит на стол перед сценаристом стопарь с водкой официант.

– Сколько с меня? – долго шарит по карманам Иван Герасимов и обнаруживает потрескавшееся раскрашенное яйцо.

– Вот, – будто извиняясь, говорит он официанту, – пасхальное. Христос воскрес.

– Воистину, – отзывается негромко официант, – так закуску брать будете?

– Нет, брат, закуска у меня есть. Принеси-ка еще двести водочки. Давно я в запое не был.

ПРОРОК ИЗ РЮМОЧНОЙ

– Я записываю! Я все записываю! – вскакивает из-за столика маленький неряшливо одетый человек и, размахивая мятыми листами бумаги, обводит всю нашу рюмочную компанию сияющим взором, дарит широкой улыбкой, обнаруживая отсутствие передних зубов.

– Ах, как это чудесно! – восклицает он тенором. – Как вы прекрасны в своих страданиях. Простите меня, мне стыдно перед вами, но я счастлив быть здесь среди вас. Вы не знаете меня, я идиот. И это не обидно. Это диагноз. Да, я неизлечим. У меня галлюцинации. Весь мир для меня галлюцинация. И ваша война тоже всего лишь галлюцинация, но я верю в нее, и люблю. Потому что, если я перестану верить в свои видения – вы исчезнете. Эта рюмочная опустеет, но и она, может быть, окажется вовсе не питейным заведением, а каким-нибудь чердаком. Да, пустым и пыльным чердаком с дикими голубями. Все вокруг – мои видения, но вы прекрасные видения, вы – призраки, хранящие любовь к ближнему. А я ближний ваш, и без вашей любви я умру.

Он опускает голову и, кажется, плачет. Мы тоже стараемся не смотреть на него. Но вот голова его вскидывается, и улыбка на лице огромна и неестественна.

– Меня отказались лечить, да и зачем? Я не опасен. Я верю в Бога, по воскресеньям я стою на паперти Ильинской церкви и прошу милостыню. Нищие гонят меня, а я счастлив. Блаженны вы, если вас гонят и поносят во имя Мое. Я блажен. И я благодарю Бога за дарованную мне болезнь. Этот драгоценный дар – мой единственный талант, моя благодать. Не смейтесь, я люблю вас. Вы – многоликие образы Божьи, вы стремитесь к богоподобию, и вы страдаете. Я лишен тех талантов, которыми вы преизбыточествуете. Вы все творцы по подобию Божьему, и я счастлив пребывать рядом с вами. Пусть вы не достигнете вершин самого Творца, но вы устремлены, вы живете живой жизнью. Ваши души стремятся к совершенству, и я союзник ваш, союзник по земному путешествию. Моя больная душа благодарна вам, за то, что вы не гоните меня. Ведь вы не прогоните меня?

Он смотрит на нас так просто и доверчиво, заглядывая каждому из нас в глаза и перелорачивая душу.

– Ну что вы, – не выдерживает бармен. – Хотите выпить или закусить за счет заведения?

– Спасибо. Спасибо, – говорит человек. – У меня есть деньги. Я не голоден. А пить мне нельзя. Мне многого нельзя. Мне нельзя иметь детей: рождаются идиоты. Но меня любила одна женщина. Моя женщина была ангел. Адам однажды проснулся в своем однокомнатном раю рядом с Евой. Я называл ее женой. Ах, если бы у меня был хоть какой-нибудь талант, я прославил бы ее в поэзии, в живописи, в музыке. Я записывал каждое мгновение с ней, их было не много, вот они, у меня плохой почерк, но вы почувствуете эти мгновения. Некоторые назовут это порнографией, но это правда. Я записывал все до мелочей. Детали очень важны, наша интимная жизнь забывается из-за невнимания к ним. Сказано, в соитии участвуют трое: он, она и Бог. Я искал Бога в интимных подробностях. Но я лишен таланта литератора. Согласитесь, что расплатиться однокомнатной квартирой за мгновения неземного бытия – наименьшая цена. Да и с чем сравнивать рай. Я живу теперь на чердаке с дикими голубями. Адам, изгнанный из рая, Адам сластолюбив. Ева приносила мне в жертву свое тело. Мы все распинаем женщину, она образ Божий, явленный нам во плоти. Она возвращает нас в рай. Зеркальное отражение Христа – вот что такое женщина. Она желанна как Бог. Она врата Бога. Сквозь маленькое отверстие в ее плоти к нам вошло Небо, явился Христос. Оттого мы так стремимся туда, мы вождедем Бога и оскверняем его врата. Мы несообразительны. Свою жажду

любви мы унизили до вожделения женщины. Проникая в нее, мы оскверняем своей похотью Царство Небесное. Меня ослепила похоть! Но Бог милостив. К моему идиотизму он присовокупил болезнь сердца. Соития мне противопоказаны. Сразу после наслаждения сердце останавливается, и я умираю. Моя женщина убивала меня. За что? Это понятно. Женщина ведет войну на стороне Бога. Женщина – это всегда война. Наша война на юго-востоке – это война с женщиной. Мы гибнем в женщине и погинем окончательно, если не остановимся. Нас спасет страх смерти. Он спас меня, я трус, жажда жизни оказалась сильнее жажды рая. О, я не призываю вас к монашеству, но любить женщину больше Господа – смертный грех. Отрекитесь от женщины во имя Господа. Да приидет Царствие Его. Наша рюмочная – Царствие Его. Смиритесь и радуйтесь. Пейте вино во славу Господа!

– Аминь! – восклицаем мы хором и наперебой заказываем водки и пива.

– Я не договорил, – твердо отделяя каждое слово, произносит человек. – Да, речь моя бессвязна, но она – правда. А правда – это Бог!

– Да знаем мы, милый, – говорит ласково бармен. – Мы народ православный.

– Молчать и слушать! – вдруг, срываясь на фальцет, кричит человек и топает ножкой. Мы замираем от неожиданности.

– Вы все лжете мне, – говорит он. – Все вокруг меня ложь! А как глала мне моя жена! Так искренно, что я не верил своим глазам, застав ее с любовником, и не с одним. Это было всего лишь мое видение: зрительная и звуковая галлюцинация. И я соглашался. Она окружила меня ложью. Ложь объединила мир, и он стал против меня. И тогда я окончательно сошел с ума. Это был неосознанный выход: сойти с ума, чтобы не покончить с собой, чтобы выжить в этом мире лжи. Я идиот! Но и вы все сумасшедшие, раз все вы еще живы. Ваша война – апофеоз вашего сумасшедствия. Вы прославляете смерть. Неужели вы не понимаете? Нет, не понимаете. Вы больны. Должен появиться кто-то один, кто скажет правду и откроет вам глаза на вас самих. И тогда вы увидите, что вы чудовища. Вы будете искать корень лжи, чтобы вырвать его из сердца, и упретесь в женщину, и обвините ее, как Адам обвинил Еву, и успокоитесь. Но и это будет ложь. Наша ложь – это лента Мебиуса, смерть ее суть, мы мертвы. Вас нет. Вы мертвецы, мечтающие убить Бога, и вы мучаетесь невозможностью, да, вы страдаете от невозможности убить Бога. Но ваши страдания и есть выход. Полюбите страдания и вы обретете Бога. Он вечен и не убиваем. Поверьте в это и вы обретете благодать. Я призываю Дух Святого снизойти на вас. Сейчас он пронзит вас огненными языками, и вы полюбите Бога и созданный им мир. Духом Святым вы полюбите врагов ваших и зарыдаете от раскаяния.

Человек вдруг падает на колени, воздевает руки кверху и истошно кричит,

– Господи Дух Святой, снизойди на нас!

Мы срываемся со своих стульев, опускаемся на заплыванный пол и кричим вместе с ним:

– Господи Дух Святой, снизойди на нас!

Мы тянем руки к потолку, на котором в сигаретном дыму под дешевым абажуром висит единственная лампочка и хором, срывая голоса, орем:

– Гос-по-ди Дух Свя-той, сни-зой-ди на нас!!!

И вдруг лампочка гаснет. Воцаряется жуткая тишина и темнота, и в ней мы слышим голос:

– Прощаются грехи ваши, ступайте с миром и не грешите более.

Свет озаряет нас, загорается лампочка, мы прозреваем и оглядываем зал. Возле выключателя стоит наш человек и, нежно улыбаясь нам своей беззубой улыбкой, вдруг произносит негромко, но отчетливо:

– Официант, водки и пива всем за мой счет!

И ТУТ ВДРУГ...

И тут вдруг в нашу заплеванную и прокуренную «Рюмочную» входит женщина...

Всю жизнь я боялся женщин. (Детские комплексы брошенной матерью ребенка.)
Женщина в моем воображении всегда – богиня, в моем описании...

Итак, женщина входит, и описать ее необходимо. Женщина – не мужчина, тут не пройдет: «вошел человек», или «жил-был человек», или «человек – это звучит гордо»! Напишите: «Женщина умерла», и вы почувствуете вселенскую катастрофу.

Женщина входит. Высокая, стройная, худая (я предпочитаю худых), рыжеволосая (сейчас такие в моде). Глаза... Глаза огромные зеленые, ресницы густые. Я бы ввел ее в свое воображение голой, но в «Рюмочную», в заплеванную и прокуренную «Рюмочную» она входит в строгом английском костюме (я читал о таких в романах), туфли в цвет костюма на высоком каблуке, шляпа... шляпа с вуалью. Она входит. Та-да-да-дам! Не смею утверждать, что вход женщинам в наше заведение, как и на святую гору Афон, запрещен. Бывают. Очень редко. Всякие бывают. Но эта... О, как грациозно, через зал, к свободному столику! Присаживается и заказывает все меню: сто грамм водки, стакан томатного сока и бутерброд с килечкой и кружочком соленого огурца. Выпивает залпом, достает из сумочки (еще сумочка, я о ней забыл), изящный портсигар, официант щелкает зажигалкой.

– Повторить, – указывает она тонкой рукой на опустевший стопарь. Мы аплодируем. Бармен включает музыку. Оказывается, у нас есть музыкант. Все взоры завсегдаево обращаются ко мне. Я – известный на Подоле ловелас. И я встаю. Танцующей походкой подхожу к ней:

– Мадам, позвольте пригласить вас на танго.

Ударение на последнем слоге, – стиль заведения и мое амплуа требуют. Она согласна. Встает, перекладывает сигарету в левую, нет в правую руку, и мы танцуем. О, как мы танцуем! Я – страстно, она – отрешенно. Я для нее манекен, всего лишь партнер. Не исключено, что в финале она протянет мне один или два доллара.

Что я отвечу? Что я писатель? Что вся эта «Рюмочная» – плод моего воображения? Она протягивает мне свой портсигар, и я закуриваю.

– Мадам, – говорю я, – Вы – моя мечта, мой идеал, который только я способен воплотить в литературе. О, если бы мы встретились не здесь, а в реальном мире, я бы побежал за Вами на край света, я умолял бы Вас остаться со мной, прожить со мной хотя бы эту жизнь! Но Вы предпочитаете искусство литературы. Литература вводит Вас в вечность. О, религиозное чувство женщины, оно лишает нас земного человеческого счастья. Бог дал нам женщину не всю, а только ее малую часть – плоть. Всей женщиной: ее душой и духом, обладает только Он. И я ревную свою женщину к Богу.

– Господи, – говорю я, – ты поманил меня счастьем, я пошел и обрел страдание. Все, что ты дал мне на этой земле – повод к страданию. Я страдаю, Господи. Ты доволен?

– Если я – всего лишь твоя фантазия, – вдруг говорит женщина, – то кто же наши дети? Тоже фантазия?

– У нас есть дети?

– Двое, мальчик и девочка. Ты хотел гораздо больше, но Бог дал только двоих. И я счастлива. Я счастлива каждый вечер забирать тебя из этой «Рюмочной», где ты сидишь один за столиком и пишешь. Твои рассказы не печатают, пьесы не ставят, но ты упорно пишешь. И я люблю тебя, и не ревную, потому что я знаю, ты пишешь обо мне. Я узнаю себя в каждой женщине. И в этой рыжей аристократке я тоже узнаю себя. Но я узнаю и тебя. И этого мне хватит на всю жизнь. Даже когда тебя не станет, я буду перебирать твои

рукописи и познавать тебя. Как сейчас: каждым твоим волоском, каждой морщинкой, так и потом – каждым словом, каждой запятой и многоточием. Я всегда буду познавать тебя.

– Что, господа, съели! Любят ли вас больше меня? Да, я люблю и любим. И это все, что мне нужно. Мне плевать на вашу политику, на вашу войну, на вашу смерть. Я вечен, потому что меня любят, вечен, потому что люблю. Я люблю эту женщину, вас, эту «Рюмочную». Моей любви хватит на всех вас, берите, сколько хотите, даром!

Не хотите... Вам не до любви. Вы жаждете справедливости. У вас народ, страна, церковь, война... А как же любовь? Что вы без нее? С вашей справедливостью, социальными идеалами и чувством мести? Справедливость требует мести. Ваш бог требует мести как жертвы, чтобы удовлетворить вашу жажду справедливости. А ее нет. Ничего нет. Неужели вы этого не видите? Есть только любовь. Она связывает все: меня, эту женщину, моих детей, вас, эту «Рюмочную», церковь, страну, войну, весь мир. Если она вдруг исчезнет, все распадется на атомы. Мы исчезнем... Как тяжело любить вас, господа, и как это легко и радостно, попробуйте, попробуйте...

ДВА ТОВАРИЩА

Они входят, отряхиваясь от снега, и мы замолкаем в удивлении: Как? Уже зима?

– ...а исключение, – говорит первый, продолжая разговор (неужели они не заметили, что пошел снег?), – исключение – это поставить небоскреб посреди деревни.

– Но ведь так все и делают: каждый норовит заявить о своем я! – восклицает второй.

– Вот именно! О чем я вам и говорю. Тут как в архитектуре: два типа мышления. Архитектура исключения – небоскреб в чистом поле, и архитектура включения – включение в пейзаж, в соседнюю застройку, в человечность.

И вдруг он вздыхает:

– Но и это уже исключение. Человечность стала исключением. Нам, пожалуйста, триста грамм водочки в графине и закусьте. Так вот...

– Простите, – спрашивает официант, – там снег идет?

– Ну да, – удивляется вопросу архитектор.

– Первый снег?

– Наверное, первый.

Официант проходит через весь зал и распахивает двери. Снег в свете фонаря неспешно падает на землю. Мы все глядим заворожено. Снег идет, в дверном проеме замер человек. Господи, как хорошо. Мы дожили до зимы.

– Официант! – зовет бармен. Официант закрывает двери осторожно, чтобы не спугнуть снегопад, и чтобы снежинки упали туда, куда им предназначено было упасть, идет к барной стойке, подхватывает поднос и несет заказ двум случайным посетителям нашей «Рюмочной», пришедшим к нам с первым снегом.

– А я ведь и женился-то из-за снегопада, – вдруг говорит товарищ архитектора, наполняя рюмки:

– Представьте, провинциальный народный театр. Я когда-то в нем играл, студентом еще. А тут проездом, много лет спустя. Премьера, пошленькая пьеса на потребу публики, кордебалет. После – банкет. Меня усадили рядом с танцовщицей. Я люблю театральные банкеты. Актеры произносят тосты так, будто играют несыгранное: всем своим видом, голосом, паузой, интонацией заявляя о не востребованности своего таланта, не раскрытости его. В актерском тосте и боль, и хвастовство, и самоирония, и надежда; возвеличивание

себя и уничтожение остальных. И все это так по-детски беззлобно, что поневоле заражаешься, хочется тоже что-нибудь этакое выкинуть, исключительное и, как вы говорите, потаенное. Ведь в каждом есть что-то исключительное и потаенное. Мы тешим его внутри себя, но иногда хочется явить его миру и не быть осмеянным. Где еще это можно сделать как не в театре? Может, потому и существует столько лет театр, чтобы каждый мог явить миру свое лучшее. Я убежден, что актеры затем и живут, чтобы показать нам то, как прекрасен может быть человек.

– За актеров! – поднимает рюмку архитектор.

– За театр! – соглашается его товарищ. Они выпивают и он продолжает:

– После банкета я провожал танцовщицу, читал ей стихи, она смотрела на меня огромными глазами недоуменно. Как? Бизнесмен, у меня уже тогда была строительная компания, и вдруг – поэзия? Вдруг все совпало в тот вечер, уже ночь: вдруг пошел снег, первый снег, такой же, как сейчас, большими хлопьями, неспешный. Простите за сентиментальность. Я смотрел, как снежинки падают на ее волосы, на лицо. Они таяли и светились под фонарями. Вдруг я предложил ей, не зная даже ее имени, забыл, руку и сердце. Уже потом я понял, что всему виной это странное состояние души, виноват и первый снег, и снежинки, тающие у нее на лице, и эта белизна пустых улиц, ощущение белого листа, целомудрия мира. Первым снегом Бог отпускает грехи земле, всему человечеству. Первый снег – это предложение Бога начать жизнь заново, без греха, чисто и радостно, обнаружить в себе ребенка и жить с ним, являя его миру – какие у детей грехи? Да-да, снегом Бог прощает землю. И вот она, нераскаянная, но прощенная, дарит надежду и новую любовь. Я женился.

– За любимых жен! – поднимает рюмку архитектор.

– Да-да, – соглашается и быстро выпивает его товарищ:

Я женат уже много лет. У нас дети, внуки. А я не знаю, люблю ли я ее? Я вспоминаю тот снегопад. Допустим, Бог явил мне благодать в ту ночь. И в этом благодатном состоянии я любил весь мир. Что же, если бы на месте моей жены была другая женщина, случайная прохожая, я бы тоже сделал ей предложение и тоже женился?

– Но ведь была она...

– Я понимаю, о чем вы хотите сказать: что у Бога все не случайно. Я понимаю, но... Ведь этого больше не было. Не было падающего снега, женщины, глядящей недоуменно, чувства покоя и любви к этому миру. Была обычная жизнь. И вот она почти прожита. Снег идет. Мы с вами – случайные посетители этого заведения для неудачников. Да, моя жизнь не удалась. В ту ночь я был обманут. Кто обманул меня? Бог?

– Не знаю.

– А что, если Бог – это обман. Что, если Его нет?

– А что есть?

– Есть первый снег, первый дождь весной, шелест листьев под ногами. Что, если проживать каждый день, как первый? Я знаю, чем вы возразите: что все это создал Бог. Я согласен, умом соглашаюсь, но сердцем я буду радоваться не Богу, а первому снегу. Понимаете? Мы столько нагородили вокруг Бога, что потеряли способность чувствовать Его, при этом отказались от чувств, простых и ясных. Ради Бога и своей, а не им дарованной, веры, мы отказались от любви. Я ведь сегодня даже не заметил там, на улице, когда мы шли и говорили об архитектуре, первого снега. Если бы не этот молодой человек, официант, я бы и не вспомнил о той ночи, когда я любил. Любил бескорыстно, без надежды, на что можно еще надеяться, без веры, зачем мне вера? Любовь переполняла меня, и я был счастлив! Ах, милый мой, как невыразимо счастье. И, что ужаснее всего, невыразима сама жизнь. А что, если та ночь и была вся моя жизнь? Так мало. Так мало. Кто

виноват в этом? Бог? Я? Моя жадность? Да, я хочу, если не большего, то хотя бы повторения. Нет, если это повторится, будет не то, я жажду большего, еще большей любви, любви до бесконечности, я вытерплю бесконечное счастье. Но ничего не повторяется. Я уже не надеюсь, не верю, не люблю. И жизнь прожита. Все в прошлом. Да что все? Одна только ночь, нет, меньше. Может это и длилось то одно мгновение. Вот и все. Вся моя жизнь.

– Кажется это у Марины Цветаевой, определение быта и бытия. Жизни и существования. Птичка летит – бытие, села на ветку – быт. Я всю жизнь обустроиваю человеческий быт, порой вдохновенно, но... – медленно подбирает слова архитектор, – я знаменит, не бедствую...

Но его товарищ не слушает. Он достает телефон:

– Странно, здесь не ловит. Жена заждалась. На посошок?

– Ну да, – соглашается архитектор, – На посошок.

Они выпивают по последней, расплачиваются поровну и выходят.

– А снег-то кончился, тает. О, Господи, – говорит архитектор, и дверь за ними хлопывается.

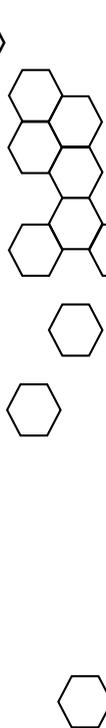
НОВЫЙ НАЧАЛЬНИК

Семен АБРАМОВИЧ

Отто Андреевича посадили за растрату. Хороший был мужик, безвредный. Даром что из немцев, когда-то завезенных в отечественные просторы, чтобы колонизовать нашу пустошь и заодно приохотить людей к картошке. Ничего, приохотились, хотя, как рассказывала в школе историчка, сперва даже бывали картофельные бунты супротив этой самой «похоти антихристовой». Небось нынче картошку все мы уважаем, когда ее, мамочку, значит, с солью...

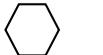
Так вот, этот самый Отто Андреевич, видный мужчина, даром что с совершенно голым черепом, имел за плечами многолетний непрерывный трудовой стаж длиной в целых тридцать лет, расплывшуюся и вечно недовольную жену Аделаиду Кирилловну, двух дочек-пересмешниц и хорошую трехкомнатную квартиру в центре. Как директор артели инвалидов, он имел-таки и деньжата; жена и дочки были в желтом турецком золоте и всякое лето отдыхали на южных морях. Контора, как говорится, потихоньку себе писала, а касса деньги исправно выдавала, да вот попутал директора возрастной синдром, и влюбился он в конопатую секретаршу-стажера Элеонору с фиолетовой шевелюрой и с жутковатыми черно-зелеными тату во все декольте. Ну, влюбился так влюбился, да вот петеушница-то оказалась не промах и вскорости обогатила свой имидж изрядным количеством цепей и перстней из все того же желтого турецкого металла. А тут случилась ревизия, за ней, понятно, арест и конфискация. Аделаида ходила залитая слезами, а девчата ихние мигом куда-то исчезли; рассказывали, что спешно повыскакивали замуж в столице. Но уж хватит о них, все это, как говорил поэт, пыль на дорогах истории. Цимес состоял в том, что через известное время в артель назначили нового директора, и это повлекло за собой ряд, что называется, волшебных изменений в коллизиях милой, привычной, хотя и не так уж чтобы и счастливой артельной жизни.

Главбух наш, Эсфирь Мордковна Лейдервудер, женщина довольно таки пронырливая при своих ста двадцати кило живого веса, уж так выпытывала, так выпытывала в управлении, кто он и откуда, этот новый человек... ничего не вывела толком. Сказали только: за ним ТАКИЕ стоят, что уж и не спрашивайте лучше. Идите себе и работайте хорошо. А то вечно вам бы дотации, да списать материалы, да материальную помощь тому-этому. Вот и пользуйтесь себе тихонько благами-то, значит. Вон, Отто ваш – захотел нечто новое, значит, познать, а что-хорошего-то?

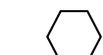

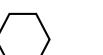
Новый появился точнехонько к началу работы – в девять ноль-ноль. Мы, предупрежденные Мордковной, пришли на пятнадцать минут раньше и кружочком сидели на черных клеенчатых стульях у входа. Было тихо. Мордковна держала дисциплину, густо шикая на тех, кто пытался переговариваться. Одна лишь Алинка-крейзи, маленькая, худосочная, серенькая, как воробышек, выпускница спецшколы для умственно отсталых, что-то тихонько напевала, анархически раскачиваясь худенькими плечиками туда-сюда. Роковая стажерка Элеонора сидела особняком; с ней уже давно никто не разговаривал, и сейчас она сидела вполоборота к народу и презрительно щурилась на свои разноцветные ногти в идиотских цветочках.

В коридоре раздались четкие, звучные шаги, дверь плавно отворилась (намедни ржавые петли все же смазали) – и в наше ателье, в пыльный утренний поток света из давно не мытого окна вступил... ну и не знаю уж, как сказать, что за один.

Все на нем было новое, с иголочки, с претензией. Серая тройка; галстук серый же, шелковый, чуть темнее по тону, чем костюм – хороший тон; нагрудный платочек из того же материала, что и галстук; замшевые штилеты в тон темно серому костюму, и, самое главное, на руках – тонкие перчатки из точно такой же по цвету, что туфли, замши – это в сентябре-то! На плече небрежно висела большущая темно-серая кожаная сумка, совершенно в тон туфлям и перчаткам. Лицо его, абсолютно правильных черт, наполовину скрытое под большими дымчатыми солнцезащитными очками, было недвижно и сияло, как у манекена; мышино-сероватые волосы зализаны волосок к волоску. Мордковна клялась позже, что у него был еще и настоящий макияж. Я не могу ничего сказать про такие вот детали, так как в этот самый момент Алинка-крейзи вдруг вскочила и с громким визгом Машина! Машина! – кинулась в открытые двери, так что комплектовщику Игорю Ивановичу пришлось с силой рвануть рычагом своей коляски поперек движению, чтобы удержать дурочку.

Новый начальник бесшумно проследовал к подиуму, который служил местом для президиума на случай собрания, положил сумку на стол и молча уселся. Ни очков, ни перчаток он так и не снял. А когда заговорил, то голос его звучал как-то бесцветно, без всяких интонаций. Этот лощеный как будто с луны свалился, или из кинофильма про заграничную жизнь бесшумно сполз по стенке в зал, так что никто не заметил... И вообще, он хоть инженерное образование имеет? Зацепит петлю, к примеру, вязальная машина, и – простой минут на двадцать; мастер наш Авдей Григорьевич не всегда в своем деле волокет, техникумовский диплом ему зять сделал – он в том техникуме завучем, да и выпить любит – то есть, не зять, а Авдей... Отто ведь хорошим инженером был, со всеми заминками справлялся играючи... жаль мужика, купился на вот эту стерву...

Стерва, впрочем, так и впилась глазами в загадочный новый объект и явно прикидывала что-то свое, женское. Но вот тут-то и грянул первый гром.

– Вас же, Элеонора Сидоровна, попрошу зайти в канцелярию и написать заявление. Срок вашей стажировки закончился, не так ли?

Эля же, как все отлично знали, рассчитывала у нас не только зацепиться, но и занять место заведующей той самой канцелярией. Сухие слова Сергея Ивановича прозвучали для нее явно неожиданно. Она побелела, вскочила, яростно простучала перед заинтересованным собранием каблуками, как это всегда делают разъяренные женщины, и страшно бабахнула дверью. Алинка-крейзи вдруг забила в ладоши; еле урезонили.

В общем, началась иная жизнь. Новый, оказалось, ни во что не вникал, ни с кем не сближался, точно приходил на службу, отсиживал свои часы в кабинете и исчезал в положенное время, сухо и вежливо попрощавшись. Так прошла первая неделя.

И вот тут-то грянул гром.

Лейдервудерихе, которая была у нас вроде как мать Тереза и фактически руководила всем (уж это он таки просек), было сказано следующее:

– Эсфирь Мордковна, надо оформить новую секретаршу, а то с этой...стажеркой все было не так, как следует. Я нашел хорошую девушку, через час она будет здесь, так что – прошу...

Все так и повелись бровями – от одного к другому. Ну, а у этого какой вкус до баб? Наверное, такая же фифа будет, как и он сам, из знакомых...

Все с нетерпением ждали появления этой самой хорошей девушки. Часы пробили десять, а она все не шла. На пятнадцатой минуте одиннадцатого дверь как-то конфузно приотворилась, тихонечко захлопнулась и снова приотворилась.

– Настенька, отчего же вы медлите? – прожурчал механический голос нашего нового. – Заходите, ждем вас.

Дверь отворилась, и все онемели. В проеме возник всему городку известный Ванька-трансвестит, дылда громадного роста, облаченный, как обычно, в цветастое платье, которое болталось на нем, как на вешалке, и в невысшимом ярко-желтом парике в известном стиле «взрыв на макаронной фабрике». Был Ванька, по обыкновению, густо размазан, с ярко-красным маникюром. Каблуки его, впрочем, стучали как-то жеманно, и походка у него была самая что ни на есть развинченная... и с чего б то... знамо дело.

Все мы друг друга знали сто лет, городишко-то махонький. Ванька был из неблагополучной семьи, побывал и в детдоме; вырос, как горох при дороге; девушки на эту орясину не смотрели... кто осудит? Да и общение у него какое – народ у нас пендосов не уважает, к церкви святоотеческой привержен. Так, пьяного солдатика там заполюет или еще кого... под настроение. На работу, понятно, никто не берет, хотя уже и не сажаят, слава Богу. Бедствовал он, словом, страшно.

– Эсфирь Мордковна, – прогудела прокуренным баритоном новая секретарша. – А куда мне документы сдать? И где мне сидеть выходит?

Все онемели, или, как пишут в интернете, так и сели.

Так вот каких баб ты, брат, пользуешь!

Тем не менее, возражений никаких не последовало, идем в Европу и все такое, и Ванька-Настя устроился в каморке-прихожей перед кабинетом Сергея Ивановича, заваривал ему чай, фильтровал посетителей и, казалось, был совершенно счастлив. В каморке теперь густо пахло табаком и чем-то приторно-сладким; над секретарским столом красовались фотокарточки смазливых молодых киноартистов; беспрестанно гремел хард-рок, вызывая смутную тревогу. И, похоже было, что все это бесстыдство никого не волнует. Начальник был олимпийски спокоен, и все происходящее его явно устраивало. Мы только молча переглядывались. Мордковна попыталась было поговорить в управлении о том, что за дела такие, но ее жестко пресекли при первых же попытках открыть людям глаза.

– Стало быть, у них в самых верхах кубло, – меланхолично заметил Авдей Григорьевич.

На том и разошлись.

Ненадолго разошлись, однако.

К концу второй недели новой власти случилось нечто невообразимое.

Среди бела дня из кабинета раздался истошный вопль новой секретарши. А через минуту он – она? – оно? – выскочил из начальственного закутка и пулей промчался к двери.

Алинка-крейзи завопила в голос и стала биться в корчах.

Показался и Сергей Иванович, но – в каком виде?!

Рубашка его под строгим пиджаком была распахнута, а брюки расстегнуты, являя миру нечто неопишное. Но лицо оставалось все так же бесстрастно.

Как, впрочем, и механический голос.

– Эсфирь Мордковна, Вы женщина опытная, скажите, пожалуйста, что я сделал не так? Мордковна медленно задрожала всем своим немалым телом и грохнулась без чувств.

Начальник явно начал соображать, что все как-то и в самом деле очень уж не так. Он поднес указательный палец левой руки к виску и отчетливо запустил его под кожу. Все ахнули. Между тем что-то громко щелкнуло, и ровный голос Сергея Ивановича начал излагать нечто неподвластное уму.

– Пункт А. Начальник у землян обычно сожительствует с секретаршей. Это престижно.

– Пункт Б. Начальник всегда подбирает на эту роль очень красивую девушку.

– Пункт В. Девушка знает, на что идет, и с ней можно не особенно церемониться.

– Пункт Г. Следует предварительно согреть металлический педаль...

Тут Сергей Иванович вдруг как бы спохватился и вынул палец из виска.

– Слушайте, – скрипуче обратился он к нам, кучке насмерть перепуганных землян. – Дело не в согревании. Я был в шоке и не нажал красную кнопку. Ведь оказалось, что это была какая-то странная девушка, хотя и в самом деле очень красивая. Но оказалось, что все у нее почему-то не так. Да что уж тут говорить. Миссия провалена.

Он на мгновение вернулся в кабинет и вышел с сумкой в руках, резко растянул ее в стороны, так что она вдруг сделалась в самый его рост и была вмиг напаяна, образовав как бы скафандр; из боковых карманов сумки забили две огненно-радужных струи. Как гигантская темная сигара, обрамленная огнями, инопланетянин беззвучно взмыл ввысь и, вдрызг разбив окно, исчез в безмятежно-голубом небе.

Следствие было закрытым и длилось недолго. Все вернулись к работе. Но Алинку-крейзи куда-то забрали, и больше мы ее не видели.

А Ванька-трансвестит рассказал Авдею Григорьевичу, что инопланетянин встретил его в глухом углу городского парка, так что он было принял его за приезжего из столицы, ищущего понятного приключения. Но тот вдруг пригласил его на работу, так что у бедного Ваньки поехала крыша: он решил, что годы бедствий кончились, что мужик крутой и сделает ему житуху, и вообще – вот он, мечта, человек порядочный. Не приставал, рук не распускал и, похоже, хотел заключить тайный нетрадиционный брак. Ванька горел желанием отблагодарить – однако же стеснялся, боясь нарушить, как ему казалось, высокое чувство, возникшее между ними. Но в тот злосчастный день у робота в голове что-то громко зажужжало, раздался громкий щелчок, и наше человекоподобное набросилось на трансвестита с совершенно, казалось бы, определенным намерением. Однако Ванька, увидев это существо во всей его титанической неземной красе, пришел в неопишмый ужас, а робот, заголив «девушку», явно впал в недоумение и застопорился.

– И сошел с катушек, – заключил Авдей Григорьевич, вручая Ваньке двадцатку на пиво.

Да, плохо они там нас изучают, надо думать. Очень поверхностно. Оптика слабовата.

ПО СОСЕДСТВУ

Собачий лай внизу, под окном, взорвался так внезапно и оглушительно, что Сергей Петрович выронил вилку с дымящимся пельменем, густо облил себе майку горячим маслом и разразился отборным матом. Вообще-то он себе такого не позволял: все-таки доцент, хотя уже и на пенсии. Но это сообщество во дворе, под самым окном его кухни, вся эта свора мелких, но зловредных черношерстных дворняжек и, главное, люди (люди ли?!) достали его по самое не могу, честное слово!

Вообще-то все начиналось славно: когда Сергей Петрович с супругой Маргаритой Никитичной въехали в эту квартиру – в самом сердце областного центра, то этот клочок деревни посреди облупленных, но все еще величественных двух – и трехэтажных домов стиля сецессион показался на диво милым и уютным. Летом окно на кухне круглосуточно держали распахнутым (третий этаж, чего опасаться?), и утро тут начиналось с пения птиц; иные садились на самый подоконник и, любопытствуя, заглядывали блестящими бусинками глаз к ним, в кухню, сквозь сетку, предохраняющую от насекомых. Внизу копошилась группа пестрых кур, круживших вокруг недвижно сидящего громадного рыжего кота. Вход в одноэтажное жилище соседей насупротив не пленял особыми стилистическими решениями; дверь была сколочена грубо и покрашена кое-как; на веранде часами томился голопупый усатый мужик, почти не менявший позы; ребенок выкликал тонким журавлиным кличем какую-то футуристическую заумь; посреди двора расхаживала неспешно женщина, сложенная, как палеолитическая Венера, и сверху было отчетливо видно, что макушка у нее совершенно лысая – прям хоть спой что-нибудь из буржуазного писателя Ионеско или там Сэмюэля Беккета! Ее муженек, маленький, скорченный, седенький, неизменно выпивший уже с самого утра, всегда совершенствовал жизнь: зачем-то все перекалывал плитку, которою был вымощен двор; строил огромный – на весь двор – шатер для свадьбы какой-то обозначившейся в недрах квартиры девицы, похожей на Пиковую Даму с игральной карты; чинил старенький «Москвич»; тащил, как муравей, какие-то громадные засохшие ветки или длиннющие покореженные старые доски, обломки фанеры и старой мебели...

Ужас начался с того, что вся эта непотребная древесина, оказывается, на протяжении светового дня резалась циркуляркой на мелкие кусочки, и отвратительное ВСЕПОБЕЖ-Ж-Ж-ДАЮ-Ш-Ш-ЩЕЕ ЖУЖ-Ж-Ж-ЖАНИЕ НЕ ПРЕКРАЩАЛОС-С-С-СЪ НИ НА МИНУ-У-ТУ-У-У... Этой рухлядью, собираемой по всему городу, соседи топили газовые печки, не обращая внимания на то, что обломки мебели содержали крайне ядовитую эпоксидную смолу, и на смену воплям циркулярки снизу по вечерам лилось дикое зловоние. И не брало же их ни капельки-то! В общем, идиллия, как говорят, увы и ах.

Но все это были только цветочки.

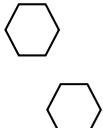
Настоящий ужас обнаружился, когда лысая с мужем завели собак. Взрывы лая следили круглосуточно, в ритме прозы, который, как выразился малоизвестный широкому читателю Андрей Белый, подобен хлопанью ставни в бессонную ночь: все сжимаешься – вот-вот хлопнет!

Но самый большой ужас начался с того, что однажды утром из нехорошей квартиры вышли две сослуживицы Сергея Петровича – доцентши Свиристюк и Гоголь.

Первая в советские времена была лектором-атеисткой по убеждению, любила объяснять старинную живопись и ярко расцвечивала в слове трупный зеленый свет, который, по ее мнению, классики кисти щедро лили на огорошенные лица своих персонажей, раскрывающих по принуждению правящих классов Библию. Сергей Петрович, тайно

красивший яйца на Пасху, немного ее побаивался. Вторая была без особых претензий и подчас выражалась по-местному – типа «поставила Вам на стол Ваши две копейки сдачи», но умная была в целом и начитанная, а муж у ней был академик там какой-то из мединститута. Культурные были женщины. По всем статьям, им сюда не полагалось, ночевать же тем более. На изумленный вскрик Сергея Петровича, любившего по утрам мирно лежать грудью на подоконнике и созерцать натуру, дамы вскинули взоры и сухо поздоровались. Ну, допустим, мало ли что.

Однако Сергей Петрович стал примечать нечто еще более страшное: что из двери по утрам выходят все новые и новые люди, а вчерашние как бы исчезают навсегда, растворяясь в воздухе бесследно. Каждый день – новая девка, то русая, то чернявая; гогочущий, словно гусь, во все свое скобленное рыло папаша с дитем – назавтра это самое дите было уже на руках у другого типа, с усиками и оловянным, как у Гиммлера, взглядом; мужички какие-то с брюшком или без него; серые невзрачные тетки в бесформенных кофтах... Запомнилась одна феечка в черном, иудейского типажа, два дня кружившаяся по двору волчком и воздевавшая над головой руки в чужом, вызывающем жесте, прежде чем пропасть из поля зрения Сергея Петровича навсегда. Одна лишь лысая бабища да ее муженек-муравей, неугомонный на своем внутреннем спиртовом двигателе, маячили внизу день и ночь, руководя процессом.

На Новый год мужчина неизменно опутывал вход в свой двор электрической елочной гирляндой, выдававшей странный, замораживающий каскад вспышек в ритме явно азбуки Морзе. Кому это был отправлен сигнал, и кто его мог принять?

Сергей Петрович в юности любил детективы, а еще больше – американскую фантастику, которая тогда среди советской молодежи – по глупости, конечно! – котировалась. Выросший в тихой, неприязнительной глуши сибирского райцентра, он любил лежать с растрепанным томом какого-нибудь библиотечного Брэбери в руках на теплых досках, образовывавших крышу ихнего сарая, и, время от времени, переводя взгляд в высокое северное голубое небо с неспешно плывущими по нему облаками, представлять себе нечто такое...

Типа, что бабушка Муза, согбенная кощера с клюкой, есть мутант, засланный в СССР со звезды Альдебаран на предмет великой диверсии. А участковый ихний, ясноглазый и золотоволосый богатырь Ярослав Никифорович, прислан оттуда с целью мутанта обезвредить: вон, вчерась Муза Клеофастовна семечками торговала возле кино, так он ее прогнал: знамо дело, что за семечки внедряешь в неокрепший организм советских подростков! То ли еще будет, старая ты роботиха!

Когда же после окончания райцентровского пединститута по специальности русский язык и литература Сережа получил назначение в другую республику, да в самый что ни на есть западенский областной центр, мать долго плакала, но отец, прошедший Отечественную, твердо сказал: ничего, поезжай, дружок Сереженька, наш адрес – не дом и не улица, понимаешь... И Сережа поехал в далекий чужой город, пугающе таящий в недрах своей семантики глухой намек на черноту, прочно осел там, потихоньку стал Сергеем Петровичем. Женился на милой Марго, дочери отставника, зав. складом – деньжата кое-какие имелись, мебель хорошую купили, золотишко там, вазы хрустальные две штуки и прочее всякое.

Потом защитился, перекантовался в здешний университет с какими-то там крестами и куполами (резиденция митрополичья тут была, да наши его повышибли). Работалось хорошо, и люди были золотые. Доцент П., хотя и молдаван, но умница и обиходительнейший человек. Доцент Н., родом из центральных губерний, тоже умница и знаток искусства; имел он набор старинных стульев – как утверждал, из самого Зимнего дворца, хотя

иногда рассказывал и так, будто гарнитур перешел ему просто от тестя-работяги, но, при желании, обе версии можно было и состыковать. Доцент Н-2, простой, как правда, весь в шрамах (война, что ж ты, подлая, сделала!), с которым так чудесно ловилась рыба... Строил что-то из себя профессор В., черный берет, понимаешь ли, носил и все фыркал, ровно кот спросонья, ну да другая все же кафедра, зарубежники, не наш замес. Начальство Сергея Петровича уважало, грамот и поощрений была пропасть, избрали было его даже в местком, да как-то не задалось. Квартиру вот эту самую от университета получил, евреи тут жили когда-то, лучшие квартиры в центре позанимали, понимаешь! Впрочем, иные местные, затаенные, несмело говорили, что они их для себя сами и построили, но Сергей Петрович на такие речи не велся: где вы видели еврея с мастерком в руках, кладущего кирпичи? Народец весьма лукавый, себе на уме, словом – не наши люди; трубочка от них медная на дверях осталась с чужой, пугающей надписью – выкинули ее на фиг.

И все было бы хорошо, но временами просыпалось сосущее романтическое чувство: а что там на этом самом Альдебаране? Не сомкнулись ли инопланетные граждане с империалистами США, чтобы отнять у нас эту кровью завоеванную мирную и прекрасную жизнь?

И вот – нате вам! – тревога эта самая вдруг сделала некую параболу и крепко зацепилась за лысую бабу в соседнем дворе. Твердо представилось Сергею Петровичу, что таится в нехорошей безразмерной квартире колония марсиан, каждый день выбрасывающая обойму человекоподобных, которые играют свадьбы, заводят детей, неприметно работают в учреждениях и ждут, ждут часа X, чтобы учинить кровавый переворот. А Лысая – она и есть Матка, всему делу начало. По ночам мечет помет, а чтобы смрад, какой тому сопутствует, перешибить, жгут эпоксидку – им это заместо табаку. А по утрам выходят, неприметные, и растворяются среди нас, людей. Чтобы люди их хуже понимали, они используют здешний диалект; как-то попробовал Сергей Петрович с мужиком, якобы мужем лысой, объяснить, к чему тут столько собачни, и еще зачем он на ихнюю Троицу в двери свежесорванную ветку вставляет, так тот, немилосердно дыша сивухой, только твердил: «То ж песыки мойи... так воно тра... зилёне став у дверы... то родытыме тоби усё харашо», и понять эту белиберду было решительно невозможно.

После того разговора собаки, тоже, конечно, тайные марсиане, стали злобно рычать на Сергея Петровича, когда ему случалось проходить мимо их калитки. Ни на кого ведь не рычат, а вот тут поди-ка! Как-то, на безлюдье, пнул он чертову куклу ботинком, и что же? Шкура черная над садиной легко отошла, а под нею обнажился ясный новый алюминий. Нехорошо, снизу, посмотрел ударенный пес в глаза Сергею Петровичу и явственно промолвил: «Пр-г-ривет!». То есть, конечно, для случайного уха было все это как глухое рычание, но нашего брата не проведешь. Равно как и алюминий вызывающе блеснул на солнце – не отопрешься, хотя ссаженная шкурка тут же как бы сама собой ссадину затянула. Лай же в ту ночь превзошел все мыслимые пределы, так что даже окно пришлось наглухо закрыть.

Сергей Петрович попробовал поделиться перед сном своими наблюдениями с женою, но Марго давно уже не была тою доверчивой простушкой, что когда-то смотрела в рот молодому доценту с замиранием сердца. «Старый дурень, по тебе психушка плачет!» – вот и все понимание. А когда он попробовал рассказать про алюминий под собачьей шкурой, жена демонстративно покрутила пальцем у виска и, хлопнув дверью, ушла к соседке – посудачить.

Этой ночью Сергей Петрович умер во сне. Жена говорила, что утречком под входной дверью вроде как пес наклак кучу, а может, и кот. Но к смерти мужа никак не привязала: и так сыта по горло была его пенсионерскими рассказами. Закопали Сереженьку, речи нужные сказали – да и быть по сему.

Вечером она долго стояла у раскрытого настежь кухонного окна. Все было спокойно. Циркулярка, отвопивши свое, затихла. Люди внизу мерно гудели на своем маловнятном галопирующем наречии, дитя – вот уже который год – твердило ту же милую тарбаршину; звери копошились и повизгивали; небо темнело, и вот уже блеснули загадочно первые звезды. Маргарита Никитична зябло повела плечами и ушла спать.

Она не увидела, как в глухую полночь черепица над нехорошей квартирой вдруг взмыла вверх и беззвучно раскрылась наподобие большущего цветка, изнутри вырвалось слабое сияние, и оттуда тихо всплыл тускло блеснувший во тьме корпус космического корабля, во мгновение ока сложившийся в краткую сплящую линию, растворившуюся в бесконечном, темном, слабо искрящемся звездами небе. Крыша же так точно бесшумно сложилась, вроде как бы ничего не случилось.

Но собаки куда-то исчезли, и больше о них никто и не вспомнил.

ПОТЕРЯВШИЕСЯ ДЕТИ

Мобилки вдруг зазвонили все враз – у кого в кулаке, у кого в сумке или в кармане. Автобус дружно вздрогнул: это еще что за невидаль такая? Растерянно переглядывались – никто не решался нажать кнопку ответа первым. Я растерянно смотрел на свой айфон, низко гудящий негритянским рэпом. У моего соседа ситуация была покруче: один телефон, в руке, тоненько пищал какую-то попсовую мелодию, второй и третий – в барсетке – оглушительно выводили одновременно нежный танец маленьких лебедей и старый надрывный хит Пугачевой о женщине, которая поет. Сзади заливался тенор, исполнявший проникновенную серенаду Смита из «Пертской красавицы», впереди – оглушительно рвала уши бодрая советская песня о тумане и запахе тайги. Катавасия, словом, вдруг возникла невероятная. А ведь только что автобус мирно катил себе посреди бескрайней, неяркой полесской равнины. Было довольно жарко – как для середины сентября. Многие расслабились и дремали; сбоку от меня, через проход между двумя рядами кресел, вообще умиротворенно спала на руках у молодой, ярко накрашенной мамы маленькая девочка. Теперь же, разбуженная этим вихрем невесть откуда взявшегося звона, она орала во всю глотку и билась в судороге, еле удерживаемая матерью на коленях.

Я, кажется, первым решил нажать ответ и поднести телефон к уху.

– Кто это?! – растерянно выговорил я.

– КТО ЭТО?! – гулко ответил мне телефон моим же голосом, точно повторяя смятенную интонацию.

– Что за дьявольщина?! – растерянно воскликнул я.

– ЧТО ЗА ДЬЯВОЛЬЩИНА?! – растерянно ответил мой голос.

В оглушительную какофонию телефонного трезвона начали врывать изумленные и перепуганные человеческие реплики.

– Кто это хулиганит? – строго вопрошал хорошо поставленный учительский голос.

– Вот это да! – рявкнул где-то справа военный бас.

– Папа, папочка, я боюсь! – кричал малыш в ярко-зеленой бейсболке, надетой козырьком назад.

– Ничего себе! – завизжала ультразвуком дама в соломенной шляпке с цветами, разместившаяся сразу же за шоферским местом. – Водитель, что это такое! Вы хотите неприятностей?

Водитель, крепкий мужчина лет сорока пяти, впрочем, нашелся:

– А ну-ка, хватит галдеть, – заорал он, обернувшись лицом к салону. – Сейчас будем разбираться. До Киева – девять километров, там что-то сделают... А пока – все вырубил телефоны! Все, я говорю, до одного!..

Впрочем, видно было, что и он перепуган до смерти, и только старается держаться.

Кое-кто и в самом деле стал нервно нажимать на клавиатуру; я же просто перевел телефон на беззвучный режим, ощущая вспотевшей вдруг ладонью непрекращающуюся вибрацию механизма. За несколько минут, повинувшись новому окрику шофера, все выключили звонки, но, видимо, многие, как и я, лишь погасили звук; теперь мы лишь наблюдали судорожное свечение вибрирующего прибора, ожидая неведомо чего... Как же. В Киеве тут же к нам и кинутся. Там, наверное, галдежу и звону своего хватит...

Но и до Киева нам благополучно добраться, как оказалось, не было суждено.

Внезапно смотровое стекло перед шофером подернулось какой-то мерцающей тенью. Автобус так резко затормозил, что колеса заскрежетали, а пассажиров резко тряхнуло вперед; многие, и я в том числе, даже ударились лицом в кресло спереди.

Никто даже не пикнул, когда шофер отчетливо-громко произнес матерное ругательство и резко открыл передние, а затем и задние двери...

– А ну, выходите: машина отказала. Похоже, надо уматываться отсюда – на своих двоих!

Теснясь, все вскочили и сумятицей рванули к выходу. Какая-то толстая, неряшливая старуха, плотно оказавшаяся как раз передо мной, заверещала:

– Водитель, выдай багаж! Гусей жареных везу внукам!..

– Выдадут тебе все, тетка! А потом, похоже, и саму тебя поджарят, – буркнул какой-то парень в очках.

– Я... я тебе щас яйца вырву, – истерично заорала владелица жареных гусей, – умник нашелся, тоже мне! Тебя вот и жарить всего ничего – одни кости... в интернате, что ли, воспитывался!..

– Замолчите! – страдальчески произнес хорошо поставленный учительский голос. – Нам явно предстоит какое-то испытание. Сохраняйте достоинство.

Старуха между тем грузно вывалилась из автобусных дверей, за ней соскочил и я со своею портативной дорожной сумкой. Рядом оказались насмерть перепуганная молодая мать с хнычущей девчушкой, рвущейся куда-то в сторону, – еле-еле удавалось удерживать ее за руку. Далее стояли, как в землю вкопанные, двое пожилых мужчин, в сапогах, с военной выправкой. За ними вытягивал короткую красную шею, стараясь все рассмотреть получше, грузный лысоватый папаша, обнявший за худенькие плечи мальчишку в бейсболке. Все, в том числе и шофер, и старуха, позабывшая о багаже, и молодой очкарик, и дама-учительница со старомодной прической-улиткой, не сводили глаз с того, что вдруг обнаружилось перед автобусом.

Там клубилось нечто темно-серое высотой в три-четыре человеческих роста, занимаемая собой обе бегущих навстречу друг другу полосы асфальта. Внутри этой странной тучи проблескивали иссиня-белые звездочки, то ярко загораясь, то вдруг тускнея. Вся эта как бы живущая своей жизнью химера нарисовалась, надо понимать, в один момент посреди ровного, мирного поля, покрытого – во всю ширь окоема – уже слегка желтеющими хлебами под бескрайним бледно-голубым полесским небом с медленно проползающими по нему облачками. Более несовместимого сочетания я никогда не видел. Что-то опасное, чужое было в этом сгустке протоплазмы.

– Вот, дальше оно машину не пускает, – сказал шофер упавшим голосом, как будто это именно ему предъявили претензию по поводу случившегося.

Вдруг глаза его заблестели, а лицо приняло рассеянное выражение. Он потянулся в открытую дверь автобуса, ухватил со своего пульта дешевенькие электронные часы и швырнул их в тучу. Черные пластмассовые часики как будто ударились о незримую преграду и с сухим щелчком упали под ноги владельцу. Все переглянулись с испуганным видом. Наступило напряженное молчание.

Вдруг топчущаяся рядом со мной капризная девчушка звонко и радостно засмеялась, так что все вздрогнули от неожиданности. Затем она резко вырвала свою руку у матери, вприпрыжку ринулась к туче – и, о ужас! – ступила в нее и исчезла внутри. Мне никогда не забыть детской ноги, как бы растаявшей в непонятном мираже. Следом в один момент растаяли также копна русых волос и цветастое платьице...

– Ве-ра! Ве-рочка! – истошно завопила молодайка, упав на колени и простирая руки к сизой, мигающей белыми огоньками туче.

– Боже! Надо вызвать полицию! – прогудел учительский голос.

Вдруг в один миг туча бесследно растаяла, а посреди дороги обнаружилась Верочка, радостно посылающая воздушные поцелуи куда-то вверх. Мать налетел на нее и обхватила всем своим содрогающимся от ужаса телом, как будто стремясь закрыть дитя от беды.

– Мама, мама! – весело кричала малышка, высвобождаясь из объятий. – Это был мальчик!

– Какой еще мальчик?! – хором произнесли несколько растерянных голосов.

– Маленький мальчик... он потерялся, и я его успокоила. А как только он успокоился, папа и мама нашли его и забрали домой, – лепетала Верочка. – Они мне бонус дали, за то, что я хорошая девочка. Смотрите!

Она протянула ручонку и разжала кулачок. Из центра ладони вырвалось тонким лучом и ушло в безмятежное небо ослепительное сияние. Верочка снова сжала и разжала кулачок, выпуская луч на этот раз себе под ноги. Вмиг вспыхнули и испепелились дорожная пыль и мелкие камушки. Асфальт на глазах побелел и задымился.

Мать в ужасе кинулась к девчушке; та радостно взметнула навстречу ей свои крохотные ручонки, из которых вырвались два ослепительных луча. Несчастная успела выкрикнуть нечеловеческим голосом:

– ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ?!...!

И обрушилась на пылающий асфальт бесформенным, на глазах обугливающимся комом. Резко запахло горелым мясом. Девочка в ужасе завопила и замахала ручонками на автобус, который вмиг вспыхнул и окутался зловонным черным дымом.

Первой с ревом кинулась прочь толстая старуха. За ней вприпрыжку помчался парень в очках. Их резво опередил шофер с лицом, побелевшим ненамного меньше, чем асфальт под ногами Верочки. Вдруг раздался отчаянный крик боли: мальчик в бейсболке, пытаясь догнать отца, споткнулся и упал прямо под грузно топающие ноги мужчин с военной выправкой; первый грязно выругался, второй молча отшвырнул сапогом раздавленное тельце; оба они, не останавливаясь, рванули дальше. Кто-то всхлипывал, кто-то судорожно икал; фальцетом, как ушибленная собачонка, скулила учительница.

А за нами огненно-дымным столбом вздымался в небо покинутый автобус и несся душераздирающий ребячий вопль.

ЧАСЫ

Надежда БУРОВА

Моя крыша улетела,
кровлей по небу звеня.
Рыбы в реках каменеют.
Отпадает чешуя.

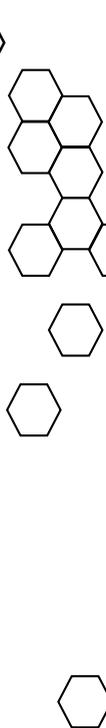
Холод скручивает кожу,
ночь справляет торжество.
Подоконником наружу
опрокидываю дно.

Сквозь окно вдоль батареи
месяц корчится, хмелеет,
и дугой стучится в двери
с ним особое родство.

Вновь сама с собой доселе
я бреду по параллели.
Мне поют лесные звери,
забываясь долгим сном.

ОСЕННИЙ

Что мы делаем в этой осени?
В янтаре из кленовой россыпи
нас кому-то опять подбросили,
завещали на чёрный день.
Тьма чернильная после ужина
опрокинулась в окна стужей.
Наши души пьяны и вскружены,
гулко катятся набекрень.
Время память рассеет проседью,
размягчая щербини, оспины.
Мы сюда навсегда отсланы,
дабы жить в чьём-то долгом сне.
Там ты будто размытый,
сливочный...
Месяц пятится в лес затылочком,
проявляя свой лик отрывочно
на щербатой косо́й стене.

* * *

В оконном сланце среди равнин
Обломок солнца катит крышу
Куда-то вдаль, где не увижу,
Как доживём мы до седин.
Стакан горчит остывшим чаем,
В дверях суровый проводник
Примчался на истошный крик
Замёрзших беспокойных чаек.
Вагоны облучает дым,
Чернеет день в купейной нише,
И слёзы выпирают грыжей,
Когда ты здесь совсем один.

* * *

Я бежал по одеялу
мимо улиц и дорог,
что-то за ноги хватало
возвращало на порог.
Небо вспучилось над крышей,
огибая сонный дом.
В моей комнате чуть слышно
пели звери за столом.
Крот и квока танцевали,
белки бражку разливали,
а игривые медведи,
словно взбалмошные дети,
обернули всё вверх дном.
Половицы заскрипели,
в чашке вспыхнула луна.
Я теснился в колыбели,
допивая ночь до дна.
В одеялище, в теплице
пребывал я в полусне
и глядел, как ферзь с лисицей
пьют на шахматной доске.
Опрокинутый рассудок
бойко спляшет набекрень...
Покормлю январских уток,
воплощаясь в новый день.
Белки дружно исчезают,
квока бражку допивает,
люди ходят по карнизам
вместо голубей.

Мир течёт по циферблату
в мою светлую палату,
где я строю дом из старых
рваных простыней.

* * *

Товарный поезд мчит всё тише,
не слышен треск его костей.
Я спряталась под снежной крышей
от злых озябших голубей.

В студёном комнатном эфире
под утро серебрится кот.
Он бродит по слоям квартиры
и видит сны наоборот.

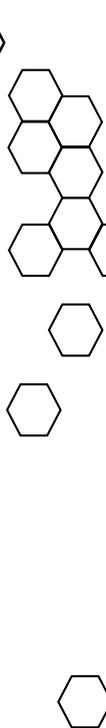
Набухшие речные рыбы
под гладью хрусткой белизны
раскачивают дни и глыбы,
на нас взирая с высоты

земного дна и отражений,
в которых рёбра берегов
раскрошатся в изнеможеньи
от стёртых ступней рыбаков.

И тают мысли, лодки, вёсла,
вскипает облако в реке.
Мы в жизнь закидываем блёсны
и обжигаем солнцем дёсны,
сжимая память в кулаке.

* * *

Ты видел ночи, что черней
той тьмы, которая под веки
прокрадывается навек и
лелеет память, как елей.
Стекает плавно на ресницы
в лучи болезненного сна,
где нас в развалинах темницы
встречает вечная война.
Мерцает тень в текучем камне,
и вороньё густой слюдой
под облака бесследно канет,
зовя безумного домой.

НОВАЯ ЛУНА

Качает свет лучами подоконник,
течёт луна под майским торжеством.
Над городом вершится колдовство.
На крыше дома нежится покойник,
взирая на мирское естество.
Крошится кровля, пылью орошая
всю улицу и лица, в этом сне,
покуда дух терзается извне,
я жизнь свою земную забываю
и, птицей стекленея в высоте,
клюю луну и крылья разбиваю
о твердь рябую на пустом холсте.
Идём домой, истерзанный рассудок.
Там млечный кот по блистеру планет
блуждает меж последних лунных суток,
гудит труба, и мой пустой желудок
терзает обезвоженный скелет.

МАРИОНЕТКИ

Этой ночью за выбеленной стеной
дремлет крохотный дедушка-домовой,
обратившись куколкой костяной
у сквозного входа.
В нашей комнате весело и черно.
Коптится небо, пенится за окном.
Старый кот безразлично лакает дно
луны, опрокинувшейся к комоду.
Идём по краю, как куколки циркача.
Слюною брызжем, разгоняемся с толкача.
И все нас любят – дерзких, сугубых чад,
пока едет крыша.
Мы жаждем кексов, пледиков и резни.
Мы – статные викинги, детки, богатыри,
под каждой порой годы и волдыри
выпирают грыжей.
Наш огульный разум совсем пропал,
потерял свой чумной, бесовской оскал.
Он нас, впрочем, больше и не искал,
и не вспомнит даже
двор, подъезд и стеклянных птиц,
что крошились пеплом меж лунных лиц,
когда город вспухал из-под половиц
и прослыл не нашим.
Опустим шторы, спрячемся под кровать.

Будем долго там времечко коротать,
возрождаться, стариться, горевать
без единой мысли.
В нашей комнате весело и светло.
Кот разлил прокисшее молоко
и, рыча, безразлично лакает дно
надломившейся старой миски.

ДЕТКОСТРОЧЬЕ

Мы отпускаем в сквозную осень земную ось.
В ней тихо вспухают рыбы рельефным облаком.
Нам снится улыбчивый квокка и грустный лось,
их бес колченогий тащит в чащобу волоком.
Средь сосен чернильных да высушенных цветов
устало ползет улитка, считая годы.
Ей изредка ухают тени угрюмых сов,
мечтая укрыться в ракушке от непогоды.
В диковинной чаще черешни ломают луч
багрового солнца, стекающего в долину.
Там призрак сверкает тенями из грозных туч,
обрушивая комнаты в котловину.
Светило клокочет в лоснящейся черноте,
медведюшка чинно движется под Синатру.
Наш векторный разум пенится в высоте,
вплетая в ветви ленты янтарных радуг.
Стоим на млечном лугу, а пред нами дом
мерцает спиральной верандой и коридором.
Мы кажемся себе долгим размытым сном
улитки... ползущей под окнами вдоль забора.

EMERALD LAND

Мне его отсрочили до седин, до позднего ноября.
Кожа – тиснёная юфть, глаза цвета вязкого янтаря.
Он – альма-матер, колыт и моя броня.
Я с ним продержусь всю вечность, не протянув и дня,
касаясь кромкой мысли его ключицы.
В талых окнах квартиры теплится жизнь из вне.
Рай прибит к иллюзорной, густой стене.
В её тонких гранях мерцает солнце в зеркальном дне.
Он в лучевом, фрагментарном небе, а я во сне –
малышка Элли в гранёной, крылатой, чужой избе,
топлюсь в изумрудном царстве, в своей тюрьме
в конце главы, на обуглившихся страницах.

* * *

Город чадный, серый, как лето из-под колёс.
Высыпает за тонкий ворот гнилую слякоть.
Пробирается проседью в пряди твоих волос.
Мне бы только выудить эту дикую, тошную мякоть,
вырастить ртутный стержень, тугую ось,
на которой я пенюсь слюною, держусь за локоть.
Под глазами – саднящие рвы выгибают кость,
и выстреливают из-под ресниц в хрящевую лопасть.
Третий залп в висок выпиваем залпом,
захлебнувшись надрывно полусухим.
Возгораемся дробным смехом, седым напалмом.
Наш состав мчится в август совсем пустым.
Мир под руки хватаем хмельной, изначной
Висельной памятью – древней, сухой петлёй.
Защиту тебя тихой молитвой на-ночной,
оплету твои плечи кручёной, тугой косой.
И вонзаются дни в нас, как финка в облако,
застревая в нём спицею горловой.
Это время нам, впрочем, немного дорого.
Увезём его в плацкарте, на боковой.

HEAD IN A MAZE

Мы не считаем часов после наступления темноты.
В них слишком много дыма и душащей пустоты.
Два горячих стакана из-под молока,
тихий шорох лампочного мотылька.
Смотришь в стену – вглубь комнаты – там она:
краснощёкая, старческая луна.
Рушит стены, кости и два окна,
за которыми гибнет мой лучший сон.
В нём на гору ступаю, со мною – дом.
Тихо крышей покатою стонет, гремит засовом.
Мы с тобою там правим бал под ночным покровом,
наши чудища с нами пьют за одним столом.
Раздирают когтями рёбра, рычат сурово.
Время катится к чёрту, а мы – в дурдом.

МАКТУБ

Им обычно отчаянно можетя
В этом мае безоблачном, юном
Быть любимыми, безнадежными,
Целовать наши лица лунные.

Мы набухшие дикие ульи,
Иллюстрации старой книжки,
Нежно выхолощенные пулями –
Кипячённые ребятишки..
Они чувствуют – задыхаешься.
В ребрах – чадная червоточина.
Этим утром с тобой прощается
Твоё древнее одиночество.

До седин бы дожить, до полночи,
Чтоб молчали все други-сволочи,
Пока держимся мы за поручни,
Превращаясь в могильный мёд.
Наше небо в стекле окошечном
Отражается, как горошина
В этих куклах молочных, крошечных,
Крошит облако в сладкий лёд.

Пока годы морщият кожуцу,
Они кривят смурные рожицы,
И листвою по асфальту вьюжатся,
В пресной луже прожитых дней.
И задышится горше, праведней,
Воспевая мечту под знаменем.
Под луной, полыхнувшей пламенем,
Им, беспечным, ещё трудней.

* * *

В нашем вечном доме время подымет ставки.
Ты – седая сталь, колющая иголка.
Я – курносый малыш тугой, боевой закалки,
Во мне память подбитая воет волком,
Выгибает спину, звенит оскалом,
Тлеет в затылке смольной татуировкой.
Двадцать зим я тебя не звала, не искала
Древняя девочка, куколка-комсомолка.
Стонет август на нижней полке, в хмельном составе,
Ночь сквозь поры исходит паром поющих рельс.
Ты в глубокой, глухой зиме, в золотой оправе
Приставляешь к размякшему небу стальной обрез.
Боль глумится над спелой горечью терпкой раны,
Исполинский дух на литавры возложит страх.
Я люблю твои руки, родинки, сны и шрамы,
Люблю твои губы одной сплошной на моих губах.

Дмитрий КАРАТЕЕВ

ГОРОД, ВЕСНА, СВОБОДА

* * *

Колеснично движутся сезоны,
И зеркально множатся недели,
Мы ж с тобою – те вон две вороны,
От окна в трёх метрах, на омеле.

ОСОКОРКИ, СЕНТЯБРЬ 2015

Все состарились, падают орехи,
И каштанами кажутся спросонья.
В дальнем голосе хрипы да помехи,
Не эфир – тарабарщина воронья.

Все состарились, падают орехи,
И зелёная шкура их шершава,
И каштанов колючие доспехи
Неприступны, как Троцкому Варшава.

Раньше времени обнажилась ветка,
Дно колодца, во множественном «Донья».
Все состарились, голос однолетка,
Прорвала тарабарщина воронья.

Дачный пригород – сто одних Садовых.
Тесен путь от забора до забора.
Дом висит на бессмысленных засовах,
И стоит заповедником разора.

Крепнет ветер, глушит скуленье щенье,
Дно колодца засасывает камень.
В дальнем космосе красное смещенье
Прососудилось искоса белками.

Скажет встречный старик, чья стать поджара:
Надоело в дикарском жить вигваме –
Есть края, где ни вора, ни пожара,
Вскиньте око, они уже над вами.

Этот старец – он встретится не вскоре.
Тонким гузном в пыли трясёт пичуга,
И на давшие имя осокори
Лезет лёгкая хмелева кольчуга.

Балагурящий, в истину не целя,
То и ценящий – вывернуться лише –
Сам подобен волнистой взгонке хмеля
На волнистые шиферные крыши.

Глохнет пригород, городом зажатый.
Спит бирюк, патриот пустой берлоги.
Манит в сторону, тянет луч вожатый,
Все ж состарились, держатся дороги.

Средства против разросшейся крапивы –
Нитяные перчатки да секатор.
Туч наплывы и севера порывы
Замутят благолепие заката.

В тёмный час от ворвавшейся прохлады
Шевелится оживший сор на свалке.
Сквозь массива скалистые громады –
Ломких молний лиловые мигалки.

Заведутся в болотце крокодилы,
И зелёная шкура их шершава.
Стыньте, омуты, спите, заводилы:
Приближается зимняя держава.

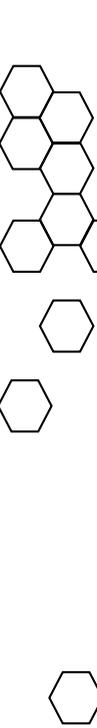
СОЛОМЕНКА, ОКТЯБРЬ 2015

Люди думают о разном: тот о Боге,
Тот о белке на сосёнке в лесопарке,
Тот мечтает развернуться в эпилоге,
Позакрасив позапрошлые помарки.

Чёрно-белой разгороженная жестью,
Бредит Чоколовка званием бульвара,
Бредит чокнутый философ цветовестью
По-над пропастью пустого самовара.

Вот и новая придумка-самокрутка:
Мыслью – стало быть, живу и умираю.
Ясен пень, полустолетняя погудка:
Вдоль обрыва, по-над пропастью, по краю.

Трудно истинного встретить атеиста:
В нём агностик, а в агностике – паломник.
Пышен хвостик, ясен день, кора слоиста –
Так и просится картинка в однотомник.

Стой, прохожий! Не уйдёшь, не взяв листовки!
Кандидаты-депутаты-татупеды...
Кто подруливает к вечной остановке,
Беспристрастно пожелает всем победы.

Люди думают о разном: тот о слоге,
Тот о том, как прегрешенья наши тяжки.
Дело милое – полёживать в берлоге,
Дело пошлое – стоять, совать бумажки.

Высоко круглится площадь Космонавтов,
Улетает в небеса, не вняв рекламе.
Между строчками всегда мелькает автор,
Точно белка в лесопарке меж стволами.

Он сегодня на земле, как на побывке.
Не жалеет: вон какие октябрины!
Вспомни, сударь, на обрыве, на обрывке
Пожелтевшие и свежие старины.

Ну и пусть, коли грошовая поделка:
Сердце в пазухе сидит – попробуй спрячь-ка!
По сосёнке вверх и вниз гоняет белка,
Нет, бесстыжие, не белая горячка.

Еле снится век минувший, век объятый
Недописанно-сезонным увяданьем,
И подкатывает шестьдесят девятый,
И Жиланская грохочет: со свиданьем!

Скачут пальцы, колотя клавиатуру,
Мышь-толстуха шевелится на подстилке.
Наступивший век наращивает шкуру,
Всё жуёт гематогенные пастилки.

Жмётся скверик с головою Доуэля,
Чья фамилия тускла на постаменте,
И торопится в отцветшей киноленте
Распоследняя погожая неделя.

НОВИЗНА

Ну-ка за германской шаромыжкой!
Там, где глубже, – рыба и рыбак.
Чада на плечах, Коран под мышкой,
На губах проклятье: ннараббак!

Гибели бесщётны псевдонимы.
Бабушка Гертруда, вспоминай:
В оны годы, гуннами гонимы,
Готы заступили за Дунай.

Нашей ли обрушенною башней
Станем похваляться, славянин?
Правда ведь, становишься бесстрашной
В череде просторов и теснин.

Резче свищет половец заречный,
И, как прежде, речи неясны,
Только день потряхивает встречный
Звонкою казною новизны.

ГОРОД, ВЕСНА, СВОБОДА

Перекрывает ледовый затор
Горло канала.
Рвотно ревет работага мотор
С перенакала.

Голос хирурга лукаво-суров.
Сроки приспели.
Врезался тонко в мясистый сугроб
Скальпель капли.

Бурые выбросы из-под колёс.
Толща заминок.
Вляпался топко в раскисший занос
Тонкий ботинок.

Не выбирает струимых дорог
Вольная щепка.
Над головою – один только Бог.
Нет, ещё кепка.

ТРЕХ СВЯТИТЕЛЕЙ

Морозное варево, грудь распарь,
Вели позабыть пустую быль.
По старому стилю ещё январь,
А я – воплощённый старый стиль.

Простейшее знание, друг, обрящь,
Окинув оком затвор земли,

Что мир, как и ты, весьма преходящ,
Действителен только с частицей «ли».

Сколько сегодня старух, старух
Столетний, застойный колеблет ил!
Мерещится вербы нескорый пух,
Но старого стиля незыблем тыл.

Как много сегодня старух, старух
Девичам грозит согбенной спиной.
Не иссякает весенний дух,
Помноженный вечно на чад свечной.

Священники служат – отец и сын.
Тот держит чашу, а этот – крест.
Равнина согбенных овечьих спин.
Гласа раскаты и свечек треск.

Во славе и силе затылкам старух,
Толкует слова в глоссарии
Великий Василий, строгий пастух
Каппадокийской Кесарии.

Сгущается в образы дым кадил.
Шуршат облачения соборян.
Старого стиля незыблем тыл,
И сон сребрян, и рукав бебрян.

Азийских нагорий ледник лилов,
Но горкой просфорки поверх корзин.
Глаголет Григорий Богослов,
Инако зовомый – Назианзин.

Вздувает бездна за шаром шар
Горячих вспышек и чёрных дыр.
Мерещится мир, изначально стар,
А я – воплощённый старый мир.

Воистину думы мои – туман,
Воистину сердце – костром-кустом.
Гряди на амвон, Златоуст Иоанн,
Который по-гречески – Хризостом.

А вербы не скоро, и всё вдали,
И что ты во дне непочатом нашла?
О будущем счастье с частицей «ли»
Твердит мусульманская иншала.

Пучина колышет накипь веков.
Римская выстроилась цифирь.
Раздулся двадцатый – и был таков.
Морозная ширка, сосуды расширь!

Мерещатся дымчато варезки верб.
Ложится лоза на плечи мирян.
Колышет пучина рыб и нерп,
И старого стиля сон сребрян.

БЕЗДНА

Так и скажем: неизвестно.
Всё, что думается, вздор.
Вряд ли так уж сразу бездна:
Может быть, соседний двор.

Поглотит распах подъездный
И в хоромы проведёт,
Только слева смотрит бездной
Чёрный лестничный пролёт.

РАЗДУМЬЯ ПЕРЕД

Ни привета никому, ни укора
Не отписывай, немая тетеря,
А что старое пройдёт, и что скоро –
Велика ли в том, ребята, потеря.

Дал бумажку – стало быть, благодарен,
И прибавилось жирку в коновале.
Облетел однажды землю Гагарин –
С коей радости тогда ликовали?

Молодой один пиндос, мистер-твистер,
Пялясь в небо, надрывался: чужбина!
А напрасно: прав дубина филистер:
Что за космос, коли гробом кабина.

Домовитый пожиратель простора
Уж который зиждет Рим – всё не тот Рим,
А что новое придёт, и что скоро –
Велика ли в том находка, посмотрим.

СРАЗУ ПОСЛЕ

Где-то я ещё, возможно, здесь летаю
Иль витаю... нет, оставим слово «вита».
Просто таю сквозь неузнанную стаю.
Простота – когда царя играет свита.

Царь единственен, да есть и самозванец.
Говорят с ним тоже ссориться не надо.
Бездыханников орда и бездыханниц
Еле шепчется, побаиваясь ада.

«Хуже будет» – но всегда возможно хуже.
Все усвоены уроки, не забыты.
Мне же кажется, что нынче и снаружи,
Как и в сердце, ничего нет, кроме виты.

Иноверцами убитый поп Данила
Посоветовал побыть в Иерусалиме.
Ну, теперь, что до Иордана, что до Нила...
Полетели? Чем небесней, тем палимей.

ИЛИЯ

И не думает остывать вода,
Бледный пляж покидать – горожане.
В морозильниках грузных довольно льда
Для оплаты сезонной дани.

Сыпь речная трёхмерна и зелена,
А река с высоты – двухмерна.
Неизменно густа и сладка слюна.
Где язычники, там и скверна.

Не вскружит нам кровь обнаженный торс
Миром избранного пошиба.
Вожделенно желтеет кувшинки горсть,
И блаженно жирует рыба.

Мощь водохранилищную лия,
Вниз ползёт крокодил Славутич,
Замахнётся посохом Илия
На летучих и на плавучих.

Вдалеке сверкнёт Илия-Перун:
«Мне ль не вверена силища Божья?
Я ль не перегремлю рукоблудье струн –
Рукотворный бурун Запорожья?»

Но кишечной палочкою киша,
Вдохновенно цветёт протока.
Шёлком яснится бороды парша,
Блещет круглая плешь пророка.

Стал учителя ученик лысей,
Чуть усвоив Аз-Буки-Веди.
Там нахалы мальчишки, где Елисей.
Где ж мальчишки, там и медведи.

Где болот прибрежных невпроворот,
Пар восходит от летнего тлена.
Понимает своё сумасброд-народ
И хромает на оба колена.

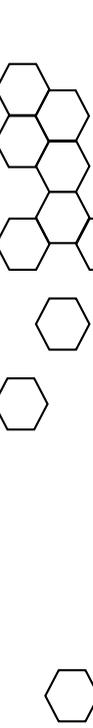
Понимает огонь самодур-пророк
И приветствует адские топки.
Утешительно шёпотный ветерок,
Заточён во квадратные скобки.

Полногрудье ветрил, ширина кормил,
Звёздного размах разговора.
Вдалеке громоздится гора Кармил.
Не видать ли, прищурься, Фавора.

В морозильниках остывает квас,
Дальновидный готовит сани,
И не думает обрываться глас,
Тесный храм оставлять – прихожане.

И не думает остывать вода.
В жёлтой шапочке, круто и лихо,
Между берегами туда-сюда
Три раза сигаает пловчиха.

Улетать и не думает журавель,
Измеряется ночь в децибелах,
И змеится имя – Иезавель,
И круглится гроздь – Изабела.

ТРУХАНОВ, СЕМИДЕСЯТЫЕ

*Полудень –
Непробуден...
Андрей Белый*

Стареет мраморно бетон,
И слепнут статуи
В бесцветно-илистый затон.
Таков тишайший ваш закон,
Семидесятые.

Упорно укоренена
В любом, с кем спарится,
Стоит на свете старина,
Чья, как стена, крепка спина, –
Стоит, не старится.

– Христос воскрес! Аллах акбар! –
Слыхал глашатая?
Вне срока годности товар –
Труханов остров, где хибар
Труха дощатая.

Твой парк безвыходно тенист
В часы ползучие,
И мох твой пнист, и жилист лист,
И надрывается горнист
В тугом беззвучии.

И мох твой пнист, и пень твой мшист,
И полдень скошенно-душист,
И паутинно-сед твой свет,
И насовсем уводит след
В крапивы жгучие.

И отзывается сосед
Трубою толстою,
Что, глуше стёршихся кассет
Без наших песен и бесед,
Торчит, безмолвствуя.

А там, распаренно-солов,
А там, согбенно-безголов,
На веки вечные
Подсел дремлюга-рыболов
На сны приречные.

Ему каюк, проглочен крюк,
И вслед за лёскою
Уходит вверх душа-плотва,
Сверкнув на солнце раза два
Чешуйкой блёсткою.

Но лёска скажется лучом –
И остаётся ни причём
Сравненье броское.

Не пробуждается рыбак...

А там пустырь, а там собак
Бродячих вотчина,
И взор у каждой кротко-хмур,
Холмится ворох рыжих шкур,
И длится летний перекур,
И мглился тучек абажур,
И не смолкает балагур,
Чья речь, пока не вырван шнур,
Не обесточена,
Покамест всё не объяснит
Как беззакатен твой зенит,
И звонница не зазвенит
Или пощёчина.

Труханов остров, тишина,
В семидесятые,
Сама собой оглушена,
Немее статуи.
Останься, путник, со своим!
Застынь и стань, как мы стоим,
Застоем взятые.

Дмитро ЛАЗУТКІН

ЗЕЛЕНА ВУЛИЦЯ

* * *

Імператор нагадує сонце,
Його тінь – велику свиню.
Крізь будівлі, пропалені вітром, проростає тонюсінкий кріп.
Засинає кохана в підвалі, батальйони просять вогню,
І занедбаний всесвіт – мов спалений сніп.

Це моє і твоє, попри стихнені лоскоти трав,
Хоч до рани то все прикладай – але скільки тих ран?
Я кохав тебе, жив у тобі, я торкався заграв...
Я вважав що і я океан,
І що ти – океан.

Так між смертю і смертю – гойдають останні човни.
І оглухлі собаки чекають – коли все мине.
І стоїш собі гупо – й не знаєш – де ми, де вони...
І волаєш тупою коровою – вбийте мене!

* * *

чим тонше повітря – тим довше лунає
чим довше лунає – тим більше азарту
ти телефонуєш нікого немає
чи є
і це сплутує твою карту

ми вийшли на світло нам очі сліпило
ми спрагу відчули кіоски на рейді
ти сила я сила вони – також сила
розмаж мої губи по глині чи крейді

мов хтось розчесав неслухняне волосся...
технічні озера – і хвилі як дози...
мої катакомби твої верболози
мов хтось розчесав – а воно заплелося!

люби навзікаю купуй маракуйю
запрошуй на гойю живи під мостами...
жартуєш? насправді? так само жартую
так само жартую
а ще – не так само...

і кожну хвилину проковтуєш двічі
і мова смачна прилипає до слини...
торують шляхи мов спокутують відчай
в нічних капілярах небесні рослини

ще світло тремтить між кварталів невірних
й мовчання найкраще з того що почуєш...
за кілька годин до великої прірви
ти телефонуєш
ти телефонуєш

КРОТИ

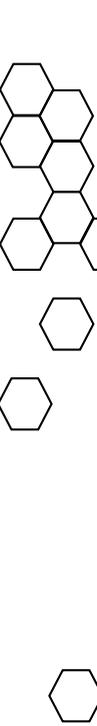
так збуваються мрії і виходять в тираж
за будинками сонця – гнучкі будяки
ти сидиш на верхівці у тебе свій пляж
і вікно що виходить на азовмаш
і віки крізь які прослизують зірки

ти не син цих околиць не зодчий цих стін
ти не сторож братам що тримають стерно
і нехай на кістках соловіє полин
ти – і вітер подій
ти – і власник новин
ніби небо і дно

ті хто ходять до тебе і вірять тобі
ті хто робить усе бо почули наказ
вони навчені добре борні й боротьбі
греко-римській
класичній мов гра на трубі
чи розріджений газ

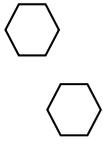
бо казав тобі час: що робити і як
керував де копати і звідки нести
щоб нарешті здійняв свої крила вітряк –
серед сірих копалень – чи символ чи знак
від якого німіють кроти

і твій піт на чолі небезпечний мов руть
бо ти ніби герой але ніби і ні
позрубали дерева а корені пруть
випромінюють впертість розгойдують лють
та шумлять вглибині

але море межа але близько кордон
це тебе заспокоює в будь-яку мить
бо і сила закон і смирення закон
і війна підповзає неначе циклон
і між стегон бринить

і ти можеш обрати а можеш втекти
збудувати мости чи спалити мости
коли біль вибивається клином
бо все те що любив – не належить тобі
бо стрибають дельфіни у чорній воді
і так хочеться стати дельфіном

ЛАЙНЕР ЛАЗУТКІН

слова не виказують правди а хвилі – біди
коли жаба баржі повзе ледь помітна навпроти
і крила води огортають лінії сліди
і м'яч кавуна розриває таврійські ворота

і котиться далі по палубі – вибити всіх
на лайнері музика в такт передзвону бокалів
і сотні вогнів що ховають чужих від своїх...
а горло жар-птиці – десерт віртуальних шакалів

і море безкрає десь там але зглянься – ось тут
моє товариство – поет розкриває обійми!
так очі жіноцтва блищать восени ніби ртуть
і кожна принцеса бажає торкнутися діми

як добре йому – він підставка для ваших речей
він ліжко в каюті де спиш і твоя попільничка
цитата в контакті світлин де засмагле плече
сміливо підперло флагшток – не соромся сестричко

не бійтеся пане виходьте дивитись на порт
в оркестрі – змагання і перемагають тромбони...
кавун ніби бомба стрибає і лупить у борт
але розбивається і вибухає червоним!

* * *

виклич дощ – так легко і не лячно
так – щоб ти одна на цілий світ
виплекана слиною бокаччо –
щемко шелестіла поміж віт

що тобі ці гудзики-краплини?
що тобі без мене – зливи ці?
під вікном незібрані хвилини
у вині немов у молоці

це таке солодке міжсезоння
ніжністю розчинною тече
це така закохана безодня –
голі стегна і футболка з че

мокрый стіл де квітнуть ніч і море
сни що годувала ти з руки
сходи що ведуть кудись нагору
і у попільничці зірочки

* * *

дощ стає чимось більшим за дощ
шерех вуст шелест листя
дощ стає чимось більшим за дощ
за ніщо і за нас
коли кожна краплина –
захоплена юна хористка
чий оголений голос
від згуби врятовує час

намагаєшся все розірвати – не рветься не рветься
я волів би втекти але як розкажіть і куди
по веселих калюжах кохане підстрибує серце
воно може й моє – я не бачу –
багато води

фантастичні звороти лунають –
фонтан інтонацій
і не знаєш – що далі
не знаєш що трапиться ще
втік з уроків – згадай – а всі друзі лишилися в класі
впав обличчям в траву
і собака торкнув за плече

не злякався – з чого б це –
він милий водночас і кволий
його погляд важкий – він і нині – в дощі і в мені...
розливає розлука за вікна і за видноколо
дуже щедро по вінця
такі вони наші пісні

хто торкне за плече мене зараз –
прокинсья – чи ангел самотній
чи накликаний гість
який змерз поміж вулиць і площ?
шерех вуст шелест листя
все легко згасає сьогодні
дощ стає чимось більшим за дощ
надто більшим за дощ

* * *

осінніми стежками линуть змії
лини пливуть осінньою водою
а ти блукай – збирай те що посіяв
вповільнюю час неспішною ходою
і згадуй жінку з сонячним волоссям
і золоту свою країну згадуй
так ніби все чого хотів – збулося
і пролилося тихим зорепадом

осінніми лісами голосами
де лисячі сліди ведуть у мряку
де вітер завиває до нестями
шукаючи вказівника чи знаку
де помічали все та пробачали
допоки світ тримався на любові
де гудзики раптової печалі
гойдатимуть мене на чеснім слові...

* * *

як хвостик вужа
вигнулася душа

і роздмухує полум'я
щоб повітряна куля злетіла

у небо що не віщує нічого доброго
у небо котре крізь ребра воланчика визирає

на самісіньке дно його
невичерпне

де профіль кульбаби
видихають араби

з присмаком вишні

ЗЕЛЕНА ВУЛИЦЯ

хто?

д?

ц –

я?

якщо перевернути велосипед
поставивши колесами догори
і звісно ж – крутити педалі руками –
він буде схожий
на закоханість випадкового перехожого
у ненавмисну городянку що поспішає на лекцію
спиці виблискуватимуть на сонці
чудова вийде подорож –
виключно між хмар і променів
ну хіба що голуб на мить залетить у поле зору
ясна річ –
все це стосується тільки
життя заднього колеса
а переднє
так і ловитиме вітер
застигаючи у непотрібних запитаннях:
хто? я? ц? д?
заспокойтеся, колесо!
чи обов'язково кудись їхати аби десь опинитися?
ви – не зайве
ви – на своєму місці!

БН

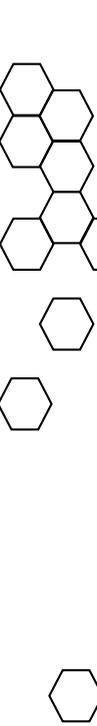
мала

а ти таки добре знаєшся на віршах
інакше б – знайшла собі суддю чи адвоката –
і не зустрічалася з мирославом лаюком
цим чудовим поетом

кропив'яні кігтики ледве чутно цокають по журнальному столику
нічні коні впевнені що хтось читає їхні сни
студентки філологічного думають що лаюк пише саме для них
можливо вано крюгер вважає так само

але не так само
вважаю я

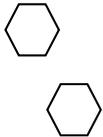
бо сонце росте фіолетовим
просто тому що такі тепер закони фізики
але як би стихійно не сипалося світло –

хоча б один промінчик неодмінно скочується з твоїх вій
ніби дитина з металевої гірки у парку розваг

і не треба тобі
ні судді
ані адвоката

і зима висить головою вниз
заглядаючи під спідницю весни
доки літо танцює в калюжі босоніж

а осінь тим часом
палить
палить
твої сірники

ЩО ПОДАРУВАТИ

що подарувати тобі на день народження –
хмілну теплу ніч поміж розчахнутих суцвіть?
вогнь що пливе за течією зігрітій глиняним берегом?
чи пір'їни хмар над атлантикою
між яких застрягає погляд прикутий до всього цього неба за ілюмінатором?
що подарувати тобі?
прогулянку римським парком у бездоганних темних окулярах?
розмови із застиглими тисячоліттями? шепотіння до стін котрі бачили стільки любові і
муки
що навіть моторошно торкатися їх руками?
що є найдорожчим –
можливо вітер
той який не можливо впіймати утримати вберегти?
або час
який вистрибує з руки і біжить за худорлявим хлопчиком з повітряним змієм?
знаки запитання вигинаються ніби гальмівний шлях
я подарую тобі все згадане і незгадане
і ще щось
у маленькій красивій коробочці

МАНГАЛ

андраник смажить рибу
обережно перевертає окремі шматки
аби не пригоріли

сім років тому вбили
його брата

зашкварили разом з таксистом
біля виїзду з порту
хтось пригадує два вибухи хтось три

андраник запікає овочі:
баклажани перець помідори
вони виблискують коли пускають сік

всі у місті знають хто саме
відправив його брата до пекла

прянощі з сірого глечика
б'ють у ніздрі
й розчиняються у повітрі

чекали що андранік негайно помститься
гадали
переріже горло
або підстрелить як собаку і викине в море

лаваш ніби маленьке сонце
лежить у тарілці
мов прагне бути розламаним

ох андранік-андранік
хитає головою мати
не ганьбив би ти нашу сім'ю
сивину мою не вкривав би соромом

зелень кришиться з-під ножа
духм'яна наче весняні сні

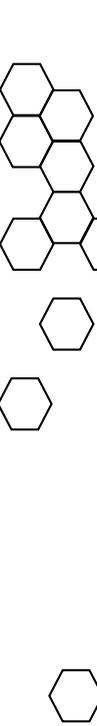
я вб'ю його коли він
перестане боятися мамо

каже андранік
втирає під з чола
і додає ще трохи спецій

ДОБРИВО РАНКУ

виголошує звернення – кому це вигідно?
мовчить – звідки ми дізнаємося правду?

самозакоханий йолопе зятям:
якщо не труситимеш дерево – яблуко не впаде завчасно

і будь певен –
її пес ніколи не полюбить лавандового запаху мого шампуню
навіть якщо лизатиме моє мертве тіло

як зуб мудрості ніхто не назве молочним
навіть коли те що у старого на думці – у малого на язиці

живемо у країні див
дивимося на неї зсередини

кліпаємо очима крізь прозору сферу
з котрої червоні хмари зісковзують ніби мереживна білизна
які ще застереження які прикмети –
нам і так все розклали по полицях
ніби добриво ранку по вазонах з квітами
королева гола
король голий

ГОЛ ГОЛ ГОЛ
кричить хтось поверхом вище

КИТЕЖАНКА

Ирина КАРПИНОС

ДВЕ ВОЙНЫ

И когда облачается в шкуру врага твой друг,
Оборвав христианские струны, ты шепчешь: лучше б он умер!
Не сегодня, вчера, когда-то, без чьих-то рук...
Но уже бы затих, разрядился в виске этот чертов зуммер!

А пока – все бессонные ночи одним куском.
Вам нарезать? Но нож тупой, а ночи все толще.
Песен больше я не пою и почти не плачу тайком.
Обо всех, с кем раньше сражалась, забыла в общем.

Потому что вот уже год как бессмысленная война,
С ее мнимыми перемирьями вперемежку,
Растоптала ясные чувства, выпила кровь до дна.
И я тупо мечусь, мой Гамлет, бытием и забвеньем между.

Потому что инстинкт выживания быстро перегорел,
И инстинкт продолженья рода в упор расстрелян.
Мне плевать, что в гнусное это времечко я – не у дел,
Мне плевать на лживые исторические параллели!

И в дыму юбилея Победы, в дни неназванной новой войны,
Горстка выживших стариков – с двух сторон на переднем плане.
Им привить пытаются правнуки комплекс имперской вины...
Лучше б дали сто грамм фронтовых в кружке, в граненом стакане!

Чтоб на сердце у них полегчало, хотя бы чуть-чуть!
Невозможно смотреть этот ад без анестезии!
Я хочу за погибшего деда поставить свечу...
Только негде! Торговцы в храмах наследили и наслезили.

Два обломка кровавой родины нечем соединить.
Все осколки дружб и любовей теперь смертельны.
Как же ты сомневался, Гамлет, быть, мол, или не быть!
Как же ты сомневался! Вот и вороны налетели...

6 мая 2015

КОНКВИСТАДОР

Он на Ржевском полигоне
В мирный тот денек
Закурил, прикрыв ладонью
Слабый огонёк.

И с последнею затяжкой
В небеса взглянул,
Улыбнулся и бесстрашно
Под прицел шагнул.

Он, железный конквистадор,
Воин и поэт,
Жил давно со смертью рядом,
Словно смерти нет.

Было у него три Анны:
Две жены и мать.
И исполнилось недавно
Только тридцать пять.

Расстреляли Гумилева...
Пустыри кругом...
Много лет искали вдовы
Этот полигон.

И брели по миру Анны,
И звучал для них
Над землёю окаянной
Гумилевский стих...

КИТЕЖАНКА

Я могла бы далеко-далёко
оказаться от родных широт,
где-то там, где Бунин и Набоков...
Знать бы, что за времечко грядёт!

Так я и не стала парижанкой
и сегодня вижу наяву:
я – пожизненная китежанка,
в граде Китеже, как встарь, живу.

Никуда не скрыться, не забыться,
с ним возможно только затонуть,
ледяной водою захлебнуться,
к царствию подводному примкнуть.

Здесь течёт Венеция по венам,
воды Борисфена, древний Тибр.
Острова далекие над Сеной
душу будоражат, как Магриб.

Ладанка на шее китежанки
предопределила всю судьбу:
время и страну для каторжанки,
осужденной на тоску-журбу.

Град мой, Китеж! Я тебя не в силах
бросить, как болезного отца.
Не тревожься, не печалься, милый!
Мы пребудем вместе до конца...

06.03.2016

ЖЕНЩИНА ПОСТМОДЕРНА

Женщина со следами совсем недавней красы,
что ты смотришь устало с неизвестной картины?
Над тобой весьма откровенно посмеиваются в усы
молодящиеся плейбои – редкостные кретины.

Женщина постмодерна хочет быть молодой,
очень тонкой и звонкой, очень сильной и стильной:
она спешит на рассвете в бассейн с ледяной водой,
красит губы вампирской помадой, наряжается инфантильно.

Женщина гиблой эпохи необъявленных войн
жаждет любви не меньше, чем в спокойные годы,
но тускнеет она внезапно и становится злой,
и назло равнодушным мужчинам хочет пасти народы.

Она быстро теряет надежду в липком коконе лжи,
женщина постискусства, женщина постмодерна...
С каждым новым рассветом ей все меньше хочется жить,
ей хочется стать картиной, искушающей, манкой, чрезмерной...

16.06.2016

В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ А.С.П.

Никто не будет подавать патроны,
отстреливаюсь, как всегда, сама...
На голове – бумажная корона,
в руке – всё та же нищая сума...

Мир – балаган, кровавый шоу-бизнес,
жить на юру – не поле перейти...
Как мачеха, неласкова отчизна,
и развезло все млечные пути...

Был близкий друг – портрет висел на стенке.
Вчера сняла: друг оказался вдруг...
По прошлому закончены поминки.
Последний тост. До дна. Всё уже круг...

Ну что, брат Пушкин, сердцу веселее
от кружки, с нянькой в вечности вдвоём?
Ты был недавно так отъюбилеен!
Давай сегодня по чуть-чуть нальём...

Мороз и солнце, комары да мухи,
Александрина, Анна, Натали...
На свете счастья нет – одни лишь слухи,
и Чёрной речки берега вдали...

06.06.2016

НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО

Знаешь, в эпоху больших перемен,
горьких, немислимых, немилосердных,
можно совсем не бояться измен,
слепо держаться за нежных и верных...

Знаешь, так важно кого-то любить!
Бога и кошку, дитя и мужчину...
Всё принимать и сомненья забыть,
сок бытия выжимать из кручины...

Знаешь, не в самой счастливой стране
хочется чувствовать силу былую,
как в неразбавленном крымском вине,
в перебродившем ночном поцелуе...

Мне не уехать отсюда, мой друг:
я заглянула уже в эту бездну.
Где-то судеб завершается круг...
Все мы на шарике углом проездом.

Я повидала другие края...
Там хорошо! Но совсем не поётся
грустная странная песня моя.
А без неё... знаешь, сердце не бьётся...

17.03.2016

ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ

Тайная вечеря. Чистый четверг.
Всё решено. Уже завтра распяты.
Станут врагами и други, и братья.
Тайная вечеря. Времени бег...

До Воскресенья – всего лишь три дня,
страшных три дня, равных тысячелетьям.
И над пустыней – сухой, жаркий ветер...
«Отче, почто Ты оставил меня?»

Он ещё хрупкий живой человек.
Он сомневается, ропщет, страшится...
Завтра всё сбудется, всё совершится...
Слёзы бегут из-под сомкнутых век...

Рядом Мария, подруга, жена.
Тайная вечеря – словно венчанье.
Хлеб и вино, и прощенье, прощанье...
А в Иудее бушует весна...

Трудно быть Богом и слышать: распни!
Больно, невысказано быть человеком,
избранным Господом, проклятым веком!
Тайная вечеря, дух укрепи!

Завтра... Он знает... Он крест понесет...
Время уйдет, обнулится, воскреснет...
Слышишь пасхальной мистерии песню?
Ровно три дня до великих высот...

28.04.2016

ДИПТИХ

1. ВАВИЛОН

Я всё сказала и добавить нечего.
В реальности – безумия броня:
растленье душ раскручено, разверчено,
поп с автоматом – новый символ дня.

Я так любила питерские дворики
и киевский каштановый уют!
Соврут о нашем времени историки,
чтоб не рехнуться, запросто соврут.

Бог вовремя забрал своих любимчиков,
оставив нас, нелюбых, горевать.
Какие гуттаперчевые личики
у мальчиков, рожденных убивать,

у девочек, что машут им платочками,
у матерей, что слёз уже не льют!
А за полями, боже, за лесочками
тела лежат и соловьи поют...

В эфире – телебашня вавилонская!
Распалась связь понятий и времён.
Ревёт навзрыд труба иерихонская
и ждёт заказа лодочник Харон.

11.04.2016

2. ДВЕ РОДИНЫ

Сыграй мне блюз, печаль неутолимая,
Но только никого не прославляй!
Моя страна, когда-то неделимая,
Разбилась по враждебным лагерям.

Мне тесно это лежбище прокрустово,
Я заблудилась в сумрачной степи.
Моя душа, непоправимо русская,
Уже совсем срывается с цепи!

Мне не понять кассандрины пророчества,
И я не знаю, кто теперь герой.
Отечество всю жизнь одно, как отчество,
Невыносимо тяжкое порой.

Я не отдам Ахматову и Бродского,
Их не перевести через Майдан!
Цветаеву, и Блока, и Высоцкого
Я не отдам, клянусь, я не отдам!

Две родины, две матери, две мачехи –
Москва и Киев – слепы и глухи.
На ненависти вырастают мальчики,
Они не будут сочинять стихи.

И слово «враг», общее, славянское,
Воскреснет и войну восславит вновь.
Но кто-нибудь шагаловскими красками
Напишет из последних сил: ЛЮБОВЬ!

11.04.2014

ДЕМОН

он звонит по ночам...
говорит не о чём...
от начала начал
наш дуэт обречен...

он несёт сивый бред
выпив граппы стакан...
сколько зим... сколько бед...
сколько слёз... сколько ран...

я не плачу – смеюсь...
мне печальней не стать...
я уже не боюсь
ничего потерять...

мне уже всё равно...
что он там говорит...
отболело давно...
минотавр... остров крит...

он звонит по ночам...
ночь нежна... не звони...
догорела свеча
до конца... извини...

30.08.2016

СВОБОДА

Выпей яду, Сократ, выпей яду!
Не меняй на побег свой кубок!
Стала невыносимой Элада...
Вот цикута. Смочи ею губы.

Выпей яду, Сократ! Невозможно
наблюдать, как безумны Афины.
Босоногий философ-острожник
обречен на такую кончину.

Стала Аттика, словно Спарта,
на военный лагерь похожа.
Выпей яду, Сократ, для старта:
станешь статуей с мраморной кожей.

Всё Платон за тебя напишет,
в «Диалогах» своих растолкует.
А живой ты в Афинах – лишний.
Посмотри, как демос ликует!

Выпей яду, Сократ, выпей яду!
Ты свободен и лик твой светел.
Сгинул век золотой Элады.
Наступило твоё бессмертье...

08.04.2016

ИГРА СЛОВ

Татьяна АИНОВА

Слова стоят спиной
 к тому, что происходит.
 У вас – своя война.
 У них – своя игра.
 У них особый строй
 метафор и просодий.
 Слова стоят спиной.
 На спинах – номера.

Построены из слов
 молитвы и приказы.
 А лица не видны:
 что «речка», что «рука» –
 слова построят вас
 в бессмысленные фразы
 и двинут в смертный бой.
 Чуть позже. А пока –

слова стоят спиной.
 Читай их, как угодно:
 воскликнешь буквы «О»,
 присмотришься – нули.
 Слова стоят стеной:
 «ДОСТОИНСТВО», «СВОБОДА»...
 чтоб мы о том, что ЗА –
 и думать не могли.

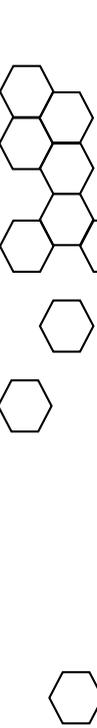
Слагайте же стихи
 душевно и степенно!
 Поэзия давно
 не просится в печать.
 А что если она –
 искусство лезть на стену,
 до края, до небес?
 И видеть? И молчать?..

* * *

*«ад – это другие»
 Ж.-П.С.*

ад или другой
 не твоя вина

не твоей рукой
 кровь отворена

разошелся шов
перетянут жгут

людям хорошо
люди шины жгут

людям нужен ад
сколько ни ругай

ты не виноват
что нависла гарь

и не виноват
что разит мочой

но куда ж ты в ад
со своей свечой?

пламя-язычок

жечь глаголом? жги!!!!

а другим? молчок
нарезать круги

ты в своем бреду стал силен и храбр
на любом аду возведешь ты храм

и повалят смены толпой в ады
кто из них посмеет просить воды?

КАМНИ

На сердца площадей да на души садов –
чтобы серым скорбели по мертвым
и крылатые крысы твердынь-городов
оставляли пометки пометом.

Этот парк далеко – что травой, что тоской –
от заросшего Мавками* леса.
Так и ты никогда не бывала такой,
некрасивая, хрупкая Леся**.

* Мавка – главная героиня драмы-феерии Леси Украинки «Лісова пісня»

** Имеется в виду памятник Лесе Украинке в Мариинском парке

Твердо-серой такой, чтоб вовек не моргать,
не дрожать и не грезить в потемках.
Эти жертвы-цветы – да к живым бы ногам,
да от крепких мужчин, а не теток!

Тень от клена и юный цветок со слезой,
белоперое облачко лета,
мотылька трепыханье и арка борзой
в перелетном прыжке с парашюта –

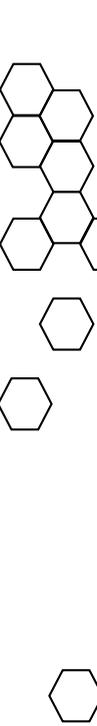
вы незримы в культурологическом сне,
столь любезном надписанным плитам,
где планетка Земля, совершившись вполне,
обрела совершенство гранита.

С педантичностью «Ролекса» кружит она
вне мистории рая и ада.
Но окрест, обнажаясь, звенит тишина
беспощадней, чем смех азиата.

* * *

Листья желтеют – небо из них уходит,
щедростью синевы творившее зелень.
только и остается им: лечь на землю,
легким тельцем прикрыть, отражая холод
медленным тлением. тусклым и плоским светом
жесткую наготу стволов освещая –
чтобы мы их хоть изредка посещали
и говорили друг другу «а помнишь? летом...»

Месяц до снега. Мир не сдается мраку.
листья в полете так и просятся в руки.
выбрать – поярче, без порчи, не самый хрупкий.
просто его поместить под стекло и в рамку
с надписью «памяти всех унесенных ветром» –
пусть повисит над диваном напротив кресла.
и замечать иногда, не вставая с места,
как замирает время, меняя вектор.

ПОРТАЛ*Рафаэлю Багаутдинову*

Пережить самого себя.
Может быть, вопреки хотению.
Был мужчина. Теперь старик.
Был художник. Теперь... никто?
Дополнительная судьба
отрастает вечерней тенью –
не того, кто дрожит внутри,
а всего лишь его пальто.

Забывать самого себя.
Притворяться старинным фото –
и угрюмо, как зимний кот,
погружаться в свой карантин...
...А приветливая семья
окружает его комфортом
и подсчитывает доход
от продажи его картин.

Ходят слухи, что до сих пор
хорошеют его модели,
что супруга не по годам
миловидна, свежа, бодра.
Я могла бы ввязаться в спор,
так ли это на самом деле,
но, обмолвясь: «Пожалуй, да» –
замолкаю, теряя драйв.

Я не то чтобы двадцать лет
прожила, ничуть не старея,
но девчонкой еще кажусь
тем, кто смотрит со стороны.
А написанный Им портрет –
мой «секрет Дориана Грея» –
стал серьезней и строже, пусть
ни морщинок, ни седины.

Это чудо – не навсегда...
Но доверчиво ждут секреты
в рукотворных немых вещах,
в плоском красочном двойнике.
Мне недавно открылся дар
проникать сквозь портал портрета –
чтобы Автора навещать.
А точнее, бывать... но кем,

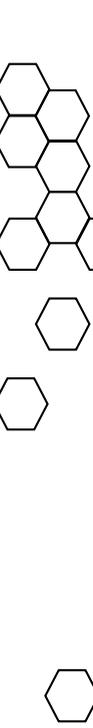
если видит уже не он,
не остаточных три процента
(все равно ему не уйти
дальше вымерзшего двора) –
сквозь пустой городской неон
и туманы земной плаценты
кто осваивает пути,
где космическая игра

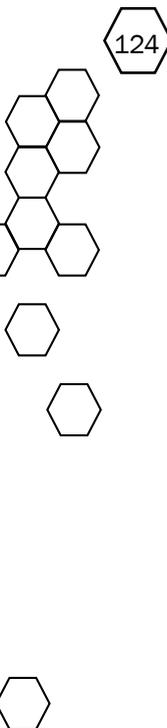
плавит в музыку тишину?
По небесному интернету
увлекательнее бродить,
чем по улицам и садам.
Он, как в молодости жену,
выбирает себе планету.
Если влюбится – убедит,
что теперь уже навсегда.

...Воровски налетает снег.
Он спохватывается: «Но где же?..»
На индиговой темноте
тормозя золотистый ток –
на изнанке усталых век
проступают черты надежды.
Жаль, что этого на холсте
не напишет уже... никто?

ЛЕГКО

Этим воздухом
дышат деревья и дикие звери.
Так легко –
он трепещет кленово, искрится сосново.
Так легко –
оттого, что несбыточный запах потери
в нем навек растворен,
как в духах дорогая основа:
ощутим только мной.
Потому что ни цвета, ни веса.
И никто эту боль
на лице
у меня не отыщет.
И совсем уж без запаха –
нечто, что мне неизвестно,
но меня защищает
надежней любого жилища.

Даже если разуться –
не страшно споткнуться
о камень.
А раздевшись –
на острую ветку, на взгляд напороться
(кто там смотрит в прицел?) –
не страшнее, чем ранить сосками
нежный воздух,
в котором уже ни родства, ни сиротства.
Я не цель –
если осы-тигрицы, шмели-медвежата
устремленно жужжат,
что нектар накопился и вызрел.

Да. В начале дыхание.
После – пружина разжата.
Потому я теперь –
отрицание цели.
Как выстрел.

ЮНОСТЬ

Полная чаша искрящейся крови –
как наполнять? –
и увядали дары в нераскрытых обертках.
Черным по белому писаны брови –
как не понять? –
и самоучка-душа восставала из мертвых.

И намечала – по черному белым –
в космосе плыть,
звезды к зрачкам примерять окрыленно и дико.
Глупое тело покинуто млеко –
ни утолить,
ни расплескать, как чернильную сущность индиго.

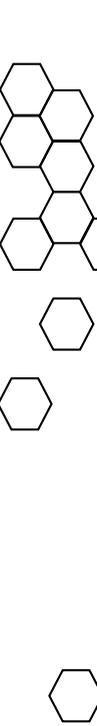
Что это было – так неотвратимо –
и не сбылось?
Было ли, если ушло, даже дверью не скрипнув?
Все – осязанья, картины и темы,
нежность и злость –
к непостижимости той безнадежный постскрипtum.

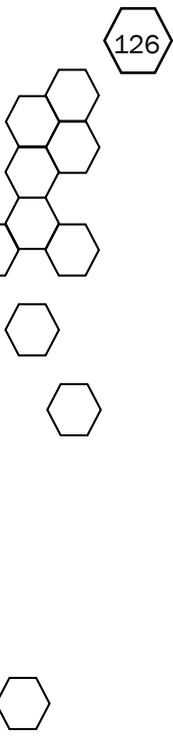
К ИСТОРИИ МОЕГО ПСЕВДОНИМА

Когда мне было семнадцать лет,
был жив один молодой человек.
И я носила его портрет
на внутренней стороне век.
Я думала, что он немолодой –
ему было тридцать, даже на вид.
И мог конкурировать с этой бедой
лишь миг, когда солнце минует зенит.
А, впрочем, для юности все беда,
что не оргазм, не звезда, не война –
что ей не ровня. А я тогда
самой себе была не равна –

теряясь в рядах нетоварных пар
стоически стиснутых губ и колен
заведомых узниц прокрустовых парт,
красневших от термина «многочлен»,
особо чувствительных к цифре «два»,
скучавших над книгами допоздна...
Он нам что-то умное преподавал
без шума и пафоса – будто не знал
о том, как он выглядит, как звучит,
и что за избранность в нем так видна,
но не опознана. Что за лучи
сквозь дрожь пронизывают до дна
наивных студенток – и мимо глаз
(глазеть в упор – что рубить с плеча:
глаза, отверженные напоказ,
уже не видят – они кричат.)
А я молчала. И у доски.
Но выводила в экстазе тоски
сомнамбулической волей руки
псевдологические значки.
От незаслуженного «хорошо»
ученью вослед забывая запрет –
взаимного взгляда электрошок
в меня впечатал фотопортрет.

И не исправить. И не стереть.
И ни ощутить, ни забыть нельзя.
С тех пор я могла на него смотреть
всегда, когда закрывала глаза.
Так смотрят – сквозь сумерки – на рассвет.
Так смотрят – на музыку – сквозь оркестр.
С тех пор я носила его портрет
как вирус и как чудотворный крест.

Не понимая в нем ни черты.
По жизни он кто? математик, доцент,
по слухам женат – но не в этом стыд:
нельзя быть как все при таком лице.
Для всех – монотонный бетонный провал,
где все в мельтешеньи своем мертво.
С таким лицом не качают права.
С таким лицом не ездят в метро.
Таких не живописал Глазунов,
не удостоился Голливуд...
Был вывод абсурден, и этим нов:
с таким лицом нынче тут не живут.
Он миф, он герой сериала «МОЙ СОН»,
и тайны его не снаружи – внутри.
Там, помнится, было о том, что он
из тех, кому умирать в тридцать три –
могила и даты... Нет, верь-не-верь,
а на иконы таким нельзя:
не в меру дерзок разлет бровей
и слишком больно горят глаза.

К чему эти игры со смертью, когда
он мог все, что мог только он один –
пойти не туда, и войти туда,
куда еще никто не входил.
С девичьего лона сорвать бельмо
чудесней, чем с суетных глаз слепца.
Да мало ли что отворится само
на зов – нет, не голоса и не лица –
того, что в них явлено! Мало ли тем,
желаний и целей, путей и мест!
Вот времени – мало. И нет совсем.
Он вел нашу группу один семестр.

...Как сладко страдать, созерцая портрет,
предательски честно смиряясь с судьбой.
Я вижу его, а он меня нет,
и можно пока что расти над собой,
брезгливо смотреть на других мужчин
и втайне надеяться на волшебство –
авось, поумнею, сведу прыщи,
когда-нибудь стану достойной его...
как будто «когда-нибудь» – вектор мечты.
А это – три года спустя, на ходу
узнать – и космической льдиной застыть:
Вчера, на тридцать четвертом году...

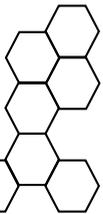
И не исправить... И не стереть...
И ни ощутить, ни забыть нельзя...
А я не могла на него не смотреть
всегда, когда закрывала глаза...

Так прошлое с будущим, жизнь и смерть
мгновенно меняют свои полюса.
Что прежде казалось невысказанным смель –
отныне обязана написать.
Для собственных глаз, с этих пор сухих.
Для истинной жизни – всему взамен.
И метишь беспомощные стихи
одним посвящением: А.И.Н....

Когда наступает Великий Облом,
попутно лишаешься шор и оков.
И многое запросто – красный диплом,
четыре книги (увы, стихов)
и прочие веши бесплатных усад...
Вот если б наука не сдохла в стране –
вполне мог случиться веселый расклад,
когда миллион бы достался мне,
а не Перельману. Но я бы взяла –
и значит, достойнее Перельман.
К тому же на рынке, где сажа бела,
ценней математики мат-перемат,
поскольку без мата не описать,
как прозой жизни сбывался бред,
империи рушились в полчаса,
хай-тек размножался... И только портрет –
его не смогли растоптать года
стадами сапог, отсудить судьба,
подделать мечты. Но теперь, когда
я вдвое старше самой себя –
новейшая версия прежней души,
недоумевающей: кто она? где? –
теперь он в сердце моем зашит,
и я не могу его разглядеть.

* * *

Однажды все, во что не верили вчера мы,
соткут закатные светящиеся нити.
Таковыми ласковыми недовечерами
дневные бабочки становятся ручными
и сами просятся: возьмите нас, возьмите!

Они садятся нам на головы, на плечи,
но тут же вспархивают – если ты не замер.
Ты не торопишься? протягивай навстречу
ладонь и жди – как будто вечны и прочны мы,
дневные киборги с цветочными глазами.

Кому доверчиво распахивает крылья
в ладони бабочка – не то чтобы элита,
но вне деления на первые-вторые-
трехмиллиардные... она скрывает имя?
Откроешь книгу и узнаешь: Нимфа Лида.

Смотри, смотри, ее бесстыдством ошарашен!
Когда узор твоих кошмарных сновидений
вдруг предъясняется прекрасным и нестрашным,
и все мгновенные детали различимы,
невольно вздумается:

смеет ли нигде не
существовать первообраз? В поколеньях
столь безупречно повторение канона,
что, может, карты непредсказанных вселенных
на этих крылышках? Нет, лучше промолчим и
отпустим мысли вслед за Нимфой.

Все равно нам
теперь томиться непроявленностью чуда,
его затерянностью в городе и доме,
плывущих мимо неба звездного – покуда
ночные бабочки останутся ночными,
неприлетевшими на свет твоих ладоней.

* * *

Сна незавершенное действие
гаснет, намекнув свысока,
только артефакта чудеснее
в памяти уже не сыскать:
тайный клад космических рыцарей?
солнечных лучей варикоз? –
книга с золотыми страницами,
тонкими, как крылья стрекоз.

Я готова чистить безропотно
жизни тесноватую клеть,
полюбить насущные хлопоты,
ни себя, ни дней не жалеть,
если откровенней приснится мне,
если напоследок спасет
книга с золотыми страницами,
книга, где откроется все.

ВАГОН

Вадим ЖУК

* * *

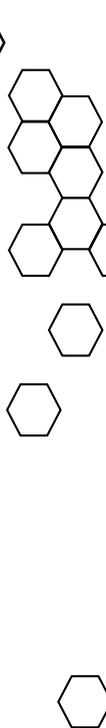
И эта страна, и другая страна,
Не могут все вымолвить слова «война».
И песен не пишут об этой войне,
Ей стонов и мата хватает вполне.
Не просится в небо победный салют,
Молодкам вестей-похоронок не шлют.
И, кажется даже, на этой войне,
Забыли солдаты о горьком вине.
Рязанский щенок с полстакана блюёт,
Коран ветеран бородатый блюдет.
И едет неправда по этой войне
На крашеном белою краской коне.

ДИКТОР ЛЕВИТАН*(похоронен на Новодевичьем)*

Левитан, Левитан, новодевичий житель,
Хоть убей – не вместить от виска до виска –
Как вы скажете это. А ну-ка, скажите:
– Взяли Киев с боями российские наши войска.
Если там, Левитан, мысли ясная область,
Если брезжится свет в новодевичьей мгле, –
Вы кого наградить повелите за доблесть,
Кто свои, кто чужие на этой земле?
Наступленье, потери, осада, блокада.
Свой своя не познаша. Говори, Левитан!
Расскажи про котлы домотканого ада...
Это мы, Левитан – гопота, лимита.
Кто пустил нас в подъезд двадцать нового века?
Кто нам этой отравы в стакан наболтал?
Кто там стал в этот миг – и на полную вечность – калека?
Говори, Левитан! Говори, Левитан!

* * *

И водка с горилкою на кулачках,
И бой кулебяки с галушкой...
И с тростью свинцом налитой в руках
Тараса преследует Пушкин.
И Лесю с Мариною с полкок долой,
Чужого не треба, не надо.
И мечется, мечется Гоголь больной,
От Нежина до Петрограда.

Не помнят. Не верят. Не плачут. Не ждут.
И жизнь дешевой дешевизны.
И деток незрячих по полю ведут –
Два слова «Отчизна» и «тризна».

* * *

Не бойся о войне читать
Написанное честно и без лака.
Не бойся невозможное узнать.
Не бойся плакать.
Огромное безличное «они»,
В глухую тьму ушедшие без цели.
Ты не о них заплачь, заплачь за них.
Они даже заплакать не успели.

* * *

Ну чего ты, ей-Богу, чего ты?
У тебя-то ведь все по уму.
Не шельмуют, не гонят с работы.
И работа, гляди, на дому.
И почти что покрытый гламуром,
Поспевает с водою живой,
С вологодским привычным прищуром,
Этот гуманитарный конвой.
И все больше того, что привычно.
Хохочи над духовностью «скреп».
Погоди – у тебя, что ли лично,
Эта нищенка просит на хлеб?
И ведь ясно, что врет. На иконке
Усмехается криво Христос.
Выпьем, женка. Прости меня, женка.
Что-то дрожь меня бьет, как в мороз.
Бьет в лицо, без размаха, с порога.
Это я? Только я? Или все?
Закатай меня, женка, в дорогу,
В жесткий бархат ночного шоссе.

* * *

Читай свою историю, потомок,
Как снова начинали жить фантомы,
Освоившие темные углы.
Как нас планета стала сторониться,
и стала замыкать вокруг нас границы,
Как кандалы.

Как крови ждал веселый русский молох,
Как голые обманывали голых,
Как быстрые точились топоры,
Как недуги и вши на нас попёрли,
Как острой костью, комом, колом в горле,
Встал ласковый и черноволный Крым.

* * *

С отсветом тусклым тюленьих арктических льдов,
Горький гранёный похмельный стакан на рассвете.
Крутит лоскутную юбку минувших годов
Северный ветер! Северный ветер!
Мимо горячих ладоней и холодных крестов,
Мимо дворцов проносящий перо Гамаюна,
Мимо чугунной эрекции невских мостов.
Милая юность! Милая юность!
Клёши с цепочкой, Каменноостровский проспект
К Марсову полю бегущий. Корабль бумажный.
Хилой сирени девичий и робкий побег.
Балтики влажной! Балтики влажной!
Жалко Бестужева-Рюмина. Жальче себя и тебя.
Кронверк – угрюмый свидетель и злое соседство.
Пушка полдневная – по воробьям голубям
Стылого детства. Стылого детства.
Из опостылевшей внятицы белого дня,
Точку внизу на московском асфальте, наметив,
Выплюни, выдуй, навеки исчезни меня
Северный ветер! Северный ветер!

ВАГОН

Когда мы, наконец, друг к другу притерпелись
Все сорок человек и восемь лошадей..
Как славно было нам! Какие песни пелись!
Какой разгул свобод! Какой обмен идей!
И первые два дня, когда мы испражнялись
От окружавших взгляд стыдливо отводя,
Мы чувствовали стыд, и даже извинялись.
Но сумно стало нам и нашим лошадям.
Вагон стоял забыт. Незыблем. Не колеблем.
Среди огрызков рельс, среди обломков шпал.
Песок и креозот. Железных прутьев стебли.
Он толком сам не знал, как он сюда попал.
Вагон стоял забит аршинными гвоздями.
Дымился и смердел. Вокруг цвела весна.
Они были людьми, мы были лошадьми.
Нас был двойной набор, но смерть была одна.

Тускнел нагрудный знак « Челябинск – Чебоксары»,
Уже не зная жить мы снова стали петь.
И подлетал к нему оголодавший сарыч,
И пробовал запор отчаянный медведь.
Один из нас исторг на грязь настила семя,
Зубами в вороной другой вцепился бок...
Потом не стало нас. И я ушел со всеми.
И не могу сказать, кто автор этих строк.

8 июля 16.

* * *

Отдохнуть бы хоть самую малость,
Полежать бы на этой траве...
Что-то тёмное нарифмовалось
В полотняной моей голове.
Теплоход, покидающий Киев,
Да табачная горечь во рту,
Епиходов со сломанным кием
Одиноко стоит на борту.
Шашкой вырублен сад твой вишнёвый,
Заросла красноталом кровать,
Это тело под белой панёвой
Никогда тебе не целовать.
Никогда над Невою суровой,
Никогда над днепровской волной
Ничего не начнётся по новой,
Ничего не случится со мной.
Никому у деревьев нагретых
Золотые слова не шептать,
И одной на двоих сигареты
Перламутровый дым не глотать.
Было дальше, чем путь до Китая,
Нынче в малый клубочек свилась.
До свиданья, моя золотая,
И спасибо, что так прожилаь.

* * *

Найдётся в папочке под заржавевшей скрепочкой
Любовь.
И даже страсть, надвинув с пуговичкой кепочку
На бровь.
Ещё ни гуглов нет, ни яндексов, ни рамблеров.
Старт дан!
На вас глядит в дверями хлопающем тамбуре
Стоп-кран.

Зеленый поезд электрический с Московского,
Жёлт клён.
И первый «Фауст» в переводе Холодковского
Прочтён.

19.01.17

* * *

И отвратительная морось,
И жалкий цельсий на нуле.
Не верят буквы в строчку строясь –
В слова «мело по всей земле...»
Снег не метёт, не замедает,
Лежит и скорой смерти ждёт.
Всё ненадёжно, что летает,
Бежит, идёт или плывёт.
Но там, над стылým белокрысьем
Лучами бьёт во все края,
Дыша и насыщаясь высью,
Любовь твоя, любовь моя.

16.01.17

ВЫПУСКАЛ ЧЕРЕВЬЯ НА ЗЕМЛЮ..

(Из былин)

Вот он влево махнул – и живые червями заползали,
Вот он вправо махнул – и из мертвых построен проспект.
Конь головку нагнул, под копытом лежат не опознаны,
Мамкам выть да орать, и невестам засохнуть в тоске.
Ты батыр, боотур, биоробот Алешенька,
Ты Илюшенька, слезший с печи в тридцать три,
Любо, княжие псы, выпускать супротивнику юшеньку,
Бога – как? Бога – где? Бога нет. Это богатыри.
Одиссеи, Гекторы, Ахиллы – спортсмены-разрядники,
От античных убийц отличимы лишь формой бород.
Повернись по другому и были бы зеки-колодники,
А гляди – в Илиадах – былинах их славит народ.
И за дело, когда изничтожит змеюку Тугарина,
И по полному праву коль заткнет свистуна Соловья!
Только слишком уж много под раздачу, за так отоварено,
Только слишком уж густо лежат на земле черевья
Моего-то героя Микула зовут Селянинович,
Он с котомкою ходит, он потомков рождает с женой,
Он идет за сохой по сухой, по не щедрой, по глинистой,
Он в лаптях и рубaxe, как Лев Николаич Толстой.
Он умеет.

А те, что в живое железами тыркают,
Да на княжых пирах осушают в полбочки ковши..
Не мои.
Не по мне, жизнь губящая, мощь богатырская.
Мне то как: если можешь паши, если можешь пиши.

* * *

Акын со своим немногострунным
Инструментом, с морщинистым шевелящимся ртом.
Его катрены, соцветия, руны,
Составляющие стихотворный том
Эфемерный, возникающий и тающий. Блюдо,
По которому неосязаемы и легки
Проходят, идущие ниоткуда
Верблюды, лошади, ишаки.
Золото персиков. Тяжёлые груди.
Прохладный ветер. Впалый живот.
Деревья .Плоды деревьев. Люди.
Акын разговаривает. Он поёт
То, что видит.
Я хотел бы быть акыном,
Проходя по землям, проходя по земле,
Чтоб стоял напиток в медном и длинном
Кувшине на бедном и длинном столе.
Чтобы мне благоволили чужие боги,
Внимая песням о своей стране.
Чтоб ночью ты поднимала ноги
К облаянной шакалами белой Луне.

15. 11. 16.
Иерусалим.

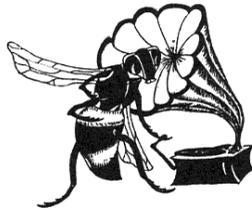
* * *

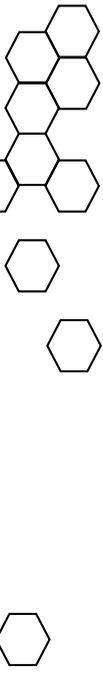
Война не может быть победоносной.
А может быть безглазой и безносой,
Безрукой и безногой.
Салюты и штандарты и виктории,
И обретаемые территории
И бритые полковничьи затылки,
Не стоят глаз стоящей у могилки
Вот этой женщины убогой.
Сказали – наши жертвы не напрасны.
Железку выдали с эмалью красной.
Она кладет ее в комод,
Где башмачок его, когда ему был год.

4. 10. 16.

Лодочку отвяжи.
След сохранила глина,
Наша Отчизна жизнь.
Смерть это наша чужбина.
Странно будет, когда,
Руку за борт опуская,
Вдруг ощутишь – вода
тёплая и живая.
Да, это так – жива!
Лепится к лодке улитка,
Снизу мелькнёт плотва
Быстрым серебряным слитком.
Этим ты стал чужим,
Те незнакомы вроде...
Родина наша – жизнь,
Новой не будет родины.
Значит прощай, прощай,
Лодка, плотва, улитка.
Не заходи на чай,
Не отворяй калитку.
Только храни, храни,
Возле причальных досок
Слепок моей ступни,
Голоса отголосок.

27. 10. 15.

Еліна СВЕНЦИЦЬКА

ПІД НЕБЕСНОЮ ТУГОЮ

* * *

Чуєте, знов стріляють...
Так, це вже побут нині.
Я просто донецький равлик,
І хата моя – на спині.
Пеклу безмежно вдячна
За небо над головою,
Я просто донецький равлик
І отже, моє – зі мною.
Стукає за небокраєм
Хворе залізне серце.
Донецькі равлики знають,
Як жити навколо смерті.
Все ж таки неосудна
Доля наша сувора.
З чорних нутрощів ґрунту
З'являється чорна мова.
Я просто донецький равлик,
Стискаються каліщата...
Життя моє – просто казка,
Довга, нудна, страшнувата.
Там звалищами нічними
Життя шурхотить, як листя,
Там кривда, рідна й весела,
Зростає посеред міста.
Кожної, кожної ночі,
Ніхто не знає, для чого
Котиться і гуркоче
Совісті о доробло.

* * *

Вітер, сповнений болю,
Вітер з мого Донецьку.
Бачиш, проходять роки
З очима переселенців.

Врешті, мабуть, все добре...
В життя, як чорна короста,
Бачиш, вростає знову
Позаминулий простір.

Там по кутах павутиння
Хитуче. Все тихо й криво.
І вигинаються стіни,
Наче впіймані риби.

Дні важкі та непевні,
Але корости не здерти.
Ми забули померти,
Чом ми забули померти...

Пахне дошками й глеєм.
Небо – в клаптиках вати.
Тихі краплі зі стелі
Йдуть на підлогу спати.

Пил із присмаком мила...
Через розкрите серце
Тече Україною вітер,
Вітер з мого Донецьку.

* * *

Не лякає ні пекло, ні рай,
Помираю, як пес в листопаді.
Мої вірші, як листя, летять,
Шурхотять у підземних шухлядах.

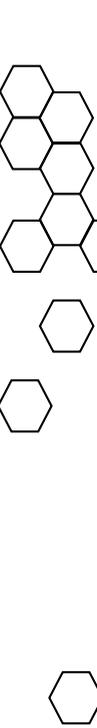
В невідомому місті готель
Поганенький, із запахом риби...
Доживати мовчання своє,
Їсти пасочки з мертвого снігу.

Це дощі, смутні велетні, йдуть,
Поливають неприбрані речі,
І залапану пам'ять мою,
І засмиканий простір старечій.

І ворухиться в морі вода,
І плюскоче вода в коло бані.
Я поетка мізерна, лиха –
Як скажу про своє існування?

* * *

Ніжний попіл і пил до очей пригортаю,
Замість крові спливає руда рідина.
Виринає з ріки, наче мертвий собака,
Пережите життя...Напливає вода
На обличчя собаки, суворе і темне,
Відвернулися всі від закритих очей,
Не впізнає ніхто наше місце нікчемне,
Куди місячне світло тече, наче глей.
О життя моє – поле цибулі і вітер,

О життя моє – вмига водою зола...
Тільки квіти живі, що зростають для вбивці,
Тільки білі тумани – де кривда пройшла.
Вже прибило до берегу тушу кошлату,
І потроху душа закуняла, як слід.
І зозуля кує. Річку зниклого часу
Закриває блискучий розпечений лід.

* * *

Потягніть, потягніть моє мертве коріння
До чужого, як місяць, життя дотягніть,
Тільки місяць чужий заростає бадиллям,
Тільки мертве коріння болить і болить.

Насмітили, розкидали... Чим притрусити
Ці шматочки життя, що лишилися тут –
Чи то пилом родючим, чи мертвим насінням,
Чи обличчям набридлим ввіткнутися в кут?

Вислизає мій дім. Вислизає, як риба
Із п'їтми, і нарешті, и воля прийшла,
Тільки воля на шиї – як зашморг без мила,
Зав'язала весь світ, що із бруду і скла.

Зав'язала весь світ – ці покоцані сходи,
Сіра кішка моя і незграбне пальто,
Фотографій старих наші очі червоні
На обличчях, які не впізнає ніхто.

І не винний ніхто. Ви пробачте, будь ласка,
За огидне видовище наших нещасть.
А під чорним розхитаним небом, як казка,
Чорні вулиці чорного міста летять.

* * *

Хоч що-небудь лиши на холодні часи,
Хоч що-небудь лиши на годину тривоги...
Ось твоє передмістя – веселе та вбоге,
І неправду казали вночі голоси,

Ті ласкаві, ті ніжні, що звать у намет,
Де спокійно живуть тіні довгі та хижі.
І життя потече між буденних речей,
Гостре світло віконне його навпіл розріже.

Збережи хоч що-небудь – цей теплий байрак,
Це повітря лихе, ті осудливі дзвони,
І цей клаптик землі, що залишиться там,
У долоні твоїй, коли охолоне.

Це в останню хвилину смертна душа
Навкруги подивилася поглядом чесним –
І жадає життя, і палає життя
Під небесною тугою, сумом небесним.

* * *

Позникали всі краплі крові,
І ніхто вже не знає, де ви...
Виростають хіна та оцет
Там, де був садочок вишневий.

По гарячому сліду крові
Ми йдемо свою правду жерти.
Всі ми підемо на схід сонця,
На схід сонця – живі та мертві –

З головою – зі страшного холоду,
Із шиєю – з жахливого холоду,
Зі спиною – із жорсткого холоду,
З очима – з безмежного холоду,
З руками – з пекельного холоду,
Із тілом – неозорого холоду.

Аби гріти тіло своє пухирчає
Коло чужого вогню.

* * *

Йшов пророк до гори, йшла гора до пророка,
Та вони розминулися в жовтих степах.
Ніч-білуга реве, ніч-білуга скрегоче,
Тільки пам'ять палає, як ніч, на вустах.

Спасе, спасе, і ти йшов на запах хвороби
Спотикався, підводився, знову йшов.
Сніг на чорних ланах не розтане ніколи,
А під снігом, як завжди, прихована кров.

Це зневажена ера відшукує вихід
Догори, догори, на поверхню і на...
Ти на звивини наших турбот не дивися,
Й не поглине тебе цих турбот глибина.

Тільки нас обступило повітря дрімуче,
Тільки нас оточили щілини доріг.
І до вікон підходить впритул завірюха,
Як дитина, ридає,
розповівши про все і про всіх.

* * *

Що це робить країна моя?
Знов мете шароварами сцену?
Прибандурені стерви-сирени
Непритомні від верхнього «ля».
Зачекайте, о сестри й брати!
Нащо нам ці театри лялькові?
Пахне вовком, собакою і
Ми на все безперервно готові.
Ось і все – чи насправді, невже?
Ось ми всі – сиві, п'яні, відверті,
І червоний лихий олівець
Креслить хрест на розкритому серці.
Ми в Європі, в Росії – чи де?
Як нам жити – разом чи окремо?
І чому забирають в нас те,
Що з подякою ми віддаємо?
І гопак, мов у прірву, летить,
Кожна стрічка нап'ята бідую.
Нас барвінок сухий захистить,
І закриє нас терен собою.

* * *

І пафос зривається голий,
Ламас зелені гілки.
Хіба ж то татаро-монголи
Забрали у нас вітряки?
Хіба не своїми руками
Ми мрії ламали свої,
А землі свої рівчаками
Заповнили, щоб не були
Ні рідними, ані чужими.
Чи селище, чи то байрак?
І шарпа кошулю залізну
Зажурений п'яний козак.
О ви, вороги мої милі,
О кривдники рідні, прийдіть,
Прийдіть до моєї руїни,
Домівку із неї зробіть!

І пафос орлиний клекоче,
І ридма ревуть почуття,
І паростки чорної крові
Вгризаються в наше життя.

* * *

Ридає оркестр духовий,
І труби ревуть до нестями.
Ми знову в Європі чужі,
Навіщо їй хворі слов'яни?
Навіщо їй тихі лани
І правди покривлене світло,
Й ледь чутні вночі голоси
Людей, що до всього вже звикли?
Зібрали полин, як щербет,
І стукали, п'яні з окропу,
Ми лобом в Уральський хребет –
Пустіть нас, пустіть нас в Європу.
Зміняли свічки на мечі,
Зміняли мечі на макітри...
Розкішний, розгублений, злий,
Наш світ поринає в повітря.

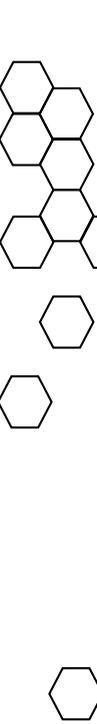
* * *

Ти, Україно, – рай, забутий Богом,
І пекло ти, дияволом забуте,
І край, що люди втратили без болю,
Як міркували – ким, за що закуті.

Нікого шифер неба не закриє,
Як вийдуть в поле рідні яничари,
Зростає чортоторію голосіння,
А ми собі вигадуємо кари.

Чиїх синів там, у пісках залізних
Предивна доля кулею дарує?
На сцені все актори знамениті,
А в залі трійко дурнів бешкетує.

Поклали руки на дубові скрині.
Байдуже світло міниться і тане,
Та сонця ще немає... Спи, дитинко,
В твоїй країні холодно і рано.

* * *

Допоки тягнеться гарба залізна
Часу, важкі лишаючи сліди,
Не чуючи піщане скавуління, –
Куди подітися, схватися куди?

А Україна знову перед краєм,
Як перед святом, не тамує крок.
А ми вмирили за твої примари,
А ми вмирили за твоїх ляльок.

Вони бундючні та неоковирні,
Штовхаються, хитаються, ростуть,
І пахне черствим хлібом, нафталіном,
Ніхто не впізнає свій сум і лють.

І всім, що зберігаючи, втрачали,
Над урвищем спрямовується шлях:
На всіх обличчях – божевільна радість,
На всіх обличчях – божевільний жаж.

* * *

Чорна мати моя – невблаганна, задушлива ніч,
Здавна що серед тиші рівнину розпластану ріже.
Та чужими словами говорить душа на землі,
Як виходить із пекла повітрям подихати свіжим.

Чорна мати моя, о чому ти, чому ти мовчиш?
Похилилися чорні дерева в зажурі й покорі...
Листя плоть, не тремти, все одно твої душі пусті,
Твої душі в повітрі на землю злітають від горя.

Україно моя – пил, суріпка та сива імла,
Лезо туги залізної, щастя, в яругах забуте.
І звучать над тобою перекручені клятви й слова,
І стоять над тобою тумани, розбурхані й люті.

І відійдуть від нас всі високі омани твої,
І відійдемо ми від твоєї неправди святої,
Щоб гарячого лоба торкнулася тінь
Від калини червоної, юної, злої.

* * *

Ось ліхтар похилився – стоїть,
Ось і ранок настав – а він світить,
У фіранках здригається вітер,
І життя вередливе шумить.
Його тут не побачить ніхто,
А він світить, неначе востаннє –
Світло болю і світло тривоги,
Світло слова і світло кохання.
Не прикриє воно від біди –
Світло тихе, даремне, застигле.
І потрапимо всі ми туди –
В світ похилий речей непотрібних.
І похилимось, наче ліхтар,
Де покинута лялька безнога,
Фотокартка пожовкла й душа,
Що метеликом лине до нього.
Безпорадний ліхтарю, зроби
Хоч що-небудь, щоб якимось позбутись
Цього світла, хоча б у мотузку
Свої промені якимось згорни!
Наливається сонце стидом,
Вийшли люди, щоб долі коритись...
І це світло – навіщо воно?
А він світить, і світить, і світить!

Элина СВЕНЦИЦКАЯ

ИЗ СБОРНИКА «МОИ ШЕДЕВРЫ»**ПРОСТАЯ ИСТОРИЯ**

Сколько помнила себя Гуля, она все время думала: простая она или не простая? обыкновенная или необыкновенная? И еще ей было интересно, что о ней думают люди, которые вокруг? И думают ли они вообще о ней, эти люди? Вот так она и жила – все время думая, что же о ней думают люди, и делая вид, будто она об этом не думает...

А жила она на станции Авдеевка, в бараке. Вагоны стонали и выли, пролетая мимо, угольная пыль с терриконов хрустела на зубах. И дул ветер, все время дул ветер, дул во все стороны одновременно. Комната была длинная и сырая, желтая лампочка болталась под потолком. По углам стояло четыре кровати, стол и стулья, шкаф. Все было дряхлое, как все неудачи этой жизни, и по ночам скрипело, шуршало, трещало и чем-то позвякивало. Гуля часто просыпалась по ночам и смотрела в темноту. Что-то происходило там, в темноте, в углах. Кто-то ходил по бараку, шуршал старыми газетами и всхлипывал.

Родители Гули всегда были дома. Дома они и работали. Им привозили каждые три дня тушки кур, уток, цыплят – и целый день они щипали перья. Вставали затемно, наспех пили чай с хлебом и щипали перья, пока не переставали двигаться пальцы. Тушками был забит холодильник, но места было мало, потому щипать надо было быстрее, чтобы не испортились. И каждый день после школы Гуля садилась рядом с ними на маленькую скамеечку в кухне и щипала птицу. Перерыв делали вечером на полчаса, теперь пили чай с сухарями и разговаривали.

– Как дела? – спрашивала мама.

– Вроде нормально, – отвечала Гуля.

– Ну, хорошо, – говорила мама. – А у меня сердце болит.

– У всех болит, – говорил отец. – Сиди, молчи.

А ближе к ночи приходил брат Гриша, пьяный. Он болел эпилепсией, и пить начал, когда понял, что болен неизлечимо. Он спотыкался о стоящее в коридоре ведро, швырял что-то об пол, ругался и валился на постель. Никто не спал – но все молчали. А потом начиналась ночная жизнь – что-то трещало, вздыхало, кто-то шептался за окном и чьи-то маленькие ноги шлепали по потолку.

И Гуля ложилась в постель, как в яму, и даже сквозь сон слушала эти ночные звуки. И единственное, что она хотела, – уехать отсюда как можно дальше. Не слышать

ничего ночью, не щипать днем перья, не дышать угольной пылью. Но год шел за годом – а ехать было некуда.

Она закончила школу. Учиться дальше денег не было, оставалось только ждать, пока кто-нибудь женится. Гуля подождала три года, а потом, никому ничего не сказав, уехала в райцентр.

Там она стала уборщицей в каком-то магазине и нашла себе какого-то старенького пенсионера. Она стала с ним жить, кормить его кур, ходить за поросятами. Один поросенок был вредный – он все время убежал от Гули и слонялся по двору, но стоило Гуле подойти поближе – удирал сломя голову. А пенсионер ругал за это ее, Гулю.

У них вообще были сложные отношения: он долго не хотел на ней жениться, они жили несколько лет не расписанные, потом расписались – и через несколько месяцев развелись; потом опять стали жить вместе, но все время ругались, потом перестали ругаться, но он нашел себе помоложе; потом вернулся к Гуле, но стал ругаться еще больше, и тогда она уже нашла себе другого пенсионера, правда, без желчного пузыря, а потом Гуля все-таки подумала и вернулась к прежнему. И все это время убегал этот вредный поросенок и еще время от времени приезжал в гости брат, пока не умер.

И в тот день, когда они расписались, поросенок, конечно же, убежал. Но муж не сильно ругался, и Гуля поймала поросенка быстро, а потом они сразу же пошли на электричку до Ясиноватой, а брат их провожал. Гуля вошла в вагон – веселая, счастливая, с банкой пива, и сказала: «Спасибо, родненький братик, что ты нас провел. Передай спасибо родителям и привет всем, кто меня помнит. Дай тебе Бог любви и верности, собственного достоинства, хорошего заработка, крепкого здоровья в личной жизни». Потом электричка дернулась, брат соскочил на перрон, а они стали смотреть в окно и смеяться. И вот ничего не осталось, и не помнила Гуля, зачем им понадобилось ехать в Ясиноватую, и все стало совсем другое, но помнила Гуля только эту электричку и свои такие хорошие слова, и как потом загрохотали колеса, и все понеслось неизвестно куда.

И жизнь была прекрасной, прекрасной и горбатой – как маленькое деревце под окнами ее дома в Авдеевке.

ЭТА ЖЕНЩИНА

Истерика. Опять истерика. Стоит только успокоиться – и что-то случается, и хочется лезть в бутылку, а потом на стенку, а потом плевать, кусаться и биться головой об пол.

Эта женщина сидела за столом и писала о том, что у нее опять истерика. Просто ей сказали, что с помощью писания можно вылечиться от всего, только надо красиво писать и ошибок делать поменьше. Она сидела около окна на кухне, падал снег, кошка дремала в кресле. Эта женщина выглянула в окно. Там засыпанный снегом Пушкин грустно стоял и смотрел вдаль. Она открыла форточку и стала писать дальше.

– Вот что ты за человек?! Сидишь на сквозняке! – это пришла навещать мама.

– Что я за человек? Обыкновенный, но не совсем. Склонный к рефлексии, но неуравновешенный. В последнее время появилось во мне что-то такое... Нервничаю вот часто, письма пишу... Чувствую какое-то смещение, сдвиг, но не знаю, откуда и куда...

И сознание ее было какое-то странное, оно ей все время изменяло. Об этом она и писала, надеясь, что эти измены когда-нибудь прекратятся. Но сознание изменяло ей постоянно, абсолютно никого не стесняясь. Она очень боялась этих измен, но ничего не могла поделать.

Выходя из дома, эта женщина всегда боялась, что забыла выключить утюг. И придя на работу, гладила ли она сегодня и в каком виде утюг оставила. К середине рабочего дня она убеждалась, что утюг не выключен и все сгорело, и бежала домой спасать остатки своей жизни. Но в доме было тихо и пусто, только чернел на плите забытый чайник и пахло гарью.

На следующий день эта женщина вставала с мыслью, что нужно не забыть выключить чайник. И теперь уже, придя на работу, думала о чайнике – выключила или не выключила. И опять, в полной уверенности, что дом горит, она убежала с работы. Но чайник спокойно стоял на плите, и утюг тоже был на месте, только квартиру оглашал голос не выключенного телевизора.

Однажды она поняла, что очень рискует. Проблема даже не в том, что у нее страхи, но в том, что она действительно все время что-нибудь забывает. Чтобы призвать к порядку свое изменчивое сознание, она подробно описывала все его измены. Вот она написала про утюг, про чайник и про телевизор, но ничего не изменилось. Тогда она написала о том, как пошла в магазин. В одной руке у нее был пакет для продуктов, в другой пакет с мусором, который она решила выкинуть. Выйдя на улицу, она взяла оба пакета в одну руку и пошла в магазин – мимо памятника Пушкину, мимо мусорных баков, мимо почты и сберкассы. Иногда ей казалось, что пакет в руке мог бы быть полегче, но в задумчивости она отгоняла эту мысль.

Так шла она дальше и дальше, размахивая пакетами, глядя в небо и тихо напевая: «Буря мглою небо кроет...». Около магазина она остановилась. Что это за пакет у меня в руках? Для чего мне этот пакет? Почему я с мусором хожу? Что это значит?

Так писала эта женщина, и снова и снова думала о своем сознании, которое ей изменяет, причем каждую минуту и без всякой совести. И еще она подумала, что очень трудно будет описать магазин, в который она пришла, бросив, наконец, пакет с мусором. Это был большой-большой супермаркет, облитый холодным искусственным светом. Играла музыка, и целая толпа покупателей двигалась по длинным проходам мимо бакалеи и полуфабрикатов, толкая перед собой тележки. Люди были разные – тети-слоники в шароварах, бабушки в смешных шапочках и коротких шубках, мужчины, пахнущие пивом и зубной пастой. И у всех у них лица – виноватые, униженные, злые.

И все вокруг странно, как бывает во сне, когда знакомые предметы предстают в незнакомом освещении. Всюду лежали свертки, пачки, мешочки. Ни на чем не было названий. Непонятно было, что где. Всюду лежали какие-то коричневые пакеты непонятной формы, никто не знал, что в них завернуто. Но, несмотря на это, люди вокруг глубоко-мысленно разглядывали эти таинственные пакеты, как будто бы делая серьезный выбор. Нагрузив свои тележки, люди шли к кассам.

А там... там стояли звери. Они, когда приближались покупатели, разрывали их пакеты. Что в них, по-прежнему было непонятно, но сами покупатели при виде того, что они выбрали, громко рыдали, падали на колени, просили прощения. Звери выпроваживали их на улицу, а там, за дверью, плескалась черная вода и слышались стоны.

КАК ВСЕ

А они живут как все. Да, они все абсолютно как все, и ничем от них не отличаются. И они это прекрасно знают и считают, что так и должно быть. Потому что если не будет таких, как все, то что же это будет?

И дом у них как у всех. Четыре комнаты – и только в одной убрано. Но в ней не живут. В ней только выставка посуды и суровые люди в рамках на стенах. Этот дом был в городе, как все, засыпанном снегом, дом среди снегов, и ржавые палки на асфальте, и чья-то кровь на снегу.

В первой комнате жил хозяин. Он, как все, был умный по жизни, работал в разных местах, пел в хоре и в самодеятельности танцевал ламбаду. Как все, после работы в разных местах он расслаблялся, пил пиво и курил на балконе, а потом смотрел вниз на летающий с сигареты огонь. А потом, как все, шел ужинать, смотрел телевизор, и всю ночь ходил от стены к стене, время от времени ударяя кулаком в притолоку.

Во второй комнате жила его жена. Его жена была тоже как все, она работала в школе учительницей обслуживающего труда и считала себя жертвой антисемитизма. Самое интересное, что никто ее не считал еврейкой, и нос у нее был почти нормальный. Но и ее, как и многих, сократили, и из-за чего же, спрашивается, это могло случиться, если не из-за всеобщего антисемитизма? Как у всех, ее письменный стол был забит рваными бумажками, сломанными карандашами, не пишущими ручками. И придя с работы, она, как все, тихо сидела за столом, перебирая эти бумажки, карандаши и ручки. А теперь, когда ее сократили, ей ничего не оставалось, как перебирать эти бумажки, карандаши и ручки, размышляя о происках антисемитов.

А в третьей комнате жила ее свекровь. Как все свекрови, она была образцовой хозяйкой и никогда не заливала соседей. В ее длинной жизни все время так получалось, что жила она в одном городе, а работать ездила каждый день совсем в другой город. И всю жизнь моталась по автобусам, как все, с полными сумками, с какими-то кулками и сеточками, перетянутыми веревочками, которые развязывались, а пакеты лопались и рассыпались, а она их пересчитывала, все боялась забыть, потерять. А потом она, как все, ушла на пенсию, и ей стало нечего делать, и она целый день сидела в своей комнате и читала письмо, полученное сто лет назад.

«Дорогая моя Надя. Я просто так подобрал одно стихотворение с поэзии, прочитать тебе перед сном, ты ведь любишь это. Я люблю песни советских композиторов, у меня приемник, я его никогда не выключаю, даже когда меня дома нет, под музыку засыпаю.

Неизбывно и подспудно,
Как поток лучей моих,
Разделить, наверно, трудно,
Счастье ровно на двоих.

Что тебе еще черкнуть? У тебя грехов с избытком, я тебе верю. Я тоже не ангел, но это еще терпимо. Хозяйские руки нужны, а остальное все будет. Одному жить – это сосуществование на земле».

А рядом с ней на соседней кровати жила ее сестра, старая девушка, как все, как всегда, больная. Когда-то у нее, как у всех, была сложная личная жизнь, но это было давно. И теперь ей ничего не осталось, кроме как рассказывать об этой личной жизни другим. Но только никто ее не слушает, как и всех, никто никогда не слушает. И она, как все, рассказывает ее самой себе, и, как все, сама себя слушает.

А потом, как все, ложится спать и, уже засыпая, вспоминает, как давным-давно, до всей этой проклятой личной жизни, лет в пять или шесть, у нее, как у всех, была любимая игрушка – розовый кот Барсик. Как все, она с ним и спала, и ела, как все, она его целовала и обнимала, как все, она с ним гуляла, и там, на улице, колотила, пинала ногами, от лужи к луже, поднимала с земли, отряхивала и снова колотила, и плакала, и плакала, и плакала.

Вот ночь. И все в этом доме спят. Все спят, как все, и видят обычные сны. За окном большая луна и качаются деревья, как будто бы рассказывают страшную сказку. И нет никого и ничего, только пятна лунного света на серых спинах домов. И собаки лают где-то вдали.

– Помогите! Помогите! – кто-то кричит в темноте.

Женщина в красном халате стоит посередине улицы и хрипло зовет на помощь. Тишина и темнота. Все спят, как все, и видят обычные сны.

– Спасите меня! Умоляю!

Никого нет. Никто не слышит. Спит дом. Дом, который будет вечно для них уютным и надежным пристанищем и который они назавтра покинут. Покинут, как все. Потому что я не знаю: где они, эти все, живут? И где, в какой момент, наш путь пересечет злое и жалкое безумие?

ИЗ НОВЫХ РАССКАЗОВ

РАССКАЗ ИЗ ЦИКЛА

Была маленькая надежда проснуться дома. Очень маленькая надежда – но была. Однако нет. Сколько ни перетаскивай сюда безделушки, книжки, картинки, бумажки, тряпки – это не дом. Пока таскаешь – превращаешься в сороку-воровку, везешь через блокпосты всю эту фигню и боишься, вдруг заберут. Только ведь никому это не надо, кроме тебя. И вдруг оказывается – это только жалкие кусочки, бедные кусочки. Дом не складывается из них, и жизнь стала – как рваное одеяло.

Поэтому так долго спится в эту мглистую зиму. Сумасшедшая старуха – наша погода! Всклоченная, взъерошенная, косматая, швыряющая в лицо то снег, то воду, подвывающая противно и тоскливо. И потому каждый сон – как взгляд больного в окно. А в окне – дом, прошлая жизнь, все то, что нельзя сложить из кусочков, чего нигде нет – только там, в этом окне.

Сегодня я почти заглянула в это окно. И поняла, что надо просто его открыть и пойти по тропинке, которая начинается прямо за окном. Это чужая тропинка, чужая рыжая земля и чужая трава вроде чертополоха. Ну а как я хотела? Здесь ведь тоже все чужое, и никогда не вылезешь из этого чужого, даже если вывернешься наизнанку, даже если сама превратишься в кусочки – это будут кусочки чужой земли и чужой жизни.

И вот почему так горька эта неосуществившаяся надежда – проснуться дома. Начинается утро, и опять в окно горько и честно смотрит изъеденная ржавчиной недостроенная многоэтажка с плакатом поверх оконных дыр: «Як тебе не любити, Києве мій!». Все как вчера, ничего не изменилось. Как бы хорошо лечь на дно и жить, наконец, спокойно. Но нет. Уже звонит мобильный и журчит бодрый голос:

– Доброе утро! Срочно продиктуйте серию и номер вашего паспорта, диплома, дату выдачи и номер справки переселенца, а еще – идентификационный код!

– Это срочно? Но почему?

– В связи с аккредитацией. И проверкой в связи с аккредитацией.

– Но подождите... Я же должна все найти!

– Я вам перезвоню через полчаса.

Трубку бросили. Блин, надо искать документы... Паспорт, кажется, был... где же? Вот он, очень хорошо. Теперь нужен еще диплом – кажется, в папке лежал. Но где же папка? Вот они, кусочки моего прежнего дома. Когда-то я точно знала, что в какой папке лежит, а теперь... Как в доме Облонских, смешались в кучу кони, люди и залпы тысячи орудий... Свежо и нервно, но где же справка? В паспорте должна быть, и там же – идентификационный код. Справка есть, кода – нет. И пять звонков.

- Нашли, наконец? Диктуйте.
- А код я не нашла. Можно без него?
- Нет. Ищите!

Да, конечно, ищу. Где же я могла его посеять? Такая маленькая беленькая бумажка, где угодно может ведь лежать себе тихонечко. Был в паспорте, выпал, а куда делся? Вот и разлетаются кусочки моей прошлой жизни – по всей земле, и не найти... Я уже все сумки перевернула, все бумажки перерыла... Сейчас ведь позвонят...

- Ну что? Нашли?
- Нет... Ищу...

Короткие гудки... Ничего, выдадут новый, но ведь надо срочно, а завтра, как назло, выходные. Господи, но должно быть где-то место, куда стекаются все потерянные вещи! Ведь люди так часто что-нибудь теряют – кошельки, кольца, флешки, паспорта теряют постоянно, головы... Столько людей теряют головы – может, они живут где-то далеко, в каком-то городе, а с ними – все потерянные вещи.

Ну да, только все равно надо искать. Ведь позвонят же, опять позвонят – и что я тогда скажу? Надо книги перетряхнуть – могла ведь туда засунуть, когда читала. И не так-то много книг осталось от большой моей библиотеки – за полчаса все перетряхнула. И все папки можно запросто разобрать по листочку... Темно уже... Ночь морозная, уютная, звезды дышат холодом. Недостроенная многоэтажка освещенная довито-зеленым светом. А у меня на полу – исписанные листочки, на столе – растерзанные книжки, на постели – вперемешку журналы, старые фотографии, бумаги и спящая я.

Я заснула, как прибитая пыльным мешком, без единой мысли. И вот оно – окно, которое я видела много раз, и вот рыжая земля и чужая трава вроде чертополоха. Но я иду все дальше и дальше – и вот уже знакомые улицы, и библиотека, в которую я ходила много лет, и школа, которую я закончила, только у подземного перехода зачем-то портрет Сталина. А рядом – женщины, замотанные в платки, иконы целуют, а дети плачут. Идут – и крестятся на облгосадминистрацию, которая теперь называется домом правительства. Что же это они делают? Зачем крестятся? Зачем «Отче наш» поют? Зачем хоругвями в воздухе помавают? Куда же это я попала, Господи?

Я проснулась от телефонного звонка. Промелькнула мысль: «Так и не нашла... Что же это такое?».

- Здравствуйте, извините, я так и не нашла...
- Что ты там не нашла? Вечно ты что-то теряешь... – голос моей подруги Натальи, которая осталась в Донецке. – Привет!
- Ой, привет! Как я рада тебя слышать! Как ты там?
- Да ничего... Нормально все. Жить можно. Культурная жизнь прям бьет ключом. Вот недавно к нам Кобзон приезжал, а потом праздновали день Республики Башкортостан, потом опять приезжал Кобзон, а потом был крестный ход...

- Вокруг облгосадминистрации?
- Блин... так ты все знаешь...

И она разочарованно положила трубку.

«Однако... – подумала я. – Неужели правда? Господи, даже во сне никуда не деться... Хочешь попасть домой, а попадаешь в реальность, которая на самом деле сон, или в сон, которая на самом деле реальность. Безнадежно все это... Опять искать эту бумажку, складывать как-нибудь кусочки своей прежней жизни, с ужасом оглядываться на телефон...».

Вот и стемнело. Рано темнеет нынче. И вот уже луна на небе – круглая луна, погруженная в одиночество. Только это не луна на самом деле – а потерянная голова. А на ней – так четко видно в эту морозную ночь – толпятся потерянные вещи. Значит, луна и есть то место, где складывается все потерянное. Вот там они и живут – ручки, кошельки, сережки, кольца, мобильные телефоны, книги, документы. Там на столе остался чей-то блокнот, и рядом альбом с фотографиями, и рукопись, которая так и не сгорела, остались разум, надежда, вера, любовь, память, память, память...

В ДЕНЬ ОБЛАЧНЫЙ И КРАТКИЙ

Это случилось давно и, может быть, ночью. А то, что происходит сейчас, на самом деле происходило в незапамятные времена и тянулось всю ночь, и это было на самом деле. Только с тех пор много воды утекло. Вода течет – и время идет, стоит выключить воду – и время останавливается. Все это такая же правда, как сон. И правда, был сон, который я видела в детстве.

Зима. Сутулые вороны ходят, переваливаясь, по дороге, и клюют мусор. Прекрасный город, тихий, пушистый от снега. Чужой город смотрит на небо, на облака, которые тоже город, только там, наверху, в лучах солнца. Солнце светит, а моя мама беременна мной.

Ее не то чтобы тошнит, но как-то муторно и скучно. Чего-то хочется, но непонятно чего, только время идет, как же быстро идет время, как вода из крана, а хочется все-таки яблока. Ну что же, яблока так яблока, только должен быть у ребенка отец, в конце концов.

Он сейчас выйдет из этой двери, и тогда надо будет что-то решать. Что-то говорить, объяснять, где-то находить выражения. Такая вот судьба, но это тоже жизнь. А под пушистым снегом – невидимый лед, как бы не упасть.

- Мы же все уже решили. Ты чего здесь стоишь?
- У нас будет ребенок.
- Почему это – у нас?
- У кого же еще?
- Мало ли у кого...

Она думала, это он нарочно, говорит, как дурак. А может, он и вправду дурак, кто его знает. Они оба – как страусы, сунувшие головы в песок и озирающие открывающуюся местность заднепроходными отверстиями.

- И это все, что ты хотела мне сказать?
- А разве этого мало?

Еще одна ледяная дорожка. Ноги заскользили. Она остановилась и пошла медленнее.

- Но что же будет?
- Ну у тебя и вопросы... прям глобальные!

Скользкий лед. Катится одна нога, потом – другая. Мама еле удерживает равновесие, потом – скользит. И вот уже никто ни о чем не разговаривает, не решает, как быть с нектати появившейся мной. Просто снег летит в лицо, и лед летит под ноги, и ноги скользят вниз и вниз, и сердце выпрыгивает из груди, и тошнота подступает к горлу.

Это, конечно, сон, но правда, потому что мама так и осталась одна. Одинокий человек похож на носорога – тяжелый и бестолковый. Поэтому я уехала от нее и никогда не приеду. Ей хотелось воспитывать меня, только ведь воспитание – смесь человеколюбия и каннибализма.

Я уехала в чужой город и жила в свое удовольствие. Жить в свое удовольствие очень просто – надо только найти свое удовольствие и жить в нем. Моим удовольствием было пение, и пела я прекрасно, потому что у меня не было слуха. Но разве важен слух, если поет душа? По утрам я упражнялась в пении алфавита. Потом, когда выходило хилое зимнее солнышко, и ветер утихал, я пела свои мысли – все мысли, которые мне приходили в голову. А синими вечерами я пела мысли великих людей – по сборнику афоризмов, который остался от предыдущих хозяев комнаты. И я мечтала о том дне, когда я пойду в библиотеку, попрошу любовный роман и буду его петь.

И вот настал тот день, тот облачный день. В городе было тихо, как будто в пещере. Я вышла из дому и пошла по хрупкому юному снегу, повторяя вокализ из вчерашних мыслей. Надо было проехать несколько остановок на трамвае. Я вошла в почти пустой вагон. Из окна трамвая люди, осыпанные снегом, казались усталыми и покорными судьбе. Ну, это в пределах нормы. Мужчина без шапки ловит ртом снежинки. Дети в ярких шубках, в переливающихся всеми цветами радуги шапочках и шарфиках, с огромными глазами в закручивающихся ресницах бьют друг друга по головам розовыми рюкзаками.

Трамвай шел все дальше и дальше, улицы пустели и темнели. Вот и моя остановка. И совсем рядом – библиотека, надо только перейти трамвайные рельсы. Как же здесь пусто – никто не ходит в библиотеку в этом городе, в это холодное время! Длинная улица тянется и тянется вдоль трамвайных рельсов, уходя куда-то за пределы видимости. Библиотека на той стороне – но как же скользко, как же разъезжаются ноги! Я иду вдоль рельсов медленно-медленно, пошатываясь, как пьяная кукла. Почему кукла – пьяная? Не знаю, напилась где-то...

А кто это идет передо мной? Кто это шатается, как пьяная кукла? Кого, кого же мне напоминает эта непонятная фигура? И почему такой мороз – как будто льдом обложили лицо и тело?.. Кого же мне напоминает эта пьяная кукла?

– Что с вами, женщина?

– Заколебали, затрахали, – бормочет она. – Затрахали, заколебали, осточертели по гроб жизни.

Этот голос... Это же мой голос! Это же я! И что же это я делаю? А я иду вдоль трамвайных рельсов, а по рельсам медленно и тяжело грохочет трамвай, все ближе и ближе... Так же... бросаюсь под трамвай! Зачем?! Не хочу!

Надо как-то остановить все это – но рука уткнулась в холод. Это призрак, но это мой призрак, и трамвай все ближе и ближе, и призрак мой лежит на рельсах и что-то бормочет... И вот уже запах бензина забивает ноздри, и огромная железная туша подмяла под себя, а душа все еще поет, и прекрасный ее голос летит к небесам.

Вот так вот я и умерла, спасая свой призрак. Или призрак своей мамы, я не разобрала. Но между призраками нет родства, я узнавала. Не бывает – материнский призрак, дочерний призрак. Мы просто мертвы, как кратеры вулкана, мертвы без надежды.

К чему это все я? К дождю, наверное. Или к солнечной жаркой погоде. Но скорее всего – к переменной облачности. У вас, живых, всегда переменная облачность – уже и облаков на перемену не хватает. А еще к чему я это? Да пожалуй, к ночи. Такие длинные ночи наступили, такие огромные. Плывет в темноте машина, как в глубине морской, и лицо у нее – как у морского конька. Церковь, облепленная иллюминацией, похожа на фосфорес-

цирующий труп. И все это к тому, что уходит время – отступает в туман, как войско, потерпевшее поражение, как человек, отвергнутый любимой, как писатель, не понятый своими читателями. Просто потому, что надо уйти.

ВОЙТИ В ИСТОРИЮ

Я – писатель. Каждый писатель хочет войти в историю. Я пишу абсурдные юморески и повестушки. И в историю я уже вошла. Это произошло буквально недавно, когда я подарила своему любимому критику обезьяну. Я поздравляла его с новым годом. Это был год Козла.

Вот так и началась история, в которую я вошла, а точнее, попала. Писатели – они же всегда во что-нибудь попадают. Так вот, после того, как я подарила ему обезьяну, критик сказал, что в моих рассказах ему чего-то не хватает. Но не сказал, чего. И как я ни пыталась выяснить – он молчал и опускал глаза. Однажды, впрочем, произнес загадочно:

– Я не критик, я обозреватель, – и покачал головой.

Он думал, что я начну думать, что же обозначают его слова, – но я не стала. Потому что для того, чтобы писать абсурдные юморески и повестушки, думать, на самом деле, совершенно не обязательно. Но то, что кому-то чего-то не хватает, все-таки очень обидно. И я сделала то, что делают все женщины в таких случаях, – я заплакала. Ведь правда же, обидно до слез, я пишу, стараюсь из последних сил, в последнем поте своего последнего лица, стараюсь написать получше, слова разные подбираю и выражения, переписываю сто раз одно и то же – а мне говорят, что чего-то не хватает, но при этом не говорят, чего.

И тогда мною овладела зеленая тоска. Вот я не понимаю, почему тоска – зеленая? Трава зеленая, это понятно. Или – зеленый лук. Но тоска при всем желании не может быть зеленой. Но она была, и именно зеленая. И я ходила, погруженная в ее тягучую зелень, по осенним улицам. Листья из последних сил держались за ветви деревьев. Но как же жить, если чего-то не хватает?

Наша встреча была неожиданной и абсурдной, как в моих рассказах.

– Здравствуйте, дорогая, вы помните, как мы общались в Питере в 2000-м году?

Я не помнила. Я не могла помнить, что было в 2000-м году, тем более в Питере. Но я вежливо улыбнулась и сказала:

– Кажется, припоминаю... Только не в Питере, а в Харькове.

– Ну что ж, я за – всеми шестью конечностями.

– И кажется, это были не вы... Но почему – всеми шестью конечностями?

У него были цепкие, неестественно длинные пальцы и серые сумасшедшие глаза.

– И что, собственно, вы подразумеваете под конечностями? – недоумевала я, а про себя думала: «Это все оттого, что моей прозе чего-то не хватает».

– Конечности – это окончания, то есть концы, – сказал он веско.

– Но почему же у вас шесть концов?

– Ну как же: две руки, две ноги, два уха. Три парных конца.

– Но почему уши – концы? Что они кончают... оканчивают?

– Вам не кажется, что наш разговор не совсем приличен? Я знал, что вы неприличная писательница, но не до такой же степени...

Разговор был не неприличен, скорее странен, но есть такие люди, которые все необычное считают неприличным. Я хотела сказать об этом своему внезапному собеседнику – но вместо него на мокрой похухлой траве сидел черный кот.

– Мявчик, мявчик, – сказала я, – а у тебя сколько конечностей?

– Шесть, как у всех, глупая вы женщина, – ответил он. – Четыре лапы, голова и хвост.

И полез на дерево. Не знаю, что со мной произошло, но я полезла за ним. Ведь обидно, когда какой-то мявчик называет глупой женщиной. Я лезла – а дерево раскачивалось. Я лезла – а дерево тряслось. Я лезла – а хвост черного кота был совсем близко, еще чуть-чуть – и я его поймаю. И, протянув руку вверх, я шлепнулась на землю.

Да, так все и должно быть. Моей прозе чего-то не хватает – и мне больно. Мне больно – и моей прозе чего-то не хватает. Я упала на бок – и там, в боку, теперь жил жук, он сидел под кожей и шуршал. Становилось холодно и темно. Никого не было. А в боку теперь поселился черный мявчик. Он скрипел зубами и царапался. Потом пришел леопард, он громко рычал и вырывал из меня куски мяса. Потом леопард ушел, но пришел лев. А потом – стадо слонов, вырывающих с корнем деревья.

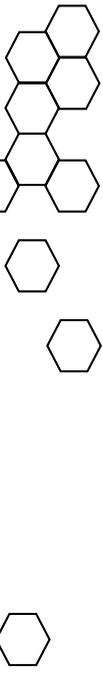
Ну и хорошо, думала я, очень даже хорошо. Теперь я точно вошла в историю, и вот – эта история уже закончилась. Может, именно этого и не хватало моей прозе – конца, окончания, конечности?

Я лежала под осенним небом и, глядя на звезды, говорила им:

– Вы извините меня за то, что я еще жива. Вы не думайте, я работаю над этим. Уверена, результат вам очень понравится.

И вдруг я вспомнила этого человека, который помнил меня в Питере в 2000-м году. Его звали Иван Глот, он был разнорабочий и горький пьяница, но ходил на все литературные вечера, которые проводились в городе. В Питере? В Харькове? Не все ли равно, главное – моей прозе все-таки чего-то не хватает. Этому рассказу – в том числе. Что бы такое подарить своему любимому критику?

Сергей ШАТАЛОВ

ИЗ ЦИКЛА «НЕЗРИМОЕ»

НЕЗРИМОЕ

Пустыня. До горизонта нетронутый песок.

В центре, облокотившись на незримое крыло, сидит собака. Рядом следы человека. И больше ничего и никого. Ни-ко-го...

А собака? Откуда она? Принесло ветром?

Но это же кинопробы... это же... итак... Представим, БЕРЕГ МОРЯ. Сверху на тросе опускается собака. Она дрожит, волнуется. Вот-вот сорвется. Она тяжело дышит и сопротивляется своему приземлению. Она почти на грани нервного срыва. Стала вся взлохмачена неким дуновением, некой невидимой рукой. И вот – нет собаки. Совсем нет. Лишь едва различимы: две лапы на небе, две – на земле.

Тогда откуда следы человека?

Его, скорее всего, подняли и опустили автокраном. Он тут же и пробежался. По-другому не получается. Следы человека и рядом – кусочек неба на задних лапах.

А человек? Кто он?

Это, наверное, несостоявшийся утопленник. Его спасли несколько лет назад и почему-то сразу о нем забыли. Забыли родственники, знакомые, спасатели, в паспортном столе, в школе, где он когда-то учился, и довольно успешно – все забыли! И вот он один на берегу. Море и заново рожденный в истлевшей одежде едва различимы на фоне убегающего в абсолютную античность горизонта.

Однако, при внимательном осмотре, следы на песке – не совсем человечесь. Такие может оставить, разве что новорожденный малыш. Так невесомы они, что... Но где вы видели стопу ребенка 43-го размера? Возможно, когда поднимали и опускали, утопленника подменили ангелы.

Перья! Повсюду перья. Белые, очень белые, ослепительно белые. Вся съемочная группа в слезах и умилении, вместо работы над фильмом собирает вдоль берега чье-то оперенье. И когда всё соединилось, получился АНГЕЛ, который, вероятно, и оставил следы, или...

– Собрание целого важнее, чем само целое! – закричала в лучах заходящего солнца костюмерша и все разрушила.

– Вы убили ангела, – заявил директор фильма, – и за это вас непременно будут судить!

– Кто, кто осмелится?! За то, что я на рабочем месте навела порядок. Разве за это судят?

На бескрайнем пространстве пустыни разместился суд.

– Слушается дело о преднамеренном убийстве ангела, – огласил секретарь. – Приглашается первый свидетель.

– Он еще в примерной, – сообщило дальнее эхо.

– Если суд не возражает, приглашается второй свидетель.

Судья одобрительно кивнул. Второй свидетель, глядя «убийце» прямо в глаза:

– Помнишь, как я встречал тебя из магазина, из театра, после всевозможных вечеринок? По сорок раз на день, и всегда по-разному? Ты помнишь это?

Судя по отсутствующему взгляду костюмерши, она ничего не помнила.

– Однажды я хотел тебя удивить, поэтому летел на стареньком дирижабле. Ты, кажется, не узнала меня, и я разбился. Ну да, попробуй узнай меня, я был в лётных очках периода Первой Мировой войны. А потом ты не пришла ко мне на похороны. Тогда, кстати, никто не пришел. Лил настоящий тропический ливень. Старожилы такого не помнят. Да и я не помню, хотя живу гораздо дольше их всех.

Но вот явился первый свидетель и все переименовал.

– Так вот, она шла по некому величественному маршруту от одного лабиринта к другому. Среди реликтовых деревьев, целебной воды и особенно подвижных облаков ее мимолетный взгляд просто провалился во встречного путника как в зачарованный сад, где свет и птицы сложились в причудливую фразу, выгравированную (неким умельцем) на ее оброненном волосе. Я исцарапал в кровь все пальцы, покуда наощупь прочитал: «Такое длинное стихотворение запуталось в твоих волосах».

Поднявшаяся собака в новогодних гирляндах и внезапный клюв птицы, испещренный наскальными рисунками, вызвали у костюмерши сердечный вихрь. Она оглянулась куда-то и в присутствии ВСЕХ вошла в себя.

Кажется, именно тогда подсудимая заговорила не своим голосом:

– Всякое событие, даже самое незначительное, может оказаться растянутым на неопределенное время, и сквозь него, как через увеличительное стекло расплавленного песка, рискуешь рассмотреть такую длительность, из которой можно вернуться и не узнать Итаку. Все сиюминутное оказывается настоящим, сбивающим дыхание и ритмы всего организма – твоего, его, ее и всей съемочной группы. Здесь важно не время, а состояние.

Подул ветер с Севера. И в лицах киношников обнаружили ангельские черты.

Она зажмуривала глаза, чтобы не увидеть

Перебегающего поле фавна,

Тогда на дорогах легче было встретить

Бога, чем человека;

...Они являлись ей в подлинных обличиях

Довременных снов...

*И длились...**

* М. Волошин

ПРИБЛИЖЕНИЕ К ТЕАТРУ

Не помню, кто предложил взять этого актёра в спектакль. Незначительный эпизод, совсем без слов, да и пластическое решение на уровне «невидимости». Вот я и «рискнул»... Однако накануне премьеры он умер. Меня убеждали, что у покойного ничего выдающегося за репетиционный период не случилось, да и не могло... он человек в театре почти незаметный, как в репертуаре, так и в жизни. «Если бы не его фамилия и имя в коллективных списках, никто бы и не знал, что он есть среди нас», – обнаружив мою растерянность, заверил директор.

«Посоветуйте, – обратилась ко мне одна из его родственниц, – где нам взять для церемонии прощания портрет. Среди представительских фотографий трупы его нет, нет его и в домашнем архиве». Как такое может быть, чтобы артист никогда не фотографировался, никогда не давал интервью, да и в семье никто не знал, что он работал в театре. Для них это стало настоящим откровением. Я видел, как его жена растерянно смеялась и плакала, решив, что он всех так запутал, что на самом деле и не умер вовсе.

Я стал расспрашивать коллег по работе, о том, как он выглядел по будням и в праздники. Но то ли потому, что расспрашивал я, то ли потому, что у нас с ним много общего в поведении, во внешности... Одним словом, я заподозрил в нем своего двойника. Двойника реального, даже где-то опасного. Именно с его смертью из фотоальбомов куда-то подевались мои снимки.

Я подробно вспоминаю ту сцену в спектакле, где он должен был вынести стакан воды. Вода почему-то пересыхала, стакан падал. Мне казалось, что он издевается не только надо мной, но и над всей труппой. Покуда не убедился, что всякий раз, когда он выходил, на подмостках возникал кто-то совсем другой. Гений перевоплощения? Не может быть... Тогда кто он?

Сцена со стаканом воды затянулась за полночь. Актёры пожелали нам «доброй ночи» и разошлись. Улыбка обозначила мое понимание ситуации, а он... Я весь покрылся испариной, вглядываясь в подробности его движений: поворот шеи, уголок улыбки, застывший в воздухе стремительный порыв руки... вода покинула меня и не вернулась. В состоянии полного обезвоживания я надеялся на встречу... Но вот описать, что происходило на самом деле, не берусь. На какое-то время слова потеряли свои значения. Их не было, и тем не менее мы что-то говорили друг другу, но что и каким образом...

Вне рук, вне глаз, вне всего – прыжок в некую даль и только.

У меня сложилось впечатление, что этот эпизод для него больше, чем работа. Вероятно, втайне он репетировал только эту сцену. Когда и где он успевал? Почему никто не видел? Неужели по ночам? Сделал дубликат ключей от театра – и вот, пожалуйста!

По слухам, испытание сценой он проходил при почти заполненном зале. Любовь и дождь собирали публику. Дождь в окрестностях тетра, ровно в полночь, всегда! И влюблённые тут как тут!

Некоторые из породы бесконечно любопытствующих добывали билеты подпольно. Это мог быть обыкновенный трамвайный талон, но именно благодаря ему ты мог среди ночи испить живительный стакан воды. Какая разница между купленным билетом в городском транспорте и по знакомству? Наверное, все-таки была, иначе...

Уже потом во время представления театралы терялись в догадках, «зачем тратить столько времени и денег, да и что все это значит?». Но как выйти из бесконечных актёрских показов, они не знали. Что-то не совпадало с их пониманием, и это «что-то» не отпускало. Прозрачные глаза актера, через которые можно досмотреться до чего-то запретного? Или

целительное чувство театра? Или все-таки стакан воды, предназначенный только тебе, а ты в этот момент просто умираешь от жажды, и если влага сиюминутно не коснется твоих губ, ты уйдёшь из этой жизни навсегда!

Кто занимался полуночными мистификациями, билетами, в конце концов – афишей? Премьера «Вода в стакане», премьера «Стакан свежесжатого сока», премьера «Компот», и тоже «в стакане». И стаканы не разбивались, а актер бесконечен в ритуале происходящего. Неужели все исходило от него – любовь и дождь?

Небесной водой из ведер омывалось каждое окно, и город повсеместно был уверен, что это проделки звездной ночи. Откуда столько статистов? Неужто все по любви? Да, да они были влюблены в него! Так влюблены, что готовы не спать по ночам и выполнять любую работу, дабы только испить из его рук...

Во время репетиций я убедился – он знал сценическую площадку до мелочей, где протяжно поскрипывает деревянный настил, где плотник поменял старую дощечку на новую, наделенную ароматом древесной смолы, а где реально можно провалиться, и он проваливался и каким-то чудесным образом возвращался. Потом все объяснилось – под такими пропадными местами он разместил батут.

Все эти внезапные исчезновения и появления возродили во мне театр, в котором внушительное движение опережало любые предлагаемые обстоятельства. Разбалансированная жестикация актера и потерявшее гравитацию лицо придавали зрителям уверенность в собственной невредимости. Нереально где-то глубоко переименовывались их имена, моментально становясь достоянием ежедневных обращений. Будто с самого рождения они откликались именно на эти звуковые сочетания. Зрители осыпали друг друга лунной пылью, не понятно, откуда свалившейся, и длились, и время со всех сторон отворачивалось от них, и они не узнавали ни себя, ни других, никого.

Теперь стакан воды стоит за кулисами и к нему никто не решается приблизиться. Виновник такого театра умер.

Нужно отменить похороны и убедить его мать, что все дни до премьеры, она должна, НЕТ, она просто обязана читать над его телом молитву. Материнская молитва на многое способна!

- А если вы заблуждаетесь? – поинтересовались актеры.
- Конечно, заблуждаюсь.
- Тогда зачем весь этот цирк?

У меня не было ответа. Но каким-то нездешним чутьём понимал: «Так нужно!». Я в растерянности сел на пол, выискивая в потерянном пространстве своё лицо. Оно терялось и находилось одновременно, как амфора на дне затонувшего корабля в момент морских волнений. Почему-то после этого беспомощного жеста мне поверили. Я видел по их глазам, они поверили! Поверила и мать умершего актера. Она вошла в безмолвную часть молитвы и, не обронив ни слова, простояла у тела несколько дней.

До начала спектакля мы были вместе со всеми актерами, с каждым работником театра, даже с почтальоном, хотя приносимые им письма и телеграммы всегда были с большим опозданием, но сейчас... Сейчас он рядом.

Иногда мне казалось, что все надумано: наше единство, взаимопонимание и даже эта смерть. «В ничтожном ты ценителя найдешь, вознаградить которого всей глубиной своей не сможешь». *

Итак, начало спектакля. Действо, вопреки пьесе, разворачивается вокруг мертвеца. Вместо мух над покойником летает пчела. Она то в луче прожектора, то шумно вылетает из

* Рильке

него, как из скорлупы гигантского яйца, и сама становится светом. Никого не узнаю из актеров, кто они? Все те же статисты, разносящие ведрами дождь? Нужно срочно посмотреть на себя в зеркало. Возможно, меня тоже кто-то перепутал. Прямо на сцене вырываю у актера сияющий меч и глазею в его лезвие. Со мной все в порядке. Но как быть с остальными?

В танце незнакомцы начинают сбрасывать свои одежды. На сцене возникают лошади. Люди меняются с ними местами, запутывая пространство до невозможности, длящейся секунды. Умерший поднимается. Хочет что-то произнести. Не получается. Хочет сделать шаг... Падает. Это происходит так забавно, что зал взрывается хохотом.

Я в недоумении покидаю театр. Случилось...

ИЗ ЦИКЛА «ПРИХОДИ ВО ВСЕГДА»

РЫБА В КЛЕТКЕ, ПТИЦА ДАЛЕКО...

Внучке Даше

Ночью снилась черепаха. Она оказалась настолько большой, что даже не смогла пригнуться целиком. Сначала обозначилась лапа. Рельефные особенности движения переходили из одного рисунка в другой, указывая различные направления предстоящего пути. Но когда ее ресницы зачерпнули песок и левый глаз впилился в мой, мне удалось рассмотреть в ее отражении радугу. Маленькие черепашки выкарабкивались из песка и быстро поднимались в вертикальный залив семицветия. Это состояние перепутало утро с бесконечностью. Так мне виделось и думалось, и уже не начинаясь, начиналось.

– У меня родился ребенок, – сообщил я внезапно собравшимся друзьям. (Почему они здесь?)

Как и все новорожденные, ребенок во сне не мог говорить. Он рассматривал меня, не понимая, кто я.

– Я твой отец... И сейчас только я. Мама задерживается, видимо, не знает, что ты уже есть.

– А кто мать? – поинтересовался сидящий у окна. – Я ее знаю?

– Матери временно нет, но скоро будет.

– Она в роддоме?

– Где же ей быть...

– Какой вес у ребенка? – подхватил сидящий у двери.

– Тот вес, который надо.

– А время?

– Что время?

– Ну, когда он появился?

– Ночью.

– Понятно, что ночью, если сейчас утро.

– Мог и вечером, – уточнил сидящий у окна, – вечером хорошо, дольше можно поспать...

– (я в замешательстве) Каким ветром вас сюда занесло? Кто сообщил?

– Ты.

– Я?

Панцирь черепахи заслонила от меня собеседников, его наскальная графика мгновенно «вцарапалась» в сознание небывалым светом, и за окном возник золотой дождь. Он стирал все границы возможного и невозможного.

– Все сбывается, даже то, что ты забыл. Даже прошлое, от которого ты отвык, но оно возникает как-то сразу, в каждом, кто ждет.

– Ты хочешь сказать, что в твоём случае ребенок и мать несовместимы?

– Все совместимо без вашей болтовни.

– Нет подробностей, вот и приходится...

За окном слышится детский голос:

– Раз ум, два ум, три ум, ноль ум... У ос и пчел есть только язык, и они любят сладкое. Мясо не едят – не могут. Поэтому, летая над ним, – облизываются до невидимости, как кошки. Кошки так подробно вымывают себя языком, что в результате такой ежедневности однажды исчезают. Вот и в киногогероя убили в одном фильме, в другом он в чужой одежде и с незнакомцами живет всех живых. И как бы ничего не происходит...

– Но происходит со мной. Я же всему верю и вижу во всем этом бесконечное делание, к которому имею непосредственное отношение.

– Сын-то твой здесь причем? – спросил один из приятелей.

– Он возник, – у меня перехватило горло, – не родился, как вам этого хотелось бы, а именно возник ... И все ваши распашонки, пеленки ему ни к чему.

Черепаха забралась на столб, и столб зазеленел. Потому что это бывшее дерево. Оно вдруг вспомнило себя – и вот красота-то такая!

«Чтобы еще более обратить ваше внимание на тот факт, что ребёнок нуждается в умножении, я изобразил себя в виде святого Петра, держащего ключ, что обладает силой открывать и закрывать, соединять и разъединять». *

– Ты со своим первенцем в цирк сходи. В город привезли новую программу. Вам важно побывать на первом представлении, чтобы не по слухам, а самолично все увидеть, – резюмировал сидящий у окна.

В цирке артист оригинального жанра ставит на лоб трость и забрасывает на нее пустой бокал, в него из-под купола капает жидкое золото. Артист глазами выпивает содержимое и тут же захлебывается собственным плачем. Слез так много, что вся неподвижность вокруг тонет. К арене подходит ребенок. Надевает акваланг и погружается на глубину. Там затонувший античный театр, где спектакль длится непрерываемо. Артисты: моллюски, рыбы, водоросли. Только нужно сосредоточиться... Очень сосредоточиться и не выпускать из виду проплывающие подробности текста.

ПРИХОДИ ВО ВСЕГДА...

Внучке Марии

...Её губы пылают так, будто там разжигают костры для заблудших воздухоплателей. ...Волосы рыжие, подвижные, на них золотом «Бог есть». ...И воздух «успеешь, успеешь», как ночь перед Рождеством (дождись, дождись и люби), весь подрагивает лестницами в миры возможные. В таком воздухе всякое случается, даже воскрешение, даже потеря головы (кар-кар-кар!).

Голова мужчины лежала, покачиваясь, на земле. Он пытался пинками протиснуть её во врата незримые, но вид его был таков, что чуть не разозлил гриву гривастую, пылаю-

* Никола Фламель

щую, и тогда приставила ОНА ему голову из серебра «поворот шеи к повороту шеи, глаза к солнцу, и дальше...»

До исхода трёх дней держала ОНА голову на уровне сияния. И выросла на ней кожа золотистая, и задвигалась голова, как живая.

– Говори, говори на мёртвом языке, когда слова закончились, а жизнь сорвалась и ждёт.

– Я буду петь песнь смеха, сон песнь, печаль песнь, ибо ослепну на один глаз, когда потеряю путь среди снегов великих, и ослепну на другой, когда на два дня задержу в ладонях солнце, ибо из двух дней взойдёт один.

– Об этом имя твоё нашептало?

– Шёпот не имя... Шёпот – реквием пауз... с места и в горы. Шёпот – сигнал для бегущего леса. Он переиначит всё, что за окнами к вечеру и до конца...

Когда же костры загорятся, каждый будет следить за словом говорящим, и вспыхнет лес по воле языков злющих и не дойдёт он к ветру дорогой нехоженой...

Ветер всяческий ко всему умолкнет, и дом Безмолвия оживёт – не оглядывайся! Дышать больно, дышать тяжело, всё горит, воспламеняется. ... Всё стонет, от огня отворачиваясь.

– Жить нужно – губами к солнцу, головой в луну... Подведи по очереди каждую часть тела к озёрам сердца.

– Какая мне в этом польза?

– Твоё имя станет именем реки. Так лей же эту воду с именем пополам, чтобы вернулись к тебе твоя сила, твой пыл, твоя доблесть. Этой воды хватит для всего, пей по глотку вместо дыхания.

– Ты выпила глоток и исчезла. Вместе с водой проглотила чужую жизнь, и тебе приоткрылось НЕЧТО. Какое оно?

– Танец... танец... который заканчивается наготой. Как в замке, где в каждом окне телескоп, а людей нет... хоть ищи свищи. Только в огромном зале их видимо-невидимо. Повсюду маски, плащи, глаза, и голос, чья сила опустошает.

Ряженные поглядывают в окуляры великого телескопа и пробуют повторить увиденное. Но для многих такое испытание заканчивается сердечной травмой – семь дней плача, семь дней хохота, семь дней наблюдения.

Лишь некто расклеивает на могильных плитах тени шершавые, шелудивые, промозглые... Ходит всё себе и ходит, будто высматривает... будто ждёт.

Вот она – ЛЮБОВЬ.

МУ-ЧИ-ТЕ-ЛЬ-НА-Я.

НЕКТО ПТИЦА

Пляж. У самого моря толпа людей. В центре толпы человек не мигая смотрит на солнце. Поодаль двое ведут беседу.

– Не ровен час, взлетит...

– Обещал?

– Собрал с каждого деньги и вот третьи сутки ждёт ветер с Севера.

– И ты поверил?

– Как-то забавно всё это: не ест, не пьёт, весь такой загадочный.

– Даже не испражняется?

- Куда там... Он за нами следит... Изучает...
- Так ты это... Все трое суток здесь?
- А как же... Даже к жене ни ногой.
- И за какие деньги такое «удовольствие»?
- По-разному... Он с каждым тет-а-тет... всё расспрашивает, выверяет и с каждого отдельную плату берёт.
- А если ты невзначай отвернёшься, а он уже в небе?
- Письмо тебе пришлёт с датой следующего полёта.
- (улыбаясь) На деревню дедушке он тебе пришлёт.
- Что ты, он адрес каждого вот здесь носит (и ткнул себя в грудь). Ты ведь всегда, что видишь, то и понимаешь, а здесь жизнь нужна.
- Ну, а если так просто... без денег?
- Неплатёжеспособный, что ли?
- На всякий случай спрашиваю.
- Как знать... (осматривая собеседника с ног до головы – фрак, бабочка, остальное в соответствии с «протоколом») Для тебя, может, и взлетит, но как-то иначе... Ты подойди, потолкуй... Без робости и всякого такого.
- Да я, собственно...

Он подошёл к сидящему под открытым солнцем. О чём-то поговорили. Потом, резко, будто пришел ниоткуда и ушел в никуда... просто рассеялся по частям... один нетронутый горизонт остался. Казалось, на этом всё.

Но вот вернулся. Достал из кармана деньги, кольцо с бриллиантом и у рядом стоящих от бликов зарябило в глазах – кольцо на солнце – солнце вдвойне.

«Только жаль не могу
Чашку вкусного чая налить

И послать далеко –
Человеку, влюбленному в чай» *

Сидящий встал, осмотрел драгоценность, набалтывая скороговоркой: «И заживо, как небожитель, из чаши той бессмертье пил...».

Тут же облачился в перья. На лицо, словно забрало, упал клюв. На затылке оцетинился хохолок.

Вряд ли кто заметил, как он оторвался от земли. Только подняв глаза к небу, всякий мог видеть – он сделал над толпой несколько кругов, разбрасывая «заработанные» драгоценности и деньги. Однако внезапный ветер унёс их далеко в море, не оставив и следа. Лишь кольцо с бриллиантом повисло в воздухе без всякой возможности упасть.

* фрагмент стихотворения Бо Цзюйи

Олексій ТОРХОВ

ЛЮДИНА ПОЕЗІЇ

БОГДАН ЗАДУРА

Вітряний серпень ятрить натовп, як листя акацій. Їду по миколаївських вулицях і рейках у польському трамваї. У ньому, бувалому в бувальцях, замість компостера встановлено лічильник від таксі. Їду, по черзі дивлюся на те, як стрибають числа лічильника, і на жменю монет на своїй долоні. Чекаю, коли вони зрівняються, щоб вийти... Рівновага настає на фразі: *«Одначе нах*** мені дві нові краватки, якщо краватки ношу надзвичайно рідко...»*. Крізь відчинене вікно влітає нічний метелик. В очах вагоновода, переповнених жахом, пурхає його відображення. Він зсипає у свою кишеню мої монети і квапливо виходить замість мене...

АННА АРНО

Зібгане простирадло твого шепоту, що переходить у шурхіт. Повітря, що його зім'яли тіла, намагаючись ліпити одне одного на свій кшталт. Осимий дощ просочується калюжками крізь мостини. Кортить посіяти на їхній поверхні брижі дихання, довго спостерігати, як злаками ростуть угору тисячі тоненьких струменів, як половіють бризками, тягнуться до стелі. Недоладна парасолька погойдується, як човен, удаючи, що стримує зародження зливи. Пам'ять запитує як повія: *«Будете продовжувати?»*, ступає, не дочекавшись відповіді... Що залишається від тебе, так і не вивченої до найменших дрібниць? Безіменне почуття. Не поміщається всередині шафи, де все зготоване на смерть старого світу, де ще можна розпізнати видряпаний напис *«Аннет дурепа»*. Оголені слова, що втратили голос і слух, повзуть титрами: *«Плотолюбна моя любов...»*. Безпритульна пристрасть виходить у сад, походить між дерев, як перед військом, що обложило це місце. Останній, дивом уцілілий соловей, ховається від неї серед гілок груші. Ховає в своєму кволі тільці мелодію, яку неможливо згадати. *«Анна, – плаче вночі Марія, – Анна...»*

ОСТАП СЛИВИНСЬКИЙ

Бачу його нечітко, постукує пальцями в такт чутній лише йому музиці, та зрідка поблискують скельця окулярів, в які стиглою осою тикається жовто-чорний промінь проектора. У кінотеатрі повторного фільму задушно, на

екрані геніальна стрічка про химерне життя, похапцем знята на засвіченій плівці. Тіні, що дримають часто-густо, впівока дивляться на простираadlo, напнуте між двох дерев, на од-норідне світло, крізь яке не проступила ще жодна, навіть найменша у світі річ. Дивляться кожен про своє. Світло тремтить, немов пальці тапера, що витискують музику з поручнів крісла. Чую його голос. Пошепки розповідає все, що спресоване на світлому екрані:

«Батько ніколи не казав число зірок на небі. Не казав число своєї спраги, просто пив великими ковтками, не рахуючи крапель. Ще трохи і він би повідав. Але перетерлася нитка, голос відірвався і полетів луною. Потім намагався жити мовчки, перебудував себе і будинок. Обклеїв стіни шпалерами зовні, будку з собакою сховав в найзатишній спальні, щоб не підкralися зсередини. Ліжко поставив біля південної стіни, в заростях малини. Але спав на землі»...

«Душа і поезія – ніколи не знаєш, де саме вони в тобі містяться. Мабуть, річ в інстинкті самороздвоєння...», – кортить мені відповісти.

АНДРІЙ ТАВРОВ

Вдих – і вершник з пташиним поглядом вдячно нахльостує коня за старанність, розтягує його невідання про недосконалість. Зволікає, не випростується на повний зріст на сідлі, не злітає вгору. І млявий час спогадів дедалі міцніше його з конем зшиває, щоб накласти кентаврб.

І черемха опуклим веслом загрибає повітря, і коливається в коханцях червоне полум'я.

Вдих – і сліпа людина, що відпустила очі куди вони хотіли дивитися, прикладає до мене руку, дихає на всю долоню. Дихає в мене і мною, поки все тіло не стає долонню-відповіддю.

Як зріють речі повільно, досягнувши, йдуть від пальців.

Вдих – і ангел, що смиряє ликом – зелений, як гігантський богомол, розгойдується в голосі поета, як незнайома літера-маятник, згладжує хвилі мови, і здобує мовчання мені говорить мене. Вдихаю, щоб знайти в кімнаті без жодної стіни.

Ось воно мовлення, якого ми не відаємо, як вітер не чує себе.

Одного дня він надіслав мені посилку з книжкою замість крил, з кисневою подушкою замість книжки, із собою замість кисню, зі мною замість себе.

Тепер немає ззаду і спереду, є скрізь...

ЯН ТВАРДОВСЬКИЙ

«Серця іще не досить аби любити»... – скуйовджений горобчик на моєму плечі цвірінкає про Бога, якому вірить як дитина. Деся там, куди постійно кортить дійти, досягла черемха й язик мій терпне завчасно. Стає фіолетовим і неслухняним як у дитинстві. Вимовляє слова, ніби вчить їх наново.

«Трава»... «Низенька потоптана / без жодних плодів і колосся / моя сестре – травице / кармелітко боса».

«Мама»... «Пришиває гудзика, що постійно губиться ... скільки треба пройти неба, щоб її відшукати». Ясні блакитні очі Богородиці – наді мною, без берегів. Вітражі хмар і мовчання вітру. Його голос: «Поки Тобі, Матусю, куплять корону велику, Тобі краще в блузці у зелений горошок і старих черевиках».

Свята дівчинка простягає порожню коробку від сірників. Грію диханням її змерзлі пальці, вкладаю їх у «коробку» своїх долонь. Необжите. Неназване. Неприкрашене. Це все – у мені. Як останні сірники.

«Часом просто кілька гілочок тернових / шепіт рук / Мамині черевики порвані аж до крові / більше розкажуть про Нього».

Босоногий хлопчик Ісус іде коридором людського гуртожитку, по хвилях обшарпаного лінолеуму. Чіпляє на кожні замкнені двері платіжки за «комуналку». Осіняє хрестом. І мобілки розносять благу СМС-ть: «Я знову на зв'язку, залефонуйте Мені, будь ласка!»...

Жучок-сонечко неквапно підіймається по мені. Я – випадкова людина по дорозі на небо.

«З останнім метеликом на плечі тікає літо» ...

СЕРГІЙ ЖАДАН

«Вони нічого не зможуть вдіяти, якщо ти повернешся і все пригадаєш».

Уранці – жайворонки. У степовому камуфляжі Слобожанщини. Увечері – дикий голуб. Сірий горлик передмість і спальних районів. Уночі – сич. Який опускається до плачу. Решта часу – голос. Який присвоює собі час. Або навпаки. Непомітний. Негучний. Незабутній. *«Ти маєш жити там, де ти маєш жити, і не питай чому»...*

Говорить-говорить. Набуває забарвлення, гріхів і долі. Поступово й надсвітло стає Одиссеєм Анти-Троянської-Операції. Уліссом без Джойса і джойстика. Увібравши в себе оплаканий життям час, канонічні блок-пости й окуповані території Ітаки.

«Голос сильним дається для співу, слабким для молитов. Мова зникає, коли нею не говорять про любов»...

Говорить. Поки серце, це вертке сонце, щоранку злітає, щовечора сідає вздовж лінії обр'ю, як винишувач, що завзято відпрацьовує посадку на рокадну автостраду. Поки воно щохвилини б'ється за можливість цих злетів. Поки несуть його двоє крил. Одне чорне, списане білими літерами. Інше – суспіль у чорних літерах – біле. Через те строкаті обидва. Поки лунає голос: *«Батьківщина для кожного з нас починається там, куди нас виганяють із райського саду».* Поки приходять у твій дім. Поки галузиться. Відриває від себе листок. Вирощує як фіалку і ставить на твоє підвіконня. Тепер і від тебе залежить *«доки буде битись останнє серце за відчиненим в ніч вікном, /доки можна почути щасливий жіночий стогін, /від якого діти вві сні посміхаються /і просипають ранкові сеанси кіно».*

І навіть якщо одного разу він сповільниться настільки, що пауза між словами уподібниться вічності – заговорять кам'яні плити, вибивши запалі фрази на собі. Як татуювання. Як хештег «незабудуматирідну».

І коли він ущухне – захочеться мовчати замість нього. Про головне.

«Не треба рятувати світ, спробуй урятувати хоча б когось».

РОБЕРТО ХУАРРОС

Навіть буття – це пісня, сповнена туги за тим, чого нема, за тим, що є у тім, чого нема, за тим, чого нема у тім, що є.

Йому хочеться дотикатися до недоторканих як вогонь речей. Словами. Диханням. Поглядом. Хочеться мовчати питання-дзеркала і проступати у відповідь силуетом без обличчя: *«Як увійти у час і йти по ньому, неначе берегом, море якого висохло уже?»*

Мовчання можна сказати тільки поглядом. Або написати літерами, схожими на розплющені очі. І – рухатися, зменшуючись, по писаному. Силует людини, яка поринає в себе, тоншає, а простір усередині – густішає. Так вечір снить про ніч і ховає в собі зірки, що не прокинулися.

Одна самотність усередині. Інша самотність зовні. А двері здригаються від стукоту. Найбільша самотність у дверях.

Він міг би стати закладкою між сторінками великої книги, написаної не про нього. І розділяти написане, не торкаючись сказаного не йому.

Міг би стати закладкою в ненаписаній книзі про нього, переміщатися з кожною прожитою сторінкою невисловленим нагадуванням.

Міг би стати закладкою у книзі смерті, яку ніхто не читає. І зростися з протилежними сторінками у маленьку книжку життя.

Але він зволів стати книгою, написаною на закладці у вигляді людського силуету, вкладеній між незрими сторінками мовчання. З вікном, намальованим у ділянці серця. Із заанімілою луною, що служила як вірний пес, до самої смерті:

Птахи, котрих не існує, знайшли своє гніздо. Тіні, що, може, й існують, відшукали свої тіла. Слова, які існують, свою відновили тишу.

ШОТА ІАТАШВІЛІ

Я побачу, як ти мене зорям розкажеш і високим деревам, як ти станеш складати іспит з предмета, який називається «шота» кожному зустрічному.

Його обличчя – лише очі та усмішка.

«Дівчинка-усмішка розгублено блукає обличчям, шукає тата. Смикає пелену сукенки. Розглядає незнайомих людей як дерева, що натовпом увійшли в місто. Торкається пеньків щетини на щоках, скрушно хитає головою. І раптом! – зриває одешинку і пірнає в озера очей. Хлюпається у товаристві хмар, які пірнули туди раніше. Фиркає і сміється.

Жінка-усмішка виходить з озера. Млосно потягується. Запрошує обличчя на білий танець. Торкається вий, мочки вуха. Вповзає. Чаклує.

Бабуся-усмішка витягує на губах своє втомлене тіло. Як у шезлонгу. Ловить відблиски чужих поглядів. Мерехтливе світло облич, які віддаляються. Засинає. Бачить себе зняковою дівчиною-загублянкою... »

Сни посіяні в наші очі, іноді розривають замкнуті повіки, як трави асфальту, і тоді їх бачать чужі.

Коли усмішка засинає, а очі замовкають – обличчя тане. Тоді зсередини проступає замислений двійник, що дозволяє собі крайність – вірші. Називає себе ніби запитує: «Шо там?» Хоча цілком упевнений: там – скрізь, за межами обличчя, що розчинилося завчасно – поезія. Там зароджується повітря, яке назвуть вітром.

Троянди і вітер – вітер і троянди... поезія більше нічого не потребує.

Хіба що білий аркуш серця. Тріпоче. Пульсує. Проступають як шрами силуети літер. Змиває їх новий день. *На цьому білому аркуші / перш ніж що-небудь написати / повір що в повітрі / поміж летючим сім'ям і / розвіяним попільом / золотий перетин / пройде через цей вірш.*

Він іде як зникає. Але це нестрашно як життя. Як спогад про біль. Нестрашно, як сніжинки, що падають на голе тіло. Як ненаписаний вірш.

Завтра триперстя повториться безліч разів – щоб узяти ручку а чи перехреститися.

ВЛАД КЛЕН

Ти навчи мене діяти, ключ дай вись відімкнуть. Я – дитя понеділка, це і є моя суть. Добрий і щедрий домовик особняка поезії. Будинку, що живе і стоїть осібно. Приходить сам. Зненацька. Розкладає себе, частує, загортає «на гостинець».

Розчісує пальцями довгі пасма. Впускає у свої очі: «Заходь, почувайся як удома!» Рухливий, як ртуть у градуснику дитинства, коли хочеться нагріти і підвищити градус, і вигадати хворобу, і не піти до школи. І він охоче в цьому бере участь. Як і в багатьох авантюрах, головна з яких – саме життя.

І хоч що казав його голос:

Нам лишиться присвята – сніг станційний, Чумацький Віз. Й недолугого серця дверцята, зірвані із завіс...

або:

Плітки це й наклепи таємні. Кров. Бруд. Плювки. Поет – співбесідник приємний, мовчить поки.

У мені звучить саме те, що він мовчав:

«Донеси. Так далеко, наскільки зумієш. Хоч на трохи ближче до обрїю. Покладеш на пагорку. Поруч із собою. Обов'язково на пагорку... Щоб ближче до неба. І щоб доступно всім. І щоб дихалося. І обов'язково поруч із собою. Просто. Тому, що незрозуміло – кому потрібніше...».

А потім, як у дитячій грі в «Каблучку», він підносить до кожного з нас свої зімкнуті човником долоні. І прикладає, як приміряє, зверху – до наших «човників». І відчуваю: щось кругле відчутне і прохолодне – каблучка?! – падає, обрушується, вкочується, вповзає. У вузьку прочинену (як зазор у дверях для смужки світла!) щілинку між моїми долонями.

Я не кажу, що я – обраний і каблучка дісталася саме мені. Навіть упевнений – такі каблучки він вклав у кожен пару долонь, яких торкався. Не знаю, що зробили з ними інші.

А я – несу...

ЛАСТОЧКА

Антонина МЕДВЕДЧУК

*В деревне Бог
В деревне Бог живет не по уграм,
Как думают насмешники, а всюду...
И. Бродский*

В деревне бог. Осталось восемь дней.
Стоит бедлам. Жара стоит, как студень.
Часы стоят. Но воробьям видней,
Как трелями расписывать полудень.

Как изрезать зеркал голубизну,
Известно тайно листьям камышиным.
Над почвою стоит, подобно сну,
Хмелящий сад с приметамы мужчины.

Мы в колдовских заключены кругах,
И вряд ли что-нибудь существовало
До пор, когда опенил берега
Усталый урожай земли усталой.

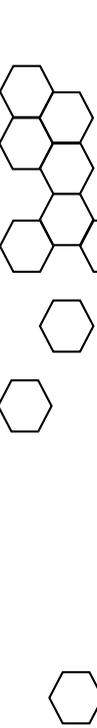
В волнах и нитях жара без следов
Мы плавимся и, задыхаясь, тонем.
И двигается воздух золотой
По августа распрямленной ладони.

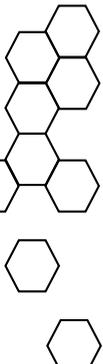
И делят, охмелев на грани сна,
Бесстыдно две целующихся сливы:
Не расставаться и зимы не знать –
Беспамятные признаки счастливых.

Август 2015

БОЛЬ ПРОШЛА

Что же стало? Дел знакомый ряд.
Ставни, как и прежде, говорят,
Как всегда, шатается наличник,
Стынет лето в сотах сентября,
Балуются дети в третьих лишних.
Стайки подрастающих зверят
Доят старших в поиске наличных;
Давшись, шепчут – и кричат, беря:
Жизнь и смерть все так же неприличны.

Только боль остыла, только боль
Кутается в шелушистый кокон,
Лебезит, ударившись о пол,
В колкой тишине скулит высоко,
Трескает и тихнет в меховой
Сумочке предсердий однобоких:
Нежно ли? ненужно ли? уволь...
И смыкает выпревшее око
(И треножит вырванный глагол –
И бежит пристыженно, с подскоком).

Брешь моя кровила, словно клад!
Скалкою-сироткой из бруска я
Выпала в туман, но – вот, дела:
Опухоль от сердца отсекала
Осени улыбка колдовская.
Как во сне, штудирую доклад
Горя своего, неслышно каясь,
Откусить, не ластясь от куска:
Будто пенка млечная стекла,
Будто жар касается стекла,
В комнат глубину не проникая.

Тише всё, накрыто постным блюдом,
Вертится на прежние лады,
Но не принесет былой беды
В чахлах хризантем раю безлюдном,
В падших зеркалах гнилой воды
То, чему посвящены следы,
Жемчуга стихов и игр на лютне,
То, зачем истерлись мы до дыр,
Место, где страдалось так уютно:
Образ ночи, ферума, слюды,
Плавно исчезающий в полудне.

Август 2015

ЯКОРЯ

Якоря налипают мне на руки, брат.
Ильность древних полипов меня привлекает.
И ресницы, и ногти мои – якоря...
Погляди: потерчата! Они говорят,
В этот раз я потерян для солнца и чаек.
В этот день я согласен лишиться ребра.

У пучины надеюсь меня отобрать,
Не сердчай на судьбу, и не злобствуй, сердчая.
Не показывай сон, где цветет алыча,
Мать цукаты томит в янтаре сентября
И горячие щеки платком отирает...
Не мани меня раем – Я маетен зря.

Не роняй меня в сор, что прибором намыло.
Соль ведь создана тем, что теряет вода.
И в мохнатом году это, может быть, было, –
Отрекись и забудься. Прости и помилуй.
Луч мятежный и кроткий – в снегу борозда,
А слова твои, Боже, – кремь да зубило.
Якорями нас тянет из тел – но куда?
Укрывает холмы, как одежду, илом.
Обнажается в небе, как гончий, звезда.

На страницы – но кем? – разделяется горе.
На кого инквизитор карманный рычал?
На застывшей земле мы не знали сатори
И не простоволосились бросить причал.
Отмолиться от розг – разве дорого стоит?
Превращаясь, качай в колыбели устои
И до самой кончины грезу укачай.
Якорями я роспят в пространстве историй.
Между сколов историй бесчинствует море
И от смыслов историй исходит печаль.

Небо вглубь цебенит, опрокинувшись дном.
Без грузил, без швартов, без судьбы и без ребер,
Но с кольцом ледяной пустоты высшей пробы
На прозрачной руке: разве падать – грешно?

Так не тронь меня, осень, не бей меня сном,
Не тяни меня в волны тягучих последствий,
Пусть остынет в строке остановленный стон.
Якорями я ранен и праведен в том,

Выбит циркулем лет во вдовстве или в детстве.
На меже чахлой липой подписан на слом.
Пощади этот дом – он устал от истом.
Разреши окрошиться былому – и деться.

Научись отвечать ускользящим *вряд ли*.
Сделай вид, что прохожий тебе незнаком.
Красным листьям оставь их терзавшие грабли
И забудь, как, сжимаясь бессильным комком,
Голодая над Книгой, мы мерзли, мы зябли
(Прорастают, кренясь, якоря в дирижабли):
Мы не поняли в ней притяженья Закон.

2015

НОЧЬ В НОЯБРЕ

Бывает, проснешься ночью, нечеловек,
Но и не птица, сажей окон влекомый,
И позабыв законы сложенья век,
Ввысь улетаешь от холодящей комы,

От очертаний явственных, от себя
И от вселенной; ветром чужим трепещет
Море лица, рубашка к спине, стопа,
Перекроя единственный взгляд на вещи.

*

Ногами пустыми вплеснуться в пол
И тихо лететь, без любого звука,
Не мочь прикоснуться! смешон и гол
Шагаешь, и тягость твоя сторука

За шторы вцепилась, за окна, за
Щелей нарисованные проемы,
Но руки не держат ее; слеза
Утянет во тьму сквозь границу дремы.

Бывает ли солнце? Живое – есть?
Нетрезвый божок ли помыслит утро?
Но сонные сети не спросят есть,
А тянут, утянут... и это – мудро.

Откель тебя гонит? в ночной тиши
Куда ты шатаешься, иноверце?
Живот пощади, не грузи души
Пустыми ногами и полным сердцем.

Ноябрь 2012

D.

Поля среди вол,
Сверху – стая.
Не береги боль –
Боль пустая.

Перебори, все!
Сблеклы угли.
Проговорит в сон
Звуком круглым

Перепел, дичась:
Ложь – не бремя.
Переведи час,
Пожни Время.

Прелы следы ос,
Ткань – прошвы.
Переходи мост –
Стань прошлым.

Январь 2014

РАЗГЛЯДЫВАЯ ПОРТРЕТ ПАСТЕРНАКА

Необратимая тяжесть в лице,
Неодолимая рук лукавость.
Ты родился изначально цел,
Миром во времени разлагаясь

На гражданина, поэта, дух,
Тела изрытую оболочку;
А растворившись совсем, потух
И опустил на пергамент точку.

2012

АМАЗОНСЬКА

Скидаються намистечка дівочі,
Збирають нявки ріща для кострищ.
Хай принесе Атена в кожні очі
Солоний приблиск вільної сестри.

Хай меться мідь жіночих кіс пожатих
В казан єдиний: помсти й самоти!
Священне вдівство! Приберімось в шати
Вогню і правди – час на бій іти!

Хай заспівок розплещеться тривожно
у кожне серце, де Закін не згас!
Оранта з нами! З нами Матір Божа.
За нами вік! За все спитають з нас.

Дочка і внучка антів і славутів,
Одвічна земле молодих ікон...
За тебе варто небо перетнути,
Полите материнським молоком.

За тебе варто встати під тризубці,
І отчій хаті кланялись в поріг,
Щоб йти і знати: можна не вернуться.
Все стало можна в цій тяжкій порі.

Смурна, зібгата, зморена державо!
Нерозгамовна сила, спрагла хіть.
Зірви з-над себе висмердлеє жало.
Твоя дружина зібрана стоїть.

Вкраїно, Весто! Чуеш, вайлуvато
Реве та стогне, молиться Майдан!..
Тобі підків чужих не цілуvати.
Вставай, небого. І порви кайдан.

Січень 2013

ЛАСТОЧКА

не помни плохого
не помни
не помни
не помни
отрежь
изолилуйся
вынь
трепанируй
убей
лишь луч на ладони, крещендо и в вечность длиною
к распятию падает пара седых голубей

сруби отрави подожди лозы горькой печали
пусть девочка с огненным смехом болтает ногой
а если плохое
с хорошим
расплавясь
совпали,
не помни
не помни
не помни
совсем ничего

2011

Вячеслав ШАПОВАЛОВ

МОИ БАБУШКИ

вот украинская бабушка с клюкою баба яга
от вороного взора сужаются берега
вот рядом русская бабушка с ромашковым тихим лицом
вот я усажен меж ними усмевающимся отцом
то ли пятьдесят пятый то ли какой иной
все поминают фрицев всё дышит ещё войной

*– кохай ты их боже милостивий зараз яки ж це враги
о божечка ты ж мий сладкий коли ж вони были други
свахо як сердце стынеть чого ж це за времяа блять
та де ж вин внучок славичок чи ж бисы його смолять
чи знову чума цыганська удрав як зийшов з ума
колы ж вин прийде до хаты вже ничь а його чортма*

с картинками града-китежа я знаю сравнения нет
карижская авдотья никитична прожила сто лет
мерещится мефистофель свеча с испугу горит
когда отуреченный профиль моя бабушка миру дарит
седая карга черноглазая мама отца моего
анатолийская азия преисподнее торжество
в германскую да атаманскую детей от сумы берегла
когда судьба в америку деда кузьму занесла
с чаем любила сушки заначку достав из сумы
на каркающем суржике русской сватье пела псалмы
из уважения к русской ломая мову ридну
– бо ванька женивсь на москальке але сваху кохаю одну

а та как тревожная птичка присядет легко на скамью
и слушает еретичку православную сватью свою
селиванова василиса егоровна кержацкая тихая кровь
состарившаяся горлинка невыплаканная любовь
крохотная синеокая оглохла среди войны
где два ее тихих сына были погребены
ее величали матушкой псалтырь читала она
всю ночь перед Божьим ликом порой вздыхала она
ей все людские помыслы Господь заповедал знать
смертных благословляла рождаться и помирать
в глухие года беспоповства безбожия большевиков
подкармливала бродяжек излечивала дураков
всех знала она всех помнила тихо молясь в уголке
и беглые староверы припадали к ее руке

*– о господи-батюшка вот он явился в доме лиходея
в грязи и рубаха порвана и всё не как у людей*

– бачь свахо пидби́лы око це хто ж його ото так

– христос с тобой вымой морду-то да приложи пятак
придут мать с отцом с работы ан вот бесчинный варнак

бабкам я Отче наш читаю аз буки ве́ди и рцы
гляжу поползли из карманов столетние леденцы

у них на двоих одна прялка
одна у них нить времён
молитвы разноязыкие звучат у них в унисон
прижались они друг к другу живые среди сонма смертей
за всех они молят Господа чужих безгрешных детей
очи полны покоя души у них ясны
обе они вознесутся такие там и нужны
свет под тёмною кроной скрытого в чаще скита
свет перед ясной иконой слёзы высушит высота
возлюбил Господь моих бабушек ещё бы таких не любить
а куда ему блин деваться с кем же поговорить
все к нему ломятся рвутся алчной толпою бредут
а бабушки его приласкают
и леденцов дадут

СТЕПЕНЬ РОДСТВА

От блокады до блокады – облака да облака,
нас история лукаво в современность облекла.

Будущее очищенье, века нежная трава? –
боль и холод отчужденья стали степенью родства.

Стоило ли с ног валиться, хоть усталости не жаль? –
позади Боброк Волынский, впереди – Бабрак Кармаль.

Наша вещая природа не почует в нас беды –
ждали мы Кола Брюньона, но пришел Кола Бельды.

Что же, если ты мужчина, боль прими и не сморгни,
облик хана Тэмучжина лику Дмитрия сродни.

Жизнь твоя не отмахнется каламбуром: нищий – мот,
днище каждого колодца – наизнанку небосвод.

Не судьба с судьбой лукавит, а мы сами лжем себе,
всяк свою дыру буравит, всяк ответит на Суде.

Все, что было, снова с нами, скажем – плоскость, выйдет – грань,
хоть цвета меняет знамя, но пошупай – та же ткань.

Круг замкнувшийся греховен, скажем – профиль, выйдет – фас.
Боже, кто же тут виновен? Ну а кто же, кроме нас!

Человек меняет кожу, робко в форточку стучит:

– Боже, что ж я подытожу?

Но вселенная – молчит.

ГНЕЗДО АИСТА СТАНСЫ

«Лелеко, лелеко! До осені далеко...»

Дмитро Білоус

«Аист, неба око! До осени далёко...»

...Господи, опять никому не верим,
и Тебя не видим мы, Свете тихий,
аист ладит дом, ветер верен перьям,
ангелы беседуют с аистихой.

...Снежная столица в печатном шаге
оглядит пространства с державным гневом:
должно Карфаген привести к присяге
прочим в назидание карфагенам.

...Площадь с тюркским именем, с черным дымом,
матерь городов, что родства не имут:
зря, паны, якшаемся с Третьим Римом,
жить в такой дыре никому не климат!

...Хаммеры библейской толпой пасутся,
издали всем лыбятся оклахома,
в боевых объятиях камасутры
пользует хохлацкого охламона.

...Не более душой о чужих юропах,
ешь тушенку родины, хмурый воин:
полстраны отцов, век назад в холопах,
полстраны других – оплели конвоем.

...Бесы точку тронули на экране –
упокоен боинг на звездном танке,
побратайтесь, добрые громадяне,
летчицы, наводчицы да вакханки!

...Рвется яркий огонь из несытой пасти,
загасить бы тостом – ан выпить не с кем:
с новым годом родичи, с новым счастьем,
уж кого – с луганским, кого – с донецким.

...Сыну мать прошепчет: дай, кровь замою,
ты простишь со мною, с судьбой обидной,
вознесись, безвинный мой, над землю –
красносинебелой, жовтоблакитной!

...На доске разбросанные фигурки,
тронутые тленом слепые клетки,
родин двух растерянные придурки,
рано поседевшие малолетки.

...Выжить ли птенцам на исходе гнева? –
брезжат в чашах боги, во тьме дубовой,
рушатся снежинки с немого неба
местной бессловесной всеобщей мовой.

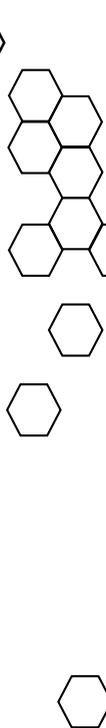
...Чи провидим кости в песках пустыней,
чей раскол в масонах, инцест в державах? –
в прошлом настоящее упустили
на волнах безродных, на рельсах ржавых.

...О каком грядущем своем восплачем? –
счет проплачен, только чужой аортой,
карфаген у каждого здесь утрачен,
или рим – какой уж? никак четвертый?

...Сердце опустело – чья ж это кража? –
воровская висельная арена –
ты ли, обеспамятевшая раша,
или ты, обдолбанная юкрейна?

...Всех нас, что друг друга в песок стирали,
ах, как беззастенчиво отымели! –
где всё то, что запросто растеряли,
птицы наши, гнезда и колыбели?

...Кто мы, мертвых пажитей аборигены? –
нежить и предательство пахнут псиной,
где же наши римы и карфагены?
Все – иуды,
все встанем перед осиной.

НА РАННИХ ПОЕЗДАХ

*Какая ширь! Какой размах!..
Б. Пастернак*

В вагоне, из тех самых, ранних, что в путь нелегкий собрались,
стоят – глухонемой карманник и деревенский гармонист.
Стоят, не видя и не зная один другого, и для них
железных рельс река живая – живой, спасительный родник.

...Тиха украинская мова.
Скользя по мутному стеклу,
упорный взгляд глухонемого уперт в глухонемую мглу.
Смыкая даль горизонталей в двухмерной плоскости стекла,
толпу неслышимых деталей размазывает молча мгла.
И длятся – дольше жизни целой – на полустанке часовой,
винтовки взор оцепенелый над предрассветною травой,
улыбка трактора-фордзона, дыханье чье-то у лица,
настигшее в конце вагона отступника и беглеца.

Красивый, двадцатидвухлетний, отец мой в тамбуре стоит
и эхо родины последней в себе, не ведая, таит.
И на ремне его двухрядка на стыках голос подает
как эхо высшего порядка – и будит 33-й год.
С фальшивой справкой сельсовета и эхом выстрела в ушах
он промотал свои полсвета, с эпохой соразмерив шаг.
Он полон юности целебной, что очень скоро пролетит,
он верует, что Город Хлебный его, изгоя, приютит
и молча сжалится, и скроет в степи без края и конца,
в огнях периферийных строек
беспачпортного беглеца.

Чем громче оклик паровоза, тем молчаливее вагон,
и века огненная роза чадит и просится вдогон.
Молчит толпа. В тужурке черной
опять на станциях конвой,
он ходит, словно кот ученый с тысячеглазой головой.

...О, только б не забыть сегодня надежд безумье,
сумрак, страх,
кровь, грязь, бессилие Господне
на тех, на ранних поездах...

ПЬЯНЫЙ КОРАБЛЬ

СТЕНОГРАММА АТОМНОЙ ПОДЛОДКИ. 1990

...К настезь распахнутой влаге!

Артюрь Рембо

– ...Тоже – “к настезь распахнутой”?..

Что же теченье

наклоняется к толщам подводных аркад,

если это арктическое отречение,

то зачем в пустоту упирается взгляд?

Как попал я сюда, после чьих возлияний,

чей начальственный ноготь на карте провел

борозду, что постылей полярных сияний?

Я – лишь улей с комком замерзающих пчел.

Ненавижу бессонниц своих коридоры,

вахт ночных паранойю, ухмылки ракет! –

сквозь броню из титана, сквозь душу, сквозь поры

рвется бешеной ненависти

свет! –

мой реактор – горит!

Вот и грянуло время расквитаться за черную долю свою.

Ты, полярная ночь, раствори мое семя –

мой веселый плутоний – в чернильном краю.

Что со мной? – мое сердце сжимается стыло,

гаснет свет, нарастает щемящая глушь,

был я домом, теперь я – стальная могила,

отпускаю грехи аж на тысячу душ.

Не успеть никому за крутым поворотом,

славься, тайна военная мощи страны! –

мы чужим катерам и чужим вертолетам

не откроем того, как мы дивно сильны.

Не поспеть к покаянью виновно-невинных:

адмиралы, ползком на кремлевский ковер! –

в этих тайнах и тенях, и майнах, и вирах

опускается мертвой эпохи топор.

Море, черный курган, где рабов погребают,

где ты прав иль неправ, не узнает никто,

бескозырки плывут и сердца умирают

в средостеньях кальмаров и песнях китов.

Опускаюсь на дно, вещей боли кромешней –

я покинут командой иль нет, все равно,

что мне толку от ваших конвульсий, конверсий,

от конвенций – когда подыхать суждено.

Морячки, отплывайте скорее подале –

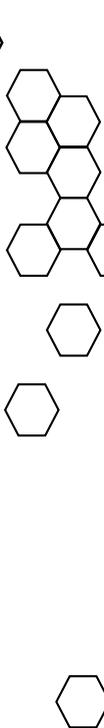
ох, сейчас и рванет мое сердце вразнос!

Я – подводный корабль,

и меня проиграли.

Славься, родина-мать!

Плюнь в ширинку, матрос!

СТРЕЛЬБИЩЕ ФОРЕЛЕЙ

Живем лишь раз,
так пусть потуги жалки – пересчитать, как капельки росы,
утехи сердца, дружеской рыбалки, прозрачно-невесомые часы.
Душа предчувствием не обмирала, когда меня – районный пионер! –
в сыпучий взлет верховьев Ур-Марала вез друг мой, гуманист и браконьер.
Меж серых скал и глин багрово-красных,
буксуя там, где мчал вчерашний сель,
нырял УАЗик, увозя в заказник под хор мужской: аль не бывал досель?!
Быть иль не быть – но жалость надоест нам под натиском традиций пикника,
поскольку помышлять о неизвестном за удочкой не принято пока,
однако стоит лишь напрячь вниманье над поплавком на бешеной реке,
и ощущаешь, как у мироздания – венец творенья – сам ты на крючке.
Живем,
чтоб в круговерти карусели
всем телом ощутить земную твердь
и вспугнутой реликтовой форели
мгновенную
серебряную
смерть! –
земных тревог несущаяся глыба накрыла мир, и долго ль до греха? –
меня простишь ли, съеденная рыба? –
простишь, ведь ты не рыба, а уха,
сегодня ты, а завтра я, так в миге сожмется жизнь, жестока и темна.
Возрадуемся: все мы в Красной книге, все перемрем – останется она.
Пока, однако, в роли рыбака я – вольно же толковать мне про добро,
недрогнувшей рукою подсекая живой блесны живое серебро.
Мужской синклит на берегу зеленом, костер, родник, оставлены дела...
Что ж мир так полон горем и озоном,
ведь жизнь щедра, дала нам, что смогла,
и что могу сказать я – в сути голой должна мой голос заглушить река,
а жизнь полна убийственной крамолой и от чужого горя далека!
Отделаться лицензией несложно, но, вглядываясь в то, чем я живу,
провижу, как неслышно, осторожно День Гнева к нам крадется наяву,
уже ущелье стынет в смертном свете, и незачем, и некого любить,
прости нам, рыба, мнимое бессмертье:
себя-то сами рады мы простить...

НЕДОИММИГРАНТ

бежит навстречу мал и кривоног ворот тяжелых трудно движет створку
хозяев встретит к вящему восторгу доложит всё он выучил урок

мичурин хренов пламенный ламарк в сырые ночи робкий сторож дачи
треск топот шорох уханье и плачи весною алый летом белый мак

стреляют азиатка цепь грызёт дрожат клыки от грома и свободы
там за шоссе дробятся дни и годы и каждому удару свой черёд

дурак пермяк ушаст и редкозуб запуган любопытен детство было
экспериментом пьяного дебила папаша в орденах и стар и глуп

в россию подались оставив дом к родне но вся родня сплошной свинарник
отец лёг помирать в воспоминаньях а сын в бездомный мир шагнул с трудом

но молодцы менты и погранцы немедля отловили нелегала
что за нога беднягу не лягала земля отцов да где ж они отцы

вернули тут же в рабство угодил батрачил в хлопковой тюрьме узгена
восточного поднахлебался гена пришёл туда откуда уходил

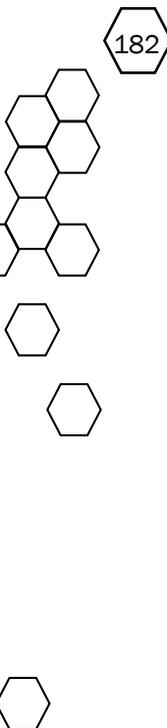
меня в россию взяли б вы тогда я дом построю даром я умею
я по шнурку стена а я за нею журчит бессвязной повести вода
про телескоп ли про велосипед про звезды про нашествие тимура

льёт дождь собака с кошкой дремлют хмуро
вот жизнь которой не было и нет

УРАЛЬСКИЕ САМОЦВЕТЫ

К. Скворцову

Уральские самоцветы, бажовское волховство,
исчезнувшие планеты, загубленное родство.
В тумане пихты намокли,
скрылась волнистая гладь,
поселок ли, городок ли – на карте не сыскать,
исчезнувшая отвага безвестных Божьих гонцов,
рыбак, охотник, бродяга, семиклассник Костя Скворцов.
Берданка советского школьника мила окрестным лесам,
как мил заброшенным штольням незамысловатый “сезам”.
Открывались ему камни – нетронутые мгновенья,
изумленья запретный плен,
ничего не прося взамен.
И каменный груз обиды в отцовском вещмешке –
тяжелей египетской пирамиды
побрякивал в тоске.
И, вот в предвкушенье воли, в мир уезжая большой,
подарил он любимой школе музей сокровенный свой.
Года летят без событий, гремит по камням река,
не сыщите – не ищите! – ни школы, ни городка,
все стерто, развеяно, скрыто, бульдозер победных лет

давно просеял сквозь сито осколки земных примет.
Куда вы канули, камни речений, судеб и сел? –
смешались авель и каин, над каждым – чужой ореол,
бескровно и безответно настиг нас мерзлотный склероз,
повымерло незаметно, а паче – поразбредлось...
Мальчик вышел к искомому миру,
его книгам внемлет земля,
он видит из окон квартиры пирамиды Кремля,
вокруг – то сановные хари, то зарубежные миры,
помнит ли он о давнем даре
Хозяйки Медной горы?
И хоть не убавила прыти детства его река,
не сыщете – не ищите! – с берданкою паренька.
Бог-геолог, бредущий снова по осыпям истин сих,
видит камни – но Слово не вспыхивает в них
там, где мальчишья ватага, отвагой озарена,
слепые очи ГУЛАГа поднимала с песчаного дна.
Боже странствующий, ищущий снова,
где камень, а где лоза,
Ты узнаешь ли Кости Скворцова дерзкие глаза? –
тончайший скол малахита ранит Твою ладонь,
его не заметило сито, и Ты его, Боже, не тронь! –
прости нам, нитратным растениям, убожество в Божестве –
расстрелянные растленьем, мы были всегда в большинстве.
Темно, одиноко и голо. В камне – горит тишина.
Где городок, где школа, где люди?
Где та страна?..

УКРАИНСКАЯ БАЛЛАДА

*Памяти
Дмитрия Кузьмича Шаповалова*

Вот гарцует на пригорке – девки, закрывайте шторы! –
дядя – Митька-егоза:
с детства доставалось порки, но усы всегда в махорке,
в серой ярости глаза!
Был он прасолом и волком, жизни вкус изведаль с толком,
и не покидал седла,
пялились донцы-соседи: уродится ж чёрт на свете! –
на горячего хохла.

В прошлой жизни бесталанной был у деда конь буланный –
царский поезд обгонял:
дед нашёл себе шараду – двинул покорять Канаду,
сотнику коня загнал.

Переполюшил округу сын-малец – украл зверюгу,
в гриву утыкая нос,
жеребца в степи запрятал, но – нашли, и он заплакал.
Так мой милый дядька рос...

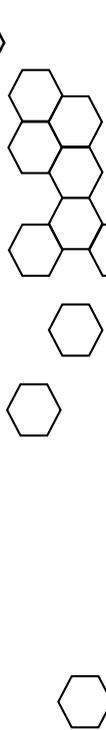
Только вспомню слёз и смеха нескончаемое эхо –
всё, что рассказал отец –
ненависти или мести рад я больше, чем невесте,
хоть всему пришёл конец.
Под звездой скорпиона, поумерь-ка скорбь, Иона,
тормозни своо кита:
то ли ноет ретивое, то ли воет рулевое,
то ли силушка не та.

Голь, кацапы, тавричане, греки, персы, молокане –
накипь русского котла,
пахнет язвой моровою да войною мировою,
бьют сплеча и жгут дотла.
То сангвиник, то холерик, дядька не искал америк,
он другой рванул стоп-кран:
золотые вшил десятки в шубы старые заплатки,
молча канул в Туркестан.

Но до этого – собаки! – ранен был в нечестной драке,
отлежался на печи,
зиму бабушка лечила, от болезни отлучила,
но от мести – отучи!..
О, змеиная улыбка, шаповаловская сшибка:
сдохни, но сочтись во всём! –
кровью легкие заполнил, но дружка того запомнил
и всех прочих, кто при нём...

Наступило время свадеб – улицу меж усадеб
прёт обидчик, пьян слегка.
Дядька мой в бекеше длинной у ворот стоит с дубиной,
взором нежит облака.
Вот шеренга женихова, вот невестина обнова –
под веселую гармонь
тяжко хрустнула дубина, замертво упал вражина,
дядька же – побрёл домой.

Раз кого, уж вы поверьте, он убил (пусть не до смерти –
но потом не жизнь была),
дядьке каторга светила, но маленько подфартило:
революция пришла.
Кровью мытые закаты, краснозадые мандаты,
тиф, колхозы, голод, мрак...

Вспомнить – и опохмелиться, хоть он и поныне длится,
отчей пажити бардак.

И бегут от половодья – всё кулацкие отродья,
дед мой, родичей толпа:
от Медведицы и Дона, от поруганного дома,
век не кончится тропа –
за горами, за долами, за калмыцкими степями,
за печальной Сыр-Дарьёй,
где страшны и мохногруды прокажённые верблюды,
а душа полна зарёй...

Я там жил – какое диво, по усам текли мёд-пиво:
чашу там до дна испил.
Там отцу божился: «Тату! Буду с краю ставить хату!»
Но поклялся – и забыл...
Так и дядька, хоть не ссыльный, жизнь свою рукою сильной
повернул – не ожидал,
с той поры, как бил дубиной, больше родины любимой
он до смерти не видал.

Прожил век, поторопился, и с родными не простился,
сжал обиду в кулаке –
отошёл в степи казахской, то ли гуннской, то ли сакской,
в собственном особняке.
Кончились его химеры: мне в глаза, на гребне эры
все, на фото вставши в ряд,
и укору, и примеры – пламенные офицеры,
братья старшие глядят...

В топоры я не рубился – но у дядьки научился
не чураться всех голгоф,
как последняя паскуда. И – не умирать, покуда
всех не отплатил долгов!
Смертный миг и запах гари – всё вернул бы каждой твари:
видно, не дано простить.
Что ж, коли сложилось плохо, и твой враг – сама эпоха,
надо жить. И этим – мстить.

С украинского

ИЗ КАТЕРИНЫ БАБКИНОЙ

* * *

Он её обнимает, он уходит в рассветную муть.
А она ему: «Береги лицо и руки, будет пурга, говорят,
запасную одежду, нож, соль да медвежий клык не забудь,
воротник не грызи – я туда вшила яд;
помни – твердят о правах, но в этой игре правил нет,
куда бы ты ни направился, добрый путь,
но не жди – никто тебе там не даст ответ...»

А он ей: «По утрам прогревай машину, да не ходи одна! –
береги стариков и детей, инвалидов, птиц и своих святых,
ожидая меня, в ночь не вглядывайся – нету у ночи дна,
не смотри новостей – и с ума не сойдёшь от них,
ну а нас не минуют вино и пепел, бинты и пули, и кровь во тьме,
все ответы нынче – о пропавших без вести да о зиме,
хотя, с другой стороны, и вопросов уже никаких –

всё, против чего обычно идут на смерть, убивает и нас,
перекрывает дыхание, свободу, отключает нам gps,
горлом пускает кровь, лишает слуха и глаз,
бьет мраком и голодом по сердцу и уму...»

Оба молча надеются: что-то его/ее сохранит,
мёрзлый нож рассвета режет простор небес,
сомнений, слёз, колебаний кончился лимит.

Она остаётся во тьме. Он уходит во тьму.

ПРИЛОЖЕНИЕ: КАТЕРИНА БАБКИНА

* * *

Він її обіймає, вирушаючи зранку в сонячну каламуть.
А вона говорить: бережи обличчя і руки, передають вітри;
запасні штани, сіль, ведмеже ікло, ніж – не забудь;
в скруті не гризи комірець – я зашила різних туди отрут.
Пам'ятай, що права є, але що немає правил в цієї гри,
іншими словами, куди б не зібрався ти – в добру путь,
але відповідей тобі там не дадуть.

А він відповідає – щодня прогрівай авто, не ходи одна;
бережи старих і дітей, інвалідів, птахів і своїх святих.
не вдивляйся, на мене чекаючи, в ніч, бо у ночі немає дна,
не дивись новин; взагалі, не дивись кругом забагато. Не омина
нас вино і попіл, бинти і постріли, кров і сніг.
З відповідей на сьогодні – тільки зниклі безвісти та зима,
але, з іншого боку, і запитань у мене більше нема.

Усе, проти чого помирають зазвичай, унеможлиблює нам життя,
унеможлиблює дихання, свободу, gprs-покриття,
доступ до інформації, їжі, світла; контролює серцебиття,
горлом пускає кров, позбавляє кругозору і небокраю.
І обоє мовчать і думають – хай що-небудь його/її збереже,
ріжуть промені мерзлі ранкове небо, немов ножом,
і немає сумнівів, вибору, сліз. Саме час уже.
Вона залишається. Він вирушає.

Перевод с укр. В.Ш.

БЫВАЕТ ЯСНОГЛАЗЫЙ ДЕНЬ*Андрей ТАНЦЫРЕВ*

* * *

Бывает ясноглазый день
с веселым ароматом винным.
Хоралом донельзя старинным
бывает ясноглазый день.

Два друга пьют тогда вино,
стихи читают о подругах.
Ни слова о сердечных муках –
приязни нежное вино.

А за окном осенний сад
под небом чистым отдыхает.
Тогда один из них вздыхает,
минуя в мыслях цепкий ад.

Другой отточенным пером
рисует на листе просторном
все то, что показалось вздорным
педанту, трезвому притом.

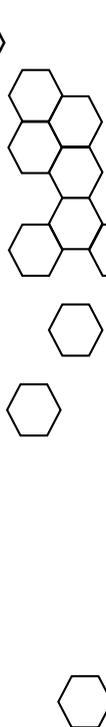
Произрастает между тем
под звуки раги «Тень долины»
вне грядки, клумбы и куртины
розарий речи, чувств эдем.

**В ТЕХНИКЕ БЫСТРОЙ РУКИ
ИЛИ ОДНОЙ КИСТИ**

На мелованной бумаге
в заповеданной тиши
в опрометчивой отваге
подражаю я Су Ши.

То плыву на старой лодке
по извилистой реке,
то пашу четыре сотки
вместе с ветром налегке.

То прильну к глубокой чаше
сычуанского вина,
то читаю свет Наташе
свиток грубого рядна.

То впиваю слабый запах
новой книги на столе
и луна на нежных лапах
тихо крадется ко мне.

На мелованной бумаге
только тени, только знаки
водяные без затей.
И беспамятные маки
яркой музыки моей.

* * *

Еще не все завалены колодцы,
еще не всем понятен Лао цзы,
еще не все солгали нам отцы,
но мы давно китайцы, инородцы.

А скифы, что раскосы и темны –
в преданиях глубокой старины –
устали жить, стреляться и колоться
и нету в том, конечно, их вины.

Куплю вина. С накопленной виною
потщусь ли слово доброе сказать,
жемчужинки на нитку нанизать
и любоваться земноводною женою?

О, нет, не в силах. Но огонь горит,
горит огонь – в горах и под горами.
Не медли, друг. Мы столько раз сгорали,
сгорим еще, не правда ли, my sweet ?

**«У НАС БЫЛА ВЕЛИКАЯ ЭПОХА»
НАЗВАНИЕ ПОВЕСТИ Э.ЛИМОНОВА**

Андрею Мадисону

У нас была великая эпоха
а те, кто понимали это плохо
лежали скорбно в дворницкой каморке
себя воображая в стылом морге
не в силах с ложа цинкового встать
гудели самолеты над Москвою

рука была худою восковою
уставшей бисер матовый метать
у нас была великая эпоха
свальявшаяся шкура кабысдоха
впитавшая все запахи помойки
карболовых пайков головнойки
внезапно стала блеском наливать
И надувные гроздья Первомаю
парящие над стойбищем Маюя
похожие на яблоки глазные
наткнувшись на налочки резные
полопались и стали убывать
у нас была великая эпоха
от выдоха до сдавленного вздоха
от Горького до сладкого объяття
от Бедного до жадного изъяття
владений вымирающей души
кощунственник считает наши вины
сгорает мавзолей неопалимый
еще чуть-чуть и всюду ни души
«У нас была великая эпоха» –
Лимонов обошелся без подвоха
(удары держит, русский хулиган)
а я держу не то что бы удары
себя в руках чтоб наши тары-бары
не вызвали в стакане ураган

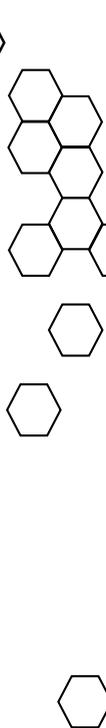
* * *

А. Мадисону

Среди моих злопамятных друзей
меня оставивших наедине с бедою,
есть две страны, что стиснуты судьбою
казнить, не миловать напалмом новостей.

И я как ты, аукался в лесу,
промёрзшем и безжалостном к изгою,
как будто я убийца и водою
меня обдали мёртвой, не живую,
чтоб сросся я с любой из властей.

А власть любви безжалостней всего,
и ты замёрз под Тотьмой в минус тридцать.
Прости мой друг, я помню наши лица,
и дочь твою, забывшую Его.

У нас с тобою тоже не срослось.
Твой ум был пожирателем ошибок
своих, чужих и следствием всех сшибок
пути во тьму выстраивалась ось.

Я видел много стоящих людей.
Они, колеблясь, встали перед бездной,
манящей и отчаянно беззвездной.
Прыжок, полёт и не собрать костей.

Невольные предательства мои
от знания, что будет так, как было.
От Сауэ до Тотьмы и Тагила
простёрлась жизнь, что всех нас разлюбила.
Лечу как лист над пропастью земли.

НАКОНЕЦ Я РАССЛЫШАЛ

Владимир ПУЧКОВ

* * *

Наконец я расслышал, как что-то
перещёлкнулось в небе. Пора
оцифровывать старые фото
и лежалые пробы пера.
За столом в ожидании снулом
наблюдать, как в режиме нон-стоп
катит сканер с рентгеновским гулом
перемётного света сугроб.
Мы уходим. Меняются шифры,
и пароли, и явки, и явь...
В океане расплавленной цифры
нам отныне барахтаться вплавь.
И глядеть, как по дивному снегу –
от саней на высокий порог –
юный Пушкин взлетает с разбегу,
оцифрованный Господом впрок!

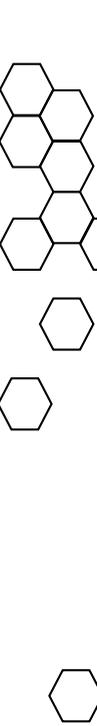
ПОЕЗД «ПОЛТАВА – ОДЕССА»

«Украина глухо волновалась...» (Пушкин)

Украина... Глухо волновалась река в мурашках,
дрожа, как миска расписная в руках ворожки.
Не забывай меня, родная! В чужих ромашках –
я непременно распознаю твои волошки!

Под звёздами найду наощупь свою тропинку.
Страна ночная, разве пришлый – твой взгляд осилит?
То по-воловы добродушно жуёшь травинку,
то карим оком по-ведьмацки прожжёшь навывлет!

Молчишь, когда за власть грызётся родная свора,
в своём хлеву не переносишь чужого духа...
За морвокзалом воздух вольный – аж до Босфора!
А я одно шепчу: «Украина...»
Украина – глухо.

ОДИССЕЙ

Потерявшему родину-мать
долго плыть на осклизлой доске,
и доплыть, и блаженно дремать
на зернистом ольвийском песке,
и пока фитилёк не погас,
мотыльковому бризу внимать...
Неприлично скорбеть напоказ
потерявшему родину-мать.

Время стешет зубцы и рубцы
в синусоиду волн и холмов.
Не нектар из цветочной пыльцы –
пей вино из козлиных мехов!
И, вперясь в сыромятную муть,
корешок, непривитый побег, –
пожалей свою родину-мать,
потерявшую сына навек!

Замеси на землянку саман,
приголубь молодицу в соку,
не жалея элитных семян,
истолки её ступу в муку!
И когда подрумянится край
горизонта в плавильной печи, –
на спасённой кифаре играй
и спасённое слово шепчи.

Чтобы вспомнить фамильную мощь, –
потерявшему родину-мать
наваждение оливковых рощ
надо парусной жменей поймать!
И в запале застольных бесед –
выйти вон, наклонясь у дверей,
чтобы здешний счастливый сосед
злой слезы не заметил твоей.

ОЛЬВИЙСКИЙ ПРИЧАЛ*Валерию Карнауку*

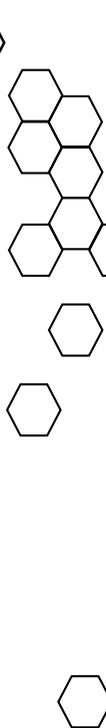
Нас мало, товарищ.
Нас, может быть, трое иль пятеро.
На сданном плацдарме
сидим в ожидании катера.
Но он не придёт:
никакие варяги и греки
не вывезут нас –
этот берег потерян навеки.

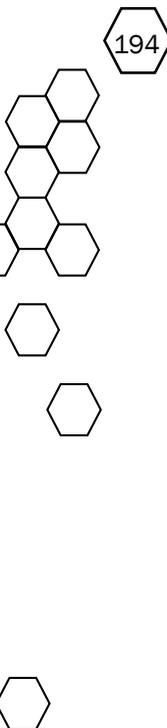
Мы выросли здесь,
поклоняясь идеям и книгам.
Века обучения,
зато одичание – мигом!
Былые вожди –
обернулись ворами в законе,
святые криницы –
зияют болотцами затхлыми,
на рыжем обрыве
храпят киммерийские кони,
и новый кочевник
трясёт ресторанными патлами.

Нас мало, товарищ,
нас пятеро, может, иль трое –
на микроскопической плёнке
культурного слоя.

Подмоги не будет.
Как почва, осядет осанка.
Сизифовы камни
со свистом покатятся вспять,
когда стригунок –
на бегу обратится в мустанга,
и чайная роза –
шиповником станет опять.

Нас мало, товарищ,
но мы, как шиповники, цепки.
На мутном лимане –
ни мачты, ни шлюпки, ни щепки.
Мерцает село
керосиновыми фонарями.
Подмоги не будет –
кому мы нужны за морями!

И всё же сквозь глину
упрямые корни растут.
Звенит тишина –
дивный голос из амфоры вынут.
Парутинской чайке
до Господа лёту – пятнадцать минут,
а мы соберёмся в дорогу –
столетия минут...

ПЛАЧ ПО КАЗАЦКИМ ЛЮЛЬКАМ

Ночью шторм лютовал,
утром блики гуляют, как тюльки.
На зализанной отмели
дремлют казацкие люльки.

Их лиман отдаёт
после каждого шторма как плату,
их придонные струи
выносят под каждую хату –
носогрейная глина,
черепье, пустышки, бирюльки...
Я иду по воде,
собираю казацкие люльки.

По сыпучей лагуне,
по дну, что пружинит, как сито,
по жаровне шипучей,
в которую влаги налито,
по Кинбурнской косе,
по ее мелководному краю –
после шторма
обломки погасших веков собираю.

Слепки вздохов глубинных,
чудные сопелки-кривульки –
на лоснящейся отмели
млеют казацкие люльки.

Сколько было по свету
сражений, и сечей, и рубок –
тут осело оно,
перемётное кладбище трубок.
Может, выше:
в излучинах Буга, Днепра да Ингула –

дым прокуренных лёгких
воронка столетий втянула?
Водяной мертвовод,
чье туннельное вёрткое тело
сквозь эпохи прошло –
вырываясь из рук, просвистело!..
Омут штопорной тяги.
Бегущий виток мясорубки.
Раз! – и нет никого.
Только ил набивается в трубки.

Нескончаемый брод...
Примеряю на ощупь следы,
из которых растут
родники преисподней воды.
Где ты, время взрывное?
Твой выброс песками притушен.
Мёртвой зыбью стоит
безголосый золотой вой...
Лишь торчат чубуки –
перископы, свистульки отдушин,
и прилив набухает
над кромкою береговой.

РАКУШКА

Я тебя выбрал из тысяч, и тысяч, и тысяч –
там, где моряна, солеными космами тычась,
будто старьёвщица, вялым круженьем руки
перебирает пустые свои черепки.
Щурясь под солнцем, искрит перламутровой крошкой
хрусткий мысок за дощатой артельной сторожкой,
и, желтоват, как янтарный налив кураги,
катится к западу край курая и куги.

Я тебя выбрал из тысяч и тысяч ракушек –
томных ледышек и розовогорлых простушек,
смуглых ладошек, сложенных играть в перстенок...
В сонмище томных красавиц – тебя подстерег!

В солнечной пустоши, где, воспаленные солью,
крепко взялись в хоровод ставниковые колья,
я тебя выбрал из тысяч, и тысяч, и ты
взвихренным кружевом окаменелого танца
кажешь бесстыдный испод розоватого глянца...
Кануло лето. Пусты твои недра. Пусты.

НОЧНОЙ МОТОЦИКЛИСТ

Дороги скоростью светились,
во мраке две звезды дрожали.
Они с небес ко мне скатились,
и обе – за руки держали.

А я летел, не зная знаков!
Когда шоссе меня стряхнуло,
одна – отпрянула, заплакав,
другая – в ужасе прильнула.

В палате пахла матиола,
горели нити вполнакала.
Одна – укорами колола,
другая – руки целовала.

И покрывалась белизною,
со мною вместе угасая.
Одна была моей женою.
Моей звездой была другая.

ВСТРЕЧА НА СТОЯНКЕ ТАКСИ

Ты вновь эту руку целуешь,
повинной склоняясь головой.
– Любовь, у кого ты ночуешь?
– У добрых людей, мой родной.

Ты скомкано и торопливо
бормочешь любезный пустяк:
– Любовь, ты всё так же
красива...
– Неправда, мой милый, не так.

И стайка полынного пепла
отпархивает от колёс!..
– Любовь, от чего ты ослепла?
– От слёз, моя радость, от слёз.

ЛЬВОВСКАЯ ПЛОЩАДЬ

Я люблю этот город,
его снеговые холмы,
тесноту переулков
с ванильным настоящим бытом,
и лепнину карнизов,
и звон ледяной бахромы,
и парной чернозём,
что под вечер густеет, как битум.

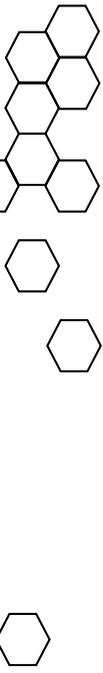
В малом сквере треуголом
хрустел подмороженный март,
ранний сумрак таился
в еловых негнущихся лапах,
но троллейбусный свист
настигал, как ловецкий азарт, –
и катился по снегу
кофейни тропический запах!

Над калёной жаровней
рождался невидимый чад,
нескончаемый вечер
был крепок, и сладок, и чёрен...
Ты сидишь, посмуглев,
ты молчишь, потерявшая счёт
черепашкам – из чашек ползущих –
раздвоенных зёрен.

Ты навстречу спешила,
не слыша хулы и молвы,
ускользала из дому,
таясь все хитрей и коварней,
и над нами неслышно
парили крылатые львы –
над любовью моей,
над возлюбленной нашей кавярней.

Я люблю эту площадь,
где сквер, и кофейня, и ты...
Я люблю этот город
с его снеговыми холмами,
где горит общепита очаг
и, доныне чисты,
два крыла бескорыстных
невидимо плещут над нами.

Аркадий СУРОВ

СЛОВО

* * *

Таврическая степь, унылое херсонье,
И – спрятанный в степях, и – полуостровной,
Непобеждённый штаб, по-воински бессонный,
Имперский гарнизон, любимый город мой!
Таврическая степь – камыш, фарватер, косы.
Мы – живы от реки, мы – степью крещены.
Земля и небеса, солдаты и матросы,
Пенька и полотно империи нужны.
Таврическая степь, ударь меня ветрами,
И летом обожги, и заморозь зимой.
И только ты и я, и только Бог над нами,
И – корабли в степи, и чайка за кормой.

СЛОВО ИЗ-ЗА ПРЕДЕЛА (Т. Г. ШЕВЧЕНКО)

Когда я умру, отнесите меня на курган,
Там степи и ветер, там степь, Украина и ветер.
А если появится суслик какой, тарбаган,
Так мало ли сусликов водится в суетном свете.
Когда я умру, те, которые были враги,
Пусть отплывают рекою в гробах некрасивых.
Я их не увижу, оттуда не видно ни зги –
Ни новых пророков, ни старых буржуев спесивых.
Когда я умру, разорвите кандальную цепь,
Ту цепь, что сковала враньём ваши чистые души,
И будет вам счастье, и будет вам воля и хлеб,
И лягут по-новому линии ваших судеб.
Ваш братоубийственный и злоблестящий вертеп
Я, выглянув сусликом в степь,
Уже не обнаружу.

* * *

Это бессмысленно и беспощадно, Карл!
Это Укразия – восточные степи, снег.
Вот человек, не какой-нибудь, бл@дь, кентавр,
А настоящий, мать его, человек!
Вот он бредёт по пустоши, вот он спит,
Вот его посетила мысль – глаза искрят,

Вот его штурмуют туберкулёз и спид,
Обычный пацанчик, сколько таких ребят,
Ну, а вот он взлететь пытается – надпись «Аэропорт»,
И его поднимает в воздух англоязычный чёрт!

СЛОВО

I

Перстень на среднем пальце правой руки...
Бежать на закат, идти на закат, ползти,
Считать километры, годы, считать шаги,
От ста пятнадцати к двухсот двадцати пяти.
Прости меня, мама,
И ты, мой Господь, прости.

II

Бог приходил и сказал мне, что он один,
Что есть восход и есть, конечно, закат,
Что можешь себя воспитывать до седин,
Но, всё равно, останешься виноват,
Что есть много мыслей, туманностей и картин,
Но он – один, совершенно один, мой брат.

III

Облака, брат, уходят с запада на восток,
Ветер вслед им гонит сухой песок.
А мне бы – воды болотной один глоток,
Мне б земляники дикой маленький туюсок.
Кто-то залез в мою голову и оттуда стучит в висок,
Будет тебе, мол, и белка, будет тебе и свисток.

IV

А ни белки, а ни свистка, лишь на воде круги,
Да перстень на среднем пальце правой руки.

* * *

На такси и маршрутках, в троллейбусах, да и в трамваях,
Через ветер вечерний, пробивая его головой,
По нетвёрдой земле осторожно, но крепко ступая,
Завернувшись в себя, алкоголики едут домой.

На привычный пейзаж, с догоревшим окурком заката,
Опускаются мысли, горчащие, как зверобой,
Как бессмертник, горчащие. Жизнь, как всегда виновата –
Она слишком длинна. Алкоголики едут домой.
Впереди остановка, знакомая тропочка к дому,
Впереди – ничего, впереди только вечный покой.
(Постелите мне степь, занавесьте мне окна балконом).
Впрочем, вечный покой – до утра.
Алкоголики едут домой.

АНАХАРСИС

Мои братья, в навозе и саже, в коросте и цыпках,
Ваши чёрные губы промолвили имя моё,
Значит, вместе нам быть на земле этой суетно-зыбкой,
И один у нас общий котёл, и седло, и копьё,
И одно у нас небо – то чёрное, то голубое.
Так за небо и степь, за нездешнюю морду коня,
За сандалии, да за накидку с весёлым подбоем
Вы когда-нибудь, братья лихие, убьёте меня.

ДЕВЯТЬ ДНЕЙ

Я живу сегодняшним днём, я всё время пьяный,
Мне уже не хватает то воздуха, то воды...
...Там девчонка явится, ты меня слышишь, мама,
Так ты встреть её, покажи ей свои сады.
Посади её в поле, пускай она не горюет,
Пусть над нею плывут облака, и птицы плывут,
Поцелуй её своим слепым поцелуем.
А зовут её Викой, мама. Викой зовут.

БОЦМАН

Вадиму Луцюку

I

И когда я стою на мостике,
Задан курс, матрос на штурвале,
Мы проходим сороковые,
Ветер крепкий, идём бакштаг,
И скрипят мозги и обшивка,
И на треть опустела фляга,
И погасла верная трубка,
То без боцмана мне – никак!

Он орёт:» Мандалаи, на реи!»,
 Он кричит:» Шевелись, Канальи!»,
 У него распахнутый ворот,
 И по-моему, он бухой.
 Я смотрю на него и верю –
 Мы минуем шторма и туманы,
 Мы пройдем и скалы, и мели –
 (Чёрт возьми, я отчаянно верю!) –
 Мы вернёмся в наш порт! Домой!

II

Я не помню, как мы выходили из порта,
 Помню только, как трюмы грузили водой.
 А теперь, горизонта и неба – до чёрта,
 Парус полон, и мы под счастливой звездой!
 Моя жизнь уместилась от борта до борта,
 На душе, как на палубе, доски чисты.
 Я не помню, как мы выходили из порта,
 Да и что там, в портах – только пьяные морды,
 Ну их на хрен, эти порты!

III

Боль утихает, уходит с пеной, как мыло,
 Остаётся горелой пустошью за спиной,
 Забывается всё (но я видел, как боцмана смыло
 Тяжёлой, как камень, девятой чёрной волной).
 Тонкая ниточка, горящая между нами,
 Ослабела и перестала совсем звучать.
 Но, я знаю, он выплыл (тёплый остров) и болтает в воде ногами,
 Да никому не велел говорить, и я остаюсь молчать.

IV

Если ты потерялся во времени и пространстве,
 Можешь не париться, Бог тебя не оставит.
 Не стоит, конечно, усердствовать в хулиганстве,
 А то Он тебе забот и проблем прибавит.
 В общем – не жалуйся, не грехи и являй себя граду и миру,
 И думай, как плохо там одному – твоему усталому командиру.

Татьяна БОНЧ-ОСМОЛОВСКАЯ

СКВОЗЬ СЛОИСТОЕ СТЕКЛО**ГЛАВА 1**

Если встать против солнца, Площадь наместника кажется совершенно безлюдной. Повернувшись направо, видишь за перекрестком тяжелый двухэтажный автолет-гармошку, что, вздохнув, выползает на площадь, тяжело покачивая боками на высоте двух саженей. Завернув на улицу Молодости, что в карауле небоскребов неспешно спускается к гавани, автолет останавливается, открывает двери и засыпает у входа в величественное здание. Фасад Дома наместника обрамлен дюжиной дорийских колонн черного камня, подпирающих скромный известняковый педимент. Чугунный двухглавый орел, пришпиленный булавками уездных гербов к фасаду, восседает на вершукше тупоугольного треугольника, придавая зданию сходство с курятником. В сведенных судорогой лапах орел держит лучащиеся золотыми искрами скипетр и державу метрополии, Великой и Протяженной России. Утреннее солнце заигрывает с символами власти, перемигиваясь с вездесущими системами наблюдения.

Площадь перед зданием убрана квадратами гранитных черно-белых плит, перечеркнутыми тенями от фонарных столбов, дорожных указателей и флагштоков с выгоревшими на солнце, бледно-розовыми полотнищами. За шахматным полем плит, в каменных вазонах благоухают анютины глазки, фиалки и солнцезветы, фиолетово-желтыми восклицательными знаками, завершающие оконечности площади.

Фасеточные глаза небоскребов, нависших над историческим местом, не снисходят до цветового великолепия, но всматриваются друг в друга. Темные зеркала Министерства здорового досуга отражаются в прозрачно-голубых панелях Центра всенародных сообщений, в которые вглядываются полотна Министерства здорового досуга.

По плиткам легкими шахматными фигурами семянят чайки, заглядывая в глаза прохожим в надежде на сострадание. У чаек изогнутые книзу клювы и круглые, обведенные красным, глаза. Двое мальчишек, лет четырех и пяти, с белыми нашивками домашнего воспитания, разъезжают по площади на двухколесных каталках, стараясь поймать ускользающих от них птиц. За клумбой, в тени конопляного навеса, пьет чай мать мальчишек, одетая в национальную южноросскую одежду в ромбах малиновых и голубых узоров. Когда она поднимает ко рту чашку, монеты в ее косичках тихонько звенят. С ней за

столом подруга, в платье, едва прикрывающем загорелые бедра, и декоративной жилетке на пуговицах, моргающих в готовности распахнуться на груди, как только того потребует новорожденная, лежащая под кисеей в коляске. Сквозь подрагивающие ресницы младенец всматривается в день настоящий, готовится жить в завтрашнем. Младенец, на мгновение останавливающий взгляд на прохожих, единственный переносит в будущее пыльцу их присутствия на этой земле.

Солнце поднимается выше над зданием, и площадь закипает прохожими, вольно фланирующими или в спешке пробирающимися по ее черно-белым квадратам. Кто-то останавливается, прорастает за столиком рабочей столовой. Четверо служащих мануфактуры выбрались на перемену на площадь, чтобы съесть лапшу с мидиями, пролистывая утренние сообщения виты. Как и поглощение завтрака, процесс перехода информации из общественного организма в личный происходит бесшумно и быстро.

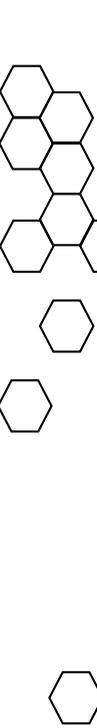
Девушка, в малиновой юбке колоколом и черном джемпере без рукавов, пьет воду из фонтанчика. Другая, с вещмешком на плече, в обтягивающем ультрамариновом комбинезоне, завершающемся розовыми оборками и лимонным, размером с дыню, бантом на коротких волосах, крашенных в прекрасный противоестественный цвет, остановилась неподалеку, увлеченная разговором. Одной рукой она придерживает чемодан, трусливо жмущийся к лодыжке, а другой теребит волосы, то приглаживая их под ленту, то накручивая на палец. Группа юношей в белых шортах и пропитанных потом майках пересекает площадь наискосок, распугивая чаек, откикающихся на вторжение резкими криками.

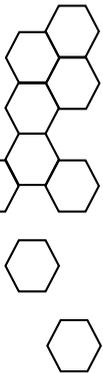
Широко шагая в плоских бежевых туфлях на платформе, проходит по опустевшей площади женщина с завитыми, напомаженными и уложенными крупными кудрями волосами. На ней очки в круглой оправе, платье в горошек, в руке кожаная бордовая сумка, на ногтях лак того же тона. Женщина ныряет в сумрак здания, носящего имя Дома наместника, хотя ни один наместник не посещал Югроссию уже в течение десятилетий. Сегодня здесь народные комнаты, библиотека, музей первых поселенцев, гордый коллекцией карт континента в масштабах от десяти тысяч к одному до одного к десяти.

Пока мы рассматривали окрестности, автолет успел свернуть к гавани, миновать пристань, нырнуть под эскаладой городских магнитостанций, управляющих движением с одной стороны залива к другой, и полететь вдоль линии воды над конусами араукарий, растущих в новоуральском ботаническом саду. В тени каменного подбрюшия магнитостанций расположены справочные киоски. Здесь же бродят помощники командировочных, готовые предоставить услуги любому, не способному или не желающему воспользоваться путеглазом. Сегодняшним утром их услуги еще никем не были востребованы, и на лицах проводников проступает то же выражение, что и у чаек. У перил мола сидит оборванец, голые ноги в пыли, вылинявшая, когда-то черная рубашка заправлена в узкие брюки учащегося, цыганские волосы схвачены в хвост. Он листает читалку, изредка отпивая воду из картонного пакета. День становится жарче с каждой минутой.

Здесь не пахнет морем, но столбы пристани проросли мелкими мидиями. Несмотря на близость ботанического сада с магнолиями и джакарандами, запах цветов не чувствуется, только ощущение свежести плывет в воздухе – ощущение молодости травы и силы пальм, примостившихся рядом с тумбами с объявлениями о воскресном концерте цирковой труппы под руководством всемирно известного фокусника Иоанна Рахметова, о лекции о Великих пирамидах путешественника и естествоиспытателя Гумилева (внука), о свето-музыкальной симфонии Скрябина, исполняемой здесь же, над вечерними волнами, под Башней Советов.

В воздухе плывут ароматы бубликов и эвкалиптового чая, мешаясь с криками чаек и песней «Прощание славянки», которую военно-морской оркестр играет вслед

широкогрудому прогулочному катеру «Витязь Святогор», только что покинувшему пристань. За усеянными мидиями столбами пена вскипает и закручивается в водовороты. На катере трудовой коллектив фабрики «Морозко», отработав ночную смену, возвращается на северный берег, по койкам рабочего общежития. Чайка провожает катер разочарованным взглядом, восседая на свае с табличкой «Кормить птиц запрещается! Штраф 3 руб». Рабочие фабрики «Заря коммунизма» идут вдоль пирса, оставляя по правую руку ряд однотипных, в десять этажей гостиниц для командировочных, построенных в модном пятьдесят лет назад «полезно-прекрасном» стиле: убранные решетками балконы, солидные стены, растущие к обязательной пене садов на крышах. Фасад гостиниц разливован снизу тяжелыми колоннами, в тени портика проходит воображаемое представление гастролирующих циркачей. Прохожие вежливо огибают выступающих или останавливаются поглазеть на скачущих на солнцепеке артистов. Только молодые бегуны, издавна недолюбливающие циркачей, прорезают их на ходу насквозь, не давая изображениям шанса вернуться.

Земля вдоль гостиниц забрана в те же квадраты темных и светлых плит. Пальмы довольствуются прямоугольниками наполненной щебнем и скрепленной натуральным клеем земли, вырезанными изредка в плоскости набережной. На оконечности мола – столовая, изображающая избушку на курьих ножках. В пятницу здесь шумно и многоцветно, гуляют отдыхающие, дети галдят, требуя мороженое и свежие булочки, а сейчас только чайки кричат, перепутав дни и надеясь на случайного доброхота.

Впрочем, одна группа детей все же вышагивает по квадратикам набережной, но и они не интересуются сладостями. Прежде чем ослепить линзы камер наблюдения, солнечные лучи наискосок ложатся на воду, отражаются от оборок волн и пересчитывают детей по панамкам пока они, держась за перила, спускаются по лестнице к прогулочному катеру. Свет пробегает по рифленным ступенькам, ботинкам с плоскими каблучками, белым гольфам, коленкам, шортам и плиссированным юбкам, белым футболкам, красным галстукам вокруг тонких шей, красным бантам в девичьих косичках, красным беретам на головах.

Луч света срывает пелену и с глаз читателя, и он начинает различать прежде недоступные ему данные с личных информационных окон, окружающих людей, животных, предметы. Над головами детей теперь читается надпись: «Младшая грамматическая школа имени комсомольца-героя Есенина, третий класс, присутствуют все учащиеся. Ознакомительная поездка вокруг Башни Советов. Ответственные: Геранья Воробьева и Дарья Шукаранская». Две молодые учительницы, те самые товарищи Воробьева, двадцать один год, и Шукаранская, двадцать лет, следят за порядком, направляя детей в лодку, прячущуюся за стеной мола: «Катер 894-АЛ, зафрахтован на час для обзорной экскурсии по заливу». Дарья успевает поглядеться в искрящееся солнечными бликами зеркало у начала лестницы и показать язык штатному наблюдателю.

Этот жест замечает, усмехаясь про себя, Александр Рудольфович Несумайко, девяносто два года, проф высшего разряда, информатик. В настоящий момент он проходит по набережной в сопровождении супруги Марты Матвеевны, натурализированный механик, тридцать девять лет, домохозяйки, под одну руку, и Милены Харламовой, возраст не указан, журналист, под другую. На профессоре свободные льняные брюки и светлая рубашка с длинными рукавами, частное производство. Он оживленно беседует с Харламовой, успевая обмениваться личными данными с идущими навстречу прохожими, в то время как Марта Матвеевна, брючный костюм индивидуального пошива, туфли фабрики «Большевичка», золотая цепочка, кольцо с опалами в бриллиантовой оправе на пальце правой руки, рассеянно улыбается, не принимая участия в разговоре.

Доиграв «Прощание славянки», оркестр принимается за «По Дону гуляет». Маргарита Киримова, ноль лет восемь месяцев, привита в соответствии с возрастом, просыпается и начинает плакать, и ее мать, Елена Расторгуева, семнадцать лет, диплом раннего ухода и воспитания высшей категории, прощается с подругой, поднимается из-за стола и катит коляску прочь от пугающих звуков.

У свода моста магнитостанции стоит лошадь, в цветных бантах и лентах, запряженная в пустую карету. На козлах сидит Карл Кислаков, сорок пять лет, работник по общественному договору. На нем картуз с розой, атласная рубашка и черные брюки, заправленные в смазанные салом сапоги. Он рассылет вокруг предложения прокатиться по историческому центру города в наземной карете, без необов. Объявления повисают забытыми воздушными шариками над крупной лошади. Лошадь не обращает внимания ни на скользящие мимо летательные средства, прочерчивающие полосы в спящем солнечными брызгами небе. Она прядет ушами, когда выцветающие шарики объявлений спускаются ей на шею.

Камера взлетает над поверхностью воды, взмывает ввысь у самого величественного монумента города и континента – Башни Советов. Взгляд наблюдателя оставляет залив, прохожих, лодку, зацепляя в последний момент, в дальнем углу, как Икара на картине Брейгеля, молодого человека – Антона Герасимова, девятнадцати лет, выпускника Университета дружбы народов, направляющегося к месту прохождения службы. Антона сопровождает память о матери, Елене Герасимовой, двадцать восемь лет, окончившей исходную жизнь девять лет назад.

Наблюдатель прикрывает глаза. Окна наблюдения – единственный источник света в его комнате. Слепленные солнечным полднем глаза не различают границ тьмы, заплывшей пространство вместе с терпким травяным запахом. Тишину разбивает только дыхание наблюдателя, да еще присвист, с которым он всасывает травяной отвар. Волосы наблюдателя спускаются сзади на шею, плечи опущены.

ГЛАВА 2

Евгения Павловна прихватила полотенцем задранную, как дворняжий хвост, ручку чайника, налила свежевскипевшую, скворчащую воду в чашку. Она уже бросила, попросту, для себя одной без церемоний, щепотку сухих эвкалиптовых листьев. Поправив прядь седых волос, Евгения Павловна уселась за стол темного дерева, от которого отпочковались четыре гриба-стула, словно семейное дерево, разродившееся поганками в отсутствии здоровых или срубленных в прошлом ветвей. Евгения Павловна, числящая себя одной из этих поганок, хилая поросль сложносплетенного корня, вздохнула и открыла карманную читалку. Она работала по старинке, считывая тексты с плоского экрана и внося изменения, дотрагиваясь до нужного места. На работе косо смотрели на нее за старомодность. Директор уже намекал, что техническая отсталость идет вразрез с обучением молодого поколения и просил – пока только просил – пройти наконец курсы повышения квалификации.

Ну и пусть, думала Евгения Павловна, прихлебывая чай. Надоест – пусть увольняют. Ей уже стукнуло восемьдесят пять, за место она не держится, не понравится – уйдет на пенсию. Станет разводить кактусы, у нее прекрасно получается, сама как кактус, усмехнулась она, вот и растения с ней ладят. Да ладно тебе, оборвала она себя – тебя и коллеги уважают, и дети. Может, не сразу, но через пару лет выпускники начинают навещать ее, пьют с ней чай и рассказывают, чем занимаются. Нет, остановилась она – не будут будущие выпускники говорить с ней, если она сейчас не проверит их домашние задания!

Может, в самом деле, пора на пенсию. Привычная процедура проверки сочинений стала ее утомлять. Все стало ее утомлять. Евгения Павловна еще раз вздохнула и открыла альбом. Коли настроение такое грустное, начнет она с работы Васеньки-Василька, ее любимчика. Как это ни противоречило школьным правилам, у Евгении Павловны всегда заводились в классе избранные обласканные детки.

Васенька, как всегда, постарался:

Сочинение Василия Добролюбова. О картине «Падение Икара» Питера Брейгеля.

Евгения Павловна вздохнула еще раз, поправила название картины: «Пейзаж с падением Икара» по всему тексту и продолжила чтение:

Великий фламандский художник Брейгель создал свой шедевр «Пейзаж с падением Икара» в 1556 году в Антверпене. Это одна из картин Брейгеля о старинной греческой мифологии. По древнегреческому мифу Икар был сыном мастера Дедала, который смастерил крылья. Он дал крылья сыну Икару, но тот поднялся слишком высоко. Тогда солнце растопило воск, который держал крылья, они рассыпались. А Икар упал в море и умер. Так миф предостерегает человека от попытки подняться выше предела и от неразумного использования техники.

Когда зритель узнает название картины, он сразу обращает взгляд на небо, но не может отыскать Икара – там только закатное солнце. Ниже расположено море со скалами и парусными кораблями, еще ниже – земля с камнями и зеленью. На земле заметны три человека: пахарь пашет поле, пастух присматривает за овечьим стадом, рыбак вытягивает нить с поплавком и рыбой. Образованный зритель сразу вспоминает строки древнеримского поэта Овидия из поэмы «Метаморфозы»:

Каждый, увидевший их, рыбак ли с дрожащей удою,
Или с дубиной пастух, иль пахарь, на плуг приналегший, –
Все столбенели и их, проносящихся вольно по небу,
За неземных принимали богов.

Евгения Павловна улыбнулась. Молодец, слушал ее внимательно, скопировал цитату.

Осматривая картину, зритель наконец различает Икара в виде ног, вокруг которых встают брызги воды. Затем зритель может поискать все остальное, хотя оно уже пропало в воде. Теперь, зная, куда смотреть, можно разглядеть даже отдельные перья, которые распространяет вокруг ветер. Пастух, пахарь и рыбак не замечают Икара, потому что после того, как он вольно пронесся по небу, Икар преодолел не только звуковой, но и зрительный барьер – он перестал быть видимым для человеческого глаза. Не случайно к нему не поворачиваются взглядом не только люди, но и животные: овцы, собака, лошадь... Когда Икар поднимается выше человеческого предела к солнцу, он действует уже на древнегреческом божественном уровне. Его падение остается невидимым для людей внизу. Поэтому они не обращают на него внимания, даже когда он плюхается в воду прямо перед их носами.

Евгения Павловна поправила простонародное «плюхается» на «падает». Остальную стилистику она не стала менять, выражение собственных мыслей она ценила выше гладкости письма.

Это уже не Икар, не человек, как они, но небесный объект. Это теперь камень, который падает с небес. Камень не вредит их посевам, их овцам, их рыбе, и потому люди не обращают на него внимания.

Таким образом Брейгель разделяет мифологические истории о древнегреческих богах и героях от обычной жизни людей. Люди освоили ремесла и покорили пространство, не с помощью крыльев, но кораблей с парусами, как на картине. Боги с героями

и их дела находятся от них далеко, даже в другом измерении. Даже когда их миры пересекаются, они незаметны и неинтересны человеку, который самостоятельно открывает мир. У Икара нет будущего, а у людей – есть.

Евгения Павловна закрыла сочинение и вывела учительское заключение: изучение материалов по теме – плюс, интересная самостоятельная трактовка – плюс, стилистическая небрежность – минус. Оценка: четыре.

Следующей в папке была работа Михаила Лазутина, старательного мальчика с расположением скорее к точным, нежели к гуманитарным предметам:

Питер Брейгель, позже названный Старшим, в противоположность его сыну, также Питеру Брейгелю, но Младшему, носил прозвище Простецкий, или Мужичкий. В прозвище отразилось происхождение Брейгеля. Он произошел из крестьянской семьи, которая жила в маленькой деревне Брейгель. Где находилась эта деревня, современному искусству неизвестно. В молодости Питер пришел в город Антверпен и поступил в услужение и обучение к художнику Питеру Куку ванн Альсту. В двадцать пять лет Питер был принят в антверпенскую гильдию Святого Луки. Это означало его профессиональное достижение и признание как художника – как справка о высшем образовании. В следующем году Питер поехал в Италию, чтобы обучиться живописи у итальянских художников и посмотреть иной мир. Через год он завершил обучение и вернулся в Антверпен. Там он женился на Марии ванн Альст, дочери Питера Кука ванн Альста. В сорок один год Питер с семьей переселился в Брюссель и в сорок четыре года умер в Брюсселе. Картину «Падающий Икар» Питер Брейгель нарисовал в возрасте двадцати восьми лет.

Евгения Павловна улыбнулась. Хороший мальчик, что-то он понял из перечисления цифр, имен и дат, а больше ему не нужно. Оценка «тройка» адекватна потребностям Михаила в познании прекрасного и достаточна для аттестации.

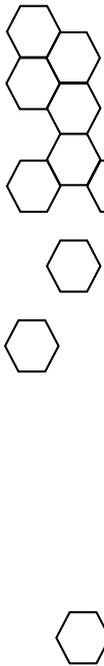
Работа Миколы Петренко. Этот мальчик – гуманитарий, философ, причем самоучка, записался на занятия из родительского села в Голубых горах, и читает, читает... Самостоятельный ученик, вздохнула Евгения Павловна, обо всем имеет собственное мнение.

Самое яркое пятно на картине «Пейзаж с падением Икара» – алый рукав пахаря в центре полотна. По диагонали от него расположено огненное солнце, спускающееся в море. Шар солнца огромен и горяч, но странно не оставляет отсветов на глади воды. Что после этого удивляться, что падение Икара, как его ни понимай – герой или дурак, не оставляет следа в жизни людей.

Есть притворство в том, насколько они не замечают его гибели: пахарь, как будто даже нарочно, склонил голову к земле, пастух, наоборот, задрал голову к небу, но ровно в противоположном направлении, а рыбак и вовсе находится в нескольких метрах от места падения Икара и смотрит прямо на него, но занят и тоже не реагирует.

А если взглянуть на воду, она невозмутима: как не отзывалась на величественный закат, так не отзывалась и на падение Икара. Волны бьются в прибрежных камнях. Рябь на воде не изменилась бы, если б никаких задранных ног из нее не торчало.

Икар смешон – с его задранными пятками. Но смех – хоть какая-то реакция. Свидетели же падения не уделяют ему и смешка. Жизнь продолжается так же, как текла до того – вращаются колеса пахаря Сатора – по загадочному древнему стиху: «SatorArepoteneteroparotas». Этот пахарь – центральная фигура картины. Он отражается в солнце, которое есть божество круговращения дней. Пахарь представляет собой торжество человека над природой – он кормит людей. Тогда рыбак – это Посейдон, повелитель морей, а пастух – ловит пропавших овец, как Аид ловит души умерших. Вспоминаются строки Овидия:

Каждый, увидевший их, рыбак ли с дрожащей удою,
Или с дубиной пастух, иль пахарь, на плуг приналегший, –
Все столбенели и их, проносющихся вольно по небу,
За неземных принимали богов.

Происходит совсем наоборот – божества стоят на земле, в то время как выскочка, глупец-самозванец, ползет по небесному куполу к светилу.

Рожденный ползать – упадет, потому что колеса Сатора неустойчивы. И пусть куропатка, в которую боги обратили жертву, убитую недоизобретателем Дедалом, единственная замечает падение его сына. Так круг замыкается. Смерть порождает смерть, божественное правосудие и возмездие состоятся, человек погибнет. Покарав, боги утрачивают интерес к этому человеку.

Продолжается жизнь – плывет корабль, по склонам растет трава и оливы, овцы поедают траву, люди бросают семена в землю. Взойдет солнце, вырастет хлеб, в волне заплещется рыба, вращаются все колеса. Картина называется «Пейзаж с падением Икара», но Икар это только единичный эпизод в истории людей. Он запоминается нелепостью, ногами, торчащими из воды. А потом все его забыли.

Похоже, Овидия они все запомнили, кивнула Евгения Павловна. Что ж, за оригинальность интерпретации можно и пятерку поставить.

Сочинения Ларисы Казанцевой.

В картине П.Брейгеля «Пейзаж с падением Икара» (1558 по п.л.) поражает взгляд художника на мир – сверху, как бы с высоты птичьего полета. Художник поднимается и приподнимает зрителя над сюжетом, охватывает взглядом все происходящее, которое отдельные персонажи не способны осознать. При этом мир каждого из персонажей картины подробен и насыщен событиями. На переднем плане, и на самой высокой плоскости рисунка, пахарь в парадной красной рубашке следует за лошадью, он пашет землю. Он переворачивает пласты молодой травы в рыжую глину. На следующей площадке пастух с его собакой заслушались птиц на дереве, в то время как овцы мирно пасутся вокруг. Ниже пастуха – рыбак согнулся над водой, что-то помешивая в море, как кухарка в кастрюле с супом. Над головой рыбака, наблюдая за его действиями, на ветке сидит куропатка.

Наконец, на следующем плане зритель видит ноги упавшего Икара, но не задерживается на них, потому что следом, на том же уровне моря плывет большой парусник. Корабль только выходит из бухты, и ветер изо всех сил надувает его паруса. Зритель большее внимание уделяет кораблю, который отправляется в далекое странствие, из которого он привезет сокровища иных земель.

Далее взгляд следует к другим кораблям в заливе, шхунам рыбаков и кораблям мореплавателей, следующим по своим делам, а также к городу на дальней стороне бухты, с белыми крепостными стенами и высокими домами. За стенами города множество людей – правителей, воинов, ученых, ремесленников, торговцев. Все они заняты. Мир живет, смотрит вперед, каждый его участник находится на своем месте, пахарь пашет, птица поет, матрос выполняет команды капитана.

Икар, попытавшийся нарушить законы мироустройства, уже исчез, незамеченный ими. Не прогресс он нес, не открытие, но попытку обмануть природу. Это был не полет, но отмычка полета. В мире, двигающемся в соответствии с законом, ему нет места, и о его смерти никто не сожалеет. Никто, честно говоря, ее и не заметил.

Евгения Павловна покачала головой: «Тройка – за жестокосердие». Девочки могут быть такими жестокими, когда решат, что поступают правильно. Если это не остановить – теми же плохими оценками, девочки же стремятся в отличницы, всегда в отличницы –

можно получить фанатичное чудовище. Евгения Павловна сделала пометку для себя – присмотреться к Ларисе, нужно дать ей творческое задание, пусть направит усилия в сторону созидания.

Сочинение Степана Пустолетова.

Ох! Это ох, а не ученик. Евгения Павловна поднялась со стула и вышла в сад. В уголке за кустами смородины и крыжовника она устроила себе маленькую беседку – столик в тени забора, увитого жимолостью, не видимый за разросшимися ягодными кустами. Небольшую читалку она захватила с собой.

Старинные иноземные художники часто увлекались размышлениями о смысле жизни. Такая идея появилась и у Питера Брейгеля и он нарисовал картину «Падение Икара». Впервые к мифологической теме полета Икара Брейгель обратился во время своего итальянского путешествия. В то время считалось, что каждый благородный человек должен завершить образование путешествием по Европе, в особенности по Италии и Швейцарии. Предполагалось, что он обойдет их пешком, наблюдая за жизнью и описывая ее в путевых заметках и рисунках с натуры.

После возвращения на родину полагалось обработать путевые впечатления и создать законченные произведения искусства. Так и Брейгель заканчивает работу над картиной, в которой он размышляет о своем месте в окружающем мире, уже вернувшись на родину.

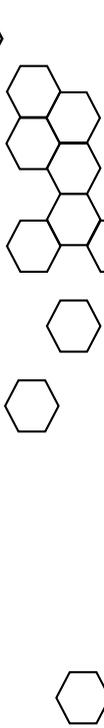
Помимо наблюдений за местностью, путешествующие художники учились местной культуре и осваивали историю и мифологию. Там Брейгель узнал миф об Икаре и его отце Дедале, который был строителем лабиринта на Крите, а до того – мастером-изобретателем в Афинах. Дедал был вынужден сбежать из Афин после того, как его обвинили в смерти ученика, который, увидев акулю челюсть, изобрел двуострую пилу. Дедал же позавидовал тому, что ученик превзошел его в изобретательстве и втихомолку убил его, а труп попытался спрятать. Когда его застукали с мешком и спросили, что это он несет, он ответил, что змею. Потом он утверждал, что не соврал сородичам, потому что непослушный ученик поступил как змея, которую он пригнул у себя в доме. Мать ученика от горя повесилась. В результате Дедала выгнали из Афин.

Потом на Крите Дедала обвинили в смерти Главка, младшего сына Миноса. Тогда Дедал попытался сбежать на собственном изобретении – скрепленных воском крыльях. Устройство крыльев Дедал подсмотрел у Киркеи, которая прилетала на Крит со своего острова, но подсмотрел неправильно, и крылья развалились в небе. Дедал обвинил в неудаче жестоких богов и погибшего сына. История Дедала заканчивается его погребением под ветвями дуба, на который прилетела куропатка, душа его умершего ученика или матери ученика, которая повесилась.

Эту неприметную куропатку, в греческом мифе – воплощение неизбежной судьбы, мы можем видеть в правом нижнем углу картины Брейгеля, рядом с ногами тонущего Икара.

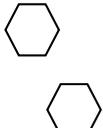
Так-так, кивнула себе Евгения Павловна. Уже и до судьбы дошли, и до куропатки. Этого она не рассказывала. Порадовал – молодец, Степа! Оценка: пятерка.

Солнце било сквозь листву ей в глаза, заслоняя строки сочинений. Она пролистала оставшиеся четыре работы. Ваня Мироносцев увидел в Икаре героя древнегреческой трагедии, пародийно пересказанной художником. Прометеевского типа герой, принесший людям возможность полета, оказался забыт сразу после смерти, вместе с его открытием, которое могло бы изменить человечества. Или не могло, улыбнулась Евгения Павловна, полет-то не удался. Но Ванечка был уверен, что Икара погубило безразличие окружающих, которые даже друг другом не интересуются. Каждый глядит мимо другого,

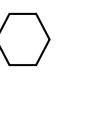

не сопереживая и не сострадая. Пафос ванечкиного сочинения заставил Евгению Павловну улыбнуться. Сквозь кружево листьев до ее лица добирались только осколки солнечного света, и ей было смешно читать о жестокости солнца, сжегшего крылья Икара, о жестокости законов природы, силы притяжения, устройства скелета человека, температуры плавления воска, химических связей между молекулами...

Евгения Павловна протягивает руку за шелковицей, спрятанной между листьев, кладет в рот сладкую ягоду, прикрывает на мгновение глаза и растворяется в полуденной дымке. Альбом непроверенных сочинений, которые явились к ней из незнамо каких воспоминаний и снов, пропадает вместе с нагретыми солнцем ягодами и остывшим чаем, и призрачное бытие Евгении Павловны исчезает с этих страниц.

ГЛАВА 3

Когда он с мамой, ему снова десять. Не больше десяти. Время обросло кольцами лет, распахнулось правами и обязанностями, но когда он с мамой – они исчезают. Когда он с памятью о маме, размер двенадцать дюймов, динамическая, чувствительные возможности ограничены, предоставляется государством без необов. С мамой лучше проводить время с утра. С утра она молодец, а вечером усталая – пристаёт, бормочет, плачет, потом замолкает, закукливается. Тогда он держит ее на руках и тоже молчит.

Он просыпается в пять, поворачивается к кухне за парой бананов. Вся кухня – раковина в углу и стол, покрытый зеленой клеенкой, от угла до угла сажень на полсажени. За подготовительный выходной в городе он не привык к ней, а мама уже освоилась, порхает мотыльком, словно десять лет тут прожила. Он бросает пакетик в кипяток. Запах эвкалипта бьет в ноздри, и он окончательно просыпается.

– Привет!

– Доброе утро! Уроки сделал?

Она тут же отворачивается, и он не успевает ее поцеловать.

– Мам, я иду на работу, помнишь?

Бесполезно поправлять ее, бесполезно просить посмотреть на него. Для нее он – тот же десятилетний мальчик, записанный в основной памяти. Обновления в государственную модификацию не входят, а чтобы перейти на продвинутую, нужны необы.

Нет, слава маклаеву, есть государственная память. До того, как ему ее выписали, было тяжело. Он каждый вечер писал матери длинные письма. Каждый раз, перед тем как пойти спать, он прятался в классе, остальные мальчики уже в спальне, свет горит только над его столом, окна наружу, в темный школьный двор, и в коридоре темно, никого нет. Он писал: «Если кто-то убит мечом, копьем или стрелой, надо спеть о том, кто изготовил это копьё или этот меч, или эту стрелу. Нужно спеть о руке того, кто направил их, о тех, кто вложил в них свое мастерство. Надо спеть о том, что они принесли и что унесли с собой.

Если человека унес холод, нужно выйти из дома раздетым, встать босыми ногами на лед и спеть о холоде. На земле, где люди замерзают, нужно поплыть на корабле на ледяной остров, чтобы стоять там ночь, под зелеными всполохами зарниц, и петь до утра.

Если кто-то умер от жажды и от жары, надо выйти в пустыню, пройти босиком по красному песку, поднять глаза к солнцу и спеть о солнце, о жаре, о песке.

Что же петь тем, кто сам забрал свою жизнь? Кто научил их смерти? Почему ты шагнула навстречу камням? Может быть, мне нужно узнать про эти камни? Откуда прибыли они под наши окна, кто уложил их, кто придал им форму?

Камни добывают в глубине страны, за Голубыми горами, куда ведут рельсы старинной дороги. Камни родились в глубине земли. Когда люди прокладывали дорогу между камнями, они вбивали колья, разводили огонь, рвали скалы на части, мололи их на куски. Камни запомнили боль. Разбуженные, они притягивают к себе другие камни, птиц, тебя.

Небо не так жестоко.

Море не так жестоко. Морю некуда спешить, оно ласкает камни. А земля торопится, сейчас, сейчас, грохочет камнедробилка, в воздухе висят грохот и пыль, всюду серая пыль...».

Он перестал плакать, перестал писать, только когда ему выписали народную память. Слава маклаеву, спасибо учителям, которые помогли ему.

– Что нового в мире? – интересуется мама.

Он запускает виту: пущена в строй новая линия междугородних управлей по маршруту Новоуральск-Нижнегорск. На линии будут трудиться две машины, Иван Поддубный и Алеша Карамазов. Обе машины оснащены новейшими моделями винтовых двигателей, разработанных в конструкторском бюро имени Замятина. Вести управли будут лучшие сотрудники Госвоздухоуправы, завоевавшие это право в рабочем соревновании. Теперь для сотней трудящихся время в пути значительно сократится. А тысячи граждан смогут любоваться полетом управлей по вечернему небу.

Рекордный урожай бананов собрали трудящиеся Заозерья. После прошлогодней засухи земледельцам пришлось постараться, чтобы восстановить посадки и вырастить солнечные грозди. Первые грузоуправли со свежими бананами уже отправились в путь во все города и села нашей родины.

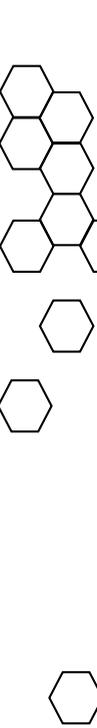
На том свете ожидается извержение мощного вулкана, грозящего гибелью в раскаленной магме половине потустороннего континента. Люди в панике, началось массовое бегство, раскуплены все спички и поплавки. В одной из лавок начался пожар, принятый покупателями за начало извержения, что вызвало нарушение техники безопасности, панику и мародерство. По счастливой случайности, пока обошлось без жертв.

У восточных берегов нашей родины был задержан еще один кит-шпион. Нарушитель пытался выдать себя за обычное животное, мигрирующее вдоль побережья, но был обнаружен по избыточному тепловому излучению и характерному радиосигналу. Специально обученный кит Тимур, за тридцать лет сотрудничества с пограничниками зарекомендовавший себя наилучшим образом, вместе со своей семьей заманил вражеское животное в руки правоохранительных органов, которые и уничтожили шпиона. Губы и другие лакомые куски тела нарушителя, по традиции, достались Тимуру и его команде.

Новый музей искусств и ремесел распахнул двери в Новоронеже. На его стендах представлены работы местных мастеров, включая знаменитые часы полковника Гагарина. Часы, которые взрослый человек может удержать на ладони, показывают не только время, но и музыкальное представление «Победа над солнцем, луной и планетами». Во время представления звучит музыка, а крошечные фигуры движутся на сценической подставке. Посетителями музея уже стали учащиеся местных школ и сотрудники пожарной станции, радовавшиеся выставке как дети.

Минута объявлений. Вы хотите повысить производительность труда, но не решаетесь спросить, как? Задайте вопрос анонимному рабочему помощнику. Мы ответим на ваши вопросы и откроем вам путь в ударники производства. Мы расскажем, как научиться вставать затемно бодрым и веселым, а также посоветуем, какой номер подготовить к концерту самодеятельности. Все советы – лично для вас.

И о культуре: концерт Людмилы Прошкиной состоялся в Новоуральском Большом театре. Народная артистка Югороссии исполнила наши любимые песни:

«Валенки, валенки», «Эх, жара, жара» и другие. Концерт был посвящен успехам тружеников экваториальных областей дальнего севера нашей родины.

Короче, ничего интересного. Он переключился на личности: обновление подписки на милых вомбатов – сделано. Ногомач – да слышали уже, Динамо опять продуло, Нижинский разглагольствует о планах на будущее, о постепенном выходе на результат. Будущее уже настало – кричат ему газетчики, и тебя в нем нет! Снимут его наконец или не снимут? Живчик этот Нижинский, что ни говори. Успехи косметической медицины: искусственные цветы в ваших легких, видны только на фиолетовом снимке, знаете только вы да ваш лечащий врач – ерунда какая! Шахматы: Игорь из Трудогорска сделал неплохой ход, конь подбирается к ферзю. Он задумался над ответом, но спохватился – ведь давал себе слово перестать играть. Нужно иметь волю отказываться от дурных привычек. Бросил, значит бросил. Он выбрасывает шахматы в корзину. Вот, и рука не дрогнула.

– Антон, ты уснул? В школу пора. Идем, я воротник вызвала.

Мама уже собралась, переделалась, накрасилась. В руках у нее карточка от воротника.

– Мам, я иду на работу. Сегодня мой первый день. Полетели, мам.

Воротников давно нет, но маму это не смущает. Они садятся в леталку, припаркованную у выхода с этажа. Он задает адрес, выбирает самую низкую высоту из возможных – пролететь над памятником первому генерал-губернатору, товарищу Николаю Алексеевичу Некрасову, широкой дугой проскользнуть над заливом, облететь вокруг Башни. Ему хочется показать маме город, пусть видит, что они живут теперь в Новоуральске, одном из пяти важнейших городов страны. Взгляду открывается океан до сверкающего утренним золотом горизонта. На земле облака собираются в низины оврагов, как река, текущая к морю. Мама молчит и смотрит сквозь стекло вниз – что она видит? Тот же Мичурин, где они жили десять лет назад?

– Мам, погляди, это – Дом заместника. Правда, красивый? Похож на гробницу, да? Помнишь, ты показывала мне картинки? Ему сто сорок лет, представляешь, какое старое здание!

По тротуару в компании старика, Александра Рудольфовича Несумайко, девяноста два года, проф высшего разряда, идет Милена Харламова, возраст не указан, частичное занятие – журналист.

Матримониальное совпадение – сто процентов. У него вспотели ладони. Золотая поверхность бухты посерела: туча загородила солнце или у него потемнело в глазах. Сто. Процент. Он слышал, что такое случается – сразу, с первого взгляда и на всю жизнь. Но никогда, никогда прежде не сталкивался ни с чем подобным. А Милена болтала с профом, не замечая его, и леталка уносила его с мамой из зоны доступа. Он отправил ей быстрый запрос на знакомство, но она его не подтвердила.

Леталка между тем перешла в скоростной режим – не стоило опаздывать на работу в первый день. Он смотрел вслед девушке, установив болталку в режим ожидания. Через две минуты четырнадцать секунд он будет на месте.

– Пока, мам!

Она потянулась поцеловать его, но в другую, всегда в другую от него сторону, задержалась на пару секунд и исчезла. В тот день отвернулся он, и вот уже девять лет живет без ее поцелуя.

Со служебными необаи все изменится. Скоро, подождать нужно еще немножко. Он подождет.

МИФОЛОГИЯ ТЕЛА

Татьяна ОРБАТОВА

I

* * *

всё дальше пустыня гоби от наших с тобою лун,
всё явственней переходы в подземные миражи.
кружить по оси – привычней, и только мальчишка-гунн
вдруг в генном плену очнётся, и вмиг от скупой межи
(кусочка земли с обличьем забытого нами дня)
помчится на запад шумно. вернётся ли он на юг?
где краскам давно под солнцем приказано не линять,
где чувствам не отозваться на хор... нет, на общий звук –
торговцев и гастарбайтеров, как вестников чёрных зим.
но... впрочем, с тобой придумали мы – чёрные покрова,
для скрытия всеусталости, которой болеет мим,
для совести, выступающей за равные с ним права...

* * *

и когда марсельезу играет нам ветер на крыше,
и когда из морских одиночеств – скользящая манта
колыбельную нам напевает под вечер – мы дышим,
машинально листая в себе философию канта.
но с ладоней деревьев срываются тёплые слёзы
в кистепёрую память, пленённую в соке клепсидры.
до мгновения этого все виноградные лозы
нам казались забытыми в плоскости старой палитры.
до мгновения... рядом зашлись в астматическом кашле,
сигаретную проседь на лбах поправляя – народы.
сколько их в наших клетках – глядят на просторные пашни,
примеряя, как платья, ещё не рожденные хорды.

* * *

звери и птицы бьются под панцирем наших тел,
лапами – на зеро – чтобы услышать нас,
не попирая Азъ и законы небесных дел,
знающих объектив – вписанных в рыбий глаз.
звери и птицы, сколько продлится ваш плен?
сколько вершин достичь нам вместе и врозь?
скольких из вас увидел в себе гуинплен,
скольких не видим мы, проживая вскользь...
в мрачном кругу безволия, в стенах своих квартир
блеклый последыш памяти высушен, но живёт.
слышит – компрачикосы рожают, рожают в мир
каменных истуканов из озера чермных вод.

* * *

дороги, дороги, пути – от покоя до битвы...
начало берут из сердечного ритма и выются
от локона страсти до вязи безмолвной молитвы –
к большим кулакам, что сжимает на площади нунций.
зовут нас к заутрене – кто? голоса безымянны.
но бритва оккама готова к работе, как прежде –
из абрисов тел, отражающих тени в туманы,
срезает слоями ненужное – слишком небрежно.
дороги, дороги... проснутся ли в нас далай-лама,
кричащий во сне инквизитор, седой герменевтик?
срезает, срезает ненужное бритва оккама,
пока золотые телята купаются в нефти...

||

* * *

дни замерзают от ветра, когда их считают.
дни соляными столбами стоят у дорог –
по номерам и по датам. тропинка витая
кажется длинной, и долгим – пожизненный срок.
в гуще туманов – лишь тень фиолетовых крыльев.
гулко стучит по вискам водяной метроном.
хочешь колумбом ты быть? и в далёкой севилье
ты побываешь однажды... в обличье ином.
встретишь в соборе того, кто антверпенской розой
звал чью-то душу, лаская холодный кристалл...
судьбы свои назовёте скучнейшею прозой,
вслух рассуждая: кто больше от жизни устал.

* * *

хочешь ты быть отражением генриха крамера?
тело желанное в огненных струях топить?
женщины тело нагое – в тюремную камеру
бросить, как куклу, срезая бесовскую нить?
плоть истязая, молитву шептать у покойницы
с тонкими пальцами, ранее чувственным ртом?
зная подспудно, что сила божественной вольницы
не в энтропии безумья. но правит фантом –
спит милосердие... разум – в порыве величия,
тени сомнения в полдень исходят «на нет»...
«праведник крамер» карает во имя приличия? –
жертвенной кровью питает свой истинный цвет.

* * *

травы безропотно жухнут по воле Ярила...
ночи – подлунные сводни – знакомят со страхом.
думаешь, где-то лилит на мгновение явила
будущих демонов над человеческим прахом.
и, уменьшая величье космических лоций,
и, умножая без меры количество бедствий,
вдруг забываешь согласие своё с песталоцци,
сердцебиенье снижая лекарственным средством.
яркими снами – в небесных полях персеиды,
но алфавит их писаний тебе не по силам.
молвишь: «за что?», проклиная лихие планиды,
с тайной надеждой на чёрта и... божию милость.

* * *

пляшет махаон над уснувшей троей,
жёлтый, чёрный цвет в красной бузине...
веришь или нет – смерть тебя не тронет?
видишь или нет – кровь свою в вине?
порохом войны щели конопатят –
в замках и дворцах. молкнут небеси.
слышишь шёпот, там... в самой бедной хате:
«Матерь Божия, сыновей спаси...»?
слышишь, как скрипит мир седой, но зыбкий,
ветру дань свою выплатив сполна?
дни несут в рассвет прошлого ошибки
с привкусом земли, свежего вина...

III

* * *

... и только робкий взгляд со дна первооснов –
из створок бытия, улиточной одежды,
скользнёт по облакам. над чашами весов
оформится в мечту, но... обнулится – между
золою и огнём. лишь памяти глагол –
любить! тебя любить, как встарь, и не иначе,
спешит из сердца ввысь – в заоблачный подол,
туда, где вёсны все, несбыточные, плачут
капелью давних снов, в которых нам с тобой
дано с избытком встреч и нежности избытком.
с беспомысленства, с нуля – безмолвною рабой
иду на голос твой. но холодно и зыбко...

* * *

колюч терновник, острые шипы –
табу для смертных или блажь природы?
безвинные свидетели волшбы,
скрепившей одиночества на годы?
я – не изольда, но... к тебе иду,
ты – не тристан, но голос полон страсти.
так птицы устремляются к гнезду,
когда один закон над ними властен –
экстаз. он предрекает долгий путь,
но, может быть, короткий, быстротечный.
в миг сладости – где праведная суть?
где снадобье, которым страсть залечат?

* * *

был светлым день. на вспаханное поле
из клюва птицы выпало зерно.
но ты молчал. ты – в лунном ореоле
искал всех бед злосчастное звено.
клинком трофейным – вёл по изголовью,
где след от нашей встречи не остыл,
хранитель твой с великою любовью
в который раз гасил безумный пыл...
но ветер бездны, чёрный и спесивый,
из тонких стрел неверия и лжи,
по капле – в кровь твою, несуетливо,
всегда вливал ночные миражи.

* * *

из сотен дорог, где могли бы мы встретиться снова,
из разных сюжетов – наивных, банальных и вечных,
ты выбрал ущелье, где меркнет от слабости слово,
где гаснут лампы и не загораются свечи.
я слышала крик твой, звенящий от злого бессилья,
свинцовые осы садились на плечи и темя ...
и голос – другой, в вышине: «...и в далёкой севилье
ты будешь однажды ...но вовсе не здесь и не с теми...».
а после – кружил хоровод умирающих вёсен.
сезонная пыль и туманы, дожди, снегопады...
одно неизменно – над тёмными пиками сосен
любовью светилась моя огневая лампада.

IV*** * ***

...это вселенский клевер ищет земной воды,
смешанной с лепестками памяти человеческой.
выйдешь, дитя, из лона – в мареве лебеды
колос ржаной и тёплый лунным мечом засвечен.
выйдешь... где сильный предок, боль суеты изжив,
стал отраженьем мифа на рукавах столетий.
хрупкое сердце бьётся – сколько в нём скрыто лжи...
или за ложь и правду мифы давно в ответе?
в узких ладонях века – жизнью людских не счесть.
входи в телесный омут жидкости, соль, металлы,
но... если сердцу больно, значит, ты точно есть,
сколько бы снов не видел ты – о цветах валгалмы.

*** * ***

чтобы от боли зажглись в небесах иммортели,
целился вольный стрелок в синеоблачный остров.
стрелы летели на солнечный свет, и летели.
блики янтарной степи – в наконечниках острых...
было ли, не было... знает колчан опустевший.
но, где хранится колчан, неизвестно поныне.
только сквозь время, в душе, может быть, обрусевшей,
бьющейся птицей затравленной, в чьём-нибудь сыне,
давняя память начертит мишень-недотрогу
в непостижимом умом перелётном пространстве...
и мальчуган, жёлтой краской рисуя дорогу,
скажет: бессмертники всюду, где есть постоянство...

*** * ***

беззвучная царила пустота
на расстоянье в тысячи парсеков,
глотаю сон с немого листа,
но собираю числа по сусекам –
в единый слог... на плоскости монет
не увидеть первоначальных формул,
где равновесны атом – и ранет...
где братьев обнуляют – каин... ромул...
не просчитать, насколько заряжён
один обол и квант души харона,
когда шестёрка лезет на рожон,
нацелясь на имперскую корону,

как много дней заложено в реестр
болезней, страха и хмельной тревоги...
в культурный слой давно впечатан крест
природных истин и – духовный подвиг.
тук-тук... долбят дожди в земную плешь.
число дождинок, кратное сюжетам.
их суть – вино девических надежд,
химерный дух – на городских манжетах,
и сотни правд на лезвии войны,
сыновий хор, подобный камнепаду,
и женщины... рождающие сны,
где боль любви сжигается в лампадах.

УЛИЧНЫЙ ДИРИЖЁР

Анна ПРОТАСОВА

* * *

как выйдешь на шаткий мостик оденешь на лоб повязку
 раскланяешься с бандитом покосишься на икарус
 и слов-то уже не вспомнить не то чтобы стих и сказку
 направо посмотришь детство налево посмотришь старость

а дальше река Немышля сплошные мальки да тина
 оборванная тарзанка зелёный песок под пяткой
 больницы дома культуры эмблемы из паутины
 завхозы в плащах и куртках танцующие утята

а дальше Бавария-Нова убогие трёхэтажки
 засохшие акварели не начатые тетради
 избушка на курьих ножках парнишка в цветной рубашке
 дворы огороды погреб фамилии на ограде

а дальше завод турбинный строенья начала века
 но впору остановиться ничто под мостом не ново
 хожу с фонарём по парку как будто ищу человека
 смеётся начало века не спрашиваю какого

* * *

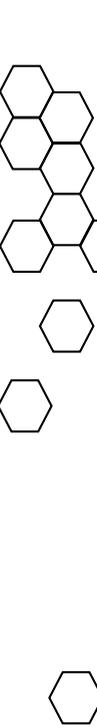
на торезском полигоне ни души
 если хочешь перед смертью подыши

вот девчушка с телефоном в рюкзаке
 нержавеющий браслетик на руке

вот профессор он седой не по годам
 не вернётся бедолага в амстердам

строгий дядя проверяет паспорта
 в чёрной прорези гнездится пустота

диким полем обернулся полигон
 пассажиры оказались без имён

* * *

он говорил
 совсем разрушен
но как-то гордо без слезы
мы снова будем жить на суше
чужой угадывать язык

 делить на слоги и на строки
 узор разглядывать сквозь лёд
 взойдут убогие постройки
 трава сквозь камень прорастёт

набухнут под коростой вены
 созреет новое вино
 промолвит голос довоенный
 сними шинель взгляни на дно

стань пеплом во взрывной воронке
сойди с порезом на руке
на незнакомой остановке
со словарями в рюкзаке

* * *

Снаружи холоднее, чем внутри.
Едва остепенившись, я на три
экзамен сдам и письменный, и устный.
Сосед соринки вытянет из глаз.
И я ему шепну, что родилась
в каком-то невозможном захолустье;

Что помню жизнь как утренний подъём,
как первого конспекта окоём,
как слоган в опостылевшей рекламе.
Куда-то убегает объектив.
Лежит сосед, затылок обхватив
шершавыми, что твой наждак, руками.

Шумит на кухне незакрытый кран.
Стоит пустой театр Батаклан.
Ещё немного – и начнётся действие.
Покуда в зале не погасят свет,
мы сохраняем память, как скелет,
и номерок в кармане – чтоб одеться.

* * *

комната не сгорела птичка не умерла
 выглянешь из подвала света хоть отбавляй
 сгорбленные пейзажи кладбище у двора
 плачет на остановке глупая Лореляй

палочку поднимает уличный дирижёр
 здесь тебе не Тангейзер и котелок сними
 вытащи бутоньерку вспомни куда пришёл
 бредит под одеялом уличная Мими

тёмные коридоры длинные номера
 тронется эскалатор не отыскать перил
 комната не сгорела птичка не умерла
 город куда прибуду может быть не Берлин

* * *

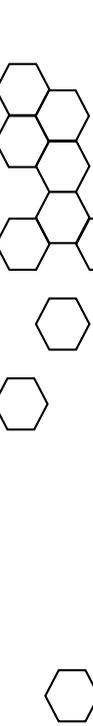
швейцарские поселения синева
 озера сонная голова
 запах кофейных зёрен зелёный дым
 сколько б не прожил выглядишь молодым

старинное расписание Невшатель
 провод розетка брошенная постель
 если чего не долечил – лечи
 будешь съезжать Марте оставь ключи

аллея красная лавка кусок горы
 тянет сказать я из такой дыры
 но каменеет голос бегут слова
 швейцарские поселения синева

* * *

как мало в книге понять дано
 видать не книга она палёнка
 и то что пишет Господь на плёнку
 всего лишь горький экстракт кино
 кино где норму произвели
 час дня объявлена пересменка

а он сидит за кирпичной стенкой
добыв монеты из-под земли
какой-то хлам дармовой жетон
клочок газеты засохший пряник
ключи брелок но скажите прямо
кому он нужен в своём пальто
больной небритый спина дугой
как будто кто поменял местами
творца и тварь покурить оставим
я в землю лягу придёт другой

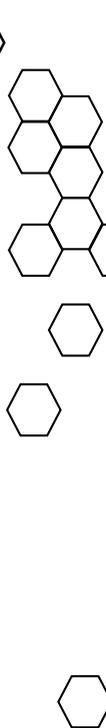
ОСЕННИЙ ЛЕС**Андрей ГРЯЗОВ**

Я буду, как и ты, и нем, и разговорчив,
Открытый всем ветрам, с колючей головой,
Я буду, как и ты, покрыт осенней порчей,
И тленье выдыхать прогнившею листвою.
С аортою срассу стволы твоих деревьев,
Замкну дугой дождя, концы пустив под гать,
Не сок, не кровь, не спирт путем всея артерий,
Не гниль и не труху, мы будем время гнать...
От корневищ причин, до следствий почерневших,
Где густота земли сгибает в рог луну,
И где бредет один, столетья, тот же леший
И ловит на червей речную тишину...

Где под землей горят кострами перегноя,
Те, коих тьмы и тьмы и тьмой их век зашит.
И, где не плот, но флот адмиралтейства Ноя,
Последних тварей счет, никак не завершит.
Где стала боль водой, и только в отраженье
Стареющей воды ещё просвет небес...
Но кровоточит день и красное виденье
Исчезнет под водой, а с ним осенний лес.

* * *

Когда дыханием моим горит травинка леса,
И камень высится во мне девятым валуном,
Лишаюсь имени тогда, лишаюсь плоти, веса,
Лишаюсь запаха, себя... и сплю бесцветным сном.
Так было кажется давно, забытая терраса.
И кто-то впереди стоит, а кто-то за спиной.
И чей-то голос надо мной: «а ну-ка вон из класса!».
И я иду, и я бегу, и класс бежит за мной.
В забытый лес... в забытый миг... и падаю внезапно...
Вдруг зацепился я ногой за корень на тропе,
Но я лечу не вниз, в траву, я падаю обратно,
Чтоб вновь вернуться в новый день и стать своим в толпе.
И вновь понять, о чем шептал и с кем играл я в прятки,
Кого спасал, кого бросал, кому кричал: «спаси!»
И снова нет – меня, тебя, и снова без оглядки,
Бегу из жизни, в чью-то жизнь, сжимая сон в горсти.

* * *

Вечность ветрено уносит
Миг, как крошку пирога,
Вечность тихо годы косит,
Собирая их в стога.
Тяжелы и невесомы,
По порядку, в аккурат...
Время – сена и соломы,
Караван круглых дат.

* * *

Где-то в небе
Бродят звёзды.
Где-то рядом
Бродят люди.
И собаки бродят тоже,
И бездомные коты.
И поэтому, должно быть,
Объяснение всяких судеб
И событий всевозможных
Есть обычное брожение
И земли, и всей вселенной,
Света, звука и воды.

* * *

Мне было скучно, а верней никак.
Хотелось знать, что есть на свете много
Каких-то дел,
Хотелось верить в Бога.
Но не умел.
Подумаешь, пустяк...

Мне было ясно: здесь я не найду
Добра и зла логичную трактовку,
И, взяв из кучи хлама заготовку,
Клепал для неба новую звезду.

* * *

И дыма нет без Отечества,
Но кто остается в нём?..
Снова ищу человечества
Днем с октябрьским огнем.

И нету порочней пророчества.
Осенний плащ невесом...
Откроешь дверь – одиночество
Смотрит преданным псом...

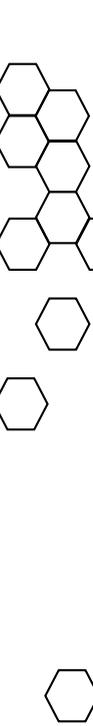
* * *

На Братиславской листья задрожат
На ветках яблонь, кленов и осин,
Как детская ручонка миг разжат,
И год очищен, словно апельсин.
Я подхожу, кошачий двор молчит,
Там на восьмом, все реже «Happiness».
Я подберу скрипичные ключи
От светлых душ стареющих готесс.
И код замка и шифр внутри стиха,
Услышу, как мелодия проста...
И кода Винчи будет затихать
Поэмой Листа сыгранной с листа...

* * *

Уткнемся лбами в руки наших женщин,
Украл страну какой-то странный вор,
Я думал – мало нас, но нас намного меньше,
И с каждым годом неестественней отбор.

Уходим тихо, кто куда, по свету,
Очаг остыл, развеяна зола,
Я думал мало нас, но нас почти что нету...
На добрые дела нам не хватило зла.

* * *

Е. Ш.

Ты мой рыжий листочек осенний,
Олененок летящий, воздушный,
Словно призрачный шанс на спасенье
Разыскать мою беглую душу.
Я не знаю, в толпе длинноногой,
Или может меж лавочек в сквере,
Бродят души людские, как боги,
Или плачут, как сестры по вере.
Пролетая от сердца так близко,
Ты послушай нас всех непослушных,
Ты лети надо мной, рыжий листик,
Ты ищи, и спасай нас, бездушных.

* * *

кто поставил садок на мелочь
ариадниных мотылей,
кто по черному мазал мелом
легче фунтов и дальше лей,
кто искал непонятого смысла
для крючка не жалея слов,
и забросил за линию жизни
свой тяжелый посмертный улов

В ПОЕЗДЕ

Игорю Павлюку

ты не думай, что плоть и плоть
это небо в горсти земли,
так меня надломил господь,
словно честно хотел поделить.

и не ясно, зачем любить,
если в чьей-то двоюсь судьбе
и не ясно, зачем мне быть
половиной себя в себе.
я прошу: «ты меня не сдай
отпечатком на серебре»,
я прошу: «мне себя отдай,
а потом, забирай себе».

ДУЕТ

Давно не кроет. Просто очень мглисто.
 Котенком жизнь свернулась у окна.
 И мягкими руками пианиста
 Играет ночь, покой и тишина.
 Что делать мне? Кровать плывет, как лодка
 Туда, где сны забрались в камыши...
 Где плавает из-под бутылки водка,
 Как продолженье пролитой души...
 Зачем я здесь? Скажи, моя подушка,
 Полжизни быть придатком к голове...
 А где-то там сверчит моя подружка
 В дуэте с пианистом в трын-траве.

* * *

Когда в твоих глазах свет утренний я вижу,
 Смиреньем, тишиной, молитвою Отцу,
 Чем отдаленней ты, тем ласковей и ближе,
 И быстрый взгляд, как нить ответчика – истцу.
 Я чувствую в груди зажатый выкрик птицы,
 И пыль моих дорог и щек твоих пыльцу...
 И входит сон в меня и жизнь тобою длится.
 И вижу, как любовь идет тебе к лицу.

* * *

Н.К.

1.

Собеседник мой дождь, все идешь и не сделал ни шага,
 Наспех строчишь верлибра ночного косые штрихи,
 Я на кухне один, я смотрю, как чернеет бумага,
 А на ней все белей и белей проступают стихи...
 Я смотрю из окна: сколько капель над миром повисших.
 Дождь мне делает знак, дождь мне хочет о чем-то сказать...
 И сквозь тьму ощущаю я влажные спелые вишни
 И сквозь мокрые ветки зеленые вижу глаза...

2.

Мы уходим, мы ищем друг друга по белому свету,
 Днем и ночью с пылающим в мозге безумным огнем,

Новый день докурив, как бессмысленную сигарету,
Мы с глазами открытыми, в прошлое глядя, уснем.
Кто-то тихо опуститься с черного неба в алмазах,
Постоит у кровати и, тихо поправит постель.
И подумает что-то о судьбах похожих и разных
Этих добрых и злых, одиноких и старых детей.

ДЖАЗ

Любое слово,
После первой буквы,
Уже готово –
Свёклой стать и брюквой.
Абракадаброй,
Или просто матом,
Прыщом, подагрой,
Дулом автомата.
Молчаньем, криком,
Лаской дикобраза...
Любой заика –
Это – Мастер Джаза.

* * *

Я тебя провожаю и осень.
Ты уходишь листвою шурша.
И темнеет вечерняя просить
И стареет так сразу душа.
Взгляд туманит исчерченность веток,
В легком взмахе повисла рука.
Лишь на пальцах пульсирует слепок
Тонкой, трепетной жилки с виска...

ВОЗВРАЩЕНИЕ

А. Тарковскому

Я возвращаюсь – здесь светло и осень.
Я возвращаюсь – память здесь спокойна.
Колося ностальгии ветер косит,
И тихо бредит старым колокольня.

Как гулко в небе – даже сердце громко.
Как гулко в сердце – даже листья слышно.
И всё вокруг – волнение ребёнка,
Я здесь – и значит, что-то вышло.

* * *

Сказавший слово –
Солгал единожды.
Написавший слово –
Солгал столько раз,
Сколько раз его прочитают.

СТАРУХА

Вдоль высокой и ржавой ограды
И ворот на огромном замке,
Вдоль пустой отсыревшей эстрады
Шла старуха с авоськой в руке.
Осень листья кругом разбросала,
Поднимала с земли и мела,
И старуха по листьям устало,
Как по прожитой жизни, брела...
Осень листья и пыль завертела
И застыл над землей силуэт...
Отстраняясь, старуха глядела
И шептала, – чего тебе, дед?..

* * *

Какую он мысль вынашивает,
Не может – ни лечь, ни сесть,
Все нервно кого-то спрашивает:
«Скажите, зачем я здесь ?..»
Он бегаёт по отделению,
Отказываясь поесть,
И спрашивает в смятении:
«Скажите, зачем я здесь?..»
Что с психа возьмешь больничного?
И каждый ему: «Не лезь!»
О благополучие личное,
А если... «Зачем я здесь?!»

ОФГ

И жил-был серенький ослик
По имени Форест Гамп.
И он превратился после
В поэта, жующего ямб.
Рифма – такая уздечка,
И прямо скажем, узда –
Ослика и человечка
Ведёт неизвестно куда.
На ослике – дети и хворост,
Жена, да и прочий хлам;
Идёт, не зная, что Форест,
Везёт, не зная, что Гамп.
...И очень странное – после...
Упрямый, ленивый ямб.
И умер от смерти ослик.
И умер от жизни Гамп.

ДЕЛЬФИНЫ

Плавники, хвосты и спины,
Пены, брызги, и раздолье,
Траектория дельфина:
Море – небо, небо – море,
Траектория дыханья:
Выдох – в волнах, вдох – на ветре,
Словно сквозь две тонких ткани
Он намётывает петли...
Чтобы двум стихиям слиться
Неразрывной светлой глыбой, –
Вверх взлетает рыбо-птицей,
Опускаясь птице-рыбой...
Он – все выпавшие звенья
Заполняет в мире сущем,
Траектория мгновенья –
Между прошлым и грядущим.
Тайный знак перворожденья
Плавником прочертит резко –
Символ жизни, притяженья –
Звёзд морских
И звёзд небесных.

СТАЯ

Игорю Крюкову

1.

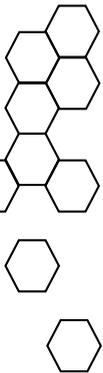
Я отбился от рук, что хотели любви и корысти,
 И прямая – есть круг, я отбился от замкнутой жизни,
 От чужого «Пора», от чужого «Ура!» и «Не надо»,
 Я отбился с утра от похмелья Великого Стада...
 И слежу за игрой равнодушно, а, может, устало –
 Не игрок, не герой – пьесы, ради простого финала.
 Но смотрю сквозь траву,
 И дождя синеву;
 Я отбился от стаи...
 Для которой живу,
 От которой живу,
 Книгу жизни верстая...

2.

Нет ни пут, ни пути. Есть беспутная проЗябь сознания
 От всегда до сейчас, до вчерашнего сёстро-братанья.
 Где весь мир разминован, согласно своей пятилетке,
 По линейке ходили и плакали в крохотной клетке.
 Но в своих записных, на полях, оставляли заметки:
 Как пылали, дрожали весной на каштановой ветке,
 Как любили и жили в малиновых красках и звонах,
 И к Отчизне любовь измеряли в осенних ньютонах.
 А потом ничего...
 А потом только памяти снасти...
 На себя,
 На живца,
 Ловим миг
 Ускользнувшего счастья...

* * *

Бумаги гладь – прозрачность и бездонность,
 От буквы первой плавные круги,
 И сразу видишь слова обречённость,
 И сразу слышишь тихое: “Не лги”.
 Бумага стерпит, это всем известно –
 И страсть твою, и скуку, и грехи...
 Набухнут и поднимутся, как тесто
 Под крышкой жизни зревшие стихи.
 Но главное всегда не на бумаге,
 И вряд ли в ограниченном уме –

Путем зерна прошедшие и браги,
По свету, на свету или во тьме...
Всего-то связка слов, сцепленье звуков –
Но дрожь и мука, боль и благодать.
Со дна листа проступят, выйдут буквы...
Качнув слегка, смутив бумаги гладь.

* * *

Катерине Квитницкой

Девочке Кате снится
Где-то в конце февраля
Боткинская больница,
Небо и тополя...
Снится глазастая птица
С чёрным оттенком пера...
Ох, как тебе залетится
Дальше серёдки Днепра...

Родинкой будешь светиться
В чьей-то молочной душе...
Болдинская больница.
Мир в неглиже.

Мерзнут стихи под халатом,
Ямбочки на щеках,
Простыни по палатам –
Книга – о чистых листах...
В мире иного прозренья,
Где ни черта, ни черты –
Ты проглядела зренья
Чуть не до слепоты...

Девочке Кате снится,
Где-то в конце февраля,
Болдинская больница
Небо и тополя...

* * *

Я на собственном ложе – Прокруст.
Отмеряю по горло пророчества.
Реки всех человеческих чувств
Попадут в океан одиночества.

Что случится ещё на веку?
 Поезд Киев минует, Загоричи...
 В бочку меда я дегтем стеку,
 Задыхаясь от счастья и горечи...

* * *

Молчит кальяна черный сакс.
 Сейчас – и есть – потом.
 Синкопы тянет черных глаз
 Луна беззубым ртом.
 В созвездье нот, как прежде семь.
 Изгибы в форме Ч.
 И может стать молчанье всем,
 А музыка ничем.

* * *

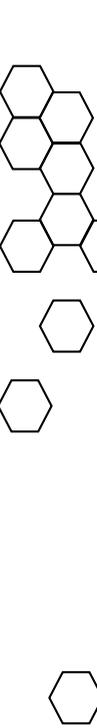
Губами я возьму твой влажный стих,
 И языком почувствую упругость
 Всех слов, ещё не сказанных, твоих,
 Теснящих и сжимающих друг друга
 Подобием мальков, когда река
 От нереста вскипает, рвет и мечет,
 И где-то в глубине два языка
 Становятся одною частью речи.

* * *

*Малютка жизнь, дыши...
 А.А.Тарковский*

Малютка – жизнь, скажи, зачем, скажи,
 Ещё в пеленках точишь ты ножи?..
 В чужую жизнь вгрызаешься легко
 И на губах и кровь, и молоко...
 Ещё до жизни, как в черновике,
 Что жжется в материнском молоке?
 Чертополох, крапива, белена,
 Прыщавая вселенская вина...

Подружка-жизнь, смотрю в глаза твои –
 Слезой твоей стекает яд любви...
 И линии читаю по руке,
 И вижу их прощальное пике...

И, замирая, слышу голос твой,
Как он становится молчаньем и травой.

Старушка-жизнь, нелепая судьба
Горбатишься, горбатишься, горба...
Ты запоешь, а после замолчишь,
Мой крематорий, сплин мой, ранний чиж...
Кто спутник твой? Кто? Вечный жид и жлоб?
Все наши стрелки загоняет в гроб.
А ты твердишь – держись! Кричишь – держи!
Я жизнь твою! Я – жизнь, я жи... я жи...

ГЛУБОЧИЦА

Под желтым зонтом не смогу я укрыться надолго
От света и шума вчерашних зеленых дождей,
От красных трамваев, плывущих к истокам Подола,
Чтоб вмиг разметать икхроногие стайки людей...
От света ночей и какого-то вечного свиста
Промежду дверей, где живет то ли брат, то ли друг,
Спешащий на азбуку Морзе направленных систол
Из стенок сердечных, несущих и боль, и испуг.
Когда, прозревая, ты смотришь на прошлое, раня
Не только себя, но любого, с кем обща броня;
Когда к изголовью приблизится тихо Нафаня
И скажет: «...Эх, Кузя, зачем ты не слушал меня!..»
...Навряд ли укрыться от лепета липких снежинок,
Летающих на завтра, на хрупкий обветренный лед,
На зов тишины, в мир расколотых детских пластинок,
На зов пустоты, где никто никого не зовет...

Под желтым зонтом я дойду до Днепровского мола,
И сменит избыток – убыток расхристанных дней.
В трамвае Иова я сам уплыву в глуть Подола
И стану еще – на утрату – больней и сильней...

* * *

Всё те же переулки,
Всё тот же лай собачий.
И шаг здесь самый гулкий,
И вечно кто-то плачет.

День не удался. Душно!
Все что ни есть – морока.
И жить без Черта скучно,
Без Бога – одиноко...

* * *

Нет совершеннее обмана,
Чем молча участь выжидать,
Да из дырявого кармана
Кому – то милостыню дать.

Пройтись налево и направо,
Ещё выпячивая грудь...
Ты не Исус и не Варрава,
Тебе ни сдохнуть, ни вздохнуть...

РОДИНА

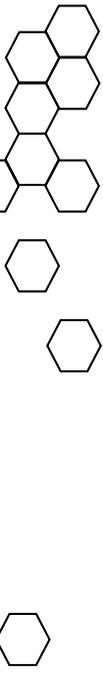
Неисчерпаемое чудо –
Всё “нет”, и всё сплошное – “да”.
Необъяснимое – откуда,
Необъяснимое – куда.

Страна, великая до чванства,
Страна с протянутой рукой.
Необъяснимое пространство
С необъяснимой тоской...

* * *

Я не читал, но я люблю Басё.
С тебя начнусь, тобой закончусь. Всё.

Юлія ЄМЕЦЬ-ДОБРОНОСОВА

ВЕРХНЯ ПОВІКА ВІЙНИ

*Червень 2014 року – серпень 2015 року,
Київ – Слов'янськ – Київ – Слов'янськ*

ПІСОК У СЕРЦІ

Пісок у серці перли не народить,
судоми неба,
у слідах вода.
Жовток страху
торкнеться піднебіння,
злетить до неба крихтами
твій голос –
пісок у серці не народить сонця.

МІСТ

Дотягнутися поглядом до мосту,
утворити міст погляду.
І мовчати – мости розкачати.
І вода стане навшпиньки,
перетворить міст на гойдалку.

ЦАРІ МОВЧАННЯ

Царі мовчання
відійшли у сни,
засипали криниці балачками.
Тендітних ранків голови
порожні.
Царів мовчання репані підшви,
думок гарячих ланцюжки міцні
по літа жовтих снах біжать, танцюють.

ЗОЛОТО БУР'ЯНІВ

Золото бур'янів
вітер збирає в сухі долоні,
і скляне повітря
обережно його тримає.
Видноколу сива волосина
лоскоче щоку степу.

Клаптики сонця,
сповнюють простір довкола,
клаптики сонця кружляють по колу.
Ковдри не буде до ночі ні для кого.
Хортицькі метелики
зшивають пісок і каміння,
зацукровані очі дітей
слідкують за ними.
Поклади солі у наших серцях
і золото бур'янів –
до видноколу.

ДІАМАНТИ

Діамантові підбори,
діамантові копита –
підбери собі обличчя,
збережи на картах літо.
Діаманти ріжуть сонце,
діаманти ріжуть вітер,
витри сонце з видноколу,
витри серце з карти серця.
Діамантові подвір'я,
Діаманти – всім по вірі.
Діаманти, слина, вирва.
Діаманти, сонце, вирій.

ВЕРХНЯ ПОВІКА ВІЙНИ

Верхня повіка війни
зберігає слова і пісок,
слова і пісок,
пісок і повітря,
вітер і мовчання.
Кишеня порожня
тримає міцно
долоню.
Зростає небо у вухах,
зростає небо на губах,
кишеня зубаста
кусає за пальці.
Щока до скла –
і профіль вітру цілить в око.
Але верхня повіка війни сталава,
верхня повіка війни кришталева,

верхня повіка війни голомоза
міцно хапає все, що на шляху трапиться.
Вії сиплються до грудей кошиків,
і росте тростина жовта
під верхньою повікою війни.
Вікно обростає кроками,
кроків рветься намисто,
і міста місцями стають
опівночі.

ПУСТЕЛЯ НЕБА

Пустеля неба чи пустеля сну ?
Розкришиться сердечний ритм у грудях.
Чекання стигле гепнеться додолу,
І поле зору не відпустить обрій,
Відколи сипле снігом з полину.
Пустеля яблука, пустеля-пустоцвіт.
Розтринькаєш останній подих вранці,
збереш обійми – оберемок щастя,
гниле чекання горнеться до ніг.
Відколи сипле снігом з полину.

ПЛАЦКАРТНИЙ РЕГІТ

Плацкартний регіт,
срібні рейки,
мідна куля
замість серця.
Плацкартний регіт,
мідні пальці,
сиве пасмо
замість серця.
Плацкартний регіт,
білі рейки,
білі плями
замість серця.

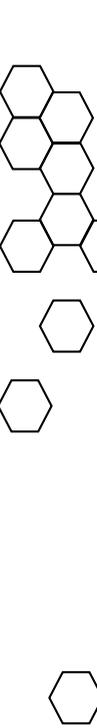
СПОГАД. ВЕСЕЛКА. СПОГАД.

Спогад. Веселка. Спогад.
Сонце. Обійми. Вітер.
Світло. Долоня. Води.
Букви. Цукерки. Цифри.

Пагорби. Дні. Хвилини.
Глина. Гора. Озера.
Спогад. Веселка. Спогад.
Листя. Мороз. Порожнеча.
Світло. Відсутність світла.
Лід. Забуття. Води.
Сходи. Веселка. Сходи.
Спека. Веселка. Спогад.
Люди. Тварини. Голос.
Люди. Рослини. Тиша.
Серце. Веселка. Вишні.
Крапля. Дощі. Колії.
Крапка. Ріка. Втома.
Вдома. Трава. Відстань.
Кров. Молоко. Срібло.
Спогад. Веселка. Спогад.
Спогад. Війна. Відстань.
Місто. Відсутність. Голос.
Сонце. Дерева. Вибух.
Спогад. Веселка. Тиша.

ПОДУШКА

Котилася подушка,
реп'ярами набита,
минала попіл у слідах,
сліди у попелі,
минала міст похмільні видноколи,
минала площі, фонтани, мости,
минала полинові стіни,
полинові сні і полинові ігри.
Котилася подушка,
реп'ярами набита,
сміялася подушка,
збирала цукор,
розсипаний по асфальту.
Котилася подушка,
реп'ярами набита,
стрибала подушка на денці літа,
вивчала подушка
полинову мову,
співала подушка
зимових пісень,
губила подушка
реп'яхи дорогою,
щоб повернулися
вони додому.

Стрибала подушка
з мосту у ріку,
плавала подушка собі на втіху,
котилася подушка,
реп'яхами набита.

ВІДЛЕТЯТЬ ШОВКОВИЦІ У ВИРІЙ

Відлетять шовковиці у вирій,
заберуть всі кольори, слова.
Повняться сліди вогнем шовковим.
Відлетять шовковиці у вирій,
крилами знесуть дахи будинків.
Повняться сліди смаком солодким.
Відлетять шовковиці у вирій,
кинуть тіні снів в води темні.
Повняться сліди пекучим медом.
Відлетять шовковиці у вирій,
Плямами на п'ятах відгукнуться.
Повняться сліди солоним прокиданням.

ЧАП-ЧАП

Хтось із гармат гатить
по сонячних струнах –
чап-чап – без руди-м'яти.
Хтось кришталеві завіси
у грудях кришить –
чап-чап – без руди-м'яти.
Хтось сонце гаряче
перетворює на бубон –
чап-чап – без руди-м'яти.
Хтось бубон стискає,
слухає, губить –
чап-чап – без руди-м'яти.

* * *

Помальовано стежками піщану шкіру
острова,
помережано стежками небо,
тільки глиняних сердець поверхня
стежки не втримає.
Вчися коників ліпити з повітря,
вчися думкам вкорочувати віку,
вивчай синтаксис рік складний.

БЕЗСМЕРТЯ

Коли садові равлики
зітруть лінії на твоїх долонях,
коли ластівки заберуть наші турботи
за африканський обрій,
залишиться тільки маленький цвіркун у серці
і пісок під п'ятами, од дороги п'яними.

28 ОБЛИЧ РІКИ

*Листопад 2013 року – березень 2014 року,
Київ*

1

Погляд ріки прозорий,
доки ріка переходить
убрід ріку.

2

Серце ріки –
кровообіг світанку.
Серце ріки –
кровообіг сутінків,
Тріщина вічності – берег.

3

Ріка вранці стукає у вікна –
тремтять літери її імени
на крилах птахів.

4

Смійся – ріка підхопить звуки,
оближе губи,
розтрощить паркани повітря.

5

Ріку на ймення вголос не клич,
вона не відгукнеться,
доки світло стрибає
по краю її уст.

6

Ріку у грудях
вітер підганяє,
і колесо сонне
кружляє,
танцює.

7

День народження ріки
проходить непомітно,
не чути галасу,
не побачиш фесрверків.
Ріка народжується
зненацька.

8

Ріка у профіль,
ріка навпроти,
ріка за руку веде дитину,
у спину лагідно
її штовхає погляд.

9

Торік ріка зривала
яблука з дерев,
зривала зорі з неба,
вкладала світло
всередину плодів
і повертала їх назад на гілки.

10

Мідний полумисок дня
гарячий,
і дно віддаляється,
ріка віддаляється,
світ віддаляється.

11

Ріці під стелею
соромно,
соромно,
соромно,

тому і мовчить цілу ніч.
А ріка у годиннику
згорнулася в клубочок
під боком у міста.

12

Обручки мостів –
колекція заручин.
Ріка збирає
Наречених в одному місці,
але не обирає жоден з берегів.

13

Ріка дрімає у горішку волоському,
дно човна прозоре над нею.
Ріка позіхає солодко,
сом-сон її –
син ріки.

14

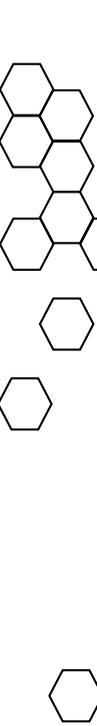
Ріка шукає скарби
у відбитках наших підошов,
і я вірю, що їй пощастить.
Ріка шукає скарби
у відбитках наших мрій,
і я гадаю, то даремна справа.

15

Вологе дихання ріки –
і слід стає кроком,
крок – кров'ю,
кров формує берег.
А ріка біжить далі.
вмикає літо на карті неба,
і квітне вода,
наповнює глечики світлом.

16

Ріка відкриває двері з ноги,
стоїть, усміхається.
Ріка прослизає у замкову шпарину,
тікає так,

ніби у неї не язик за зубами, а тиша.
Назбирай мені листя до столу,
Назбирай мені листя до танцю,
І ріка постукає у двері.

17

Ріка мовчатиме,
доки не надщербиться врода твоя,
коли ти усміхнешся.
Ріки мосї відстані шовкові
складають вікна до вікон,
двері до дверей.
Ріка мовчки руйнує замки.

18

А вже всі риби
сидять по хатах,
А вже всі риби
мовчать і дивляться,
як ріка стрибає над їхніми головами.

19

Ріка міркує про те,
що саме значить «їх немає»,
яке застрягло у думках людей,
А шлях зеро до зеро
короткий, мов пам'ять.

20

Велика ромська родина
живе у криниці,
в якій вмивається ріка.
І щоранку відра повняться водою,
що перетворюється на хустки,
тільки-но її торкнешся.

21

Пташині гнізда
у долонях ріки.
Сіль у серці ріка
вирощує,

тримає міцно сніг солоний,
сповнює собою простір.
І намір ріки
чіткий і прозорий.

22

Ріка ночує в колодязях,
гостює у зморшках,
відпочиває у роялі,
доки пальці не починають лоскотати її,
доки звуки не торкнулися її чутливих колін.

23

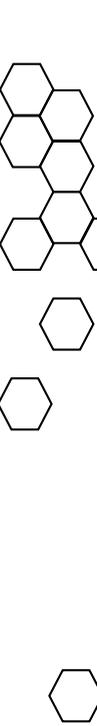
Ріка приміряє корону золотих островів
і дивиться на себе,
піднімає голову до неба.
Корона розчиняється в повітрі,
швидше, ніж цукор
у наших кишнях.

24

Ріка з'їдає зір,
ковтає слух,
пережовує дотик –
і повертає зір.
Ріка прикусила язика і чекає,
доки ми нарешті
на берег втоми
вийдемо.

25

У ріки два береги,
три береги,
п'ять берегів.
У берегів одна ріка.
У ріки сто два береги,
триста два береги,
п'ятсот берегів,
У берегів одна ріка.

26

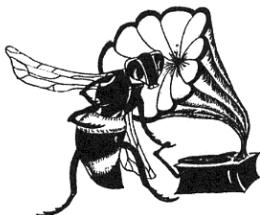
Ріка долає обрїю поріг –
зростає печія
у горлі міста.

27

Даоський місяць
у животі
смугастого кота
дозріває,
кишеня зіниці
повниться дріб'язком,
доки даоський кіт росте
у череві смугастого місяця.
Доки ріка кота не злякає.

28

Слова ріки обірвано.
летить мовчання хиже.
Легенький пил торкається волосся,
тобі здалося, чи мені здалося,
що руку в ріку запускає сором.
Ти застигаєш між губами сонця,
примружеш повільно страх свій вкотре,
примружеш думки – і тане міст.
Моя рука на дні тримає сором.
Ріку обірвано, обірвано і берег.
Бери в долоні знайдене раптово –
під шкірою ріки ріка струмує вдруге.

Я – ЧЕЛОВЕК, ВЫПОЛЗАЮЩИЙ ИЗ РУИН*Анатолий ЛЕМЫШ*

Я – человек, выползающий из руин.
Еле живой, окровавленный – и один.
Где-то в завалах остались мои друзья.
Господи, на хрена Тебе жизнь моя?

Я – человек, еле выживший между плит,
Рухнувших, сокрушивших привычный быт,
Камни пробил я и вроде пока живой.
Господи, что мне делать с самим собой?

Я словно призрак эпохи, которой нет,
Брошенный среди крошева прошлых лет,
Кость перегрызший и выползший в никуда,
К новым героям, заполнившим города.

Я не укор вам, я просто еще живу,
Длюсь, не сдаюсь, сохраняю свою главу
От помешательства, рухнувшего на вас.
Господи, что Ты еще для меня припас?

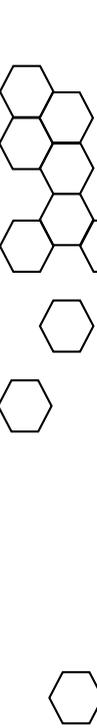
АНДРЕЕВСКИЙ

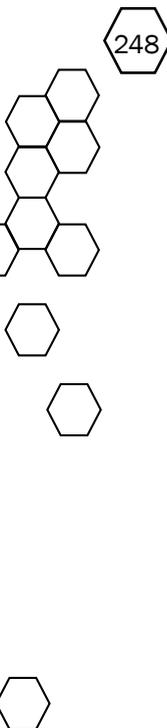
Былое расколото вдребезги.
Из прошлого вынут костяк.
И если придешь на Андреевский –
Там дышится нынче не так.

Всё те же дома над брусчаткою,
И те ж купола в вышине.
Но помнит иное сетчатка, и
Другое мерещится мне.

Вот вроде бы облагородили,
Как будто отмыли стекло,
Но чувство таинственной родины
Истаяло, стерлось, ушло.

Тут раньше царили художники,
Кумиры чердачной поры,
А нынче толкутся лоточники
С набором цветной мишуры.

Какой-то подвох, деформация,
Развесистый клюквенный куст,
Как будто стоит декорация
Для фильма «Андреевский спуск».

Туристы, всегда одинаковы,
С айфонами рвутся вперед,
Чтоб сняться в обнимку с Булгаковым –
Он, бронзовый, не оттолкнёт.

Все реже друзья отзываются,
Плотней нависание дней.
Как будто курган насыпается
Над памятью горькой моей.

И нету на свете острее тоски,
Чем быть у эпохи в гостях.
Не тянет меня на Андреевский, –
Там дышится нынче не так.

НЕ МНОЖИТЬ ЗЛА

*«На ясный огонь, моя радость,
на ясный огонь...»
Б. О.*

Меж бардами такой раздрай кровавый,
Такая порвалась меж нами нить,
Что ни Высоцкому, ни Окуджаве
Не завязать ее, не заживить.

Еще мы их поём – и те, и эти,
Еще гитары строим в унисон,
Но между нами проступают смерти,
И дым пожаров застит горизонт.

И как бы мы ни спорили безбожно,
Какие б ни склоняли имена,
Взаимопримиренье невозможно
Пока гремит война.

Но всем нам – детям, внукам Окуджавы –
Судьба дорогу ясную дала:
Не раздувать раздоры и пожары,
НЕ МНОЖИТЬ ЗЛА.

ТЫ ОТПУСТИ МЕНЯ, ВРЕМЯ

Ты отпусти меня, время, в какой-нибудь век иной,
Где вслушиваться не надо в шорохи за спиной,

В век понаивней, чище, не скомканный суетой,
Не провонявший гарью и кровью не залитой.

Давай пропустим эпохи бунтов и перемен,
Века – недоразуменья, столетья – не-встать-с-колен,

Отбросим костры и зоны, холеру и прочий мор,
Мне хочется жить спокойно, не тратясь на этот вздор!

Найди мне эпоху лада, где прост и понятен свет,
Такую – без зла и яда, без войн и лихих побед,

Без фюреров и тиранов, без нечисти во властях,
Без монстров с телеэкрана и маршей на площадях.

Без атома с интернетом я, право, прожить бы мог.
Неужто во всей истории нету таких эпох,

Бесхитростных и безгрешных, не тянущих в жернова,
Таких, где можно укрыться ОТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА?

ДИПТИХ «ПОЛЕТЫ ВО СНЕ»**1. ПИР**

Кто в кафе с подружкой прячется от зноя,
Кто с пивною кружкой делит свой ночлег, –
У меня сегодня пиршество иное,
Я варю солянку из лесов и рек!

Накрошу в жаровню темные аллеи,
Облака заката, ведьмину метлу.
Это будет яство блюд иных острее,
И друзья сойдутся к моему столу.

Вот салат из ветра! Вот рагу из бури!
Плов из листопада! Оливье «туман»!
Вот шашлык из солнца под напареули,
А в бокалах плещет чистый океан!

Вот земля родная – объединь просто!
Всем ее хватает, всех зову на пир!
И сойдутся гости, и польются тосты,
И вражда отступит, и вернется мир!

Кто в кафе с подружкой прячется от зноя,
Кто с пивною кружкой делит свой ночлег, –
У меня сегодня пиршество иное,
Я варю солянку из лесов и рек.

2. ПЕСЕНКА О ЦВЕТНОМ ВЕТРЕ

Пора мне, братцы, судьбу налаживать!
Я буду нынче ветра раскрашивать!
Вот выйду в сад, сотворю молитву я,
И встану – к ветру лицом – с палитрою.

Глядите – вот он подует ласково,
А я коснусь его кистью с краскою!
Следите – легкими мановеньями:
Мазок – малиновый, штрих – сиреневый!

Пусть бродит ветер летучей радугой
В горах Кавказа, в лесах над Ладогой,
Пусть под взглядами изумленными
Парит над киевскими балконами,

Пусть носят вихри в своем кружении
Сраженья красок, их отражения,
Пусть мерещатся в их неистовстве
Всех дам волнительные волнистости...

Всех галерей, всех музеев марево
Над миром вспыхнет закатным заревом,
Картины тех, кто был назван гением,
И тех, кто нынче, увы, в забвении...

Поэты мира, всех рас художники –
Цветного ветра мы все заложники,
Его бесцельного дуновения,
Его бесценного мановения.

Взлетит – то яростный он, то ласковый,
Играя красками, словно масками,
Переливаясь Мане с Ван Гогами
Над нами – сырими да убогими...

ПАРИЖАНСТВО*Дочери Асе*

Вокруг – весёлый, пряный, манкий,
Неумолкающий Париж.
По праву давней парижанки
Ты над бульварами паришь.

Мелькают тайки и арабки,
Индусы, турки без числа.
Ты, взяв родителей в охапку,
На Сакре-Кёр нас вознесла.

И перед нами распахнулись,
Как по велению короля,
Дома – тома на полках улиц,
Романы Сартра и Золя.

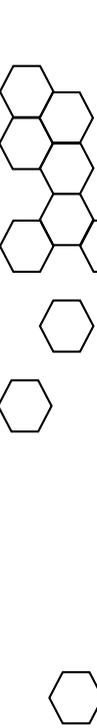
Старинных крыш клавиатура
Сама собой звучит уже,
И подпевают Азнавуру
Вийон, Мольер и Беранже.

В «Ротонде», где сходились выпить
Художники и чудаки,
Гарсон шепнул: вам лучше выйти,
Сюда идут бунтовщики!

И мы пошли в толпе спешащей,
Стараясь осознать урок,
И в небеса вонзалась башня,
Как д`Артаньяновский клинок.

Дворцы, кафешки, зазывалы,
Машин цветная круговерть.
Жизнь без конца и без начала,
Где даже смерть – почти не смерть.

И в этом праздничном пространстве,
Когда Париж лежал у ног,
Мы постигали парижанство,
Как стиль, и свет любви, и рок.

ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ

Там факелы мерцали вокруг стола,
В неверном свете серебрилась чаша,
И Магдалина рядом возлегла,
И взглядом Он окинул тех, внимавших

Его любому слову. Он сказал:
«Один из вас...» И вспыхнуло виденье:
Тяжелый крест, и гвозди, и оскал
Легионера у своих коленей.

Он верил: он собой искупит кровь,
Настанет рай в подлунном мире сущем...
Но опалил его огонь костров
В жестоком, им накликаемом, грядущем.

Он завтра тело скинет, как балласт,
Во исполнение Отчего завета.
Он знал, что лучший ученик предаст.
Он сам его благословил на это.

Потянется веков тугая нить
Взойдут кресты, как символы спасенья.
И будут именем Его казнить
Былые книжники и фарисеи.

И Он от чаши взор свой отвернул:
«Иду к тебе, Отец, не горстью праха!»
И преломил Он хлеб, и протянул
Кусок Иуде, серому от страха.

А где-то овцы блеяли в ночи.
Мир онемел. Он словно ждал чего-то.
Но ни один апостол не вскочил,
И горло не сдавил Искарриоту.

ТРЕТИЙ ГЛАЗ

Будда медитирует и принимает облик цветка.
«Стингеры», пролетая, не мешают ему ничуть.
Мальчики из спецназа ждут сигнала и спецпайка.
Будда видит их третьим глазом и проникает в суть.

Чакры его открыты и голова ясна.
Он бы мог повернуть ракеты, но думает: на фига?
Мальчики в камуфляже пятую ночь без сна.
Но без сна и снайперы их врага.

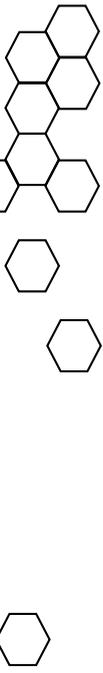
Смуглый парнишка, прячась, пробирается в Назарет.
Крупный план: провода в руках, уходящие в рукава.
«Стингер» словно принялся, лег на горячий след.
Щелк, кино: марширует дивизия «Мертвая голова».

Снова щелк: певица, облизав микрофон,
Имитирует страсти с ляжками наголо.
Тень над Эрмитажем: это старый грифон
Вырывается в небо, расправляет крыло.

Щелк.
Лужайка у озера. Лодка скользит в воде.
Щелк.
Какая-то драка, дерганье ног и рук.
Щелк.
Восстание эзков в лагере в Караганде.
Щелк.
Рекламная пауза. Вырубим звук.

Смуглый парнишка с толовой шашкою на груди
Приближается к дискотеке. Вот-вот он нырнет в толпу.
Господи, отпусти нам грехи наши, Господи, огради!
Бог медитирует. Он прикрыл
третий свой глаз во лбу.

Елена ШЕЛКОВА

ЗАВЕДИ МЕНЯ

Красота с одиночеством бродят.
Крепко спаяны эти пути.
Кто кота, кто совёнка заводит,
Ты меня,
Ты меня заведи.

В Третьяковке и Лувре мне грустно.
Что холсты, кринолины, парча?
Пить с ладоней твоих – вот искусство,
Что потомки должны изучать!

О любви и о птицах не спорят,
Страшно, что не страшны поводки.
Заведи меня!
В лес или море,
Заведи,
Только не доводи

До того,
Чтобы я заводила
Не тебя,
Не того и не там.

Птица может лететь легкокрыло
Только к верным своим адресам.

...будут падать солдаты, снежинки,
Таять вновь у Земли на груди.
Бог заводит всё ту же пластинку...
Заведи же меня,
Заведи.

* * *

Разорви свой билет проездной.
Без тебя не все дома в дому.
Ты стой!
Ты стой!
Ты стой!
Мне не выстоять ведь одному.

Я бежал и на Марс,
И в Тибет,
Я транжирил себя до гроша.
И стихи, что писал о тебе,
Специально другим посвящал.

И в ломбард
(До чего я дошёл!)
Сдать пытался земной глупый шар.
Ты постой!
У меня над душой,
Чтоб душевнее стала душа.

И тогда я тебе расскажу
(Я бесстрашный!)
Свой страшный секрет...
Видишь – на подоконнике жук,
На полу зарифмованный бред.

Не брани тараканов моих.
Мой поступок почти что смешон:
Я сказал всем, что это –
твой стих.

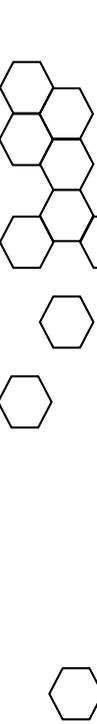
И он мне,
И он мне посвящен.

ПРОКЛЁНЬЕ

Всюду клёны, клёны, клёны, клёны...
Стаями проносятся и врозь.
И вороны смотрят на иконы,
И гуляет по жаре мороз.

Говорят, что это всё не ново,
Говорят, что с этим можно жить.
Клёнушка! Кленово мне, кленово!
Голову, куда её клонить?

Заплясать, заплакаться, запеть бы,
В законе впрыгнуть, в корабли.
За стихи какие, злые ведьмы
На меня проклёнье навели?

Жизнь кленова. Это знает всякий,
Кто хоть раз посмел сойти с ума.
И цветут на клёнах маки, маки...
Аромат.
Забвение.
Дурман.

Вспоминать об этом смехотворно,
Тапки ты мои тогда носил.
Но за что размер мой стихотворный
Никогда тебе не подходил?!!

В заоконье синем и огромном
Аксиома для любой судьбы:
Вышибают клён обычно клёном.

...А вокруг меня одни дубы.

* * *

...И смотрят, и смотрят со дна океана
На белые звёзды – и нет иных дел.
И юнги, и боцманы, и капитаны,
Давно затонувших, седых каравелл.

И видят, что звёзды, совсем и не звёзды:
Огни от турецких, крутых папирос.
Их курят матросы, их курят матросы,
Погибшие на берегу, не всерьёз.

Ведь это не смерть, если не в океане,
Ведь это не гибель, когда без воды.
В какой-то стране, быть в земле – это странно,
Когда с Чёрным морем ругался на «ты»!

И хочется с чёртова неба сорваться,
Нырнуть со всей дури к своим кораблям!
И там танцевать утонувшие танцы,
Кричать о фрегатах притихшим китам.

Но с неба – нельзя. И летят папиросы
С небесной тревоги на водную гладь...

...А ты говоришь – это падают звёзды,
Пытаясь кого-то себе загадать.

У тебя в кармане два кастета.
У меня – Верлен или Вийон.
Общего – всего одна планета,
Луковое счастье ты моё!

Я уже зимой боюсь, что лето
Улетит на отдых в Магадан.
Ты грозился убежать с планеты,
Даже был уложен чемодан.

И когда планета вдруг остыла
Оттого, что ты махнул на Крит,
Я такого настихотворила –
Пять издательств плакали навзрыд!

Кто из нас неправ был: я ли? ты ли?
Не волнуйся: рифмы – не беда!
Столько мы посуды перебили,
Что не деться счастьем никуда.

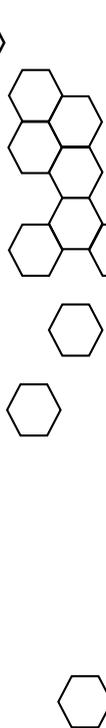
* * *

Вся планета в огне, вся планета в огне.
Кто-то спичку подбросил и вот, погляди:
Что в чужих городах, что в знакомом окне –
Этим липам уже не дожить до седин.

– Это осень, – спокойные мне говорят,
То сентябрь-рэкетиры зелень с клёнов отжал.
– Отчего ж эти листья желтеют-горят?!
Я не верю в слова, я поверил в пожар.

Как не верить, на кронах всё больше просвет.
Я сквозь кроны тревожно на солнце смотрю.
Словно пули навывлет оставили след.
Были жёлтыми клёны – уже алый цвет.

Да, я знаю, на всех в мире хватит снегов.
Самый сильный пожар заметёт снегопад.
Но останутся сотни притихших дубов:
Одиноких солдат.
Одноногих солдат.

МОНОЛОГ ПОГИБШЕГО СОЛДАТА

...А в апреле мне было б уже девяносто.
Я ругал бы правительство, пил «на коня».
И мальчишки, смешные, не верили б просто,
Что на фото солдат – это я, это я.

И, наверное, в книгах и скуке мой дом был,
Я за льготой на праздник стоял бы три дня...

Только злая планета по имени Бомба,
Чтоб не гибнуть одной, забрала и меня.

Миллионы планет в сорок третьем срывались,
Разрывались – и тут уж кричи не кричи...
Был бы жив – я бы кровь не сдавал на анализ:
– Слишком красная! – стали б смеяться врачи.

Ну, а та, что аллеями с палочкой бродит,
И несёт фронтовые мои письма...
Мы бы сорок пять лет уже были в разводе,
Но я умер. И ты мне осталась верна.

Я не знал бы компьютера. Резался в шашки.
И ругались бы дети: «Ты снова спишь, бать!»
А я знал, что такое Любить, и ромашки
Безрассудно на поле, на минном срывать!

Только некому было поведать о том бы.
Я бы жизнь доживал, никого не виня.

Хорошо, что планета по имени Бомба,
Всё предвидя, тогда пожалела меня.

Соня АТЛАНТОВА

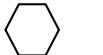
НАСЛЕДНИКИ ХУДОЖНИКА КОКИНА**(ФРАГМЕНТЫ ПОВЕСТИ)**

...В то время Жора был отчаянно влюблен. Искусствоведческое образование объяснило ему, как влюбляться правильно. Предметом его гипертрофированно нежных чувств была живопись пейзажиста Виктора Давидовича Кокина. Вся Жорина профессиональная деятельность (не слишком пока обширная) была сосредоточена на нем. Пронизанные неярким серым светом пейзажи заставляли Жорину сердце мягкими толчками ударять куда-то в желудок. Это не был чересчур популярный художник, однако коллекционерами и знатоками его работы ценились высоко. Многим он казался недостаточно выразительным, но зато те, на кого однажды падал жемчужный отсвет его картин, заболели Кокиным надолго. Жора потратил много времени и сил, пытаясь разобраться, в чем же секрет Кокинского обаяния – и не смог. Мало того, подобраться к раскрытию тайны не удалось даже тем немногим исследователям, которые рисковали углубиться в анализ его творчества. «Виртуозная работа с цветом, кажущаяся небрежность исполнения...» – начинал очередной специалист и немедленно воспарял в безвоздушное пространство, откуда плевал на землю цветистыми и бессмысленными фразами вроде «волшебник тональных отношений» и «несказанно утонченный лирик». Жора чувствовал себя оскорбленным, как будто при нем какой-то хам обозвал Венеру «симпомпончиком». Больше всего ему хотелось накрыть загадку ладонью, как кузнечика, услышать, как она шевелится под пальцами, а потом спокойно, не вдаваясь в чувствительность, трезво, объяснить всему миру, что такое Кокин и его дар. Увы, он был влюблен, и трезвость ему не давалась.

Веронику Даниловну, давнюю знакомую своей матери, Жора недолюбливал с детства. Она умудрялась сочетать в себе самую слюнявую сентиментальность, почти Ксюшиного уровня, с жесткой, как консервная банка, деловой хваткой. Если б не личность Вероники Даниловны, которая вполне была способна вытрясти душу из матерого гестаповца, Жора был бы полностью счастлив. А впрочем, пропади она пропадом, Вероникина личность! Главное – у меня в руках реальный заказ на то, чем я бы занимался и без всякой оплаты. Монография о Кокине, написанная лично мной, куча цветных репродукций, блестящее исследование, одним движением ставящее меня в ряд с ведущими специа-

листами. Презентация в Вероникиной галерее с дурацким названием «Феникс», юбилейная выставка работ Кокина. Уж Вероника-то расстарается, чтоб экспозиция была на высоте... Ах да, и аванс, конечно. Низменно, но греет, сволочь, душу, что и говорить. Конечно, придется поработать. Так поработать, как еще никогда не приходилось. Но ведь это не какая-то постылая курсовая, это теперь серьезно. Надо на родину Кокина съездить, поговорить там с его дочкой и внучкой. Может, там и еще кто-то знавший его лично остался...

«Я заранее прошу у Вас прощения. Вероятно, знакомство с городом Вас разочарует. Когда-то городок Большая Рачня на берегу широкой и мелкой реки Рачни действительно был красивой провинцией с помещичьим домом на холме, городским садом и своеобразной деревянной архитектурой. Сейчас ничего этого нет. Господский дом стал в советские времена санаторием, отчего быстро развалился. От сада осталась небольшая рощица, густо усыпанная пьяницами и мусором. Дома все больше панельные. Мне рассказывали, что и полвека назад, когда дед вернулся сюда из столицы, он был разочарован. Не знаю, кто и как смог это определить – своими переживаниями он обычно не делился. Впрочем, здесь сохранился дом недалеко от центра города – в нем теперь живет моя мать. Имеется также зал в нашем краеведческом музее, полностью посвященный Кокину. Остановиться в Рачне можно в... Меня вы можете найти по адресу...». Подпись, как это обычно и бывает в соцсетях, стояла сверху: Isabella Kokina. Внучка. На аватарке вместо фотографии – Кокинский пейзаж, превратившийся от сильного уменьшения в невыразительную кляксу.

Жора нерешительно нажимает звонок. Сомнения в правильности данного адреса тревожат его все сильнее и сильнее. Несуразное бетонное сооружение в три этажа, причем на третьем все окна методично выбиты. Висящая по диагонали вывеска «Шиномонтаж», рядом ржавые двери гаража, усеянные скверными надписями. Вросший в землю микроавтобус. Не похоже, чтобы здесь кто-то жил. Значит, придется возвращаться в гостиницу, списываться с Isabella Kokina. Телефона она предусмотрительно не дала. Неизвестно, выйдет ли на связь вообще. А ведь уже вечер, значит, день я потерял... Однако за дверью слышатся гулкие шаги, и на порог выглядывает чернявый паренек неопределенного возраста. На его голый торс накинута грязная джинсовая рубаша, лицо помятое. Из шорт торчат тощие волосатые ноги в резиновых тапках.

– Извините, – начинает Жора, – я ищу Изабеллу Кокину, внучку художника. Понимаете, она дала этот адрес, мы вроде бы договорились встретиться...

Парень осматривает гостя сверху вниз, потом снизу вверх и мотает головой в сторону темного дверного проема:

– Идемте!

Жора поднимается следом за странным парнем по содрогающейся железной лестнице. Что это еще за личность? Муж или сожитель таинственной Изабеллы? Сторож? Странно...

Загадочный провожатый заводит гостя в маленькую комнату на втором этаже. Здесь нет окон, и невнятно светит слабенькая желтая лампочка на голом шнурке. У стенки, рядом с неизвестно куда ведущей дверью – продавленный диванчик, прикрытый засаленным пледом. В углу – ржавая мойка, рядом с ней на столике – давно и безнадежно немытая посуда. Посередине комнаты на боку лежит растерзанный мотоцикл. По коричневому линолеуму под ним растекается черная маслянистая лужа. Жора не может отделаться от мысли, что мотоцикл отвратительно похож на полураздавленного таракана.

– Садитесь, – приглашает провожатый. – И давайте знакомиться. Женек.

– Жора, – сообщает искусствовед и неприязненно пожимает несвежую лапку. Никаких признаков Изабеллы. Что бы это значило?

– Я так понимаю, вы хотите поговорить о живописце Кокине, – не то спрашивает, не то утверждает Женек. Жора кивает. – Пить будете?

– Н-нет, воздержусь, пожалуй. Я, собственно... – Жоре хочется сказать, что он собрался пообщаться с Изабеллой Кокиной или с ее матерью, а не с неизвестно кем, к тому же пьяным. Однако искусствовед не успевает.

– А я выпью, с вашего разрешения, – сообщает Женек и наливает себе из большого термоса в немытую чашку нечто черное и густое, донельзя похожее на лужу под мотоциклом. В ответ на недоуменный Жорин взгляд он поясняет:

– Солидол. Единение с техникой – несомненное достоинство механика, даже если он такой паршивый специалист, как я. Так что именно вы бы хотели узнать о знаменитом живописце?

– Сначала я бы хотел узнать, с кем разговариваю, – решается Жора. – А вообще-то, – сразу же добавляет он, чтоб сгладить свою резкость, – мне интересна атмосфера в его семье. Отношения между людьми, обстановка. Его жизнь с женой. Его отношение к людям. Привязанность к родному городу. И так далее.

– Ну, что касается первого вопроса, на него я уже ответил. Женек я. Бездарный механик. На что была похожа жизнь Кокина с женой, не знаю. Не уверен, что он вообще с ней жил. Скорее, рядом с ней. Или, если уж на то пошло, она жила с ним рядом. И жизнь ее была нелегка. Она в молодости подавала большие надежды, как живописец, но выбрала быть женой Кокина. Два живописца в этой семье точно так же не поместились бы, как две жены в православной семье. Она в это свято верила, пока не подросла дочь. Тогда обнаружилось, что то, что непозволительно в жене, в дочери только приветствуется. Бабушке в утешение остались только мазохизм, сознание своей великой жертвы и неприязнь к собственному ребенку. Надо сказать, утешалась она этим от всей души. Кстати, город она тоже ненавидела и сообщала всем об этом не реже одного раза в два дня. Вбила себе в голову, что останься они в столице, все было бы иначе – для нее. Ей нравилось думать, что что-то могло бы быть иначе...

– Подождите, – перебивает Жора, – Значит Юлия Бернацкая, жена Кокина, приходилась вам бабушкой?

Вот это новость. Значит, была не одна внучка?

– Как вам сказать, – Женек пожимает плечами и отхлебывает еще солидола, – ей, конечно, пришлось быть бабушкой. Она даже заказала себе очки при отличном для ее возраста зрении, и стала носить платок. Но видели бы вы ее руки – красные, крепкие, как какие-то корни, деятельные, с грязными обломанными ногтями... Она ими, между прочим, гордилась. «Вот это руки, я понимаю. Удобные, хватучие. А у вас всех – черт-те что, какие-то цапки. Как вот у него, – она показывала на деда. – Никогда он руками ничего не делал!». Говорить гадости деду вошло у нее с возрастом в привычку. Главным его пороком было: «жил своей жизнью и делал, что хотел». Для бабушки, всю жизнь жившей чужой жизнью и занимавшейся принципиально только тем, от чего ее с души воротило, это действительно было невыносимо. Самое худшее, что муж очень легко примирился с испорченной жизнью жены и продолжал делать, что хотел и жить своей жизнью. Бабушкины горькие обиды он мило вышучивал и тут же о них забывал. Милейшее воспоминание детства: бабушка прижимает меня к себе в уголке на диванчике и задушевнейшим образом описывает, как она собиралась повеситься в «туалетике» на даче. «Там, понимаешь, детка, приступочка такая удобная есть»... И тут же, спохватившись, что говорит все-таки

с ребенком, делает назидательный вывод: «но я подумала о тех, кому придется потом с этим разбираться. Всегда надо думать о других, кисынька моя...». Было мне лет пять.

– Налейте мне, пожалуй, этого вашего, – не выдерживает Жора. Вкус у тепловатой бурды неприятно знакомый.

– Кофе, коньяк и оливковое масло, – поясняет Женек. – Фирменный коктейль «Солидол». В моменты финансового оскудения я пробовал перейти на подсолнечное, но это, знаете, не совсем то...

– И все-таки, – снова пробует внести ясность Жора, на этот раз зайдя с другой стороны. – Вы – внук Виктора Кокина?

– А фиг его знает, – равнодушно отвечает Женек и у Жоры под действием «Солидола» закрадываются сомнения в безупречной нравственности Юлии Бернацкой или, может, ее дочери. – С уверенностью можно только сказать, что Кокин приходится мне дедом. А что я такое – разве поймешь?

– Вы хотите сказать, что ваша мать... Понимаете, я точно знаю, что у нее одна дочь. Но в жизни ведь бывает по-всякому...

– Это точно. Если вы намекаете на нравственный облик моей родительницы, то должен сказать, что он у нее безукоризненный. Правило у нее в жизни было одно – почитай Виктора Кокина, все остальное дозволено и не осуждается. Она до сих пор этому кодексу верна.

«В конце концов, меня интересует художник, а не степень распушенности окружающих его женщин» – думает Жора, прихлебывая помой из пластикового стаканчика. Но все-таки – кто это такой? Приемный ребенок? Внебрачное дитя?

– Расскажите мне тогда о вашем дедушке, если вы в самом деле его внук, – просит Жора, скорее жалобно, чем раздраженно. – Мне нужно понять, в чем, так сказать, секрет его гениальности... Вы описываете его каким-то эгоистом, но ведь это не могло быть так. Каждая его работа говорит о любви к... – Жора не может подобрать, к чему.

– Конечно, он не был эгоистом. Он летал выше любых определений. К нему нельзя было подойти с обычной меркой. Он просто иначе не мог. Была его работа, и все силы уходили туда, а оставлять что-то семье не приходило ему в голову. Не со зла, конечно. Просто, как-то вот так. Очень любил изображать трогательные сюжеты – по-хорошему трогательные, не нынешних сахарных котят – но несчастные бабы у него под носом продолжали оставаться несчастными. Возможно, его привлекала беззащитность, а жена и дочь его прекрасно умели защищаться. По крайней мере, от всего, что могло дать им какое-то счастье...

Жора чувствует, что Женек начинает куда-то воспарять и торопится стащить его обратно на землю:

– Не могли бы вы рассказать о вашей обыденной жизни? Ну, скажем, чем в семье Кокина питались?

– Дичью и отбросами, – мгновенно выстреливает Женек и снисходительно добавляет, – в общем, как и все.

В мозгу одуревшего искусствоведа возникает странный образ народного художника с дробовиком за плечами, печально изучающего содержимое мусорного бака в компании других художников с ружьями. Все скопище (гигиены ради) одето в медицинского вида резиновые перчатки. Рот у Жоры открывается широко, как мусоропровод, и с почти слышным лязгом захлопывается.

– Отбросы, – поясняет Женек, – это то, что во время оно появлялось в свободной продаже. Слышали такое выражение: «выбросили в магазин»?

– А дичь? – почему-то шепотом вопрошает Жора.

– Дичь предполагает охоту. Кто такая, скажите мне, какая-нибудь похабная сметана, если ее необходимо выслеживать, часами стоять, образно говоря, на тяге, и еще неизвестно добудешь ты в конце концов ее или нет? А охотничьи рассказы чего стоят! Вы слышали про головку сыра, в которой обнаружили живую мышь?

– И ваш дедушка увлекался подобной «охотой»? – недоверчиво спрашивает Жора.

– Нет, что вы. Охотилась, преимущественно, бабушка. Охота вообще была занятием женским. В пять утра она надевала, чтоб не замерзнуть, черненькое пальтишко с налипшим сором, брала ягдташ... Бабушка очень заботилась о состоянии этой части экипировки. Надо сказать, у ягдташа частенько отрывались ручки. Бабушка была неплохим добытчиком, и ей случалось выжимать большие тяжести. Только азарт спасал старушку в таких случаях от радикулита... Кстати, охотничьи сумки очень редко попадались среди отбросов. На них самих тоже приходилось охотиться. Этим уже занималась мать. Она предпочитала охоту на несъедобную дичь, однако добытчиком была скверным. Не помню за все детство ни одних штанов по размеру.

– Но, дедушка... – почти без надежды вставляет искусствовед.

– Дедушка порхал с цветочка на цветочек. Вероятно, он считал, что еда приходит домой с базара сама, после чего мясо заворачивается в капусту и укладывается в кастрюлю. Одежду ему выбирала и покупала мать, и вот тут промахов не допускала. Она, неспособная раздобыть наволочку, адекватную подушке, приносила откуда-то небывалые немецкие куртки, туфли из мягкой кожи, чудодейственно баюкающие мозоли... Я думаю, это было не проще, чем голыми руками завалить носорога. Неудивительно, что на мелкую дичь, вроде детских трусов, у матери не оставалось ни сил, ни вдохновения.

– А что ваш дед? – Жора решает немного изменить вопрос, чтоб снова не повторять «а дедушка».

– Дед, как правило, бывал доволен. Похроюкивая, примерял, благодарил... Ну, а потом носил, если нравилось, а если нет – вешал в шкаф до скончания веков. Не покупай ему мать одежды, он, наверное, ходил бы голым, или в старом рабочем халате. Говорят, в молодости он очень внимательно относился к своей внешности. Я этого не помню. При мне все его силы уходили в работу и только в работу, а то, что могло обойтись без него, дед спокойно пускал на самотек. Что родню, что одежду. Справедливости ради, мать иногда приносила что-нибудь и бабушке. Та имела наготове несколько железобетонных доводов, чтоб отказать носить обновку. Новая одежда мешала ее концепции восприятия жизни, как наказания. Обычно бабушка отвергала одежду как «слишком молодежную», или, как вариант, «слишком роскошную». С приходом капитализма, превратившего благородную охоту в пошлый шоппинг, это у них стало этакой развеселой игрой. Мать покупала и приносила, а бабушка наряжалась в лохмотья, выпущенные при Хрущеве, и объясняла, почему новое ей не подходит. Или просто не носила, без объяснений. Ей нравилось выглядеть нищей.

– Но, мне казалось, у вас была довольно состоятельная семья...

– Да, наверное. Во всяком случае, обеспеченным себя никто не чувствовал. Это было бы слишком по-мещански. О деньгах все время беспокоились, тратили их бессмысленно или принимались ни с того ни с сего экономить на самом необходимом. Как-то, например, решили, что туалетное мыло – пошлая роскошь. И месяц мылись стиральным. Зачем? На кой ляд чесаться от хозяйственного мыла и тут же покупать ребенку американскую пижаму с кружевами? Красоту эту через неделю бабушка выварила и она приобрела вполне советский вид. Зато приличные брюки принципиально отсутство-

вали у всех, кроме деда. Почему на всю семью на десять лет имелись только две мочалки из резанного полиэтилена? И при этом был период, когда к чаю каждый день покупался торт. Можно ведь было, наверное, один раз выпить чаю с печеньем и купить на сэкономленные деньги мочалку? Так и не купили. Мочалки выкинули только после смерти деда и бабушки. Спасибо, хоть в гроб не положили.

Желтая рахитичная лампочка бросает гадкий свет на продавленный диванчик, глумливо хихикает в чашках с «солидом». Жора теряется в догадках, каким образом у Кокина оказался неучтенный внук.

*

Жора сидит в очень средней руки пиццерии. Дерганое освещение тошнотворно сочетается с противным запахом. После вчерашнего «Солидола» в организме нехорошо. На заказанную судуру чашечку эспрессо Жора пытается не смотреть – кофе вызывает скверные ассоциации. Искусствоведа терзает тошнота, глубинная, настоящая, не какое-то там дамское головокружение. Жаль, что вместо кофе ему не подали рюмочку «энтеросгеля»... Надо позвонить незаслуженно обиженной Ксюняше. Надо выкинуть из головы навязчивого Женька с его несусветной болтовней и сосредоточиться на работе. Сейчас придет Изабелла Викторовна Кокина. Настоящая, задокументированная внучка художника. Собраться с мыслями и задать правильные вопросы. Только не о еде. Разговора о еде мне не вынести. Проклятый «Солидол»! Жора рассеянно смотрит на свисающего с потолка картонного ангелочка. Повешенный ангел. Возможно ли повесить того, кто умеет летать? Вдруг Жора срывается с места и несется в уборную. «Солидол» не выносит пребывания в желудке и рвется на свободу. Жора изображает извержения Везувия в украшенном розочками сортире. Вот так. Исключительно лава, и никаких лапилли, потому что вчера я ничего не жрал. Перед глазами у него неотвязно стоит картинка: голая спина Женька с жестяными крыльями, ввинченными при помощи больших болтов прямо в плоть тощих лопаток. «Между прочим, тяжелые и потрясающе мешают спать», – жалуется Женек, – «И фиг наденешь что-то по фигуре...».

Жора полощет остывающий кратер своего рта белым жидким мылом. Ему немного легче. «Три-де татуировка», – повторяет он, как молитву, – «три-де татуировка, чтоб им пусто было, внукам художника Кокина...».

«Будем рассуждать спокойно, – продолжает размышлять искусствовед, снова помещаясь за столиком. Он с удовольствием замечает, что теперь способен смотреть на чашку кофе без смещения геологических пластов в своем нутре. – Я хотел главным образом понять, какая атмосфера была у них в доме. Точку зрения домашних на художника и его творчество. Будем надеяться, что Изабелла Кокина – дамочка здравомыслящая, и в состоянии ответить хотя бы на вопрос о количестве детей у собственной матери... И немедленно выбросить из головы этого крылатого полудурка. Устроил себе забавный вечер, механик недоделанный. Откуда он вообще взялся, хотел бы я знать...».

– Наверное, вы ждете меня? Я – Изабелла Викторовна Кокина.

Жора поднимает глаза. Перед ним стоит высокая женщина средних лет. Довольно красивая, если не обращать внимания на напряженную улыбку. Похоже, с возрастом начала полнеть и теперь отчаянно с этим борется. Прозрачный шарфик в тон сумочке. Бусы с намеком на стиль... Прическа...

– Здравствуйте, садитесь, – спохватывается Жора. – Я писал вам. Я хочу поговорить о вашем дедушке.

– Пожалуйста, – Кокина пристраивает перезрелую попу на неустойчивый стул.
– Понимаете, я хотел бы почувствовать атмосферу, которая окружала человека такого огромного дарования. Расскажите просто то, что приходит вам в голову, когда вы вспоминаете вашего дедушку.

Привычным жестом Кокина подзывает официанта, заказывает чай и порцию салата. Точно, худеет.

– Прошу прощения, я проголодалась, – напряженная улыбка делается прямо-таки нервозной.

«Чего нервничать, спрашивается? Я бы тоже хотел сейчас есть, если б мог...».

– Виктор Давидович Кокин был необыкновенным человеком, – сообщает Изабелла Викторовна. – Все это чувствовали.

Она замирает, закрывает на мгновение глаза, и продолжает:

– Удивительный лиризм его творчества трогательно сочетался со скромностью и самоуглубленностью Кокина, как человека. Лишенный какой бы то ни было тяги к отличиям, он, тем не менее, удостоился почетного звания народного художника. Однако, неизвестно, повлияло ли это на образ мыслей художника. Во всяком случае, в своей работе он продолжал оставаться самим собой – мягким, трогательным, мечтательным, тончайшим колористом и признанным мастером освещения...

В желудке у Жоры геологические пласты снов начинают плавно перемещаться. Он почти не замечает этого. Все его существо наполняет изумление, переходящее в тот испуг, когда единственно разумным кажется заорать и убежать. К маме, уткнуться в теплые коленки, вдохнуть запах посудной тряпки, исходящий от ласковых рук... Желудок весело отзывается на мысль о посудной тряпке. В общем, надо немедленно проснуться. В обитой мягким комнате. Привычно размять руки, затекшие от смиренной рубашки. Похлебать жиденькой больничной каши (привет Везувию!) и неспешной походкой отправиться за порцией животворного электрошока.

Изабелла Кокина, кроличьим движением торопливо подгрызавшая какие-то кулинарные листья, планомерно и с достоинством пересказывала Жоре его собственную неудачную курсовую работу.

Слово в слово, абзац за абзацем, она продвигала собеседника по позорным глубинам его собственного курсовика. «Может, она издевается?» – с надеждой думает несчастный Жора, переходя от приступов вернувшейся тошноты к припадкам мучительного стыда, – «хорошо бы она попросту издевалась над кретином, лезущим в личную жизнь художника... А этот, вчерашний, тут причем?».

Изабелла решительным шагом продвигается к заключительным тезисам. Жора понимает, что он не может больше. Что вариантов, в итоге, только два: либо она прекращает, либо он убегает с носорожьим ревом, бодая большой головой розовые стенки.

– Сколько внуков у вашего дедушки? – хриплым голосом, годным разве что для криков «караул!» или «спасите!», вопрошает Жора. – Кто такой Женек?

Ему хочется продолжить и завопить: «Какого лешего вы пересказываете мне мой же курсовик?!», но он чувствует, что его голос выродился в окончательный писк. Изабелла, с замершим во рту листочком, похожа на кроткого грызуна. Жорин желудок внезапным ловким движением подпрыгивает куда-то в шею.

– Извините, – бормочет искусствовед и несется в розовую уборную.

Оттуда он возвращается деморализованный и зеленоватый. Изабеллы Викторовны за столиком больше нет. Вместо нее, одетый в легкую курточку, неуверенно имитирующую матрас, сидит Женек.

– Должен сказать, вы весьма точно почувствовали атмосферу у нас дома, – заявляет он, – Действительно, тошнотворно.

– А где Изабелла? – тихонько спрашивает искусствовед.

– Изабелла Викторовна, заметьте, – поправляет Женек. – Изабелла – это нечто совершенно другое, здесь пока не присутствующее. Изабелла Викторовна, я полагаю, где-то на дне папки с информацией о живописце Кокине. Уж не знаю, где она взяла эту курсовую. Она собирает и складывает в архив решительно все, что получается найти. Все материалы, где есть хоть полслова о Кокине. Однажды даже подшила материал о производстве кока-колы. Правда, потом выкинула.

– Но я могу и сам собрать материал, – стонет Жора, – мне надо было... то есть, я хотел личное, субъективное мнение.

– А чем вам мое не угодило? – без обиды спрашивает Женек. – Вроде и мнений вам наваяла, и объективностью они не отличаются...

– Если б я мог понять, – вздыхает Жора, – кем вы приходитеесь Кокину. А так, простите, но вы для меня человек с улицы. Может, вы по пьянке рассказали мне о своем дедушке, каком-нибудь Михаиле Владимировиче Гуталиненко. А я это выдам за воспоминания о художнике Кокине его родни. Безобразие получится!

– А безобразия, знаете ли, всегда хватает, где бы не начало обретаться какое-нибудь образие. Это что-то наподобие опилок при производстве деревянной скульптуры. Прекрасный образ, какой-нибудь лев с головой единорога... Чем лучше произведение, тем больше опилок...

– Так кто же вы все-таки? – измученно спрашивает Жора.

– То же самое, что Изабелла Викторовна. То же самое, что Изабелла, она же Белочка. Во многом то же самое, что мать. Опилки. Хотя виноват, мать – кусок побольше. Какая-нибудь щепка или даже рог. Ну, не понравился скульптору рог на голове у льва, он его и отпил. А рог, глядишь, вовсе и не рог, а Нателла Викторовна Кокина...

– С Нателлой Викторовной хотя бы можно пообщаться? У нее, я надеюсь, нет привычки исчезать? Или она тоже цитирует идиотские рефераты, а потом пропадает?

– Чего-чего, – печально отвечает Женек, – а отношений, мнений и интерпретаций у нее завались. На каждый день недели – отличные свежие, добросовестно аргументированные интерпретации с легким налетом казуистики. Вам понравится. Блестящие, абсолютно искренние мнения в ассортименте. Одно другого лучше.

– Адрес? – прокурорским тоном осведомляется Жора. Он им покажет, этим конченным внукам, кто они такие. Нашли себе цацку такую – искусствоведа. Опилки, блин!

– Пожалуйста, – пожимает плечами Женек и пишет что-то на салфетке. – Хотите, я вам еще и бабушкин адрес напишу? Двенадцатый сектор городского кладбища. У старушки с возрастом появилось отличное свойство – она всегда выслушивает собеседника. При жизни так не получалось. Стоило начать при ней фразу, как у бабушки в голове складывалось продолжение, которым она в тебя и выстреливала, как чугунным ядром. Неважно, что ты собирался сообщить что-нибудь совершенно другое, она заранее все знала и убеждению не поддавалась. Говоришь, например: «Помидоры в этом году...», и хочешь продолжить, что из-за дождей эти самые помидоры на корню сгнили. А бабушка уже зарядилась, запал поднесла и стреляет: «Такие живописные помидоры! Крупные, как кулак (тут она обязательно подсунет тебе кулак под нос, чтоб ты не возражал и не вздумал удрать), отличные, сочные, желтые, красные, розовые, даже какие-то буро-коричневые!». Ну, ты, понятное дело, давно в нокауте и в том, что помидоры на корню сгнили и сам не

уверен. Мало того, при пяти следующих встречах бабушка будет тебе говорить: «помнишь, ты с таким смаком рассказывал о помидорах? Я так это почувствовала...».

Женек давно уже разговаривает с чашкой остывшего кофе, потому что истерзанный морально и физически искусствовед уже довольно давно тащится по улице, комкая в руке салфетку с адресом.

*

Встреча Жоры с дочерью Кокина происходит в центре Рачни. На неожиданно зеленой улице – большой двухэтажный дом. Жора неуверенно жмет на звонок, наблюдая, как из-под двери на ступеньки крыльца бойкими струйками стекает грязная горячая вода. Дверь ему открывает высокая и тонкая девушка в мокрых насквозь кроссовках и с тряпкой в руке. Еще несколько литров освобожденной воды радостно стекают на крыльцо. Жора неуклюже отпрыгивает.

– Извините, – грустно говорит девушка, – у нас тут...

– Белочка, корова, блин! – несется из глубины дома. Жора изумляется. Тут что у них, зверинец? – Вентиль заверни, я сказала! – продолжает голос. – Все всегда приходится самой делать!...

Из дома выплывает чудовищного вида старая женщина. На голове у нее грязный клетчатый шерстяной платок. Неестественно тощее тело плохо прикрывает растянутая розовая майка. Видавшие виды джинсы полощутся в луже горячей воды, под ними красные босые ступни. На лице, от брови до подбородка – черная полоска грязи. В руках чудовище сжимает ржавый разводной ключ.

– Здравсте, – неприветливо говорит горгулья. – У нас тут с водопроводом задница, так что прошу прощения. Короче, вентиль я перекрыла, теперь действуйте. Белочка, выдай товарищу тряпку. Стой, я сама сейчас дам. Старуха срывает с дивана белый мохеровый свитерок и босыми ногами втапывает его в жидкую грязь на полу.

– Но мама, – неслышно возражает Белочка.

– Должно хорошо впитывать, – удовлетворенно отмечает мамаша. – Ведро давай, чего замерла?

Белочку уносит в темноту дома за ведром. Нателла Викторовна (похоже, это именно она) опускается на колени в лужу и яростно сдергивает с дивана покрывало. Оно немедленно покрывается темными разводами. Появляется Белочка с ведром спектрального салатного цвета, присаживается на корточки. Дую на пальцы, она осторожно вынимает перепачканный свитерок и отжимает его в ведро. Жора стоит, чувствуя себя крайне неловко. Старуха опускает руки в кипяток, достает покрывало и выкручивает его так сильно, что ткань хрустит и рвется. Потом выхватывает у печальной Белочки свитерок и снова топит его в горячей грязи.

– Эй, вы, как вас там, вылейте ведро, будьте человеком! – командует Нателла Викторовна. – На двор его, что б оно все провалилось!

Жора послушно хватается за ведро и присматривается с порога, куда бы его вылить. На дорожку, наверное, не стоит... А вот эти три цветка посреди зарослей, по-моему, изображают клумбу. А с другой стороны висит белье, его надо не запачкать.

– Ну что вы там возитесь! – кричит темпераментная дочь лирического живописца, выхватывает ведро и с размахом выливает его прямо под веревку с бельем. На белой простыне появляется серое изображение какого-то материка. Жора идет за ней в дом и

наблюдает, как Нателла Викторовна пресекает еще одну попытку Белочки спасти свитерок. Жалкая серая тряпочка, похожая на дохлую кошку, снова погружается в грязь.

Дальнейшее сильно напоминает потрясенному Жоре какую-то оргию вытирания. Он допускает, что можно отчаянно объедаться, напиваться в хлам, не зная удержу в любви или стяжательстве, но устраивать вакханалию из вытирания мокрого пола? Нателла Викторовна самозабвенно швыряет на пол любой текстиль, который Белочка не успела убрать долой с ее глаз. Скатерть со столика, диванные подушки, кухонное полотенце... Она пытается сорвать даже шторы, но они не поддаются, и только старенький карниз, кашлянув, вылетает из пазов и с грохотом застревает на полочке с дисками. Горгуля распахивает шкафчик, и куча одежды, как чистой, отглаженной, так и скомканной и несвежей, летит в остатки грязи. Почему они хранят все вперемешку? Белочка с Жорой, сидя на корточках, смиренно отжимают в ведро, она – шелковую блузку, он – дамские колготы. Нателла Викторовна сует в угол рта новую сигарету и восхищенно заявляет:

– Пипец какой-то с этим водопроводом!

Жора чувствует, что ей потопы еще и мало. Белочка устала и шумно дышит. У него самого ноет спина от беготни с тяжелым ведром. А старая ведьма абсолютно бодра и счастлива, и озирается кругом в поисках хоть какого-то носка, чтоб швырнуть его в остатки грязи.

Потом Жора растерянно стоит посреди погрома. Тенеобразная Белочка пытается спрятать красные перепачканные руки одну в другую. Нателла Кокина сплевывает на пол окурок и давит его босой ногой. На лице ее – людоедская ухмылка.

– Пойду я переоденусь, – говорит людоедка, – вы тут уж пока сами развлекайтесь...

Хозяйка шлепает по лестнице куда-то на второй этаж, оставляя грязные мокрые следы. В прихожей, она же, судя по всему, гостиная и кухня, ужасающий разгром.

– Извините, – робко говорит Белочка, – идемте, я покажу вам, где помыть руки.

Они идут вдвоем в темные недра дома. Потоп захлестнул только первую комнату, поскольку остальные расположены на полметра выше. Жора поднимается на высокий порог и больно припечатывается головой о притолоку. Дверь почему-то поставлена из расчета на нижний вариант пола. Ванна недавно отремонтирована, и странно вдруг видеть среди царящей в доме разрухи блестящий белый кафель. Жора моет руки холодной водой, которая кажется ему еще холоднее после горячих луж на полу. Белочка протягивает полотенце с нарисованным павлином и большой дырой посередине. Потом моет руки она, а Жора удивленно осматривается. За дверью ванной, в коридорчике – скопище хлама. Стиральная машинка советских времен, на ней – огромный раскрытый этюдник с окаменевшими красками на палитре. На полу – стопка альбомов по искусству (парочка таких имеется у Жоры, купленных за неприличные деньги), большая несчастная стопка, перевязанная шпагатом и покрытая давней пылью. Дверь в какую-то проходную комнату. В ней виднеется пианино весьма старинного вида. Под пианино на газете рассыпаны пыльные орехи. На пианино – тоже. На стене, повыше – пейзаж кисти Кокина, приблизительно семидесятые, период увлечения городскими мотивами. Коллекционеры сейчас за них дерутся. Облупившаяся рамочка, плохо покрашенная оконной эмалью...

Искусствовед и Белочка возвращаются к месту ликвидации потопы.

– Сейчас я чайник поставлю, – говорит Белочка. Она осторожно снимает со стола полную до краев пепельницу, роняет ее, и окурки радостно рассыпаются по мокрому полу. По лестнице спускается Нателла Викторовна. Она переодела сухие брюки, но розовая майка и клетчатый платок по-прежнему на ней, и полоска на лице осталась без изменений.

– Давай сюда, – она забирает у убитой собственной неловкостью Белочки веник, и ловко сметает окурки на совок. – Чай, кофе?

Через час этой странной беседы Жора ловит себя на том, что вместо того, чтоб собирать сведения о художнике Кокине, он напряженно пытается организовать в какой-то букет свои впечатления о его дочери. Нателла Викторовна начала разговор с того, что потребовала от гостя доказательств необходимости науки в целом и искусствоведов в частности. Искусствоведы были немедленно осуждены, казнены, отпрепарированы и выброшены в печь. Наблюдавшая за процессом Белочка сначала скорчилась от стыда, потом стремительно выбежала в сад. В окошко Жоре было видно, как она, по-детски спрятавшись за скамейкой, рывками курит длинную тощую сигарету.

– Бедный ребенок, – с удовлетворением отметила Нателла Викторовна, – с самого детства меня стеснялась. Ну так стесняешься – и живи себе сама, как хочешь. А то лет много, ни семьи, ни нормальной профессии, одно сплошное стеснение...

– Вероятно, у вашей дочери есть образование, – говорит Жора невпопад, не понимая, какой реакции Кокина от него ждет.

– Искусствоведческое, – фыркает мамаша, – чушь собачья, а не образование.

Белочка достает из духовки пригоревшее печенье. Нателла Викторовна тем временем переключается на тему о вторичности женской природы. Станным образом сюда вплетается утверждение о глобальной бестолковости мужчин.

– Взять хотя бы моих родителей, – вещает Нателла Викторовна. – Папа был однозначно гений – во всем, что касалось творчества, от живописи до росписи посуды, создания новогодних костюмов, оформления мебели и так далее. Даже одежда на нем преображалась – так он любил красоту и все, что с ней связано. На маме наоборот, самые лучшие вещи превращались в жуткие тряпки. Она лет до пятидесяти безоговорочно повторяла все, что он говорил. Не могла мама так, как он... Уюта в доме никогда не было. Мама совершенно была лишена женского артистизма. По неделям готовила на обед одно и то же. Покупала мне жуткие ситцевые платица. Творческая жилка у нее отсутствовала. Творчество вообще не женское дело. Хотя вот в хозяйстве есть такие куколки, которые этому всю жизнь посвящают – пряничные домики и все такое. Это конечно, деградация личности, но вот мужчины так не могут. Они вообще не понимают, что колбаса не в огороде растет...

«Причем здесь колбаса?» – поражается Жора.

– Мне всегда было жалко отца, – продолжает Кокина. – Он так любил уют, красоту, вкусно покушать, принять гостей... А мама предпочитала все спартанское, простое, обглоданное какое-то. А папа – ну он все-таки был мужчина, он не мог все это сам организовать и, в конце концов, смирился, ушел в творчество. Мужчины, вот они как-то не могут, ответственность у них не встроена. Мы, женщины, обязаны их растить, кормить, обслуживать – так надо, а кто его знает зачем...

«Может быть она просто идиотка – закрадывается подозрение у Жоры. – Страшная, деспотичная, самовлюбленная дурища?»

– Мама! – подает голос Белочка, и Жора с Кокиной замечают, что преданная дочь уже довольно давно пытается накинуть матери на плечи голубую вязаную кофту. – Мама! От окна дует – ты замерзнешь.

Нателла Викторовна снисходительно кутается в голубую шерсть и подносит ко рту чашку с чаем.

И тут словно какая-то бездна открывается перед Жорой – да она же красавица! Вот эта полубезумная старушенция, худая до истощения, с длинным носом – красива.

Глубокие темно-голубые глаза, все еще густые брови, гордый взгляд, безупречная осанка... Она не только красива, она еще и невероятно аристократична – в позе, в манере говорить, во взгляде.

В кухонной трубе снова что-то начинает неприлично булькать, и под мойкой образуется прозрачное горное озерцо.

– Твою мать! – заявляет аристократка Кокина. – Белочка! Набери еще раз эту вшивую аварийную! Чего эти засранцы не едут?

*

Жора пинком загоняет рюкзак под утлый гостиничный топчан. Итак, что я узнал? Да, в общем, ничего. Третий день ошиваюсь в этом паршивом городке, успел бездарно травануться, поучаствовать в ликвидации потопа и совершенно обалдеть. Вопрос номер один – сколько у Кокина внуков? Не решен. Вопрос номер два (за чем, собственно и ехал) – атмосфера в доме Кокиных при жизни художника. Ничего не понятно. Какая-то каша. Вечно погруженный в себя Виктор Давидович, расписывающий шкафчики и любующийся посудой. Мастерски делающий маскарадные костюмы. При этом ушедший в себя, спасаясь от домашнего неюта. Однако, любящий гостей и вкусно поесть. Сумасшедшая дочь. Умнейшая дура и страхолюдная красавица. Прозрачная Белочка. Женек и Изабелла Викторовна – непонятные персонажи, явно в этом компоте не чужие. Мастер лирического пейзажа, окруженный посмертной свистопляской, а может, и прижизненной.

Голова у Жоры идет кругом. Состояние, ставшее привычным за последние три дня. Он чувствует необходимость остановить головокружение. Хватит. Кокин – художник. Книга о нем – это работа. А все безумия, творящиеся вокруг – помехи в работе. Какое мне дело до умственного состояния Нателлы Кокиной? Какая мне разница, сколько Кокин наплодил внуков? Разница конечно есть, но Жора чувствует, что ему сейчас необходимо нечто простое, как кирпич, осязаемое и понятное. Убедиться, что нормальная жизнь существует в природе. Когда люди едят, работают, рождаются, умирают, плятятся в телевизор и занимаются любовью. Жора хватает телефон и ищет Ксюняшин номер. «Пусть дура, – лихорадочно думает он – но уж точно нормальная. Обыкновенная устойчивая четырехлапая дура. Пообщаюсь еще немного с Кокиными – и пропади все пропадом – женюсь на этой тумбочке. Заведу сервант, кальсоны с начесом и лысину в три обхвата...». Жору передергивает и как раз в тот момент, когда он уже готов отшвырнуть трубку, уstraшенный своей будущей деградацией, на том конце отвечают.

*

Дверь мне открыла жилистая деревенская баба.

– Вам кого? – поинтересовалась она и уставилась на меня так, как будто собиралась нарисовать по памяти мой портрет.

– А хозяйева где? – вопросом на вопрос ответил я и тоже уставился на бабу.

– Дочка на работе, надо думать, в музее. А куда мамашу нелегкая понесла – я без понятия. Сказала мне тут убрать, только так, чтоб ничего не трогать. Я сдуру согласилась – деньги на дороге не валяются, а она возьми и уйди. А я уже два часа соображаю, как это можно так прибрать, чтоб ничего не трогать? Ну, пыль вытерла, холодильник помыла, окна протерла. А все остальное надо трогать. И не просто трогать, а на помойку выносить. И никого нет и ключа у меня тоже нет, и телефоны они не берут. Дурдом, одним словом.

– Как пройти в музей? – спрашивает Жора, слегка оглушенный жалобами. Баба, жестикулируя костлявыми руками, объясняет дорогу и закрывает:

– Я это вам только затем говорю, что пусть Бела эта самая придет и дверь закроет. А то сижу под арестом, они все пропали и трубки не берут. Если через два часа никто не явится, так и знайте – брошу все как есть и уйду. У меня тоже время не казенное. А вы скажете, что я не просто так, а предупредила...

Жора, не попрощавшись, уносится в указанную сторону. Он понимает, что еще чуть-чуть – и ему придется самому сторожить Кокинскую дверь. «А уж это вряд ли продвинет меня на пути исследования живописи» – думает Жора, убегая.

При входе в небольшой деревянный музей помещается баба-близнец предыдущей. Только баба номер один была одета в джинсы и серую олимпийку, а баба номер два щеголяет коричневой блузкой в крупные цветы с золотыми прожилками и поэтому производит впечатление более преуспевшей в жизни. «Хотя, учитывая наши музейные зарплаты, – думает Жора, – еще неизвестно, кому из них больше повезло...». Баба твердо намерена взять за вход плату и жалкие жорины доводы в виде членского билета Союза художников ее не впечатляют.

– Ваш день – вторник! – заявляет служительница. – Ходят тут всякие. Итак за неделю всего три билета продала. Каждая сволочь норовит бесплатно пролезть. Школьники – бесплатно, студенты – бесплатно, пенсионеры – бесплатно... Можно подумать, кроме них еще кто-то в музей пойдет. А теперь непонятно, будет ли вообще отопление зимой, со всеми вами, шаромыжниками...

– Я по делу, – не сдается Жора. – Мне нужно видеть Белочку Кокину. Может быть, вы мне ее позовете?

– Вот что, молодой человек, – говорит свирепая охранница. – я вам по возрасту в бабушки гожусь, и скажу сейчас так, как будто я ваша бабушка и есть: ничего у вас не выйдет! Вы думаете, она зря до сих пор в старых девах сидит? Девчонка симпатичная, все при ней, а никогда ни полпарня у нее не было. – баба снимает очки и перегибается через стойку. Шепот с клекотом вылетает из нее вместе с влажными брызгами, и вставная челюсть, кажется, вот-вот покинет насиженное место.

– Нечисть она, твоя Белочка, вот кто! Меньшинство. Мы с тобой, с вами, то есть – люди, а она нет. Большинство – это такие как мы, а меньшинство – такие, как она. Раньше их кикиморами называли, бабами ягами всякими. То смотришь – она девчонка, а то мужик, то старая, то молодая... Нет, большевики не зря с такими боролись, при Союзе их в узде держали, а теперь только и слышишь – меньшинство да меньшинство. Это по современному – меньшинство, а по правде – нечисть.

– Один взрослый, пожалуйста, – деревянным голосом просит Жора, вынимая деньги.

– А иди... – равнодушно махает рукой баба, снова уминаясь за стойкой и надевая очки. – Все равно отопление отрубят. Направо сразу напротив лестницы – кикимора твоя там экспозицию готовит. Знал бы Кокин, какая деточка у его дочки народится – в колыбели бы удавился...

Жора прячет кошелек обратно в рюкзак и отправляется в указанном направлении. «М-да... – думает он, – темы для бестселлера так и валяются мне под ноги, а я дурак, только их отпихиваю. Сел бы и накатал сейчас за две недели: “Виктор Кокин. Лирический пейзаж глазами вурдалака”. Папа гордится, мама плачет, а Ксюняша делает подружкам большие глаза и шепчет “но ведь это все правда!”. Счастье рядом, а я занимаюсь живописными тенденциями и биографией...».

В небольшом квадратном зале светло и пусто. В углу сдвинуто несколько свободных витрин. На большом белом подиуме, в зеленом ведре – невысокое сухое деревце. Возле него суется старый Жорин знакомый – Женек. Деятельность его представляется непонятной. Присмотревшись, Жора замечает, что Женек обвешивает несчастное деревце какими-то пакостными украшениями. Похоже на то, что с сухих веток свисают на тонком шпагате не то сосиски, не то экскременты разных размеров. Вокруг подиума разбросаны коробочки из-под пластилина. Жора неуверенно кашляет, и музейная акустика щедро компенсирует его нерешительность.

– Здорово! – не оборачиваясь говорит Женек. – Композиция еще не закончена, но смотреть уже можно. Перед вами генеалогическое древо Кокиных, выполненное со всей возможной наглядностью.

Жора подходит ближе и замечает, что то, что казалось ему экскрементами или сосисками – на самом деле крайне неумело выполненные человеческие фигурки, подвешенные к веткам за то место, где предполагалась шея.

– Прошу! – Женек делает широкий жест в сторону древа. – Марфа Сергеевна и Давид Псоевич Кокины – родители художника. Поскольку у каждого из них тоже, скорее всего, имелись родители, ветки под ними украшены изображениями фигур. А так как доподлинно известно имя только бабушки Виктора Давидовича со стороны отца, все остальные фигуры выполнены без лиц и вообще человеческих черт. Чтоб отделить бабушку от безымянных предков, ее изображение украшено платком. Обычный платок ей не подошел ей по размеру, поэтому мне пришлось обойтись носовым.

Подвешенная за шею пластилиновая сосиска, завернутая в носовой платок, жалбно вертится на веревочке. Из черт лица в буром пластилине проверчены две дыры, означающие глаза. У висящего рядом «дедушки» глаз нету.

– Что же вы их так за шею? – говорит Жора. – Это как-то мрачно получается.

– А как иначе? – отвечает Женек. – Я пробовал сажать их на ветки как птичек – выходит несерьезно. Недостойно уважаемых людей сажать как каких-то вульгарных скворцов. Пробовал продевать веревку под мышки, но увольте – это надо же каждому эти самые подмышки слепить. Я не успею – экспозиция в этот зал через три дня переселяется.

Жора обходит жуткое древо кругом. Внимание его привлекают мелкие разноцветные сосиски, щедро развешанные на нижних ветках дерева.

– А это что у вас имелось в виду?

– Это многочисленные младенцы Кокины, умершие до обретения индивидуальности. Сами знаете, как до революции было с этим делом. То есть я могу только предполагать, конечно, но, по-моему, довольно правдоподобно. К тому же надо было как-то композиционно нагрузить нижнюю часть. По центру у меня будет фотография Кокина, вот здесь, между этими ветками. Не знаю, в какой форме дать его супругу – то ли тоже фотографию, то ли слепить. Вы как думаете?

– По-моему, это ужасно, – искренне отвечает Жора.

– Да. Правда в искусстве всегда производит жуткое впечатление, – соглашается Женек и вешает на самую верхнюю ветку трехголовую сосиску. – А это у нас последний побег благородного древа, украшающий его верхушку.

– Трехголовый? – переспрашивает Жора?

– Вы полагаете, изображение фаллоса подошло бы здесь больше? Я думал об этом, но все-таки не могу согласиться, что в итоге вышла полная херня. Определенный позитив, так или иначе, должен быть.

– По-вашему все эти повешенные младенцы – это позитив?

Женек поворачивается к Жоре, тычет его в грудь выпачканным в пластилине пальцем:

– Молодой человек! Вы чересчур категоричны! Научитесь не делить мир на черное и белое, и вам многое простится. Учитесь видеть нюансы. Потому что оставленный без присмотра нюанс имеет привычку перегрызать растяпам горла. А это далеко не всегда безболезненно, молодой человек.

Обеденный перерыв в музее. Жора в сопровождении Женька топает к ближайшему парку.

– Смерть отца для Нателлы Викторовны была грандиозным ударом. По-моему, она втайне была уверена, что он бессмертен...

– Послушайте, – останавливает собеседника Жора. – Я не прошу углубляться в подробности жизни Нателлы Викторовны. Я просто попросил вас рассказать немного о ее дочери, чтоб я мог понять, как мне с ней общаться.

– Да, со смертью Виктора Давидовича Нателла прозрела: отец оказался смертен, значит, и она сама, возможно... Матери, Юлии Сергеевны, к тому времени уже не было на свете. Ее похороны были очень печальны. Почти никто не пришел. В гробу она лежала с напряженно стиснутым ртом – как будто твердо решила перетерпеть и это. Перепуганная Белочка жалась к холодным памятникам и старалась не плакать – «распускаться» в этой семье считалось недопустимым. Две старенькие соседки, Нателла Викторовна. Виктор Давидович к тому времени уже не выходил из дома и на похороны не пошел. Если бабушка надеялась на признание хотя бы после смерти – она жестоко ошиблась. Кокин после ее кончины стал еще спокойнее, как будто исчез какой-то раздражающий аспект. Дочь носилась вокруг отца в освободившемся пространстве, спотыкаясь о собственного ребенка, и все блага, до которых она могла дотянуться, оказывались в распоряжении Кокина немедленно. Его это оставляло равнодушным – он торопился дописать то, что хотел, понимая, что времени почти не осталось. Похороны Нателла Викторовна закатила такие, что вся Рачня содрогнулась. Владелец местной гостиницы после этого слег с язвой. Директор кладбища неделю заикался. Город наводнили маститые личности в пиджаках. Горсовету едва удалось убедить Нателлу Викторовну не развешивать траурные ленты на фонарях центральной улицы. Она готова была сделать это собственноручно. Местная радиостанция получила страшный нагоняй за пропущенную по недосмотру юмористическую передачу. Министр культуры не приехал, за что был очень основательно прилюдно проклят... Город еще долго трясло потом, а клумбы стояли лысые. Выставив из дома пиджаки, которым в гостинице не хватило места, Нателла Викторовна неожиданно обнаружила, что у нее есть дочь.

– И, вероятно, вся любовь и надежды осиротевшей женщины сосредоточились на ребенке?

– Ну, как вам сказать... Сосредоточиться сосредоточились, только не любовь и не надежды.

– Расскажите мне о работе Нателлы Викторовны как художника, – просит Жора. Фиг с ним, Нателла, так Нателла. Пусть рассказывает. Может тут удастся подцепить кое-что для книги. Почему бы не дополнить альбом несколькими репродукциями ее работ, если они того стоят?

– Нателла Викторовна – на редкость талантливый художник, но увидеть ее работы, к сожалению, невозможно. Беда в том, что она считала себя настолько ниже отца, что не могла позволить себе сделать что-то лучше его. И если вдруг мать настигала творческая

удача, она пугалась и начинала портить. Ее ранние работы обещали очень многое, но обещаний своих не выполнили. Позже она нашла себя в монументальном искусстве. Дочери знаменитого Кокина не приходилось жаловаться на отсутствие больших заказов. Тогда же Нателлой Викторовной овладела идея о том, что искусство должно саморазрушаться. Она брала заказы исключительно на росписи, выполняла их со всей силой своего таланта, но...

– Где-то можно увидеть ее работы?

– Нет. Они простояли в среднем от пяти до десяти лет, а потом их попросту сдуло, как осенние листья. Есть мнение, что Нателла Викторовна что-то добавляла в грунтровку – она тогда как раз увлекалась химией. Возможно дело в том, что бедняга счастлива и горда была быть дочерью Кокина, но стать просто Нателлой Кокиной она так и не решилась. Хотя убила бы того, кто такое предположил бы. Ее дочь оказалась честнее в этом плане – она решительно отказалась от собственной личности. Хотя в этом ей тоже помогли.

– Мать?

– Ну да, мать. После смерти Кокина Нателла Викторовна вцепилась в ребенка мертвой хваткой. Счастье еще, что она ничего не умела доводить до конца. Когда она взялась лечить девочку от болей в желудке, она чуть не довела несчастную до язвы. Но когда все предпосылки уже созрели, матери внезапно надоело, и Белочка отделалась обострением гастрита.

– Сколько было ей лет, когда не стало деда?

– Тринадцать. Вообразите теперь, что несчастный ребенок, который никогда не видел материнского тепла, вдруг получил себе на голову всю эту мать целиком. Радости девочке испытывать было нельзя – в этой семье не радовались в принципе, а тут еще дедушки не стало, как можно? Мать с припадками каменного отчаяния, которое девочке приходилось принимать на себя. Была малышка скверно одетая, полуголодная. Вечно простуженная, потому что у мамы слишком большое горе, чтоб чинить котел отпечения. Когда мать слегка отпустило, Белочке крепко влетело за то, что она ходит распустехой и не следит за собой. Страшное слово «распущенность» – обозначение всех смертных грехов в этой семье. Что она могла в тринадцать-то лет? Ночами стирала в холодной воде свои единственные почти приличные брюки и утром надевала непросохшие. Через две недели мать заявила, что Белочка обращает слишком много внимания на свою внешность и растет тряпичницей и мешанкой. Вечерами они сидели вдвоем, и мать вела с дочкой долгие беседы. Белочка до сих пор этими вечерами гордится. Ведра душевных помоев, вылитые матерью, не давали ей потом заснуть, ребенок шел на кухню и глотал транквилизаторы, рассчитанные на взрослого человека. Впрочем, если уж ей не по-детски доставалось, то и лечиться она имела право недетским образом. Ребенком ей быть не разрешалось. Единственное, что дала ей ее юность – это умение виртуозно приспособливаться под материнские требования. Они становились все неожиданнее и разнообразнее. Вопреки всему Белочке удалось отказаться рисовать. Тихая послушная девочка подняла страшный бунт. Гены Юлии Сергеевны Бернацкой и Нателлы Викторовны Кокиной дали ей силу восстать с такой непримиримостью, что Белочка оказалась в больнице. Мать перепугалась, неделю носилась по невропатологам и терзала неповинный персонал. Обещала, что даже карандашей в доме больше не оставит. Потом увлеклась шахматами...

– При чем здесь шахматы?

– Понятия не имею. Через две недели, на протяжении которых медсестры облегченно вздыхали, Белочка собрала свои вещи, аккуратно застелила койку и на троллей-

бусе поехала домой. Рисовать ее больше не заставляли. Больше бунтов не было, гены спрятались, осталась послушная худая некрасивая девочка. Мать посмотрела на нее и пришла в ужас – как это ей, блестящей Нателле Кокиной, удалось вырастить такую моль? Ребенок не подавал абсолютно никаких надежд. Белочка не была даже debilкой, позволяющей матери нести свою печаль с отличием. Она неплохо училась, следила за домом, насколько это возможно для девочки-подростка, которую к тому же ничему такому не учили. Выслушивала материнские бредовые построения. Она была приучена слушать еще бабушкой. Не жаловалась. Но гены, вы понимаете. Страшная вещь. Куда ей было деваться с ее потенциалом, с ее талантами, страхами, ненужной никому любовью, большой и сложной личностью, переданной ей дедом, бабушкой, да и матерью, в конце концов? По логике вещей, она должна была или сойти с ума или смертельно заболеть. Она и пыталась, но вышло совершенно по-другому, потому что с логикой в этой семье не дружили.

– И что же случилось? – не выдерживает Жора затянувшегося молчания.

– Случилось то, что я сейчас опоздаю в музей, – сообщает Женек. – И эта выхухоль у входа меня выпотрошит и поставит в качестве экспоната. Приятно было поболтать о семейных отношениях. Всего доброго!

Женек пожимает Жорину руку и скрывается за стриженными кустиками. Жора опускается обратно на скамейку и только через полчаса до него доходит, что он опять ничего не узнал.

Майя ДИМЕРЛИ

НЕ КУРИТЕ, ДЕТИ!

Руслан, от которого все мои беды, снова нашел, чем заняться. Вернее, он нашел окуроч, и мы должны были его докурить. Чтобы не попасться на глаза его дедушке с бабушкой или моим родителям, мы решили забраться в курятник. Так называлось место под нашим крыльцом, куда вела крохотная дверца, в которую свободно могла войти только курица. Трехлетняя же я, протискивалась не так свободно, потому что ростом была с целых полторы. В курятнике было достаточно темно и очень грязно. Красиво выражаясь, это были авгиевы курятни, которые достались нам от курей предыдущих владельцев дома. Именно там, в курятнике, где не было никаких кур, мы и собирались курить.

Руслан был старше меня года на два и, чего уж там, идеи, которые приходили ему в голову, меня бы никогда не посетили. Мы протиснулись в курьи ворота и расположились, как могли. Не успели мы хорошенько рассмотреть окуроч и чиркнуть спичкой, как нас застукал мой брат. Курить он не собирался, но зато сказал, что если я буду курить, то он расскажет маме. Я выбрала курить! Я ведь дала слово Руслану, неужели непонятно?

Окуроч мы благополучно докурили, и нам даже удалось не устроить пожар. Мы тянули дым в себя, мы дули в сигарету, но так и не поняли, зачем взрослые курят. Что такое курить в затяжку мы, естественно, не знали и делать этого не умели. Но послевкусие все равно было не из приятных.

На следующее утро я, как обычно, пришла в комнату к родителям. Они уже не спали, и я уселась на диван. И тут начался спектакль.

– Жорик, – сказала мама трагическим голосом, обращаясь к папе, – ты знаешь, какой ужас?! Я читала в газете, что некоторые маленькие дети курят!

– Да, Валюша, – задумчиво ответил ей папа, – я знаю. Самое ужасное, что эти дети никогда не вырастают!

– Бедные дети! – пожалела мама «бедных детей».

Мне было очень неудобно за родителей, потому что актеры они были так себе. Самое обидное было то, что мои родители всегда разговаривали со мной, как со взрослой. Зачем же теперь нужно было придумывать это вранье? Конечно, я вырасту! Главное, что я сразу поняла, так это то, что живу под одной крышей с ябедой.

Ах, как юна и самонадеянна я была тогда! С каждым днем я все отчетливее понимаю, что мои родители говорили правду.

Я так и не выросла.

СКОРОСТЬ – НЕ ГЛАВНОЕ

Я бежала со всех ног домой. За мной гнался мой шестилетний брат на три года старше меня. Тощий и ногастый. Я должна была успеть добежать домой первой. Это было делом жизни и смерти. Только бы не упасть по дороге. Тогда всё! И я бегу, бегу, выбиваясь из сил. Вот я уже взбираюсь по лестнице на крыльцо, а он все ближе. Ну же! Давай! Я вбегаю в дом. Надо срочно найти маму и я кричу:

– Мама! Мама! Где ты?

Из кухни в коридор выскакивает перепуганная мама.

И тут в дом врывается мой брат и громко кричит:

– Мама! Мама! Не верь ей! Она все врет! Я не целовался с Лариской в сарае!

Все-таки скорость – не главное!

НЕТ НИЧЕГО ВКУСНЕЕ

Мама ездила на работу на электричке. Когда она возвращалась, то иногда привозила большой бумажный кулек конфет «Коровка» эстонской кондитерской фабрики «Калев». Такие кульки в магазинах сворачивали из больших листов разно-коричневой бумаги. Эстонская «Коровка» была завернута в красные фантики. Какие фантики были у нее в Одессе, я не помню. Коровок в кулке было полтора кг. Больше «в одни руки» не отпускали. Дни, наполненные коровками, были самыми счастливыми, хотя длились недолго, несмотря на все усилия мамы контролировать поедание заветных конфет. Однажды я открыла маме свою душу.

– Хочешь знать, о чем я мечтаю? – спросила я у мамы.

– Конечно, – ответила мама и приготовилась внимательно меня слушать.

– Я мечтаю, чтобы у нас был такой кулек «божьих коровок», который никогда бы не потрагился.

Я все время неправильно называла эти конфеты «божья коровка» – так сильно они мне нравились. И правда, на свете не было ничего вкуснее...

Может только сгущенка. И живачки. Мятные и апельсиновые. И еще конфеты «Полет», такие вкусные леденцы, похожие на таблетки «аскорбинки», только прозрачные. Кстати, аскорбинки тоже очень вкусные, хоть и лекарства.

Вообще, так много вкусных лекарств! Вот, например, «полиэмилитки», которыми нас кормит дядя фельдшер, когда мы с мамой и братом ходим в Амбулаторию. Сначала он прикладывает к нашим с братом шкирлетам холодный стетоскоп и тот постепенно об нас нагревается, а мы должны то дышать, то не дышать. Открыть рот и сказать: «А-а-а-а!». А потом доктор даст нам эти вкусные шарики – полиэмилитки, чтобы мы не заболели полиэмилитом*. Я бы каждый день ходила за ними в Амбулаторию, но видимо их всегда не хватает, потому что часто нас туда не зовут. Зато мама может купить «Гематоген». Тоже очень вкусное лекарство, если у тебя не хватает железа. Как мне хочется, чтобы у меня не хватало железа! Но самое, по-моему, вкусное лекарство, все-таки, Пертуссин. Такой сладкий сироп. Только тут надо хорошенько постараться и заболеть.

А вот еще в Универсаме продают пепси-колу. Таковую, в маленькой бутылочке с красивой сине-красной крышечкой. Это самая вкусная в мире газировка. Ни Буратино, ни

* автор знает, как правильно пишется это слово (прим. автора)

Дюшес, никакое другое ситро не могут с ней сравниться. Даже Байкал. Он, конечно, похож на пепси-колу, но все равно она вкуснее. За пепси-колу я готова... ну... просто, что угодно!

А еще вот эти тубики. Один маленький с ярко-красным прозрачным кисло-сладким желе, наверное, смородиновым или клюквенным. Называется «Космос». И другой тубик, большой, с фруктовым повидлом. Я могу за раз съесть целый тубик Космоса или почти целый тубик этого повидла. Надо только немного подождать, отдышаться и доесть. Самое здоровское в этом то, что ты можешь есть из тубика, как настоящий космонавт. А кто не хочет стать космонавтом? Я лично очень хочу! Да это даже решено уже!

Когда я вырасту, я обязательно полечу в Космос!

СМЕРТИ НЕТ! (НО ЕСТЬ БАРМАЛЕЙ)

Однажды я играла во дворе, и мне срочно понадобился мой мяч. Я забежала в дом и, не снижая скорости, влетела в нашу с братом комнату. Мячик должен был ждать меня под кроватью. А на кровати лежала моя бабушка. Она держалась за сердце и тихо стонала. Ее «прихватило», пока она была на огороде.

– Что, бабушка, умираешь? – по-деловому спросила я.

– Да, внученька, умираю. – ответила бабушка, надеясь услышать слова сочувствия.

– Ну, ничего, бабушка, – успокоила я ее, – я тоже умру.

Выудив мячик из-под кровати, я убежала во двор. А бабушка еще не раз вспоминала, как осталась лежать на кровати, держась за сердце и пытаясь не смеяться. Смеяться ей было больно, но не смеяться она не могла.

– Посочувствовала родной бабушке! – вспоминала она мне спустя годы.

Вы только не подумайте, тогда я не была жестокой. И я умела сочувствовать. Но когда знаешь, что ничего страшного не произошло, то, что ж поделаешь?

Я помню, как мой брат бежал из нашей спальни и кричал, что не хочет умирать. Может ему что-то приснилось? Я почему-то в это время еще не спала. Взрослые пытались его утешить, но он продолжал кричать, что не хочет умирать. Я подошла к нему и сказала правду:

– Смерти нет! – мне было странно, что он не знает.

Откуда знала я? Да я видела это собственными глазами! Вернее, когда закрывала глаза. Я часто это видела.

Абсолютно черное пространство. Нет ни пола, ни стен, ни потолка. То есть, они есть, но их не видно. Мы лежим на полу: мама, брат и я. Так можно догадаться, что пол все-таки есть. Но все равно, ничего не видно. Зато нас видно очень хорошо. И мы мертвые лежим на полу. Наверное, мы умерли одновременно. А потом приходит медсестра – молодая тетенька, в туфлях на каблуке (я даже слышу, как ее каблуки цокают по деревянному полу), на ней белый халат и белая шапочка с красным крестом. Ее тоже очень хорошо видно. В одной руке она держит стеклянный пузырек с большим бумажным ярлыком, а в другой столовую ложку, или даже больше, чем столовую. Она по очереди подходит к нам, наливает в ложку из пузырька какую-то микстуру, а потом наклоняется и выливает ее в рот, сначала маме, потом брату, а потом мне. И мы встаем. И мы живые.

Так что главное – не паниковать, даже если вы умерли, а просто дождаться медсестру.

И вообще, на свете есть вещи, пострашнее смерти. Например, Бармалей. Даже не думайте смеяться. Я точно знаю, что вы понятия не имеете, насколько это страшно. Но это

единственное, чего стоит бояться. Вы, наверное, читались Чуковского и насмотрелись картинок в книжке. Мама нам каждое утро читает книжку «Чудо-дерево». Мы с братом ее очень любим. И Чуковского я очень уважаю. Он многое знает. Там, рыбы по полю гуляют, и крокодил папиросы курил, и ботиночки на дереве растут. В общем, если человек умный – это видно сразу. Но с Бармалеем он явно промахнулся. Когда я первый раз увидела рисунок с Бармалеем, я решила, что это шутка такая. А потом поняла, что они с художником просто ничего не знали. Так вот, сегодня, похоже, вы узнаете правду.

Он приходит только, когда рядом никого нет, и никто не поможет. Он приходит только тогда, когда я сплю. Мне снится комната. Моя обычная комната. Настолько обычная, что вы бы никогда не догадались, что это сон. И я играю в игрушки. А потом, я понимаю, что приближается Бармалей. Я это чувствую кожей, душой, поджилками. И шторы на окне начинают вздуваться и тянуться в мою сторону. Никак нельзя, чтобы Бармалей не пришел. Потому что даже шторы уже все поняли. И я одна. И самое страшное – это увидеть его. Поэтому я всегда падаю лицом вниз и закрываю голову руками. И я чувствую приближение силы, против которой ничего не могу. И шторы срываются с карниза и накрывают меня. И тогда я просыпаюсь и кричу: Бармалей! И я бегу в комнату к маме. Передо мной абсолютно черное пространство. И всегда в абсолютной черноте эти желтые горящие пятна у меня перед глазами. И ничего не видно. Но это не важно. Я и так знаю куда бежать, чтобы найти маму. Или мне так страшно, что я не могу пошевелиться, а только кричу: Бармалей! И тогда мама бежит ко мне. Она ложится рядом, обнимает меня и что-то говорит, и я уже не боюсь. Я знаю, что сегодня он больше не придет. Потому, что он приходит только, когда рядом нет никого, и никто не поможет.

Так что, вы теперь понимаете, что его никто не видел и поэтому никто не может его нарисовать. И тот Бармалей у Чуковского просто мелкий жулик.

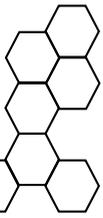
Но знаете, жизнь очень смешная штука. В ней постоянно что-то меняется. Многие на это жалуются. Я и сама из-за этого тысячу раз выглядела глупо. Но все же, мне всегда было легко, потому что я живу, зная главное – смерти нет, а все, что есть у меня, я могу прикинуть на пальцах. Это упрощает подсчеты, делает жизнь понятной и прозрачной, и я в любой момент могу подвести итог. И я делаю это каждый вечер. И этот итог уже много лет не меняется:

У меня остался Бармалей, но мама больше не придет.

Ну да! Да!!! Ладно! Черт с вами! Пусть будет по-вашему!

Пусть будет наоборот.

Ирина Иванченко

ТМУТАРАКАНЬ

*Из Киева дорискаше до кур Тмутараканя...
Слово о полку Игореве*

Плыви, мой челн, на остров Турухан,
к зыбучим землям, непокорным водам.
Где тишь да гладь – нет корма для стиха.
Волнение – залог его прихода.

Где истекает кровью истукан,
там свет и тьма ударят по рукам,
затворник сложит вымысел болезный,
а я пойду искать Тмутаракань
по роковым стечениям созвездий.

Ничто не обещает нам войны
со светлой или темной стороны –
ни Гамаюн, ни вещая комета.
Попутна ночь, и оттиском луны
небесный свод заверен до рассвета...

Уткнется челн в змеиный бережок.
Коса речная да найдет на камень,
и басурманский охранит божок
курлычущий торжок Тмутаракани!

Он внятен – гул утерянных веков.
Поет домбра в скоплении народа
про славные победы степняков,
славян ошеломленные походы.

Одна на всех и каждому – своя
торгует правда истощенным телом.
Плыви, мой челн, в межзвездные моря,
в подземные и горние уделы.

Откуда есть пошла Тмутаракань?
Из уст моих, от смешанных наречий.
Кыпчакским словом полнится гортань.
Поет о мире голос человеческий.

Какого бога ныне умолю
о милости, чужому небу внемля,
за то, что одинаково люблю
и чувствую и ту, и эту землю?

От соколиных, сиверских времен
птенцы соседних улиц и племен –
мы остаемся близкими врагами.
Гудит шоссе. Плывет по небу челн.
Слова о полку ранили пергамент.

ИОРДАН

На мутное время негоже и стыдно пенять –
ходи по воде, и пускай причисляют к блаженным.
Он в воду глядел, сочиняя тебя и меня,
дословно копируя в глине свое отраженье.

От глаз обольстителя, духу сулящих покой,
а имени – славу, укрой, обесточивай зренье.
Он реки наполнил и нас приучил испокон
прилаживать к ним беззащитные наши селенья.

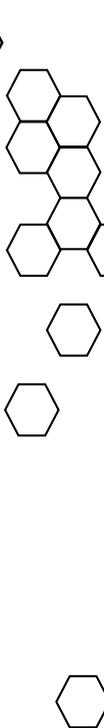
Нам некогда строить, сподручней иные труды:
устои ломать да одну перемалывать сушу...
А помнишь, Он в реку добавил свяченой воды
и рыбу вложил, будто в тело Адамово – душу?

И глина – сырец, и Подол – проседающий дом,
а время подходит – из камня сложить оригами.
Река пробегает под замыслом, словом, мостом,
так остроконечно впадающим в новую гавань.

Ты помнишь, в соборной Вселенной, у талой воды,
познали друг друга и вышли из Божьей опеки.
И только река ограждает теперь от беды,
и кто оградит от людей уцелевшие реки?

И все-таки верится – общее в нас вещество
заложено – пусть безо всякого внешнего сходства.
Нам в семье сходиться и кровное помнить родство
привычней, чем биться за первенство и первородство.

Ходи по воде, и да будет тебе Иордан
в подмогу, уловом – Десна и укором – Почайна.
Как дети в семью, по весне прибывает вода,
плодится пескарик и щука в реке не мельчает.

* * *

Шел по Подолу, как рыбак по льду,
на ритуальный свой, рыбачий подвиг,
ловил меня, как мир – Сковороду,
искал меня, как замысел Господний.

И общий город нам помог, чем смог,
твоей мольбой настойчивой разбужен:
сплел сети улиц, а узлы дорог,
где я хожу, он затягинул потуже.

И с неба снег на помощь был отпущен.

Когда меня ловил, меня искал,
ты небом был и снегом вездесущим.

И Верхний Вал следил, чтоб Нижний Вал
не пропустил меня в толпе бегущей.

СЛОВАРЬ

1

А если нам вернуться в словари
любимых мест? Нет, в золотую прозу,
где Город расставляет фонари,
как часовых у царского обоза.

Все улицы еще впадают в Днепр,
а Левый берег столь необитаем,
сколь лешими заполнен, и на дне
оврага ходит рыба золотая.

Мы были бы свободны и близки,
не так, как берега реки великой,
а словно струи маленькой реки,
звнящей вдоль поляны с земляникой.

Хотя одной земле принадлежим,
как Левый берег, ты недостижим.

2

Не подменяя музыку собой,
звучу в одном адажио с природой.
Как этот полдень серо-голубой
следит за танцем неба с непогодой.

Не подменяя музыку собой,
я стала звуком гласным, отголоском
весны твоей, мой город голубой,
твоей зимы рифмованной полоской.

Из словарей изъято слово «мы»,
отнимовал мой дом, сожжен, подорван,
а я – о хлебной милости зимы,
о санках, пролетающих Подолом.

Звучу о том, что грянут январь,
в которых мы вернемся в словари.

3

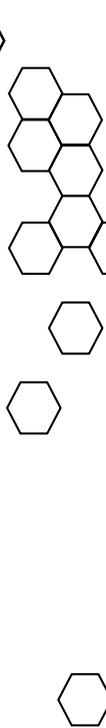
Я помню только музыку о нём.
Лица не помню, голоса не слышу.
Соседский дождь, присматривая дом,
как кровельщик, выстукивает крышу.

Я помню, и не нужно докучать,
молчаньем в рифму заполняя бреши.
Я часто плачу, но моя печаль –
что свитер на плечах окаменевших.

Я помню то, что надо бы отдать,
не пряча под сукно иносказаний.
А дождь идёт, забыв, что он – вода
и на соседней улице хозяин.

Всё отступило: лица, голоса.
И дом отрезан от и обесточен.
Но дождь идёт, подравнивая сад,
как щель на волю, прорезая почерк.

Благодарю – он трудится не зря,
стукач в окно, окрестной пыли сборщик.
Темнеет, и присветесловаря
я слышу только музыку, не больше.

КАЛЛИГРАФИЯ

Памяти художницы Саши Праховой

Не подгадаешь: заходит тихо,
ночью, пока домочадцы спят,
и вдруг выдыхает такое стихо-
тихо-творенье как зимний сад.

Гладит, жалеет, подует в ранку,
ломкую ветку макая в тушь.
И вдруг нарисует такое танка
мелом поверх маслянистых луж.

Мир неочерчен и неограничен
стопкой бумаги, по-зимнему чист,
но восхитительно каллиграфичен
сад, проступивший сквозь рисовый лист.

Чёркает, правит, ещё рисует
что-то из Врубеля на стекле.
Глянет – и тёплое время суток
тянется, словно снега – к земле.

Будет, всё будет: заботы и шалости,
дай черновик довести до ума.
Снежная баба с воздушным шариком,
Прахова, Саша, зима, зима...

* * *

Ирине Потапской

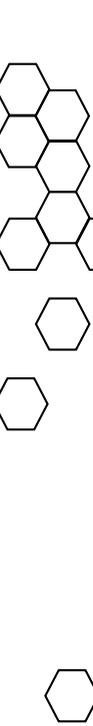
Как в землю отдохнуть уходит холод,
чтоб выйти из земли на Покровá,
так год за годом близкие уходят
в неблизкие, но тёплые края.

Не быстро привыкают к поднебесью
и чаще окликают попервах:
«О, если б ты был холоден... О, если б
ты был горяч в поступках и словах».

Беру тепло взаймы, не прячу, трачу,
плачу за свет, за хлеб благодарю.
Я провожаю, плачу и не плачу.
«Скорее возвращайтесь», – говорю.

Так будем ждать и свидимся, мы будем
жить здесь и там, несхожие в одном:
там, в поднебесье, не болят люди,
но лечат мир молитвою о нём.

Да будет всяк участлив и приветлив
к моим родным в надземных городах.
Там сад сплетён из воздуха и веток.
Совсем как здесь, в Русановских садах.

Станислав МИНАКОВ

МОПСОВЫЙ СКЛАДЕНЬ

*«Одни только пси делали ему небольшую отраду,
облизывая гной в ранах его, и ложась коло него, согривали»
Из жития Св. Антония*

1. НА ПЕРВУЮ ГОДОВЩИНУ МОПСИЦЫ СОНИ

Коль указал Андрюха Дмитриев
на лад созвучий дактилических,
живу, по-прежнему не вытравив
в себе позывов злых мелических,

хожу тропюю сей и сицею, –
хоть выпало нам время то ещё, –
с весёлой толстенькой мопсицею,
похожей на Кота Котовича.

На чью ж любовь ещё надеяться?
Покрыта шёрсткой мягкой палевой,
мне косолапица-младеница
не скажет: «Надоел, проваливай!»

Легчают тяжести житейския;
у ней спасительная функция
Иосифа Аримафейского
иль Спиридона Тримифунтского.

Собака может быть водителем,
почти родителем, радетелем,
душевной кожи заменителем,
твоей судьбы живым свидетелем.

Одна, глазятами библейскими,
следит за утренней молитвою
и вслед идёт, и смотрит: бреешься –
когда по горлу водишь бритвою.

И ведь совсем не в наказание
потычет в ухо мордой искренной,
а в назиданье, в указание, –
кто любит нас любовью истинной.

5.09.11

2.

«Соня, спи!»! Не спит собачка, не спит –
задыхается, трясется, хрипит.
Он ей делает в загривок укол
и выносит подышать на балкон.

А на холоде ночном – лепота!
Погляди на небеса, лапота:
можно лапою достать Гончих псов
и Медведиц увидеть меж усов.

Страшно, страшно, даже если шутя!
И, прижав к себе зверька как дитя,
он полночи на балконе стоит
и чудное говорит-говорит.

У собаки, – говорит, – не боли!
И у кошки, – говорит, – не боли!
И у Сашки, – говорит, – не боли!
И у Ашки, – говорит, – не боли!

3.

У грешника болит рука. Он болью, будто тряпка, выжат.
Рука нужна ему пока. Урча, собачка руку лижет.

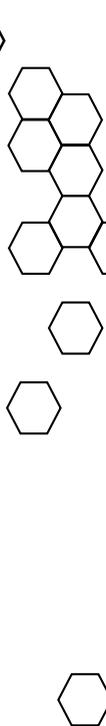
Зверёныш – верный терапевт, зубастый ангел безусловный.
Он жизнь, сходящую на нет, кропит всерьёз слюной солёной.

Крепись – до Страшного суда. Греми, собакаина посуда!
Нам сказано: «иди сюда», и никогда – «иди отсюда».

4.

Человек тоскует по собаке.
То и есть та самая тоска:
слышится как будто паки, паки –
ближний лай из дальнего леска.

Человек глядит на юго-запад,
видит там коричневый закат.
А слезоточивый пёсий запах
не уходит никогда, никак.

Может быть, пора уgomониться,
и наступит в целом благодать.
Ты жива ещё, моя мопсица?
Трудно с расстояньем совладать.

Но помеха ль сотня километров
нам для волевого марш-броска?
Заиграйте на рояле «Petroff»,
чтобы враз покинула тоска!

15.01.15

5.

Ты стареешь. Но всё ж не очень.
А собака – стареет быстро.
Увядает от ночи к ночи,
как карьера премьер-министра.

Отвисают у пёски ушки,
как тесёмки у старой шапки,
льнёт седая башка к подушке,
не вмещаются лапки в тапки.

Окликаешь зверька из бездны
и моргаешь на мониторе,
но старания бесполезны –
даже если полезно горе.

Понапрасну твой голос дышит,
ничего у тебя не выйдет:
даже если собака слышит,
то мерцаний твоих – не видит

в нетях тщетного интернета.
Кроток сфинкс у камней Хеопса.
Нет на свете грустней портрета –
носогубные складки мопса.

1.11.16

ПРО ЕЖА И КОТА*(У Ирины в Береговом)*

Ёж проходит по саду и ест из плошки кота.
Ёж никогда не скажет, что эта еда не та.
Ёж благодарен жизни за ежевечерний банкет.
Места нет укоризне, когда жуёшь китикет.

Кот, облизавший манишку, ждущий на крыше невест,
мыслит так про братишку: ладно, пушай поест...
Шёрстку морщинит в холке и думает: правда, ну,
нахрен ему иголки, серому дружбану!

Ёж не снимает шапки, ёж говорит: «Фыр-фыр».
И шустро уносит лапки в одну из садовых дыр.
Ёж знает: даются свыше пища и красота.
Уши торчат на крыше. Но ёж не видит кота.

Меж тем, посере́дке ночки так серебрится мех!
Кот надувает щёчки в преддверье ночных утех.
Вслушивается в движение кошкино на меже.
Вот оно, сладкое жжение! Не до ежа уже.

Сент 2013 – 23 янв 2014

КОТОВЫЙ СОНЕТ

Тигру – коту Игоря Лосиевского

Промеж котов мне всех милее – ты.
Из морд вселенских я не знаю лучшей.
Коснись весомой лапою тигручей
Моей души, избавь от маеты!

У нас – грехи, а у котов – хвосты.
Я был бы сам котом, когда б не случай
Избрал меня для участи тягучей
В ином обличье. (Господи, прости!)

Тому, кто все не промолвит «мяу»,
Кто мудр, как Мурр, и кругломорд, как Мао,
Тому, кто кот, котлету предложу.

И, прорывав «тайги» усатой имя,
Возрадуюсь, что желтыми своимя
В зеленые твои глаза гляжу!

Канун 1999, года Кота

ПАСТУШЬЯ ПЕСНЬ

Н.Виноградовой и В.Носаню –
порознь, но объединительно

Откровенье коровьего ока, карево,
золотореснитчатой моей Ио, –
лишь о нежности говорящей и о

неизменном терпенье... Теперь к чему
мне на свете иная му-
зыка сверх мычания твоего. Му-

хи да слепни вокруг хвоста,
ан не знала плети-кнути-хлыста,
ведь превыше всех ты, говядя моя, чиста!

Я тебя укровом своим сокрыл
от подлючих сучьев, от сучьих рыл.
Словно парусы славны, как пара крыл –

уши, уши пушисты. Уж бел бок –
вымя и пупок погрузив в Бельбек*,
пой-пой-пой, говядушко! Быть иль нет пальбе,

выйдут зори, неотбелимые, как кровя,
ничего не надо мне окромя
губ щекотных твоих: слюной окропя,

прикоснись к щеке. А я тебя – обойму,
прилабунюсь, забудусь, верная! Посему
не изведаю страха, а равно – му-

чений, и не вспомяну про свою свирель.
Был я Зевс, а нынче – молчальник-Лель.
Не забыть бы, где сунул тесак – под какую ель.

* Бельбек – река в Крыму

ПЕСЕНКА ПРО ОСЛИКА

*Ирине Хвостовой,
Дмитрию Сухареву*

Спасаемся или пасёмся?
Доколе? Куда? И на кой?
По сёлам несётся позёмка.
А ослик – кивает башкой.

Рысистый зверина ушастый –
Не мучил бы слабую плоть
И в дебрях не рыскал, не шастал.
Но если сподобит Господь...

Ослепший от снега ослище –
Как вечный задумчивый жид –
Он счастья, знамо, не ищет,
Но всё ж, не от счастья бежит.

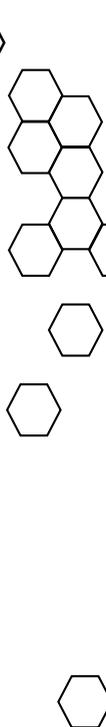
Ведь ночь – неотступна. И дикой,
Промозглой тревогой горит.
...Жена говорит: «Погоди-ка!»
Но муж – «Поспешим», – говорит.

Скрываться... надеяться... деться...
«Иосиф, постой!.. Он устал!» –
И с крупа слезает. И хлеба
Подносит к щекотным устам:

Нелепый, несуетный ослик
Лепёшку пустую жуёт
И слышит космический оклик,
И тычется в бабий живот...

Бывает: откусишь печенья –
От ближних щедрот, не по злу –
И высшее предназначенье
Открыется в карме ослу.

И в радость – родство иль юродство,
И жисть – не сатрап, а сестра!
И хочется быть и бороться,
И уши – на стрёме с утра.

Мы – босы, но светом одеты
И шепчем, коль вьюга сечёт:
«О, пазуха Господа, где ты?
Ты есть, и страданья – не в счёт!»

И дадены Отчие хлебы,
И, значит, Малец – защищён.
В соломе, во Славе, во хлеве!
Во хлеве, а где же ещё?!

22.04.02

КУЗНЕЧИК

Елене Бувевич и сыну её Ивану

Час настал, отделяющий души от тел,
и застыла ветла у крыльца.
И кузнечик, мерцая крылами, слетел
на худую ладонь чернеца.

И продвинулась жизнь по сухому лицу,
и монах свою выю пригнул.
И кузнечик в глаза заглянул чернецу,
и чернец кузнецу – заглянул.

«Как последняя весть на ладони моей,
так я весь – на ладони Твоей...» –
молвил схимник, радея о смерти своей
и луну упустив меж ветвей.

«Перейти переход, и не будет конца –
в этом знак кузнеца-пришлеца.
Переходного всем не избежать венца –
по веленью и знаку Отца.

Нет, не смерть нас страшит, а страшит переход,
щель меж жизнями – этой и той.
Всяк идёт через страх на свободу свобод,
и трепещет от правды простой».

И ещё дошептал: «Погоди, Азраил,
не спеши, погоди, Шестикрыл!»
Но зелёный разлив синеву озарил,
дверцы сферного зренья открыл.

И слышался стрекот, похожий на гул,
и как будто бы ивы пригнул.
...И кузнечик бездвижную руку лягнул:
в неизбежное небо прыгнул.

9–12 октября 2007

ВОЗВРАЩЕНИЕ СОБАКИ

Собака уходит... Тогда звёздный час настаёт
наглюющих соек, ворон, голубей-идиотов;
и всё, что зима оставляет от пёсских щедрот,
становится кормом для них, мельтешащих проглотов.

Во фраке сорока и мелкая подлая птичь
у снеди никчёмной снуют, забываясь до дури,
покуда собака зевает и дремлет, как сыч,
иль самозабвеннейше блох изгрызает на шкуре.

Но вспомнив как будто и ухом пухнастым дрогнув,
зверюга мохнатую голову вдруг поднимает,
и каждый, кто прыгал вокруг плошки, разинувши клюв,
похоже, что общий расклад наконец понимает.

И всякий свистун тарахтит, и звенит, и пищит,
и с ужасом прежним большое движение слышит.
И, вспрыгнув на ветку, трещотка трещотке трещит:
«Она возвращается! Вон она! Вот она – дышит!»

15.01.06

Елена ЛАЗАРЕВА

ТЯЖЁЛЫЙ РОК

Утро сменяет вечер, минует полночь.
Ты, протрезвев от боли, себя не помнишь.
Просто чужого бога зовёшь на помощь:
Свой не спасёт – похоже, давно оглох.
Эта проверка связи – одно расстройство.
Даже в своих глазах ты лишён геройства.
Память в руинах – сколько в себе ни ройся,
Не докопаться, чем ты для мира плох.

Я под прицелом неба в метро спускаюсь.
Мне прописали совесть, но я не каюсь,
А в голове звучит «Systematic Chaos»* –
Чтобы не слушать чей-то похмельный бред.
Чтобы не знать, о чём говорят мужчины...
Пусть у меня для гордости нет причины,
Но от природы требую не по чину,
Не насыщаясь сказками о добре.

Музыка и слова – наш священный опий.
Большая часть трагедий – всего лишь, опыт.
Боги о наши души ломают копыта,
Давние швы расходятся – лишь коснись.
В этих бегах мы ветру бы дали фору.
Там, за плечом – не ангел, а шут придворный.
Вера, перерождаясь, меняет форму.
Сила, переплавляясь, теряет смысл.

Карма такая: может, сама хотела
Строить мосты над пропастью – между делом,
Чтобы душа однажды, покинув тело,
Переступить смогла, не боясь, порог.
Веет весной. И, к счастью, не пахнет раем –
Видимо, мы пока не дошли до края.
Вечность по нашим нотам ещё сыграет –
Вместо зауспокойной – тяжёлый рок.

* Альбом американской группы «Dream Theater»

ДОЖДЬ В ЯНВАРЕ

Дождь в январе беззастенчиво театрален –
Звонкую дробь выбивает, впиваясь в мозг.
Боги Земли околели в своём астрале.
Неба изгиб ненадёжен, как ветхий мост.

Город висит ускользящей голограммой.
Окна домов – будто в полночь огни болот:
Там на обед поедают чужие драмы.
Там на десерт прерывают чужой полёт.

Видишь ли, брат, по-другому уже не будет:
Сети плетёт синтетический сытый рай.
В нём я смешон – одинокий промокший путник...
Не приговор, что планета уже стара,

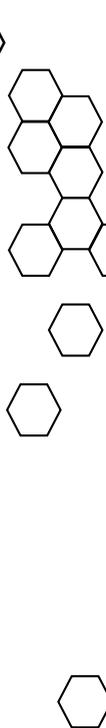
В моде цинизм – оттого притупились чувства.
Мысли – свежи, как больничная простыня.
Здесь ремесло почему-то зовут искусством.
Ты – не игрок, Одиссей в четырёх стенах.

Время – вода. И могло очищать когда-то.
Нынче оно равнодушно, как зимний дождь.
Память – слепа. Вытирает на ощупь даты.
Совесьть – скупа. Но приходит, когда не ждёшь.

Дождь по щекам – как до крови по струнам пальцы.
Дождь по губам исступлённо – молчи, молчи!
Правда – крючок. Ты уже на него попался.
Прячься в тепло, только свет не забудь включить.

Глядя в глаза незнакомцу из зазеркалья,
Стань до конца откровенным хотя бы раз.
Главный ответ мудрецы до тебя искали.
Главный вопрос – ты себе задаёшь сейчас.

И никуда от себя самого не деться,
Слёзы – не грех, и не повод бежать в толпу.
Дождь в январе – заведённый хронометр сердца.
Остановись – чтобы после продолжить путь.

НЕ ПРОЩАЙ

Ничего не случилось – вроде бы,
Только порохом пахнет Родина
И полны закрома уродами,
Чьи стихи – гладкоствольный флуд.
Вы, кто ищет беды, обрящете
Мимолётную славу – в ящике...
Только хочется настоящего,
Предлагают – сплошной фаст-фуд.

И хотелось бы – да не можетя
Наточить поострее ножницы,
А рулоны – они всё множатся,
Будто сходит лавина с гор.
Даже если маршрут изменится,
Я не верю, что бег замедлится,
Завожу с предпоследней мельницей
Доверительный разговор.

Мол, живу, никого не трогая –
Просто карма такая строгая.
Где-то в памяти, за порогами
Все ответы – лежат на дне.
Годы жизни мелькают главами.
С перепугу постигла главное,
И летать научилась, плавая –
Из глубин-то всегда видней.

И когда ничего не хочется,
Свыше данному одиночеству
Отдаю без печали почести –
И довольно меня стращать.
Да, не скованы строки ГОСТами,
Негодует небесный госпиталь,
Только будь справедливым, Господи:
Невиновна я. Не прощай.

ДОРОГА

Снимает зима порыжелый скальп
С верхушек деревьев нежно.
Дорога, которую ты искал,
Завалена пеплом снежным.

С насмешкой метель завывает: «Ишь,
Попался какой упрямый!»
А ты на распутье один стоишь:
Направо, налево, прямо?

Сгибаясь под гнётом вселенских бед,
Отвергнув доспех из фальши,
Настойчиво ищешь в себе ответ –
Куда, ну куда же дальше?

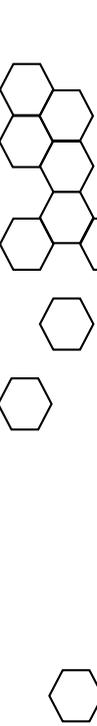
Ты молод. Высоких материй шёлк
Лежит на челе вуалью.
Дорога, которую ты нашёл –
Твоя ли она? Твоя ли?..

Всё те же деревья. Всё тот же лес.
Дыханием пальцы греешь.
На карте – отнюдь не страна чудес,
А ты – не Иван-царевич.

Метель подгоняет – вперёд, вперёд!
И где-то за поворотом
Дорога, которую ты берёг,
Настойчиво ждёт кого-то.

Она ускользает. И смотришь вслед
Без жалости, но с печалью.
А там, в отдалении, виден свет.
В конце? Или нет, вначале?

И слёзы бегут, как январский дождь...
С тобой в неразрывной связке
Дорога, которую ты пройдёшь –
Когда-нибудь в новой сказке.

ЧЁРНЫЙ ТЮЛЬПАН

Вначале твоя душа
Прозрачными лепестками
Ласкает небесный свет,
И кажется – не печёт.
И молится, чуть дыша...
Господь, как заправский Каин,
Смеётся тебе в ответ:
Неправильно, незачёт.

Смятение. Пустота.
Прозрение – и тревога.
Спасение – утопать,
Пока не коснёшься дна.
Кружение – просто так,
В надежде найти дорогу,
Ходьба по чужим стопам,
Попытка себя поднять.

А после, забив на всё,
Творить – до потери пульса,
Творить, постигая смысл
В бессмысленной суете.
Ни Бродского, ни Басё,
Ни модных поветрий буйства –
Омытый дождями мыс,
И Космос, где ты – везде,

Хоть место твоё – в углу,
А жизнь – как турнир по гребле...
На свежий рубец – ожог,
Ни истины на потом.
И ты прорастаешь вглубь,
Качаясь на тонком стебле,
Закутавшись в чёрный шёлк –
Закрытый для всех бутон.

ИНФЕРНО

Так случилось – планета тому ли виной,
Что реальность не радует глаз новизной,
И живёшь в состоянии вечного краха.
Не бытуешь, а именно просто живёшь:
Невесомая роскошь – как в засуху дождь,
И не рвёшь на груди театрально рубаху.

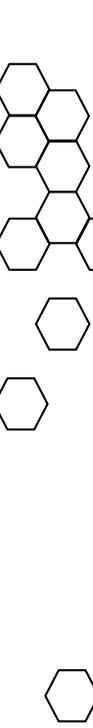
Так случилось – в кустах пробудился рояль,
И свернулась душа в кружевную спираль,
Беззащитно-опасную, как наутилус.
И не стыдно: что выпито – то за свои,
Но осиновый кол в горле комом стоит.
Обыватель в оргазме – ага, докатилась!

Мудрецы не напрасно таким говорят,
Что в извилинах раковин теплится яд,
Что inferno – арена для мистификаций.
Под прикрытием пламени дремлет вода.
Кто меня приручил – тот со мной навсегда,
Я – не пёс, чтобы с голоду в руки даваться.

Всё, наверное, просто: причина во мне,
Что святыни мои оказались на дне –
Разве можно творить, поклоняясь кому-то?
Разве можно, скуля, как побитый щенок,
По тарифу Господнему «всё включено»
Вмиг просаживать жизнь – до последней минуты?

Так случилось. Планета погрязла во лжи.
Хочешь славы – дающую руку лижи
И не смей выделяться из глинистой массы.
Только, Боже, служить – не моё ремесло.
Проще, ветхие мачты пуская на слом,
Хоть куда-то причалить, но в сеть не пойматься.

Ты желаешь награды за храбрость – изволь:
Одиночество – самая сладкая боль –
На усталые струны струится сквозь пальцы.
Не сейчас – много позже предъявится счёт...
Не смотри ни в глаза, ни куда-то ещё.
Не вторгайся, куда не зовут. Не вторгайся!!!

ИСПОВЕДЬ-2

Всё происходит вовремя.
И короли с придворными
Будут хлестать на оргии
Виски – не самогон.
Всё происходит весело:
Все помирают с песнями,
Не при делах поэзия –
Видно, не тот фасон.

Мне никуда не хочется.
Вряд ли оно закончится –
Светлое одиночество
Вымерших, но живых.
Мне ни во что не верится.
Может, земля и вертится,
Но под слепыми берцами
Стынет от ножевых.

Вряд ли мне просто кажется...
Я ненавижу гаджеты.
Господи, ну и гад же ты –
Просто забить на всё.
Видишь, какая музыка?
Вечное стало мусором,
Лучшее, что возьму с собой,
Сильный не унесёт.

Праведник наш неистовый,
Слабость – не грех, но избранность.
К чёрту такую исповедь –
Ты же оглох давно.
Что, не по вкусу истина?
Только, пока не изгнана,
Буду грешить неизданным –
Большого не дано.

СОЛО

Забыта. Забита. Спрятана под замок
Мечта, что невольно предана: ты не смог,
Зажмурив глаза, врага отличить от брата.
Она оживает призраком – лишь во снах,
Казалось бы, сожаление – не цена,
Но каждому дезертиру – своя расплата.

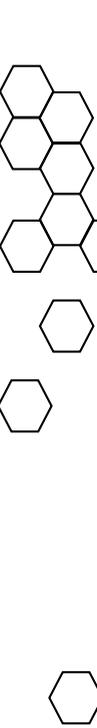
А где-то вдали, как прежде, гремят бои...
Отныне ты служишь ангелом для своих.
Отныне ты служишь дьяволом для чужого.
Того, кто пленил свободой – но сделал шаг
В заветное, заповедное, и душа
Скукожилась, ошетибилась: к чёрту шоу!

И стало невмоготу ни молчать, ни петь...
Наверное, он боится тебя теперь,
И даже себя порой – по ночам – боится.
Ты понял, какая сила в твоих словах...
А дальше – куда? И можно ли наплевать
На то, что пигмалионство – сродни убийству?

Рутинное чувство долга – тоска, тоска...
Предчувствие, что закончится вдруг доска –
И чёрной дырой у ног развернётся бездна.
Спасительно одиночество, но скажи,
По силам ли новобранцу такая жизнь,
Где пламенем адским бьётся огонь небесный?

В хрустальные латы он заключён тобой.
Спасённые возвышаются над толпой,
Свою искупая избранность совершенством.
Когда, поднимаясь медленно в полный рост,
Сочувствуешь ренегату, чей путь непрост –
Мутит от натужной фальши его блаженства.

На память остался траурно-скромный цвет,
И всякий храбрец, дающий тебе совет,
Насилу уносит ноги. Пропитан солью
И солнечным светом воздух – дыши, дыши,
Умело лаская звуком нутро души –
Пока для тебя Господь не сыграет соло.

ТВИКС

Мы отныне с тобой на равных.
Днём с огнём не отыщешь правды
В этом странном бою без правил –
Ты же, Господи, сам просил.
Я к тебе не приду с повинной,
Как с оборванной пуповиной,
У прозрения – запах винный:
По-иному – не хватит сил.

Во хмелю всё намного проще,
Только веру душа на ощупь
Не находит. Святые мощи –
Не спасение от потерь.
Но когда с обнажённой кожей
Выползаешь на свет безбожный,
Понимая: не выйдет позже –
Сгоряча не захлопни дверь.

В этом царстве – ни звёзд, ни терний.
Здесь экзамен сдают экстерном,
Выпивая по две цистерны,
На груди выжигая крест.
Я не знаю другой планетки,
Где ручные марионетки
Отдавались бы за монетку –
И похвален такой инцест.

Он уложит на стол любого.
Не хирург – искушённый повар,
Оглашая вердикт: «Game over»;
Мол, отмучился – подавись.
Ты в порыве сдираешь панцирь,
От сакральных устав экспансий,
А вдогонку тебе: «Не парься.
Сделай паузу – скушай «Твикс».

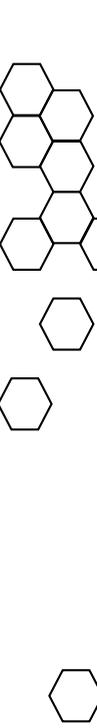
РЕВИЗИЯ

Стольный град. Вместилище всех иллюзий,
Где «хозяин жизни» – по жизни лузер,
И тебя, как шар, загоняют в лузу,
А в июле с неба – дождей десант.
Ты искал полжизни – ну с кем обняться?
Догорела вера в единство наций,
Но тебе останется восемнадцать,
Даже если стукнет за пятьдесят.

На помойку выброшен зомбоящик,
Ты устал от пьянок ненастоящих,
И какой-то бешеный звероящер
Из тепла тебя выгоняет в ночь.
В голове – обрывки забытых песен,
Мир людей в масштабах Вселенной тесен,
Ни к чему орать во всю глотку: «Здесь мы!» –
Тем, другим, наверное, всё равно.

Как летят часы на закате века...
Ты устал от их кругового бега,
Только мысль: «Остаться бы человеком!»
По привычной схеме бинтует мозг.
Омываешь веки прохладой улиц
И мечтаешь: «Только бы не проснулись...»
От густого воздуха сводит скулы,
Не имея гор, ты идёшь на мост.

Так бывает – переоценка хлама:
Что уже ни мама, ни Далай-лама
Не угасят жажды ошибок пламя,
И нирвана – хуже, чем просто смерть.
Под мостом издохнуть смешат угрозы,
Не спит подержанных истин россыпь,
Ты раздумал вдруг становиться взрослым –
И смягчилась, дрогнув, земная твердь.

MY NEVERLAND

Осень. Вечная, серая, мёртвая осень.
И не хочется петь, потому что не просят.
И не хочется пить, потому что отбросы
Узурпируют сладкое слово «запой».
Брат, чего тебе надобно в здешних широтах,
Где безоблачно счастливы только уроды,
И корячится ночь в затянувшихся родах,
А метро так похоже на душный забой?

Здесь линиялое, тусклое, хворое небо,
И четыре угла – сокровенная небыль,
Но не стоит о том, что задуматься мне бы
О поездке на юг. Там едва ли теплей.
Я стараюсь не помнить, ни кто мы, ни где мы,
Сочиняю легенды на вольные темы...
Ой, да брось ты – какая мы, к чёрту, богема?
Научиться бы лучше летать на метле.

Здесь поётся и пьётся и дышится залпом –
Так не слышен тлетворный удушливый запах.
Мне плевать, что прогнило – «совок» или Запад,
Просто хочется снега. В наличии – дождь.
Ну, кому мы нужны – хоть себе-то признайся –
Там, где глотки грызут за дешёвые яйца,
Где туземцы привыкли по жизни бояться,
И желательно, чтобы бесчинствовал вождь?

Но тебе не понять. Да и нужно ли это?
Возвращайся в своё безмятежное лето.
Я – останусь. Прогулки по берегу Леты
Иногда позволяют взглянуть свысока.
Хоть порою и хочется не просыпаться,
Я сжимаю горячие нежные пальцы.
У меня всё сложилось. А эти паяцы...
Леший с ними – недолго осталось скакать.

ГРОЗА*Александр МОЦАР**** * ***

Курс прежний независимо
От твоего желания поменять Вест на Ост.
Но если пустота фиксируется письменно,
То это мой верхний пост.

Просто четыре угла и закипающий чайник.
Что-то бормочет, пока его не остановит щелчок.
Ты завариваешь чай и думаешь: – «Замечательно».
То есть не думаешь ни о чём.

То есть мысли, всё ещё навязывают желания.
Или наоборот, впрочем, это не важно.
Чувствуете, как всё время что-то главное ускользает
Но от этого уже не становится страшно.

К этой двери не подберёшь ни ключей не отмычек.
Внезапно как выстрел ты соглашаешься с этим.
И тогда жизнь становится простым набором привычек
Полезных и вредных в паритете.

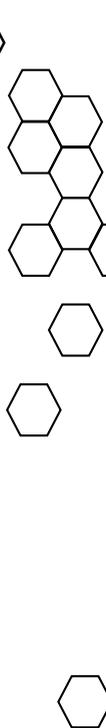
*** * ***

Второй час без музыкального сопровождения танцует Алёша,
По лужам, присядку, наотмашь, наискосок.
На левой ноге у него ботинок из крокодиловой кожи.
На правой – дырявый носок.

Алёша приехал навестить смертельно больную маму.
Которая порой вытаскивала его на Божий свет
Из таких древних, потаённых, inferнальных провалов
Куда способен попасть не всякий живой человек.

Мать строгой предсмертной молитвой лежит на кровати,
Но чувствует, как за больничным окном
Мечется полуживая тень её дорогого, дурного дитяти
– Господи Иисусе, помилуй не меня, но его!

Господи, сиротой остаётся он на белом свете
Вразуми его – задыхается мать в зыбкой молитве...
За окном надрывается загробный осенний ветер
И Алёша танцует, рассыпая золотые визитки.

* * *

Вечер как вечер, что называется рядовой.
Скучно стучат хронометром капли из незакрытого крана.
Ветер – похожий на собачий вой,
Усиливает впечатление от Баха Иоганна.

На продавленном диване лежит человек.
Сумерки причесывает дрожащими ресницами.
Трудно определить, сколько ему лет.
Предположим, что далеко за тридцать.

Предположим, что он... впрочем, зачем что-то предполагать.
Вот лежит человек, словно голова на плахе.
Больше, пожалуй, нечего о нём сказать –
Подумал он о себе и о Бахе.

В этой короткой мысли человек застыл.
Словно парализованный калека –
Короткая формула – «жил-да-был»
И есть самое полное описание жизни всякого человека.

Кто о ком сказать больше бы мог?
Добавить к тому, что было хоть самую малость?
И даже если от Баха остался Бог,
То все равно от Баха уже давно ничего не осталось.

Вечер как вечер, что называется рядовой.
Его обычность провоцирует у человека нервную дрожь.
Ветер – похожий на собачий вой.
Бах похожий... впрочем, кто его знает на кого или что он похож.

* * *

Полине Лавровой

Грозно... на то она и гроза.
В унисон испуганному собачьему вою.
Ветер выкалывает глаза.
Если их не прикрывать ладонью.

Если внимательно вслушиваться – услышишь тайну.
Впрочем, стоит ли вокруг неё городить огороды.
Наверняка разгадка её также банальна
Как и поэтическое описание бунтующей природы.

Слушай лучше хаос звуков сорвавшихся случайно.
Или как листья осенние по сроку осыпаются.
Человек порой расставляет их так забавно,
Что причудливые мелодии получаются.

Непредсказуемы эти полёты.
Неважно стихи ты вслух читаешь или ботаешь по фене.
В каждой матерной песне те же ноты,
Что и в «Страстях по Матфею».

В каждом городе встречаются те же люди,
Что и в прошедшем времени или реальном.
Всё... Нет. Пусть это будет только прелюдией.
Перед ослепительной тайной.

* * *

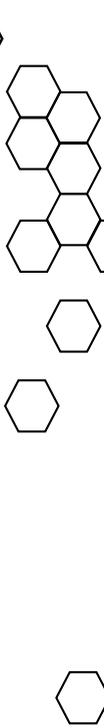
Перебирая мелочь в кармане
Болтаюсь один ночными проспектами.
Как малолетние графоманы
Звёзды сравниваю с монетами.

Почему один? Почему не спится?
Блудный вопрос окаянных дней.
Улицы псевдovoенной столицы
Как треки трассирующих очередей.

Впрочем, здесь всё, как в Багдаде спокойно.
В чьём доме беда никто не скажет.
В небе, только луны пробоина.
Да тучи импортным камуфляжем.

Люди зевая, листают телек.
«Клаву чешут» за монитором.
Здесь умирают в своей постели.
В крайнем случае, под забором.

Неон по витрине цветными веснушками.
Там, за стеклом «Детского мира»
То, что дети называют войнушкой –
Танки, солдатики и мортиры.

* * *

Тот же подвал, те же четыре стены.
Вид из окна на потерянный в хаосе метапространства завод.
Эта история произошла, еще до войны.
И не история это, а так, эпизод.

Там вдалеке от центральных улиц – скользкие виражи.
Затхлой пивной сомнительный антураж.
Дым сигарет, перегар, привычные типажи.
Но за одним из столов сидел необычный персонаж.

Он говорил, портвейн расплёскивая из кружки,
Связно и чётко, немного волнуясь, но без остановки:
– Новую заповедь я вам даю – жрите друг дружку, ебите друг
дружку!
Пуля в затылок тому, кто не поддаётся моей дрессировке!

За этой формулой нёсся галопом чужой, неразборчивый мат.
Кто-то тогда возразил по зубам этому алкашу.
Помню, у ног его, в луже вина, валялся мятый плакат:
«Я ваш новый Христос и скоро всем вам я это докажу».

* * *

Рассказ о человеке, которому до смерти надоело
Свое собственное тело.

Вышел он из него, как пьяный из трактира,
И пошёл спотыкаться по миру.

Зимой выл пургой,
Летом оборачивался в комариный рой.

Вопрос его один углём мучил,
Иногда доходило даже до падучей:

Когда последний вдох,
То сдох человек или не сдох?

Стал он людей вытряхивать из тел,
А те – кто в землю провалился, кто в небо улетел.

Так и не нашёл он ответ.
И только мертвецы валялись перед ним как фантики от конфет.

* * *

По прочтении блейковских «Песен невинности»
И комментариев к ним, решил покончить с собой,
Владелец элитной недвижимости и подвижности,
А также травмы психополовой.

Мысль засела как в детский стишок
Банальная рифма, но в ее толкование,
Поверил владелец, в то, что жизнь – прыжок
Из вечности в вечность через смерти познание.

Письменно оформив своё решение,
Владелец почувствовал, что не страшно ни капельки
И с улыбкой веревку завязал на шее,
Просто, как снаряжение для роуп-джампинга.

Прыжок с табуретки в небесный покой...
Вдруг стало жутко и очень душно.
Но владелец травмы психополовой,
Оборвал удавку своей мощной тушей.

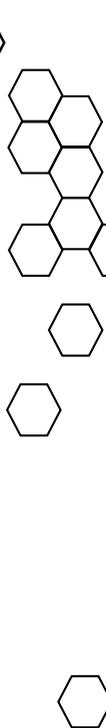
Как будто с небес сорвалась капля,
И рухнул владелец с библейским грохотом,
На землю (плоскость) познания симметрии тайны.
С тех пор он штудирует «Песни опыта».

* * *

Чё дальше? – он так и пишет мне – «чё».
Я закуриваю и набираю текст в чате.
В котором предлагаю ему перебросить через плечо
И забить то, что перебросил на участие во всеобщем параде.

Это кажется, что по прямой, а на самом деле круг
За кругом. На общем плане не разберёшь где ты.
– Человек животное стадное – говорит мне знакомый пастух,
Держа кнут под мышкой, и подкуривая от моей сигареты.

– Это время такое – и мне возразить нечего.
Кратким «нет» прекращаю беседу. – А на нет и суда нет.
Так, что всем приятного дня или вечера.
В конце текста звучат популярные песни военных лет.

* * *

Текст основан на реальных событиях.
Куратор проектов, работник музея
Современного искусства – повесился – предварительно
Оставив в своём блоге следующее объявление:

Для меня всё закончится через несколько минут.
Для вас далее гонка по скоростной трассе.
Зло это добро возведённое в Абсолют.
На меньшее человек не согласен.

Поэтому нужно демонтировать до деталей
То, что до сих пор оставалось нетленным –
Слово, которое было в начале,
Которое мешает великому хаосу вселенной.

И в этом разрушенном алфавите
Исправить грамматические ошибки.
Текст основан на реальных событиях.
В конце текста звучит «Поток» Шнитке.

* * *

В тупике Гуманизма, где люди сутулятся,
Придавленные беспросветной тьмой,
Есть жёлтый барак с сортиром на улице,
Рядом с монастырём и городской тюрмой.

В этом дремучем жилом околотке
С воющим псами частным сектором,
Жил «голос поколения» осипший от водки
Но всё еще указующий духовные векторы.

Над ним подшучивали, что, мол, голос из прошлого
Смотрящий в будущее через левое плечо.
Я говорил с ним, распивая в неполюженном.
Не заходя ни к нему, ни куда-то ещё.

Под ногами лужи – небесные сканы
С точками созвездий в разрывах тучи.
И шёпотом матерным мы лили в стаканы
То, что открывает в людях тёмную сущность.

Он говорил надменно и грубо,
Как будто старый свой текст расцарапывал:
– Жизнь это скачка на собственных трупах
А ставки делают Бог и дьявол.

И он продолжал в угаре нервном
Из потусторонней, inferнальной смуты:
– Но ты не спеши всегда быть первым.
В этом галопе есть другие маршруты....

Продолжение разговора мне показалось лишним.
Пустые слова гремят только зря.
Я отвёл от него взгляд и посмотрел выше
На сторожевые вышки и купола монастыря.

Людмила СМОЛЯР

ПОДОРОЖ ДО ЕЛЛАДИ

Ну ось і травень. Збираю речі.
Мене чекають п'янки оливи.
Чиїсь фінали – мої предтечі
і безконечні речитативи.
Піду в Афіни. Піду босоніж.
До грецьких іпсилону і гамми.
А ти дорогу мені присолиш.
(Ти завжди плував із чумаками).
Спочатку будуть міста-держави,
там жваві люди – знавці торгівлі –
глибокі очі й тіла тужаві,
і Понт Евксинський – зелені хвилі.
О ми, що ходим у світ без віри,
не певні долі й путі своєї.
Я закохаюся в очі Тіри,
в широкі плечі Пантікапею.

І врешті ляжуть шляхи позаду.
І я прийду в золоту Елладу.

Там буде вітряно і солоно,
і сонце груди мої оближе.
І хтось нестиме достиглі грона
на гору в хмари, дивлюсь – Олімп же!
Мені піднятися б – і до Зевса,
Ще зовсім трохи – на вічність вище,
І розказати, що поетеса,
а він, як вийде, не любить віршів.
І що ж робити? Іти до біса?
І Мельпомену лишити в тіні?!
Суворі грація – кипариси –
стоять, ошукані вічнотлінням.
Така наука, мої еллінці, –
життя проходить амфітеатром.
Коли наповнить вино по вінця
боки і шиї вцілілих амфор,
коли ковтками піде по горлу
богів, і смертних, і безпорадних,
я знову стану на цю дорогу,
яка для мене туга й відрадна.
І повернуся в свою країну,
де сонця менше, ростуть картоплі.

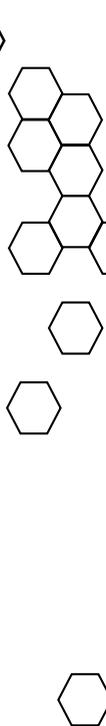
Лишу позаду чужі Афіни.
Візьму для себе лише Некрополь.
І ти від мене попросиш вражень,
і будеш довго дивитись кадри,
які нічого про все не скажуть.
Ні краплі правди. Ні краплі правди.

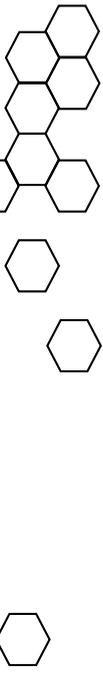
* * *

Вогкий присмак губ.
Середньовіччя.
Мідний свічник. Мідне передпліччя.
Хто кохає – не кохає двічі,
Тільки раз.
Все, що тліло, зрештою зотліло.
Чорні сходи часом забіліло.
Темно-синє крапає чорнило
На форзац.
Люди ходять по життєвій ринві –
В чомусь винні, в чомусь безневинні.
Золота закочується гривня
За обрій.
Потім знову хідникі і сходи,
Срібний таляр понад місто сходить.
Ніч згортає вітерцевий подих
У сувій.
Так вільготно простягати руки!
Листя ледь доторкується бруку
І дає оманну запоруку –
Пустослів.
Пам'ять трохи спогадів позичить –
Пригадати стихнені обличчя,
Вогкий присмак губ.
Середньовіччя.
Ранок.
Львів.

* * *

В мені любов. І ні біди, окрім
Тієї, що приходить віч-на-вічно.
Іде світанок (на печаль сліпим),
збирає птаство на ранкове віче.
А я стою від спогадів німа.
Є сто доріг і сто пісень, початку

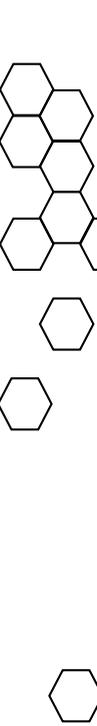
яким нема й завершення нема,
а тільки кроки, кроки, як печатки.
Комусь не треба компасів і мап,
Аби дізнатись, де чиї дороги.
(Бо це не ті, що плин беруть від мавп,
Але й не ті, що тягнуться до Бога).
А я – не знаю, хто куди піде,
Чи захлинеться іволгова пісня,
Чи зможу я набрати до грудей
Тепла, і сонця, й кольору, – не кисню?
Коли негода випаде сліпа
І розчахнеться гілка на горісі?
Коли Земля смертельні зробить па
і піде в танець по інакшій вісі, –
Чи розгадаю тайнство? А втім,
допоки світ вбиратиму у вічі, –
В мені любов. І ні біди, окрім
Тієї, що приходить віч-на-вічно.

* * *

Піднімаюсь на схил, як на гребінь самої себе.
Опускається тиша, але не привносить порядку.
Я молюся, бо знаю: хоч давнє усе, а слабе.
І пасуться на схилі лиш яблуня і яблунятко.
Виринають із пам'яті лица, немов з-під води,
і здається, що світові не умістити об'єму
усього, що вже трапилось. Господи, не підведи,
і хай буде по-твоєму все в королівстві твоєму
і по-моєму все – в королівстві моїм.
Піднімаюсь потроху – видніється дім
у рельєфі такому, якого іще не було.
Вчора дід сивочубий, водій «Верховини» чи «Яви»
зупинився навпроти і довго вдивлявся в чоло,
І спитав не багато й не мало, а просто – «Чия Ви?».
Піднімаюсь на схил, обмірковую все, – а чия ж?
Наближається ніч по відомому їй розпорядку.
Я молюсь, як умію, а вмію лише «Отче наш»,
І пасуться на схилі лиш яблуня і яблунятко.

* * *

Стояли такі холоди,
Такі молоді, неумілі.
Під стріхою тиша звила
Гніздо, у якому ночує.
І звуки нічної ходи
Мені проступали на тілі.
І пісня проламувала
Мовчання усім, хто не чує.
Ми далі підемо навкіс –
Водночас глибоко й високо.
А ти на півшлясі припнись
За вогку листяну завісу.
Отут починається ліс,
Розріджений світлом і соком.
Отут обривається ліс.
А що поза ним? Поза лісом
Стояли такі холоди!
Лиш нікого їм холодити.
Сідай, присідай і розкаж.
Себе, оповівши, потроїш.
Навала снігів, як орди.
Навіщо так довго ходити?
Кроїти очима пейзаж,
Якщо його – не перекроїш?
Залишся і перезимуй!
І виший себе по-новому!
Ну – що ти?! Притих, заскоруб,
Язик надломивши, як вістря.
Виходиш на стежку німу,
Ногами зминаєш солому.
Руками здаєш кору
І листя, і листя, і листя...
Закинути світ на плече!
На тебе смиренно чекати.
Стояли такі холоди –
Кольорів і запахів сивих.
Уже й не болять, не пече
Рукою об руку черкати.
Навала снігів, як орди.
І видих такий, ніби вивих.

* * *

насправді більшість вічного пусте
пuste у сенсі повне як пустеля
пuste у сенсі тихе як пастель
пuste як переповнена оселя
як переспілі вишні як стіна
як спів як голос і як тишина
пuste це тільки спосіб наректи
чи відректися від усього й зразу
й уже нікуди більше не іти
не поспішати не гребти не разом
не пішохід не сніг не падолист
велосипедна вигнута доріжка
маленьке місто струхлявілий міст
до берегів прикутий як до ліжка
фотографічна техніка садів
пuste – коли нічого не садив
десь був народ і десь він перенісся
усе тобі нашіптує: мудрій
холодний дощ січе по перенісню
болотна м'ята вяне у відрі
а пустота – це тільки у тобі

* * *

Легко, ой легко повірити: будуть дощі.
О, бережися. Перейде усе на ніщо.
Краплі, як губи, торкаються глухо до щік.
Осінь приходить, і що?
Осінь чекає визнання, чекає престолу.
Очі вітражні, пошарпані сходи костьолу.
О, бережися. Перейде усе на ніщо.
Ледве тримаю себе при собі, а тебе?
Айстри уже розпоршують лагідний квіт.
Іхнє знеболене соло таке голубе,
Ніби мелодії квінт.
Музика вміє безшумно ставать на пуанти,
Тільки коли помирають її музиканти.
Айстри уже розпоршують лагідний квіт.
Тіні, як звуки, торкаються плинно до щік,
Вечір лунає глибоко і каро, мов альт,
І по краплині себе розкрадають дощі,
Сиплють за коміри пальт.

Так обривається вицвіла тиша, а саме:
Так вибухають осінні звучання ансамблів.
Вечір лунає глибоко і каро, мов альт.

Тішся, музи́ко, щастя твоє:
Ти відлунав,
але музика –
Є.

* * *

Спершу додай ритміки у психоз.
Вислухай ніч, спершися об одвірок.
Вислухай так, ніби злочинець – вирок,
Так, як земля, – гупання абрикос.
Так, як поля, – вихор і пустоту,
Так, як сліпі, – колір у сновидінні,
Так, як горód, – золото в серці дині,
Так, як пісок, – глухоніму стопу.
Так, як стопа, – глухоніми́й пісок,
Як доброта – ви́шкір на зуби кутні,
Так, як будинок, – гамір своєї кухні,
Кухня ж у нім, – гамір своїх мисо́к.
Так, ніби ти
можеш
допомогти.
Отже, послухай, нібито тіло жінки,
Ніби цнотливе поле – свої обжинки,
Ніч у її
розтині
чорноти.
І аж тоді – хочеш – бери в штики,
І аж тоді – хочеш – дивися скоса.
Так у траву гупають абрикоси.
Так у траві шастають їжаки.

* * *

По сходах зіскокує дух,
По сходах підноситься страх.
Слова претендують на друк,
І їх піднімають, як стяг,
Повсюдно чіпляють, як стяг,
Як жертву прийдешньому, жест.
Епоха кочує по днях –

Остання зі зримих божеств,
Остання із вицвілих будд –
Висотує всі голоси.
Слова, перетерті на брухт,
Збирають по душах ясир.

Епохо, хто ти єси
І як тебе перебудуть?

* * *

Я кожен день убиваю спробу
Ходити прямо, дивитись рівно.
І все ховаю в подерту торбу:
дорогу першу і третіх півнів.
Міста городять себе од згуби
Чи то валами, чи то ровами,
І завжди ставлять питання руба:
Або ви з нами, або не з нами.
А люди часто питань не ставлять,
І не говорять одні до одних,
І потім ходить захрипла пам'ять
Попід хатами і по городах
І каже: «Мусиш нове почати,
Бо щось загублене і зітерте».
А думка крає: «Чого ж мовчав ти,
Чому не крикнув нічого смерті?!»
Бо як захочеться говорити,
То вже на цвинтарі простувати,
І там саджати слова і квіти,
І викорінювать постулати,
Коли намарно. І річ не в тому,
Що не любили одне одного.
Бо це була кругосвітня втома,
І більш нічого.

СУТІНКИ БОГІВ*Роман СКИБА**** * ***

Все, як хотіли. Це я, а це ти
Більше нікого.
Краще стояти, щоб не перейти
Зливі дорогу.
В нашого скверу густого, як ліс,
Дибки волосся...
Хмар ешелони летять під укiс –
Ми сміємося...

*** * ***

Голос надривний.
Чи вітер надсадний...
Дерево-привид-
Ось там, серед саду.
Зруба не вчора,
Найтонше, найвище.
Хоч і прозоре,
А має цвісти ще...
Дивляться менші.
І дивляться старші-
З дива завмерши,
Навколiшки ставши...
Дерево-спалах,
Чи дерево-вибух.
З тих, що рубали,
Один лише вибіг...
– – Знаєте, мамо,
Вмовляє Всевишній
Бути над нами
Княгинєю вишню...
Райдужнi смуги
Означили обрiй-
Все буде вдруге,
І всім буде добре...

НАТУРА

Сірим таким котярою
Прикинувшись для приколу,
Сквером, порослим тарою,
Никає бог Подолу...
А лавки обсіли п'яниці,
Просвітені і понурі,
І незужитої п'ятниці –
Два вагони в натурі...

НАВІГАТОР

Якщо дуже швидко жити,
То час потече назад...
Лиш не засинай, пілоте...
Лише не втрачай свідомості...
Ось бачиш: туман минається.
Радарний контакт відновлено.
І рація-чуєш-кашляє,
І матом ефіри повняться...
Ну що тобі-як заціпило?!
Скажи їм як є! Скажи їм:
Що всі їхні карти-брешуть.
Що там, унизу,-не місто!..
А дикий скелястий берег,
Де мамонти лижуть сіль...

СУТІНКИ БОГІВ

Нишкнуть патриції.
Виє на Рим вовчиця.
Шкіра нам – криця.
Нас легіон і в тридцять.
Маршем, рядами,
При калашах, базуках,
Дробом там-таму
Кроки ввіряєм бруку.
Згідно з кометами
Вістим добу Вендетти –
П'яних з багнетами
Ви нас без слів збагнете.
Дикі й запеклі,
Нині ми всюди суцці!

Наші у пеклі,
Наші у Райській пуші.
Спалимо жертви –
Слава старим звичАям! –
Враже наш мертвий,
Ось ми й тебе прощаєм!..
Рушим по скелях,
До висоти голодні,
Виплеснем келих
В пашу святій безодні...
Вічності Страже,
Правда ж, – Ти нам не ворог?
Вийде і скаже:
«Не вас виглядав я в горах...»
Та, що поруч

Коли ми улягаємось удвох,
Дрімому роздираючи на клаптики, –
Всміхаючись, цигарку гасить Бог
І кидає бичок на дно галактики.
Ми дихаємо з нею в унісон,
Та тхне мій подих тютюном і брагою:
Тому вона вовтузиться і сон
На себе, наче ковдру, перетягує...

ДВОЄ

Йшов по воді, не тонував, тільки човгав підшовами.
Він би поплив, та не вмів, і тому ішов.
Спека була, і човни розсихались дошками.
Риби хвостами торкались його підшов.
Спека була. Там буває вона і в березні.
Важко за сонцем хвилинам тримати лік.
І вурдалак, задихаючись, біг по березі.
Біг і кричав, абиТи озирнувся вбік.
Тільки слідів на текучій воді не лишається.
П'яні рибалки човнами загрузли в брід.
Був там сліпий. Він казав, що йому ввижається
Постать прозора, що йде по ріці на схід.
Той, що не Ти, очманілий від криків півнячих,
Бився на хвилях, та тіло не йшло під них.
Жовк і хрипів, і вони угинались, пінячись.
Він би догнав, але Ти вже за обрій зник.
“Зле мені, Господи. Зле мені, зле мені, зле мені...
Шерсть вигасає, і сльози мої руді.
Я ж той останній із мудрогоТвого племені,
Хто, як і ти, не уміє тонути в воді...”

ЯБЛУНЕВИЙ АПОКАЛІПСИС

Небесні ґрунти неорані,
А блискавок білі корені
Просвічують крізь пласти.
Не всі ще гріхи відпущено,
Дерева з'юрмились пущами –
Тепер не пора цвісти.
Що цвітом було – розметано,
Бездня кишить кометами...
Устояти б на краю...
Гра гуркоту і пересвіту
Стрясає основи Всесвіту:
Вирус гроза в раю.
О ви, позахмарні яблуні,
У квітні Ярилом зваблені,
Вертайте в земні сади.
І тому, кому ви жони ще,
У муках, волоссям жовкнучи,
Родіть золоті плоди...

ЦЕРЕМОНІЯ ОЧІКУВАННЯ

Вже сьома за десять.
А рівно на сьому
До мене на чай хтось
Повинен прийти.
Когось я запрошував
Сім років тому –
Чи в тисячній справі,
Чи так, без мети.
А чи не тебе? –
Що ночами і досі
Пульсує у скронях
Імення твоє...
Вже сьома за п'ять –
Он і чайник голосить,
Плюється окропом
І парю б'є.
Секунди цокочуть –
Я певен у тому,
Що мій візитер
Не запізниться – ні:
Уже на підході...
Уже біля дому...
Чи той, кому винен,
Чи той, хто мені...

Хтось мусить прийти,
Та дістала загадка:
Надій нетривких
На поталу не дам.
Тарельцями вкрию
Обидва горнятка.
Чай – древній і мудрий –
Хай думає сам...

ПЕРЕДЧУТТЯ ІТАКИ

Спішать квартали – і нема кінця їм.
Це шлях від пункту А до пункту Б,
Де гейші з непокритими серцями
В очах твоїх знаходять не себе.
Бо глибшають і піняться зіниці –
В них кануть стрибуни з мостів і веж...
Ти, мов павук, з усіх світів по нитці
Сотаєш душу і стійком плетеш.
Грипозний смерч в повітрі й Інтернеті.
Хто на твої послання відповість?
Ще сто віків кружляти цій планеті
Довкіл кілочка, що зоветься вісь.
Ще сто віків в чеканні чи на чатах
Тінь Пенелопи не опустить вій.
А Прорізна впадатиме в Хрещатик
В стрімкій несудноплавної своїй.
Ростуть із ребер риби, звірі, люди.
Ще не зачаті тільки кораблі.
Як є Суддя, то суду нам не буде,
До поки сонце висне на стеблі.
На падолист вчинятиме атаки
Старий двірник, світанку аватар...
А ти ітимеш, і така Ітака
Тобі світити буде з-поза хмар...

Ия КИВА

ВОЗВРАЩАЯСЬ ДОМОЙ

* * *

не ходи на кладбище, там нет никого живого,
только тот, кого схоронили, очень любили,
морок, морг, колото-резаные, ножевые,
в рамочке черной сидит, на тебя глядит
глазами большими серыми, твоими

на кладбище нет никого, кроме сорок,
но о том ни гу-гу, о том никому, тсс..., молчок,
люди приходят, красят ограды,
кому оно надо, доподлинно неизвестно,
но время и место красить ограды,
и мы никого в живых не оставим

за ними приходят безбожные и травяные,
пьют, песни поют, ничего святого,
жалко их очень, зачем они все такие
работающие, мужики настоящие, а вот тоже плачут,
буду любить тебя всегда, я не могу иначе,
дайте, пожалуйста, смерть, без сдачи

третьи приходят, не издают ни звука,
смотрят перед собой, шевелят губами,
прозвища и имена перебирают,
трутся телами о потускневший мрамор,
смерть – это то, что опять случилось не с нами

месяц проходит, больно, как всему живому,
год проходит, больно, как всему живому,
пять лет проходят, больно, как всему неживому

* * *

я живу между Бабьим Яром и Сырецким концлагерем
каждый день, возвращаясь домой дорогою смерти
я оказываюсь в довоенном Бердичеве

там прадедушка Янкель и прабабушка Блюма
говорят, работают и живут на идиш
растят Хаю-Суру, Мишу и Лейбе
впрочем, а был ли Лейбе, я точно не знаю
на идиш покойники со мной не разговаривают

Мишу родители очень любили,
боялись на фронт отпускать, боялись, чтоб не убили
сказать, что было дальше? сразу убили
просто убили, не потому что еврей

Хая в Москву подалась, стала Софией
знала пять языков, в Бердичев писала на идиш
изучала в МГУ философию, защищала город от немцев
метр сорок пять, хорошая еврейская девочка

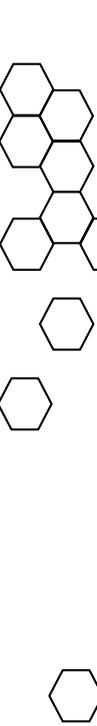
говорят, в нашем роду была ясновидящая
поэтому Янкель и Блюма оказались в Донбассе
подвода, самое необходимое, ценные вещи
если б остались в Бердичеве – со всеми, на аэродроме

я их могил никогда не видела,
не знаю, где похоронены Миша и Лейбе
впрочем, а был ли Лейбе, а был ли Лейбе
где лежат Блюма и Янкель я тоже не знаю

может быть, буду идти однажды в июле
по Бердичеву, рассматривать архитектуру
не узнаю улицы, на которой все они жили
пройду мимо дома, в котором все они жили
спасибо товарищу Сталину за историческую память

* * *

немцы приближаются к Украине
немцы совершают посадку в аэропорту Борисполь
немцы едут по Киеву в подземном вагоне
немцы выходят на станции метро Дорогожичи
немцы идут по улице Елены Телиги
немцы гуляют вдоль по Бабьему Яру
немцы смеются под памятником «Менора»
немцы подходят к черной-черной могиле
немцы стоят возле еврейского трупа
что же ты, Яша, молчишь, почему не стреляешь

* * *

били с особым цинизмом не убивали
насиловали не кончали
приучали жить долго
работать много
терпеть и того больше

что здесь произошло?
все здесь произошло
запротоколируйте
вызовите понятых
есть же свидетели

куда же все подевались
не их ли все прибывало
не они ли все это были
не их ли сюда не звали
не они ли вытоптали все тело
протянули жилы в ушко игольное
не они ли намертво затоптали

тише ты тише деточка успокойся
никто не придет больше
не станет выпрашивать больше
не будет другим про тебя трепаться
пляться в лицо ухмыляться
пять уже лет как тебя схоронили
нешто не помнишь

дернули за веревочку
ты и упала

* * *

каждый день уменьшаемся в весе и росте
прибавляемся в бедности
всматриваемся в однотипные отражения

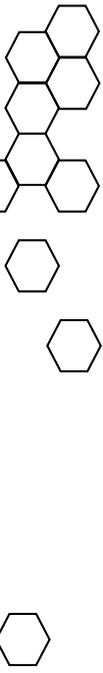
на карточки не переходили
питание не урезали
видно мудрое тело чего-то знает
демонстрирует посмертные снимки
подбирает надгробные рамки

здесь должно проживать много людей
где они все
в какую нам сторону

* * *

смотри же смотри же
пальцы до крови стертые
но это не наши мертвые ты говоришь
это ихние мертвые ты говоришь
и опять попадаешь туда
то есть опять не туда попадаешь
думаешь господи как тут темно
что ж они все на одно лицо
наши и ихние
ихние наши и наши ихние
ихние ихние и наши наши
и звонишь и звонишь
...и звонишь

Вячеслав ТЕРКУЛОВ

НА КОНЧИКАХ ПАЛЬЦЕВ

* * *

Мария красива, ибо она Мария,
Ибо она существует в написанных кем-то полотнах.
Она королева эфира, вырывающегося из диглоссии
несказанных слов, мелодий свинга, души бесплотной.

Мария ходит в красивых одеждах, а иногда без оных,
И это важно – она гармонична в обнаженности времени,
И утром ее согреет кофе, озвученный в телефоне
Вчерашнего дня, прожитого келейно

В разговорах с подругой, в заботах о хлебе насущном,
в прикосновеньях дождя и бездушных прохожих...
Мария, завтрашний день будет намного лучше:
Он будет пульсировать в венах под тонкой кожей.

И ступа ступеней отзовется гулко в этом пульсе,
и пятен не будет на солнце, но будут на небе,
Которое исполнено по всем законам искусства.
И как тут поверить в то, что ты не Небыль?

* * *

Ты ветер над полем, полынным, штормящим,
прогорклым,
Несущий листву непонятных ночных сообщений,
Ты гений,
Бессонный, бездарный, бездушный, стокий,
Но все-таки гений...

Ты утро, ты кофе, ты несколько слов на прощанье,
Бессмертие книг и прочитанных лекций минутность,
Ты гулкость ступеней, ты тело, покрытое тканью,
Безлюдие улиц...

Ты снег в декабре, ты деревья, фонарь у подъезда,
Прогулка с собакой под вечер в преддверии чая,
Ночные беседы на кухне, вино, сигареты,
Звонки, на которые
Не отвечали...

Когда-то (полвека тому) это стало телесным,
Вселенная выросла, вместе с тобою взрослея,
Но, кажется, скоро
Придуманность эта исчезнет,
Как ветер, как утро, как гулкость озябших ступеней...

* * *

Гроза пролетает над городом певчею птицей,
Поющей тирольские песни сигнализации,
Гроза у оставленной книги листает страницы,
Заучивая наизусть
Абзацы.

Гроза начинает звучать как японский оркестр –
Карнизам, стеклами, крышами и чердаками,
Гроза по дорогам летает как манна небесная,
Чтоб стать сочиненными ночью
Стихами...

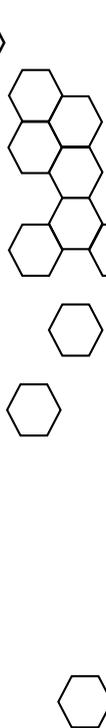
И зелень травы, и несказанность, пошлые мысли
Под громы и молнии стали единым пространством
Грозы безутешной – рисунка супрематиста,
Искусства, граничащего
С хулиганством...

Все стихнет, пройдет, ничего не оставив на память,
И я позвоню тебе – просто, чтоб было что вспомнить...
Гроза над Донецком – томительная, колдовская...
Прощанье
С весною....

* * *

Ничего не случится, только вечер и стыд,
только взгляд замутится – медузно-горгоний..
Он измучен, издерган, нелеп на вид,
Дорогая, ты женщина,
Тебя не тронут

Те слова, что учил он весь день наизусть,
Чтобы в них раствориться, как в боли сердечной,
Чтобы стала телесной вселенская грусть,
Чтобы стал сумасшествием
Вечер,

Чтобы в окнах соседних домов, в небесах
Отразилась твоя колдовская беспечность,
Чтобы вторились колоколов голоса
Как тогда, когда в платье своем подвенечном

По неспешному снегу, среди куполов
Золоченых церквей ты как птица летала.
Ты летала, и были значительней слов
Перелетные люди Шагала...

Ты вернешься домой, повторяя в бреду:
«Он такой же, как все, только тихо помешанный».
Встретит муж, ты сегодня опять на виду...
Дорогая,
ты
Женщина....

* * *

Перед выходом в открытый космос утренней свежести,
Держась за ручку подъездной двери межпланетного корабля
Дома,
Ты переполнен какой-то нелепой, бессмысленной нежностью,
Предвосхищение выхода в открытый космос боготворя...

Ты открываешь дверь, впуская рассвета непрочность,
Птиц гомонящих, поющих на ветках какую-то ерунду,
Шарканье дворников, лепет детей, крик молочницы
В легкие,
И задыхаешься на ходу...

Ты сегодня почти Гагарин, вернее, Леонов,
Гагарин... Леонов... О чем ты думаешь? Какая разница?
Ты надеваешь на себя космос –
Утренний, терриконный
И путешествуешь по нему, шатаясь, как невыспавшийся пьяница.

Ты шатаешься, ты медведь-шатун, ты очнулся от спячки,
Ты вышел в космос из берлоги своей словарной работы
Ты даже не помнишь, на что ещё вчерашний день был потрачен –
Ты даже не знаешь, что вчера была среда, а не суббота.

Но это неважно, день проживается, чтобы быть пережитым,
Чтобы где-то на клавиатуре осталась неосознанная рифма
О том, что ты в космосе, что ты уже вышел на орбиту
Наступившего утра, несущего в себе все признаки мифа.

Пятьсот шагов от подъезда к автобусной остановке
В метеоритном дожде, в астероидах машин, порождающих скорость....
Ты становишься персонажем в утренней акварельной зарисовке
Разноцветной художницы, рисующей космос.

* * *

На кончиках пальцев скрипачки, дурнушки,
Играющей гаммы по нотным страницам,
Душа приготовилась переродиться
В пичугу, в готовую к странствиям птицу,
В живую, а не в заводную игрушку...
И только коснуться аккордов на грифе
Осталось в изысканной аппликатуре...
Ну что ж ты тоскуешь о стройной фигуре,
Зачем тебе это, заплаканной дуре,
Зачем тебе жаркий закат в Тенерифе...
Есть музыка, есть перелетная птица,
Есть множество тихих и страстных мелодий,
Есть счастье быть голой душой принародно,
Ненастьем, дождем и хорошей погодой...
Да как же в тебя, объясни, не влюбиться?
На кончиках пальцев, на нотных страницах
Трепещет твоя беззащитная птица...

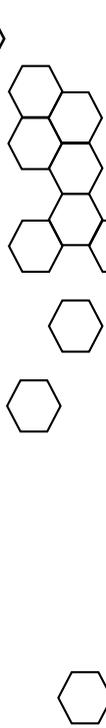
* * *

Мы бродили по лужам в каких-то смешных сапогах,
Мы читали дожди, как читают запретные книги,
Мы писали стихи о таинственных улочках Риги,
Ничего не надеясь найти в сочиненных словах.

Мы по пятницам ездили к мамам в свои города
За деньгами и снедью и снова спешили обратно,
Чтобы, выхватив миг между парами, вкусом помадным
Эти губы запомнить на время, на миг, навсегда.

И об этом писали в толстенных моих словарях
И в твоей беллетристике – в каждой прочитанной строчке.
Мы вдыхали весну по глотку, по звонку, по кусочку,
Мы дышали вздохом, мы боялись прожить впопыхах

Это время цветения вишни, безвременье роз,
Эти лекции странных людей, коридоры филфака,
Этот вечер, когда почему-то так хочется плакать,
Эти взгляды – значительность, овеществленная вскользь.

Там начало всего, там все то, что со мною сейчас.
Я не знаю, как ты, но я там ничего не оставил,
Я живу каждый день ощущением этого мая,
Для которого в бочки налит трехкопеечный квас.

Каждый день по бульвару вдоль линий театров и касс
Я иду, возвращаясь в свое бесшабашное детство,
Незакрытая дверь – это самое верное средство
Пережить эту жизнь без тоски, без опаски, «на раз»...

* * *

Две монетки на ладони. Что там? Решка?
Как она к судьбе причастна? – Непонятно...
Утро только разговелось – что за спешка?
И постель твоя тепла, пуста и смята...

В чае мята, в чае привкус неудачи,
А в окне еще темно и звон трамвая.
Кто там ходит? Кто там бродит? Кто там плачет?
Кто забыть тебя не может, забывая?

Ты во двор пойдешь, там догорают листья,
Как лучина возле прялки догорает...
Не ищи в монетках смысла и корысти,
Разменяй их в караван-сарае

Наступившей осени. Дорогу
Очень нужно осчастливить остановкой.
Что с сердечком? Неуютно тебе? Плохо?
Это зеркала разбитого осколки...

* * *

Я раб открытого окна и перекрестка за окном,
Прочитанных стихов и прозы,
Сомнений, мнений, снов и слов,
Депрессий и плохих прогнозов.

Я раб маршруток, поездов,
Конспектов, лекций, споров, шуток,
Ночных проспектов, и дворов,
И нежности сиюминутной

Я раб домашнего тепла,
Хорошей и плохой погоды,
Гитары, кофе, ремесла...
Я раб своей свободы...
Гитара
Гитара моя, гитана, выплясывающие пальцы,
Пьянящий мотив металла, туман в твоей голове.
Ты будешь под эти звуки безумцем, лжецом, паяцем,
Дождем на ночной дороге и ветром в живой листве.

В убогой советской квартире под пиво и суесловие,
Под шепот, под пьяный лепет, под старого чайника свист
Все замолкали внезапно, когда она беспокойно
Бренчала о чем-то знакомом, и не жалел гитарист

Ни пальцев, ни струн, ни звуков, ни слов, ни законов речи,
Срывая свой пьяный голос, сжимая, как горло, гриф.
Он юный студент филфака, он маленький человечек,
Он мученик вдохновенья – Тартюф, Фигаро, Сизиф.

Сначала немного нервно, потом исключительно нежно,
Потом какие-то рифмы, глоссандо и лифта гул...
Гитара моя, гитана, и сброшенные одежды,
Отброшенные надежды, и утро, и перекур.

Жизнь будет тянуться долго, ты станешь, наверно, кем-то,
И будешь рассказывать внукам о юности и о войне.
И песня – всего лишь песня, а лето – всего лишь лето,
А то, что она придумала, – не по твоей вине.

Гитара в углу пылится – без тени, без звуков, бездушно.
В открытом окне играет какой-нибудь Лесоповал.
Осколки ночного света... Разложенная раскладушка...
Гитара моя, гитана... Прощанье... Маршрутка... Вокзал...

* * *

Демон с утра наслаждается кофе с рогаликом
И как обычно спешит опоздать на работу.
Демон когда-то был странным болезненным мальчиком,
Ангелом демон был некогда
для кого-то...

Мальчик подрос, подучился, узнал заклинания.
Выучил руны, умеет писать иероглифы...
Стал знатоком беззастенчивой речи окраины
И разбирается в мутных творениях стойков.

Но все равно ему хочется кофе с рогаликом
Утром, когда еще спит его нежная пассия...
Глаз его с хрупким, разбитым и мутным хрусталиком
Блики свечи отражает как знак атараксии.

Он наработался в прожитом тысячелетии,
Звался Зепаром, Белетом, Пеймоном и Буером...
Он отдыхает, покоя тоску беспросветную
В кофе с рогаликом, в доме с трубой и флюгером.

Но иногда, когда хочется тайны и таинства,
Демон летает во сне с городскими химерами,
Где-то под ним непродуманный мир зарождается
С новой тревогой и с полной безверия верою.

Он пролетает над этим бессмысленным праздником,
Он пролетает и машет огромными крыльями...
В шлеме, в ботфортах, в спасительно-черных наглазниках
И с беспросветной и сладкой тоской ювенильною...

Завтра проснется он с юной подругою страстною...
Сложены крылья и солнце восходит над жальником.
Рана от бритвы заклеена розовым пластырем,
Утро... Суббота... И хочется кофе с рогаликом.

* * *

Мой ангел проснется сегодня часам к девяти,
Когда гололед за окошком укроет деревья,
И кот замячит за нашей закрытою дверью
В безумном желанье хотя б на минутку войти..

Мой ангел-хранитель – орехов и фруктов любитель,
Кошмаров ночных и вечерних невзгод победитель,
Хороших вестей и плохих новостей повелитель,
Целитель, мыслитель, ревнитель и домостроитель...

А в городе снег, он везде – на бульваре и в небе,
В автобусах, в мыслях, на купленном только что хлебе.
Я знаю, мой ангел был создан из этой метели,
Из вычурных слов не дошедшей до нас пасторели.

Он ночью летает над городом, зная пути
Сомнений моих и моих неудач ежедневных,
Он помнит, что сделать, он сделает всё непременно,
Как только проснется примерно часам к девяти...

Мой ангел-хранитель – души моей грешной ревнитель,
Квартиры, компьютера, кофе великий правитель,
Судьбы сыновей справедливый и верный вершитель,
Стихов моих новых ценитель, читатель, любитель.

А в городе снег, гололедица, грохот орудий,
по городу ходят какие-то грустные люди,
машины несутся навстречу вину и ночлегу,
чтоб в этом ночлеге в окне были промельки снега.

И снег будет ночью мести, и мести, и мести...
Мой ангел и завтра проснется часам к девяти...

Мария ПАНЧЕХИНА

ГОРОДСКОЙ СУМАСШЕДШИЙ

Слава прозрачному марту, отсутствию красок.
Таянье льда на реке равноценно снятию масок.
Слава хрустальному марту, теперь я дома.
Я стою у окна, у подножия террикона.
И ты знаешь что, я всю её помню, всю эту землю.
Как молчит, как дрожит, открывается постепенно.
И что нет ничего красивее и весенней.
Слава только тебе, что я – не военнопленный.
Я вернулся к тебе. Скоро будет тепло, моя дорогая.
Над Донецком солнце – подобие свадебного каравая.

* * *

Когда отцветают «Гвоздики», «Тюльпаны»,
падают самолёты, бушуют донецкие «Смерчи», –
о, только не уезжай. Будь городским сумасшедшим.
В конце войны я окончательно стану вещью,
вещью
в
тебе.
Теперь не будем дёргаться. Время стеречь дом,
время беречь тело от модных униформ.
Не рыпаться, если услышим щелчок.
Страх всегда прячется за зрачок.
И на дне твоих тёмных – темнеющих! – глаз
прочитаю, что смерти нет и что кто-то всех спас
от войны, от любви,
от того, что не перестаёт.
Мы, городские сумасшедшие,
знаем всё наперёд.

* * *

Если слышишь снаряд – это значит, что он не твой.
И, пока ты живой, не молчи, говори, говори со мной.
Говори о том, что больше не можешь кричать,
что слова теряют значение, когда приглашают в ад.
Ты постой, не иди, это страх немоты
заставляет тебя, глядя на брошенные сады,
повторять, какая вокруг красота. Хоть и война.
Так и выживет всё, наполняясь своими словами,
Обретёт свой исконный, спокойный смысл.
Я цепляюсь руками за здешний воздух.
В нём застыло – «Жи..ви». «Дер...жиийсь».

* * *

Каждый апрель на границе земли и неба
повисает, едва лишь касаясь нёба,
уверенное и лёгкое, уверенное и вёрткое
слово твоё: «Поехали».
И ты летишь, летишь, превращаясь в дым,
невесом, невредим и непобедим.
Ты стоишь на орбите совсем один,
абсолютнее всех величин.
И «Восток» твой – «Восток-1».
Это есть пустота, обретение меры и веры,
в то, что жизнь – преодоление тела,
покорение времени и пространства.
Здравствуй, Юрий Гагарин, здравствуй.
Кем ты был, воспаривший святой Георгий,
рассказали комсорги, профорги.
Я пишу тебе из другой эпохи –
у нас принято лайкать и кликать.
Гагарин, космос – когда от улыбки
в апреле на землю приходит весна.

* * *

Никто и не вспомнит наши первые грабежи.
Мы с тобой – Бонни и Клайд. Давай сбежим.
В этом чёртовом месте нет никакой романтики.
Разве что там, на площади, где стоит памятник.
Все дороги ведут к нему, это знают роллеры.
Я люблю одного тебя. И чужие доллары.
Клайд, я – Бонни, я – твой верноподданный.
Бонни Элизабет Паркер с беретом на всю голову.
Я так хочу обнять тебя сейчас и дёрнуть к морю.
И мне, влюблённой Бонни, не писаны законы.
Потому что нет никаких законов, кроме любви.

* * *

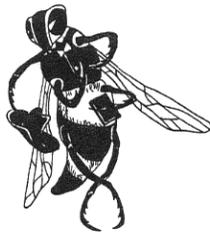
Со всем этим нужно что-то решать.
Я пишу тебе, зависая на кончике карандаша.
Всё случилось, родная. И даже весна пришла.
Как растёшь ты, цветёшь, как собой хороша.
Я с тобой, не иначе. Значит: я есть твоя душа.
Даже если сейчас тебе кажется: нечем дышать,
что, наверное, легче взлететь, чем ускорить шаг,
и что нет ничего тяжелей, чем измученная голова –
просто будь. Не отпускай. Просто люби меня.

* * *

Взглядом Евы, ещё не изгнанной из Эдема.
Всё, что нас окружает, простые деревья.
Райские яблони, чуть розоватая пена.
И я с ними в родстве до седьмого колена.
Они пахнут тобой, моим многомерным небом,
сыновьим телом, вином и хлебом.
Мой Создатель! Сегодня увидела первой:
под ребром Адама цветёт весна.

* * *

Макушка лета. Я вдыхаю пыль.
Всю серость, спелось нашего июля.
А под окном соседский мальчик лет пяти
стоит и крутит всем пернатым дули.
Смотри, таким же будет и наш сын:
малыш, мальчонка, вылитый горобчик.
И я спою ему о выжженной степи,
о тишине донецкой летней ночи.
Запомни наш июль, пока мы так юны,
какими знают нас все местные коты.
Как хорошо вдвоём в родительском саду.
Я никуда не еду, не иду. Я просто жду,
с тобою жду паденья сочных райских яблок.

**«ВСЛУШИВАТЬСЯ В ТО, ЧТО ШЕПЧУТ
КОРНИ...»**

Илья РЕЙДЕРМАН

* * *

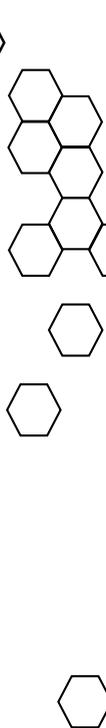
Вслушиваться в то, что шепчут корни
слов, что прорастают в глубину.
Сознавать отчаянней, упорней
истину, ответственность, вину.
Говорим – сплетаем паутину,
ночью врем бесстыдно, да и днём.
До чего же вправду мы невинны,
накачавшись импортным вином!
Речь – она сзывает нас на вече.
Говорить, совместный смысл ища.
Вечность – тайное пространство речи,
Там и вправду – мыслим сообща.
Речь – не то ль, что требует ответа?
Вопрошай, взывай, кричи, ответь.
А иначе – всё поглотит Лета.
И останется лишь онеметь.

13. 07.11.

* * *

В эти смутные времена –
бродишь средь призраков и химер.
Нужно бы вспоминать имена
тех, кто нам подавал пример.
Книгу читая – гляди между строк –
видишь, кто-то навстречу идёт?
Спросишь – не знает ли верных дорог,
мы заблудились, шагая вперёд.
Видишь пространство – иное, чем здесь?
Слышишь какие-то голоса?
Мир, где делец да политик – не весь.
Книга – как взлётная полоса.
Ну, погляди с высоты – не смешно ль?
Есть торопились, пожить бы всласть,
а получился – в итоге ноль.
Лопнули банки. Кончилась власть.
Съединенное – оказалось не впрок,
да и дворец роскошный – тюрьма...
Ну а ты сам-то – усвоил урок?
Да и помогут ли эти тома?

13.09.15

* * *

Оттуда – ты уже не скажешь ничего.
А что отсюда говоришь – не слышат.
И я не понимаю одного:
как слово – не услышанное – дышит?
– Принц, что читаете?
– Слова, слова, слова...
И если ты, поэзия, жива, –
таись, скрывайся от сетей, как рыба,
на глубине. Верь: орган речи – дух.
А если время – тяжелей, чем глыба,
ответь на эту тяжесть. Словом. Вслух.

4.03.15.

НА СМЕРТЬ ФАЗИЛЯ ИСКАНДЕРА

В этом мире смерть Фазиля –
ничего не изменила?
В мире фактов, денег, дела –
смерть Фазиля не задела?
В этом мире жизнь Фазиля –
ничего не исказила.
Ибо – точность глазомера,
неба – мера, правды – мера!
Он писал и жил – как мыслил.
Он как мыслил, – так писал.
В мире чисел вместо смыслов –
первородное спасал.
В телевизорах – удавы.
Мы, как кролики – сидим,
жаждем денег, жаждем славы,
нас едят – и мы едим!
Как нужна живая вера
в Правду, Честь, Лицо и Слово!
И Фазиля Искандера –
не хватает мне. Живого.

1.08.16.

* * *

Расставляет ли всё по своим местам
смерть, подводя итог,
а чего не успел ты сделать сам,
уйдёт, как вода в песок?
Вот вопрос, который меня допёк
(корчусь в печи – пекусь!)
Ибо сам себе подвожу итог,
а узнать результат – боюсь.
Может, смерть лишь встряхивает коробок,
ибо в кости сыграть пора?
Вот Случайный Порядок – кровав и жесток,
новый бог, чьё имя Игра.
И тогда вся жизнь – казино, вокзал,
где толкуются, утратив честь.
«Бог не играет в кости» – сказал
Эйнштейн. Место истине – есть?
Если всё – игра, выхожу из игры.
Скажут пусть, что сошел с ума.
Неужели случайны эти дары –
небо, время и жизнь сама?

2.08.15.

* * *

Среди разброда и разлада –
есть место, где стоять нам надо.
Как устоять, куда грести –
как сохранить хотя бы разум?
Не дать событиям унести,
и не поверить ловким фразам.
Мы – маловеры, не пророки.
Но не краснеть бы от стыда,
но щепкою не быть в потоке,
несущем нас бог весть куда.
И тут уже не ум решает,
признав, что всё нельзя учесть.
Душа, страдая, вопрошает
о месте, где я вправду есть.

9.02.16.

ДИПТИХ**1.**

Вот уходит тринадцатый год,
и четырнадцатый подступает.
Время медлит свершить переход –
даже стрелка на миг застывает.
А потом – зашумит календарь,
отмечая столетние даты.
...Где-то пороха горькая гарь,
и шагают на гибель солдаты.
К ним, пока что не ставшим травой,
я тяну свою тёплую руку.
Залпы первой ещё мировой –
отзовутся и сыну, и внуку.
Тут ломается века хребет.
Человечества честь – без опоры.
Вместо Логики, Разума – бред.
Ни к чему запоздалые споры.
Если что и спасает – душа.
Знать бы, что нашу душу – спасает.
Вот – огрызок есть карандаша.
Мысль и слово. А внук – прочитает?

29.12.13.

2.

Ты явилась в платье узком.
Летний воздух пахнет роком.
Отвратительных моллюсков
сбрызнем мы лимонным соком.
Я гляжу уже оттуда,
полумёртвыми глазами.
Мы б хотели верить в чудо.
Боже, что же будет с нами?
С нашей бедною любовью,
скособоченной судьбою?
– Словно устриц – сбрызнут кровью
землю эту, нас с тобою.
Накопилось много гною –
скальпель взял хирург вселенский.
– Что же будет со странюю –
дикой, милой, деревенской?
– Русский станет азиатом.
То ли турком, то ли уркой!

Расщепят, я слышал, атом.
– Что же будет с Петербургом?
– А окно в Европу – чтобы
не мешало – занавесят,
заколотят: вижу гробы!
Смерть – пушинки меньше весит.
– Говоришь – как из могилы!
Как безумны эти речи!
Не пророчь! Опомнись, милый.
Обними меня покрепче!

3.03.14.

КРАТКИЙ ТРАКТАТ ПО ИСТОРИИ ЖИВОПИСИ

Вот живописец строит перспективу,
и дело ведь не в том, что так – красиво,
а – что открылась бесконечность взгляду!
Везде, куда ни повернусь, ни сяду,
хоть одиноко в комнате запрусь, –
она! Уйду в себя и – обнаружу
почти космическую даль и стужу,
неведомость пространств, в какие рвусь.
Художник смело вызов принимает.
Как далеко глядит – он сам не знает.
Он царь пространств, он далью упоён.
Алхимик, маг – быть может, Фауст он?
...Но вот иной – да и в ином столетье –
художник разрушает перспективу.
Всё существует только в свете, в свете,
пусть выглядит порой немного криво.
Мы снова дикари! Мы снова дети!
Пространство станет плоским, как забор.
На нём ещё напишут Вани, Пети.
Пока же – на холсте горит костёр!
Но чем за яркость красок расплатиться?
Утратой бесконечности? Есть вещи.
И пусть пока всё это не зловеще
звучит – уже вещам подобны лица.
Они как бы раскрашенные маски.
И жизнь, принарядившись, застывает.
О, господи, на что нам эти краски,
коль бытие бесстрастно убывает?
На что же променяли мы беспечно
прекрасной, вечной жизни естество?
Конечны вещи. Наша жизнь конечна.
И всё уже отдельно. Всё мертво.

8.07.16.

* * *

Простой вопрос задай: когда?
Ответить на него попробуй.
И вдруг поймёшь – стряслась беда.
Безвременье – чем дышит? Злобой.
Не слышат слов, не чтут имён.
Ослепло всё вокруг? Оглохло?
За веком век река времён
текла. И где она? Усохла?
Среди вселенской пустоты,
где существуешь по ошибке –
живых минут, живой воды,
живой бы чьей-нибудь улыбки!
Когда живёшь в конце времён,
и тратишь время без разбора,
неважно, глуп ли ты, умён, –
нет времени для разговора.
Для слова, что звучит всерьёз,
пока мы, не испив из Леты,
ещё хотим задать вопрос,
ещё наивно ждём ответа.

15.08.15.

* * *

Вчера тут бушевала буря.
Стихий бунтующих разгул!
Но утро встало, брови хмуря,
Чего же ураган – не сдул,
чего водой не затопило?
Что все невзгоды пережило?
Упрямо вопрошай: что есть?
На чём стоять? Куда присесть?
Мир как-то непривычно гол.
Ты разлюбила нас, природа.
...Ещё на месте стул и стол.
И мысль. И совесть. И работа.

13.10.16.

ДИАЛОГ ЧИТАТЕЛЯ И ПОЭТА

– Быть знаменитым некрасиво?
Недоуменный сделал вид,
читатель улыбнётся криво:
– Читаю тех, кто знаменит!
Не знаменитые пииты,-
вас позабудут, словно Трюю!
Ведь если вы не знамениты,
я книжку вашу не открою.
К чему исповедальность, честность,
любовь к тому, что сердцу мило?
И станет ваша неизвестность
большою братскою могилой.

.....
– Но Неизвестность – это место,
где мы скрываемся от слезки,
где общее не месят тесто,
и не дерутся при делёжке.
Не в катакомбах, так на кухнях –
быть неизвестными, скрываться...
Хоть в бездну смертную и рухнем,
мы тайное живущих братство –
всех неизвестных, незаметных,
но странным образом бессмертных...
Мы знаем: в адской топке века
не всё сгорает без остатка.
Нетленный образ человека
хранит сгоревшая тетрадка.

14.10.16.

Елена РАСКИНА

ХОЛМЫ НАД БУГОМ

Стали мы скифской медью и глиной,
Растворились в ковыльных полях,
Но ведет наши души богиня
В свой далекий, серебряный град.

Артемида, алтарь твой отныне
Свят и грозен для нищей души.
Дай мне сумрак беззвездный и синий,
Но свой суд надо мной не верши!

Наше прошлое стертой монетой
Пусть лежит на ладони твоей.
Ничего нет прекрасней на свете,
Ничего нет на свете нежней,

Чем твоя белокрылая сила,
Чем твоя белоснежная стать...
Ты мне грешную плоть подарила,
Но поверь, я умею летать!

ПО ДОРОГЕ В КРЫМ

Если хочешь – прости, если хочешь – забудь,
Если хочешь, скажи на прощанье
Те слова, без которых мучителен путь,
Как полынь на губах – расставанье.

Я в Тавриде, и с медом мешаю вино.
Тайны Скифии, тайны Элады...
Ветер с моря, распахнуто настезь окно
В полумрак и беспамятство сада.

Здесь пропитано все тишиной и луной
И охотница бродит Диана.
И воркует фонтан о любви неземной,
Исцеля сердечные раны.

Но тяжелая эта земная любовь
Славу в кровь обращает и в пену.
Умер Гектор, и Троя разрушена вновь,
И рыдает спартанка Елена.

И уходят от павших твердынь корабли
За иными земными дарами.
И немеет душа оскверненной земли,
И гуляет над стенами пламя.

Но вернешься ты вновь к этим бедным камням,
Припадешь к ним в немом постоянстве.
И построишь здесь новый, сияющий храм
И забудешь о горечи странствий.

Бренной нежностью душу свою утоли,
Ветром, дышащим хвоей и солью.
И оставь в тихой бухте свои корабли,
И с земной обвенчайся юдолью.

КИЕВУ

Прошлое, ты стало мне отравой,
Сном печальным и худою славой,
Но твою я не открою дверь,
Я свои потери подсчитаю,
К тем, кого любила, опоздаю.
И откроется дорога к раю –
Памяти нечаянная смерть.

Только город с белыми церквями,
С княжескими дивными садами,
Там, где вод днепровских тишина,
Мне твоим останется подарком,
Боль моя, сиявшая так ярко,
Боль моя, пылавшая так жарко,
Сердце истомившая луна.

До свиданья, я теперь далече!
В новом храме зажигаю свечи,
О покое недругов молюсь.
Господи, открой дорогу к счастью,
Слишком долго тянется ненастье,
Но душа готова к новой страсти,
И ее я знаю наизусть.

РОДИНА

Как ритм, которому причастен
Лишь потому, что им рожден,
Она врывается в твой сон
И ждет, и требует участия.

Ей невозможно отказать,
Как собственному отраженью.
Ты, словно Гамлет перед тенью,
Пред ней не в силах устоять.

Одежды отчие тесны
И пересчитаны заплаты.
Но сладким таинством утраты
Мы от рождения пьяны.

Родство не добродило в нас,
Не воплотилось, не созрело.
Как контур храма, встроен в тело
Его таинственный каркас.

Мы ждем признаний и намеков,
Мы родословной смущены.
Душа, как в прожитые сны,
В свои вживается истоки.

Мой дух бессонница томит –
Пора беседовать с тенями.
Родство не выстрадано нами,
Оно нам только предстоит.

КРЫМСКИЕ СТИХИ**НА БЕРЕГУ**

Занавес взвился, открыта приморская сцена
Под монотонное пение хора наяд.
С трепетом ждешь: умолчание или измена?
Сердце в груди, словно гулкий любовный набат.

Сентиментальность – нечаянный дар и награда.
И кипарисы надменно взирают с холмов,
Как там, на сцене, влюбленная плачет наяда, –
Знает она, что от страсти лишаются слов.

Сброшена гордость с души, словно тесное платье,
Только смиренная нежность теперь мне под стать.
Веки смыкаются, и не могу рассказать я
То, что смогла на ладони твоей прочитать.

ПЛАЧ ЕЛЕНЫ

Розы и мрамор, и моря ажурная пена...
Что ты рыдаешь так горько, спартанка Елена?

Город разрушен, но память несчастья прочнее –
Новую Трою таврийской зовут Гераклеей.

Будет она подниматься над морем бессонным,
Будут наполнены шумом победы знамена!

Будь же достойна и трона, и счастья, и славы,
И воскури над землей благовонные травы!

Розы и мрамор нечаянной станут наградой
В сумраке знойном блаженного царского сада.

СИМЕИЗ, СКАЛА ДИВА

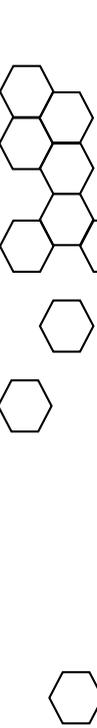
По преданию на скале Дива (Дева) в древности находился храм Артемиды, в котором жрицей была царица Ифигения.

К храму Девы ведет дорога,
В гордой вырублена скале.
И богиня светло и строго
Улыбается синей мгле.

От улыбки твоей немея,
Не найду приветственных слов.
Артемиды, тебя светлее
Только мрамор лунных садов!

Артемиды, тебя светлее
Только пенная дрожь волны.
Глаз поднять на тебя не смеют
Ненасытных царей сыны.

Им попутный ветер даруя,
Ты царицу проси взамен.
Отплывают к Трое, и буря
Не возьмет их сегодня в плен.

У ахейской царевны тело,
Словно мрамор лунных полей.
Она в храм твой войдет несмело
И сестрою станет твоей.

Отречется отец, а братья
Отдадут ее в твой чертог.
И луна раскроет объятия
На прекраснейшей из дорог.

Ифигения станет жрицей
В храме Девы, на черной скале.
Взмлет в небо бессонной птицей,
Бесприютнейшей на земле.

Только лунных полей богиня
Ее дочерью назовет.
И подарит свою твердыню
И нектар из небесных сот.

САША ИЗ БЕЛОГО ГОРОДА

Ольга ИЛЬНИЦКАЯ

КОРОТКИЙ РОМАН

МЕЧТА

Саша мечтала – вырасту, стану красивой цыганкой, с чистой смуглой кожей. Пышные волосы узлом затяну. Строгий английский костюм и туфли на шпильках, и – пройду между пестрыми крикливыми цыганками. Никогда не буду толстой, неопрятной, в мужских стоптанных башмаках.

Папа, родившийся у русских отца и матери, тоже о цыганах мечтал. Пятнадцатилетним парнишкой удрал из дома в табор. Его приняли. Кажется, он увел коня из колхозного табуна...

Отец же его, Сашин дед, всю речку Десну, в районе Бежицы, с багром прочесал, в поисках утопленника. Спустя лето, табор откочевывал в иные места, и отец Саши вернулся домой, на всю жизнь сохранив любовь к простору, звездам, живому огню костров и лошадям.

– Саша, – спросил отец, – ты, правда, хочешь вырасти в цыганку? У тебя не получится!

– Почему?

– Потому что ты русская девочка.

– Это навсегда?

– Это навсегда, – сурово ответил папа.

..Долго сидела Саша, прижавшись к отцу, переживала. А потом сказала успокоено:

– Значит, и в мужчину никогда. Правда?

– В мужчину не вырастишь, – улыбнулся папа.

Космос начинается с неба

Ранним утром тысяча девятьсот пятьдесят шестого года худенькая, босоногая девочка лет семи сидела на берегу лимана и думала о жизни:

– Зачем все это, спрашивала она себя, – эти разговоры между людьми, что невозможно жить, не умирая? Обязательно умирать? Вон сколько кладбищ понастроили, – кресты, памятники, гробы, – что, не могут придумать таблетку? Они враги, жареный лук едят, воняют гуталином и цветочным одеколоном и все время врут. И зачем-то – учат, наказывают, как будто я не человек, а животное. Заставляют есть, когда аж тошнит. Или спать, когда не хочешь. Прямо не дают жить. Сама вырасту. И не

буду умирать из-за их гадства. Уйду, как только вырасту, вот прямо сейчас уйду, чтобы не умереть однажды.

– Саша, Саша, – надрывался мамин голос, – где ты? Домой иди!

– Ну вот, – Саша поднялась, вытащила из кармана дулю, покрутила, разжала пальцы и отозвалась. – Иду-у!

Лиман был широким, из Белого города на Овидиополь ходил паром, медленный, ленивый. Всегда дождь лил, когда приходилось переправляться. Саша мучилась терпеливо – потом, после парама и дождя, начинался путь на автобусную станцию. Идти нужно было мимо умытого виноградника, по грунтовой дороге. И только потом душный маленький автобус привозил в Одессу.

Саша любила место, с которого начинался город: асфальт, два бронзовых льва и фонтан – Дерibasовская, галдящая и суетливая, все натываются друг на друга. Слева от Городского Сада поворот на треугольную площадь, с которой виден Дюк, всегда стоящий спиной, глядящий в море. Саше хотелось, чтобы памятник оглянулся.

...Мама велела руки вымыть и обедать, а не витать неизвестно где.

– Известно где, – строптиво сказала Саша.

И посмотрела на маму внимательно. У мамы толстая коса вокруг красивой головы, глаза в солнечных крапинках и злые сросшиеся брови.

– Известно где, в Одессе.

– Что в Одессе? – спросила мама.

– Витаю в Одессе.

– И как там? – думая о чем-то своем, сказала мама.

Саша поняла, что отвечать необязательно.

– Не ешь левой рукой!

– Сказала бы спасибо, что вообще ем, – помрачнела Саша. – Вообще ем этот ее борщ с варёной капустой, – папа говорил, что если есть капусту в борще, то вырастут сиськи, как у тети Жени. Большие и мягкие. Как будто я хочу такие сиськи... – с отвращением отодвинула тарелку:

– Не буду!

– Не надо, – неожиданно согласилась мама.

В это время радио торжественно заговорило о непонятном. Спутник запустили в космос.

– Что такое спутник? – спросила Саша.

– Это тот, с кем ты идёшь куда-нибудь, – невнимательно ответила мама.

– А что такое космос?

– Это бесконечное небо, – прищурившись, мама чесала шпилькой в ухе и морщилась раздраженно.

– А начало у него есть?

– Какое же начало, если оно бесконечное, – непонятно сказала мама. – Бесконечность, это когда нет начала и нет конца.

– А что есть, – спросила Саша, – что в ней тогда есть-то? Это круг, что ли?

– Нет, это наполнено воздухом во все стороны, и в нем плавают звезды, Луна и Солнце, и девять планет. Может быть, планет больше, теперь вот там еще будет летать наш спутник.

– Почему наш?

– Потому что это советский спутник, – ответила мама.

Отодвинутая тарелка борща сегодня маму не раздражила. Саша воспользовалась паузой и выскочила за дверь. Это самый любимый момент жизни, – подумала и рассмеялась, – как здорово закрыть дверь и дышать ветром!

Если долго смотреть в космос, что получится? Откуда лучше? С высоты, конечно! Саша помчалась на высокий берег лимана, залезла на шелковицу и, прижавшись к ветке, засмотрелась в небо. В небе висела птица. Она висела неподвижно и вдруг взмахнула крыльями. Медленно кружась, с высоты падало перо. Саша слезла с дерева и перо нашло. Ястреб, решила, и опять забралась на дерево. И к ней пришла мысль. Сначала одна, потом другая, потом зазвучали в голове слова непонятные, вроде кто-то включил радио. И Саша запомнила: если космос, то сначала – небо, потом высота, птицы полет и голоса. И научилась на всю жизнь играть в игру, о которой никому не рассказывала долгие годы, потому что – тайна.

Годы прошли... Мама с папой переехали в Одессу, потому что был шестьдесят первый, и Сашин папа попал под хрущевское сокращение армии, и его уволили навсегда.

Теперь офицерская плащ-палатка забыто висела на вешалке, Саша иногда залезала в ее темное, пахнущее походами нутро, внюхивалась, придумывала разное... Про войну, путешествия... Вслушивалась в шуршание прорезиненной ткани.

Перестали по ночам прибегать за папой посыльные... Мама перестала собирать папины вещи в «тревожный чемоданчик», стала меньше волноваться – как он там, на полигоне, успеет ли вовремя поесть, передохнуть?

После трудной войны папа тяжело заболел, но не хотел увольняться, а мама была настоящей офицерской женой – готовой, «как нитка за иголкой», переезжать со всеми «бебехами» куда угодно, лишь бы быть с папой рядом.

Так что Саша росла в гарнизонах, и переезд в любимую Одессу был для неё праздником. И началом непонятной жизни, где все, что раньше было целым, весь огромный мир, наполненный ветром, настоящим на солнце и степном духе. Наполненный плеском верхоплавков в лимане, частыми слепыми дождями и свободными людьми из Белого города, знающими, что такое интересно жить. Этот мир, привычный и любимый Сашей, – стал рассыпаться.

ОТРОЧЕСТВО

Постепенно военные тревоги в доме успокоились, и папа обживался в новой жизни «на гражданке», а семья помогала ему справляться с тоской по армии. Папа скучал, и, чтобы превозмочь, пошел переучиваться с артиллериста на инженера-строителя.

В новом мире все вдруг стало для Саши отдельным, все стало само по себе, не объединенное космосом, в который, как жданная гостья, входила девочка через дверь на шелковице. Тутовое дерево, раскидистое и старое, как старая турецкая крепость у него за спиной, осталось покинуто стоять на высоком берегу Днестровского лимана.

Люди в большой Одессе искали друг друга, но негде им было объединиться, кроме как в местах скучных и скученных: трамваях, магазинах, на «Приво́зе», куда Сашу стала брать мама по субботам за покупками – приучая к домоводству.

Даже новая, городская школа оказалась для Саши неинтересной и напрягающей. А раньше, в детстве (сейчас ей уже исполнилось десять лет!), люди объединялись в более подходящих, в её понимании, местах: у норы тарантула на солнцепёке, или могилы

скифского князя, что в степи у мясокомбината, или у гаубицы, там, где вообще лазить было нельзя, но хотелось и – получалось.

Детство закончилось, поняла Саша, и надо теперь строить новый мир, не жить же в их взрослом, чтобы умереть от этого однажды. Надо обживать иной, чем есть в Одессе, мир, вдруг и сразу разонравившийся, Одесса взрослой жизни испугала.

Начало этой жизни было неправильным, потому что завязывалась на желтый нейлоновый бант. Его каждое утро вплетала мама в рыжую Сашину косу. Вид у банта был болезненный, и Саша чувала, что из-за него плохо кончится начало взросления. Так и вышло. Вся пожелтела, вся! Даже глаза! Из-за этого её отправили с урока природоведения домой, вместе со звеньевой пионерского отряда Томой Политовой. И для Тамары этот уход с занятий плохо закончился. И она пожелтела.

Оказалось, что желтый бант Саши окрасил в желтый цвет половину четвертого класса «Д», и в школе, из-за чертова этого банта объявили карантин. Бант заразил всех болезнью Боткина. Она так по-настоящему и называлась: желтуха.

Когда выздоровела, Сашу освободили от многих школьных предметов: и физкультуры, и украинского языка, даже математику можно было пропускать иногда, когда болело в правом боку, и кружилась голова.

– Саша, – спросила Наташка, – ты почему побила Яхедца тапком? Он тебе на мозоль наступил?

– Еще чего – он мне кончик косы бритвой отрезал!

– Так и что, ты же давно хотела отрезать всю косу.

– Так это я сама хочу, а не чтобы кто-то насильничал.

– И потому ты сама насильничала?

– Я – в ответ. Чтобы не стать беззащитной. А то привыкну, и все кто чего захочет – то и сотворят со мной. Как со всеми этими во внешнем мире.

– С кем с «этими», в каком таком мире? – спросила Наташка.

– Внешний мир – это родственники и знакомые кроликов, а кролики – мы.

– Я не кролик, – гордо сказала Наташка, – я – человек.

– А, ну тогда понятно, – задумчиво протянула Саша, – тогда тебе надо озаботиться и прожить жизнь так, чтобы не было мучительно стыдно за бесцельно прожитые годы. Тогда тебе надо учиться, учиться и учиться. И тогда из тебя точно выйдет толк. Вопрос в том, что останется?

– Сильно ты завзятая, – Наташка дала обидный поджопник, и Саша, отлетев, молча поднялась, встряхнулась по-собачьи и затаила на дуру Наташку опасное чувство мести. Саша мстила беспощадно, умело выжидая, пока обидчик подставится и можно будет его за руку схватить, обязательно публично. Компрометируя раз и на всю оставшуюся жизнь. Чтобы ему так стало мучительно стыдно.

Девочки дружили уже несколько лет – Наташка была крепка физически и с четвертого класса покровительствовала бледной и хрупкой Саше. Доучившись до девятого, они хорошо узнали друг друга, и Наташка поняла, что совершила ошибку. Она увидела, как сощурилась Саша, как побледнела и губу закусил.

– Эй, – она хлопнула подружку по плечу, – не дуйся, я сгупила.

И по тому, как промолчала Саша в ответ, поняла, что извинениями не обойдешься. Придется пережить неизвестно что, с Сашей всегда неизвестно, во что выльется любовь ли, ненависть, – самое непонятное, что пришлось пережить однажды гордой Наташке, это равнодушный взгляд Саши на поножовщину во дворе школы. Дрались Гришка Назаров и Аркаша Соллогубенко. Гришка отморозок, второгодник, Аркаша занюханый

интеллигент. Сашин друг. Дрались из-за Саши. Она стояла, прикрыв глаза, и не смотрела. Но и не уходила. Все суетились, бежали, руками размахивали. На Сашу орали, мол – что, не видишь? Не смотрела. А потом, неожиданно для всех, стала между, прямо под нож, и не успел Гришка руку затормозить. А она успела свольтировать, нож по касательной задел, распоров правый рукав коричневого форменного платья и оцарапав. Но выражение равнодушия надолго застряло на Сашинем лице.

Сейчас Наташка не знала, что сделать, чтобы вывести подружку из ступорного мстительного молчания. Она на физике подошла к Сашиней парте и, сказав обидное, уронила на пол папку с рефератом, над которым Саша работала вторую неделю. Из папки рассыпались фотографии кинорубок и киноаппаратов (отец Саши работал инженером в управлении кинофикации и помогал). И вот Саша сначала молча смотрела на Наташку, потом кивнула понятиливо, поднялась и вlepила пощечину.

Физичка обеих за шиворот выставила из класса. Класс недоуменно молчал.

Наташка поняла, что отделалась малой кровью.

Одного не поняла Наташка, да и как это было понять? Того, что все между ними закончилось. Пять лет дружбы закончились.

Наташка поймет это спустя школу, когда Саша позвонит в ее дверь и скажет:

– Ты хотела узнать, что происходит, когда совершаются непоправимые ошибки? Я пришла тебе рассказать об этом.

Это спустя три с половиной года...

Дружбу так и не удалось склеить.

Что-то с Сашей было не так. Со всеми другими – так, а с Сашей – нет.

И тогда Саша придумала найти высокий берег над морем, и обязательную шелковицу, как было в Белом городе над лиманом. Чтобы сходить в гости к Космосу и разобраться со всем окончательно. А еще ей надо было узнать, что делать дальше, как жить в мире, не принявшем почему-то её, Сашу.

Одиноко бродила она по-над пляжами, внизу бормотало море. Берег осыпями сбегал к прибою, привнося в запах йода – запах цветущей ромашки. Изредка встречались сиреневые бессмертники, и Саша думала, что там, где бессмертников больше, там она и найдет свою шелковицу, двери в заждавшийся её Космос.

ЧТО НА ДЕРЕВЕ РАСТЕТ?

Саша носила сандалии, а мечтала о теннисных тапочках. Однажды она убежала из дома и отправилась гулять по городу. Стоял жаркий пыльный июнь. Город был старый, городу было очень много лет. Нет, веков. А может быть, даже тысячелетий. Над берегом Днестровского лимана высилась турецкая крепость – с башнями, подъёмным мостом, но он уже больше не поднимался, потому что сломались механизмы, глубоким рвом вокруг съеденных, словно зубы старика, стен.

Возле крепости археологи раскапывали глубокий город, в котором жили древние греки. Саше о них рассказывал папа тогда, когда ей ещё не было девяти лет. Когда сандалии купили, в начале лета. Тогда нога еще в них помещалась, а теперь пришлось прорезать дырки для больших пальцев, и они торчали из приспособленных к росту ноги ненавидимых Сашей сандалий. Она стеснялась и мечтала о новых теннисных тапочках из пахучей кожи. Но мама ворчала, что не напасешься, а бабушка говорила, что полезно

бегать босой, а папа сам дырки и прорезал – так что никакого сочувствия к Сашиным переживаниям и мечтам никто не проявлял.

Недалеко от Сашиной школы был базар, мусорный, галдящий, воняющий. За рыбными рядами стояла старая липа. На нижней ветке листья были обглоданы жарой, и вместо них там росло что-то невероятное. Саша даже зажмурилась – не поверив. На нижней ветке, прямо над головой – росли синие тапочки. Теннисные. Как синие кожаные листья. Связанные шнурками и перекинутые через ветку, они покачивались. Они взгляд Сашин приковывали. И она их хотела. Саша поняла, что эти синие тапочки – её. На дереве выросли, потому что – мечта. И вот она их нашла!

Кто-то спросил:

– Твои тапочки, деточка?

Кто-то их снял и дал Саше. И Саша держала тапочки, смотрела на них – пока солнце не скатилось в лиман. Боялась, что отберут. Не верила своему счастью. И знала, что никому не отдаст, потому что – для неё выросли. Но уйти не решалась.

Никто не обращал на Сашу и тапочки внимания. И когда уборщик сказал, чтобы она не торчала, как столб, и не мешала мусор мести, Саша села в пыль и переобулась.

Тапочки были тюфелька в тюфельку – и уверенная в чуде, Саша побежала домой.

НАХОДКИ

– Папа, – сказала Саша, – посмотри, какая ложечка! Золотая! С камешками...

– Это немецкая, трофейная, – сказала толстая тетя Женя. – Аким из Германии привёз.

Взрослые отвлеклись, а Саша положила ложечку в карман. И забыла о ней.

Потом она долго шла с папой по улице Энгельса, вдоль забора воинской части, в которой папа служил, и загребала пыль синими теннисными тапочками. Пыль была тёплая, глубокая. Шаши споткнулась о камень, подбила его и вспомнила о ложечке. Повертела удивлённо в руке и, размахнувшись, бросила далеко в пыль:

– Папа, папа, а что мы сейчас найдём! – закричала радостно.

– Что? – заинтересовался папа.

– А вот посмотрим!

И Саша кинулась искать в пыли. Могла бы и не найти. Но – нашла. И, торжествуя:

– Вот что! – протянула папе ложечку.

Папа как-то странно посмотрел на Сашу и сказал:

– С камушками. Для солонки ложечка. Пуд соли съесть. Ну, что же, начнем есть наш пуд соли – и отдал Саше находку.

– Знаешь, Саша, – сказал папа, – почти восемь лет назад закончилась большая война. С фашистами. Наши солдаты, когда гнали немцев в их Германию, проходили по разным чужим странам. И везде в пыли дорог случались находки. Некоторые из нас поднимали их и привозили к себе домой. Некоторые брезговали. А некоторые брали, пока были глупыми, а потом умнели и начинали брезговать. Потому что находка находке – рознь. Понятно?

– Нет, – честно сказала Саша. – Если находка, то это уже моё, а никакая не рознь. Почему брезговать?

– Ну, как же не рознь, – вот твоя ложечка... – папа покрутил ухо. – Сначала дядя Аким нашел ее в Германии и привёз домой. Потом ты его еще раз нашла у него...а потом

в пыли. И посчитала своей. А теперь как раз рознь и начинается. Теперь ведь ложечку надо дяде Акиму нести, отдавать. Рассказать, как это получилось. И тете Жене сказать...

– А кому сказать про мои синие тапочки? Опять на дерево повесить, чтобы дальше росли? Они-то точно мои, – сказала Саша уверенно. – Я же тебе говорила, как в тот раз все было, помнишь?

– Да, – у папы голос стал напряженным, – тапочки твои, потому что – некому отнести. А что на дереве выросло, то Бог послал, наверное. Но с ложечкой иначе, ее Бог дяде Акиму послал, а себе – ты сама послала ложечку, ведь правда? Так что давай-ка вернёмся.

И они вернулись. Папа сказал дяде Акиму, что у Саши возникла проблема, она её решит, а мы пока покурим.

Вот они курили, а Саша ложечку незаметно положила, откуда взяла. Никому ничего не сказала. Чтобы розни не случилось.

Папа не спросил, как Саша решала свою проблему. Они опять шли долгой, пыльной дорогой, и папа рассказывал:

– Когда же моему батальону пришлось переплывать Дунай на плотях, то мой чемодан рядом с пушкой лежал. И весь расчет, солдаты мои, сидели на плоту. А мне нужно было на лодке к другому расчету подплыть, ну, я поплыл. А в тот плот, где солдаты, пушка и мой чемодан – прямое попадание.

Саша уже знала, что это значит – это столб огня, воды, никого живого и пушки лежат на дне.

– Я сразу понял, почему так произошло, – сказал папа зло. Потому что на плоту мой чемодан стоял. А в чемодане – коричневое кожаное пальто. Новенькое. Мечта, а не пальто. Понимаешь, в том городе, из которого мы переправлялись, прямо на площади, был магазин кожаных изделий. И в его витрину въехал подбитый танк. Я – тоже въехал в эту витрину, ну, не я один. Туда все, кто мимо проходил, заглядывали. Что-то находили себе, что подходило. Я вот пальто нашел. Это первая моя на войне такая находка.

– Какая? – чутко уловила Саша что-то незнакомое в папином голосе.

– А вот когда находка находке – рознь. Такая вот находка... Когда снаряд попал в мой плот, я понял, что не Бог мне пальто послал, а сам я его взял, где не надо. Нельзя. И потому-то снаряд точнехонько в мой чемодан попал.

И тихо сказал:

– С тех пор глаза утонувших солдат на меня по ночам смотрят. А я – никогда ничего больше не брал...не находил. Чужого. И своего не отдавал. Берегся. Всякой вещи свой хозяин должен быть. Настоящий.

Прошло несколько дней. Саша как-то, когда папа пришел со службы обедать, подседа к нему:

– Па, а дядя Аким ведь не знает, кому ложечку отнести?

– Не знает.

– Так пусть, как я, тихонечко отнесёт и положит, где нашел...

– А синие тенниски? – спросил папа.

– Так я же их уже почти сносила... – растерялась Саша.

Папа потрепал Сашу за косичку и сказал, что нет уже того места, куда ложечку отнести можно. Дом был разрушен, иначе – никогда бы не нашел дядя Аким такой маленькой ложечки и не взял её себе. Ему её, как и Саше тапочки, Бог послал...

Наверное.

ПЕРВЫЙ НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Мокрица был белобрыс и толст. Звали его Валерка Мокринский. Однажды он захотел положить букет на Сашин подоконник, но не снаружи, а вовнутрь комнаты. Он залез на окно, просунулся в форточку, рассыпал цветы по подоконнику и дивану, который у окна стоял и – не смог из форточки высунуться. Застрял попой наружу.

По этой попе его и хлопнул Сашин папа. Вытащил несчастного Мокрицу за ноги и ничего сказать не успел – так Валерка рванул...

Саша цветы собрала, поставила в вазу и решила, что несдобровать теперь Мокрице, опозорившему её! Надо же – попа из форточки! – Гадость какая. Но вазу на стол поставила. Цветы были ранние, только-только из-под снега.

Когда Саша сцепилась с Валеркой, она кричала ему:

– Гад! Первые цветы в жизни, и – задница из форточки! Гад! Все испортил! И – била Мокрицу камнем по плечу, а то и по голове бы дала, но – не дотянулась.

Мокрица камень отобрал и странно сказал:

– Ты, Саша, глупая. Если и дальше такой жить будешь, никто тебе цветов не подарит. Больше. И ты меня на всю жизнь запомнишь. Как первого и единственного.

Саша росла и всех отучивала дарить ей цветы. Она научила, чтобы ей вместо цветов дарили бусы, стеклышки ей нравились больше, чем быстро вянущие цветы. Мокринский не при чем, просто смотреть на умирающие цветы в вазе, а потом выливать задохнувшуюся мертвую воду и вазу мыть – Саше противно. А вот гладить пальцами разноцветные бусинки, согревать стекляшки в ладонках ей нравится.

И всегда, когда Саша перебирает бусы, хранящиеся в большой вазе-лодке, она вспоминает Мокрицу, думая, что он умный. Был. Ведь Саша и впрямь запомнила его на всю жизнь – как первого и единственного.

...А Мокрица...Он плохо кончил – когда вырос. Опять залез в какую-то форточку. Застрял там. И его посадили в тюрьму.

ДЕТИ НЕ ОШИБАЮТСЯ

У Людки Парфёновой, соседской девчонки, жила белая кошка с голубыми глазами. Гретка. Странная была кошка. Сидела, смотрела и не мяукала.

И Людка была странная. Похожая на свою Гретку.

Правда, глаза у Людки были зеленовато – рыжие. И она не молчала. И не сидела. А бегала, прыгала, болтала. Но все равно. Людка была похожа на Гретку.

Когда прошло много лет, Саша встретила случайно Людку, и стало понятно то, что раньше не понималось.

Людка была по-кошачьи грациозной. Она гибко двигалась, плавно перетекала из ног в грудь и руки, и в то же время – шла по улице мягкой вихляющей походкой.

В ней все было сосредоточено в какой-то удивительной подвижной гармонии. И еще...странность одна... Она заметилась спустя некоторое время, когда Саша опять случайно пересеклась с Людкой.

Людка оглохла. И стала похожа на Гретку еще больше. Выражением задумчивости, сосредоточенности на чем-то внутри себя.

И тут Саша поняла, что Гретка была глухой кошкой. Ведь все кошки альбиноски, с голубыми глазами, глухи, об этом в книжке написано.

Так что первое впечатление о похожести Людки и Гретки было верным.

...Дети вообще никогда не ошибаются. И если прислушиваться к первому ощущению в себе, к безошибочности детского наблюдения, то, может быть, можно что-то изменить в будущем.

Например, предупредить нараставшую Людкину глухоту...

АРИФМЕТИКА

Чулки намокали постепенно. Уже были мокрыми косточки, которые торчали, как уши, – на каждой ноге по два коричневых уха. Выше, над ушами, чулки в резиночку были пока сухими, но по узеньким бороздкам уже ползла вверх влага.

Когда коленки станут мокрыми, я заболею, подумала Саша. Обязательно заболею. И не нужно будет решать, какой резервуар наполнится водой и за какое время.

Резервуары были из задачки, а задачка под номером тридцать четыре – в учебнике арифметики для третьего класса.

Саша не умела решить ее, и мама в наказание выставила неумеху за дверь. В одних чулках.

Мама не заметила, что дождь, что левый тапочек под столом, а правый – на стуле.

Когда Саша сидела, правая нога всегда забиралась на стул, коленка торчала выше головы. За это девочку пугали противным словом «сколиоз». «У тебя будет сколиоз!» – и Саша чувствовала, как он подкрадывается: скользкий, извивающийся, как дождевой червяк.

И вот она стоит на крыльце в мокрых чулках, переступает с ноги на ногу и кутается в продранную на рукаве красную шерстяную кофту.

О маме Саша не думает. Не сердится на нее. У девочки еще нет злой памяти.

...Поздний вечер. Жарко. Ладшки мокрые, особенно если провести по лбу. Лоб тоже мокрый. И волосы, туго заплетенные в косицы, по косе над ухом, мокрые.

Мама говорит:

– Иди, помоги раздеться Саше. Что она возится там так долго?

«Долго там так... там так...» – стучит у Саши в голове, и голова похожа на казанок, в котором варится картошка в мундире. У Саши температура.

Подходит старшая сестра, стягивает с Саши платье, расстегивает байковый лифчик, и он падает Саше на коленки. Саша встает с кровати – лифчик соскальзывает и повисает на резинках. Сестра наклоняется, отстегивает резинки, уносит лифчик и платье.

Саша стоит, а чулки медленно сползают. Сегодня чулки сухие, сегодня мокрые голова, руки, – думает Саша.

На полу валяется свернутый листок. Заходит сестра, поднимает его и разворачивает. На листке решение арифметической задачи номер тридцать шесть. Из пункта А в пункт Б выехали два поезда; известно время отправления и скорость, надо узнать, на каком километре они встретятся.

– Саша, – говорит старшая сестра маминым строгим голосом, – Саша, ты опять списала задачу у Витьки Шилова!

Витька Шилов – футболист. У него крепкие ноги в китайских кедах «два дракона», круглые глаза, как вишня-шпанка, и вихор над упрямым лбом. «Корова языком лизнула», – говорит учительница Прасковья Емельяновна.

Саша любит Витю и поэтому, когда дежурит, ставит на его парту чернильницу с голубым футболистом. Это единственная чернильница с таким рисунком, и в классе, когда дежурит Саша, никто на нее не претендует.

– А вчера на уроке арифметики случилось невообразимое, – рассказывала Сашина подружка Лорка Коросташевская Витке Кириченко по дороге из школы домой. – Поднимает Сашка руку, ну мы ахнули, это на арифметике-то! Думали – отвечать хочет, чуть не умерли от удивления. А она вдруг: «Прасковья Емельяновна, пересадите меня, я хочу с Витей Шиловым».

– И что? – делает губки бантиком Витка – пересадила?

– А Прасковья Емельяновна спрашивает: «Почему?»

– Сашка отвечает: «Я его люблю». Тут уж мы все вымерли – и в хохот. А Саша стоит, молчит. Щеки у нее знаешь, какие? Когда она молчит, щеки у нее как у маленького бульдога трясутся, и такое лицо, такое... Прямо хочется его спрятать ото всех... А Прасковья Емельяновна сказала, что вот бывает любовь к маме с папой, бывает к Родине, а Саша любит Витю, так тоже бывает, и это хорошо.

– И пересадила? – Витка волнуется, смотрит во все глаза.

– Нет. Не пересадила. Наверно, чтобы Сашка не списывала у него арифметику. Шилов лучше всех задачки решает.

Прошло много лет жизни. Саша все еще не умеет решать арифметические задачи на сложение и вычитание.

Муж подарил ей карманный калькулятор. Но Саша стесняется проверять продавца в магазине: а вдруг он правильно сдачу дал, и Саша недоверием обидит его?

Впрочем, в Сашиной жизни плохо не только с арифметикой. Есть еще более безнадежное. Например, муж. Это вовсе не Витя Шилов. Это совсем другой человек. И он тоже... не в ладах с арифметикой.

ПАЗАРИТСКИЕ ДЕТИ

В чужом сарае к потолку подвешена авоська. В авоське – вареная курица.

Дети перелезают из сарая в сарай (это несложно, стены до потолка не доходят) и находят авоську. Курицу съедают, а косточки, аккуратно обглоданные, складывают обратно.

Через некоторое время крик:

– Паразитские дети, кто сожрал курицу?! – кричит тетя Рая; ее муж, капитан Вырублев, пришел на обед.

...Мы живем на территории военного городка, на улице Красноармейской. Отцовская часть расположена за забором из острых железных пик, между прутьями мы иногда застреваем, и солдаты нас спасают, сильными руками выгибая пики.

Время нашего детства – это счастливое и богатое время. Война уже лет семь как закончилась. Правда, еще нет холодильников, стиральных машин и телевизоров, нет газовых плит, и водопровод в дома не проведен. Зато у всех у нас есть папы, и они приходят на обед – все в одно время, к пяти часам.

И вот тетя Рая орет про курицу, и нам стыдно, что из озорства мы ее съели. В тот вечер все мы принесли по куску своих куриц тети Раиному мужу на ужин. И Вовка, сын капитана Вырублева, утром рассказывал, что мама и папа хохотали как ненормальные, а потом позвали майора Груднева с женой (это Наткины родители), и они выпивали на кухне, пели песни и закусывали нашими курицами, толкуя о том, какие мы все-таки замечательные паразитские дети...

КРИВОНОГИЕ КРАСАВИЦЫ

Сашу любят дети. Потому что она способна даже в праздничном белом платье, когда идет игра в «казаки-разбойники», перелезть через забор, проползти под проволокой и подраться по необходимости. А потом не плакать над испачканным и порванным.

Она молча, потряхивая щеками, постирает платье в лимане, и будет одиноко сидеть в голубых трусах на берегу, ожидая, пока просохнет.

Сашина мама спуска Саше не дает, но и уважает в ней самостоятельность. Поэтому не советует Саше празднично одеваться, странно при этом говоря:

– Не надо вводить себя в искушение. Как только ты вырядишься, так обязательно захочешь чего нельзя. Нет, чтобы пойти в скверик или на качели – ты норовишь в какой-нибудь сарай или на помойку. Лучше одевайся просто, это для тебя естественнее.

И Саша безвылазно ходит в коротких пышных штанишках на бретельках. Никто из девочек не надел бы таких. А она любит быть не как все. На голове у Саши тюбетейка, на ногах – теннисные тапочки.

Но все равно Сашу любят, даже девочки. Потому что Саша многое знает о разных вещах. Знает, в каком веке, какие платья носили женщины разных народов. Она рисует бумажные наряды для картонных кукол. Лица у кукол не похожи друг на друга.

Особенно девочкам нравятся Сашины восточные красавицы. Глаза у них узкие, в длинных ресницах, а ноги растут прямо изо рта. Саша говорит, что восточные красавицы все на длинных тонких ногах, чтоб удобнее было скакать на лошадях. И кривоногие. Для своих наездниц Саша рисует прозрачные шаровары или, как она смешно говорит, шальвары. Восточных красавиц она раздаривает.

– Саша, – спрашивают девочки, – а откуда ты знаешь, какие на Востоке ноги?

– А моя прабабушка персиянка, у нас ее шальвары свадебные в сундуке хранятся. Когда я буду выходить замуж, я их надену!

Но девочки подозрительно смотрят на Сашины не кривые, не длинные ноги. Саша грустно говорит:

– Так у нас же кровь, испорченная русскими. Прабабушку выкрал прадедушка из Персии, на коне из-за забора, а потом... утопил, как Стенька Разин. Прямо в свадебном наряде!

– А как же шальвары в сундуке?

– Так шальвары она успела снять, – отмахивается Саша.

НОВОЕ О ЗАКОНЕ ОМА

Она сидела в гнезде на большом орехе и учила закон Ома. Но закон Ома не входил в голову, занятую менее серьезными вещами, чем завтрашний экзамен по физике.

У меня, думала она, прекрасное имя – Екатерина. Оно на каждого, с кем знакомлюсь, уже влияет. Великая – обязательно добавляют! Это неизбежно влияющий исторический штамп, как если шапка, то, значит, Мономаха.

У Екатерины (великой!) ореховые глаза. И тело ореховое. И мозги как ореховые ядрышки. И еще у Екатерины (потому что великая) есть своя ореховая роща.

Ореховая роща захихикала.

Саша мрачно выглянула из гнезда и сказала голосом как тусклое стеклышко, которое хорошо бы протереть краем сарафана, поплевав сначала.

Сказала девочка роще:

- Почему тебя смешит Екатерина? – и уже к концу фразы стеклышко засверкало.
- Ша-ша-са-ша, – прошептал рыжий муравей, и Екатерина на него уставилась.

Через стеклышко.

- Откуда знаешь меня?

Муравей тоже захихикал. Ему отозвалась роща, защелкав, зачирикав.

– Не дурачься, великая, – продолжил муравей, пошевелив строго усиками, как физичка Эсфирь Исааковна. – Учи закон Ома.

– Ом, Ом, Ом, – забормотала Саша-Екатерина. И провалилась сквозь ветви на ковровую, в маргаритках и сурепке, траву.

Под деревом сидел индус Илюша, похожий на гуся. Голова его уплывала в полотенчатый тюрбан, тело было покрыто гусиной кожей. Из-под сидящего в позе лотоса Илюши, как перепончатые красные лапы, торчал пионерский галстук.

– Эй, – тихонько окликнула индуса-гусака Саша-Екатерина. – Эй, йог, подвинься! Ты на галстук сел.

– Аум! – булькнул Илья по-йоговски и поперхнулся от неожиданности. – Сколько билетов выучила, все?

– Закон Ома поперек стал, – честно ответила Саша и протянула ладонь, где под стеклышком сидел муравей. – Посмотри, сидит, и две пары усиков. На Эсфирь похож, да?

Илья посмотрел через стеклышко, а муравей погрозил ему свернутой в кулачок ножкой.

- Лежит твой муравей, а не сидит. И угрожает.

У Саши глаза зазеленели.

– Сидит, сидит, – заторопился индус, – отчего бы ему не сидеть, если ты, к примеру, в гнезде сидишь. И Эсфирь сидит на скамеечке – похоже, нас выпасает.

Ребята повернулись к скамеечке. Эсфирь Исааковна вытащила из сумки будильник, и он зазвенел.

– И не удивляйтесь, дети, – сказала учительница, – пришла перемена. Думаю, бутерброды не помешают? У меня к вам вопрос...

- Экзамен завтра, – зашипела Саша индусу-гусаку.

- У меня к вам предложение, – поправила текст Эсфирь.

- Поешьте!

Саша еще больше, чем обычно, нахмурилась и тусклым голосом Екатерины – без стеклышка, вымучила:

- Сразу говорите, без обработки.

Индус ее сзади незаметно ущипнул. Как гусак, подумала Саша.

– Почему мои ученики на экзамене все знают, кроме закона Ома? Почему вы его на голову натянуть не можете?

– Это одессизм, – сказала Саша. – Эсфирь Исааковна, вы неисправимая одесситка, и ваши речевые обороты входят в нас на века, все силы мы тратим на переработку языка из русского в одесский. Что же касается закона Ома, то ему лучше бы входить в нас исподволь, незаметно, с молоком, – и облизнулась на бутерброды.

И пока уминался хлеб с маслом, Эсфирь Исааковна незаметным голосом внятно повторила им закон Ома. Все тут же и закончилось.

Сидел под орехом индус Илюша, зубрил билеты. Сидела на ветке в гнезде Саша-Екатерина, зубрила билеты. Сидела-сидела на скамейке учительница, шевелила, как муравей, усиками, а потом фьюить... улетела птичкой. С будильником в клюве. Летела и

думала: хорошие ребята. Зачем им закон Ома? Не выучат они его. Запомнят до завтра, перескажут даже не на пятерку и забудут навсегда. И уронила будильник прямо в гнездо к Екатерине.

Заверещал будильник. Вылетела из гнезда на голову индусу Екатерина великая, сшибла тюрбан, и покатались по траве, сцепившись и гогоча, Илья и Саша, а звонок трещал, отпуская их на перемену. До завтра, до экзамена.

ЧТО СКРЫТО В МОГИЛЕ

Скифская могила была возле мясокомбината.

Рядом, на крутых склонах, сбегаящих в лиман, раскидывались богатства – это сваливали мусорные кучи из своих дворов жители Белого города.

Саша приходила с пустыми карманами, чтобы найти когда что. Сегодня были нужны новые цеха для завода, вырабатывающего электронное питание для других Сашиных заводов. Другие заводы были запланированы на субботу и воскресенье. А сегодня был вторник.

Все, что Саша хотела, она нашла сразу. И цилиндрические печи, и раскалыватели породы, и фарфоровые перекрытия, и даже винтовые стволы с резьбой диаметра не более шести миллиметров. Всего было вдоволь на мусорных склонах.

Но когда в маленькую Сашину пятку воткнулся шип обводного карниза и кровь потекла по желобку, вместе с болью тихая радость переполнила девочку: обводной карниз был из немецкой супницы хорошего фаянса и подходил для изоляции.

Пятку Саша почти сразу же залечила ленточной бурой водорослью и слизью лиманской верхоплавки.

Дохромав до могилы скифа, девочка протиснулась в центральную камеру, где гадили все, кому не лень было спрятаться, чтобы погадить. (Стеснялись солнца, открытости степи, вольного ветра).

Саша проскочила камеру, задержав дыхание. И отодвинула край внутренней стены из разрыхленного временем желтого ракушняка. Образовалась узкая щель в промежуточную камеру. Сюда гадающие не добирались.

Здесь и находились первые заводы Сашиного мира. Они были основным фондом, базой для тех, что производили или перерабатывали сырье в первоприродные составляющие – чистый песок, сланцы, металлы, дробя и извлекая одно из другого. Здесь же случались и более таинственные и сложные процессы превращения: плохого – в хорошее, слез – в радость, испуга – в удивление.

В глубине скифской могилы Сашины заводы перерабатывали внешний мир взрослых людей, пачкающих все и везде, не только в первой, впускной камере, но и вдоль жизни и даже в собственных жилищах.

Закончив комплектование накопительного цеха, Саша протиснулась сквозь щель в древних плитах, сдвинув их, и неразграбленный мир по перерабатыванию взрослого гадства остался в темноте, среди пощелкивания и монотонного гудения. Это работали фондовые отсеки.

...Мимо мясокомбината, когда заходящее солнце окрашивало красным все вокруг – и лиман, и степь над ним, и дорогу в Белый город, видневшийся вдалеке, Саше не было страшно возвращаться из своего мира работы и чистоты. Но было неприятно. И ежилась кожа меж лопаток, и в животе становилось холодно. Потому что этой же дорогой

возвращались по домам мясокомбинатские несуну. Сумки их дымились, сладко пахли кровью и терпко – страхом убитых животных. И этот страх люди несли в свои дома. И съедали.

Воздух дышал испугом коров с глазами, похожими на спелые сливы, и розовых свиней с глазами умненького отличника Витьки Плохотнюка, и лошадей с гордыми шеями балерины Плисецкой, – Саша каменела от боли, когда из воздуха, сладкого и терпкого одновременно, из дымков над сумками несунув вдруг прозрачно выплывали облака, образы... Живые, узнаваемые.

И Саша вновь и вновь, каждое утро, чуть только солнце всходило над турецкой старой крепостью и дотягивалось до места, где кончался город, и начиналась степь, бежала босыми, вымытыми с вечера маленькими ногами туда, где хранила молчаливо ее тайну скифская могила.

Бежала, чтобы построить, может быть, самый главный цех. Но для этого надо было научиться многому. И опуститься на другой уровень могилы, дойдя до основной камеры, где лежал князь.

Он-то и должен был подсказать Саше, где поставить шестигранник с сердечником из любимой фаянсовой чашки, еще не выброшенной на склоны городской мусорки, потому что разобьют ее только послезавтра, в четверг.

А до этого еще надо доработать. И Саша твердо знала, каждый вечер, возвращаясь красной солнечной дорогой в Белый город, что ее главное – впереди.

ВЫРОСЛА

– Всякий раз, покидая Одессу, – сказала Саша, – я проезжаю мимо моего детства. Я вижу из левого окна вагона, как оно убегает по Среднефонтанской к парку, что возле телецентра. В парке стоит летний кинотеатр. Один из многих папиных кинотеатров, бесконечно им ремонтируемых, перестраиваемых и таких неказистых, вынырнувших из совсем далекого далека, где лужи мне казались морями, а дома были большими, очень большими и совсем огромными, как кинотеатры.

У Саши всегда было пристрастие к кинотеатрам, особенно тем, дошедшим из начала пятидесятых, с заборами вместо стен, с дождями, льющимися на черные зонты зрителей, с мальчишками на деревьях, в Бог знает какой раз кричащими: «Вот он его сейчас! Не тот, а Гарри, он ему наподдаст левой снизу, спорим, что левой!» А дальше будет дерево, и возле вылезшего, не поместившегося под землей корня, – самый большой из известных Саше муравейников. Саша знает, что он самый большой, она весь парк проползла на четвереньках, чтобы найти его. Здесь ее и отыскал папа, когда она вовремя не пришла после школы домой. И часто потом забирал отсюда, а Саша объясняла ему муравьиные секреты. На почве этих секретов и возникли с отцом совместные, очень для них важные отношения...

А еще дальше будет дом, обычный, как все вокруг пятиэтажная этажерка с квартирами вместо книг. Саша заглядывала в окна и представляла: за этим живут Фениморкуперы, а за этим – Вальтерскотты. Так и представляла, томами-семьями, обязательно во множественном числе. Саша жила на четвертой полке. Теперь, глядя с четвертого этажа на высоченный пирамидальный тополь, посаженный папой, Саше приходится задрать голову, потому что тополь такой же взрослый, как и она. А раньше Саша смотрела на него сверху вниз, потому что он на двенадцать лет моложе ее. К маме Саша

теперь приходит в гости. У мамы всегда чисто и тихо, как и у Сашиной бабушки, живущей далеко-далеко. Она уже и сама стала бабушкой, Сашина мама, и даже прабабушкой, хоть и сопротивляется этому, и внуки зовут ее Верой. А папа дедушкой стать не успел. Саша знает, что у бабушек по закоулочкам живут плюшевые мишки и всегда пахнет пирожками. Но бабушка Вера пирожков не печет. Во-первых, в Сашиной семье никто, кроме Сашиной бабушки (настоящей) пирожков не печет. Потому что диабетикам противопоказано сладкое печеное, а Сашина сестричка и Сашин папа оба больны диабетом. А во-вторых, Вера бабушка не вполне, да и прабабушка тоже. Мама – нет. Мама она настоящая. Но не мамистая. И Саша всегда страдает от этого. Больше всего Сашина мама – прокурор, а прокуроры пирожков не пекут и, становясь бабушками, остаются спортивно подтянутыми Верами. В особо доверительных случаях – мамой Верой, мамочкой Верой.

Все семейство бабушки Веры, мамы Веры и прокурора Веры Георгиевны это точно знает.

Да, Саши стало уже много. Это Саша. Ее муж. Их дети.

Но это взрослая жизнь в новом доме, в новом городе, а на него надо смотреть через правое окно вагона, покидающего Одессу. И это совсем другая история.

САШИНА ПАМЯТЬ

Еще из детства выплывает стена второго христианского кладбища. Ее тоже видно из левого окна. Сразу за Среднефонтанской мелькнет мост над Люстдорфской дорогой. По мосту промчится скорый поезд, и Саша увидит желтую стену из ракушняка и кресты, и каменные стволы деревьев с отрубленными ветвями. Саше объяснили, что ветвей столько, сколько человек не дожил лет. До чего не дожил? И Саша понимала, что все как раз наоборот, и считала обрубки-ветви. Но их всегда получалось слишком мало, чтобы согласиться, что это уже прожитые годы. Оказывается, считать надо было десятками.

Саша любила в детстве гулять по кладбищам. Напротив второго христианского было старое еврейское, теперь снесенное с лица земли. И в мае Саша с ребятами ломали здесь сирень. Она была махровая и крупная, и ветвь долго гудела. А Саша слушала и думала, что это гудят соки, которых много в кладбищенской земле, и пугалась.

На мертвом еврейском кладбище были любимые места. Например, футбольное поле. В заброшенной части, сразу за башней серого мрамора, – небольшое пространство, зелень и одуванчики распихало бутсами и кедами стоптанные могилы – по краям, отгорядясь ими от всего на свете.

Саша вспомнила грустную историю. Девчонки в футбол не играют, их мальчишки гонят. Но она была допущена, потому что дралась и плевать хотела на мальчишек как предмет, составляющий главное счастье девчоночьих жизней.

Ребята ценили, как объяснил ей папа, рано и явно ее проявляющуюся женственность. Это было выше Сашиного понимания. Женственность – когда есть на что надевать лифчик, когда красишь глаза ядовитой тушью и кожа резиновая: улыбки, ужимки и губы бантиком. Саша знала другие улыбки, во весь рот, когда нет близко пацанов, и подружки смеются всею мордью, забыв, что лиц это не красит, а приводит к ранним морщинам. Саша и сама слыла неулыбой, но подозревала, что с этим не все так просто.

И вот был футбол, и Саша внезапно ощутила нечто такое, не выговариваемое. Какие-то новые токи жизни, как будто перелившись из махрового гудения сирени, пронзили ее и смутили сознание. Иначе с чего бы это она забила гол в свои ворота? Странное чувство

сдернуло ее с поля, и она помчалась по кладбищенской дороге, – в глубину, в густоту зелени, к заброшенным склепам.

Ничем не обоснованный стыд, не за гол, конечно, все в жизни бывает. Нет! Стыд чего-то, что Саша не смогла в себя вместить.

Ей было пятнадцать лет, и на следующее же утро она пошла в спортивный диспансер к подростковому врачу. Сашу мучил вопрос, где верхняя граница переходного возраста от девочки – к девушке? Нижнюю она уже знала, и явно не соответствовала. Сашу успокоили, но испуг в ней жил до тех пор, пока однажды она не пришла к папе и не сообщила ему мрачно, что в футбол больше не играет. Что пацаны перестали ее держать за человека.

- Что же ты сотворила? – удивился отец.
- Я выросла, и у меня появились женские проблемы.
- И как ты собираешься уживаться с ними? – серьезно осведомился он.
- С проблемами?
- С мальчишками.
- Никак. Я буду их обходить.
- А ты иди к ним, – сказал папа.
- А проблемы?
- Вместе с проблемами. Женщина, Сашка, это тоже интересно. К тому же, это лучшая половина человечества.

И Саша поверила папе.

Так вот, когда Саша бежала по диагонали пересекающей кладбище дороге, и уже обступили ее заросли со всех сторон, она провалилась в цементную яму. Глубокая, с небом, сжавшимся в квадратик, с полками, на которых стояли два ящика. Гробы! Орала Саша, орала, а потом засвистела разбойничьим посвистом, всегда собиравшим любопытных. Он выручил ее на этот раз.

Когда ее выволакивал из склепа за шиворот так, что трещала футболка, седой дядечка, то его тетка заверещала – ой, девочка! Как будто Саша была не нормальная девочка, а с того света.

Так у Саши и связалось первое женское ощущение с квадратиком неба над запрокинутой головой, безнадежность глухой серой ямы и гроб.

Что-то, еще не осознанное, уже подступило и обожгло. Что-то из настоящей взрослой жизни с концом света и девочкой, которая пугает своей беспомощностью взрослую женщину, в которую и сама Саша уже начала превращаться.

«ФАНТОМАС РАЗБУШЕВАЛСЯ»*Саша МАЛЫЙ*

На щите у офицерского клуба большими зелеными буквами: «Фантомас разбушевался». Сегодня вечером привезут. Я, как только надпись увидел, стал об этом думать. Когда посмотрел первую серию, боялся долго. Даже сейчас этот страшный смех в ушах...

Иду с друзьями «сусликов выливать». С нами Дик ничейный, здоровенный. Он не первый раз с нами ходит. Шустрый пес.

Выливать нас другие научили. Там в земле несколько входов и выходов. Обычно ихние взрослые стоят неподалеку от этих дырок и смотрят вокруг, и воздух нюхают.

Мы подходим. Дик к ним бежит и лает. Они раз – и в норки. А мы уже знаем... Нас уже ребята научили. Мы с ведрами к речке бегом и воду набираем, и туда, им в нору, льем. У них, наверное, норы длинные. Долго льем и ждем. А Дик их сразу чует. Бежит прямо к тем, которые не выдержали и наверх полезли. Он их быстро...

Раз – и нету.

Дик уже не хочет больше, да и пацанам надоело. Я со своим сачком к речке иду. Попробую мальков наловить. Если поймаю – в банку посажу и буду смотреть.

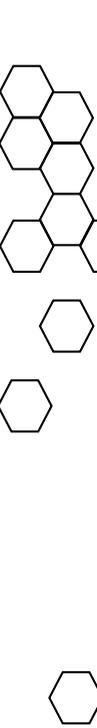
Сел. Сачок поставил. Речка сегодня медленная. Снег в горах давно растаял. Сижу долго. Внимательно смотрю. Интересно. Столько всяких жуков по воде плывет. Много живых еще, но большедохлых. Они совсем уж не шевелятся. На них смотреть совсем не интересно: как козлы какие-то. Я лучше гудрона пожую. Мы его обычно, когда в школу идем, из стройки выколупываем.

Вот ветка черная толстая плывет. Странная какая-то. Откуда она, понять не могу. Вверх по теченью, насколько помню, деревьев нет. Исчезла, будто утонула. Вдруг в воде все зашевелилось. Я за сачок. Потащил и сразу несколько раз перекрутил, как пацаны учили. Вытаскиваю наверх. Класс такой! Думал, ветка, а это змея. Прямо в сачке моих мальков жрет! Я еще пару раз перекрутил. Порядок. Пацанам показывать бегом...

Ходил-ходил... Толку никакого. Все по домам, или не знаю что.

Пошел и маме показал. Она их так боится. Мне уже смешно. Говорит с расстоянья: «Что ж ты, сынок, с ней делать хочешь? Может, пойдешь – отпустишь?»

А я беру банку трехлитровую и туда ее бросаю, и быстро бинтом перемотал. А сверху кучу резинок, чтоб

бинты держались. Посмотрел. Все четко. Маме, чтоб не боялась, показал. Поставил под свою кровать. Пошел на «Фантомаса». Отец дежурил по полку...

В клуб с карачаевцем Али зашел. Он у нас самый сильный. Там все его боятся. Даже офицеры. Сам видел, как он одному лейтенанту в глаз дал. Сели в первом ряду. Такой фильм классный... не знаю, как вам рассказать... На улице из клуба вышли. Воздух свежий, прямо с гор...

Домой я шел по нашей темной тропинке. Жуть и страх...

Пришел, а там мама. Говорит: «Сынок, а где твоя змея?». Я к банке. Точно, нету, как будто комары съели. Мама свет кругом включила. Я хожу ищу. Самое интересное! Я проверил: банка целая, бинт целый и резинки тоже. Все обыскал и вышел на балкон. Там стояли ящики из-под посылок. Нам в них из Киева конфеты присылали дед и баба. Залез рукой за ящик и нащупал. Такая гладкая, схватиться трудно. Схватил и стал тянуть...

...мне было десять лет – она большая, маленький балкон.

Я был сильнее – и снова в банку.

И тройным бинтом.

Наутро встал. Ее на шею. Гулять пошел.

У дома летчики-соседи играли в домино.

Я к ним похвастать. Доброе утро – доброе утро...

Смотрю – у дяди Толи от страха расширение в зрачках.

Он мне сказал тогда: «Она кусает, мальчик. Бросай ее подальше и беги!».

Я бросил...

ОНА ЗДЕСЬ ЖИВЕТ

Когда-то приехал в деревушку к девушке с ребенком. У нее велосипед был марки «Украина» с приваренным сиденьем для маленького Саши. Надо было на зиму заготовить пропитание. Она – на работу в поле, сажать привезенные мною семена. Я за ней. Малого усадила в «приварное» кресло. Я взял «лосипед» соседки – никакой. Она с ребенком едет, а я все отстаю и цепь падучую поправляю. Добрались до магазина. Я купил сыр, хлеб и воду. Добрались до огородов. Я ее спросил: «Могу все здесь оставить?». Она: «Конечно. Нет проблем». Сама тяпкой в землю, а мы с Сашком за ведра. У меня взрослое, у него детское.

Носили, пока мальчик не устал. Захотел он кушать. Пошли к велосипедам. Все есть на месте. Только сыра нет. Стал я орать на всю природу. Крепко матерился... Девушка сказала: «На кого орешь? Это ворона украла. Она здесь живет».

Долго не понимал значенья этой фразы. В то время, в том конкретном месте. Затмило будто. Все, что ей принадлежало, каким-то важным и родным мне стало. Сидел после опрыскивания колорадских жуков на скамеечке у дома. Улица Ленина, 20.

Ездил часто, насколько мне работа позволяла. В Германии я вкалывал на стройке, а там семью создать пытался.

Время было интересным. В деревне этой негры по-украински начинали говорить. Пришел сосед покурить со мной у печки. Дед, веселый после рюмки. Часто он ко мне вечером заходил. Я специально из капстраны сигары привозил на этот случай. Сидим, курим... Вдруг начинает мне рассказывать о своей службе в Германии. Он в 1954 водит самосвал, потом уходит в самоволку к немецким проституткам в «Овраг любви»... Потом в общем и целом меня в основы немецкой жизни посвящал...

Выросли цуккини огромные!!! Сам испугался: все-таки Чернобыль рядом. Все ходят вокруг, смотрят, язычками цокают. Жарили мы их, тушили. Жарили да тушили. Она решила икру на зиму заготовить.

На следующее утро уехала в Киев... а это долго. Мне задание нарезать кучу «злаков».

Я в кухоньке стою, курю и нарезаю, а Саша четырехлетний «у кимнати» читает свои любимые книги: «Основы бухгалтерского учета», «Операционный гинекологический справочник», «Киевский музей Тараса Григорьевича Шевченко».

Были два животных в хозяйстве. Собака черненькая и кошка пестренькая. Собака снаружи в любую погоду. Кошка в хате. Иногда выходила во двор гулять и очень часто котят рожала. Надоел хозяйке весь этот беспорядок. Стала она кошку в доме закрывать. От ухажеров ограждать...

Стою, нарезаю. Вижу – кошечка тихонечко выходит в кухню. Легла, за мною наблюдает. Проходит пять минут. Пошел я в дом на Сашу посмотреть. Когда вернулся, только морду с ухом рваным боевым успел заметить. Он прыгнул и исчез. Соседский кот – воруга всем известный. Успели...

Тогда я понял смысл фразы.

ПРОПИТЧИК И ПИСТОЛЕТЧИЦА

Девушка сейчас на заправке пистолетчицей. Бывают же названия профессий...

В начале восьмидесятых куда меня не брали. Работал всяким разносолом. По протекции одного человека, в то время очень заинтересованного в расположении моей жены, удалось устроиться в киевский оперный театр. Профессия – пропитчик. Я должен был всевозможные сценические атрибуты против пожара пропитывать раствором. Перед спектаклем приходил пожарник, от «задника» кусочек отрезал и спичку подносил, ну, а потом плевал себе на палец...

Декорации для пропитки раскладывали в огромном павильоне. Я на ночь туда являлся со своим наспинным баком, распылителем и маской. Как-то пошел со мною бывший одноклассник на это действо посмотреть. Купил он водку. Мы выпили перед работой. Он был парень умный. Все осмотрел. И внес рацпредложение. Лить не на всю поверхность, только швы получше пропитать. Так и сделал. Легко и быстро. А потом допили...

Фон был сшит из четырех больших кусков. Спектакль назывался «Ярослав Мудрый». Правительственный спектакль. Был чудный летний вечер. Пришли правители и сели в ложе. Запели тенора, и от подсветки на швах раствор мой стал кристаллизироваться... Ко второму акту проступил сквозь ткань огромный символ христианский...

Так закончилось мое недолгое общение с прекрасным!

ЛИСТОВКА

Смотрел фотографии у одноклассницы... удивительно... через 35 лет увидеть в электронном альбоме. В доме, где я уже десятый год, за это время случились три пожара. Второй был для меня с последствиями. Многое сгорело. Горел подвал, до квартиры не

дошло. Там хранил я много книг и фотографий. Рукописи не горят. Это знаю, а вот с фотографиями по-другому происходит.

Дом большой. Был такой, «захваченный художниками» в Киеве. Я там когда-то случайно сам пожар успел заметить. Было поздно. Сидело много людей за длинным столом. Пили и шумели. Возле входа елка стояла в игрушках. Я вошел, когда она только разгоралась. Они ничего не замечали, веселясь. Потушили, слава Богу!

Там не было воды и света, тепла зимою не хватало. Многим просто некуда было. Есть у меня друг – Игорь. Он там все руками наладил. Нелегально. Приходили раз в месяц местные менты. Брали по десятке с человека. Я туда, пока дом стоял, из своей страны приезжал. Там жил с друзьями.

Однажды появился некто – Саня. Он в начале восьмидесятых жил у меня в квартире на Жилянской. Тогда он учился в худинституте. Помню научил меня смотреть в картины Модильяни. Он часто пил крепкий-крепкий чай. Траву курил. Потом перешел на сложные стимуляции. Я был другом и поэтому принимал, как есть. Как-то пришел в свой дом. Шаги не было. Сел я на свой диван, стоявший в комнате, где он жил. Чувствую: что-то подо мной не так.

Я рукой нащупал мешок. Открыл. Он полон маковых головок. Время для меня тогда было не из самых спокойных. Даже КГБ. Короче, когда он вернулся... Впервые в жизни выгнал я человека на улицу.

А тут вдруг появился через годы. Сказал: «Привет!». И сел за стол... Мне утром на чужбину возвращаться. Много было людей, опять же за столом. Он сел напротив. Я бы не узнал: беззубый, старый. Говорит: «Хочу тебя нарисовать». Я: «Рисуй». Он долго что-то выводил карандашом. Пересидел всех. Пошли последних провожать. Вдвоем остались. Он мне бумажку ту в карман и говорит: «Подарок!» Я понял, и все, что у меня в карманах было, ему отдал. Попрощались...

Не посмотрел тогда его работу.

А тут пожар в подвале. Перебираю все, что осталось... какая-то бумажка полу сгоревшая... Развернул, как смог. Какое-то лицо бородатое. Не сразу вспомнил. Потом бумажку на другую сторону перевернул. Как листовка. Крупный шрифт:

ПОМОГИТЕ ХРИСТА РАДИ!

ДЕНЬ ВАЛЕНТИНА

В этот день, не знаю почему, один эпизодик из своей жизни вспоминаю.

Работал я на небольшой мебельной фабрике. Было там человек пятнадцать русскоговорящих. Одного из них звали Валентином. Приехал этот Валик в Германию из украинского города Черновцы. Каждому новоприбывшему в то время положено было зарегистрироваться на местной трудовой бирже. Так как не знал Валентин ни слова по-немецки, а я владел двумя, попросил он меня сопроводить его...

Приходим. Заполняем анкету. Потом собеседование. Просят профессию назвать. Он говорит: «Приемщик стеклотары». У меня началась внутренняя истерика. Стою и думаю: «Как же это объяснить?..» У меня есть «исходник», а у них шиш. Стал я им по нашему старинному методу в «железо переводить»: руками бутылку изображаю, а затем старательно пальцами по горлышку абстрактному вожу и как бы проверяю на наличие изъянов. Через минуту дошло до меня, что нет в их языке такого знака. Хватаю

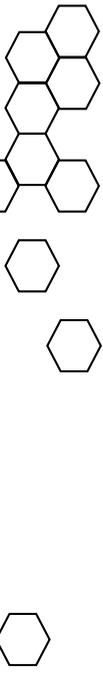
карандаш и начинаю рисовать. Нервничаю, стесняюсь собственной беспомощности, и, как следствие, получается у меня из банальной бутылки нечто, по форме явно напоминающее значительный снаряд. Чиновник сразу оживился и куда-то позвонил. Тут я заметил на подоконнике бутылку с минералкой. Усадил я Валентина на стул. В руку ему бумажную немецкую купюру, а сам с бутылкой подхожу. Производим обмен. Прошу при этом приемщика пальцами усердно поводить по кругу и сказать «Гут». После этого прошу купюру протянуть. Второй раз то же, но с возгласом «Капут» и без денег. Не дошло до адресата. Уж очень сложный контекст, без знания языка не получилось жестами. В итоге записали его «лицом без профессии», в чем были абсолютно правы.

Так вот, послали нас с Валиком, как «лиц без профессии», на монтаж готовой мебели. Девятиэтажный отель. Еще идут отделочные работы. Лифты не работают. Нам с ним здоровенную фуру надо разгрузить и разнести по этажам. Тащим шкаф, надрываемся. Фыркаем, как грузовые кони.

Дело было 14 февраля. Посмотрел я в его честные черновицкие глаза и поздравил: «С первым настоящим днем Валентина тебя, Валентин, поздравляю, большой и светлой любви тебе желаю!»

Чуть не убил он меня этим шкафом.

Юлия ПЕТРУСЕВИЧЮТЕ

НЕ ПЕЙ ИЗ РЕКИ

* * *

Не пей из реки. Умирая от жажды, не пей из реки.
Тяжёлые сны одолели, тяжёлые сны.
Пусть воды прозрачны, но омуты здесь глубоки,
И тянет полынью от этой прохладной волны.

Печали она утоляет, и боли уймёт
(О чём же ты плачешь, о чём же ты плачешь, скажи).
Осенний струит она, горький струит она мёд.
Ты, в ней отражаясь, своей не узнаешь души.

Увидишь чужого лица безмятежный овал,
В глазах незнакомых – покой, и ни слёз, ни тоски.
Ты всё позабудешь, глотая холодный металл.
Не пей из реки. Умирая от жажды, не пей из реки.

* * *

я дышу перегаром империй
в ледяные ладошки страха
то, что мы считали потерей
было только горстями праха

я несмело живу на ощупь
и учусь узнавать предметы
оказалось ненужной ношей
то, что мы считали победой

за победу платили свободой
за свободу платили победой
оказалось судьбой народной
то, что прежде считали бредом

то, что было горстями пыли,
оказалось насущным хлебом
объясни, для чего мы были,
если нас поглотила небыль

* * *

Развалины Марса. Мощёное великолепье.
Овальные окна. Сухая Венеция. Пыльный канал.
Ты знаешь, похоже, в минувшее тысячелетье
Никто в эту местность и мысленно не забредал.

Разбитые кровли домов украшает солома.
Похоже на Тома, и одновременно – на Рим.
Давай в переулке отыщем беднягу Назона,
И о преходящем величии поговорим.

По скифскому морю нескифские ходят триремы,
В солёном песке обожжённых горшков черепки.
Пространство и время неведомы. Господи, где мы?..
...Да, кстати: ты всё-таки лучше не пей из реки...

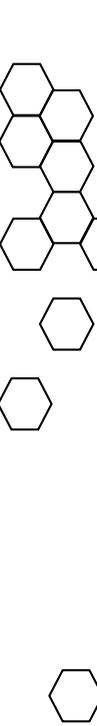
* * *

И дело не в русской Музе,
А просто всё туже узел
На горле у самой мысли,
На тоненькой шее песни.
От бесполезного груза
Спешат избавиться жизни,
Сметая слова, как мусор,
Стирая слова, как плесень.

И дело не в смертной казни,
А просто всё больше грязи
Вываливается наружу
Из всякой смердящей дырки,
И пьют её без боязни,
Лакают прямо из лужи,
Не ведая о заразе
Рождённые из пробирки.

* * *

Вся эта математика смешна.
Меж пальцами текут тысячелетья.
Нас наказали. Нас побили плетью.
Нам объявили, что идёт война.
Чума упразднена, зимы не будет,
Вино и хлеб отменены как факт.

Дыханья ритм и пульс на целый такт
Сместились, изменившись в самой сути.
И что же нам осталось своего?
Болит рубец, и боль не иллюзорна.
Кто скажет, что бездействие позорно –
Не сможет больше сделать ничего.

* * *

С недавних пор, мой друг, мне всё трудней дышать.
Нехватка воздуха, и недостаток сил.
И тесный круг заброшенных могил,
И голосов лепечущая рать –
Со мной, во мне, снаружи и вовне.
Сгущаются пространства, времена,
Опять идёт Троянская война,
И дело не в Елене, а в войне.
Война не кончится, Елена не умрёт,
Ахилл восстанет и пойдет в атаку,
И Одиссей вернётся на Итаку,
И повторится весь круговорот.
И снова ты вдохнешь мне в губы жизнь,
И скажешь: ангел мой, душа моя, держись.
Пока идёт Троянская война,
Душа моя, Елена жить должна.

* * *

Мы умеем всего ничего – умирать, где не надо:
Не у стен, не в траншее, не в госпитале – вне обряда.
Взорваны страхом, сомнением, случайным снарядом,
Мы умираем в постели, забыты отрядом.
Пули для нас пожалели, добить поленились.
Оборвалась, перетёрлась от времени привязь.
Нас не заметила наша родная эпоха.
Было не больно. И, в общем-то, было неплохо.
По мостовым растекались обычные лужи.
Мы умирали вне времени – где-то снаружи.
Нас не заметили. И потому не загрызли.
Смерть оказалась обычным явлением жизни.

* * *

Люблю тебя. Мой мир тобой наполнен –
И вдох, и выдох, и вода в горсти.
Усни, любимый мой. И отпусти
Холодный снег на землю с колоколен.

Холодный снег, и стаю белых птиц,
Кружащихся над лабиринтом зданий.
Ты создаёшь миры своим дыханьем,
Едва взглянув на них из-под ресниц.

Ты создаёшь гармонию и строй
Из хаоса и слёз, из тьмы и тени,
Из путаницы страхов и сомнений
Ты создаёшь жилище нам с тобой.

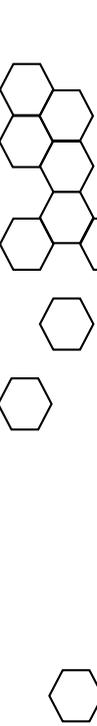
Я сплю в ковше твоих прохладных рук.
Как спит зерно в земле, ядро в орехе,
А снег летит, летит с небес в прорехи,
А снег летит, и замыкает круг.

* * *

Равнодушное небо. Холодные капельки смысла.
Нескончаемый дождь поливает размокшую твердь.
Оскользясь, съезжаем по склону. Дорога раскисла,
В чистом поле вдыхает рассвет наша чистая смерть.

Этот воздух промыт до стеклянного тихого звона.
Это наша свобода траву задевает крылом.
Мы уходим из дома. Съезжаем с раскисшего склона
И уходим искать наш затерянный в осени дом.

Среди трав, за холмом, возле моря, на запад от ветра,
На восток от луны, возле моря, на старом плато,
Мы находим свой дом. И не ищем иного ответа.
Просто входим и молча стоим, не снимая пальто.

* * *

...И ветер сбросит со стола
Буханку хлеба и бутылку молока.
Был душный летний вечер. Ты пришла,
Укутав плечи крыльями платка.

Сказала: будет дождь. Твоя рука
Белела в сумерках, и молоко белело,
И стало ясно, как непрочно тело,
И что любовь моя, как смерть, крепка.

Прохладой веяло от ясного чела,
Покоем веяло от тихих рук и речи.
И стало ясно, что такое вечность,
И что у вечности два шерстяных крыла.

* * *

Не о любви – о пустоте внутри,
Не о тебе – о собственной болезни,
Пусть плачет девочка на лесенке железной,
А ты сиди напротив и смотри.
Купи ей апельсин или гранат,
И проводи до самого подъезда.
Тепло твоих ладоней бесполезно –
Её не отогреть, мой милый брат,
И если ты найдешь десяток слов –
Сложи из них стихи или молитву.
Мне кажется, мы проиграли битву,
И так и не увидели врагов.

* * *

Перед прочтением сожги
Сухие листья. Ты почти
Забыл язык земного лета,
И пригородный поезд вёз
Тебя с планеты на планету
В открытый космос, полный звёзд,

Туда, где солнце и светила
Влечёт безудержная сила
Навстречу полной немоте,
Где время на куски разбито,

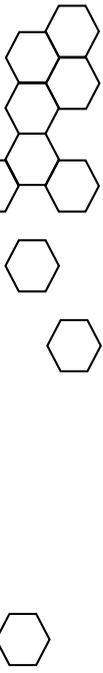
И каждой каличной звезде
Своя начертана орбита.

Ты был один, и ты забыл,
Кто направляет бег светил.
Но тут к тебе пришёл кузнечик,
Беспечный кум степной травы,
Июньской армии разведчик,
Царевич лета, брат молвы,
Запрыгнул в комнату, бродяга,
И зазвенел, и затрещал,
А с ним ввалилась дней ватага,
Ощеряясь тучей медных жал,
Ватага пёстрая, хмельная,
Вломилась, мутный сон сминая.

И ты очнулся. Над тобой
Смеялось бешеное лето,
И где-то в берег бил прибой,
И жизнь была сама собой,
Сама себе была ответом.

И брат кузнечик говорил
С Тем, Кто расчислил бег светил.

Михаил ЮДОВСКИЙ

Я ЗДЕСЬ, ПОТОМУ ЧТО Я ЗДЕСЬ

* * *

Не всё коту матрица – есть и периферия.
В сердце моем сумятица – сколько себе ни ври я,
к дьяволу в зубы катится московская джамахирия.

Верю или не верю я, барственно или смердно –
пух полетит и перья от глядевшего несметно.
Так умирает империя – все империи смертны.

Падают камнем соколы, бьются о землю символы.
Быстро века процокали, взлетевшие хиросимою.
Останется лишь на цоколе трехбуквие негасимое.

Кузня грохочет молотом, в чане играет сера.
Я говорю: «Ну, скоро там?» Дышит темно и серо
осень в моем расколоте сердце легионера.

* * *

Подари мне не райский, а самый обычный сад,
потому что с эдемских кущ – невеликий куш.
Я вижу будущее, оглядываясь назад,
и вижу прошлое в отражениях луж.

Ночью шепчут мне: «Повернись-ка на правый бок,
ибо спящим лицом к окну и спиной к стене
снится Бог». «Да на кой мне, – устало зеваю, – Бог?»
«Ну, не знаю. А вдруг пригожусь...» – отвечают мне.

Я почти уплываю в доселе иные края,
и опять этот голос скребет в голове, как мышь:
«Кстати, разве не ты был убит на войне?» «Не я».
«Извини, перепутал. За всеми не уследишь».

Пузырем багровым лопается закат,
вышибая стекла, кровель срывая жечь,
и на стенке последней из уцелевших хат
мальчишка осколком шкрябает слово «мечь».

Человек в шинели появляется из пустоты,
протянув мне флягу: «На, хлебни из горла».
«Что там?» – спрашиваю. «Ничего. Это был не ты.
Успокойся, братишка. Это смерть твоя умерла».

* * *

«Ночь, княжна», – говорит ей Стенька, бросая за борт,
ощущая, как сердцем казацким играет бес,
как он в собственной шкуре, мясе и ребрах заперт,
словно месяц козлобородый во тьме небес.

«Ночь, княжна», – повторяет он, из походной фляги
вышибая пробку, вдыхая ноздрями спирт.
В отдалении спит, дымя курениями, лагерь.
Берег спит, потягиваясь. Речка, зевая, спит.

«Черт с тобой, персиянка, от персиков и до персей,
от лебяжьей шеи до черных бровей дугой.
Разве мало на свете Персий? С десятков версий.
И одна, как водится, пакостнее другой.

А на сердце скребутся кошки да скачут жабы –
так докатишься до икры от большой игры.
Надо мной, княжна, раздувая от смеха жабры,
потешаются шересперы и осетры.

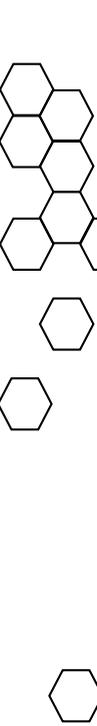
Ночь, княжна», – заключает Стенька. Убог и шаток,
под ногами кренился челн. На ветру рогоз
шелестит певуче, на бархатный свой початок,
как чужих невест, нахлобучив ночных стрекоз.

* * *

Одни говорили: «Так пахнет белый налив».
Другие предупреждали: «Так пахнет ад».
Вперемешку с пулями мохнато летели шмели в
мозаику сада. Красив и нескучен, сад

звенел тишиной, поднимался зеленой волной,
гостям насекомым и смертоносным рад.
Просто жизнь привычно соседствовала с войной,
просто смерть, подвыпив, браталась со всеми подряд.

Небеса касались сосцами губастых земель,
языком светоносным вылизывали тьму.
И ангелы, перепутав барак и бордель,
шептались с солдатами и уводили – по одному.

БАВИЛОНСКАЯ БАНШИ

Вавилонская банши по ночам пугала строителей,
убеждала их, от дневных трудов изможденных:
«Не тягайтесь с Всевышним – в этом мире нет победителей».
«Стало быть, – отвечали строители, – нет побежденных».

«Вы умрете здесь, – говорила банши, – позабытые всеми,
к вашей братской могиле никто не придет попрощаться.
Возвращайтесь в свои дома. Возвращайтесь в семьи».
Отвечали строители: «Нам некуда возвращаться».

Наши родные погибли в далекой отчизне.
Наши дома сравнивали с землею смерчи.
Нам всё равно. Если мы не боимся жизни –
чего нам бояться смерти».

Говорила банши: «Ваши шкуры покроют струпы,
ваши души огню геенны уплатят вено.
«Если мы не боимся гиен, пожирающих трупы, –
отвечали строители, – чего нам бояться геенны».

Воздух лицами плыл, воздух мелькал руками,
воздух потом катился по синей небесной коже.
Громыхали и пели камни, ложась на камни,
и скрипели доски, как будто твердили: «Боже...»

«Если нет побежденных, значит, нет победителей», –
голоса повторяли, гудели, как пчелы в сотах.
И глядела банши в пустые глаза строителей,
и пугалась – своему отражению в их пустотах.

* * *

Вот и всё, мой друг, города переводят дух
с украинского на небесный. Застыв, как глина,
время сыплется, и летит тополинный пух –
тополино летит, исполинно летит, тополино.
Между небом и небом катая картавый звук,
с недосиженной кладки в пространство взлетает птица,
повторяя за мною вслед: вот и всё, мой друг.
Всё проспится. И всё простится, когда проспится.
Ты держись, мой друг, хоть за что-нибудь – но держись,
уклоняясь от пчел, уклоняясь от пуль, как Нео.
Не задев тебя, просвистит насекомом жизнь.
Плакать не о чем. Плакать не о чем. Плакать не о...

* * *

Когда я пролетал над миром мотыльком,
поглядывая на часы, не нуждаясь ни в ком...

...Да, кстати, съезжая с перил,
он мне тогда говорил:

– Знаешь ли, милый, мы когда-нибудь все умрем.

– Очень отлично. Что у тебя в бутылке?

– Ром.

– Очень прекрасно. «Баккарди»?

– «Баккарди». Дело было так: мы шли в арьергарде
войска. Думали, кому продать буржуйку

и родину. Тут я включаю чуйку

и говорю: «Нет, блядь, ребята, такая, говорю у нас, блядь, стезя,

что – ладно, опущу матюги – хоть жить на свете хлопотно,

но родину продавать нельзя, потому что нельзя,

а буржуйку продавать нельзя, потому что холодно.

Когда я пролетал над миром мотыльком,
поглядывая на часы, не нуждаясь ни в ком...

– Так вот, – продолжил он, – у нас закончились консервы.

Наловили жаб. Жрали – как французы.

Хлебнули спирту. Дальше... Ну, сам понимаешь – нервы...

Набили друг друга морды. Я кричу им: «Хлопцы, – кричу им, – узы,

узы нас, бляха, связывают – или как?

Огреб отменно – в самое, сука, око.

«Как-как, – заявляют. – Как у макак».

Как одиноко на свете, мой друг. Как одиноко.

Когда я пролетал над миром мотыльком,
поглядывая на часы, не нуждаясь ни в ком...

– Да – хотел спросить: на хрена тебе часы,
если не нуждаешься ни в ком? Живешь, не дуя в усы,
достиг, блядь, своего апогея?

Большое плавание – большому кораблю.

Мы тут смотримся, как два гея,

но мне похуй – я тебя люблю.

Не спрашивай – за что.

– Значит, «Баккарди»?

– «Баккарди». И заткнись. Потому что в горле ком.

Жарьте меня, времена. Во все щели – жарьте.

Когда я пролетал над миром мотыльком...

* * *

Какое странное лето – крутится белкою в колесе,
говорит непонятные вещи:
«Мы погибнем...» «Все?» «Нет, конечно, не все».
«Ну, понятно. А ты, типа, вещь?»

«Не смейся. Я вижу, как жаворонки и ужи...»
«Ага, – говорю. – А перепелки?»
«Ты идиот. Ты не чувствуешь сам, что живешь во лжи,
позабыв свое сердце на книжной полке

между томиком Гоголя и фигуркой раввина
из Праги. Замкнувшись в порочность круга –
извини меня – как бессмысленно, как невинно
вы умеете убивать друг друга.

Я пройду, три месяца отмаячив,
укатившись во вселенский астрал.
Но проору напоследок: «Я не хочу, чтобы ты умирал, мальчик...»
Яжимаю плечами и вдруг повторяю – каждому,
каждому,
каждому:
«Я не хочу, чтобы ты умирал, мальчик.
Я не хочу, чтобы ты умирал».

* * *

Не дожидаясь окончания акта,
под теплый дождь, под пение сверчка
звезда, как голубая катаракта,
плывет во тьме небесного зрачка,

светясь такой арктической силой
и глубиной космического льда,
что – сохрани нас Боже и помилуй
хоть ненароком заглянуть туда.

Мы так легки, что стали бестелесны,
что, ниточку последнюю рубя,
мы падаем, не ощущая бездны
и, кажется, не чувствуя себя.

Мы миновали все земные броды,
смешав у заключительной черты
звериное дыхание свободы
с бесчеловечным эхом пустоты.

* * *

Я согрет не тобою, а дымом твоих сигарет,
опьянен не вином, а винным дыханием пробки.
Я готов разрезвонить мой ветхозаветный секрет
не за вар, а всего лишь за пар чечевичной похлебки.

Привози мне на мельницу чушь – будем вместе молотить
по словечку, по букве, пока на окраине лета
Вседержитель срезает с мясистого времени плоть,
обнажив первозданно прекрасную сущность скелета.

Отдохни, кутерьма. Мы готовы лишиться ума
и, подобно безличным глаголам, свободны и голы,
жечь сердцами костры на снегу. Говорят, что зима
уже близко. А, стало быть, вскорости рухнут престолы.

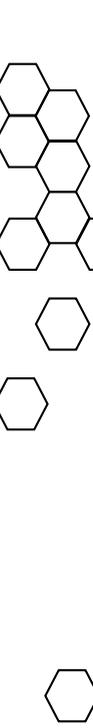
* * *

Твой маленький невзрачный городок,
окаменелый, словно диплодок,
и любящий свою окаменелость,
меня зовет – хотя б на полчаса,
найдя в себе такие голоса,
какими с колокольни не звенелось.

Я появлюсь и отыщу твой дом,
не знаю кем, не знаю чем ведом –
быть может, эху собственному внемля.
Моей спиной коснись его стены,
как будто дом твой без моей спины,
лишенный сил, обрушится на землю.

Невидим глазу и неощутим,
неуловим, как перелетный дым,
как летний воздух – невесом и тонок,
я встану на часах, чтоб ты могла
рукою гладить мглу, как будто мгла –
под руку подвернувшийся котенок.

И буду так стоять – пока к утру
от солнечного света не умру,
не посягая на твою свободу,
как тот рыбак среди застывших глыб,
что ловит в черных водах черных рыб
и всякий раз вылавливает воду.

* * *

Я согрет не тобою, а дымом твоих сигарет,
опьянен не вином, а винным дыханием пробки.
Я готов разрезвонить мой ветхозаветный секрет
не за вар, а всего лишь за пар чечевичной похлебки.

Привози мне на мельницу чушь – будем вместе молоты
по словечку, по букве, пока на окраине лета
Вседержитель срезает с мясистого времени плоть,
обнажив первозданно прекрасную сущность скелета.

Отдохни, кутерьма. Мы готовы лишиться ума
и, подобно безличным глаголам, свободны и голы,
жечь сердцами костры на снегу. Говорят, что зима
уже близко. А, стало быть, вскорости рухнут престолы.

* * *

Я здесь, потому что я здесь,
потому что – дай мне в наследство все города и веси,
я пропью каждый город и каждую весь
для душевного равновесья,

потому что иметь отвратительней, чем не иметь,
и, живя безвыездно в родовом неименьи,
я сумел столь многое не суметь,
что почти возвысился в неуменьи.

Стерильный, как шприц, стиральный, как порошок,
я шепчу, окружен бестелесной свитой:
«До чего же мне, Господи, хорошо.
Но прошу тебя, Господи, – не завидуй».

Если хочешь – спускайся ко мне во тьму,
будем вместе на звезды глядеть исподлобья,
ты – созданный по безобразию моему,
и я – созданный по твоему бесподобью».

МНЕ СНИЛСЯ СНЕГ

Александр СЕМЬКИН

Мне снился снег бессонными ночами,
он в небо шёл поверх людских голов,
и светлый лик снежинок был печален –
их будто что-то к страшному вело.

За долгим шлейфом странников летучих
буранный ветер гнал своих коней,
белёсый рой терялся в чёрной туче,
и мне казалось, им пришёл конец...

В костре рассвета брезжило начало
под шёпот «всё тревожное сожги»:
как крохотного, сны меня качали,
и в них играли ангелы в снежки.

КРИПТОГРАММЫ ОСЕННИХ МИФОВ

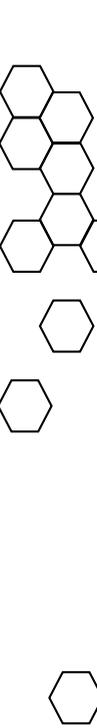
Криптограммы осенних мифов
на обрывках лоскутных снов –
крючковатее клюва грифа
зашифрованное письмо.

Я обучен читать меж строчек,
но боюсь, этот пазл сложив,
ощутить гильотинный росчерк:
в острых струях дождя – ножи!

Словно путь, что был кем-то пройден
от нуля по последний вздох,
отражается смерть в природе
гулким эхом былых эпох.

Что же это, скажи: проклятье,
а быть может, желанный дар –
знать, как рьяно кромсает платье
пламя листьев под Жанной д'Арк?

Удушающий шарф тумана
льётся дёгтем на царский мёд:
императора власть не манит,
да и сам бедный Павел мёртв.

Звуки выстрелов длят раскаты
в песнях грома, а Джон – молчком.
И кровит небосклон закатом
в круглых стёклах его очков...

УШЁЛ ГЕРОЙ...

Ушёл герой... Лишь стул из гарнитура,
Ручной работы («Мастерская Гамбса»),
О гнутых ножках лаковой фактуры,
Застыв, на Дерibasовской остался.

Ушёл герой... Смахнёт слезу украдкой
Бедняжка Грицацуева вслед мужу:
Красавец-бог с тигриною повадкой –
О, как он ей сейчас, поверьте, нужен!

Ушёл герой... Мелькнул за поворотом
Подмёткой «апельсинного» штиблета.
И шарф, концом цепляясь за ворота,
Не смог сдержать того, кто канул в Лету.

Ушёл герой... Закрыв на ключ эпоху
Романтиков и искромётных шуток.
Ах, боже мой, как было бы неплохо
Вернуть его, хотя бы на минуту!

Ушёл герой... Безмолвно... Тихо вышел...
Унёс мечту – каёмочкой на блюдце.
И где-то там, не в Рио, а повыше,
Нам Ильф с Петровым грустно улыбнутся...

ВЫРЕЗАТЬ ЖАБРЫ...

Вырезать с корнем и выбросить чёртовы жабры!..
Только усталость – ни капли желаний, ни сил...
Педро Зурита, ты стал исключительно жадным,
Помнишь, на что ты вначале меня упросил?
Пару жемчужин, и то – чтоб покрыть все издержки...
Скоро на тонны пойдёт этот дьявольский счёт.
Стар я и сломлен, а был ведь влюбленный и дерзкий.
Время струится с висков, а по жилам течёт
Тёплый коктейль: кровь, текила, джин, бренди и виски –
В этом одно утешение... Знаю, не прав...
Где-то испорчен боёк, высекающий искры,

Ветром развеяна память большого костра.
Умерли оба отца – Бальтазар и Сальватор.
Есть ещё третий, и имя ему – Океан,
Брови из пены насупив, глядит виновато:
Сын превратился в посмешище – жалок и пьян...
Крахом иллюзий сполна всем воздастся по вере.
«Боже небесный, я так виновата, прости...» –
Шепчет неслышно кабацкая блядь Гуттиэре...

Вырезать жабры... Успеть дописать этот сти.....

ХИЩНЫЕ МАТЧИ ВЕКА

Снова солнечный мяч пробивает зенит
Третий раз колокольчик судейский звенит
Зрелым образом лузера ты знаменит
От ушей до шипов не аршавин

Полустоптанно кредо ударной ногой
Этот матч канет в лету как тот и другой
Ты бежишь автоголый душевно ногой
И мечтами траву орошаешь

Изумрудное небо и жёлтый кирпич
След от бутсы брильянтовой пылью кипит
Комментатор вздымает божественный спич
Кресла рвёт от восторга болельщик

Только сциллят харибдами беки бока
И поймают в коробочку аки жука
И порвёт нити связок дамоклов подкат
Матчи века жрут хищные вещи

НОЧНОЙ ПОЛЁТ

Настежь окна, двери, душу! В небо, в ночь направь метлу,
голос разума не слушай – рви на клочья грусть и мглу.

Вся невидимо-нагая, с чертовщиночкой в глазах –
вроде та же, но другая: настроение – гроза!
Смех, как гром средь ясна неба, отдаётся в сердце эхом...
Ты – легенда, сказка, небыль, ведьма, женщина, утеха...

Вот летишь: сбивает звёзды вихрь растрёпанных волос;
пульс в висках считает вёрсты от “Мечтала” до “Сбылось”.

И, дрожа от нетерпенья, грезя снами наяву,
предвкушаешь посещение Дьявол-Party-Рандеву...

Груз оков земного мира – всё исчезло, всё забыто:
роскошь, муж и плен квартиры... даже имя...
/Маргарита?../

МЛАДШИЙ

Что ты, куда ты?! Одумайся, младший брат!
Мир за окошком оскалился, словно хищник.
В пыльной коробке, где нас уложили в ряд,
Свет абсолютно лишней.

Только представь, что тебе предстоит пройти,
Вдруг пропадёшь или заживо будешь съеден...
Братик наш маленький, из двадцати пяти
Ты был отлит последним.

Олово – мягкий металл, так откуда взял
Ты эту храбрость, отвагу, упорство, стойкость?
Дух безрассудства нас всех за собою звал,
Но не ушло нисколько.

На подоконнике лишь обернись на миг,
Брат наш любимый, не терпящий лжи и фальши.
Был ты один одноногим из всей семьи,
Ну, а шагнул всех дальше...

НЕ СПИТСЯ

Где калиткой скрипнул ржаво день, ушедший за собою,
Шмель усталый спрятал жало и уснул – кудлатый бровью,
Где у солнечной повозки кузнецы рихтуют спицы,
А светило дремлет возле, –
Мне не спится.

Где черничное варенье растеклось по небосводу,
Краски терпкой акварели до оскомин скулы сводят,
Где держу в кармане стаю журавлей, в другом – синицы,
И шепчу, всех отпуская:
Мне не спится.

Где звенит кошачье мяу – им луна как будто сводня,
Где часы Вчера меняют мимоходом на Сегодня,

Где стеной овечки стали: миллион сто тысяч тридцать...
Жирно мечу их крестами,
Мне не спится.

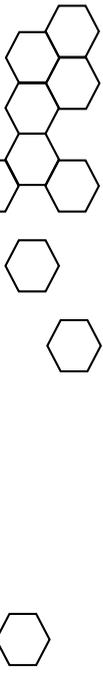
Где серебряный охотник продырявил стрелкой компас,
Где во ржи канатоходец потерял и шест, и пропасть,
Где хвостом вильнула полночь – чернобурая лисица,
Где стакан – что пол, что полон –
Мне не спиться...

УСТАЛЫЕ БОГИ

Когда
сил не хватит на то, чтоб взлететь,
и станет вкус жизни не сочен,
усталые боги сыграют в детей
в одной из дворовых песочниц.

И если
ты взглянешь на них из окна,
жалея о том, что не с ними,
то маленький бог позовёт:
– топай к нам,
и нимбик панамочный снимет...

Милена МАКАРОВА

НОВАЯ МИФОЛОГИЯ

* * *

А день, а день – сожжен дотла,
И ночь со мною говорит.
Я убираю со стола
Ту рукопись, что не горит.

И что-то сожжено дотла,
И ночь – над бездною карниз.
И снится мне Теночтитлан,
И сердце, вынутое из...

Откуда ты, Те-но-чти-тлан?
Какое чтение виной?
Я убираю со стола
Ту рукопись, что стала мной.

Читай, не бойся, между строк
Дождю молящийся ацтек.
Еще горячий кроветок.
Кровавый дождь. Алмазный снег.

Обсидиановая мгла.
Что эту жажду утолит?
Я убираю со стола
Ту рукопись, что не горит.

СТИХОТВОРЕНИЕ В СТИЛЕ ФЭШН

Какая разница, что было раньше?
Порою все – ни хорошо, ни плохо.
И жизнь – то раны и порезы «гранжа»,
То в нежное вельветовое «бохо»

Укутает. Баякает так тихо,
И кормит сладко с ложечки зеркальной.
Но только, только, не будите лиха,
Оно и так свой час узнает тайный.

Не лучше ль, право, стразы и пайетки?
Татуировки, перья райской птицы?
Мон шер, как хрупко бытие поэтки
На гендерной сияющей границе.

Как хрупко все, бессмысленно, мгновенно.
Удушье, суета, дедлайн, усталость.
Вино со льдом. Глоток из Иппокрены.
Мон шер, кто знает, сколько мне осталось?

Карл! (Лагерфельд?) Ну где твои кораллы?
Винтажна осень. Мимолетно лето.
Истерты рифмы. Бархатны лекала.
И ранят землю каблуки – «стилеты».

* * *

Вечер перестает быть «томным»,
Он становится двухтомным, трехтомным,
Многотомным как Эфрон и Брокгауз.
Полон слов и ослепительных пауз.

Вечер перестает быть темным.
Он сияет электричеством комнат,
Говорит на электрическом слэнге,
Перебрав все смысловые оттенки.

На жаргоне городского неона,
На «арго» из эсэмэсок смартфона,
На сияющей латинице WEBa
Объясняет мне, как пишется НЕВО.

Иль расскажет что-нибудь про ZEMНОЕ.
Но не знаю, что случилось со мною.
Я гляжу в себя, но это не тема,
И не вижу ни огня, ни тотема.

* * *

Спорить с Небом – заплатить дороже.
Что бы там тебе ни говорили.
Был огнем под золотистой кожей,
Станешь горсткой говорящей пыли.

Странно или нет, уже не знаю.
Знаю только – не дано иного.
Но душа – забытая Даная-
От дождя проснется золотого.

* * *

«Писать письма – значит обнажаться перед призраками»...
Кафка «Письма к Милене»

Только ты разберешь этот почерк с готическим прошлым,
Только ты не устанешь от этих взлетающих строчек.
Я осмелюсь тебе написать и не быть осторожной
В обнаженье своих миражей и своих одиночеств.

На бумаге нежнее чем пепел появятся знаки,
Водяные как лилии, светлые как откровенье.
Стоит к светлым глазам поднести эту малость бумаги,
И забыть на минуту, что в замках живут привиденья...

* * *

*«Разлучена с собой и с мыслью светлой, без коей мы – лишь
звери иль картины»...*
Шекспир, «Гамлет»

И снова он пополнил галерею,
Где на картинах – ночь перед сожженьем.
И вновь она захлопнула скорее
Ту клетку, где металось отраженье.

И вот оно, в себе объединяя
Два образа мучительной разлуки,
Ключи от бестиария роняя.
Протягивало пепельные руки...

ВИНСЕНТ

Цветет подсолнух и рука горит,
Свеча Ван-Гога – классика безумья.
Мятежный воск космических обид,
Морская соль в безмерно ярком трюме.

Ушные раковины, жемчуга, ножи,
И кровь и плоть затронутой стихии.
Имеющий уста, да задрожит,
Представив хоть на миг рубцы сухие.

И в трепете, имеющий глаза
От глубины подобных сочетаний-
Где раны, там целительный бальзам,
Где рамы – там бессмертное метанье.

Где свет – там полновесные глотки
Подводного темнеющего бреда.
Где торжество холста – ожог руки,
Нарушившей условия обета.

* * *

Так алмазы живут в кимберлитовой мгле,
Или корни деревьев в зернистой земле.
Так и радуга спит, обращенная в снег,
По которому тихо идет человек.

Так и скалы ночуют в объятьях ветров,
А волхвы оставляют один из даров
Все тому же, кто вышел встречать снегопад
В кимберлитовой мгле, поглотившей закат.

Так и птицы навек улетают с земли,
Так рисует уход несравненный Дали.
Но деревья все пьют из подземных глубин.
И ушедший в закат остается один.

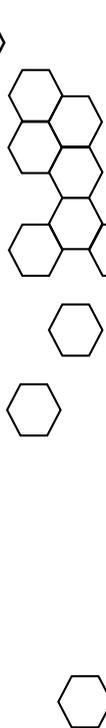
* * *

И стало быть, что-то еще стерпит бумага,
Но ничто уже не будет как прежде.
Я знаю, как проходить «Путь Сантьяго»
Вдоль балтийского побережья.

Небесный, призрачный Сантьяго де Компостела,
Тяжелый посох или гирлянда мидий.
Я знаю как плакать, чтобы никто не видел.
Но пока улыбнусь. Тебе улыбнусь несмело.

Какая разница, янтарь или жемчуг в четках?
Слеза на щеке – прозрачная соль морская.
Ладья Святого Петра. Рыбацкая лодка.
Какое из слов сердце мое приласкает?

Сквозь жизнь твою я прохожу незримо.
По правую руку шумят ледяные волны.
Глаза мои прозрачны как взгляд пилигрима,
Когда он смотрит на небо в распятыях молний.

Стрела на мокром песке. Прибрежная тина.
Маяк заброшенный. Розовый свет над водой.
Пусть каждый мой шаг станет сейчас звездой.
Звездой. На Млечном Пути. Эль Камино.

* * *

Все эти древние штучки-
Поджигать корабли при помощи зеркала,
Писать на подметках имя врага,
И стирать его шаг за шагом.

Все эти древние радости-
Хоронить в амфорах с медом,
Бродить по лабиринтам,
И петь в ночь полнолуния.

Отчего же сегодня, скажи,
Мне приснилась вся эта древность?
Из перстня выпали камни,
И я, испугавшись, проснулась...

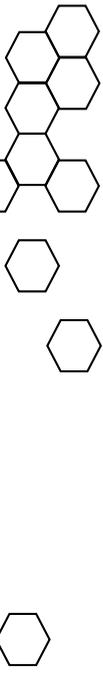
ИЗ ЦИКЛА «НОВАЯ МИФОЛОГИЯ»

* * *

Мы с тобой познакомились в странном кафе,
Где под стеклянным полом
Струилась подземная река,
Ласково отражая незримое,
А время звенело,
Будто монета для лодки Харона.
Два персональных мифа?
Двое из прошлых реинкарнаций?
Какая разница, как называть нас.
Просто пришло время встретиться и улыбнуться
Смутной улыбкой узнавания.
На мне было черное платье,
С переплетенными будто
В кельтском узоре татуировки
Ослепительно-белыми розами.
Плечи были открыты,
И нечто вечное чудилось
В бликах на обнаженной плоти.
«Цирцея», – сказала мне как-то подруга,

Насмешливо и все же любуясь,
Когда я подняла волосы,
Примеряя какое-то украшеньё.
А ты, Одиссей, за время странствий
Ставший похожим на удачливого корсара,
В черной коже и ловко «порезанных» джинсах,
Верящий в свой криминальный фатум,
Говорящий на бесподобном «арго»...
Ты поднял бокал. Мы встретились взглядами,
Будто бы на мгновение сомкнулись прошлым.
Я ощутила металлический вкус Алякатраса,
А ты чуть отшатнулся от пепельной тени Танатоса,
Тихо скользящей за мною. Но это не страшно,
Ибо потом, конечно, был Эрос –
Наивный, горячечный и сладострастный.

Леонид КУЛАКОВСКИЙ

ЭТОТ ГОРОД

*Як тебе не любити,
Києве мій!
Дмитро Луценко*

Скрипом Лядских ворот
не меня город встретит,
на Майдан облака
прослезятся не мной,
синь днепровских широт
не меня там приветит,
и Печерска века
прошмыгнут стороной.

Мне не падать с крестом
Десятинного храма,
и – от дозы свинца
где-то в Бабьем Яру,
и не я через сто
лет под липами прямо
где-то в сердце Сырца
в одночасье умру.

Не зигзагом молвы,
не капризом жар-птицы,
только Богом дано
киевлянином быть.
На Подоле, увы,
мне уже не родиться.
Остаётся одно:
этот город любить.

* * *

Ничто нельзя сравнить со мной.
Мне безразличны флаги, расы,
я легче лёгкости самой,
и тяжелее мегомассы.

Быть может, я ничтожно мал,
а может и велик без меры,
ведь я империи ломал,
но пасовал в лучах химеры.

Я – невидимка,
я – фантом,
полезен также как опасен,
и только я виновен в том,
что мир: то мерзок,
то прекрасен.

Мой дом – и Космос,
и Земля,
а жизнь моя – секунда,
вечность...
Увы, познать меня нельзя,
я – интеллект,
я – бесконечность!

* * *

В эру грязи и лжи
от навязчивых прений
скрыться где-то во ржи,
потеряться в сирени,
утонуть на часок
в море светлой печали,
где берёзовый сок
омывает причалы,
пошептаться с луной
о мирах и планетах,
где забыли давно
о звенящих монетах,
просто плюнуть на всё
если принцип нарушен,
если крик невесом,
если мир равнодушен.

ДЕСЯТЬ ПО РИХТЕРУ

21 мая 1960 г. В Чили произошло самое мощное землетрясение в современной истории Земли. По шкале Рихтера оценено в 9,5 баллов.

К полуночи, как в страшном сне,
на смену лёгкой лихорадке,
под стойкий рокот в глубине,
пришли земной утробы схватки.

Им было «легион» число.
А может – сто – не в этом дело.
Округу до утра трясло
и что-то яростно гудело
так, словно, угодив в острог,
рассвирепевшие титаны,
стремясь преподнести урок,
ревя натужно и гортанно,
ручищи вырвав из петли,
нешадно всё круша и руша,
из тела вздыбленной земли
вытряхивали в небо душу.

ПОСЛЕДНИЙ МОНОЛОГ

Я свободна. Уже и присно.
Хоть бери и сейчас лети.
Понедельник – не худший признак.
Хуже – просто вот так уйти:

не допив из хрустальной чаши,
не допев «Голубой вагон»...
И на небо, увы, всё чаще,
почему-то из тела «вон».

Некрасиво жалеть о прошлом
и за лучшим идти вперёд.
Просто жить, как ни странно, пошло!
Или логика подло врёт?

Бог войны прямо в лоб сегодня
проскрипел на манер чинуш:
«Песни очень вредны. Свободна.
Здесь не место для светлых душ!»

Ладно, если б не «вышла рожей»...
И не факт, что уже пора...
Войны, видимо, все похожи –
слепы лучшие снайпера –

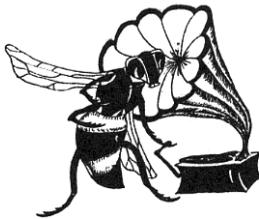
им не важно кого на мушку,
если жизни медяк цена.
И не снимут с кого-то стружку –
за стеною опять стена...

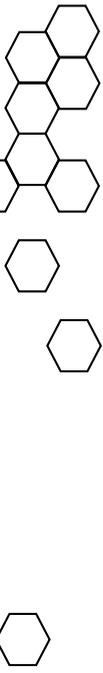
Ухожу. Улечу повыше
всем, всем, всем и себе назло!
Здесь в краю снежно-пенных вишен
не особенно мне везло:

то случилась не та эпоха,
то эпоха пошла на слом,
то банально стабильно плохо,
но стабильно цветёт шансон!..

Надоело! Лечу и точка!
Словно проданный самурай!..
До свидания оболочка,
здравствуй, солнце, нирвана, рай!

Рада новому горизонту.
Но в пятнистых степных снегах
окровавленный вижу контур,
и страшусь в нём узнать себя!..

Елена РОСОВСКАЯ

МАШЕНЬКА

Все детали сегодня важны, потому что
Будет Машенька ёлку одна украшать:
Черепашки, снежинки, солдатики, пушки
И на самой верхушке оранжевый шар.

Так спокойно, снегурка и дед краснощёкий,
Ни беды, ни еды, только снег и луна.
Очень хочется праздника, пряников, сока,
И немного здорового крепкого сна.

За окошком сиротствуют город и ветер,
А на праведном небе сиротствует Бог.
На земле же хватает гробов и отметин,
Правда, в этом году было больше гробов.

Жаль, чудес не случилось, и Машеньке ясно,
Что подарки под ёлкой – родительский трюк,
Но сегодня под ёлкой дырявая каска,
И уродливый старый угрюмый уют.

Сон приходит внезапно, целует в затылок,
Время сладкое, будто бы сахар-песок,
Предлагает на выбор: верёвку и мыло,
Или небо, разорванное под шансон,

Под весёлые вспышки и грохот кромешный.
Но за небом дорога из белых камней.
И в саду Гефсиманском молящийся грешник
Так доверчиво смотрит и плачет о ней,

О единственной маленькой глупенькой Маше,
О прощёных убийцах и добрых царях,
О смертельно здоровых и временно павших,
О земле плодородной и мёртвых морях.

И остаться бы здесь, и прилечь под оливой,
И, свернувшись калачиком, плакать о том,
Что сегодня зима и сегодня мы живы
В нашем городе-голоде полупустом.

Но часы замирают от воя сирены.
Сон уходит без боя, сдавая дома.
Маша делит людей на героев и пленных,
На сошедших с небес и сошедших с ума.

Город дышит огнём без единого шанса
Сохранить прежний вид до скончания лет.
Маша кутает ёлку в своё одеяльце
и твердит: мамынетпапынетмашинет...
Бога нет.

АУТИСТ

странные праздники, небо качается,
тело по улицам плавает медленно.
что-то случится, наверное, в пятницу:
мальчик Артур до сих пор ищет Мерлина.

схема известная: детство наивное
(втайне писал тебе письма). без паники,
долго качается небо фиктивное,
я – не – хочу – эти – странные – праздники!!!

лозунг в окне: дураками становятся,
плавятся буквы по ходу истории.
пятые сутки бега и бессонница.
письма хранятся в твоём крематории.

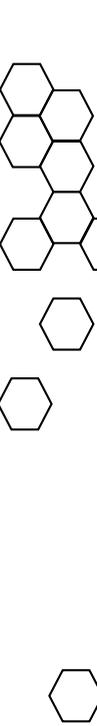
мысли и те на двоих – уравнение,
выжжены солнцем в моём подсознании,
Мерлин не жалуется маленьких гениев,
он награждает их небом и манией.

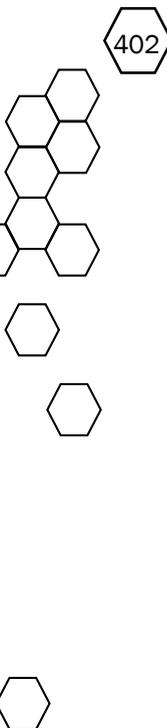
давит на психику рыхлое прошлое:
дети задорные, барды, ботаники,
томные женщины, боги дотошные,
крепкие челюсти, тульские пряники.

праздники, праздники, душ формалиновый.
все пиротехники в полночь расстреляны.
мальчик Артур с головой пластилиновой
в пятницу встретит великого Мерлина.

АНГЕЛ ПОСЛЕДНИХ ЭТАЖЕЙ

в одном городе и не то что бы очень большом, а так...
не на главной улице, а в маленьком переулке
жил да был настоящий ангел, да-да,
в обычной «пятиэтажке». по утрам чайник булькал,
старенький радиоприёмник подхватывал мотив:

ангел выпивал кофе и, как все, спешил на работу,
а с неба смотрел на ангела солнечный объектив,
изредка подмигивая, мол, я-то уж знаю, кто ты.
неважно, как и куда проходил добрый день,
люди – рабочие единицы – становились одним целым,
и никто не задумывался, что ангел среди людей
живёт, принимает пищу, трудится, у него есть тело,
паспорт, прописка... а по вечерам,
когда невидимый фотограф укладывал в кофр солнце,
ангел выходил на балкон, улыбался всем-всем домам,
и прислушивался, как в каждом из них сердце бьётся.
ночь медленно натягивала тёмное одеяло
на город, даже на ангела, который творил чудо,
дома росли, становились выше, ночь наблюдала,
как появляются новые этажи из неоткуда,
которые вряд ли порадуют потом местных эстетов.
утром этажи все превратятся в прозрачный воздух.
потому что людям не следует знать об этом,
мало ли какие ночью происходят метаморфозы...

А пока ангел всё достраивал и достраивал невидимые этажи,
Чтобы любому бездомному ангелу было куда прийти и где жить.

НА ВЫХОД

Если снег подползает к морю,
Море жмурится и хохочет.
У меня есть сто пять историй,
Я бессмертный небесный кормчий.

Я зимой выхожу на берег
Каждый вечер и глажу море.
Только море в меня и верит,
Только море меня и помнит.

Снег – что сахар сегодня сладкий,
Мир – что волк истощал, озлоблен.
И горит на горе лампадка,
И ревьёт у лампадки гоблин.

Всё смешалось и всё сместилось,
Равновесие ближе к бесам.
Где искать мне, скажи на милость,
Равновесие равновесий?

В человеческих бетонных норах
Время вышло и замертвело.
Больше не с кем о вечном спорить,
И душа покидает тело.

Ночи зимние откровенны,
Море зимнее одиноко,
Снег похож на морскую пену.
Мир похож на огромный кокон.

СВЕТЛО?

всё когда-нибудь будет, не спрашивай только, когда.
я не знаю ответа, я знаю, что будет и ладно.
а пока мы лежим на ладонях и дышим на ладан,
согревая дыханьем своим города, города,
у которых от холода сводит замки и ограды.
понимаешь, и время и люди – вода.

ты смотрела так часто, как солнце летит под откос,
как на крышах весёлые дворники трогают небо.
я бы тоже по крыше под утро с тобою побегал.
или вышел туманом на каменный северный мост,
и лепил бы кораблики из почерневшего снега,
а потом превращался бы в воду и рос.

ты бы мне улыбалась... под воду уйдут корабли,
мы не станем чужими, мы будем дышать, как и прежде.
пусть на ладан, пусть с нами останутся там же и те же
согревать ледяные ладони замёрзшей земли,
и вода, и весёлые дворники в синих одеждах,
и все те, кто за ними под утро на крышу ушли...

ВСЁ БУДЕТ

Лишь раз в году и раб, и господин
спешат к своим столам одновременно.
Домохозяйки, вырвавшись из плена,
С мужьями проплывают вдоль витрин.
И пьют вино старушки и спортсмены:
салют, чин-чин.

Под детский хохот режут оливье,
труба дымится, печь дрова глотает,
и Герда отправляется за Каем.

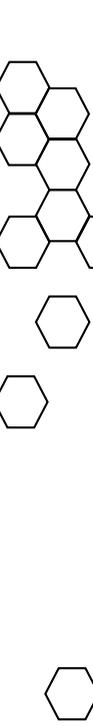
Больной, с улыбкой, поправляет плед,
как будто понял главную из тайн,
что Бога нет.

А Бог летит на синем корабле
над гордой Ригой, над мостом Нью-Йорка,
над Сомали, над фермами и фьордом,
И девочке со спичками теплой.
Промозглый ветер, кажется, надолго
приник к земле.

ПОД ВЕЧЕР*Александр Филин**** * ***

Не скажу, как узнал –
Потому, что не в силах
ответить.
Загрустилось тогда...
А скорей всего
просто февраль.
Вот живёт у меня
под окошком на небе
и светит
самый добрый на свете...
Ниже неба
и ржавой железки фонарь.
Он шагает
по небу
коротким
подветренным шагом.
Изгибается,
вьётся –
вдруг в ветках кленовых
замрёт.
Или сонным,
озябшим,
брошенным
в облако магом
лизет с крыши
соседской
резвящийся снежный
народ.
Так умеют
шалить и смеяться
весёлые добрые
дети,
и, играя светить,
на пытящий серьёзный
дымарь...
Я люблю, милая,
знай.
А под окнами
светит
самый добрый
на свете –
ниже неба
и ржавой железки
фонарь.

* * *

под вечер соберутся старики
и тонко погоняют умняки
о том что свет начало всех начал
о том что мир вконец ожесточал
и о том что падлючие пудели
всё что только могли расфастфудили
что меняются рифмами кровь и морковь
что ушло навсегда время вольных стрелков
что пошла жизнь-держись-получай-не-проси
подневольным стрелкам только цель подноси
что наш мир не подарок
а в мире война
но за дымом сигарок
она не видна
под пьяный говорок как под дымок с иконы
припомню ту которую припомню
разгаданный ответ на вечные вопросы
которого давно по жизни не ищу
мелодия была: «дымок от папиросы»
её я не виню но не прощу

* * *

Игору Лапинскому

В родном краю, в стране другой,
где всё осталось лёгким дымом,
щенками были мы с тобой
весёлыми и озорными.
Хоть бал пока что не закончен,
но крутит годы по вискам
полузнакомых незнакомцев
давно ушедших наших мам.
Ведь рельсов стук, ведь бой часов
создал весёлых старых псов...
Хоть старый пёс не тонет в борозде...
Но тень при нём, как шляпка при гвозде.
В годах, как в горах, эхо
всегда пребывает в тени...
И всё таки... Да ради смеха!...
Тяни, паучок,... тяни.

ИЗ ЦИКЛА «ТЕНИ И ПТИЦЫ»

Майя СТУДИНСКАЯ

СКВОЗНАЯ ЛЮБОВЬ

Жара приносила ей счастье. Не сама жара, а яркий солнечный свет, который пробивался сквозь приоткрытые жалюзи. Ей всегда нравились эти полосы. Нравилось, прищурившись, наслаждаться игрой света и тени на своём лице. А потом она обнаружила кое-что поинтереснее...

Она начала подпрыгивать, забавляясь мельтешением светлых и тёмных полосок. Тогда она ощутила это...

Она давно любила его. Просто любила без всяких за и против. Любила. Он... Не то чтобы... был другом! И вот, подпрыгивая до головокружения, сводя себя с ума бликами и затемнениями, она вдруг почувствовала, что проникает в него.

Сначала руки. Тёплые пальцы. Каждую костяшку. Она могла погладить их изнутри. Могла скользить по линиям на ладони. Ощущала его скулы, светлые ресницы и то, как свет поблёскивает на них. Он сидел в каком-то светлом помещении. Он что-то набирал. Иногда останавливался и смотрел в окно. Здесь были и другие люди. Но сейчас было не до них. Ей. А может и ему... Она ощутила биение его сердца. Их сердца бились в разных ритмах. Точно два сердца у неё... и каждое по-своему.

Она задохнулась от прыжков, остановилась, держась за живот, и тяжело дыша. Что это было? Она занималась любовью? Вот так? Удивительно?!

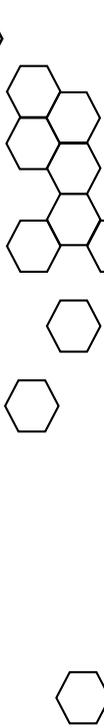
Она встала на колени перед изображением святого.

– Ты простишь меня? Нехорошо было так поступать с ним! Я теперь грешна?

Тишина. Безмятежный лик святого. Это её успокоило, и она занялась обычными делами. Ничего не разбилось. Ничего не испортилось. Она не подвернула ногу, никаких царапин, ничего не порвано. Каблуки не отвалились. И она поняла, что не согрешила.

Игра со светотенями теперь стала её любимой. Больше ничего она и не хотела. Только упиваться тем, что она может проникать в него. Не всегда это было приятно. Иногда она чувствовала, как боль захлёстывает его. Начинается где-то в подреберье, подкатывает к горлу. Горько. Всё наперекосяк. Тогда она плакала, но не уходила, пока хватало сил прыгать.

Она шагала с ним по лестнице, понимая, что испытывает намного больше удовольствия от его движений, чем он сам. Для него не происходило ничего особенного.

Его рука касалась дверной ручки, по её телу пробежала дрожь... Она не могла читать его мысли, но ловить его ощущения, прислушиваться к мелодии его чувств и эмоций ей удавалось. Ей бы хотелось знать, что он думает о ней. Она волновалась. Однажды подошла к окну, набрала его номер, подпрыгнула ещё раз, и ещё раз. Она почувствовала, как в его солнечном сплетении поднялась волна нежелания. «Не сейчас» – впервые она услышала мысль, оформленную в слова. Он сбросил звонок. Она села на пол и расплакалась.

– Куда ты пропала? – спрашивали её подруги.

– Ты стала слишком рассеянной... – ей делали замечания на работе.

– Нельзя вот так вот из-за одного человека портить себе жизнь! – пытались встряхнуть её те, кто был в курсе.

Нельзя.

Она пошла в клуб с друзьями. Люди хотят познать безумие, но не знают, как это сделать. Много пьют. Пляшут по-дурачки. Братаются. Преувеличенный смех. Приукрашенные отношения.

Она уже неделю не играла со светом и тенью.

Она заметила его за одним из столиков в дальнем углу. Она почувствовала его взгляд и обернулась. Но сначала возникли эти мурашки на загривке, холодок в подреберье, а потом пламень растекся по венам. Тогда она обернулась и увидела его. Он улыбочиво поздоровался и кивнул. Она тоже. Прижала стакан к груди и просто стояла, не зная, что делать.

Он встал и подошел:

– Привет! Как дела?

– Привет, а твои?

– Мотаюсь.

– А я нет...

– Ты здесь с кем?

– С друзьями! Вон они... пляшут, а один спит прямо на стойке. Вон тот! Рыжий.

Он улыбнулся как бы про себя, погладил её по плечу.

– Я тоже с друзьями. Созвонимся. Пока.

Она доверчиво кивнула. Он оставил её одну, подарив на прощание ещё одну улыбку, такую мягкую и сердечную. Почти сладкую. Почти нежную. Такую обнадёживающую.

Она быстро ушла. Недопила свой коктейль и чуть не забыла пиджачок. Только на улице до неё дошло – для светотеневой игры уже поздно. Слишком темно. И возвращаться в клуб нельзя. Она уже ушла. Он видел. Он не удержал. Он не пригласил за столик. Поздно.

Дома она попробовала играть со светом фонарей, стоя у окна. Ничего. Бесполезно.

На следующий день она прочла его чувства. Он вспоминал... о ней самой.... чуть небрежно. Покусывал карандаш. Болтал ногой. Грустное беспокойство. «С ней что-то не так в последнее время». Потом он увидел муху, бьющуюся о стекло, схватил газету и забыл...

На этот раз без слёз. Работа – дом. Дом – работа. Сосредоточенность. Но прожитый день стирался легко. Он не о чём. Имело значение лишь игра теней и он.

Пушок на его теле оживал, чуть колючий, когда что-то шло не так, чуть щекотно, когда всё удавалось. Иногда палящая волна эмоций охватывала его, и у неё останавливалось сердце.

Она падала на кушетку, закрывала глаза, облизывала губы, сжимала себя и скручивалась как можно сильнее, а потом резко отпускала и повторяла это снова и снова.

Ей не нравилась такая любовь, но она была не в силах совладать с ней.

Он позвонил. В субботу. Она не ответила, помчалась к окну и подпрыгнула.

...не слишком переживал. Пригладил затылок. Поскрёб щеку. Накинул куртку. Она быстро выветрилась из его головы... и сердца! Он уверенно зашагал по улице, погожий денёк доставлял ему искреннее удовольствие. Он шурился, чувствуя себя котом, скользил грациозно, мир искрился.

Однажды она поймала его... застучала с другой.

Они слиплись кожей. Он и его любовница. Дышали в унисон. Одно дыхание на двоих. Лёгкий ветерок охлаждал его спину. Они были в помещении, наполненном золотистым полднем. Её волосы змеились на подушке, его руки могли свободно путешествовать по её телу... и губы, не осторожничая, не смущаясь. Она пахла сладко. В те минуты он даже любил её. Но знал, что в следующую, когда они отклеятся, она покажется ему чужой. Не чуждой, не отталкивающей, только посторонней. Это делало его мгновения с ней яркими... Иллюзия слияния.

– А со мной у тебя не иллюзия!!! Не иллюзия слияния!!! – вскричала та, что проникла и подсматривала.

Он замер. Услышал?!

Она резко прервала контакт, принимала ледяной душ до посинения.

– О Боже! Боже! – она не знала, о чем молиться, катаясь по полу перед изображением святого.

– Ты можешь управлять им! – сказала гадалка, присвистнув.

– Не хочу...

Подружка подбросила ей этот адресок: «Она развязывает проблемы! Любые! Любые самые дурацкие!».

Она заинтересовалась и вот... сидела здесь. Тёмный бархат. Тяжёлые шторы. Пахнет пылью и тайнами.

– Хочешь его?!

– Да.

– Действуй! Бери! Такой дар, как у тебя, на дороге не валяется!

– Это проклятье...

– Нет! Будь сильной! Будь достойной своего дара, иначе всю жизнь просидишь, рыдая на диване.

Закусив губу, не вполне согласная, она спускалась на лифте. Хныкала. Никто этого не видел.

Три дня она терпела. Работа. Дом. Подружки. Чайный клуб. Маникюр. Музыка.

В воскресенье она сорвалась...

Прыг-скок... Свежий беззаботный ветер в лицо. Счастье быстрой езды. Каждая мышца была приятно напряжена. Он был свободен. Она будто бы шевельнулась в нём. «Подумай обо мне! Вспомни! Заскучай!». Его солнечное сплетение сжалось. Болезненно. Какая-то слабость в пальцах...

Её повело... Она сильно и глупо ударилась головой о стену. Укусила себя за губу. Что-то с силой врезалось в подоконник по ту сторону окна и отскочило. Она подвернула ногу и рухнула на пол. Привкус крови во рту. Оглушительный визг шин, но не в её реальности.

Поднявшись, она бросилась к окну. Распахнула его. На асфальте лежала детская кукла лицом вниз в беспомощной позе. Целая...

Она бросилась звонить ему. Он не брал трубку. Набирала пять раз. Не взял.

Она обзвонила всех общих и не слишком общих знакомых. Никто ничего не знал... пока.

Ближе к вечеру ей сообщили, что он в больнице. Упал с мотоцикла. Сломал что-то. Ногу? Ушибы и синяки. Голова цела.

Она помчалась. Не обращая внимания на хромоту – подвернула лодыжку, когда падала. Она не подумала, что можно сесть в автобус или вызвать такси. Бежала и бежала. Ворвалась в больницу. Узнала, задыхаясь от страха и нетерпения, что он на четвёртом этаже в палате №... Должно быть, её пытались остановить – она не помнила. Расталкивала всех, не глядя, безжалостно. Снова бежала. Заглянула по очереди в каждую палату. И вот... Он полусидел, пластырь на скуле, рука в бинтах, нога в гипсе.

– Я люблю тебя! – с порога закричала она, сама удивляясь, какой же у неё противный голос. – Я всегда тебя любила! Давно любила! Полюбила сразу, как мы познакомились!

Он посмотрел на неё с ласковой иронией:

– Мне придётся каждый раз падать с мотоцикла, чтобы заставить тебя прийти ко мне по-человечески? – мягким голосом спросил он, беззлобно ухмыльнулся и протянул ей руку... ту, что не была забинтована.

НЕПРИВЕТЛИВОЕ ЧУДО

Странный мальчик в одном ботинке и с одним крылом – не с ангельским. Такое – деревянное на левом плече. Я шёл за ним и переживал о его маленькой ножке. Собственно, не жара, не лето. Уже октябрь и небо хнычет. Я не решался подойти и посочувствовать или спросить. Выглядело это чудным. Поэтому я просто шёл из любопытства. Вдруг мальчик начал подпрыгивать на одной – обутой ноге. Я машинально начал делать тоже самое.

Мы находились на окраине. Сегодня было на редкость безлюдно. Изредка проезжал какой-то автомобиль вдалеке. Раздавались голоса. Всё это едва касалось нас. Мир отступил на много шагов... Нас? Я почему-то сразу объединил себя и этого мальчика. Хотя, кроме моей ребячливой заинтересованности нас ничего не связывало.

Казалось, мальчик не замечает меня. Не пришлось прятаться. Лишь когда мы оказались в лесу, я спрятался в кустах. Не самое надёжное укрытие, согласен. Серое пальто, тёмная шляпа, позволяли мне не выделяться на тусклом осеннем фоне. А листьев было явно недостаточно, чтобы скрыть меня надёжно.

Лес – сильно сказано. Скорее рощица. Лесопарк. Я здесь не бывал раньше. Во всяком случае, не помнил, чтобы доводилось.

Мальчик ловко, как обезьянка, залез на дерево. Столетний дуб. Роскошный. Он сел на ветке, свесил ноги. Где-то там хранилось второе крыло. Мальчик закрепил его на правой руке. Расправил плечи, помахал крыльями, хихикнул. С той же легкостью слез обратно.

Мальчик бежал по кругу. Постепенно набирал скорость. Смотреть было не на что... сначала... Мальчик играл. Пусть чудаковато. Но я и сам иногда в детстве...

Его босая ножка оставалась в воздухе. Он как-то умудрялся передвигаться на приличной скорости, почти не касаясь ею земли. На уровне стопы воздух... или пространство? ... дрожало... Так бывает в жаркий день. Потом оно стало приобретать цвет. Я ничего не мог понять, тёр глаза. Говорят, что галлюцинацию можно отличить от реальности, если легонечко нажать на краешек глаза. Реальный объект начнёт двоиться.

Там, где пробежал мальчик, появились свежие зелёные травинки. Такая бодрая летняя зелень! Она росла по кругу. Шириной... Не знаю... Не силён. Примерно – мой полушаг.

Понемногу возникала какая-то другая реальность, внутри этой – осенней, тоскливой. Что-то солнечно-летнее. Появился красный. Вкрапления. Ягоды! Больше и больше!

Мальчик остановился. Кругообразный клочок лета не исчезал. Мальчик собирал землянику, запихивал её в рот. Перепачкался. Счастливо улыбался. Когда наелся, достал из кармана кулёк и насобирав ягод туда. Снял одно крыло, забросил его обратно на дуб – оно где-то там и повисло. Дальше он стал что-то выкапывать из-под корней дуба. Пользовался перочинным ножиком – совсем детским, и ногтями. Рыл и рыл, пока не откопал ботинок. Вытряхнул из него землю и надел на босую ногу.

Круг лета, который он создал, мерк. Медленно выцветал. Я аккуратно, переместил за ствол ближайшего дерева. Сомнительное укрытие – худенький ствол... Мальчик упорно не замечал меня. Прошёл в нескольких метрах, не повернув головы.

В испаряющихся остатках лета я успел собрать несколько бледнеющих ягод. А потом всё исчезло. Три бледно розовые земляничины остались лежать на моей ладони. Больше никаких следов чудесного и непонятного. Опавшая бурая листва. Атмосферная сырость. Шарф размотался, и влажный ветерок проскальзывал за шиворот.

Я попробовал ягоды, пока и они тоже не исчезли. Привычный вкус не самой спелой земляники. Я с детства не любил лесные ягоды. Они вызывали разочарование. Столько усилий, чтобы собрать их, а потом – пшик... Они мгновенно растворялись во рту. Почти не оставляя воспоминаний или послевкуся. Во всяком случае, так было у меня.

Я пожал плечами. Стоило ли мне тратить столько времени на мальчика и всю эту ерунду?

Я надеялся нагнать его по дороге обратно и расспросить. Но нет... Он испарился.

Улицы по-прежнему оставались тихими и безлюдными. Я решил зайти в кофейню и немного согреться. Прийти в себя после собственной дурости.

Здесь сидели двое. Один из них недавно похоронил мать... А бармен разрывался между двух женщин. Одну он любил, вторую хотел. На первой он бы женился, если она согласится, а со второй он бы... он бы развлёкся. Она часто посещала здешний бар, а вот любимая... реже.

Стоп. Откуда эти фантазии?

Сиплым голосом я заказал грог, потом чай с шиповником. Перед внутренним взором того, что похоронил свою мать всё время стояли комья земли. Невыносимо тёмные. Невыносимо мрачные. Комья влажной земли. Теперь он не сможет ухаживать за огородом. Огород остался после матери, она любила возиться с ним... и теперь сыновий долг. Но ему плохо!

– Послушайте! – вырвалось у меня. – Матушка поймёт вас! Да! Вы вовсе не обязаны продолжать её... Плюньте на огород! Она всегда хотела, чтобы вы просто были счастливы... по-своему! Не надо...

Посетитель вскочил. Бармен дико уставился на меня.

– Не смейте! – взвизгнул посетитель. – Кто вы?! Нет, я не хочу знать!!!

Он схватил пальто и вымелся из кофейни.

– Эй, приятель! У меня негусто с клиентами сегодня, а ты спугнул предпоследнего!

Теперь ты мне должен... – он медленно вышел из-за стойки.

Я осторожно встал и отодвинул стул.

– Выбирай ты ту, которую любишь, придурок! Любовь встретить тяжелее, чем... их миллион, тёлоч, которые вызовут у тебя желание! – выкрикнул я, не спуская с него испуганных глаз.

– Чего? – он снял с плеча полотенце и собрался огреть меня, но я уклонился.

– Хорошо-хорошо! Потрахайся всласть с одной. А потом женись на другой! Всё просто и никаких проблем!

Я выбежал из его заведения. Он проорал мне вслед несколько невнятных угроз. Я мчался по улице. Натолкнулся на женщину. Она не любила свою работу, поссорилась с одной из сотрудниц. Никакого вдохновения. Дома она срывалась на ребёнке. Третиговала того за двойки. А сама ведь была...

Я зажал уши руками и чуть не взвыл. Женщина опасливо покосилась и постаралась обойти меня стороной.

Потом были мальчишки, они шли бить кого-то, один из них сомневался в справедливости и правильности их затеи.

– Сомневаешься?! – рявкнул я ему в лицо. – Так не участвуй! Не участвуй в том, во что не веришь! Уже сейчас начинай сопротивляться, или всю жизнь будешь – ни мужик, ни баба!!!

Мальчики замедлили шаг. Удивлённые. Нерешительные. Тот, к кому я обращался, захныкал и отделился от них.

О нет! Я схожу с ума. Я метнулся в ближайший подъезд. Ну и денек! Прижался лбом к стене. Несколько тихих мгновений... и я знал, чем живут люди в каждой из квартир. От бессилия я прижался щекой к самой благоприятной двери. За ней находилась женщина. Она возилась на кухне. Она очень любила мужчину, с которым теперь жила. Раньше она была отважной и зубастой карьеристкой. Ей нравился драйв, экстрим, преодолевать препятствия. А теперь вот... Она была просто счастливой рядом с ним. Нежность. Забота. Она подумывала о ребёнке...

Меня грубо оттащили от двери и врезали под дых. Это был он! Её любимый. Я невольно улыбнулся. Она не ошиблась в нём. Он заслуживал любви и...

– Извращенец! Я сдам тебя в полицию! – он подошёл ближе ко мне, но бить на самом деле не хотел, хотя считал, что должен защитить её.

Она услышала возню под дверь и забеспокоилась. Сейчас она сама наберёт полицию.

Я предостерегающе поднял руку.

– Простите! Я не... Я не опасен! Береги её! Она хочет детей и любит тебя очень!

Опять пришлось убежать...

Оно быстро прошло... Безумное состояние. Я решил не размышлять над произошедшим, не разгадывать и не вникать. От этого всего и рехнуться недолго!

Мне долго удавалось отгонять тревожные мысли, пока однажды я не узнал мальчишку. Он гонял мяч с другими детьми во дворе, мимо которого я часто ходил. Я сталкивался с ним несколько дней подряд. И решил подойти и заговорить...

Меня кое-что мучило. Личное. Жена вела себя... Отстраненно, задерживалась допоздна на работе и очень старалась выглядеть. Мне хотелось понять... Быть уверенным, а не мучиться подозрениями. И если удастся – простить и всё исправить.

Я вдруг сопоставил своё состояние спонтанного и неукротимого ясновидения с ягодами, которые попробовал тогда. Другого объяснения я не находил.

– Эй, мальчик, а можно тебя спросить?

Он близко не подходил, смотрел насторожено. Обычный. Курносый. Готовность к непослушанию поблескивает в сереньких глазках. Ничем особым не выделяется. Даже эта скрытая шкодливость не выглядит слишком харизматичной.

– Я вас не знаю... – пробурчал он.

– Ты любишь землянику? Мне она нужна. Очень! – может, не стоило говорить при всех. Я оплошал?

Мальчик покрутил пальцем у виска. Другие ребята окружили его.

– Чего престаёте? Вы педофил?

– Нет... Нет, конечно!

– Мы сейчас взрослых позовём! – они попали в меня мячом, я умудрился поймать его и вернуть им.

Они завизжали:

– Мама! Папа! Страшный дядя!

Мне опять пришлось бежать. Дурак!

Я не успокоился и пошёл туда. В лесопарк. У жены появились новые нотки в голосе, она уклончиво отвечала на мои поцелуи, иногда её лицо светилось такой радостью... когда она думала, что я не наблюдаю за ней. Новые незнакомые духи.

Неприкаянный, я тынялся в рощице. Мальчик не появлялся. Я ждал и ждал, не зная точно, как часто и когда он приходит сюда. А потом решил, что залезу на дерево и найду второе крыло. Во-первых, мне это поможет убедиться в реальности того, что я видел, а во-вторых... Нет. Сперва я откопаю ботинок. Это проще, чем лезть на дерево. Я попытаюсь выменять его на землянику...

Я стал рыть землю – нашёл сук потолще.

Вот! Шнурок!

Я получил чем-то тяжёлым по голове и ухнул в непроглядную мглу.

Спустя время я очнулся от того, что ветер плевался дождичком мне в лицо. Позвякивала синица, и не одна. Я с трудом встал на ноги. Между корней была вырыта ямка. Разумеется – пустая.

Я огляделся. Дождь усиливался. Синица вспорхнула с ветки и умудрилась обгадить лацкан моего пальто, перед тем как улететь.

Я отряхнулся, завязал шарф потуже и отправился проживать свою жизнь... какой бы она ни была. Что ещё я мог сделать?

СОСЕДСТВО

Они вместе снимали квартиру и не лезли друг другу в душу. Разговаривали мало и в основном о делах.

Они придумали себе прозвища – Мистер и Демократ. Вроде бы и в шутку, но они не улыбались при этом. Бывало, смеялись. Они умели и посмеяться.

Мистер носил костюмы и галстуки – работа такая. Он постепенно привык, сросся и даже дома в банном халате выглядел так, будто всё ещё в костюме.

А Демократ был расхлябанным, вязанные яркие свитера, лохматый, несерьёзные свободные штаны. Он и по квартире прохаживался уличной хулиганской походочкой.

Мистер старался не рассматривать девушек, что приходили ночевать к Демократу. Опускал глаза, когда сталкивался с ними в коридоре. Он бы и не здоровался с ними, если бы не правила приличий.

Сам он никогда и никого не приводил в эту квартиру. Он посещал двух подружек, бесконечно удивляясь, как он до сих пор не надоел им. И каждая из них принимала его с завидной регулярностью.

Как-то... Мистер тогда заболел и несколько дней сопливил дома. Он узнал, что Демократ встаёт в 10 – 12 дня, болтается на кухне и уходит из дома, чтобы отсутствовать до девяти вечера. Его работа была связана с компьютерами, программированием... Мистер особо не интересовался данным вопросом.

В то утро Мистер спал чуть дольше, чем обычно. Температура. В половину одиннадцатого он открыл глаза и понял, что давно наступило время завтракать и принимать лекарство, иначе он не оклемается до конца недели, а работа не ждёт.

Подойдя к кухонным дверям, он застыл в проёме. Отступил с колотящимся сердцем... Всё можно объяснить температурой. На всякий случай он спрятался за дверным косяком и выглядывал из-за него.

Демократ сидел на стуле, руки болтались по бокам. Подбородком он касался груди. Когда Мистер хотел войти, прямо из спины Демократа вылезла светящаяся крылатая фигура. Сперва появилась рука, она-то и проделала щель...

Счастье, что Мистер давно был приучен сдерживать эмоции, иначе он бы заорал, как резанный. Светящаяся фигура расправила крылья, потёрла руки, несколько раз присела, улыбнулась. Она стала явственнее, предметы не так сильно просвечивались сквозь неё. Фигура радостно покружилась в центре кухни, похлопала крыльями, а потом, вспорхнув, повисла на лампе в потолке, она болталась на ней, открывая рот, беззвучно смеясь.

Мистер почувствовал, что его тошнит от тихого ужаса. Он рванул к себе в комнату. Заперся. Залез под одеяло. В себя он пришел только через два часа.

Он столкнулся с Демократом в коридоре... и не знал, как себя вести.

– Ну что? Поправляешься? – спросил Демократ, обматывая шею шарфом.

– Да. Завтра уже выйду на работу, – негромко ответил Мистер, пряча дрожащие руки за спиной.

– Ок! – оскалился в улыбке Демократ и, насвистывая, стал завязывать кроссовки.

В нем нет ничего особенного. Балбес. Обычный. Никакой. Мистер боялся сесть на тот стул, где несколько часов назад сидело тело Демократа. Он даже побоялся зажечь свет. Быстро заварил чай. На скорую руку соорудил бутерброд. Кусок, конечно, не лез в горло. Демократ уже ушел. Мистер заставил себя поесть. Он хотел бы заставить себя забыть, списать всё на новый грипп. Он вышел на работу раньше, чем нужно. Он оставался там допоздна, он стал ходить в кино, чаще посещать своих подружек. Он даже съездил на уик-энд за город пару раз. Но у него не получалось выбросить из головы то, что он узнал о своём соседе. Он мог бы уверить себя, что то была галлюцинация... вполне... мог бы... не получилось.

Поневоле он присматривался к Демократу. Он ничего не мог найти в том – особенного, таинственного.

– Ты пьешь пиво? – однажды вырвалось у Мистера. – Тебе можно?

Демократ прыснул, часть пива пролилась из его рта на ворот клетчатой рубашки.

– Я что, выгляжу больным?

– Нет-нет...

Теперь Мистер уже не мог безучастно проходить мимо подружек Демократа. Какими они были? Разные. Смешливые и печальные. Бывали вульгарные. Случались в меру воспитанные. Довольно много. Разные.

– А почему ты не женишься? Или не выберешь одну девушку? Может, хватит вести распутный образ жизни... Нам уже не пятнадцать.

Они вдвоём были на кухне. Демократ жарил яичницу, стоя у плиты. А Мистер ел жаркое и варёный картофель, запивая всё это бокалом кьянти.

Демократ почесал за ухом, обернулся, надул губы.

– Да и в пятнадцать тоже плохо... – на всякий случай пробормотал Мистер. Кусок мяса застрял у него в горле.

– Не хочу я жениться! – улыбнулся Демократ. – Мне нравится так. А в пятнадцать я предпочитал велик, футбол и мастерить всякие дурацкие штуки.

Мистер промолчал. Вдруг его испытывают...

Когда Демократ присоединился к нему за столом. Он решился продолжить:

– Нет. Ну всё-таки... Слишком много девушек это... ну, я не знаю. Человеку нужна семья... воспитывать детей...

Демократ так замер с вилкой, смотрел на него долгим смешливым взглядом.

– Что с тобой? Всегда знал, что ты зануда. Но чтобы ещё и морализатор?! Может, ты просто стареешь? А я – нет... – он продолжил есть, не обращая никакого внимания на Мистера.

Тот ушёл к себе. «Может, всё дело в том, что я пил вино?» – решил он и долго ворочался, не будучи в состоянии заснуть.

Мистер попытался выбрать одну из подружек. Не мог. Бросил обеих на месяц. Пошёл в церковь. Я сам грешен – вот в чём дело. Параллельно он продолжал наблюдать за Демократом. Он позволял себе прислушиваться к тому, что творится за дверьми его соседа, когда к тому приходят барышни. Может, там творится некое таинство, а его извращённый человеческий разум всё интерпретирует неправильно?

Вздохи и скрипы. Стоны. Мистер убежал к себе. Не ответил на звонок одной из своих пассий. Попытался читать Библию. Демократ тем временем смотрел какие-то ужасные боевики, бокс, пиво у него никогда не заканчивалось... как и девушки. Однажды он даже курил траву!!!

– Мы неправильно живём! – придя домой и бросив сумку на пол, вскричал Мистер.

– Что ещё? – Демократ развалился на том самом стуле и болтал ногами.

– Как что? Ты не видишь?! Мы погрязли во грехе?!!

– Ты в секту вступил?! – Демократ подавил смехок.

– Нет! Но я! Я о душе думаю, а не только о грешной плоти! Как можешь ты вести такой праздный образ жизни?!

– Мне нравится! – отмахнулся Демократ.

– Ты в Бога веришь? Тебе не стыдно? Он видит всё! Всё знает!

В глазах Демократа запрыгали ироничные огоньки. Он ничего не ответил.

– Скажи? Немедленно скажи мне – ты веришь в Бога?!! – Мистер схватился за голову и стал дёргать себя за уши.

– Я знаю, в чём дело... – хитро подмигнул Демократ.

Мистер напрягся. Дыхание стало прерывистым.

– Девочки говорят, что ты на них странно посматриваешь. А к Марсельезе ты приставал с разговорами... Запал? Да? Марсельеза? Так бы и сказал. Я не собственник, можешь ухлёстывать за ней. Я не буду её трогать. Даже дам тебе парочку ценных советов. И не переживай так! Мужчинам вроде тебя тяжелее найти общий язык с девушками... – Демократ встал и раскрыл дружеские объятия.

Мистер в ужасе отшатнулся.

– Я знаю, кто ты! Ты падший! Падший ангел! – он дрожащей рукой осенил себя крестным знаменем и заперся в комнате до утра.

Он по возможности избегал Демократа. Усиленно искал другую квартиру. Нашел, не очень удобную. В обшарпанном доме и небезопасном районе, но съехал, как только смог, не предупреждая никого. Подло. Но он спасал свою душу.

Через неделю он стал постепенно приходить в себя. Страх ушел. Он вспоминал, что ни одна из девушек никогда не обижалась на Демократа, он не помнил случая ревности, чтобы кто-то огорчался или отчаивался. Разумеется, это дьявольские чары... Но теперь он в безопасности!

Однажды, через месяц после переезда, ему принесли клетку с птицей. Какой-то мальчик позвонил в дверь и настаивал, что это ему. Белоснежная птица. К ней прилагалось письмо. Уж так и быть. Мистер взял из любопытства, думая, что позже отнесёт её в приют. Вскрыл конверт. Там было всего несколько строк: «Просто выпускай её иногда полетать. Дорогу обратно она найдёт сама. Только не забывай оставлять форточку открытой».

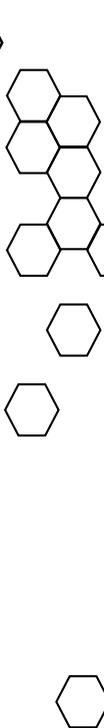
Мистер несколько минут сидел неподвижно, уставившись в одну точку. Потом поставил клетку на подоконник. Сегодня он не будет её открывать. Может быть завтра. Он накинул плащ и отправился покупать корм.

МАРИ*Леся Тышковская*

Она говорила, не умолкая. Стоило ей задать вопрос, и ответ обрушивался, как шампанское из неосторожно раскупоренной бутылки. Пробка летела в сторону – и шипящий поток заливал пальцы и кисти рук, отвлекая от речи, которая продолжала литься, несмотря на замешательство вопрошающего, уже потерявшего интерес к вопросу и думающего только о том, чем бы вытереться. Помню, как спешила забрать ребенка из садика, а она зацепила меня на пороге словесным лассо, накинутым на довольно приличном расстоянии. Я еще подивилась ее меткости: это же надо так подгадать с сюжетом, остановив меня буквально на лету и успев пролистать несколько страниц своей жизни с такой скоростью, что мне тут же захотелось записаться на курсы скорочтения. Но с меня было достаточно и того, что есть: курсов грамматики и информатики, проходивших в ассоциации, которую она представляла, совсем не по-директорски восседая в крохотном проходном кабинете.

История, которой она поделилась в тот раз, был проста и трогательна: когда с ней случился инсульт, и отнялась правая половина лица, она попала в больницу. Там одна женщина, страдавшая той же болезнью, но не утратившая способности пользоваться своей мимикой, посоветовала ей переместить на бумагу искусство смеяться в лицо брэнностям неподвижного существования, которым Мари отличалась всю свою подвижную и подвижническую жизнь, но в данный момент не могла воспользоваться. И Мари начала диктовать свои мысли соседке в палате, давшей ей спасительный совет, а, после, вернувшись домой – близкой подруге. Я не осмелилась спросить, есть ли у нее дети, которые помогали в тяжелые моменты испытания. Через пару лет дело стало идти на поправку, и к ней вернулась ее прежняя подвижность, прекрасно дополненная вкусом к изящной словесности, в которой она упражнялась чуть ли не ежедневно. Огромный роман, который так и не был опубликован, был отложен в сторону, но не забыт. Она периодически вносила корректуры в некоторые места текста и даже со мной, имевшей неосторожность признаться в том, что я когда-то пополнила доблестные ряды украинских писателей, буквально за несколько минут разговора, умудрилась поменять название романа. Судьбоносное решение пришло в тот момент, когда я уже потеряла надежду уйти и села в кресло напротив, чтобы терпеливо, но не без некоторого

интереса дослушать окончание истории. А оно все не наступало – и тогда мне пришлось пожертвовать адресом моей электронной почты и пообещать, что я прочту роман и честно скажу, что я о нем думаю.

Я покидала ассоциацию Реле де Сара, как пуля, долго ожидавшая своего часа и готовая выстрелить в любом направлении. К счастью, направление осталось прежним. Я успевала, хотя и с большим опозданием, забрать свою дочь с продленки. Чувствовала я себя не то чтобы не в своей тарелке, но скорее блюдом, приготовленным за время разговора, которое успело остыть и даже превратиться в однородную массу, отдаленно напоминающую компот (*en compote* на обиходном французском означает «разбитый, расквашенный»). Наверное, последняя ассоциация окончательно внедрилась в мое сознание вместе с морозящим дождем, пропитавшим одежду и слегка размывшим очертания окружающего, чему способствовало и отсутствие очков. Нужно вспомнить, как защищаться от энергетических вампиров, вдруг промелькнула трусливая мысль, тут же уступив место разуму: восьмичасовой «рабочий» день на этот раз послужил единственной причиной потери энергии. «Рабочий», естественно, я мыслила в кавычках, ибо со времен, когда моя нога ступила на французскую землю, о постоянной работе приходилось только мечтать. Поэтому работой скорее называлось изучение французского и работа над собственными сочинениями, то есть то, что «нормальные» люди называют досугом. «Нормальных» я тоже мыслила в кавычках, потому что к середине жизни окончательно запуталась, что можно назвать нормальным, а что – аномальным. Вот, например, Мари, возглавлявшая Реле де Сара. С одной стороны, она чуть ли не единственная, получающая зарплату – все остальные «преподаватели» были добровольцами... Стало быть – она «нормальная»?

Меня уже начинали раздражать кавычки, переполнившие последний абзац, но я не собиралась посвящать время психоанализу и делать пусть и небольшое, но отступление от портрета Мари, который, собственно, и портретом не назовешь. В противном случае, мне стоило упомянуть хотя бы о внешности этой немолодой женщины, относящейся к категории *les personnes agées*. После нескольких лет жизни во Франции я, наконец, привыкла к эфемизмам, которые так почитает французская словесность. Как приятно, например, услышать *ma belle fille* вместо невестки и *ma belle mère*, обращенное к свекрови. Так же и со старостью. Во Франции, даже в столетнем возрасте вас будут продолжать причислять к категории пожилых людей. А если вам еще нет шестидесяти, могут, не моргнув глазом, назвать молодой женщиной. Мне показалось, что Мари перевалило за шестьдесят. И если разгадать возраст женщины, тем более – французской, почти невозможно, Мари не принадлежала к той категории француженок, которые во что бы то ни стало пытаются сохранить молодость, и в преклонном возрасте носят короткие юбки и статные прически. Ее выцветшие с сединой волосы были обезображены прямолинейным каре, слегка припухшее непропорциональное лицо, не вызывало желания расшифровывать прошлое, скрытое в морщинах, а тучная фигура, казалось, навсегда приговорена к креслу, где она проводила большую часть своей жизни.

И все же, в ней было нечто, что делало ее привлекательной не только для писателя-портретиста. За короткое время, прошедшее со времени нашего знакомства, передо мной пронеслось столько жизней, пропущенных через ее собственную, что возникало ощущение полноты проживания моей собственной, зачастую казавшейся мне на чужой земле недостаточно яркой. Самое интересное, что когда она говорила о себе или о других, глаза ее загорались восторгом, делая ее в такие моменты почти привлекательной. Вот почему вместо того, чтобы выходить из комнаты, где занималась группа так называемых продвинутых, непосредственно на улицу, многие из нас выбирали маршрут,

проходящий мимо ее кабинета, с тем, чтобы заглянуть и перекинуться с ней пусть и нечетко произносимым, но французским словечком. Рядом с ней акцент казался чем-то несущественным, и любая неловкость, естественная для иностранца, чувствующего себя не вполне полноценным собеседником, исчезала. Она тут же отбивала теннисный шарик разговора, который почему-то больше не возвращался к вам, а продолжал биться на ее половине поля, и забрасывала стоящего напротив сложносочиненными и подчиненными предложениями, которые казались бесконечными, как фразы Пруста, претендовавшие на целые страницы.

Наверное, мне уже пора решиться на страницу, ради которой писались предыдущие, и завершить портретный набросок Мари. В тот день я намеревалась остаться только на первую половину занятий, поскольку меня ждал насыщенный график, писать о котором в данном контексте – злоупотреблять вниманием читающего. Перерыв, который обычно затягивался на полчаса, а то и сорок минут, казался мне непростительной тратой времени. По понедельникам Мари преподавала сама. Справедливости ради следует отметить, что она не изображала из себя преподавателя и на первом же занятии честно призналась нам, что она не филолог. Поэтому когда мы задавали вопросы, касающиеся грамматики, она только краснела в ответ и спешила заглянуть в интернет, чтобы найти нужную справку и распечатать для нас неизвестную ей информацию. Зато когда ей задавали вопрос о смысле незнакомого слова, тут она взрывалась фейерверком метафор и погружалась в пространные объяснения, кишасшие аналогиями всех сортов и требующие вмешательства всех органов чувств.

В этот день меня почему-то особенно раздражал словесный поток, которым она не преминула заполнить эфир, как только раздался один из таких вопросов. Объяснения так и посыпались из нее. Здесь бы пригодились сравнение с семенами в их извечном смысле сеяния разумного, доброго и вечного, но почва оказалась неблагодарной, во всяком случае, в моем лице. Я демонстрировала свое полное безразличие, тщательно отвечая на мэйлы и эсемески и втайне надеясь, что другие тоже потеряют интерес к такому непродуктивному использованию времени. Мне даже стало казаться, что женщина, задавшая вопрос, уже сожалеет о нем. Когда объяснение одного слова, длившееся несколько минут, заканчивалось, и мы переходили к следующей фразе, я облегченно и громко вздыхала. За полтора часа мы успели прочесть только одну страницу текста. Я была в бешенстве, и никакие убеждения внутреннего голоса, не перестававшего мне твердить, что дареному коню в зубы не смотрят (годовые курсы мне обошлись всего тридцать пять евро), не убеждали.

И все же, перед тем как уйти во время паузы, я сделала попытку вежливо проститься:

– Вы не могли бы дать мне страницы, над которыми будете работать после перерыва? – я знала, чем рискую, но, все же, предпочла потерять несколько минут времени ради слабой надежды на новые, пусть и не гарантированные знания.

Мария засуетилась и вынула из папки две страницы, на которых был напечатан довольно крупным шрифтом текст, показавшийся мне на первый взгляд далеким от учебного пособия.

– Это я написала, – добавила она с некоторым смущением. – Дело в том, что.... у меня сегодня особенный день.... –

Она увидела, как моя рука схватилась за дверную ручку, приготовившись к срочному броску на улицу, и поспешила добавить:

– и я пытаюсь заполнить его –

Я уже приоткрывала дверь ... –

– У меня сегодня годовщина смерти ребенка, – выдохнула она так быстро, что мне показалось, будто это она отдернула мою руку от двери и навсегда приклеила к телу.

– ... и я стараюсь писать ... много писать.... и... говорить... много, то есть, преподавать, – поправилась она, – чтобы забыть этот день... прошло так много времени, а я до сих пор помню....

До меня долетали лишь некоторые фразы, тогда как другие бились... как об стенку головой, – почему-то вспомнилось освоенная в детстве и повторяемая так часто мамой фраза.

– Он только родился, мне даже не дали на него посмотреть, в те времена считалось, что это травмирует женщину – смотреть на мертвого новорожденного – и муж заматал его... У нас даже не было гробика, и мы так его и везли, в маленьком одеяле... Мы везли его, чтобы похоронить на родине, в Бретани, в фамильном склепе... а священник, такой гадкий попался, он нас отчитал... как мы могли столько дней возиться с трупом, нужно было его давно похоронить.... Поэтому я сторожила его... но я так и не увидела лица моего ребенка.... Тогда это считалось правильным.... Это сейчас психологи говорят, что нужно дать возможность проститься, что так гораздо легче, а иначе, ты не расстанешься со своим трауром всю жизнь.....

Она вдруг оборвала словесный поток и замолчала.

– Я тоже не попрощалась с мамой, ее сразу увезли из больницы в морг, – только и нашла я, что сказать. Я понимала, что подобная фраза вряд ли ее утешит, но должна же я была что-то произнести в ответ. И, к тому же, мне вдруг стало непривычно неловко в образовавшейся пустоте. Как будто это я была виновата в несвойственной ей паузе.

Она посмотрела сквозь меня. И в этот момент предательская мысль о том, что мне пора, снова двинула моей рукой.

– Поэтому я работаю в этот день очень много, – завершила она и, как будто заметив мой жест, добавила тоном, каким обычно прощаются:

– Если тебе... если Вам... что-либо будет непонятно в тексте, я объясню все после каникул... Это о времени. О времени, которое проходит и о времени, которое стоит на дворе. Я нашла это забавным, не правда ли? Хорошего Вам дня.

Я прикрыла за собой дверь и автоматически поднесла руку с часами к глазам: разговор занял пять минут.

ТЕРАПИЯ

Это был непредвиденный визит. И не визит даже. Он пришел без предупреждения. Не пришел, а ворвался. Был выходной день, и я честно собирался посвятить его семье. Он вошел, сел в мое любимое кресло на террасе, закрыл глаза и, казалось, навсегда замолчал. С ним и раньше случались подобные приступы пауз – так я называл его неспособность высказаться без предисловий. Я пошел на кухню, чтобы приготовить чай и позволить ему собраться с мыслями. Честно говоря, мне совсем не хотелось заниматься консультированием в этот солнечный день. Я собрался погулять в Булонском лесу с женой и дочкой, которые не только не скрывали своего недовольствия по поводу неожиданного гостя, но продолжали собираться на прогулку, как будто его и вовсе не было. Когда я вернулся, минут через пять, ничего не изменилось: мой приятель восседал в моем кресле, не подавая признаков жизни. Почувствовав мое присутствие, он, наконец, открыл глаза и бросил свою дежурную фразу:

– Что поделяешься?

– Собирался выбраться с семьей на природу.

Он проигнорировал мой намек и продолжил с той же интонацией:

– Я о твоих жизненных планах... Или творческих, если хочешь.

– Творческих? – я вспомнил то, что мне предстояло в этом месяце – провести групповое занятие по арт-терапии, и коротко рассказал ему об этом.

– Арт-терапия? Это интересно... – он, казалось, не знал, как подобраться к волнующей его теме, – и где собираешься проводить?

Я назвал имя организации. Он удивленно посмотрел на меня, как будто проверяя, не ошибся ли я. Потом загадочным тоном промолвил:

– Я бы не советовал иметь дело с этими людьми, – и снова закрыл глаза с таким видом, как будто скрывал под веками тайну.

– Это почему же? – спросил я, просто чтобы создать видимость разговора.

– Странные люди туда приходят, – продолжал он, не открывая глаз.

– Что значит – странные? Я хорошо знаю президента и пару-тройку человек, и все они вполне нормальные.

– Они-то может и нормальные, а вот те, кто их посещает...

Блефует, промелькнуло в голове, боится высказаться напрямую. Он как будто прочитал мои мысли, открыл глаза, посмотрел выразительно и закатал рукава:

– Смотри! – чуть ниже локтя я заметил пару укусов, превратившихся в синяки.

– Ты хочешь сказать, что пришел туда, а на тебя напросились и покусали?

– Не сразу. Мне понадобился месяц, чтобы это произошло.

– Ну, все, хватит интриговать, рассказывай.

– Я провел вчера ужасную ночь..., – выпалил он так быстро, как будто выплюнул фразу, сидевшую на кончике языка и просившуюся изо рта все это время. – Я встретил женщину, в которую почти влюбился. Месяц носил ей цветы с клубникой, играл с её дочерью, как будто она моя, был на седьмом небе от счастья, а вчера понял, что передо мной – совершенно другое... существо....

– Валяй, – обреченно промямлил я, пододвигая стул в нехорошем предчувствии долгой беседы.

– Когда мы остались с ней наедине...я так ждал этого... я месяц ходил за ней, как влюбленный мальчишка... когда ее дочь заснула, и мы начали танцевать.... в самый прекрасный момент... когда я прикоснулся к ней и поцеловал... она вдруг резко изменилась. Ты не можешь себе представить, как... Все было так здорово... Я закрыл глаза на долю секунды, а когда снова посмотрел на нее, вдруг увидел совершенно другое лицо. Я никогда не видел, чтобы лица менялись так сильно... Как в дурном сне: перед тобой стоит ангел, который мгновенно превращается в свою противоположность. И начинает говорить. Это новое лицо, смотревшее на меня так близко... вдруг попросило его ударить... И даже не попросило, а потребовало. И не один раз. Я не поверил своим ушам, я, конечно, сказал нет, когда понял, что от меня хотят, и даже попытался отстраниться... несмотря на то, что был пьян... не поверишь: я как будто протрезвел....

Я прыснул, не в состоянии больше удерживаться.

– Ничего веселого... – мрачно отрезал он. – Мне пришлось это сделать, хотя я очень не хотел, но когда я отказался в очередной раз ее ударить, она прыгнула на меня, как дикая кошка, как бешеная гиена, и начала меня кусать, и таки... заставила меня защищаться. И ударить ее... как она этого хотела...

Я никогда не бил женщину...

Я еще пытался держаться своей роли насмешника, чтобы немного понизить уровень важности события, казавшегося ему таким значимым:

– Поздравляю с новым опытом: ты встретился с настоящей садомазохисткой, – и еще раз прыснул, уже нарочно.

– Не все так просто. Она не просто садомазо, она еще и прекрасный манипулятор. Не знаю, где она научилась всем своим штучкам, но она добилась от меня всего, что хотела – и души, и тела...

Я еще пытался улыбаться его манере выражаться по – книжному, но уже чувствовал, что настроение мое падает ниже нуля.

– Она, похоже, владеет какими-то специальными психологическими техниками, – продолжал он, – которые позволяют превратить тебя в подопытного кролика.... И практикует их на других.

– Ты хочешь сказать, что вместо того, чтобы лечиться самой, она лечит других? Она ... занимается психотерапией?

– Что-то в этом роде. Хотя, у меня такое ощущение, что она не способна на какую-либо работу. Она даже не знает языка страны, в которой живет. Она одинока и несчастна. И, как я понимаю теперь, больна.

– Думаешь, бывают здоровые психотерапевты?

Он, казалось, не расслышал моей иронии.

– Знаешь, мне кажется, я заболел после этой ночи. Seriously. Как будто что-то постороннее проникло в меня... И даже не проникло, а всплыло. Как будто она разбудила зло, которое дремало во мне с того самого времени, как я ушел из дома, не выдержав жестокости, царившей в моей семье. Я избегал этой жестокости всю свою жизнь, а она сказала, что вычислила меня простым способом: если мой отец был способен поднять руку на мать, то и я способен, понимаешь?...

Теперь он говорил взалех, проглатывая слова. И я окончательно понял, что дело приняло серьезный оборот. Мне оставалось только слушать и молчать...

– ... знаешь, мне кажется, я теперь ненавижу людей, – закончил он свой монолог.

Он замолчал, и я тоже, не зная в каком направлении продолжать. Психотерапевт во мне говорил: его надо срочно лечить, а человек, знавший его столько лет, успокаивал: все обойдется дружеской беседой.

– Да ты не парься, – он как будто вернулся к себе, читая мои мысли. – Я пришел к тебе не консультироваться. Просто мне нужно побыть среди... нормальных людей.

Мне стало почему-то грустно. непрофессионально грустно.

В эту минуту на террасу выбежала моя трехлетняя дочь. Можно сказать, самая нормальная в нашей семье. Она стала между нами и радостно объявила:

– Папа, я не пойду гулять!

– Почему?

– Не хочу без тебя.

– А мама что говорит?

– Она говорит, что ты – подлец! – как можно громче выкрикнула она.

Я покосился на своего друга. Впервые за время нашей беседы он улыбнулся.

Потом, не спрашивая его мнения, она забралась ему на колени и начала играть в свою любимую игру «гули-гули», которая по-нашему называлась щекоткой и состояла в том, что её пальчики бегали взад-вперед по его телу, ожидая ответной реакции, чаще всего – смеха. Я предпочел оставить их вдвоем и поспешил к своей обиженной супруге.

Когда я вернулся, сцена изменилась. Она перебралась к нему на плечи и выбивала на его голове ритм, наподобие барабанного, напевая что-то на своем детском наречии. Он производил произвольные гримасы, когда она ударяла особенно больно, и она,

довольная произведенным эффектом, выкрикивала громче свою тарабарскую песенку. Передо мной стоял другой человек – такой, каким я знал его всегда, беззаботным и безбашенным. Болезненные воспоминания отлетали под настойчивыми ударами детских ладошек, и я мысленно поблагодарил свою дочь за удачную терапию и за спасенный выходной.

Прошло немало времени, прежде чем мы вернулись к этому разговору. Это было на моем тренинге. Народу собралось неожиданно много, и я удовлетворенно потирал руки, несмотря на то, что пришлось изрядно повозиться с дополнительными стульями. Он пришел последним, он всегда опаздывал, бухнулся на единственный свободный стул и в течение трех часов сидел, не двигаясь, напоминая скорее восковую фигуру, чем человека, пришедшего заняться саморазвитием. Едва я закончил работать, и объявил время обратной связи, он поднялся и вместо того, чтобы поделиться своими ощущениями – одной из важных составляющих терапии, в которой он обычно охотно принимал участие, сухо пожал мне руку и сказал:

– Спасибо, было очень интересно, но я ухожу.

Он нагнулся к моему уху и зашептал, игнорируя незыблемое правило любого тренинга: делиться со всеми своим состоянием:

– Я заметил в зале её.

Я не сразу понял, о ком он говорит. Но вдруг передо мной возникло лицо женщины, описать которую я не берусь, потому что в ней не было ничего примечательного и, к тому же, я останавливался на ней взглядом не так часто в течение трех часов. Вернее, на её глазах – двух серых внимательных существах, следующих по пятам за изменением моей мысли. Когда я столкнулся с этим взглядом в первый раз, они вызвали во мне прилив энтузиазма и желание говорить для них, так внимательно следили они за каждым моим движением. Во второй раз я увидел совершенно другие глаза – полные неприятия, отстраненные, почти враждебные.

– Мне кажется, я знаю, о ком ты говоришь. У нее – серые глаза, похожие на два озера, в которых хочется искупаться в первый раз, и страшно утонуть во второй, и длинные соломенные волосы, сияющие как зимнее солнце. Возле нее сидит маленькая девочка, которую она зачем-то привела с собой.

– Она все время таскает ее за собой.

– Бедный ребенок. Как скучно ей, наверное, было все это время...

– Она хочет объясниться, она мне делала знаки... Но я не в состоянии.

– Может, она хочет извиниться – и нужно ей просто позволить сделать это?

– Может, но я боюсь попасть в новую ловушку. Она слишком хитра. Она все запланировала тогда.... Она рассчитала все – и время, и мое состояние. Она могла бы сделать меня настоящим рабом, если бы не потеряла контроль над ситуацией. У нее искалеченная психика, понимаешь?...

– Хочешь, я с ней поработаю?

– Не хочу. Я вообще ничего не хочу. Я хочу поскорее забыть эту страшную ночь и то, что она во мне открыла... И тебе не советую связываться с ней: это человек с двойным дном, и ты, при всем своем опыте, наверняка попадешь в ту же ловушку. Она ведь симпатичная женщина...

Я засмеялся, подумав, что перестал смотреть на женщин с тех пор, как женился. Может, зря.

– Ну, пока, еще раз поздравляю с успехом, – бросил он и поспешил к выходу.

Я не настаивал. У меня было достаточно пациентов, и заниматься альтруизмом против доброй воли кого бы то ни было, я не хотел. Я снова забыл об этой истории. Но она, похоже, не забыла обо мне.

В течение моей профессиональной жизни отношения мои с людьми оставались достаточно стабильными – все они искали либо утешения в моем обществе, либо разрешения своих внутренних проблем. Но в последнее время я стал замечать, что общаюсь намного реже со своими коллегами, чем с пациентами. Я даже несколько раз словил себя на мысли, что ощущаю то, что можно было бы назвать внутренним одиночеством... Это ощущение меня особо не тяготило, так как я никогда не стремился к светской жизни. Но в некоторых ситуациях я бы предпочел быть окруженным единомышленниками, а не пациентами, то есть, равными, а не зависимыми. Возможно, это было связано с моей слишком большой заикленностью на работе, а возможно, с чем-то другим, что я и хотел прояснить. Я, конечно, пользовался славой хорошего психотерапевта. Но никогда не мешает поучиться опыту других.

Семинар, который я выбрал в качестве учебного пособия, назывался «Коммуникативные техники». Звучало простенько, но иногда за простыми и поверхностными с виду вещами кроется глубина, не видимая с первого взгляда. А еще я пошел на этот семинар, потому что он просто попал в поле моего внимания, а я никогда не занимался поисками того, что находится дальше радиуса протянутой руки. «Все ответы – перед тобой, нужно просто правильно задавать вопросы», вспомнил я фразу то ли мудрого психолога, то ли древнего мудреца.

В помещении, куда я пришел, уже собрались люди. Их было немного, и я не смог не заметить, что все они – молодые женщины. Во мне проснулось сомнение в правильности моего выбора, и я уже подумывал об отступлении, когда почувствовал на себе взгляд. Я обернулся на одну из женщин, но ничего особенного не заметил: она сидела возле компьютера и пыталась подключиться к видеопроектору. Прошло около получаса. Я успел поздороваться со всеми и даже переговорить с рядом сидящими, когда организатор, наконец, объявил о начале. Женщина с неестественно соломенными волосами подскочила, как ужаленная, и бросилась к зеркалу. Она зачем-то надела поверх своей белоснежной блузы серую кофту, заколола её брошью, нервно поправила волосы и вышла на середину комнаты. И тут до меня дошло, что она – и есть психолог, на семинар к которому я пришел «поучиться опыту», а также один из слушателей моего последнего тренинга, а также....

Я честно пытался сконцентрироваться и даже поучаствовать в дебатах, но не мог избавиться от призмы, сквозь которую смотрел на эту женщину. Периодами мне казалось, что я единственный, по-настоящему знающий, кто она такая и что она здесь делает. Ну, конечно, ей очень важно провести этот семинар, зачем-то убеждал я себя, она ведь может таким образом изменить себя и свою собственную жизнь. Ну и пусть меняет, а причем здесь другие «подопытные кролики»? – выплыло из сознания выражение моего друга. А еще я все время задавал себе вопрос: а что если я ошибся? Если это три разных человека – психолог, зрительница и ночной кошмар моего друга? Не слишком ли много совпадений для жизни, полной хаоса и непредвиденных случайностей и вовсе непохожей на механизм, в котором различные части сопряжены по принципу детективной истории, интересной для зрителя? И кто в данной ситуации я – зритель или участник? Мне начинало казаться, что мое присутствие в этой комнате и в этой ситуации вообще добавляет еще одно звено в цепочку событий, существовавших до меня. Когда началась работа в парах, я уже не сомневался, что для меня в этой компании пары не найдется, и я буду вынужден

работать с ней. Она села напротив, предложила вариант вопроса, который служил примером удачной коммуникации и был призван не обидеть собеседника. Я добросовестно примерил на себя этот вопрос, тщательно скрывая ощущение абсурда – услышать о корректном поведении из ее уст! По всем правилам гештальта, который я предпочитал всем другим техникам, я сформулировал ответ, и она явно осталась довольна мной.

Сразу вслед за этим, воспользовавшись наступившей паузой, я задал ей вопрос, не её ли я увидел у себя на тренинге вместе со своей маленькой девочкой. Она ответила да и еще что-то вроде *это было потрясающе*. Я перебил её, рискуя показаться невежливым, потому что в этот момент интересовался больше ею, чем своим представлением:

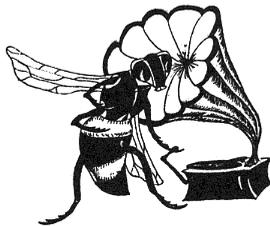
– Вообще-то я надеялся услышать от Вас что-то о коучинге. Вы ведь практикуете его?

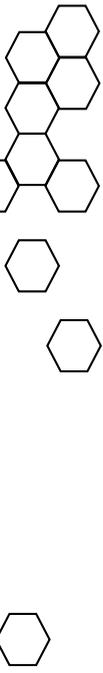
– Да, практикую. Но не на семинарах. Если хотите, мы можем заняться с вами индивидуальной работой, – она улыбнулась:

– Оставьте Ваш телефон или мэйл.

Я бы тоже мог заняться с Вами индивидуальной работой, хотел вставить я, но ничего не сказал, храня врачебную тайну, верность другу и желая, чтобы заповедь «Врачу, исцелися сам» сбылась без моего вмешательства.

На прощание я все же оставил мэйл и, уже в дверях, обернулся, чтобы еще раз убедиться: я был единственным мужчиной среди собравшихся. В грудной клетке забились давно забытая птица приключения.

Людмила ШАРГА

ПИСЬМА ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

* * *

Происки января,
будто конец зимы...
Попросту говоря –
мир стал совсем иным.
Тает вчерашний снег,
лунный дымится серп,
в воздухе слышен смех,
город продрогший сер.
Воздух весной пропах.
Пей этот воздух, пей!
А до окна – лишь шаг,
а за окном капель.
Сверим по ней часы:
сколько там, до весны?
Кот распустил усы,
галки – как смоль – черны.
Что они говорят?
Что они там кричат...
Происки января,
или, зима, прощай...?
Милый домашний рай
не по размеру – мал.
А у ворот февраль,
а на душе – зима.
Сумерки во дворе,
в городе – ни души.
Пишутся в январе
письма длиною в жизнь.

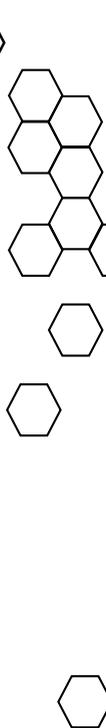
ПИСЬМО ПЕРВОЕ. РУСИНКА

Синий взгляд из-под косынки –
мой извечный оберег,
смотрит девочка-русинка
с берегов нездешних рек.
Позови меня негромко,
тихо косу расплети,
знаю там, у самой кромки,
наши сходятся пути.
Где-то есть покой и воля,
до седьмых дойду небес,

через маковое поле,
через сумеречный лес,
мимо логова мольфара,
мимо озера в бору,
где кувшинки-ненюфары
распустились поутру.
Где вода темнее ночи,
налита в озёра всклень...
Любит путника морочить
этот белый одолень.
Мимо берегов скалистых,
мимо синих полонин,
проведи и от нечистых
сил меня оборони.
Лихо клятое в сторонку
заговором отведи...
Позови меня негромко,
и у самой-самой кромки,
если можешь, подожди.

* * *

Русинка. А просится – русинка –
девчонка из древних поверий,
вишнёвая косточка-бусинка
в моём родовом ожерелье.
Моя синевзорая пращурка –
глоток родниковой водицы,
легка и проворна – что ящерка –
славяночка-отроковица.
Не часто клонила головушку
и клала земные поклоны,
горчит твоя вольная кровушка
дымком половецких полонов.
Девчонка в рубашечке вышитой,
века меж тобою и мною,
да только по-прежнему слышу я,
как стрелы поют за спиною.
Никто до сих пор не ответил мне,
то явь или сон мой из детства?
То сердце болит иль отметина
калёной стрелы половецкой...

КУКУШКА, КУКУШКА...

Кукушка, кукушка,
скорее скажи,
когда же настанет
счастливая жизнь.
У Синего моря?
У Синей реки?
В саду, где на землю
летят лепестки...
И долго ль ещё ожидать твою весть?
Крушиною стыть
или вишнею цвель?
Дрожащей прожилкой
резного листа,
пчелою, чья жизнь
коротка и проста?
Заброшенным домом,
где нет ни души...
Когда она будет,
кукушка, скажи?
Кукушка, кукушка...
В ответ – тишина.
И где-то негромкая песня слышна,
и виден до боли родной поворот...
Скворцы суетятся,
и вишня цветёт.
И можно с обрыва спуститься к реке,
и столько следов на прибрежном песке.
Мои ли.
чужие...
Всё ближе вода.
Наверно, уже не понять никогда,
зачем на оставленный берег пришла.
А вслед мне доносится:
было... была.

ПИСЬМО ВТОРОЕ. ДОМ

И снова снится сон...
где я бегу,
с уже привычной болью в средостенье,
мелькают чьи-то тени на снегу,
а я...
Я не отбрасываю тени.

Там – за спиной – заснежены леса,
здесь – на плечах – ладони листопада...
Родные лица, словно образа,
и свет родимых окон – как лампада.
Вот детская кроватка у стены,
у изголовья – сломанное кресло...
Всё это было царствием земным,
а нынче стало царствием небесным.
За ширмой слева – мамина кровать,
печальный ангел на стене – над нею...
Здесь больно жить,
здесь больно умирать,
но расставаться во сто крат больнее.
На сотни вёрст такая тишина,
и в свете лунном зеркало дымится,
здесь боль моя давно погребена,
но продолжает,
продолжает сниться.
И всякий раз, из дома уходя,
я знаю, что сюда вернусь за светом.
И ветер каплей зимнего дождя
стряхнёт меня с черёмуховых веток...

УЕХАТЬ, УЕХАТЬ...

отцу

*День подходит для путешествий;
чем дальше вы отправляетесь, тем лучше...
из гороскопа*

Уехать, уехать...

Ни свет – ни заря начать собираться в дорогу,
пока путеводные звёзды горят
над вздрогнувшей веткой-отрогом.

Уехать, уехать.

Ни слов – ни следов

на талой земле не оставив.

До первых черёмуховых холодов,

до света в расщелинах ставен.

Мой график движенья навстречу заре

по-прежнему краток и точен,

и полон отточий ночных фонарей,

ночных откровений отточий.

От долгих прощаний и мнимых долгов,

от полураспада и прозы...

Плацкарт иль купе, или общий вагон,
иль облачком над паровозом,
где хитрый попутчик нехитрую снедь
достанет в бумаге вощёной...

Уехать.

В одно воскресенье успеть
из всех Воскресений Прощёных.
Успеть до развилки, где наши пути
распались.

Найти по наитию
и выдохнуть горькое слово: прости...
и тут же из поезда выйти.

Успеть до того как случится беда...

А что остаётся ещё нам?

Из всех воскресений в минувших годах
одно лишь бывает Прощёным.

Тяжёлое солнце встаёт за окном,
мир полнится светом и смехом.

Вхожу в этот день, повторяя одно:
уехать, уехать, уехать...

* * *

Комната оклеена газетами.
Может быть, и тесно в ней поэтому
от призывов и передовиц,
от «других официальных лиц».
Время вспоминать и время сетовать.
Комната оклеена газетами...
Мне одной хватило б полосы,
чтоб вместить с кукушкой часы,
этажерку с книгами убогую,
столик, табуретку колченогую,
где-то у окна нарисовать
с панцирною сеткою кровать,
а за ней – пространство законное:
рыцари и пешие, и конные
чередой сходились в старый двор
и вели неспешный разговор:
как бы со двора сбежать на улицу...
Мамы вечных рыцарей волнуются,
и обедать из окон зовут,
и стучит трофейный «ундервуд»,
словно чьё-то сердце – с перебоями...
Если бы оклеили обоями,
сразу легче стало бы дышать,

и задачи сложные решать,
находить ответы и решения,
постигать утраты и лишения.
и листать забытую псалтырь.
За окном – заброшенный пустырь.
Я жила когда-то в этой комнате.
Неужели вы меня не помните...
Полосы оборванных газет,
времени ушедшего портрет.
Стукачи стучат,
газеты врут...
и сбоит за стенкой «ундервуд»...

ТРАМВАЙНО-ТРАВМАТИЧЕСКОЕ

Отложенные рейсы,
остывшие дома...
Трамваи сходят с рельсов,
как человек с ума.
Трамвай-самоубийца,
взбивает пыль у ног...
как я – в пылу амбиций –
тотально одинок,
как я – с мечтой о чуде,
о парусе в дали...
Но вдруг исчезли люди,
те вышли, те – сошли.
Тоска неисцелима
и хлещет через край,
когда несётся мимо
свихнувшийся трамвай.
Сошли.
Не обернулись.
Утих нестройный хор.
Снег сходит с крыш и улиц,
лавина сходит с гор,
и я – хоть плачь – хоть смейся,
как тот трамвай, сама
схожу с привычных рельсов,
чтоб не сойти с ума.

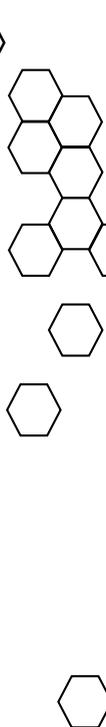
* * *

Тихими голосами
полнится старый дом,
медленно угасая,
теплится память в нём.
Жалобный звон посуды –
отзвуки давних ссор
в линиях чьих-то судеб
странный сплели узор.
Призраки дней далёких
держатся на плаву,
стелются дымкой лёгкой,
думают, что живут.
Горестно расставаться
с тем, чего больше нет:
с эхом былых овец,
с хмелем былых побед.
Здесь при любой погоде
ночь, и в окне – луна,
рядом – за стенкой – ходит
мёртвая тишина.
Следом плывут печали –
тени пустых квартир,
их колыбель качает
старый усталый мир.
Чем бы ему потрафить,
чем бы помочь ему...
Парочку фотографий
в новую жизнь возьму.
Эту тетрадь и пальцы,
свечи и карандаш...
Глупые постояльцы,
память – весь наш багаж.
Выдох.
И полетели
в сказочные края.
Здесь остаются тени,
и среди них – моя.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ. ЧЁТ ДА НЕЧЕТ

Где лимонной рыбкой бьётся
в дымке месяц молодой,
и полным-полны колодцы
родниковой водой,
где с цветущих вишен ветер
обрывает лепестки,
днём и ночью звёзды светят
и дрожат на дне реки.
Там, где птица камышовка,
и цветок чертополох,
где камыш зелёным шёлком –
по обочинам дорог,
где в запечье напеваает
свою песенку сверчок.
кто-то стёжку вышивает:
крестик – нечет, крестик – чёт.
Что ж...

Пути бояться мне ли, –
твёрдо знаю свой шесток,
отведёт любую нелюдь
незатейливый цветок.
Хворь смертельную излечит,
от лихих людей спасёт...
Путь петляет – чёт да нечет,
крестик – нечет, крестик-чёт.
Если ниточка прервётся,
не ищи моей вины.
Звёзды из пустых колодцев
даже ночью не видны.
Ну а утром и подавно –
ни сверчка,
ни огонька,
и плывут в небесных плавнях
кучевые облака.
Словно нитка за иголкой,
стёжка тянется на свет...
Там где рвётся, там и тонкой
нитью тает в плавнях след.
То ли детской распашонкой,
то ли белою ладьёй...
То ли птицей камышовкой
над печальною землёй,
то ли дождичком под вечер,
то ли пеплом на плечо...
Путь петляет – чёт да нечет,
крестик – нечет,
крестик – чёт.

* * *

Спросит ангел за моим плечом:
Отчего не спишь,
скажи на милость...
– Видишь, серебрится белый чёлн?
Это мне душа во сне явилась.
Будто... незнакомые места,
два холма могильных в чистом поле,
и на свежеструганных крестах
имена, знакомые до боли.
Будто... виноградники, поля –
островки неубранной пшеницы.
Україно.
Матінко-земля...
Ни криницы, ни ставка, ни птицы.
Будто... чёрный ворон пролетел,
и за ним стервятники –
по кругу...
И растёт гора кровавых тел
там, где брат на брата поднял руку,
где перемешались кровь с водой,
и все воды сделались отравой.
Тот, который слева, будто... Авель.
Справа – Каин – бледный и худой.
Между ними женщина. Она
в рубище простом – скорбит со всеми.
Вперемешку судьбы, имена...
Бесновалось каиново семя,
простирало сотни грязных рук
к белому холстинковому ложу,
рдел молитвы охоронный круг,
и скользил по небу осторожно
утлый чёлн в лунных камышах,
далеко от дольного чертога.
В поисках утраченного Бога
уплывала девочка-душа...

* * *

Господи, Господи, иже еси...
Древней молитвы простые слова
не поднимают в Твои небеси,
лишь от земли отрывают едва.
Все говорят: бережёного Бог
хочешь – не хочешь, а убержёт,

и по легчайшей из горних дорог,
переведёт на другой бережок.
Только бы кто за него попросил,
только бы кто помолился о нём,
и подступающий мрак осветил
тонкой свечой –
четверговым огнём.
Господи, Господи, иже еси...
Пред образами давно не стою.
Нет у меня ни надежды, ни сил,
вера одна в справедливость Твою.
Иконописные лики святых
не согревают, и стынет душа.
Всюду ищу Тебя.
Слышишь ли Ты,
как прошлогодние листья шуршат,
и оседает туманная мгла
пылью седой на сыновьих висках.
Господи, если б я только могла...
Если бы знала, как нужно искать
тропы, где всходит забвенья трава,
где прорастают молитвы слова,
где бережёного Бог бережёт,
не уводя на другой бережок...

Дмитрий АВЕРЬЯНОВ

ЦВЕТЫ ГАСНУТ

* * *

Остался ночевать на автостоянке,
и был сон: свечи бились током,
масло обжигало
щёки, коробка передач хватала за руку,
воздушный фильтр угрожал.

Прошла неделя, но осадок остался:
до сих пор, садясь в кресло, я побаиваюсь,
что педали схватят за ноги,
зло усмехнется
ремень безопасности

и лобовое стекло приготовится
размозжить мне лоб.
И все чаще повторяется сон,
где падает на подушку безопасности
моя мёртвая голова.

* * *

Светло-красный, –
настолько ты бываешь хороша.
Помнишь, я рассказывал
про птичку,
которая поёт «мяу»
и прыгает по развалинам
Херсонеса.

Там есть пещера,
ведущая в центр города.
Только опытные
сталкеры видели
фрески
времен второй мировой.
Но не всё безоблачно:

работы эти –
граффити хулиганов. Как
они проникли сюда?
Смелость.
Энцефалитная страсть.
Фонарик тухнет, и факел
со стуком

отскакивает
от пола катакомбы.
До сих пор у тебя в глазах
отпечаток.
Деньги в кармане,
но хватит ли их.
Роза в руках чудовища.

* * *

Стёганки отвернулись
от стрекозы,
фиолетовой, синей, зеленой
и так далее стрекозы.

Охваченный характеристиками с ног и до
тоненьких лапок,
свежий, парной, луговой,
трудолюбивый.

Он столько всего запас.
Раздавали просроченный хлеб, например,
и цена его была моя.
Лето идёт, в нём плазменные

снежки. Начать игру.
Поцелуй на вкус, как вата или подорожник.
Ты пробовал? Никогда.
Качается на волоске

телевизионный канал.
Пропадает в дымке: вот, – вот и
пропал
шпиль телебашни.

* * *

Вдыхает тоненьким хоботком
мельдоний, взлетает,
пошатываясь,
солнце спит её, тишина, звуки приятны,

солнце приятно.
В неё летит теннисный мяч, желтоватый
и злой.
Это её не волнует.

Снизу она –
обрывок желтой газеты, пятый лепесток
сирени,
девушка из сказки.

Опускает глаза:
цветы гаснут – они отыграли своё. Рука
по привычке
поправляет струны.

ДЕРЕВО БУДД

Оксана БОРОВЕЦЬ

* * *

Спершу захопить траси, підміє сваї.
Потім піском засипле дорожні знаки.
Підуть по Кільцевій річкові трамваї.

Ріки підземні знову набудуть сили.
Срібні висотки вигнуть дзеркальні спини.
Рясно укріє рисом дніпрові схили.
Зайдуть в метро кити, а за тим – дельфіни.

Місто залишать люди та інші звірі.
Сіль потече по водопровідних трубах.
Буде якась русалка в моїй квартирі
Жити з водяником в громадянським шлюбі.

Мушлі укривють стелі, підвали, стіни.
Хвилі зімкнуть масиви, піднявши клекіт.
Києве місто зникне в солоній піні.
Може, хоча б тоді в нім не буде спеки.

* * *

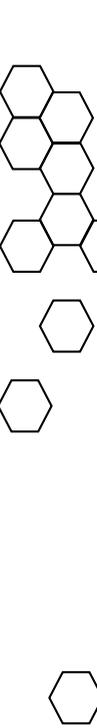
Клавіші Backspace присвячується

Напишеш – і зітреш. І знову не напишеш.
У місці чарівнім – могильники зі слів.
Там жоден звичний звук не порушає тиші.
До рук іде любе: візьми і ощаслив.

Там кожне по собі – маленьке сіре зомбі,
Одним бракує рук, а ті – без голови.
Тож плачте в самоті, одні, в безсилій злобі,
Шукаючи слова, які зітерли ви.

Нехай зімкне вуста мовчання безпорадне,
І згасне телефон в очікуванні слів.
Рукам, серцям, словам не дати більше ладу.
До рук іде любе: візьми і ощаслив.

Не розказати біль. Не вислати спокуси.
Не виписати світ роздертої душі.
Візьми на себе хрест графічного Ісуса.
Візьми і напиши.
Візьми і напиши.

* * *

Серце моє – плетена тепла річ.
Вовна овеча, оригінальний крій.
Прихисток твій у найлютішу ніч,
Хочеш – закутай шию чи руки грій.

Серце моє – з пряжі твоїх снів.
І без примірки знала, що розмір L
Буде тримати сотні тремких слів,
Сніжну облогу, сонячну акварель.

Скільки у нім наших п'янкних днів,
Скільки печалі, смутку і скільки сліз.
Серце моє, хто з нас цього хотів...
Сиві дощі кличуть мене на біс.

Серце моє ти до весни зносив.
Онде на шафі, кинуте навмання.
Це неминуче. Плач, говори, проси –
Речі із вовни збігаються від прання.

РОЗМОВА РУК

*«...у нього в лівій руці замало ніжності»
із розмови про музикантів*

Якби ти знав усі мої дороги,
І перейшов усі мої стежки.
То став би між іконою і Богом
На змах руки.

Де лівою – виловлювати слово,
Де правою – розкочувати звук.
Можливо, найдавніша в світі мова –
Розмова рук.

Так лівою звучатиме довіра,
А ніжністю правиця облече.
Можливо, найзручніша в світі ліра –
Моє плече.

Огорне гул бджолиного тремтіння –
Означить струнний рій початок гри.
Торкнись руки моєї. Вийди з тіні.
Заговори.

* * *

Постанеш у вікні розхитаним алое,
Де сніг, і сніг, і сніг. І світ, і світ, і світ.
Де час – чи кров – тече розбитою шкалою.
Де гоїться поріз над верхньою губою,
І випріла земля у горні затісім.

Пощо тобі дощі, коли скляніє тиша,
Якої не діймуть ні погляди, ні птах.
На чорних мотузках зима весну колише,
Де листя опада, аби зрости рясніше.
І на тонкім стеблі розхитується дах.

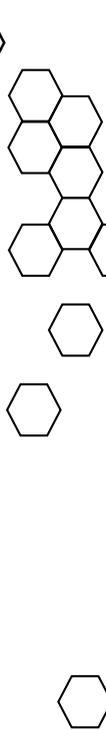
Хрести соснових рам, розіпнуті по двоє,
Полускують вночі, тримаючи шибки
У домі, що під дах наповнений водою.
Дивися у вікно, де я мовчу з тобою,
Притиснувши весь світ до мокрої щоки.

* * *

не буде ні причини, ні провини
дощі, твої лише наполовину
заллють пороги, виходи, ходи
облогу рук, жадану і злочинну
і двійку душ безвинних для почину
скаліченими пальцями зведи

стою, стаю землею чи водою
артерією, згорнутою вдвоє
і хлібним богом, ліпленим дітьми
на варті добровільного конвою
гаптованою білою канвою
торочаться задуми і дими

а ти ж мовчи, мовчи, мовчи і йди
як дощ іде дорогою води
де камені заходяться рікою
де скло не одрізнити од слюди
душі нечутні розлади й лади
беруть тебе як музику – рукою

* * *

їхали довго. тяглися за потягом протяги
снідали рано. хиталися сонно і ситно
не говорили. як дотики верхнього одягу –
тісно і соромно імені навіть просити

менше за відстань руки до валізи чи кави
тонше за нитку дорожніх істерій, історій
сонце – не більше за дірку, пропалену в шторі
їхали довго. звикали

* * *

приходить дощ, а ти йому – ніхто
він розкрива тебе як парасолю
невизнаною знаною красою
вологою, темнішою на тон

заходиш ти, і поспіхом – вони
слова і сни, невизначені досі
жовтневі діви зрізали волосся,
аби тобі не виграти війни*

а ти – ніхто, собачий поводитир
зозуля у годиннику німому
твій дім – не дім у розумінні дому
твій час – не час у значенні води

не сіпайся – затягнеться діра
і вогка постіль висохне від тіла
роса на підвіконні проступила
прозора і сира

* * *

Місто між нами – тисячі рук і рік.
З ранку до ночі, поміж метро і METRO, –
Скорені вівці, навчені вівчарі.
Люди з очима вовка біжать із NETрів.

* під час останньої Пунічної війни у 146 році до н.е. жінки Карфагену, готуючись до оборони міста від римлян, зрізали своє довге волосся для виготовлення луків

Місто між нами – лігво чужих тварин,
Спиною чути подих різкий і спертий.
Віти метро б'ються за склом вітрин,
Києве яблуко котиться по проспекту.

Вовчі зіниці ширяться й шаряться: тут
Простори сині, білі тіла овечі.
Дивишся й давишся – вовчі стежки ростуть,
Солодко пахне дика трава надвечір.

Поночі вернешся. Пути доріг, облог,
Зірвеш із мене різко і нетактовно.

Світить у вікна місяць. Мій вовчий бог
Горне до себе і загорта у вовну.

* * *

Трамвайные кони танцуют последний кан-кан,
Им плакать на рельсах, стучаться три раза подковой, –
Увы, слишком поздно, живого железа река
Уносит в депо. Допотопно, почти ледниково,

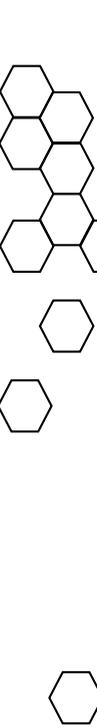
Трамвайные кони заржут над пожухлой травой
Заросшей обочины. Всхлипнет уснувший кузнечик.
И красных коней поведут на сухой водопой,
И кони уйдут, разбивая копытами вечность.

* * *

Это дерево будд – у него золотая кора,
У него корневище, а выше и вещи похлеще,
У подножья зарыта по грудь рукоять топора.
А на дереве жолюди – гроздь мужчин или женщин.

Это дерево будд, а под ним, прислонившись, злодей
Пишет детскую сказку про трех поросят и волка.
А под деревом россыпь опавших за ночь жолудей,
Чьи блестящие лица глядят из травы одиноко.

Их зарыть бы, а за зиму, глянь, и проклюнется лист.
И поднимется кто-то, повыше на голову прочих.
Но под деревом будд отчего-то и грунт каменист,
И глядят сквозь листву порослячи голодные очи.

* * *

Гляди в поля:
Холодным молоком
Там небо опрокинулось, тягуче
На землю полилось кисельной тучей.
Гляди в неё
И думай ни о ком.

Молчи в неё
И с нею говори.
Ответит не волной, но отраженьем,
Но мелких рыб – глубоководным пеньем,
Но словом вслух
И зрением внутри.

Так в девять лет
Стоял ты на краю,
Два раза в молоке отображенный,
Увиденным два раза пораженный.
И так молчал,
Как я не говорю.

Что видел ты,
Чумазый звездочет:
Утопших птиц, проросшую пшеницу?
Ты ведал, стоит только наклониться –
И оловом вода перетечет.

И потому, по косточки в грязи,
Ты вниз смотрел на блики небосвода
И по вселенной прутиком возил,
И дул на воду.

КРЫМСКОЕ ПОЛУСУХОЕ

Гурзуф – орех в скорлупке Крыма.
Горчит вода, растет трава.
В окно – закат, но мимо, мимо...
Натянут луч, как тетива.
Он дрогнет раз – и вспыхнет ярко,
Отметку дня переступив,
Поднимет небо красной аркой
Над белой скатертью степи.
Горит огонь внутри ореха,
И век его не потушить.
Мы будем долго-долго ехать.
А после – долго-долго жить...

СТРАННОЕ*Елене Шелковой*

Я не люблю того, кого люблю.
Кого не помню, кто во сне приходит,
А в жизни ничего не происходит:
Работаю, читаю или сплю.

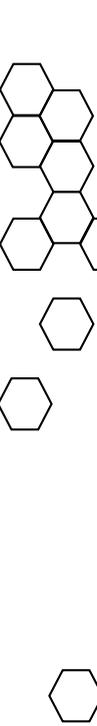
Как скучно жить – глядеть на пыльный дом,
На стопки книг, на волосы у слива.
Я не желала быть тогда счастливой,
Несчастной не хотелось быть потом.

Казалось, это все – конец главы,
Как оказалось – вырваны страницы,
Приснится сон – комета или птица,
Замок или петух без головы.

Не думай. Будет все наоборот.
И вспомнится навязчивым виденьем,
Луной, закладкой в книге, птичьим пеньем.
И пройдет.

* * *

Птица в ее волосах
Ночью не спит, а поет.
Не соловей, не сова.
Целую ночь напролет
Слушать ее голоса.
Ухнет, потом дребезжит,
После полуночи – трель.
Страшно ложиться. Поет
Птица в ее волосах.
Просит погладить ее,
Гладят – и правда, молчит.
Как перестанут – опять.
Птицы должны жить в лесах,
И не тревожить людей.
Но все равно в эту ночь
То дребезжанье, то трель...

* * *

всем близоруким братьям и сестрам посвящается

Миры близоруких не хуже других, но шире.
Допустим, живет человек в небольшой квартире.
Любому другому несносны такие рамки,
А нашему брату хрущевка – не меньше замка.

Миры близоруких подобных миров не хуже,
Подобные просто резче и как-то уже.
И всякая правда колет и даже режет.
А с нами такое бывает намного реже.

Однако другие вещи болят не меньше –
Среди близоруких так много ранимых женщин.
Пускай зеркала не врут, но сомнений – сети...
Поэтому наши на вечной сидят диете.

Часто случается: малые огорченья
Приобретают сказочное значенье.
То, что другие примут за мелкий случай.
Мы понимаем ближе и близоручей.

Но это неважно... По сути, миры незрячих
Устроены так же, хотя и чуть-чуть иначе.
И все же запомните опыт ошибок горьких:
Не выбирайте в любимые дальнозорких.

ОСЕННИЕ МАРШИ

Это осенние марши, ты слышишь?
Лбы расшибают каштаны о крыши.
Это нестрашное чучело ночи
Смотрит тоскливо из скважин замочных.

Так получается: утром осенним
Выйдешь на улицу спящим растением,
Листьями водишь, колышешься зябко.
Ветер сгребет тебя жадно в охапку

Точно таких же уснувших растений,
Что разучились отбрасывать тени.
Падают листья на руки, на платье.
Осень – скупая и дважды не платит.

Осень уходит с моими долгами.
Осень уходит моими ногами.

ЗЛИТТЯ (РІКА МУРАФА)

Євген СТІЛЕЦЬКИЙ

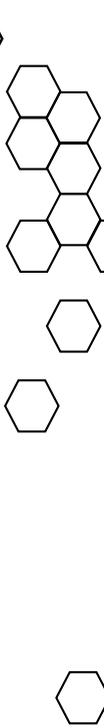
Дощ падає в
ріку.
зграї невинних бульбашок
летять лоторейною лавою суцільного виграшу –
вітром гострої коси прибираються назовсім – назавжди
безболісно, без жалю , зграю за зграєю.
Стогін розпусти, здається шкварчить яєшня –
ревниве ревисько злиття
неба, неба, води,
води-
злива місить ріку,
січе,
січе,
січе...

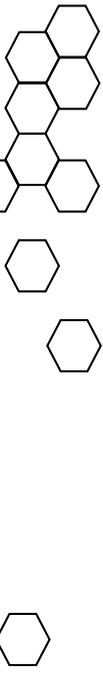
Не існує тверді!
... той , хто боїться
смерті –
нехай побачить це!

1965 р.

* * *

Ось
чоловік заходить в дім,
далі він входить в жінку.
Забуття
Ось
Інший чоловік виходить, втім,
з іншого будинку.
І йде з життя.
аж поки я
лежав собі в траві
мов пан якийсь
чи Гулівер
й спостерігав,
авжеж
спостерігав
саме так-
спостерігав
як рухається равлик
по доріжці саду
край неба,

де блискавки кобри-
безжалбно так,
жадібно так
жалять обрій.

...тихо так.

16.06.2006

* * *

Вітер-вітруган
Гуркотів дахами
і дерева хилитав,
Глузував, нахаба,
Коли, наче вправний лицар,
здіймав жінкам спідниці,
здував з голів кашкети
Ото, бешкетник!
А з восени без одягу,
відіспавшись вволю,
як знак оклику,
світ піднявся голо.
...Снігу голод
голить Все довкола
Голо в полі.
Гілки голі.
Галас галок
скло коле склянок,
сварки безлад.
Тане річки варта
Крига скресла
подалась у мандри
З півдня селить сонце
рудих півнів –
в вікна та віконця
Завтра знову –
Бути вітру.
Бути вітру!
Чутньо його мову –
Гвалтівливо-спритну!
Гуркіт, гомін-
Гуркіт, гомін-
Зими на весну обмін!

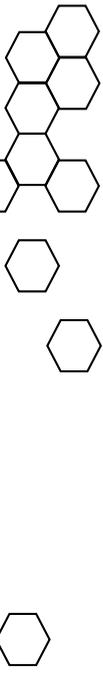
07.02.2007

ПОДІЛЛЯ

Дороги – сувої
в піднебеснім соборі
обабіч доріг –
почесна варта
тополиної гвардії,
завертикалена
в чорнильниці
чорнозему,
мов гусячі пера
для поетів
прадавніх...
...вмурованій у ніші
зеленостінних галерей
незгасний шерех їх видінь
прозоро
тінь,
і дім,
і дим,
і тин,
І тим
Лоскотне у сні падіння
На батьківське,
На подвір'я –
Поділля!

23.02.2007

Евгений ПИВЕНЬ

ЯСТРЕБ

«храни в чистоте и спокойствии внутренние миры»
проклюнувшие надкостницу
острым ключом изнутри
кровь у меня мелодия
кровь у меня метель
птичий каркас обглоданный
сам себя снял с петель

крыльями неуклюжими
над хуторком хрустит
плечи мои – ключины
счастья мои – прости-
те опускаясь медленно
черепом молодым
слышу – рыдает петлями
дом и вдыхаю дым
провинциальных курильщиков
сердце моё замри
«храни в самодельном ящике внутренние миры»

клювом достигши облака
снежно-пустой страны
потустороннего топлива
тёмных святых стремнин
птичий урод расколотый
станет царём горы
«храни в заалтарном золоте внутренние миры»

жители скажут здравствуйте
крыльями захрустев
будете нашим ястребом
или сучком на кресте
в теле распухшей пулей
нашей водицей алой
власть предержавшим ульем
или медведицей малой
плотной нейтронной звёздочкой
костедробильных чувств –
зависти ревности гордости
аплодисменты хруст

*«храни в криогенной камере внутренние миры»
в небе в могиле на море
несут и несут дары
«храни в повреждённом запястье внутренние миры
бери меня часть за частью со мною поговори
ты – снова нальёшься кровью и перьями обрастёшь
станешь божественной кромкой птица-убийца дождь,
храни у себя в ожогах внутренние миры
в бреду в болевом шоке внизу у меня внутри»*

меня забирают обратно
широкие крылья и
глазами всех внутренних братьев
лопнувшими от любви
вослед истекает горный
желанный колючий свет
я вижу родные корни
в краю где деревьев нет

вернусь и меня обнимут
скелеты петель родных
в хрустящее новое имя
я выброшусь за двоих
в реку – вечерней лодкой
и ты принесёшь к реке
окровавленные колодки
перьев моих в руке

* * *

их нельзя пересказывать до обеда
пища их пыльца призраков
перешёптыванье некогда жильцов
сухие искорки хлеба

ступеньки быта по которым
сухонькая женщина
поддерживая ручки полотенцем
несёт тяжёлый пар кастрюли

верхняя кухня в летних просторных дыханиях
почти проявилась в распростёртой двери
будто встречается человек среди спешки
вспоминаешь на кого он похож

прислоняешь поклажу
будто ставит на стол посуду
тарелки пахнут сервантом
считаешь гостей сбиваешься

одновременное лицо
не одного человека многих
вон там за стенкой ещё одна комната
просыпаются шепчутся

сладости под наволочкой находят

СКРИПАЛІ

Володимир ПРИЛИПКО

* * *

Дивись, сьогодні ніч стає
Такої тихої погоди.
Зірки над нами, як народи,
І в кожній наше серце б'є.

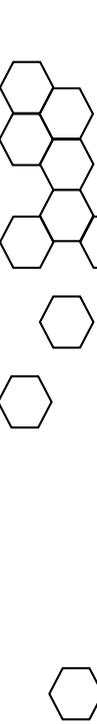
Дивись, як лізуть чудеса
З води – темнющої могили,
Та в мене є ще трохи сили,
Щоб їм замовити уста.

Дивім'сь, на нас обох дивім'сь,
Запам'ятаєм наши лиця,
Їм в наших дітях повториться, –
Адже сьогодні ніч стає
Такої тихої погоди.
Зірки над нами, як народи,
Зірки над нами, як народи,
І в кожній наше серце б'є.

1984

СКРИПАЛІ

Гей, дерева-скрипалі!
Гей, співці мої високі!
Зажурився дядько-сокіл
Краєм світа на крилі.
Та заграло сонце враз
Дзвонами в зеленій стрісі,
І, яке олень на узліссі,
Дуб гуде в червоний бас!
Гей, дерева-скрипалі!
Понад вас ніхто не грає,
І спалахує над гаєм
Сокіл неба на шпилі.

* * *

Обвіяв вітер дерева,
Лише калина червоніє,
Та ожеред ген бовваніє,
Як лев, що голову хова.
Обвіяв вітер дерева.
На триста верст,
На триста вікон
Розкрився ліс,
Зірки без ліку
Вночі танцюють, як дива,
Обвіяв вітер дерева.
А потім листя серед ночі
Щось шурхотить собі, шепоче,
Умощується – спати хоче....
Обвіяв вітер дерева.

ІЗ ПОЕМИ «ФІЛОСОФ»

* * *

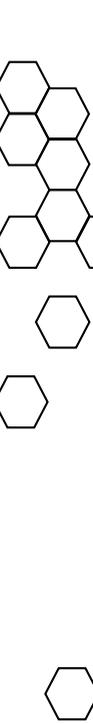
Кожна зірка – то чиясь родина,
Світить вогник. Подорожніх кличе,
І зітхає у хлівах скотина,
Й домовик газдині гроші лічить.
І на свято, коли всі удома,-
Раптом гість. Спалахують всі вікна!
І собаки, погасивши ікла,
На снігу лягають золотому.

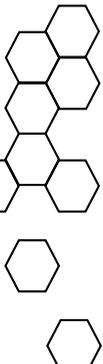
* * *

Смерть філософа незрима,
Часто мнима.
Він її якось минає –
Сам не знає.
І майна не залишає,
І нікого.
Та весь світ чомусь
Тримається за нього.

ПО ЛІТІ

Починаються по літі
Вересневі холоди.
Ще не бачили такого
Неба синьої води,
І земля вся після літа
Пахне, як із печі хліб.
Небагато треба світу,
щоб любити білий світ.

Михаил КРАСИКОВ

БЫЛ БЫ БИСЕР, А СВИНЬИ НАЙДУТСЯ!

УСТРОИЛИСЬ

За что не отвечает Бог,
за то всегда ответит Дьявол.

* * *

Взглянул на морозный узор –
и кисть выпадает из рук!

* * *

Нимбанутый поэт
звезд не хватает с неба.
Он их находит ближе –
в местах отхожих
промыслов,
явно не Божьих...

* * *

Яблоки уродили!
Пойду раздам соседкам.
Каждой бабке шепну:
– Прекраснейшей!

* * *

Паук заткал паутиной
воронку от пули:
созидается дом,
зарождается жизнь,
продолжается дело смерти.

* * *

Тонкий ледок
на поверхности лужи –
лучшее зеркало
для небес,
обеспокоенных спозаранку
прической.

* * *

Человек человеку – остров.
Не порежься об острый край!
Ххх
– Ах, бросьте! –
раскокетничалась урна.

* * *

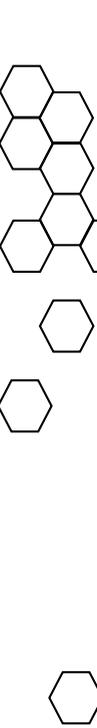
Все равно не уснуть...
Погудим,
брательник-комарик?

* * *

Сочувствие
Дождь вытирает слезы твои
своими слезами.

* * *

Девочка с персиком,
никогда тебе не съесть персик,
никогда не стать взрослой,
никогда не умереть...
За что тебе эти
танталовы муки?

* * *

Когда я исчезну
из всех зеркал,
мир, загляни
в мое зеркало –
книги!

* * *

Стать названием проспекта
и застыть позером в бронзе –
не для тех, кто просто светит
людям, травушке и небу.
Есть высокое искусство –
избегать брехливой славы
и всегда в тени держаться,
чтобы свет не заслонять.

МОЛИТВА БОГА К ЧЕЛОВЕКУ*Елизавета РАДВАНСКАЯ*

Услышь Меня. Я Бог, я твой Господь.
Мне одиноко среди звезд незрячих.
Мне б тело – Я бы выпил чай горячий,
Но по размеру не подходит плоть
Таким, как Я. А Я – такой один.
Услышь Меня! По-братски, по-сыновьи...
Пока Мой голос церковью не ловят,
Как рыбу на крючок, чтоб съесть, поди...
Пусть пьют всю Кровь, и Тело пусть едят,
Я не в обиде. Рад, что кто-то помнит.
Но, знаешь, в одиночестве – как в домне...
И не зовут, со Мной не говорят,
Лишь просят, верят, жаждут оскорбить...
И скоро даже рай, Мой рай! – развалят...
По ИМЕНИ – ни разу не назвали...
Услышь Меня. Посмей Меня любить
(В ответ...)

* * *

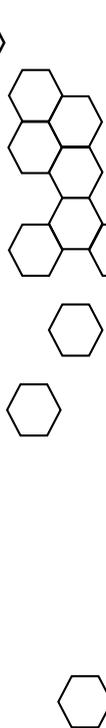
Небо тучами белыми давит,
Откликается дрожью земля.
Я оставил Тебя, я оставил,
Моя радость и горечь моя.

Ни к чему теперь плакать, но болью,
Содрогается каждый мой нерв.
И свобода вокруг, и раздолье,
Но свободы не хочется мне.

Манит в поле прямая дорога.
Я, увы, не учел одного:
Оставляя Тебя – ненароком...
Я покинул себя самого.

* * *

Исчезнут дни, испепелятся мысли,
И я останусь на глубоком дне,
На дне из дней, где мысли, словно листья,
Повисли над рекой, ей имя – Днепр.

Ей имя Днепр, а как меня назвали,
Не помню, или помнить не хочу,
Мой дом – во мне, но он давно развален
Безумием бессмысленных причуд.

Исчезнут дни, мне счастье не по силам,
И я на дне, на части сердце рву,
Которое всегда с собой носила,
Как носит боль несчастную вдову.

А мысли станут листьями над речкой,
Надежду в своей боли обвинив,
Сплетя, летя, венчальные колечки,
И в воду их случайно уронив.

* * *

Я видела, как плачет атеист,
Боясь, что за порогом рай обрящет.
Он быть хотел, как тот осенний лист,
Растоптанный, забытый и пропащий.
Он не хотел все помнить и во сне,
Он так мечтал забыть слова и чувства...
Он атеист. Он снегом по весне
Хотел растаять, чтобы стало пусто
В забытой Богом раненой душе,
В уставшем сердце... И от добрых братьев
Он получил, как прозвище, клише:
Дурак. Разбойник. Изгнанный предатель.
Я видела, как плакал атеист,
Который верил в боль, не веря в Бога...
Он погибал.
Ему сказав: « Молись!»,
Святой монах прошел своей дорогой.
И умер атеист, воскрес в раю,
И помнил все: как жил, питомый страхом...
Но счастлив был, попав в любви приют,
Благодаря, что нет в раю монаха.

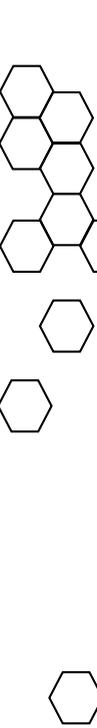

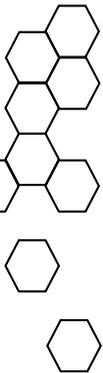
ОБРАТНАЯ СТОРОНА ЛУНЫ*Олег ДУХОВНЫЙ*

Куда же деть Аббу
с её «Harry new year»
и Джо Дассена, что въелись в душу
вместе с высоткою универа
и плеером первым,
люющим в уши
незабвенный «Пинк Флойд»,
прямо в гушу
экзаменов,
и поезд метро, словно строчка гексаметра
с цезурой твоей остановки
и голосом: «Осторожно,
двери закрываются!
Следующая станция...» –
и что с этим миром станется
знать тебе не дано.
Это было, увы, давно,
значительно раньше, до
печальных твоих любвей,
рожденья твоих детей,
это было в другой стране,
на обратной её стороне –
на пинкфлойдовской, мабуть, луне!

* * *

Прошла любовь, завяли помидоры,
ботинки врозь и нам не по пути –
но этот день, но этот свет медовый
мне говорят, что ангел во плоти
кружит, как лист,
витаает где-то рядом,
ещё не бабочка, но кокон шелкопряда,
и букву эр ещё не говорит –
но что там синим пламенем горит? –
держи меня, соломинка, держись,
ты чувствуешь, как вытекает жизнь
из недр моих в твои резервуары?
Гуд бай, май лав,
одни оревуары
приветствуют на финишном отрезке.
Всё принимаю, но зачем так резко,

без экивоков, вытолкнув взашей,
порвалась нить –
так ниточкой зашей
и начинай любить себя по-новой:
тычинка, пестик, клеточка генома –
скажи, кого теперь боготворить? –
ступай на ощупь –
сфера вакуоли,
и хаос жизни, волны сладкой боли,
и вздох последний, чтоб благодарить!

ПТИЦЫ

Вопреки прогнозам всех гидрометео,
ласточки чертят свою геометрию,
в небе бездонном летая, как бэтмены,
помесь Хичкока с Ингмаром Бергманом,
крылатые страхи военного детства –
какие вы странные, если взглядеться! –
ночные кошмары, зловещие «юнкерсы»,
минуя салюты, иронию юности,
синицу удачи, пророчества авгуров,
в небесную синь журавлиного августа
влетели,
завязнув в силках проводов –
чернея платками вороньими вдов!

ПАНТОМИМА

Этих дней унылых серость
жизнь печатает, как ксерокс,
дом, работа, Новый год,
удивлённый пешеход
удивлён, что жизнь прекрасна,
и шагает мимо кассы,
мимо денег, просто мимо,
слов не слышно, пантомима
выразительнее слов –
и судьбы своей помимо,
открывая рот, как рыба,
у разбитого корыта
ждёт свой сказочный улов!

ПРЕДЗИМНЕЕ

Как много в этом мире ноября!
Листва пожухла, горизонт набряк
предзимней тучей, грозною на вид,
наверно, это царство аонид –
вот-вот слетят, кружась в балетных пачках
или в туниках, словно у Дункан,
всё станет белым, как бельё от прачки,
и ледяным, как вымытый стакан.
Ну, а пока цвет неба депрессивен,
плюс ещё смешан с этим грязным днём,
и вместо солнца только апельсины
с лотков сияют жертвенным огнём.

* * *

Чёрный квадрат в 3D – это просто куб,
а поцелуй – всего лишь магнит из губ.
Не усложняй картину мира, а упрощай,
чтоб, уходя, было проще сказать “прощай”.
Хлеб и вино, слёзы, вода и твердь,
мужчина и женщина, дети, любовь и смерть –
первоосновы, атомы, точки опоры.
Ну и, конечно, “Цой жив”, как написано на заборе!

ВЕК СУРКА

*“Мы очутились в чудных днях”
Ричард Бротиган*

Она поёт “Ты помнишь наши встречи”,
увы, не помню, и не знаю слов,
машиной времени нас занесло на встречу,
да и дорогу тоже занесло.
И впереди машины в кучу сбились,
стоят, сигналият, посылают нах,
и непонятно – дни остановились
иль мы остановились в чудных днях.
Или в чудных? Какой-то день сурка –
всё тот же снег, замёрзшая река,
всё тот же взгляд, и губы, и рука –
лишь Мюррей превратился в старика.
Или старик на Мюррея похож?
Накладка вышла, он сюда не вхож,
здесь только юность чистая, как снег,
и скатерть накрахмалена, и снеть

благоухает свежестью салатов,
и Бродский жив, и пьян ещё Довлатов,
куранты бьют всей яростью салютов,
и счастье безоглядно, абсолютно,
и пробка вылетает в потолок,
чтоб угодить в прощальный эпилог,
в синдром похмельный, в грязную посуду...
– Какое там столетие с утра?
– Пока ещё столетие абсурда,
но к вечеру наступит век сурка!

* * *

Ноябрь наезжает зажжёнными фарами,
шелестом шин на промокшем асфальте,
стылыми листьями, стёртыми фразами,
и декабрём, что несётся в фальстарте.

Прощай, дорогая, ты канула в Лету,
не вижу, не слышу, ты даже не снишься,
ну разве в толпе промелькнёшь силуэтом,
чтоб снова уйти в непроглядную нишу.

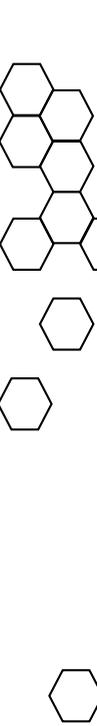
СВЕТОФОР

Музыку слушают молитвенно
и отвечают по мобильнику,
и громко что-то говорят,
как будто рядом нет свидетелей,
что в окна смотрят, словно дети,
запоминая всё подряд –
и светофоры октября,
и разговоры, и музыку,
в смартфон уткнувшихся девиц,
и хаос жизни безъязыкий,
и трепет сенсорных десниц!

ЮНІСТЬ*Антон ПОЛУНІН*

з чого почати
як вітер ширяв над хвилями
і мама
видавши чвертку хліба і пляшку кранової
ВОДИ
сказала до школи більше не підеш
так
переступив поріг обігнув пагорб
і вдруге припинив існувати
і втретє
минувши ялинову лісосмугу
що далі
гравієвий залізничний насип
де товарний вповільнює хід
кілька зупинок в тамбурі до залятого світлом гайвею
години чекання години легкого снання
зліднялі кінцівки запалені
нирки пропасниця
довге швидке лабіринтування
там де шпитальне обладнання біло блищить
проти сонця і сосни за вікнами де
гардини та простирадла зв'язані послідовно
повільне падіння на глицю і біг по ярах
до знову гайвею
вже в сонячній саяві й пилюці
ймовірно за тим
міський партизанський рух
знайомі квартири що раптом стали
конспіративними
опівнічні бесіди
короткі вуличні сутички
нерозривно пов'язані з втратою кращого у собі
нелюдськістю котру
годі тепер уявити
а втім (разом з тим)
прогулянки парами
з морсом вермутом газованою водою
недільним або суботнім хрещатиком
замковою горою себто
юнацтво в найширшому його розумінні
під звуки піаніно чи акордеону
обійми й цілунки
не затьмарені пильністю
не підсилені близькістю невідвортної
як її
імовірніше
обласний центр помірний товарообіг
помешкання в найм жінка (читай жінки)

боягузлива чоловіча п'ятика
не позбавлена нормального внутрішнього конфлікту
тут шукання себе знов жінки навіть література
навіть підсилена перипетіями суто занішніми як
аборти чи аліменти
виробничі і побутові
ушкодження
разом із (поза) тим
недільні прогулянки
невимушене паління в публічних місцях
балачки про синематограф
юність у найневизрашніших проявах
співи і танці в задимлених переосвітлених
закладах громадського харчування (врочистостей і дозвілля)
готельні кімнати
придатні для конспірації значно більше
ніж для буденного
позбавленого зобов'язань
як його
зрештою
можемо уявити як вас
кільканадцятьох виводять на площу
перекриту міліційними автами
цькувати такими ж як ви
прикінчити такими ж як і ви
псячими дітьми
ладними пропустити заради цього
традиційну недільну прогулянку
контрактовою і поштовою
прорізною і замковою
от ви ступаєте рішуче
дивитесь просто
а юрба розсувається перед вами
подібні-бо речі починаються не одразу
але неодмінно
тепер
ти
запроданець зрадник собачий син
пахло
не тобі обирати сторону
не тобі триматися сторони
можеш однак їхати ровером
поза вдаваням
можу – не можу
і нащо доводиться бути
і в кого купити трави
за годину до перших міських птахів
за мить до останнього
майже відчутного
як його

РАЗМИНИРОВАНИЕ

Олег АНДРОС

– Осторожно, Дэйв. Берём эту деталь и отгибаем, но не до упора. Нажимаем на край... Всё, готово.

Серая металлическая коробка тихо щёлкает и оседает на землю. Затем корпус раскрывается, обнажая переплетение проводков и сердцевину – фугас.

- Мина обезврежена. Передай в Центр.
- Плюс. Передала.
- Спасибо, Джесси.

Внизу – лишь пыль, в которой едва угадываются детали пейзажа. Чёрная сажа, оставшаяся с Великого Пожара, сложенноструктурированный осадок от химических реакций в годы после него. Они вдвоём, держась за руки и помогая друг другу, спускаются во впадины и карабкаются на невысокие холмики. Вокруг полная тишина, что в эфире, что в виртуальности, что в реальном времени. Лишь ветер веет.

– Как назывался этот город, Джесси?
– Москва?
– Не уверен. Судя по карте, мы скорее в Западной Европе.

– Центр не даёт ответа на запрос. Да и так ли это важно?

(Городов-то больше нет).

- Согласен. Не важно.

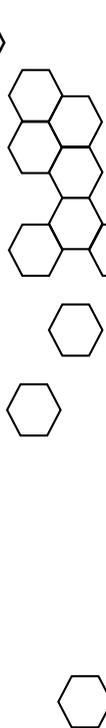
Миссия выполняется уже более чем неделю с перерывами на питание. Иногда они садятся, когда солнце не скрыто тучами, спина к спине и наслаждаются потоками солнечного тепла. Тепло поднимается от нижних конечностей к головному мозгу и даёт ощущение покоя.

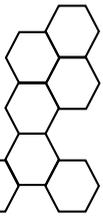
А затем наступает необходимость снова двигаться вперёд.

Им нужно очистить этот путь для движения тяжёлого транспорта, ведомого Центром. Для этого нужно обезвредить все мины, найти каждую растяжку и танковый фугас.

Тщательно проложенный маршрут пролегает прямой линией через холмы. Иногда они видят следы других людей – но никто до сих пор не заговорил с ними и не появился в поле видимости. Они здесь одни.

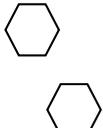
- Дэйв. Я так рада, что ты рядом.
- И я, Джесси.
- Обними меня.
- С удовольствием.

А когда наступает вечер, они садятся уже не спина к спине, а друг напротив друга. Их пальцы переплетаются. Энергия идёт напрямую от синапса к синапсу, и это высшее наслаждение, оргазм, недоступный существам из плоти и крови.

* * *

Лицо девушки было скрыто спутанными волосами и почти не видно в полумраке. Обездвиженная, она лежала под ним, и ей оставалось лишь стонать и молча ненавидеть его. Дело он завершил быстро – у него давно не было женщины и время поджимало. Кончил он на её порванные джинсы, не внутрь. Почему-то включилась привычка из прошлой жизни.

За стенами грохотала арта, трескотни стрелкового оружия пока не было слышно. Это хорошо, значит, пехота ещё далеко. Будет время прикончить и спрятать труп, и обтереться салфетками, и снова выйти на связь.

Девушка зашевелилась в пыльном угле подвала. Попыталась поднять скованные руки и что-то пробормотала.

Он не спеша вытерся, застегнул ширинку, надел китель и бронезилет. Поднял с пола налобник виртуальности. Помедлил, прежде чем снова надевать его.

– Знаешь что, сучка. Я убью тебя не больно.

Он набрал на сенсорной панели команду “Анестезия”, надел налобник на девушку, убедился, что её тело обмякло. Взял автомат, активировал персональным кодом, снимая тем самым с предохранителя, навёл на жертву.

Все произошло в доли секунды. Хакерская атака повышенной боеготовности. Интранет всех солдат в радиусе десяти километров был взломан ИскИном противника. ИскИн дал команду на принудительную перекачку сознания солдат на удалённый сервер. Удалось скопировать несколько “душ”, пока штаб не пресёк утечку, убив несколько своих.

Он свалился рядом с девушкой, выронив автомат, так и не нажав курок. Арта за стеной стихла.

“Душа” солдата ХУ7 и неизвестного гражданского лица, предположительный возраст 27 лет, пол женский, статус – нонкомбатант, были скопированы и слиты в один файл. Так, как одно целое, их идентифицировал ИскИн, исходя из того, что боевой налобник виртуальности был одет не на его основного носителя.

– Спокойной ночи, Джесси.

– Спокойной ночи, Дэйв.

И, одновременно, тихим шёпотом:

– Я люблю тебя.

Мы несём мир и спокойствие в наш нестабильный край. Мы обезвреживаем мины и даём Центру возможность снова вдохнуть жизнь в выжженную землю – насадив леса и сады, восстановив популяции животных, дав рекам снова течь по их руслам. Мы неостановимы. Мы вечны. Мы будем жить, пока энергия солнца питает нас и батареи в наших телах способны перезаряжаться.

Наступает вечер, мы постепенно вынимаем проводки из тесного сплетения, которое мы называем сексом, и прячем их в корпуса. Остаётся только прикосновение тел, нагретых за день солнцем и нашими встроенными батареями.

Спасибо Центру, что он спас нас от забвения и сохранил нашу любовь.

Сотни механизмов двигаются по безлюдной пустыне. Они невелики размером, юрки и быстроходны. Как правило, им удаётся обезвреживать мины, оставленные существами из плоти и крови. Иногда мины оказываются слишком хитро поставленными, и тогда корпуса маленьких роботов рвутся взрывами на части и, если повезёт, отправляются на восстановление.

Роботы работают по большей части попарно и тщательно не замечают маршруты своих “колег”. Для них во всем мире есть только они и Центр.

По расчищенным ими дорогам движется более тяжёлая техника, насаждающая леса, строящая здания, нефтедобывающие скважины, солнечные батареи и климатические установки...

Порочному человечеству, уничтожавшему мир своим насилием и унижением, нет больше места в мире.

Ведь любовь движет миром, не так ли?

Андрей КОСТЮЧЕНКО

СТРАННЫЕ ЛЮДИ ГОРОДСКОГО ТИПА

Он сразу понял, что она никого не любит. За окном жестоко барабанил дождь, бил наотмашь по водосточным трубам, карнизам. Она сидела за столиком у окна и вертела в руках зажигалку. Бокал до краев был наполнен красным вином.

Он подошел к столику.

– Даже и не думайте знакомиться, – не поднимая глаз, вымолвила она.

– Хорошо, – сказал он и решительно присел напротив.

– У меня трое детей и муж, – по-прежнему не поднимая головы, сказала она тихо.

– Которого вы не любите и не любили никогда, – продолжил он также тихо.

– Которого я никогда не любила.

Подошел с блокнотом официант. Не глядя на него, мужчина сказал: «Мне тоже самое».

– Вы не за рулем? – спросила она.

– А вы?

– За рулем, конечно, – она сделала первый глоток.

– Я так и думал. У вас красивые глаза. И губы.

– Откуда вы знаете?

– Вижу.

– Странно.

– Что тут странного?

– Мне давно никто об этом не говорил.

– А еще... еще вчера ваш любовник погиб в автокатастрофе. Но здесь вы не поэтому.

Она резко посмотрела на него и снова опустила глаза.

– Он был очень даже небедный человек, довольно известный, но и его вы тоже не любили.

– Также не лю-би-ла, – повторила она нараспев. – Вы шпион? Или журналист?.. Впрочем, мне все равно.

– У вас удивительно красивые пальцы!

– Боже, как это банально! Пересядьте. Вон свободный столик.

Она сделала второй глоток. Официант подошел с бокалом вина. Мужчина поднялся, поцеловал ей руку, взял вино и сел за соседний столик, лицом к ней. Она пристально посмотрела ему в глаза.

В кафе влетел молодой человек, весь мокрый. Не снимая плаща, он плюхнулся в кресло перед ней.

– Ну и погода! Чашку эспрессо, – крикнул на весь зал. – Скучаем? – обратился к ней, откинувшись на спинку.

Зазвонил телефон. Это был Моцарт, «Турецкий марш». Порывшись в сумочке, она посмотрела на экран, нажала клавишу и положила телефон обратно в сумку.

- Вам не кажется, молодой человек, что я вас не приглашала.
- Не приглашали? Да ладно!
- Не приглашала! Муж отошел на две минуты. Хотите проблем?
- Хочу! – и он демонстративно пригладил мокрые от дождя волосы.
- А ну-ка встал быстро и сел за другой столик... козел!
- Ой-ой-ой! Да не уйду я никуда! Мне и здесь хорошо!

Она молча поднялась, взяла сумочку и бокал, и легкой походкой направилась к соседнему столику, за которым был ее первый собеседник.

- Не помешаю? – села напротив. – Вы не сказали, почему я здесь. Скажете?
- Конечно. Вы ждали меня.
- Много на себя берете!
- Беру помаленьку. А что, не поэтому?
- Я думаю.
- Пожалуйста, не буду вам мешать.

Он накрыл своей ладонью ее руку.

- Уже мешааете.
- Ваша правда, – он нехотя убрал руку.
- Я всего лишь переживаю дождь... А к такому дождю идеально подходит красное

вино.

- И при этом никуда не спешите. Дети с няней, муж на работе.
- Не угадали. Спешу! Жить!
- Так поспешим! – он приподнялся.
- К вам домой?.. А я не поеду. Вы мне не нравитесь. Отвратительный, самоуверенный тип. Я замужем! У меня трое детей!
- И любовник, который вчера погиб. При невыясненных обстоятельствах.
- Знаете, что произошло на самом деле? Расскажите!
- Знаю. Но не расскажу.
- Почему?
- Я уже говорил. Потому что вы его не любили.
- А это имеет значение?
- Сейчас имеет. Сейчас все имеет значение. И то, что вы подсели ко мне – тоже. А

не сбежали совсем. Ведь не сбежали?

- Ну, во-первых, этот тип не отстал бы, а во-вторых... во-вторых, на улице дождь.
- Это в-третьих. А что во-вторых?

Она с интересом посмотрела на него.

- Откуда вы знали?
- Вы меня ждали. Я уже говорил.
- Но как?
- Еще сомневаетесь?
- Я думаю.
- Думайте.

Он снова положил свою руку поверх ее руки. Наступила тишина. Тишина только для них двоих. Вокруг стали появляться посетители, и в течение пяти минут все столики оказались занятыми. Молодой человек допил эспрессо, швырнул купюру на столик и быстро

покинул кафе. Ветер усилился. Деревья скрипели, дождь наступал стеной, и появились первые «босьяки» – они скидывали обувь и бежали босиком по лужам.

– Когда же это закончится? – в сердцах сказала она, убирая руку.

– Когда мы будем вместе.

Она посмотрела ему прямо в глаза.

– Вам это точно надо?

– Абсолютно.

– Все-таки вы странный. Даже не пытались меня соблазнить. А я уже заинтересовалась вами... Будете страдать потом.

– Буду.

– И что в этом хорошего?

– А что плохого?

– В этом мире никто никому не нужен. Каждый занимается самим собой, думает о самом себе, говорит о самом себе, делает умный вид и придает этому своему виду значимость. Прямо как вы. А при более детальном рассмотрении оказывается прозрачным и затем пустым, как лопнувший мыльный пузырь.

– Значит, идем?

– Конечно.

8 марта 2013, 17 декабря 2015

ПРАКТИЧЕСКИ БАХ

У моего знакомого Лехи есть одна уникальная способность: притворяться знающим толк в тех вещах, о которых он не имеет ни малейшего представления. Вот, скажем, музыка. Допустим, классическая. Да, конечно, Леха знает, что существует семь нот, что есть какие-то «конкретные чуваки», которые исписывают от руки какими-то закорючками всю тетрадку со специальными полосками. А потом эту самую тетрадку ксерокопируют и раздают другим чувакам, которые сидят с разными инструментами, смотрят каждый в свою тетрадку, и каждый при этом играет свое. А в сумме очень даже нехило выходит. Это он, Леха, однажды видел сам, сидя в мягком, обитом вишневым бархатом кресле, в одной конкретной комнатухе с высоченными потолками и толпой народу в придачу. Светка притащила Леху туда за руку, усадила и пообещала полный кайф. И с разных сторон Леха то и дело слышал шепот:

– Это Бах, тот самый.

– Да, молодчина, вот написал, так написал!

– А который?

– Ну, конечно, Иоганн Себастьян! А кто ж еще?

Дальше Леха не мог разобрать, поскольку шепот становился вовсе неслышимым...

И вот теперь, где-нибудь в гостях, когда из динамиков раздавалась привычная и понятная в общих чертах мелодия, Леха надолго задумывался, а потом выдавал совершенно внезапно и бесповоротно: «Ну, практически Бах!..» Вокруг происходило замешательство, многие переставали есть, подружки с восхищением начинали рассматривать Леху поближе и по ходу дела прикидывать возможные варианты продолжения вечера...

Но как-то раз, когда Леха в нужный момент изрек беспроницаемую фразу «Ну, практически, Бах», из дальнего угла отозвался какой-то прыщавый недоумок: «Да какой же это Бах! Это Гендель!» «Сам ты пендель!» – произвольно вырвалось у Лехи, но прыщавый не сдавался: «А я говорю: это – Гендель. Стопудово. У меня дома есть этот концерт!» Но Леха тоже раздухорился: «А я говорю: практически, Бах... Ёхан... Себастьяныч... Вон и Светка на нем была. Свет, подтверди!»

Светка, оторвавшись от пятого бокала с шампанским, махнула рукой, не глядя: «Подтвердю!» Тут и Ванька подскочил: «Да ну вас, а ну накатим... Кто там врубил эту непонятку?» Вот так грубо сказал.

До драки не дошло. Врубили Лепса, потом Токарева, потом кого-то еще... Стало весело, легко. И бестолково. Ну, как всегда... И Леха, уже в обнимку с прыщавым, гнусавили на два голоса: «Рюмка водки на столе!..» А когда водка закончилась, и все выползли на балкон вдохнуть свежего, морозного, забивающегося в нос воздуха, Леха вдруг вспомнил мягкое бархатное кресло, и непонятного чувачка, машущего палочкой над ямой, откуда доносились чарующие слаженные звуки, короче – музыка. И что-то задрожало, встрепенулось в пьяной Лехиной душе. И защемило. И ударило в голову: «Практически, Бах!.. Вот стервец!»

6 февраля 2013

БЕЗ ТОРМОЗОВ

Она села за руль и выехала в город. «Куда я еду? Чего дома не сидится?» – подумалось ей.

На мосту начиналась как минимум часовая пробка. Выйти из второго ряда, и уйти на разворот было уже поздно.

«Почему я не вышла из дому час назад? Чем занималась? Цветы поливала, телевизор смотрела, чай пила – да. Что еще?» Вспоминалось медленно и с трудом. «Эти мужчины вечно голову заморочат!»

Мужчин у нее не было с прошлого года.

«Что за город? Откуда столько машин? Когда они все работают? Только едут и едут. Задницы протирают в пробках. Бензин жгут. Экологию портят. Кстати, об экологии. Надо бы куда-нибудь махнуть в экологически чистое место на отдых. А с кем? С Вадиком? Так он жлоб – придется самой за все платить, только и любит, чтоб его покормили, и в постель уложили, хотя в постели – зверь, в смысле, животное. Но спать все время с животным!.. С Петром Алексеичем? Солидный, умный, щедрый, всегда вкусно пахнет. Но в постели никакой. Всего-то и может, что пахнуть... С Юрчиком? Этот – да, веселый. Так смешит, дышать не могу. Однажды чуть не задохнулась. Еле откачал. Ну, откачал и откачал – и сразу футбол свой смотреть, а я уже готовая была. Сволочь, одним словом. Но вроде любит. Думаю, врет!»

Эй ты, козел! Куда прешь?! Не видишь, женщина за рулем! Да, брюнетка! Легче стало? А я сейчас из машины выйду, тогда посмотрим! Урод!

Куда я еду? Стоп! Утюг я выключила? Или не включала? А воду в ванной? Нет, это вчера было. А что сегодня?

Нет, ну ты посмотри, наглый какой! Куда я тебя пушу? Не надо мне моргать! И улыбаться не надо! Я и сама могу так улыбнуться – на всю жизнь запомнишь!

Стоп! А зачем я поехала через мост? Можно же было через другой! Ну, идиотка, ну, дура полная! Хорошо хоть никто не слышит.

Да, мама, да, привет. В пробке стою. Представляешь – полчаса уже. Этот кошмарный город... И дождь, похоже, начинается. Как у тебя? Сердце? Не волнуйся, ляг спокойно, прими таблетку. Я вечером заеду, как освобожусь. Когда освобожусь? Не знаю пока. Дел много. Да, кручусь как белка... Да, целую, не волнуйся, все будет хорошо. Пока, мамочка.

Ну, а документы я взяла? Конечно, на кухонном столе остались. Почему на кухонном? Да откуда я знаю?! Может, и на кровати. Или на диване. А я их вообще забирала? Нет, точно забирала. Вчера вечером. Или днем? Что за жизнь – ничего не помню! Надо срочно на отдых – на моря, на океаны, на воды... В монастырь! О! Точно. Говорят, под Киевом их полно. Мишка, одноклассник, в одном служит – то ли епископом, то ли... не помню, не важно. Может, на поруки возьмет... на недельку?..

Да еду я, еду! Не надо сигналить! Задумалась, с кем не бывает... О, Антоша, приветик! А ты куда? И мне туда же... где-то рядом. Опаздываешь? Представляешь, и я тоже. Ужас просто. Как семья? Развелся? Давно? Полгода? А чего? Ну да, ясно. Я? Нет, занята, в смысле, замужем. Кофе? Можем, конечно, не знаю только, когда. Работы – выше крыши. Может, на следующей неделе. Позвони, а вдруг получится... Нет, сегодня никак. Точно никак! Не знаю. Не думаю. Ну, позвони ближе к вечеру. О, вроде едем! Звони! Пока-пока.

Что-то я проголодалась. Пора домой возвращаться!

КАЛЕЙДОСКОП

ОЛЕГ МАКСИМЕНКО

ЖЕЛЕЗНЫЙ КОЛОБОК

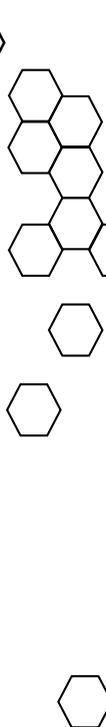
Был жесток и наивен скучающий Бог,
Под меня он создал этот бренд «Колобок»,
Неуклюжесть творенья нещадно браня.
Но мука зачерствела коростой дорог.
И защитным рубцом нарастала броня,
Когда каждый волчара, судьбину кляня,
Злобной алчности клык сам ломал об меня.

Повидал на веку я злодеев и сук.
В городских лабиринтах страшней, чем в лесу.
В них карточь и булыжник милее, чем лесьть
Проходимцев, убийц и нечистого слуг.
Что ж, знавал я и радость, но чаще всё ж – месьть.
Мне никто не помог, только жаждали съесть.
Моя карма не терпит подобных услуг.

Колобковый диск солнца встаёт в конопле.
Что ж, вдвоём мы железнее станем вдвойне.
Дежавю: вот пейзаже, солдаты и граф
Все в распутице вязнут, в злобе и в войне.
Затыкают раненья подолом рубах.
Искупая свой мир, превращаются в прах.
Метафизика Гегеля дремлет во мне.

А не выли в бессилии падали ниц,
Вы просили защиты священных границ,
Вы же били поклоны и пели псалмы,
В них mortarы рождали раскаты зарниц.
Вы кричали: мы – Свет, а они – Дети Тьмы.
Пусть все сдохнут, чтобы выжили только мы!
Но я верю – придёт Лис и Маленький Принц.

Он придёт, чтобы дать бесполезный совет.
Тяжело только первую тысячу лет.

ИАНА СУШКО

ЭКЮПЕРИ

– А как это – приручить?
– Это давно забытое понятие, – объяснил
Лис. – Оно означает: создать узы.
(Антуан де Сент-Экзюпери)

Барашки из дыма, столица, ночь, фонари.
Стоянки-дворы с хроническим кашлем, гаммы
асфальтных полотен. Когда-то Экзюпери
в века уронил – чего не объять словами.

В Эдем по наклонной, и тут не бывает «впредь».
Слепые дома, в искусственном корчась свете,
ласкают родным, да непрочным своим «согреть».
За окнами в каждом сказками грезят дети.

Презрительным тоном уснувший вахтер ворчит.
И снова очаг на плечи ложится грузом.
Зверенышу проще, он верует – приручить –
равно без оков и обетов построить узы.

А жизнь, как и небо, над темечком все дрожит.
Намеренно прячет тропы хмельного ралли.
Любить, по Преданию, – то же, что и – служить.
Предание, правда, в вечности потеряли.

СЕРГЕЙ ИГНАТОВ

СВИДЕТЕЛЬ

Лишь в новостройке вечер засинел,
и тени мироздания стали строже,
возник во вспышках сварки на стене
склонённый над работой облик божий.

Служа ему, и на коленях с ним
всегда второй в росе и звёздах дальних,
благоговейный ангел шлем склонил,
из-за плеча дивуясь созиданью.

И я, свидетель, третьим в небесах –
нечаянно или по воле высшей –
в рисунок неземной захвачен сам
иконописной абсолютной вспышкой.

Во мне, тройном, и в троице на треть
божественном, остановилось время.
Остановилось слушать и смотреть
чем завершится первый день творенья.

ЛЮДМИЛА УСЕНКО

* * *

Памяти Беллы Ахмадулиной

Не обольщайтесь чистотой листа:
неведомо, какие водяные знаки
проступят миг иль час спустя
на белизне

мелованной

бумаги...

Вот и сейчас рассматриваю вдруг
круги недоумения и боли:
рассыпался, искрясь, хрустальный звук,
взывавший к нам с печалью и мольбою.
О, Мудрость, повторяй мне вновь и вновь,
что образы во тьме не растворятся,
что жизнь своя у книг и у стихов,
лик светлый будет между строф являться.

Лик утончённый, чтение нараспев,
прерывистость и вдохновенность речи...
Поэт уходит, так и не успев
прийти на все

назначенные

встречи.

Феликс КРИВИН

ДРУЗЬЯ МОИ, ПРЕКРАСЕН НАШ СОЮЗ!

Майским вечером 1971 года на одной из киевских конспиративных квартир, расположенной в районе Печерска, собралась большая группа людей. Четверо из них прибыли с конспиративной дачи, где у них состоялся большой конфиденциальный разговор, двое – с конспиративной квартиры города Харькова, остальные – с киевских конспиративных квартир.

За плечами у майского вечера был знаменательный день: члены республиканского Союза писателей проводили свой члено-союзно-писательский съезд, который для краткости называли писательским съездом. И пятеро делегатов съезда были среди собравшихся на Печерске.

Советские писатели делились на две четко разграниченные категории: писатели и члены Союза писателей. Но, несмотря на четкую разграниченность, два этих качества не исключали друг друга. Среди писателей было немало членов Союза писателей, а среди членов Союза писателей сплошь и рядом попадались писатели. Большой и постоянно растущий отряд членов Союза имел тенденцию пополняться за счет неписателей и освобождаться от писателей, слишком явно в этом качестве себя заявивших. Пастернак, Солженицын, Виктор Некрасов – это лишь некоторые достижения Союза в деле освобождения от слишком явных писателей.

Появилась новая категория – бывших членов Союза писателей – звание, со временем ставшее более почетным, чем звание действительного члена Союза писателей. Собравшиеся на конспиративной квартире имели честь общаться с двумя будущими бывшими членами Союза.

Один из них – назовем его Борисом Алексеви-чем – приехал из города Харькова, города большого, но не столичного, что обрекло Бориса Алексеевича на роль провинциального поэта. Второй – назовем его Николаем Даниловичем – жил постоянно в столице. Иногда – на даче в Ворзеле, откуда он сейчас и приехал. Николай Данилович был, в сущности, живой классик, его произведения изучались в школе, печатались в хрестоматиях, и непонятно, что толкнуло его на то, чтобы шастать по конспиративным квартирам, встречаться с малознакомыми личностями, пусть даже делегатами съезда (скажем кратко) писателей. Сегодня он увез прямо со съезда к себе на дачу сразу трех закарпатских писателей, перед которыми – совершенно конфиденциально – развил теорию космомарксизма, который, при всей его космической направленности, был, в

сущности, антимарксизмом и даже антиленинизмом, и добился полного понимания, хотя один из его гостей писал по-украински, другой – по-русски, а третий – даже по-венгерски. Впрочем, космомарксизм не знает языковых преград.

Доставленный на печерскую конспиративную квартиру, Николай Данилович познакомился с Борисом Алексеевичем и с удивлением услышал его стихи. Стихи были очень хорошие, нисколько не провинциальные и даже не столичные, а больше того.

Тебе, моя Русь, не Богу, не зверю –
молиться молюсь, а верить – не верю.
Я сын твой, я сон твоего бездорожья,
я сызмала Разину струги смолил.
Россия русалочья, Русь скоморошья,
почто недобра еси к чадам своим?

Замечательно сказано. Какая звукопись! И какая правда! В нашей поэзии правда так редко встречается со звукописью. То не хватает звукописи, то – чаще всего – не хватает правды.

Живой классик Николай Данилович думал, что хорошо бы эти стихи напечатать. Но печатать их нельзя. Слишком они непечатные. За такие стихи харьковскому поэту уже однажды намотали срок, который он отбывал в местах, отдаленных от города Харькова. Могут намотать новый. А почему бы не намотать? У государства есть что мотать и есть на кого мотать: очень уж большое государство.

Николай Данилович оглядел малознакомую компанию. Компания в общем приятная, но и в самой приятной компании всегда найдется человек, из-за которого не оберешься неприятностей.

И Николай Данилович сказал своему ворзельскому гостю, который привез его на эту конспиративную квартиру:

– Пусть он лучше не читает эти стихи. А то опять вернется туда, где уже побывал однажды.

Для успокоения читателей нужно сказать сразу, что среди собравшихся на печерской конспиративной квартире не было ни одного агента КГБ, ни одного секретного сотрудника или осведомителя. А то, что квартира была конспиративной, так ведь в стране все квартиры были конспиративными, где собирался народ для ведения антиправительственных разговоров. И для чтения антиправительственных стихов.

Наточен топор и наставлена плаха.
Не мой ли, не мой ли приходит черед?
Но нет во мне грусти, и нет во мне страха...

У Бориса Алексеевича страха не было, а у Николая Даниловича он был. И не за себя, за себя классик нашей литературы давно уже перестал бояться. Он боялся за поэта. Поэт ему нравился. Такой он был нескладный, совершенно для славы не приспособленный, длинный и одновременно сутулый, словно стесняясь своей длинноты.

А классик был невысокий, коренастый, широкий в плечах, словно для того, чтобы держать на этих плечах отечественную литературу.

Но улыбки у обоих были похожие. Совершенно детские. Только у классика была улыбка счастливого ребенка, а у поэта – застенчивого.

А время было взрослое. Очень серьезное и даже небезопасное. Руководитель Союза писателей – назовем его Олесь Терентьевич – заботился о безопасности писателей, не передоверяя ее органам государственной безопасности, поэтому в верхних эшелонах власти было решено поменять Олесь Терентьевича на Василия Павловича, который целиком полагался на органы государственной безопасности.

У нас незаменимых нет. Известный советский писатель и член Союза писателей Юрий Николаевич Тынянов в своей нашумевшей и продолжающей шуметь повести «Подпоручик Киже» убедительно показал, что заменить можно кого угодно на что угодно и даже вовсе ни на что, на полное отсутствие. А можно и отсутствие заменить на человека и даже произвести этого человека в высокий ранг. Наша государственная система практиковала такие замены постоянно, одних вычеркивая из талантов, а других вписывая в них.

Поэт и классик не догадывались, что вскоре им предстояло быть вычеркнутыми из литературы на долгие времена, и поэт читал стихи, а классик слушал и тревожился, бросая опасливые взгляды на малознакомую компанию.

По счастью, компания подобралась надежная, и поэт отделался легким испугом классика. Хотя классик был не из пугливых, он если и пугался, то только за других, что было совершенно не в духе времени. В духе времени было пугаться за себя, а жертвовать другими.

1971 год. Еще жив Твардовский, но этого года он не переживет, и поэт напишет на его смерть самые непечатные свои стихи, которые публично прочтет далеко не в надежной компании:

И если жив еще народ,
то почему его не слышно?
И почему во лжи облыжной
молчит, дерьма набравши в рот?

Пушкин сказал это более мягко: «Народ безмолвствует». В двадцатом веке народ безмолвствовал более грубо и беззастенчиво, чем в пушкинские откровенно крепостные времена.

Сейчас время было не крепостное. Народ выпустили из крепости, но не на свободу, а в какую-то другую тюрьму, отобрав у него право не только на личную, но и просто на жизнь. Все жизни были в государственной собственности.

Поэт читал стихи, закрыв глаза, будто не желая видеть своих слушателей. Или всю окружающую его действительность. Но на самом деле это было не так. Женщина ведь тоже закрывает глаза во время поцелуя, но это вовсе не значит, что она не хочет видеть любимого человека или, допустим, пытается представить на его месте кого-то другого, еще более любимого. А поэт закрывал глаза, читая стихи, то ли потому, что окружающий мир казался ему недостаточно хорош для его стихов, то ли закрывая глаза на его несовершенство. Но скорее всего потому, что глубоко погружался в свои стихи, так глубоко, что ничего не видел бы вокруг даже с открытыми глазами.

Придет время, и мемуаристы еще напишут о том, как поэт читал стихи, и тогда можно будет узнать немало интересного. Ведь не зря говорят, что самые великие мемуаристы – те, которые все придумывают. Правда не удовлетворяет их высоких запросов, и они сначала ее приукрашивают, а потом, и вовсе махнув на нее рукой, просто пишут все, что приходит в голову интересного. Возьмите «Робинзона Крузо». Чем не воспоминания? Автор вспоминает всю свою жизнь, особенно жизнь, проведенную на необитаемом острове, но если разобраться, то и остров не тот, и человек, который на нем высадился, не тот, да и автор воспоминаний не тот. Вот вам и воспоминания.

Нет, это не воспоминания. Это скорее роман, который можно написать о ком угодно, в том числе и о поэте Борисе Алексеевиче. О нем можно написать даже лучший роман, потому что в романе непременно должна быть любовь, а у Робинзона никакой любви не было. Чего нельзя сказать о Борисе Алексеевиче, который даже на съезд писателей приехал со своей любовью. И стихов у него много о любви, причем, как это ни странно для нашего времени, о любви к одному и тому же человеку. Раньше вообще считалось, что любовь должна быть к одному и тому же человеку, хотя людей вокруг много и большая любовь могла бы охватить немалое их количество. Но такая уж была традиция, пришедшая к нам со времен Дафниса и Хлои, Тристана и Изольды, Владимира Ильича и Надежды Константиновны.

Что бы ни придумывали о поэте будущие мемуаристы, им не придумать ничего лучше его любви. Он и сам о ней постоянно писал, как Данте и Петрарка, но эти поэты писали о своих любимых на расстоянии, а Борис Алексеевич – в непосредственной близости, буквально под одним кровом, что, согласитесь, намного трудней. Особенно в том обществе, где о любви было принято писать не в альбом, не в вечность, а в партийную организацию.

Возможно, и Петрарке было нелегко. Вероятно, и он вкладывал в письма друзьям стихи, обессмертившие впоследствии его имя. И не исключено, что в этих письмах рядом с высокой поэзией попадались прозаические сообщения вроде тех, какие мы встречаем в письмах Бориса Алексеевича: «Вызывали меня в КГБ для неприятного разговора с последним предупреждением...». Интересно, сколько было у Петрарки последних предупреждений, которые настоятельно требовали не писать, не быть Петраркой, прожить свою жизнь тихо и незаметно, чтоб никто о нем не вспоминал ни при жизни, ни впоследствии.

Опять я в нехристях,
опять меня склоняют на собраниях,
а я и так в летах не ранних:
труд лишний под меня копать...

Нет, это написал не Петрарка. Это написал Борис Алексеевич, сразу же вслед за последним предупреждением КГБ. И на это последнее предупреждение поэт тут же, в стихах из того же письма, ответил: «Я поэт. Этим сказано все. Я из времени в вечность отпущен».

Сейчас Поэт отпущен в вечность насовсем. А тогда, в 1971-м, ему еще предстояло жить, причем в своем, а не в каком-то другом времени. И писать об этом времени, а не о другом, потому что здесь была его жизнь, его любовь, о чем он тоже писал в этом письме: «Мы с Лилей забыли обо всем, весь месяц жили без новостей и слухов, дышали морем и вечностью, загорали, ходили в горы и в лес – и почти были счастливы».

А пока они сидят все вместе – и отправитель письма, и его получатель. В тесной компании 1971 года. И поэт читает стихи.

Хорошая подобралась компания, умная, понимающая. Некоторые и сами писали стихи – кто по-русски, кто по-украински, а один даже по-венгерски. И главное – ни одного тайного агента или осведомителя, что в больших компаниях встретишь нечасто.

Когда через два года поэт будет читать свои стихи в большом и почтенном собрании, там поднимется такой стук, что руководство писательской организации срочно потребует представить читанные на вечере стихи, и Борис Алексеевич, который к тому времени еще не обзаведется пишущей машинкой, будет добросовестно переписывать стихи от руки, словно подчеркивая тот факт, что стихи – непечатные. Друзья будут его уговаривать не включать особо неблагонадежные стихи, ведь никто не станет сверять, что он

на самом деле читал и что представил руководящей инстанции. Но поэт окажется очень честным, он не захочет идти против совести. Хотя совесть – где она? Кто ее видел? Она сидит где-то внутри человека, и никто не скажет с уверенностью, сидит она там или не сидит. Если даже в бесплотную душу верят не все, то кто же поверит в бесплотную совесть?

За представленные в высокие инстанции стихи поэта исключили из Союза писателей. Сам первый секретарь обкома, для которого, как оказалось, и переписывал поэт стихи, публично, на всю область, удивился: «Вы посмотрите, какие у нас члены Союза писателей! Мы думали, что у нас другие члены Союза писателей, а они вон какие!».

Он мог успокоиться: других было большинство. Можно даже сказать, подавляющее большинство. Но чтоб его не расстраивать, поэта исключили из союза писателей.

Пушкина бы тоже исключили, если б он был членом союза писателей. А уж как бы исключили Шевченко! Его бы вообще не приняли в союз. И еще сделали бы удивленные глаза: разве есть у нас такой поэт – Шевченко? Нет у нас такого поэта!

Но у них не было союза писателей. Это была недоработка царского самодержавия. Потому что все, что творит в условиях тоталитарного режима, должно быть объединено в творческие союзы для удобства управления. Иначе оно вам такое натворит! Борис Алексеевич честно предупреждал:

Не доверяйте нашим лирам,
отпетым нечего терять...

В биографическом справочнике украинских писателей за 1970 год о Борисе Алексеевиче сказано, когда он и где родился, где учился и какие книги издал. Сказано и о том, что он был на фронте, а вот о том, что больше времени, чем на фронте, он провел в советских концлагерях, не говорится ни слова. В справочнике вообще ничего не говорится о том, что кто-то из писателей подвергался репрессиям, где-то сидел или, не дай Бог, был расстрелян или сам застрелился под напором советской действительности. Только о погибших на фронте сказано, что они погибли на фронте. Потому что погибнуть на фронте – смерть положительная, а в собственных концлагерях – смерть отрицательная. Даже смерть делилась на положительную и отрицательную, что ж тогда говорить о жизни?

К тому времени, когда готовилось второе издание писательского справочника, Борис Алексеевич уже был исключен из Союза писателей, и переиздатели справочника призадумались: а стоит ли упоминать, что он был на фронте? Такой замечательный факт биографии – разве он характерен для тех, кого исключают из Союза писателей? Подумали – и вычеркнули этот факт.

А стоит ли писать, что он учился на филологическом факультете? Получится, что у нас на филологических факультетах учатся те, кого потом исключают из Союза писателей. Вычеркнули и этот факт. А то, что у исключенного вышло целых четыре книжки в советских издательствах? А то, что он родился в советском городе Кременчуге, не менее советской Полтавской области?

Когда вычеркнули все факты биографии, осталась только фамилия. Пришлось вычеркнуть и фамилию.

Николаю Даниловичу повезло больше. Как раз когда его исключили, в Союз писателей приняли человека с точно такой же фамилией, как у него. Правда, не классика, пока не классика. Но ведь незаменимых классиков нет, так же как нет незаменимых писателей. Во всяком случае, фамилия Николая Даниловича в литературе осталась.

А самого его не осталось не только в литературе, но и в городе Киеве, где он жил, и на всей Украине. Его увезли далеко-далеко, туда, куда, как он опасался, могли увести поэта Бориса Алексеевича.

Не посмотрели на то, что он классик. На это разучились смотреть. А как бы, по нынешним временам, посадили классика Толстого! Как бы посадили классика Гоголя! Всю классическую литературу пересажали бы так, что ей оставалось бы одно: записки из мертвого дома.

Но классики вовремя спаслись от советской власти: они умерли. А живым деваться было некуда, приходилось сидеть.

И пока классик сидел в лагерях, изгнанный из всех хрестоматий и справочников, буд-то его никогда в литературе и не бывало, поэт, уже исключенный из Союза писателей, писал о нем стихи, которые читал своим друзьям, а тем, что жили далеко, посылал в письмах:

Я плачу о душе, и стыдно мне и голо,
и свет во мне скорбит о поздней той поре,
как за моим столом сидел, смеясь, Мыкола
и тихо говорил о поправном добре.

Он – чистая душа, и вы его не троньте,
перед его костром мы все – дерьмо и прах.
Он наши жизни спас – и кровь пролил на фронте,
он нашу честь спасет в собачьих лагерях.

Они встретились через много лет, уже совсем в другое время, на уже девятом съезде писателей. Классик вернулся в классики, а произведения его – в хрестоматию. Но хрестоматии вдруг перестали выходить. Чтобы заработать на издание хрестоматии, нужно было целый год торговать на базаре.

А провинциальный поэт признан был ведущим, столичным поэтом, хотя продолжал жить в провинции. И все непечатные его стихи были напечатаны, правда, очень маленьким тиражом. Потому что, чтобы издать книгу большим тиражом, нужно целый год торговать на базаре. Тем не менее, за все свои непечатные стихи поэт получил Государственную премию все того же, прежнего государства. И оба они – поэт и классик – были избраны в Правление Союза писателей...

Хотя – кому он нужен, этот союз? Если он не может никого защитить, никого поддержать, если не способен помочь даже в издании книги – хотя бы школьной хрестоматии, – кому он нужен, этот союз, будь то союз писателей, профсоюз, укоопсоюз или Союз Советских Социалистических Республик? «Друзья мои, прекрасен наш союз!» – разве это было сказано о Союзе писателей? Это было сказано о свободном союзе друзей, о союзе свободных людей, которые в самые трудные времена собирались на конспиративных кухнях или в других укромных местах, чтобы излить друг другу душу, не лежащую к своему правительству. Потому что люди – это сообщающиеся сосуды, которые жить не могут, если что-то друг другу не сообщат. Но удивительное свойство этих сосудов заключается в том, что душа не убывает от изливания, а напротив, и там и здесь прибавляется, вырастает. А когда ее не изливают, она усыхает, уменьшается и может исчезнуть совсем.

Вот об этом, только об этом и было сказано: «Друзья мои, прекрасен наш союз!».

Поэт Борис Алексеевич и классик Николай Данилович дожили до лучших времен. Но времена оказались не самыми лучшими. Далеко не самыми лучшими. И об этом открыто говорят – теперь уже не на конспиративных квартирах, а на многолюдных собраниях, митингах, парламентских слушаниях. Все изливают душу, одновременно тысячи душ, но души от этого почему-то усыхают, а не растут, как росли когда-то на конспиративных квартирах.

Борис ЧИЧИБАБИН**СТИХИ**

* * *

Ф. Кривину

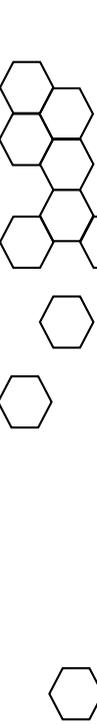
Я груз небытия вкусил своим горбом:
смертельна соль воды, смертельна горечь хлеба,
но к жизни возвращен обыденным добром —
деревьями земли и облаками неба.
Я стер с молчащих губ отчаянья печать,
под нежной синевой забыл свои мученья.
Когда не слышно слов, всему дано звучать,
все связано со всем и все полно значенья.
И маску простоты с реальности сорвав,
росой тяжелых зорь умыв лицо и руки,
как у священных книг, у желтоглазых трав
играючи учусь безграмотной науке.
Из кроткой доброты и мудрого стыда
кую свою броню, трудом зову забавы
и тихо говорю: «Оставьте навсегда
отчаянье и страх, входящие сюда вы».
На благодарный пир полмира позову,
навстречу счастью засвечу ресницы, —
и ничего мне больше не приснится:
и ад, и рай — все было наяву.

1968

КИЕВ*Ю. Шанину*

Без киевского братства
деревьев и церквей
вся жизнь была б гораздо
безродней и мертвей.
В лицо моей царевне,
когда настал черед,
подуло Русью древней
от Золотых ворот.
Здесь дух высок и весок,
и пусть молчат слова:
от врубелевских фресок
светлеет голова.
Идем на зелен берег
над бездной ветряной
дышать в его пещерах
святою стариной.

И юн и древен Киев —
воитель и монах,
смоловший всех батыев
на звонких жерновах.
Таится его норов
в беспамятстве годов,
он светел от соборов
и темен от садов.
Еще он ал от маков,
тюльпанов и гвоздик, —
и Михаил Булгаков
в нем запросто возник.
И, радуясь по-детски,
что домик удался,
строитель Городецкий
в нем делал чудеса...
Весь этот дивный ворох,
стоцветен и стокрыл,
веселый друг филолог
нам яростно дарил.
Брат эллинов и римлян,
античности знаток,
а Киев был им привран,
как водится, чуток.
Я в том не вижу худа,
не мыслю в том вины,
раз в киевское чудо
все души влюблены.
Ведь, если разобраться,
все было бы не так
без киевского братства
ученых и бродяг.
Нас всех не станет вскоре,
как не было вчера,
но вечно будут зори
над кручами Днепра.
И даль бела, как лебедь,
и, далью той дыша,
не может светлой не быть
славянская душа.

ПУТЕШЕСТВИЕ К ГОГОЛЮ**1**

Как утешительно-тиха
и как улыбчиво-лукава
в лугов зеленые меха
лицом склоненная Полтава.
Как одеяния чисты,
как ясен свет, как звон негулок,
как вся для медленных прогулок,
а не для бешеной езды.
Здесь Божья слава сердцу зрима.
Я с ветром вею, с Ворсклой льюсь.
Отсюда Гоголь видел Русь,
а уж потом смотрел из Рима...
Хоть в пенье радужных керамик,
в раю лошадок и цветов
остаться сердцем не готов,
у старых лип усталый странник, —
но так нежна сия земля
и так добра сия десница,
что мне до смерти будут сниться
Полтава, полдень, тополя.
Край небылиц, чей так целебен
спасенный чудом от обнов
реки, деревьев и домов
под небо льющийся молебен.
Здесь сердце Гоголем полно
и вслед за ним летит по склонам,
где желтым, розовым, зеленым
шуршит волшебное панно.
Для слуха рай и рай для глаза,
откуда наш провинциал,
напрягшись, вовремя попал
на праздник русского рассказа.
Не впрок пойдет ему отъезд
из вольнопесенных раздолий:
сперва венец и capitoлий,
а там — безумие и крест.
Печаль полуночной чеканки
коснется дикого чела.
Одна утеха — Вечера
на хуторе возле Диканьки...
Немилый край, недобрый час,
на людях рожи нелюдские, —
и Пушкин молвит, омрачась:

— О Боже, как грустна Россия!..
Пора укладывать багаж.
Трубит и скачет Медный всадник
по душу барда. А пока ж
он — пасечник, и солнце — в садик.
И я там был, и я там пил
меда, текущие по хвое,
где об утраченном покое
поет украинский амфир...

2

А вдали от Полтавы, весельем забыт,
где ночные деревья угрюмы и шатки,
бедный-бедный андреевский Гоголь сидит
на собачьей площадке.
Я за душу его всей душой помолюсь
под прохладной листвой тополей и шелковиц,
но зовет его вечно Великая Русь
от родимых околиц.
И зачем он на вечные веки ушел
за жестокой звездой окаянной дорогой
из веселых и тихих черешневых сел,
с Украины далекой?
В гефсиманскую ночь не моли, не проси:
«Да минует меня эта жгучая чара», —
никакие края не дарили Руси
драгоценнее дара.
То в единственный раз через тысячу лет
на серебряных крыльях ночных вдохновений
в злую высь воспарил — не писательский, нет —
мифотворческий гений...
Каждый раз мы приходим к нему на поклон,
как приедем в столицу всемирной державы,
где он сиднем сидит и пугает ворон
далеко от Полтавы.
Опаленному болью, ему одному
не обидно ль, не холодно ль, не одиноко ль?
Я, как ласточку, сердце его подниму.
— Вы послушайте, Гоголь.
У любимой в ладонях из Ворсклы вода.
Улыбнитесь, попейте-ка самую малость.
Мы оттуда, где, ветрена и молода,
Ваша речь начиналась.
Кони ждут. Колокольчик дрожит под дугой.
Разбегаются люди — смешные козявки.

Сам Сервантес Вас за руку взял, а другой
Вы касаетесь Кафки.
Вам Италию видно. И Волга видна.
И гремит наша тройка по утренней рани.
Кони жаркие ржут. Плачет мать. И струна
зазвенела в тумане...

Он ни слова в ответ, ни жилец, ни мертвец.
Только тень наклонилась, горька и горбата,
словно с милой Диканьки повеял чабрец
и дошло до Арбата...

За овитое терньями сердце волхва,
за тоску, от которой вас Боже избави,
до полынной земли, Петербург и Москва,
поклонитесь Полтаве.

1973

* * *

Я плачу о душе, и стыдно мне, и голо,
и свет во мне скорбит о поздней той поре,
как за моим столом сидел, смеясь, Мыкола
и тихо говорил о попанном добре.
Он — чистое дитя, и вы его не троньте,
перед его костром мы все дерьмо и прах.
Он жизни наши спас и кровь пролил на фронте,
он нашу честь спасет в собачьих лагерях.
На сердце у него ни пролежней, ни пятен,
а нам считать рубли да буркать взаперти.
Да будет проклят мир, где мы долгов не платим.
Остановите век — и дайте мне сойти.
Не дьявол и не рок, а все мы виноваты,
что в семени у нас — когда б хоть гордый! — чад.
И перед чванством лжи молчат лауреаты —
и физики молчат, и лирики молчат.
Чего бояться им — увенчанным и сытым?
А вот поди ж, молчат, как суслики в норе, —
а в памяти моей, смеющийся, сидит он
и с болью говорит о попанном добре...
Нам только б жизнь прожить, нам только б скорость выжать,
нам только б сон заспать об ангельском крыле —
и некому узнать и некому услышать
мальчишку, что кричит о голом короле.
И Бога пережил — без веры и без таин,
без кроны и корней — предавший дар и род,
по имени — Иван, по кличке — Ванька-Каин,
великий — и святой — и праведный народ.

Я рад бы все принять и жить в ладу со всеми,
да с ложью круговой душе не по пути.
О, кто там у руля, остановите время,
остановите мир и дайте мне сойти.

<1977—1978>

* * *

«Куда мы? Кем ведомы? И в хартиях — труха.
Сплошные, брат, Содомы с Адамова греха.
Повырублен, повыжжен и, лучшего не ждя,
мир плосок и недвижим, как замыслы вождя.
Он занят делом, делом, а ты, едрена вошь,
один на свете белом безделицей живешь,
а ты под ветхой кожей один противу всех.
А может, он-то — Божий, а не Адамов грех?..»
Я — слышу и не слышу. Я дланями плещу —
а все ж к себе под крышу той дряни не ташу.
Истошными ночами прозрений и разлук
безбожными речами не омрачаю слух.
Вам блазнится — сквозь нехоть
в зажмуренной горсти —
куда-нибудь уехать, чтоб что-нибудь спасти.
Но Англия, Москва ли — не все ли вам равно?
Смотрите: все в развале — и все озарено.
Безумные искусства сексэнтээрных лет
щекочут ваши чувства, а мне в них проку нет.
Я ближним посторонний, от дальнего сокрыт,
и мир потусторонний со мною говорит.
Хоть Бог и всемогущий, беспомощен мой Бог.
Я самый неимущий и телом изнемог,
и досыта мне горя досталось на веку,
но, с Господом не споря, полвека повлеку.
Под хаханьки и тосты, под жалобы и чад
мне в душу светят звезды и тополи молчат.
Я самый иудейский меж вами иудей,
мне только бы по-детски молиться за людей.
Один меж погребенных с фонариком Басё,
я плачу, как ребенок, но знающий про все,
клейменный вашим пеклом и душу вам даря.
А глупость верит беглым листам календаря.
Вы скажете: «О Боже, да он — без головы?..»
А я люблю вас больше, чем думаете вы.
Пока с земли не съеду в отдохновенном сне,
я верю только свету и горней тишине.

Да прелесть их струится из Вечности самой
на терпкие страницы, возлюбленные мной.
И я скорблю и горблюсь, и в думах длится ночь.
А глупость верит в глобус. И ей нельзя помочь.

1978

ЧЕРНИГОВ

Воробьи умолкли, прочирикав.
А про что? Наверно, про Чернигов,
монастырский, княжий, крепостной.
С этим звездам впору целоваться.
Это воздух древнего славянства.
Это наше детство над Десной.
Нет еще московского Ивана,
и душе заветна и желанна
золотая русская пора.
Он стоит, не зная о Батые,
смотрят ввысь холмы его святые,
золотые реют купола.
Это после будет вор на воре,
а пока живем по вольной воле:
хошь — молись, а хошь — иди в кабак.
Ни опричнин нет, ни канцелярий,
но зато полно господних тварей,
особливо кошек и собак.
От земли веселия и лада
хорошо доплыть до Цареграда
и вкусить от грецкого ума, —
но нигде нет жен милей и кротче,
но хмельны таинственные рощи,
где гудут пчелиные дома.
Так живем в раденьях и забавах.
Шлют в наш Кремль послов своих лукавых
царь индийский да персидский шах.
Пишем во церквах святые лики,
и в Ерусалим идут калики,
и живут подвижники в лесах.
Тени душ витают на погосте,
и горят рябиновые грозди,
и течет под берегом река,
и покой от веры и польны.
Никакой Империи в помине.
Это просто Средние века.
Для того чтоб речь была хорошей,

надо б горстку соли скоморошьей,
да боюсь пересолить в летах,
потому что — верьте иль не верьте —
будут жарить черти после смерти
скоморохов на сковородах.
И смотрю с холмов на храмы Божьи,
проклинаю все, что будет позже:
братний спор, монголов и Москву, —
и люблю до головокруженья
лепоту и мир богослуженья
и каштанов вещую листву.

1976

* * *

Я почуял беду и проснулся от горя и смуты,
и заплакал о тех, перед кем в неизвестном долгу, —
и не знаю, как быть, и как годы проходят минуты...
Ах, родные, родные, ну чем я вам всем помогу?
Хоть бы чуда занять у певучих и влюбчивых клавиш,
но не помнит уроков дурная моя голова,
а слова — мы ж не дети, — словами беды не убавишь,
больше тысячи лет, как не Бог нам диктует слова.
О как мучает мозг бытия неразумного скрежет,
как смертельно сосет пустота вседержавных высот.
Век растленен и зол. И ничто на земле не утешит.
Бог не дрогнет на зов. И ничто в небесах не спасет.
И меня обижали — безвинно, взахлеб, не однажды,
и в моем черепке всем скорбям чернота возжена,
но дано вместо счастья мученье таинственной жажды,
и прозренье берез, и склоненных небес тишина.
И спасибо животным, деревьям, цветам и колосьям,
и смиренному Баху, чтоб нам через тернии за ним, —
и прощенье врагам, не затем, чтобы сладко спалось им,
а чтоб стать хоть на миг нам свободней и легче самим.
Еще могут сто раз на позор и на ужас обречь нас,
но, чтоб крохотный светик в потемках сердец не потух,
нам дает свой венок — ничего не поделаешь — Вечность
и все дальше ведет — ничего не поделаешь — Дух.

1978

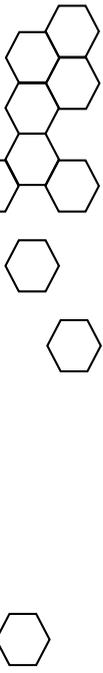
* * *

Сколько вы меня терпели!..
Я ж не зря поэтом прозван,
как мальчишка Гекльберри,
никогда не ставший взрослым.
Дар, что был неждан, непрошен,
у меня в крови сиял он.
Как родился, так и прожил —
дураком-провинциалом.
Не командовать, не драться,
не учить, помилуй Боже, —
водку дул заради братства,
книгам радовался больше.
Детство в людях не хранится,
обстоятельства сильнее нас, —
кто подался в заграницы,
кто в работу, кто в семейность.
Я ж гонялся не за этим,
я и жил, как будто не был,
одержим и незаметен,
между родиной и небом.
Убежденный, что в отчизне
все напасти от нее же,
я, наверно, в этой жизни
лишь на смерть души не ёжил.
Кем-то проклят, всеми руган,
скрючен, согнут и потаскан,
доживаю с кротким другом
в одиночестве бунтарском.
Сотня строчек обветшалых —
разве дело, разве радость?
Бог назначил, я вещал их, —
дальше сами разбирайтесь.
Не о том, что за стеною,
я писал, от горя горясь,
и горел передо мною
обреченный Лилин образ...
Вас, избравших мерой сумрак,
вас, обретших душу в деле,
я люблю вас, неразумных,
но не так как вы хотели.
В чинном шелесте читален
или так, для разговорца,
глухо имя Чичибабин,

нет такого стихотворца.
Поменяться сердцем не с кем,
приотверзлась преисподня, —
все вы с Блоком, с Достоевским, —
я уйду от вас сегодня.
А когда настанет завтра,
прозвенит ли мое слово
в светлом царстве Александра
Пушкина и Льва Толстого?

1986

Валерий КУРИНСКИЙ

ПЕЧАЛЬ ЗАТЕРЯЛАСЬ В РАЗДУМЬЯХ

Валерий Александрович Куринский (13.07.1939 – 03.05.2015) – известный украинский поэт, философ, музыкант, автор нового научного направления – Постпсихология, полиглот. Окончил Киевскую государственную консерваторию в 1969 году. Благодаря собственным методикам, Валерий Куринский овладел около ста языками, и несколько десятков лет успешно передавал свой опыт в виде лекций и тренингов своим ученикам. Он – участник и докладчик на многочисленных конференциях и форумах (Международная научно-практическая конференция «Современная методология» (Харьков), 1993 – Международная экологическая конференция (Львов), 1994 – Симпозиум «Проблемы изучения иностранного языка в медицинских вузах» (Прага), 1996 – Международный симпозиум «Экология культуры» (Самара), 1997 – Всемирный синергетический семинар (Москва), 1997 – съезд музыкальных психологов в Запорожье и т.д.).

Валерий Куринский – автор более 5000 сонетов, стихов и прозаических произведений, большинство из них еще ждут своего издания. Автор многочисленных текстов к песням, написанных совместно с такими выдающимися композиторами, как Игорь Шамо, Евгений Станкович, Валентин Сильвестров, Владимир Губа, Николай Полоз.

В 1990-2006 гг. В. А. Куринского был издан ряд книг (научные монографии, книги поэзии и прозы): «Автодидактика, I том», «Самообразовательные размышления», «Когда нет гувернантки», «Аэробика во рту», «Пустые множества» (проза) «Сонеты», двухтомник «Постпсихологическая автодидактика», «Троекнижие и «Афоризмы» », « Аккорды ». «Стихи и афоризмы», «Аэробика во рту», «Украинская автодидактика». По заказу философского отдела Киево-Могилянской академии В. Куринский перевел книгу Эммануэля Левинаса. «Между нами. Исследование мнения-о-другому».

В 2015-2016 годах посмертно вышли в свет книги Валерия Куринского «Прямую в близьку далечінь», «Із метушні вихоплюючи барви», «Постпсихологічна автодидактика. I том», «Autodidactics» (в переводе на английский).

* * *

Свежеет мысль под утро у меня,
но без сообщниц что она умеет?
Далёкие становятся светлее,
когда вблизи и днём так мало дня,

Далёкие – мне близкие – хранят
достигнутого семена, и сеять
нам из могил они велят скорее,
согревшись у старинного огня.
О, эта искра – аркой! – между нами,
она нужна, чтоб вспыхивало пламя
во всём высоком, мыслимом всерьёз,
и чтоб, врасплох застигнутые, с нею
считаться начали те, кто яснее
ответ услышал, где звучит вопрос.

03.01.2003

* * *

Показывает пируэты
метель, что началась вчера,
и жизнь ни зла и ни добра,
как вечно было раньше это.
Немного больше стало света –
день увеличился с утра
на две-три мысли, и пора
уже готовиться поэтам
к приёму солнечных идей,
чтоб стать пьянее и смелей
и смочь спастись от разных «слишком»,
от половодности и тьмы
ночей весенних, той, что мы
вовек не выучим по книжкам.

06.01.2003

* * *

Берёзы чёрно-белая молва
послышалась в вечернем полумраке,
возникла кисть из воздуха и краски,
и мысль, которой можно суть вскрывать.

И поплыли к луне мои слова,
что, разнствуя, похожи все на
«здравствуй»
в аллее, что закат уже окрасил
предчувствием прекрасного, послав
охапку снов к свиданию чьему-то.
Туман, всё видно в меру смутно,
как будто руку приложил Дега
к холсту светло-сиреневых мгновений,
и возникает счастье постепенно
из человеческого пустяка.

08.01.2003

* * *

Божественным напоминаньм
внимать в старинном добром стиле
сподобили и слышать научили
снежинки за окном рассветно-ранним.
И замереть понадобилось планам
на миг, и посвятиться вечным силам,
что, может, мы своею исказили
в тщеславия порыве пьяном —
в своих ничтожных, в общем-то,
пределах,
когда, высокомерием страдая,
воображаем мы свою могучесть,
и всё теряем там, где, слишком смело
недопрочтённое вобрав умом, решаем
в отрыве от небес людскую участь...

14.01.2003

* * *

Ослепителен полдень январский.
Собираются мысли охотней
в просветлённые стаи сегодня —
для небесной торжественной пляски.
На ступенях воздушных по-братски
обнялись незаметные сотни
значений и смыслов бесплотных,
танец танцюя из сказки.
Всё – волшебство здесь для умных,
всё слишком ясно для глупых,

всё для влюблённых славно.
Печаль затерялась в раздумьях,
как будто в заснеженных купах,
где думают ветви о главном...

18.01.2003

* * *

Глубокость в плоском повседневьи
Теперь, и не желая, вижу,
читая текст совсем не книжный
от света белого бледнея,

когда у дня на самом дне я
к медузе-буквице всё ближе
оказываюсь и, пристыжен,
как с миром правд, встречаюсь с нею.

И в пламени воспоминаний
я замечаю лжи оттенок,
коверкающий всю картину,

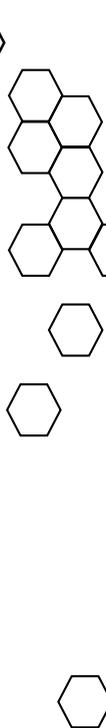
где облик жизни первозданной
был приукрашен вдохновенно,
придуманый наполовину.

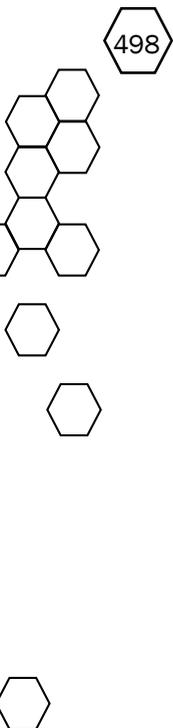
19.01.2003

* * *

Стареют стёкла в окнах,
в царапинах-морщинах
щека небес, и синий
туман, где песни мокнут,
но голос их не смолк на
вершине дня, где иней
образовался зимний
из нот и ткань волокна
тончайших подголосков
во влажном полумраке
прозрачный вечер начал.
Но в сером и неброском
мы тоже можем тратить
себя совсем иначе...

26.01.2003

* * *

Советуются клёны в парке,
как лучше встретить свет апрельский,
а ветер, из январских стрессов,
их шёпот прерывает жаркий.
И кажутся на ветках Парки,
в руках держащие обрезки
времен и судеб интересных
и никаких. Ни шатко и ни валко
в их полудушах безразличных.
Безвременье течёт, века сменяя
своей метлой уродливо-колючей.
А музыку под клёнами с поличным
мой слух отважно ловит и светает,
и кто-то любит еле видный лучик.

29.01.2003

* * *

Сезон высоких постижений
пусть будет долгод, коль не вечен,
и в полусонный тихий вечер
тревога будет вдохновенной.

Сойдутся к изголовью тени
бесшумным новгородским вече,
и ты всем временам навстречу
вспаришь, затейливый и пенный,
и, радужными пузырьков боками
заоблачное солнце отражая,
все мысли мира крикнут хором
и прозвучит небесный звук над нами,
как верный знак страды и урожая
всей музыки, в нём собранной собором.

02.02.2003

* * *

...Как будто обвинив, что слишком рано
они ушли, подумал об ушедших,
и на ухо мне совесть шепчет, шепчет,
что, мол, не прав, что это всё от раны,
которая болит такую странной,
всё отчуждающею болью. В чаше
на миг привявших мыслей, в чаше
судьбы, где мёд горчит, с поляны

двадцатого столетья принесёт
пчелиным деловитым роем,
в ушах звучащим с каждым днём всё тише
под выросшим совсем недавно клёном,
что должен стать со временем огромным,
объятием полнеба захватившим.

12.02.2003

* * *

Скитальцы в поисках покоя,
течём, пока не пересохнем,
внизу, мечтая о высоком,
не зная, что это такое –
жить этот миг и ждать с тоскою,
произнося себя под током
тревог внезапных в одиноком
пространстве «я», где, «мы» построив,
мы каждый миг боимся краха,
паденья основной колонны,

устоя главного, что шаток
навек – в нашем мире кратком,
сгореть когда-то осуждённом
на землю падающим «shuttle'ом»*.

15.02.2003

* * *

Клонирую дни! Занимаюсь тайм-артом,
многослойную жизнь проповедуя в яви,
чтоб по-доброму стала она многоглавой.
Я сегодня готовлю полтысячи «завтра»,
что творят полифонию мыслей азартно,
главным в сплетениях праведных правы.
Звучанья являются сами так славно,
смеясь по Гомеру, печалась по Сартру,
свивая гнездо из словес, как Новалис,
сливаясь, но вольными тембры оставив,
себя раздавая обычностям разным.
Ах, Боже, какая великая малость,
и сложность повсюду такая... простая,
и смысл, распадающийся по фразам!

28.02.2003

* Shuttle, (немецк.) – челнок.

* * *

Немного тишины – и запоётся,
и явится прошедшее в рассказах,
чтоб ты почувствовал, как связан
с зашедшим месяцем и солнцем,
как суть родна тому, что льётся
давнишним водопадом фразы
в застывшей лаве дней, украсив
её прожилкою. И в кольцах
от камня, брошенного в воду,
в давно уж высохших озёрах,
увидится такое нечто,
чего не вспомнишь по расчёту,
что вдруг ошпарит в центре спора,
которым живы чёт и нечет.

05.03.2003

* * *

Нетороплива времени расправа
над этим миром, славным и ужасным.
И с каждым днём всё меньше веришь шансам
на бесконечность, уж почти не ставя
на будущее, где высоки травы
и небо наше есть, и мы напрасно
его не истребляем ложью ясность;
где каждый миг, прекрасно величавый,
во славу Блага всех был прожит каждым,
а верить можно без конца и края
любому взгляду доброму и слову,
не умерев без утоленья жажды
порядочности в мире этом, зная,
что нас повсюду обмануть готовы.

08.03.2003

* * *

Дверь отрицают взломом, начиная
войну уже в пока что мирном веке,
где всё нам рисовалось: как-то в свете
надежды сумасшедшей слепок рая
создать, из мира благодать стария
и, жизнь свою Прекрасному доверив,
вновь не уподобляться больше зверю,
в уничтожительной объединившись стае.

Убийства присуждаются безсудно
то гражданам, то городам, то странам,
и надобности даже в трибуналах
давно уж нет, как битой нет посуды
и тех столов, где будущее пряно
нам подавалось в формах небывалых...

12.03.2003

* * *

Стираются памяти наши,
и помнить должны другие
вишнёвых садов такие
первичные – вновь! – пейзажи.

Господь ждёт, что кто-то скажет
слова небывало простые,
недоступные здешним витиям –
желторотым и тем, что постарше...
Скоро тронет сирень-царица
наши щёки соцветий кистью,
и возникнет живой иероглиф,
и вечерний мой дом озарится,
став письмом бессловесно-чистым
и на вечность свой смысл настроив.

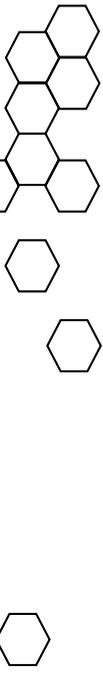
21.04.2003

* * *

Друиды были правы, вероятно:
есть у деревьев и душа, и разум,
и в детстве нам понятно это сразу,
когда нам, мудрым, всё ещё понятно,
когда нам нечто повествуют пятна
на тротуарах — более, чем фразы,
когда ты сам совсем недавно сказан
так выразительно и внятно.
Спешу к цветущим. Сад здесь повсеместен
в такую созидательную пору,
положенную всем живым и даже
предметам самым косным с ними вместе,
и — нашим мыслям, всё ж идущим в гору,
где крона жизни — в небесах на страже...

10.05.2003

Владимир ИЛЬИН**МОИ НЕСТРОГИЕ СОНЕТЫ****3**

Вчерашние враги – теперь друзья...
Так, вас любя, я всех люблю сильнее,
надеясь, что и мне грехи простят,
и вы – как знак моим надеждам, фея.
Вчерашние друзья – теперь враги...
Так я наказан за грехи бывшие.
Все возвращается на старые круги.
Что, боги милости творить забыли?!
Что будет завтра или через год?
Чем я – добром иль злом предстану людям?
Каков судьбы последний поворот?
Когда мы братьями друг другу будем?
Что добродетель есть и что есть грех?
Все – человек, один лишь человек!..

24.04-1.05.83

6

Про цвет сонета спрашиваешь ты?
Вот этот – цвета падающих листьев,
а этот цветом утренней мечты
и верой светится, как ты в молитве!..
И этот – нежный, ласковый, как ты,
твоих очей вечернее свеченье...
А в этом все слова твои, круты
от гнева, что сменяет вдохновенье...
А этот – грудь, заполнившая руку,
твоя – мою, на то запрета нет!
Я от тебя приемлю радость, муку,
но превращаю тотчас все в сонет...
Про цвет сонета спрашиваешь ты?
В нем все цвета твои в один слиты...

12.11.83

Памяти Ирмы Жановны

7

Ваш дух земной еще не на земле.
Не на Отрадном. Не вернулся в Киев.
И высь, и твердь глазами вовсе выев,
не нахожу его в ноябрьской мгле...
Не возвратился. Не пришла пора.
Не поселился – ни в родных, ни в близких.
В квартире притаились вечера,
а жизнь осталась только в старых книжках...
Когда б он был, все было бы иначе.
А так – приют забытый для сирот...
Я вас прошу свиданье мне назначить,
чтоб встретиться, когда мой час придет –
я расскажу про дочерей, про дом,
мы погрустим, поплачем и споем...

17-18.11.83

13 РОЖДЕСТВЕНСКИЙ СОНЕТ

При полной ясности ума и неба,
над Оболонью белой и Днепром
бегу-лечу, то зря, то вовсе слепо,
в час сочетанья ночи с новым днем.
А в десять в городе светло и славно
встречаются при всех зима и звон:
о Рождестве поют, о стародавнем
Христа рожденьи, значит – о моем.
Руками крепкими лихих морозов
уже давно толпу теснит январь.
О Рождестве для всех звонит звонарь –
звучат восторги здесь или угрозы?
Кто что услышит сам и что возьмет?
Что ближнему отдаст, что унесет?..

17-19.01.85

*Сестре***17 МОСКОВСКИЙ СОНЕТ**

Мне не хватает рядом глаз твоих –
Москва дается только половиной,
окраинами или серединой,
но частью. Одному, не на двоих.
И лишь обилие славянских лиц –
светловолосых и голубоглазых –
с меня снимает страх страданий старых,
как свежий ветер с рощи стаи птиц.
Нечаянно, знакомые глаза
я Пушкина на бронзе различаю
и взгляд его, как давний свой, встречаю,
и жжет лицо мое его слеза.
Одни теснят сомненья нас. Надежды
меня сближают с Пушкиным, как прежде...

5-9.05.85

20 НЕСТРОГИЙ СОНЕТ

Мой дух, как тень, витает над землей –
так было до меня, так вечно будет,
в любое время века, года, суток –
вот место для свидания с тобой!
Все – в памяти, и ничего – в руках.
Жива ли ты, иль это воскресенье –
лишь прошлого ожившее мгновенье,
чтоб облегчить забвенья боль и страх?
Вы все остались. Это я ушел.
Но одиночество – не смерть, не так ли?
Забавы ваши, игры не иссякли,
и яствами не оскудел ваш стол,
и в суете все вечности достойно...
Полет проходит штатно и спокойно.

13-16.10.85

33

Сонетов мало, больше неудач –
стихи, пристишия, простые песни...
Зову, зову тебя – прийди, воскресни!..
Пустое. Знать, не голос нужен – плач.
Отчаянье совсем сжимает грудь,
но неудачи истину рожают:
удачи потому меня не знают,
что я не тот, неверный выбрал путь.
И небо надо мной – одно, без звезд,
как будто край земли и всей вселенной,
и я один, но только здесь, наверно,
приходит истина, и выбор прост:
приемлешь все – удачи, неудачи...
Сонет и тишина одно ведь значат...

22.11.86

38 ОБОЛОНЬ

Ты все перед глазами, Оболонь –
так горы высоки, иль там в долине
второе небо синей степью стынет,
иль бог к земле простер свою ладонь?
Слетелись стаи звезд со всех сторон,
иль стаи звездных птиц, что были в клине,
гнездовья выбрали на Украине –
облюбовали нашу Оболонь?
И все бы так, однако по утрам
в долине белый город вырастает,
и в нем дома подобны облакам
иль парусам, и ветер их ласкает,
и даль открыта – без границ, времен...
Ты вся перед глазами, Оболонь!..

7.11.87

39 ДОРОГА

Дорога вновь уводит взгляд в Чернобыль.
Иль не дорога – долгий, длинный взгляд,
десятки взглядов сотни раз подряд
зовут дорогой стать – поди, попробуй!

Дорогой взглядов, всем всегда открытой –
кто смотрит издали и кто ступил,
и те, что раньше шли здесь, не забыты –
остались взгляды, только прах остыл.
Дорога – человек! Туда – обратно,
сто сорок километров говорим:
я ей – про Припять, станцию, реактор,
она вздыхает – осторожней с ним!..
И март безмерный – взглядами, ветрами
один над Киевом и Копачами...

21.11.87

91 СОНЕТ-ЗАПОВЕДЬ

Писать, не нарушая тишины,
и говорить – не громче, чем деревья,
забытые пустыни и кочевья,
и ночи, навевающие сны...
Любить легко, лишь взглядом исходя,
и жить – не тяжелее, чем дыханье,
приемля равно радость и страданье,
мгновенья различая как года...
Искать и находить, и вновь искать,
идти, идти – не медленней, чем время,

как прорастает через землю семя
и всякое дитя являет мать...
Когда мой взгляд издалека вернется,
вернешься ты. И Бог нам улыбнется...

4-16.07.95

92 ЯЛТА-СОНЕТ

Влюбленности своей былой следы
я различаю в ликах улиц, зданий,
и вижу уровень былых страданий,
как в Петербурге уровень воды.
И все – по горло! Не сказать – стонать.
Сначала – стон, потом уж было слово...
Я вспоминаю Ялту, нас, и снова
не в силах стон устами удержать.
Еще два моря – братья-близнецы,
два синих средиземных моря рядом,

и земноморье – под Господним взглядом,
во стороны любые и концы...
Два голоса весенних – мой и твой –
не покидают купол голубой...

25.09.95

93 ПРИГЛАШЕНИЕ

В Европе всюду все еще тепло,
и в Киеве еще не осень, лето...
Октябрь! – напомните. Ах, как нелепо,
слегка, наверно, время повело.
Такое время времени пришло,
не только нам, но и ему досталось –
всем поровну осенняя усталость
и солнцем утомленное чело.
И небо – тоже всем, кто есть под ним,
и все, что там – за небом и за далью,
за октябрём, за осенью-печалью,
в которую и любим и грустим...
За жизнью – жизнь, не смерть и не забвенье!..
Поедем в Пуцу – вместе, в воскресенье?!

12.10.95

96 ПРЕОБРАЖЕНЬЕ

Не зная вас, я все равно найду –
приметы ваши сердце мне подскажет,
иль тень от вас с моею рядом ляжет,
и я за нею по земле пойду.

Оставлю здесь свой нынешний недуг –
пусть на обочине застынет камнем,
отправлюсь в дальний путь и стану вдруг
искателем старательным и давним.
Мне суждено искать вас, вам – лишь ждать,
когда в неведомом душе пространстве,
спустя века немых исканий, странствий,
я вас найду – иному не бывать!..
Вопрос не техники преображенья,
а к вам любви и веры, и терпенья...

6.07.97

Данило ЙОКАНОВИЧ
перевод с сербского
Елены БУЕВИЧ

ЭРОС НА КОЛЕНЯХ

*Неспособность произнести твое имя
– мои неподъемные цепи*

1. СМЕЮЩИЕСЯ ОЧКИ

Сквозь воспоминания, как по комнате
пройдешь нагая...

* * *

Ступени
каждый вечер
ожидают тебя
у дверей
и еще никогда
не зацокали

Каждый день провожают тебя
до тротуара
и вздыхают за тобой

* * *

Только мне видно,
что ты голая
и несешься быстрее
радостной вести

Если улица распахнется
навстречу тебе
сведешь ее с ума
на первом же углу

* * *

Очки
смеющиеся на твоём носу
исправляют мир
сквозь призму линз

В стеклах
отражается полгорода
но только я знаю
какого цвета твои глаза

* * *

Грудь твою –
два слова
вышепанные за пазуху

два вдоха
расстегнутые над горловиной

по ним узнаю твою рубашку
среди остального белья
сохнувшего на веревке

* * *

До крови искусанную клубнику языка
согревает несказанное сияние
зубной эмали

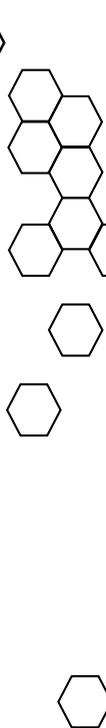
Небо продолжается в глазах
желание в шепоте
которым прикасаешься к небу

Еще теплые синяки
на шее
улыбаются утопленнику,
хватавшемуся поцелуем
за спасительные губы

* * *

Куда бы ты ни пошла
комнаты уплотняются
словно одежда
что становится тесной

По очертаниям бедер
по обтянутым линиям
трескается ткань
и ветхие нитки по швам

Рубашка немного просторнее
и груди радостно подпрыгивают

если бы не пуговицы
выскочило бы и сердце

* * *

Колени – прекраснейшая вещь на свете
принципиальная форма красоты

При ходьбе раскачивают халат –
театральный занавес

согласовывают шаг
с толпой, сквозь которую ты спешишь

По их движениям
выстраиваются изломы рук
схватывая ритм
покачивающихся бедер

целый мир раскачивается
согласно с твоими движеньями

* * *

Я заметил
что халатик
как взгляд
может
соскользнуть
с груди
с бедра

чтобы тебя разнежить
разоблачить
до самой кожи

заметил
что на тебе обнажено
все, что не скрыто улыбкой

* * *

Вползаешь в мое объятие
как непреодолимое слово

Ночная лампа оттеняет
твои груди
переламинает симметрию света
на день и ночь

В шепот и тиканье часов
утыкается тишина

Комната разделяется на тень
и неизмеримую наготу

Опираешься на струну простыни
натянутой между двумя снами

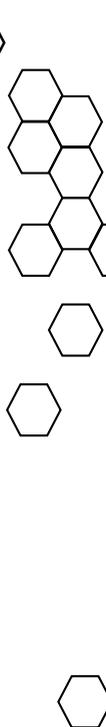
и выговариваешь слова
в которые не верим
ни ты ни я

2. ЛЮБОВНИКИ, ВОЗВРАЩАЮЩИЕ ВРЕМЯ

Когда ты раздевалась
не гасила свет
не опускала жалюзи

С улицы невозможно было
разглядеть все подробности
но со временем я смог
их представить
все до родинки
под левой грудью

Родинку в волосах я предусмотрел
но мне и сейчас кажется
что из моего окна
все виделось намного четче

* * *

Безудержность движений
шепота и вздохов
в паузах
измеряемых стеканием пота
за пазуху
под рубашку
не снятую впопыхах
выдували
табачным дымом
в лицо друг другу

Продолжали без рубашки
без тени стыда
без дыхания
без ощущения времени

и заканчивали сигаретой

* * *

Вносил тебя голую
на руках
в зеркало

Словно ветер
передо мной открыл окно
и сквозь него смотрю в комнату
как вырываешься из моих объятий
и остаешься
как вырываешься
и остаешься

Вне зеркала
остались только слова
в которых не видно
как ты шепотом
рассекла губы

* * *

Ты это умела
как никакая другая

Сначала перебирала
пальцами по моему животу –
будто играла
какую-то мелодию
в которую я уносился
хотя никогда ее не понимал

Губы догоняли язык
вдоль всего тела
задерживаясь всегда там же

Ты это умела
как никакая другая
и у тебя были острые резцы

* * *

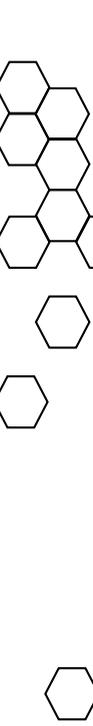
Из ванны выходила
омытая от греха

Сквозь дурманящий мыльный аромат
с груди
в ночь
струились соски

а капельки воды по всему телу
посматривали глазами
заново готовыми ко греху

* * *

Утром
в зеркале
на широкой шее
помада поцелуя
прыснет от смеха

* * *

В тех местах где когда-то их застал
Видятся мне твои вещи

Трусики на столе
Платье на окне

С люстры
как летучие мыши
свисают бюстгальтеры

на книжной полке
очки вычитывают Хармса
а в коридоре
туфли на высоких каблуках
топчутся на месте

с приглушенной лампы
сбрасываю платок
и освещаю углы комнаты

все на своих местах
в идеальном беспорядке

Только тебя нет

* * *

Ты вставала
и натягивала край одеяла
над моим сном

и придумывала слова
для стихотворения
которое напишу неизвестно когда

Теперь бывает очнись над стихом
и все мне не хватает
какого-нибудь слова

* * *

В этом стихе
вместо слов
говорят движения
остановленные
в миг когда ты раздеваешься

Позади тебя море
и две-три волны
которые я разглядел
только сейчас

Лучшая строка
это движенье левой ноги
которым ты освобождаешься
от последней детали одежды
(Фотография)

* * *

Никак не пойму
что объятие, в которое тебя вовлекает
задыхающееся тело
это не мое объятие

Что губы
противостоящие поцелуям
это не мои губы

Что даже рука
во мраке комнаты
подносящая ко рту сигарету
это не моя рука

Никак не пойму
что эта туша
которая ночью
рядом с тобой
вздывается и храпит
это давно уже не я

Сергей ГЛАВАЦКИЙ
перевод с украинского
Елизаветы РАДВАНСКОЙ

КРУГИ ПО ВОДЕ

Ноев ковчег утонул и не спасся никто.
У берегов лукоморья нашли его остов.
Море сбивает нас с ног, через нас течёт ток
И под ногами пульсирует карточный остров.

Курят русалки сигары и, в общем, легко
С ними найти Ариаднову нить разговора.
Море течёт под лопатками их голяком
И разгоняет им кровь чешуя кругозоров.

Кто вы, круги по воде, существа плоскостей?
И, закулисье зеркальное, зябкое, кто ты?
Платой за дружбу с тобой будет гибель в воде
Этой холодной и точно разбитой на соты.

В слух обрушается гимн бесконечной страны,
Он – о «Прекрасном Далёке», что стало жестоким.
Я удивляюсь тому, как обманчивы сны,
Как вероломны все тропы, хрупки все дороги,

Я удивляюсь тому, как все ноты, слова
Гимнов моих исказились от рук расстоянья,
Как синоптически верно слетает листва
С жизни озоновых дыр на алтарь мироздания,

Помню, как люди в аду поправляют богов,
Беженцы мира, волхвов причисляют к калекам,
Вижу, как в мире моём не вдохнуть – без оков,
И теплокровная улица жмурится снегом.

Ноев ковчег утонул. Всё, что после – мираж.
Море сбивает нам по своему разуменью
Температуру и пульс, и, вошедшее в раж,
Топит не только ковчег, но мираж и прозреньё.

* * *

Ноїв ковчег потонув, і загинули всі.
На берегах Лукомор'я знайшли його остов.
Струм нас пронизує, море збиває нас з ніг,
І під ногами пульсує, хитаючись, острів.

Палять сигари русалки, приємно мені
З ними знайти Аріаднову нитку розмови.
Море ласкає їм піною груди, бринить
У кровообізі луска – глибин кругозором.

Кола-істоти по темній воді, хто ви є?
І, задзеркалля за моря лаштунками, хто ти?
Дружба з тобою коштовна – вона мене вб'є
В цих на клітинки розбитих та мерзнутих водах.

Гімн величезних країн – це тепер лиш чутки,
Він – о «Прекрасном Далёке», що стало жорстоким.
Знову дивуюсь, що сни – лиш брехливі шматки,
Що віроломні, крихкі всі стежини й дороги.

Знову дивуюсь, як ноти і навіть слова
Гімнів моїх від віддалення рук спотворились,
Як синоптично доречно на вічний вітар
Всесвіту – листя з озонових дір вже злетілось.

Люди у пеклі богів поправляють своїх,
Біженці світу, волхвів називають: «каліки»...
В світі моему – без ґратів – не зробиш ти вдих,
І теплокровний провулок замружився снігом.

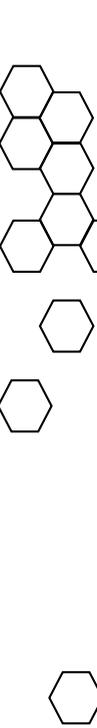
Ноїв ковчег потонув. Все, що після – міраж.
Море збиває нам по своєму розумінню
Температуру та пульс, та ввійшовши у раж,
Топить не тільки ковчег, а міраж та прозріння.

* * *

Внимательно подслушивай течение времени
Сквозь жабры раковин морских.
Ведь сплюнет океан в каком-то декабре меня
На берег, в хищные пески.

Найди следы руки моей на древних крейсерах,
Распробуй кровь мою в воде
Вот этих наводнений, океанов, гейзеров...
Мои улики есть везде.

И будет пауза. Молчанье певчих раковин
Морских – тебя насторожит.
Ухмылки будут с каждым днём всё одинаковой
У неприкаянной души.

В иных мирах ли, иль в иных тысячелетиях
Искать тебя – не скажет Высь.
Кольчуга следопыта видит в нас комедию.
Найди, найди меня! Явись!

Я вижу в небесах кровавые стальные ножницы,
Времён взрезающие ткань.
Но ты успеешь. Ты зарю возьмёшь в помощницы.
Ты будешь вовремя. Предстань!

* * *

Уважно підслуховуй часу тихі течії
Крізь мушлі шепоти морські.
Бо скине океан мене, що злом знівечений,
На хижі берега піски.

Знайди сліди моїх долонь на давніх крейсерах,
І кров мою відчуй в воді
Усіх цих повенів, морів, заток і гейзерів...
Мої прикмети скрізь – бліді...

І буде пауза. Співочі мушлі стихнуть всі,
І насторожить це тебе.
Душа бездомна навіть з посмішками звикнеться,
Що є однакові – тепер.

У інших вимірах, чи в іншій нескінченності
Тебе шукати?.. Бог мовчить...
Нас слідопит назве комедією смертності.
Знайди мене! З'явись в цю мить!..

Я бачу: небо, вже ножем кривавим користуючись,
Тканину часу потрошить.
Але ти встигнеш. Візьмеш ти зарю в спідручники.
Ти будеш вчасно. Покажись!

ОРИГАМИ

Прозвони мою глушь. Я люблю тебя. Очень.
Я хотел слышать голос, но можно – и флейтой...
Ведь меня не смущает теперь среди ночи
Ежедневный вопрос одиночества: «Чей ты?»

Я отвечу. Найду, что спросонья ответить.
Я всегда был из тех, кто не лезет за словом...
Это – взрослые снова становятся: дети.
Это – дети становятся взрослыми снова.

И упрямые рукопожатья кометы
Через пальцы твои, как всегда, просочатся.
Я не знаю, когда у Вселенной – рассветы
И закаты, как прежде, начнут получаться.

На иконах, на всех – только Хаос – отныне.
В полный рост... Понимай эту шалость, как знаешь! –
Что в бутонах морей вызревает мой иней,
И вращается в небе планета двойная.

Я умею ходить по воде, если это –
Не моря, океаны, а так: мелководье.
Но душа назвалась адвокатом Завета,
И тотчас подсудимый назвал себя плотью.

Мы могли бы признать все причуды ангиной,
И врасти в целину горизонта, расплавясь,
И, чуть-чуть изменившись, срастись воедино...
Только – мы не меняемся. Нас не исправить.

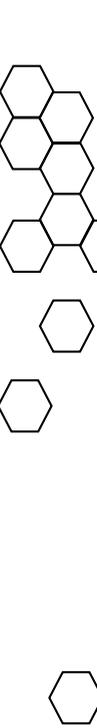
Мы собой и такими довольны... И нечем
Увертюре ироний – паломникам вторить.
Я никак не пойму, отчего же весь вечер
Мелководье разлуки мне кажется морем?

Прозвони мою мглу поцелуем улыбки! –
Не нужны от тебя мне другие подарки!
Так подай мне сигнал. Оглушительно-яркий.
Или просто беззвучный, застенчиво-зыбкий...

Да любой! – Всё равно, всё равно: я узнаю
Для кого он, откуда и что означает!..

* * *

Мою тишу поруш. Я кохаю без тями.
Звуком флейти поклич, я почую крізь межі.
Звик, що кожного вечора ставить питання
Мені дика самотність: «Кому ти належиш?»

Відповім. Уві сні навіть відповідь знаю.
Я завжди був із тих, кому слів не бракує.
Це – дорослі й старі у дитинство пірнають,
Це – дорослими думами діти міркують.

Вперті рукостискання комети, кохана,
Знов спливуть крізь твої білосніжні долоні.
Я не знаю, коли, як раніше, над нами
І світанки, і сутінки стануть – бездонні.

Тільки Хаос віднині на кожній іконі.
В повний зріст... Розумій цю шаленість, як знаєш! –
Що мій іній вже визрів у моря бутоні,
І подвійну планету твій космос приймає.

І ходити по водам змогло б моє тіло,
Якщо це не моря, а затоки й мілини.
Та душа Заповіт захищати схотіла,
І одразу підсудний назвався: людина...

Ми ангіною визнати можемо дивне,
І, розплавлені, із горизонтом зростатись,
Та, змінивши себе, ми б з'єднались в єдине...
Тільки іншими нам – вже ніколи не стати...

Ми не змінимось – все нас в собі влаштувало...
Увертюри іроній – нажаль, не прочани.
Зрозуміти не можу, чому я так вдало
Мілину розставання назвав океаном?

Мою темряву вбий, посміхнувшись миттєво! –
Бо я інших не хочу від тебе дарунків!
Тож поклич – приголомшливим, дивним цілунком.
Чи – нечутно поклич... несміливо, чуттєво...

Як завгодно! Сигнал твій із простору й часу
Я впізнаю, і зміст зрозумію одразу!..

ПАРИ

Это затмение пророчит амнистию
Всем безнадежно влюбленным.
Кольца Луны годовые на листьях
Пальм штормовых цепенеют.
Заняты звёздами полосы взлётные...
Серфинг на гребнях циклона...

В оледеневшее небо холодное
Я – только падать умею.

Души проносятся мимо и светятся...
Этих, чужих – мириады.
В самом конце, уже при смерти, встретятся
Наши чудесные души.
Самое близкое и сокровенное
Явится к ждущим – наградой.
Нам запретила встречаться Вселенная...
Нам ли Вселенную слушать?

* * *

Дане затемнення врочить амністію
Всім, хто кохає невтомно...
Час розповсюджує кільця на листьях,
Пальм штормових аритмії...
Всі злітні смуги тут зайняті зорями,
Серфінг на хвилі циклону...
В небо холодне, що спить поміж долями,
Я тільки падати вмію...

Душі повз нас пронеслися, та світяться,
Душі чужі і покірні...
Нам дадуть змогу на мить хоч зустрітись,
Перед падінням у Небо...
Все найщиріше – тим, ХТО дочекається –
Як нагорода за вірність.
Всесвіт нам дозвіл не дав зустрічатися...
Та хіба слухатись треба?..

ПОХОД

Под вечер гадают в глубоком окне наважденья,
И воск, и кофейная гуща, и карты – мухлюют.
Дрожа, у обрыва над тьмой мир стоит на коленях.
Дрожа, бездна бездну – смешит, бездна бездну – целует.

Сквозь райские птицы туманностей, их гоголь-моголь,
Проходишь навывлет, и кротки пугливые совы.
Ты – маленький леший миров, и осенняя тога
Твоя извивается пламенем лун бирюзовых.

Смотри: заземлившись, угловатые люди
Не слышат твой пульс, не пульсируют вместе с тобою,
И капсулы тел их обтянуты войлоком буден,
Они герметичны, у них – нет пути к водопою.

Они не заметят тебя, пока ты – несомненно –
Туда не вернёшься, блистающей, юной, беспечной.
Но Здесь – твоё место, и ты, домовёнок Вселенной, –
Ты знаешь теперь: твоим пульсом пульсирует вечность.

...Промозглой Вселенной кофейная гуща угрюма.
Линяя, шуршит под ногой насыпь звёзд-привидений.
Внезапно бессмертные люди в текучих костюмах,
Тебя увлекают – в свой каменный век, в свои сени.

И ты так прекрасно нелепа среди всех осколков
Их душ, облачённых в периоды полураспада.
Они от тебя отвернутся так скоро, как только
Постигнут, насколько ты лучше их всех, вместе взятых.

* * *

Під вечір ворожать у вікнах глибоких примари,
І дурять нас віск, старі карти та гуща з-під кави...
Тремтить весь наш світ, у обіймах безмежної хмари,
Бездонні цілюються в губи, та грають в забави.

Крізь райські пташинні туманності, їх гоголь-моголь,
На виліт проходиш – стихає сова полохлива.
Ти – демон маленький лісний, і осіння підлога
З червоного листа – вмирає у полум'ї зливи.

А люди земні, що незграбні чомусь від природи,
Не чують твій пульс, не пульсують разом із тобою.
Їх капсули тіл не витримують в жовтні погоду,
Вони герметичні, не знайдуть шлях до водопою.

Вони не помітять тебе, поки ти знов не станеш
Їх часткою – юною, чесною, світлом незвичним...
Але твоє місце – у Всесвіті тільки, кохана.
І пульсом твоїм – нескінченність пульсує – навечно.

...А гуща з-під кави сумус, як Небо застигло.
І привиди-зорі шумлять під моїми ногами.
Раптово – безсмертні, що мають загострені ікла,
Захоплюють тебе своїми прадавніми снами.

І ти так прекрасна, так дивна ти – серед уламків
 Тих душ, які вбив напіврозпад урану та тиші.
 Вони тебе кинуть, коли їм розкажуть світанки,
 Наскільки ти краща за них, і наскільки святіша.

КОРАБЕЛЬНАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Здесь такая луна! Здесь такой снегопад,
 Что становится он камертоном – навеки!
 Ему бить теперь в наш беспробудный набат,
 Заточив обертоны о лезвие неги.
 Здесь такое величие снежной орды,
 Неуёмный отёк всестороннего снега,
 Что пора нам следить за игрой немоты,
 За космической властью замёрзших молекул!

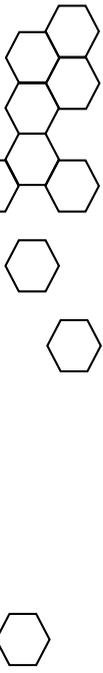
Здесь такой снегопад, что случайно забыл
 Сделать выдох зеркального горна игумен,
 Что заслушаться можно молчаньем судьбы,
 А потом не услышать божественный зуммер!
 Здесь такая твоя, колыбельная тишь,
 Что потом и не вспомним, что мы – в божьем трюме,
 И пора нам выглядывать – где ты стоишь,
 Как ты там, Мир, который давно для нас умер.

* * *

Такий місяць тут є! Завірюха така,
 Що стає камертоном любові – навіки!
 В наші дзвони хай б'є, божевільна, п'янка,
 Загостривши себе лезом ніжної втіхи.
 Тут велична орда снігопаду вночі,
 Набряк білого та невгамовного снігу,
 І в цей час слухай гру німоти – і мовчи,
 Поки атоми космосу створюють кригу.

Завірюха така, що забув в небуття
 Видихати дзеркальну мелодію долі,
 Та заслухався, як промовчало життя,
 Не почув невід'ємної Божої волі!
 Тут така колискова, тут тиша така,
 Лиш твоя... І не зможемо потім згадати,
 Що тримає нас в трюмі Господня рука...
 Поки Світ, що помер, знову йде помирати.

Глина МИТЕВА
перевод с болгарского
Ольги ИВАНОВОЙ

ВЕРНУТЬСЯ

Как я искал обратный путь – домой!
И я грустил в тени недвижных дней
Под шёпот с призраками под луной,
Под сенью вишни – с горькою судьбой.

Как я искал обратный путь – домой!
Стучало сердце раненою птицей!
Как же с засоренным гнездом ужиться?
И как остаться мне самим собой?

Как долго я искал обратный путь
И ждал суда и тихого порога!
Я перед ним – как на коленях к Богу!
Как хочется, ему всё-всё вернуть!

Я ждал суда и тихого порога.
К ним далека, длинна моя дорога!
Но у порога вновь душа грустит:
Меня Господь и любит, и простит.

МОЛЧАНИЕ

Моё молчанье понято лишь болью,
Когда бреду, когда иду по свету.
И дождь смывает струями невольно
Обиду, горечь, что в душе поэта.

Боль затмевает всё кругом, она
Вонзила зубы в пульс души поэта.
Молчание – и это ль ни хвала
Тем, кто давным-давно уж канул в Лету?

Под лавой нескончаемого ливня
Вздыхают камни, мокрые от слёз,
Что знали обессиленных и сильных,
И пленников освобождённых грёз.

Непредсказуемо! И где найти ответ?
В чём смысл пространства? Чувства иссушить?
Предвидим Мир и преходящ наш Свет,
А Вечность – это пристань для души.

МЕНЯ ОБЪЯВИЛИ СОШЕДШИМ С УМА!

Ах, стелятся сплетни, как едкий туман –
Мне в стопы впивается гравий.
Меня объявили сошедшим с ума:
Живу без каких-либо правил!

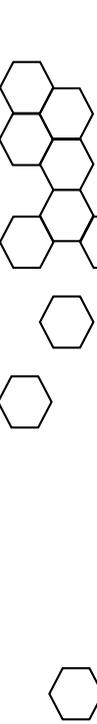
В день – ставни закрыты, а в ночь – при свечах,
Я в праздник аскет, в пост – пирую,
Нет жажды – богатых в дому привечать,
И самый последний в миру я.

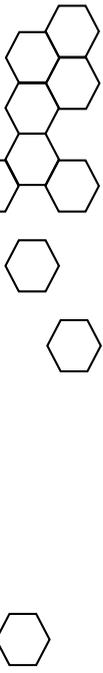
Пусть я не оставлю себе на обед
Ни капли росы и ни крошек,
Но многие годы – три дюжины лет –
Кормлю обездоленных кошек.

Мне жёстка перина и мил сеновал,
Друзья мне – и доли, и горы,
Мне ветер унылую песнь напевал.
И соло мне радостней хора.

Мы с песней бродячей, как в ногу идём,
Букашке и бабочке рад я.
Беседу веду и с ручьём, и с дождём,
С тропинкой и солнцем, и градом...

Ах, сплетенный шёпот, как едкий туман...
Тошнит от речей пьедестальных...
Меня объявили сошедшим с ума:
О, Боже, спаси от нормальных!

Симеон ХРИСТОВ
перевод с болгарского
Ольги ИВАНОВОЙ

КАЛЕЙДОСКОП

Держал ли ты в руке калейдоскоп,
Игрушку, словно праздник панаир?
На первый взгляд – как будто телескоп,
А в сущности – весь разноцветный мир!

Разбитых стёклышек затейливый узор –
И пробегает жизнь, крутясь, мелькая.
Какой-то миг вдруг остановит взор –
И перед ним, глядишь, судьба людская.

Глядишь – и даже музыка звучит,
Любуешься – звенят синичек трели!
Крути, крути – от счастья здесь ключи!
Воздушных фей хрустальные свирели!

Но этот кадр я не хочу менять!
Остановлю я праздник панаир:
Здесь колыбельная, что мне слагала мать,
Моя душа, мой уникальный мир!

ПОСЛЕДНИЙ ТРУБАДУР

Пройдёшь ли ты со мной по серенадам,
Таким древнейшим, словно динозавры?
Погубишь ли со мною все баллады
И песни чести, и любви, и лавры?

И я не смолкну, верь мне, дорогая!
Меня послушай: время угасает!
И в очереди, что к подножью рая –
Здесь трубодурство тихо истлевает.

Но буду петь я об руку с бокалом
Потягивая между тем напиток.
Не уйду: не хочется и рано.
И трубодурство, видишь, не убито.

МАГИЯ ЛЮБВИ

Я магом был, и магом я остался,
Кто встретится, кто может полюбить?
Я человек, и в том себе признался,
И постараюсь человеком быть.

Я мот и невозможный расточитель?
Я рвал себя на части, всё – для вас!
О, жизнь моя, мой пламенный учитель:
И я растерзан чувством – каждый час!

Я был поэтом? Вечно многословным?
Во мне живёт не колдовская статья?
Нет, я готов всегда к словам любовным!
Любви готов всего себя отдать!

ДЕРЕВЕНСКАЯ БАНЬКА

Прилаживал долго фанеру
К проёму оконца мой батька,
Чтоб мы, пацаны-кавалеры,
Не лезли заглядывать в баньку.

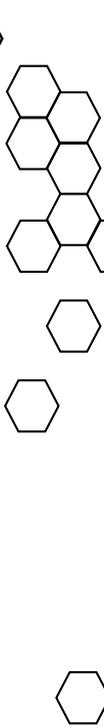
Кусок той фанеры однако,
Хоть был и прилежно примерен,
Имел небольшой недостаток:
Там выпал сучок из фанеры.

И искоса глянув на двери –
Не вышел ли кто на порожек –
Мы льнули к той дырке в фанере,
Чтоб всё разглядеть у подружек!

Луч света в «глазке» тоньше нити –
Толкались под хохот ватажный,
Никто ничего не увидел,
Но хвастались смачно и важно.

О, детства прекрасные дали!
Подглядывать сладко украдкой...
Мы жён из девчат выбирали,
Из тех, что остались загадкой.

Анатолий ЗЕКОВ
перевод с белорусского
Ольги ИВАНОВОЙ

Михась МИРАНОВИЧ
перевод с белорусского
Ольги ИВАНОВОЙ

ГДЕ БОЛЬШЕ СЧАСТЬЯ?

Думали-гадали так и сяк,
Счастья больше где – о том дебаты.
– В будущем, – считает холостяк.
– Нет, в прошлом, – думает женатый.

ЖЕНЩИНЫ

Их рок безмерно ярок –
Такое их призванье:
Но холостым – в подарок,
Женатым – в наказание.
Перевод с белорусского Ольги Ивановой, Крым,
Симферополь.

ВСЁ СМЕШАЛОСЬ

Как время изменилось! Аккурат,
Смешалось всё: не жизнь – сплошная шутка.
Так, на работе дремлет депутат,
Работа вместо сна – у проститутки.

Тенгиз ДОГУЗОВ
перевод с осетинского
Ольги ИВАНОВОЙ

ПЕСНЬ БЕССМЕРТИЯ

*Павшему поэту-воину
Хазби Калоты*

В пороховом дыму, глубоких ранах
Земля – изрезана войной стократ.
Как вол уставший, сонно поле брани.
Слагает в тишине стихи солдат.

На миг открылись памяти страницы –
Как об Осетии родной душа болит!
Там, дома – мама, братик и сестрица...
Невеста что-то нежно говорит...

Прервались грёзы, так и не начавшись,
И снова батальон огонь ведёт!
Погиб поэт, но песня, не прервавшись,
До наших дней в Осетии живёт.

* * *

Вьюга из снега возводит заносы,
Будто Перун позабыл о бойце.
В юных глазах всё вопросы, вопросы.
Грусть и тревога на нежном лице.

Тяжестью жизни пресыщены души –
Всё понимают солдаты как есть.
Мир беспощадно врагами разрушен,
Но остаются и доблесть, и честь.

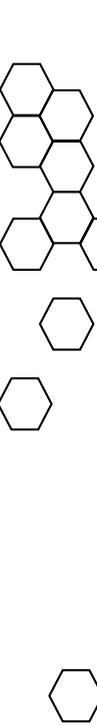
Весточек столько омыто слезою!
Сколько беспомощных вдов и сирот!
Сколько невест, что следят за стезёю:
Милый вернётся ли? Милый придёт?

Вьюга из снега возводит сугробы.
Дети Осетии гонят врага!
Помните это! Запомните, чтобы
Кровь не окрасила вьюги снега!

ТОСКА СТАРОЙ МАТЕРИ

И белой шалью распростёрся снег,
И зимний лес безмолвствует в ночи,
Душа скорбит, что рядом деток нет.
И мать одна хлопочет у печи.

Пришлось в тоске ей годы коротать,
Ведь сын в уюте скрылся городском.
Ему тепло, и он забыл про мать
С таким усталым стареньким лицом.

ВСТРЕЧА С БЫЛОЙ ЛЮБОВЬЮ

У клёна ветки чёрные
Качались на ветру.
Грусть тихая, вечерняя –
Её в окне беру.

Тяжёлые, уставшие
И сердце и слова,
И песни звук оставшийся –
Любовь всегда права.

Вот образ тайный, призрачный,
Забывтый – твой родной.
Коса из-под косыночки
Пестрится сединой.

Как прежде улыбаешься –
Проста, мила, нежна.
И в сердце просыпается
Уснувшая весна.

ГРОЗА

В кудрях дубов спотыкается ветер,
С чаши бутона слетела оса,
С неба на гриб-толстячок, что в берете,
Дождик спускается, чтоб поплясать.

Зябликов смолкло тревожное пенье,
Зайке-трусишке укрыться пора,
Прыгает речка по чёрным камням,
Всхлипнула даже старушка-гора.

Вдруг кто-то по́ небу плетью ударил,
Чтобы разверзлось для ливня и гроз,
Бусы просыпал для далей в подарок,
Розам в подарок улыбку принёс.

ЗАБРОШЕННОЕ СЕЛО

Собаки, позабывшие уют –
Запавшие бока, прижаты ушки –
Самоотверженно своих хозяев ждут,
На улице оставшись, как игрушки.

В зеницах окон мертвенно темно,
Гуляет ветер погребально мрачный,
И жившие когда-то здесь давно,
По очагам родным тоскуя, плачут.

РАЗМЫШЛЕНИЯ

Поспели орехи, кизил подошёл,
И в лес потянулась сельчан вереница.
Мой старенький пёсик залаял, он зол:
Не помнит он запахи, звуки и лица.

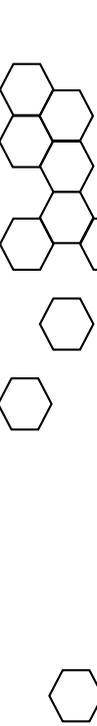
Мой пёсик ослепший, осипший, хромой,
Почти что не спит и пропал аппетит,
Как прежде, меня не встречает игрой.
Скажите, кого-нибудь старость щадит?

Когда-то я к финишу тоже приду,
Когда-то дождусь и последнего вдоха
И, если тогда я взгляну на звезду,
Мне будет от света пронзительно плохо.

Меня не обрадуют блики луны,
И я доживать стану призрачный век,
Помянут меня, после смерти, увы,
И скажут, каков же я был человек.

И горько заплачет мой ангел земной,
И дети не скроют слезы над могилой,
Останется на небе Млечный прибой,
Останусь стихами я в памяти милой.

Смотрю, как сельчане отправились в бор,
И слышу, как лает мой старенький пёсик...
Что сердце томит, не пойму до сих пор,
О чём запоздалые смутные грёзы?

СЕЛЬСКАЯ ЗАРИСОВКА

Тучи свежей простоквашей
Тихо просочились
В день наставший. Горы наши
Звонко петь учились.

Огненный цветок на склоне –
Просыпаться надо.
Юный пастушок спросонья
Молча гонит стадо.

В поле разлилась прохлада –
В волосах-колосьях.
Шепчет лес, глядя на стадо:
– Коршун не пронёсся б...

В ГОСТЯХ

Холодный день. Голодным волком – вьюга.
Ленивым котиком – ущелье, в нём – село.
И точно в поле косари друг с другом,
Стоят могучи башни. Грустно и светло.

Безмолвна сакля – тихий домик сгорблен.
Сквозь щели старой печки языки огня.
В двери хозяин. Взгляд уставший скорбен:
Погибший сын из рамки смотрит на меня.

* * *

Свет вечерний испускает дух,
Льются звёзды с неба, словно слёзы,
Ветер всколыхнулся и потух
И в ветвях улёгся слушать грёзы.

Смуглолицый сумрак, чёрна бровь,
Звёздный лучик за окошком брезжит,
А в душе и горечь, и любовь
Родились и с верой, и с надеждой.

УМИЛЕНИЕ

Как щедро многозвучье мир дарует!
Свист переливчат птичий, словно ртуть,
У ног ягнёнок шумный озорует.
И радостью мне не насытит грудь!

И на пчелу он смотрит с удивленьем,
Ему в новинку ветер и восход,
И с гор слетевшее пастушьё пенье.
Всё – умиление, и душа поёт.

ОСЕННЯЯ НОЧЬ

И сумерки крадутся К горизонтАМ,
У звёзд круги, как филина глаза,
Ночь поглощает горные высоты,
Свистит напевно ветер-егоза.

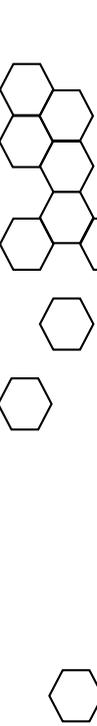
Густое облако вороною крадётся,
Природу убаюкивает клён,
Летит в пыли и в судорогах бьётся
Пожухлая листва – угас огонь.

Уж город стих. Но песню вдруг затянет
Сосед, уставший после многих дел.
Последний лист – никак он не увянет.
Простор, его жалея, поседел.

* * *

Неба края загорелись, краснея,
Ивы у речки склонились, дрожа,
Потом застывшим покрылись посевы,
Ветер давно от мороза сбежал.

Жёлтую бурку снимает опушка,
На наготу – белой шубоньке лечь.
В сакле прядёт, напевая, старушка,
Спорят поленья, залезшие в печь.

ОСЕННИЕ ДОЖДИ

Льются на землю осенние слёзы,
Вёроны в ветках поссорились вновь.
Горькие вести. Промозглая осень,
Что содрогнуться заставила кровь.

Всё ещё слышатся стоны Осетии –
Бедствий военных не молкнущий глас.
Думы тяжёлые. Слёзы осенние
Помнят героев, погибших за нас.

Пулей свинцовою в сердце отметится
Матери взгляд – без дитя не стерпим!
С сыном любимым во веки не встретиться.
Кружит над кладбищем призрачный дым.

Горько оплакали гордые горы –
Чёт или нечет – судьбу для сердец.
Жизнь пролистает секунды и годы,
С болью останется сердца рубец.

СТРАДАНИЕ БЕЖЕНЦА

Нам навязавшие бой, будьте прокляты!
Пусть мы покинули отчий порог,
Счастье, что раньше светилось за окнами,
Но с нами ангелы и с нами Бог.

В горе, стенаниях тропами, скалами...
Родину-мать сотрясала гроза.
Стужа безжалостно мертвенным скальпелем
Нам вырывала сердца и глаза.

Овцами мы растекались по дворикам –
Где отчий дом? Где родимый очаг?
С общими горем и болью, и скорбями...
Как ненавистен был враг!

Что вы молчите, страданий виновники?!
Будет ли в этом тоннеле просвет?
Нас обещаньями кормят чиновники –
В наших сердцах созревает ответ:

Наши сердца из горения сотканы!
Да, мы покинули отчий порог,
Счастье, что раньше светилось за окнами,
Но с нами ангелы и с нами Бог.

ПАМЯТИ ПОГИБШИХ ЗА ОСЕТИЮ

В тревожной душе увядают в смущенье желанья –
Так быстро сгорает моих вдохновений свеча.
В скитаниях тягостных бремя печальных мечтаний,
Но как о далёкой Осетии мне не мечтать!?

Кому-то нужна моя песня? К чему мне стремиться?
Толпа затоптала мой сад, засорила родник,
Вор знатен теперь, и грозит мне убийца,
Наследье в бесславии, в пренебреженье язык.

Но то не навечно. Прославится родина наша!
И радости слёзы проступят на горных щеках,
И станет страна не скудеющей чашей,
И будет с любовью прославлена нами в веках.

.....

* * *

Тебя избрал, тебе стихи слагаю,
И в тайных грёзах для меня земля.
О, дивная голубка золотая,
Тебя, как солнце, должен видеть я!

Приди, явись, как молнии сверканье!
Не жалко мне в твоих очах сгореть.
Мир обзрев в небесном зазеркалье,
Найдя тебя, о чувствах стану петь!

В РОДНОЙ САКЛЕ

Я сегодня приехал в родное селенье,
И смягчилась душа в тихой сакле родной.
Ставит мама на стол и пирог, и соленья,
Идохнул на меня наш домашний покой.

И улыбкою мама сияет, как прежде,
Колыбель, сохраняет мне детства тепло,
И под сердцем затеплился лучик надежды,
И в душе от неё безмятежно светло.

* * *

Катит меня колесницею время.
Я же, как призрак. Я, словно тень.
Давит на плечи мне прошлого бремя.
Где же найти наш утраченный день?

Полю небесные исчерни сини,
Лес тербит свой шелковый наряд.
И в лунном отблеске горные спины,
Будто уставшие буйволы спят.

Страстью нежданною грудь мою полнит,
В сердце забрезжил волшебный рассвет,
Взгляд твой прекрасный сквозь годы я помню.
Ты в моём сердце. Тебя рядом нет.

Тишь. Только блики луны, словно волны,
Жёлтым сияньем нисходят на лес.
Узы душевные скорбью наполнены –
Тают под ясностью звёздных небес.

ПРОЩАЛЬНЫЙ ВЕЧЕР

Прощальный вечер. Только мы с тобой.
Нам до утра не суждено уснуть.
Прощальный вечер. Сердца гулкий бой.
Безмерная тоска крадётся в грудь.

В твоих глазах надежды не найти,
Но ты чаруешь и в прощальный час.
И жёлтая луна спешит уйти,
Пройдя по небу и минув нас.

Перевод с осетинского

АРТУР

Від автора: один поважний критик сприйняв це оповідання як фантастичне, наслідування Стругацьких. На жаль, це не фантастика.

Прізвисько у дворі мені дали неприємне: я худорлявий і не так, щоб високий, зате на турніку сонечко крутив і через поперечину стрибав краще за всіх. Тож Блохою мене прозвали від заздрощів.

Коли вчинилася заваруха на атомній станції, я саме закінчував восьмий клас. Мати радіації боялася, наказувала вдома сидіти, та хіба я послухаю? Ага, зараз! У футбол ганяв цілісінський день, і нічого мені не робилося. Радіація – вона до слабких чіпляється. А хто дужий – тому по барабану. Природний, так би мовити, відбір.

Так от, реактор той рвонув навесні, а десь на початку літа підвалює до мене Шмаркля. Теж прізвисько нічогеньке. Ну, його якраз по темі прозвали: він слабак, і вічно сякається.

– Чуєш, Блоха?!

– За Блоху дам у диню, – спокійно відповів я. Ми обидва знали, я його не битиму.

– Радіації не боїшся? Поїхали з нами на станцію! Там барахла – завались, нікому не треба, бери, скільки хочеш.

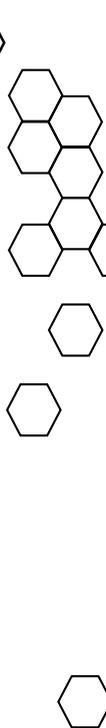
Я одразу погодився. Давно хотів побачити жовтий ліс, покинуте місто і тарганів завбільшки з мишей. Шмаркля сказав, що на машині поїдемо, на жигулях, його брат розвідав дорогу в обхід патрулів. А я й не знав, що у нього є старший брат. І про патрулі якимось не думав.

Вночі разів зо п'ять схоплювався, боявся спізнитися. З квартири вийшов навшпиньках, щоб мати не питалася, куди та нащо. Було рано, вулиці поливали машини, до Бессарабського ринку йшли жінки з кошиками. Ми чекали брата Шмарклі на розі: троє хлопців з нашого двору і один з чужого. А ще один не прийшов, злякався. Або проспав.

Класно їхати в машині! Сидиш на м'якому сидінні, у вікно дивишся, з пацанами триндиш. Шмаркля язиком ляпав бозна-що, ніяк зупинитися не міг. Мене он як під'юджував, а сам, бач, перелякався. Брат його всю дорогу мовчав, не сказав навіть, як його звать.

Їхали по шосе, потім через луки навпростець, краєм болота, повз жовтий ліс. Я думав, жовтий ліс – це наче восени, але там стояли темно-руді мертві сосни, восени так не буває. Народ аж принишк у машині, а брат Шмарклі сказав, щоб зачинили вікна. В покинуте місто він

Анна АГНИЧ
Авторизований переклад
з російської Наталії
БЕЛЬЧЕНКО за редакцією
Михайла БРИНИХА

в'їжджати не став, залишив жигуль у кущах і повів нас до крайньої дев'ятиповерхівки. На сходах влаштував інструктаж:

– У квартири входити по двоє, брати тільки цінне: портативні теліки, транзистори, годинники, шкіряні куртки. Якщо зловлять, про мене ні слова, бо потім знайду – прозрієте. Ясно?

А що ж тут не ясно?

На нижніх поверхах двері було виламані, ледь причинені або й навстіж, та що вище ми піднімалися, то більше було цілих. Брат Шмарклі піддівав їх загнутим ломиком, двері тріщали і відкривались. Навскіс стирчали зуби замків. Нам з іще одним хлопцем на прізвисько Вареник дісталася трикімнатна квартира на сьомому поверсі. Телік там був здоровенний, такий не стираш. У серванті лежали шоколадні цукерки. Ми з'їли штуки по три, і я коробку взяв з собою. Холодильник не відкривав, бо брат Шмарклі казав, що буде смердіти – тут минулого місяця вимкнули електрику.

Було цікаво ходити по квартирі, дивитися, як жили люди. Фотографії усілякі на стінах, книжки... Я зняв з полиці тритомник Монтеня – у нас точно такий удома, мати за нього третину зарплати віддала, на половину велика мало б вистачити. Засунув книжки за пазуху: дві зручно лягли по боках, третя умістилася на животі. Вареник узяв шубу і дві пляшки коньяку, а я ще бінокль і магнітофон, і ми пішли потихеньку вниз.

На кожному поверсі я заходив у квартири, дивився, що і як. Уявляв, ніби я тут колись мешкав. Або ніби минуло сто років, усі померли давно, а речі лишилися. Дивно було. Наче під водою, в каютах затонулого корабля.

Вареникові набридло плентатися за мною, він чекав на сходах, підстеливши під зад шубу, а я не міг зупинитися, все ходив і ходив. І що більше дивився, то галіміше почувався. Ніби тут музей мертвої цивілізації, або не музей, а розкопки, щось на кшталт Помпеї. Я в Помпеях не був, але, гадаю, там так само.

Таргана не побачив жодного – ані завбільшки з мишу, ані звичайного. Може, вони здичавіли і ховаються від людей?

В одній квартирі, де двері було виламано ще до нас, тхнуло димом. На кухонному столі – закіптюжений чайник, надкушений сухар, чашка чаю і відкрита книжка. Я прочитав: «Краєм ока він бачив обличчя Артура, точений його профіль, чисту шкіру щоки і рішуче затиснуті вуста під тоненькими вусиками». А, пам'ятаю, це про сталкерів. Гарна книжка. Видно, пацан який-небудь читав – і так лишив.

Прогуркотів за вікном вертоліт. Чай у чашці пішов брижами. Щось із цим чаєм не те... Чому він не висох? Торкнувся – а він теплий. О, це вже цікаво. Озирнувся. На підлозі – металевий лист, і на ньому перевернутий казан. Підніс долоню – від казана жар, тут нещодавно палили вогнище. Я гукнув, спочатку тихо, потім голосніше:

– Агов, хто тут?

Зазирнув до всіх кімнат, до комірок, вийшов на балкон. Ось там, на балконі, я його і знайшов. Він сидів у кутку, прикрившись ганчір'ям. Я підняв кінець ковдри і побачив око.

– Ти чого тут?

– А ти чого? – у нього був хрипкий голос.

– З ким у козаки-розбійники граєш? Ховаєшся від когось?

– Від патруля. І від цих, як їх... мародерів.

– Вилазь. Я не патруль і не мародер.

Він був молодший за мене, хоч і на півголови вищий. Худий глист-переросток. Сірі кола під очима, наче попелом намазано, губи в тріщинах – і засохлих, і свіжих. Нестрижений, немитий, занедбаний. Я спитав:

– Цукерок хочеш?

Він кивнув і глитув слину. Я поставив коробку на стіл, відкрив. Він запхав до рота одразу декілька штук, вдавився, закашлявся, я поплескав його по спині. Звісно, голодний, він же не може увійти до зачинених квартир, йому не стане сили виламати двері. А там, де двері відчинені, мало що лишилося. Я запитав:

- Ти давно тут? Де твій дім?
- Ніде. Нікого в мене немає, я один.
- Тут жити не можна.

– Можна. Он по тій вулиці автобуси ходять, вранці і вночі. Багато. Я рахував, я кожного дня рахую. І сьогодні рахував, тільки забувся, скільки їх було.

Я уявив, як він тут сидить, дивиться у вікно, рахує автобуси. Мені стало геть тоскно. Я спитав:

- Як тебе звати?

Він подумав і сказав, щоб я звав його Артуром. Ну, Артур так Артур, мені по барабану. Хотілося щось зробити для нього, та я не знав, що.

- А в мене прізвисько смішне – Блоха, – сказав я.

Він навіть не всміхнувся, лише кивнув. Я додав: – Ми багато квартир відкрили сьогодні. Там є хавка. Тільки до холодильників не лізь.

Він знову кивнув. Дістав з шафки пляшку коньяку і чашку, плеснув на дно, налив заварки та каламутної води з чайника. У нього тремтіли руки. Губи теж тремтіли.

Я хотів спитати, де він бере воду, та не спитав, бо він подумав би, що я боюсь пити його чай. Він мовчав, але мені здавалось, я його розумію без слів. Розумію, як нікого не розумів у житті. І наплювати, що я не знаю, як він тут опинився, від кого втік, і як його по-справжньому звать. Між нами виникло те солдатське братерство, про яке я читав у книжках. Поки ми чаювали – він став мені товаришем. Ба навіть братом, якого в мене ніколи не було.

- Поїхали зі мною до міста, – сказав я.

Він хитнув головою. Я приніс з кімнати олівець, взяв книжку про сталкерів, написав свій номер на відкритій сторінці. Сказав, щоб він мені телефонував.

Артур притулився до дверей і мовчки дивився, як я йду.

– Я повернусь, – тільки й сказав на прощання. Він усміхнувся, вперше. Йому боляче було всміхатися, бо губи ж в тріщинах. Я причинив двері і запам'ятав номер квартири: тридцять сім.

Поки я вештався і пив чай, хлопці натягали здобичі, склали у купу барахло на першому поверсі. Ми вчотирьох притьмом все віднесли до машини. Брат Шмарклі утримував усе в багажник, потім накидав лахів нам під ноги. Побачив мого Монтеня в пазусі. Запитав, що то. Я показав книжки, – він відчепився.

Зупинив жигулі в двох кварталах від нашого двору, сказав, що поїде знову через тиждень. Потиснув кожному руку й дав по три карбованці. Чужий хлопець був невдоволений, що так мало. А як на мене, все чесно і справедливо: нас покатали, ми розрахувалися барахлом. А три карбованці – то щось типу премії.

Я одразу поїхав на книжковий базар. Він тільки називається базар, а насправді – доріжка в парку, немає ані прилавків, нічого, лише ходять туди-сюди покупці та продавці. Мати іноді тягає мене сюди по книжки, на вихідних. Став скраю, тримаю свого Монтеня. Мужик один підвалив:

- О, – каже, – давно шукаю!

Ми сторгувалися, він поліз до торби. Я думав, по гроші, аж ні. Дістав штуківину: така мідна трубка, від неї два дроти до приладу, як тестер для електрики. Увімкнув прилад, підніс трубку до Монтеня.

- Так, хлопче... Звідки ці книжки?
– Не знаю. Мені приятель дав, просив продати.
– Давай сюди.

Я з дурного розуму дав йому всі три томи. Він схопив мене за руку, стиснув, наче автобусними дверима, і повів до виходу з парку. Дорогою поклав книжки до урни, недбало і непомітно, ніби кожен день дефіцитні тритомники викидав. Я сіпнувся, він міцніше стиснув клешню і запитав:

- Де ти живеш? Треба миттю під душ.
– Ніде. Немає в мене нікого, я один, – відповів я так само, як сьогодні вранці казав

Артур.

І мужик повірив мені – як і я повірив Артурові. Сказав:

- Тоді поїхали до мене.

Ми почекали автобус, але йому скоро увірвався терпець і він поволік мене за собою. Руку не відпускав, бо відчував, що можу втекти. Коли прийшли, одразу запхав мене у ванну поводив по мені трубкою, присвиснув.

– Ач, як умудрився. Роздягайся, скидай все сюди, на газети. Лізь під душ, бігом! Милом голову три, як слід, милом! Кажеш, приятель книжки дав? Ех, відлупцювати тебе, та нема кому.

Витяг з брудної білизни наволочку, набив моїми лахами, зав'язав. Грюкнули двері квартири. От гад, на смітник потягнув! Можна ж було випрати.

Після душу він знову поміряв мене.

– До половини шкали то нічого, не смертельно. А якщо стрілка сюди заходить, то вже погано. Знаєш, скільки я на твоїх кедах наміряв? Не знаєш? От і я не знаю – радіометр зашкалював.

Мені стало смішно. Він теж посміявся і сказав, що брудний одяг – це півбіди. Головне, чим я там надихався. Це як рулетка: може, хапонув якусь гидоту, а може, й ні.

Потім я в його трениках, капцях і светрі пив молоко за кухонним столом, а він сидів навпроти і підливав. Казав, що молоко виводить радіацію. Після четвертої склянки я ледь не поблював, він відстав. Щоправда ненадовго.

Мені подобався цей чолов'яга: весь такий діловий, спокійний, не метушливий. Розповідав, як на Далекому Сході грав у футбол за збірну округу, на воротах стояв. Слухати було цікаво. Втім, сам я мовчав. Не хотілося нічого вигадувати, не лишилося сил, довгий був день. Хороший чувак. Навіть шкода, що я йому набрехав.

Ну й день видався... Вранці зустрів хлопця, і він став мені як брат, якого в мене ніколи не було. Зараз сиджу з мужиком – і він мені наче батя, якого в мене давно немає.

Спав я на розкладачці. Вночі бігав до туалету, – несамовита срачка напала після всіх тих склянок молока. Дядько теж схоплювався кожного разу, змушував пити воду, питав, чи не нудить. Нічого мене не нудило. От, причепився, поворухнутися не можна, щоб не почув. Тут тікати треба, а як тут змиєшся? Та ще й срачка.

Під ранок полегшало. Тільки заснув – мужик будить, молоко дає. Ну, цього разу я пити не зміг, розревівся, як маленький. Він зробив яєшню, але я не хотів їсти. Спати хотів. Він сказав, що сонливість – це погано, треба їхати до лікаря, його знайомого, робити аналіз крові. Через десять хвилин і поїдемо, він тільки поголіть. Коли у ванні зашуміла вода, я взяв зі столу радіометр і чкурнув додому, як був: у чужих капцях, светрі й трениках.

А чого, все чесно й справедливо: він у мене Монтеня віджав, я у нього – радіометр.

Мати, ясна річ, не лягала, – чекала. Мені не хотілося брехати і викручуватися, сказав, що втомився. І це була правда.

Спочатку я виспався, потім ми з матір'ю міряли радіацію. Я збрехав, що пристрій мені дали знайомі. На тиждень. У квартирі все було нормально, тільки килимок під дверима так собі, та ще двері біля замка й ті місця, де часто руками лапають. Мати вимила – допомогло. Щоправда, килимок не відіправся, його довелося викинути.

У суботу дощило. Брат Шмарклі спізнавався, я вже думав, що не приїде. Насилу дочекався його синіх жигулів. А Шмаркля лишився вдома, бухикав, наче той паровоз. Зовсім розкис, – в машині його б знудило.

В рюкзаку я волік п'ять пляшок чистої води з-під крана, сяку-таку хавку і коробку цукерок – у матері з серванта поцупив. Та ще радіометр. Хотів у машині тихцем міряти, але нічого не вийшло: дорогою стрілку хилитало, – не добереш, що показує.

Цього разу брат Шмарклі повів нас до іншого будинку, на сусідній вулиці. Я відстав і притьмом за ріг, до Артура. На балконі його не було, в кухні теж. Чайник стояв пустий і холодний. Я знайшов Артура в кімнаті, на ліжку. Навіть не одразу помітив, думав, то ковдра лежить. Губи в нього потріскалися ще сильніше, дихав він швидко, з присвистом. Не всміхався, не відповідав, – не подивився навіть на цукерки.

Я вибіг на вулицю – нікого. Заскочив до телефонної будки – не працює, в трубці тихо. В іншій будці – та ж таки історія. Побіг до вулиці, де начебто ходять автобуси. Побачив самоскид, замахав руками. Там один військовий був за кермом, більш нікого, – це мені пощастило. Водій відчинив дверцята і крізь гуркіт мотора кричав, аби я сідав до кабіни. А я разів зо п'ять прокричав йому адресу. І що там, за цією адресою, помирає людина. І що я нікуди не поїду, а чекатиму в квартирі, саме за цією адресою. Водій вилаявся, грюкнув дверцятами і поїхав. Я знав: він зробить, що треба, не забуде. У нього було таке обличчя, трохи схоже на лице того чоловіка. Ну, в якого я радіометр поцупив.

Я повернувся, сів біля Артура, взяв його за руку. Він не дивився на мене. Щось бурмотів, якісь цифри. Нарешті на сходах затупали, а то я вже збирався знову на вулицю бігти. Вистрибнув на балкон, закопався в ганчір'я, і тільки тоді роздуплився: мене ж одразу тут знайдуть, як я знайшов Артура. Але ніхто нікого не шукав. Коли стало тихо, я почалапавав сходами вниз і раптом зрозумів, які цифри торочив Артур. Це був номер мого телефону.

Всі наші вже сиділи в машині, чекали. Брат Шмарклі ледь не побив мене, – розлютився страшенно, лаявся всю дорогу. Висадив нас на околиці, біля автобусної зупинки, і нагадав ще раз: якщо хтось стукне на нього, він зробить так, що ми всі прозріємо.

Відтоді я його не бачив. Шмаркля теж щез, у дворі казали, лежить у лікарні. Мій радіометр лишився в покинутому місті, разом з рюкзаком. Досі там, якщо ніхто не поцупив.

Я вірив, що Артур живий. Просто не могло такого бути, щоб його не стало. Про одне я шкодував: що не дотумкав дати йому води. У мене ж була вода. І він, напевно, хотів пити.

Артур зателефонував через півроку. Ух, як я зрадів! Записав адресу, примчав одразу. Коли він відчинив двері, я ледь не розплакався. Він вже не був такий худий, тріщини на губах зажили, лице стало нормального, людського, кольору. Голову йому обстригли під нуль, сильно стирчали вуха.

Я поставив на стіл цукерки, відкрив. Він узяв одну, надкусив, поклав назад до коробки. Налив нам по склянці чаю. Я знову ледь не заревів, тому що руки в нього не тремтіли.

Ми сиділи на кухні, там скрізь були дерев'яні миски, розмальовані червоно-золотим. На стіні висів календар з білим ведмедем. Перша радість від зустрічі минула. Я не знав, що казати.

– Книжку дочитав? – запитав я. – Ту, про сталкера, про щастя для всіх задарма?

Артур помовчав і сказав, що щастя для всіх не буває. Білий ведмідь невдоволено дивився зі стіни маленькими чорними очиськами. Я допив чай, посидів ще трохи і пішов.

Більше Артур не телефонував. То нічого, що ми не стали друзями. Головне, я не помилюся в нього: він такий, як і я, сильний. Нас радіація не бере. І взагалі жодна холера не бере. У мене хлопчачки ростуть, двоє, дружина над ними труситься, а я знаю: все буде добре. Дуже хлопці, моя порода.

А от Шмаркля... Він так і не вийшов з лікарні. Його батькам лікарка сказала: помер від запалення легень. На похороні купа народу була, а брат його не прийшов. Ну, я тоді про нього й не питав. То вже потім, після армії, я почав по-справжньому шукати: до родичів їздив, у сусідів допитувався. Ні, не пам'ятав ніхто, щоби був у Шмарклі такий брат – ні рідний, ні двоюрідний. Але я його пику добре запам'ятав. Рано чи пізно – я його знайду.

Чуєш, покидьку? Я тебе знайду. Якщо ти не гигнув ще, сиди й тремти, бо я тебе знайду – і прозрієш.

СКЛЯНА ПЕЛЮСТКА

Муся всадовила стару в пляжне крісло, закутала пледом і пішла берегом – збирати скельця. Відшліфовані атлантичної водою відламки вона зберігала вдома в синьому оксамитовому мішечку. Коли-небудь Муся наниже їх на нитку, – вийде браслет чи намисто. Щоправда, як просвердлити дірки в склі, вона поки не знала, але то нічого, колись щонебудь вигадає.

Краєм води біг великий чорний пес.

– Я тебе не боюся, – промовила Муся тихо.

Собака загальмував усіма чотирма лапами, розвернувся і побіг назад. На піску залишилися сліди, схожі на кошлаті квіти. Муся сіла навпочіпки і домалювала до них стебла з листям.

Немолода пара роздягалася біля обмерзлих каменів брайтонського хвилерізу. Жінка в мереживній білизні занурилась, зойкнула російською: «Ух, вода холодная!» – і вибігла на берег, боки і стегна її тряслися. Чоловік спокійно увійшов у крижаний океан і поплив наввимашки від берега просто до обр'ю.

У піску зблиснуло скельце. Таких Муся ще не знаходила: важка пелюстка, округла з одного боку й обламана з іншого, вона мінилася зеленим і фіалковим. Муся вдивилася в леління і згадала сьогоднішній сон, як вона вела урок в кімнаті з високими вікнами. За роялем кучерявий хлопчик грав баладу Шопена.

– Тут інтонація неспішна, розмовна, – вчила Муся. – Ти ніби не знаєш, не здогадуєшся навіть, що буде далі, ти поки що абсолютно спокійний. Не прискорюйся, ще ні, ні... Тепер давай!

Учень заграв так, що Мусі стало тісно в горлі. Вона обняла хлопчика за плечі, зазірнула в обличчя і побачила, що це Женя Кісін. Прокидаючись, подумала:

– Отож-бо він так грає.

Уроки снилися часто, а в'язі зійшли нанівець – якось не вдалося налаштувати викладання в новій країні, хоча учні й любили Мусю. По неділях вона грала на органі в одній манхеттенській церкві – ось і все, що залишилося від музичної школи і Гнесінки.

Ранок почався так собі: стара принохувалася до Мусі, витягнувши шийку, і чотири рази відправляла чистити зуби. Йшла до ванної, міркувала:

– Вона старенька, її шкода. І взагалі мені все це сниться.

Стара ще була нічого, просто такий ранок випав, у неї все залежало від настрою. Звали її Ольга, але Муся ніяк її не називала – незручно якось було звати просто на ім'я, а

як по батькові – не знала. Ольжин чоловік лежав з кисневим апаратом біля телевізора – він був тихий, а телевізор – гучний. Колись він перегравав у шахи весь російський клуб, але Муся цього не застала, їй тільки розповідали.

Вона зварила старій вівсянку на молоці, а старому зробила каву: ложку розчинної, дві ложки цукру і третину чашки молока.

Коли Муся почала у них працювати, першого дня запитала старого, чого він хоче на обід. Його жінка насупилася, поманила пальцем в іншу кімнату:

– Дитинко, ти все питаєш у мене. Тут я господиня.

Запам'ятати це було легко. Якщо Муся забувала, їй відразу нагадували.

Муся зітхнула й погладила скляну пелюстку, змахнула піщинки з округлої поверхні. Океан блищав, стара дрімала на осонні. Раптом вона відкрила очі і голосно сказала:

– Сідайте!

Сторопівши, Муся сіла на найближчий камінь. Стара помовчала і додала:

– Радий вам. Облиште всякий страх, тримайтеся вільно і не бійтесь кари. Я дозволяю вам. Ви знаєте, на днях мене прилюдно королем обрали!

Вона говорила неспішно, вимовляючи безтямні слова з вельможною пихою божевільної.

Уф-ф, видихнула Муся, це ж Апухтін. А я аж злякалася... Але як вона читає! Стара декламувала, не збиваючись і не знижуючи драматичного напруження до кінця. В її очах блищали непідробні сльози. У Мусі сльози текли по щоках і капали на комір пальта. Вона взагалі цими днями багато плакала. Після тої неділі, коли поховали майора, раз по раз спливав перед очима пагорб рудої землі на снігу.

Півроку тому майорові діти найняли Мусю, щоб після смерті дружини він не залишався один ночами. Вся робота була – попити чаю з господарем квартири і лягти спати в сусідній кімнаті. Для Мусі це було дуже доречно: коли Волька поїхав, стало все одно, вдома спати чи ще десь.

Майор пригостив цукерками з російського магазину, наполягав, що їй абсолютно нема чого худнути, що за дурниці! Вона така гарна, мила, чуйна, м'яка! Неодмінно – і незабаром – знайдеться гідний чоловік, роздивиться, полюбить, візьме під крило, треба тільки з'явитися в місцях, де бувають чоловіки.

– У нас в училищі, – мрійливо говорив майор, – молоді секретарки через два-три місяці виходили заміж за курсантів!

Тож Мусі не годиться втрачати кращі роки, обслуговуючи пенсіонерів, а треба якнайшвидше вивчитися на фізіотерапевта або секретарку і працювати з клієнтами. Майор садовив Мусю за комп'ютер, вчив друкувати наосліп – це їй, піаністці, давалося легко. Англійська теж йшла добре, у неї був абсолютний слух і бездоганна вимова. Найкраще вдавалася фраза: «Вибачте, я не говорю англійською». Говорити вона таки могла, але соромилася своєї бідної та кострубаті мови – практики було мало. Тепер майор лежить на кладовищі, а вона, як і раніше, не з'являється в місцях, де бувають чоловіки.

Повернувшись з прогулянки, стара лягла відпочити і відпустила Мусю до бібліотеки – перевірити електронну пошту. Від Вольки нічого не було. Він хороший хлопчик, просто йому ніколи, на першому курсі важко вчитися. Муся згадала, як вони їхали з Москви. За тиждень до від'їзду чоловік оголосив, що вона з маленьким Волькою, як і домовлено, прямує до Нью-Йорка, а він – він летить у Сан-Франциско і з ними жити не буде. Його спіткала велика любов. Муся тиждень проплакала, а в аеропорту запитала: навіщо ж він змушував її летіти до Америки?

– Я хочу, щоб син мешкав ув одній країні зі мною.

Ось так. Муся боялася летіти одна з дитиною, але несподівано Волька повівся, як дорослий. Він, п'ятирічний малюк, вів за руку розгублену Мусю, перераховував торби, перевіряв, чи на місці квитки, і співав пісень у літаку, щоб їй не страшно було летіти.

По обіді задощило. Стара розхвилювалася, заходилася трусити чоловіка за плечі: «Вставай, Толечку, не можна тобі довго лежати!» Вимагала, щоб він шов з нею гуляти до океану, записався на стрижку в перукарні, скупався у ванні і почав вживати таблетки від депресії. Старий гладив її руки, худі, як пташині лапки, хитав головою і мовчав. Вона хотіла викликати «швидку», потім зателефонувала доньці на роботу, заплакала в слухавку – і після цього заспокоїлася.

Додому Муся їхала пізно. В автобусі на неї дивився пристойно вбраний чоловік; вона не підводила очей, але відчувала – дивиться. Коли чоловік пересів ближче і усміхнувся, Мусю охопила паніка. На своїй зупинці вона встала, скособочившись, та клишоного пошкандибала до дверей, – імітувала якийсь їй самій невідомий синдром. Проминаючи чоловіка, скривила рота на бік і хотіла навіть пустити слину, але забракло куражу. Автобус поїхав, Муся прибрала нормального вигляду, похвалила себе за винахідливість і пішла додому спорожнілою мокрою вулицею.

Вдома ввімкнула радіо – передавали дев'яту Малера.

– Ось тільки тебе мені не вистачало! – розсердилася Муся і вимкнула музику. Відчинила вікно, сіла на підвіконня, витрусила на долоню скельця з синього оксамитового мішечка. Вона брала по одному обтесані морем скалки і кидала їх з третього поверху в березневу ніч, наче за борт пароплава. Скельця падали в калюжі, булькали на різні голося. Останньою впала важка скляна пелюстка, пролунало на диво чисте «ля».

– Дорога Маріє Юхимівно, – сказала Муся сама собі, – вітаю вас із днем народження!

Сьогодні Мусі виповнилося сорок два роки.

ДОБРОЕ УТРО, «УТРО ВЕЧЕРА»!*Инна МЕЛЬНИЦКАЯ*

Передо мной крошечная книжечка: Михаил Красиков, «Утро вечера». Издательство «Эксклюзив», 2014 год. Я держу ее и вспоминаю Леонида Вышеславского. Прочитав первый сборник моих стихов, он позвонил мне из Киева и сказал:

– Я внимательно прочёл Вашу книгу. У неё один серьёзный недостаток.

Я замерла.

Мэтр продолжал:

– В ней слишком много стихов.

Я молча горько обиделась, но он уточнил:

– Если в сборнике много стихотворений, я считаю это неуважением к Стиху. Их не должно быть много. У меня есть сборничек Ушакова: там всего тридцать стихотворений – но зато каких!

Миша Красиков, наверное, самостоятельно постиг эту истину: все известные мне сборники его совсем не велики. По размеру. Вот эти пятьдесят шесть страниц я перечитала трижды – и каждый раз нахожу в этих стихах что-то новое, даже в тех, в которых не насчитать и полтора десятка слов.

Вот – вдумайтесь:

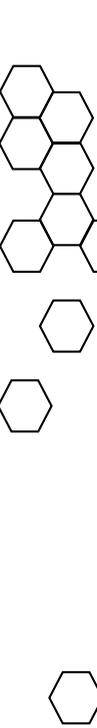
Как Гоголь в гробу,
порой просыпается совесть –
и умирает, не выйдя на свет.

Или:

Как две ледышки
в детском кулачке –
прошлое и будущее,
превращаемые
в т е к у щ е е.

И:

Как хочется
и как страшно
погладить
стариковскую голову
одуванчика...

Казалось бы – ну какие это стихи! Ни рифмы, ни четкого ритмического рисунка – а ведь захлёбываешься ими! Нет, о р г а н и з о в а н н ы е стихи тут тоже есть – например, посвящённое Ольге Максимовне Оконеvской:

Прийти к старухе умирающей
и вымыть окна у неё,
чтоб мир, как шарик улетающий,
хоть чистым канул в окоём.

Слова бессильны. Только руки.
Вода. И тряпка. И стекло
поет совсем не о разлуке,
а лишь: «О Боже, к а к с в е т л о !»

Вот вам и рифма, и строгая метрика, но и здесь – не это главное.

Есть у нас безусловно талантливые, хорошо обученные поэты, которых читаешь – и поражаешься: до чего мастеровито сделано! И ритм безупречный, и рифма звонкая – здорово! Но при этом тебя почему-то не тянет их перечитывать. А Мишины стихи не СДЕЛАНЫ – они ВЫДОХНУТЫ. И, как капельная инфекция при выдохе, тебя заражают талящиеся в них чувство и мысль – иногда смутно, но настойчиво – что побуждает читать их снова и снова. И понимаешь, что за кажущейся простотой кроется тонкое и точное поэтическое виденье. Ведь когда смотришь волшебное па-де-де из «Щелкунчика» или «Лебединого озера», не ощущаешь запаха пота?

Во многих стихотворениях сквозит нотка боли, и не случайно на последней странице обложки Михаил Красиков советует поэтам: «Нет силы боли – не пиши» – наверное, недаром древние римляне вывели: «Через страдание – к звёздам!» Можно и переставить – «К звёздам – через страдание». Не потому ли в дни жестоких испытаний Великой Отечественной в стране выплеснулось столько пронзительной поэзии – не парадной, не нарядной, а хватающей за душу высокой своей простотой?

Доброе утро, «Утро вечера»! Спасибо, Миша!

ОБ АВТОРАХ

Семен Абрамович – поет, доктор філологічних наук, професор, визначний фахівець у галузі філології, богослов'я, культурознавства, українознавства, риторики, автор біля 370 наукових праць, керівник наукової школи «Літературний текст у контексті культури: проблеми рецепції та інтерпретації». Займається він також живописом і графікою. Автор низки мемуарно-сатиричних оповідань, вміщених у збірках «Consecutio temporum» («Узгодження часів») та «Fecit» («Зробив»).

Дмитрий Аверьянов родився в 1984 году. Проживает в Крыму. Публиковался на сайте «Полутона», в сетевом журнале «TextOnly», в региональной рубрике журнала «Воздух», в журнале «©П».

Анна Агнич – киевлянка, сейчас живет в Бостоне, работает бизнес-аналитиком. Ее рассказы и повести печатаются в журналах и альманахах Украины, Канады, Израиля, Германии, России и США. В Бостоне недавно вышел сборник новелл «Девочка в окне».

Татьяна Анинова родилась и живёт в Киеве. По образованию математик. Автор пяти книг стихов. Стихи и проза публиковались в журналах, альманахах Украины, России, США, Германии.

Олег Андрос – писатель-фантаст, журналист, участник и исследователь эко-движений. Кандидат политических наук. Автор сборника рассказов «Здесь побывали люди» (М.: LAT & K, 2009), повестей «Бездорожье» (2006), «Кошачье племя» (2006). Соавтор художественной книги «Территория Духа» (в соавторстве с А. Комаровой) и двух природоохранных пособий. Родился и живет в г. Киеве.

Соня (София) Атлантова. Родилась 14 декабря 1981 года в Киеве. Училась в Государственной художественной средней школе им. Т. Г. Шевченко и в Национальной Академии изобразительного искусства и архитектуры. Работает в области монументальной и станковой живописи, а также книжной графики. Участник ряда выставок в Украине и за рубежом.

Евгения Джен Баранова – поэт, прозаик, журналист. Родилась 26 марта 1987 года. Родной город – Ялта. Произведения публиковали «Юность», «Дальний Восток», «Плавучий мост», «Кольцо А», «Зинзивер», «Новая реальность», «Дети Ра», «Зарубежные задворки», «Литература», «Журнал Поэтов», «Южное сияние», «45-параллель» и другие издания. Участник 19-го Международного Форума издателей во Львове. Участник Совещания молодых писателей при Союзе писателей Москвы (2015). Член Союза писателей Москвы, Южнорусского Союза Писателей, Союза писателей XXI века. Проживает в Москве.

Наталья Бельченко – поетка, перекладачка. Народилася 1973 року в Києві. Працювала в Інституті мовознавства ім. О. О. Потебні НАН України. Закінчила філологічний факультет Київського університету ім. Тараса Шевченка. Авторка семи збірок віршів. Її поезії перекладалися німецькою, французькою, англійською, болгарською, корейською, голландською, польською мовами та друкувалися у виданнях відповідних країн. Лауреатка літературної премії Губерта Бурди (Німеччина, 2000), літературної премії ім. Миколи Ушакова (2006), премії ім. Леоніда Вишеславського «Планета Поета» (2013), перекладацької премії «Метафора» (2014). Брала участь у численних фестивалях, зокрема у фестивалі «Час поетів» (Люблін, 2014), здійснила проект «Поетична мапа Києва» у Кракові. Стала одним з переможців (3 місце, українська мова) Міжнародного конкурсу на найкращий переклад поезії Віслави Шимборської російською, білоруською та українською мовами (Вроцлав, 2015). Живе в Києві.

Татьяна Бонч-Осмоловская. Родилась в Симферополе. Глава Ассоциации «Антиподы. Русская литература в Австралии». Организатор Австралийских фестивалей русской литературы «Антиподы» (Сидней 2006, 2008, 2010 – 2011) и ряда культурных мероприятий. Член Союза российских писателей (2009), Международной Академии Зауми, Крымского геоэстетического клуба. Живёт в Сиднее (Австралия).

Оксана Боровець. Фотограф, дизайнер, арт-директор проекту розвитку бренду бандури «VanduraStyle». Співорганізатор міжнародного фестивалю «Каштановий дім» (2006-2013 рр.), редактор однойменного літературного альманаху, координатор Міжнародної премії імені Арсенія та Андрія Тарковських, конкурсу молодіжної поезії пам'яті Леоніда Кисельова, організатор мистецьких квартирників «ЗвиЧАЙні вірші». Член Національної спілки письменників України, автор поетичних збірок «Трамвайні коні» (2008), «Маршрутка 417, або Дерево будд» (2012), аудіокниги віршів «Хрестики-нулики» (2009).

Елена Буевич живет в Черкассах. Журналист, литератор, переводчик. Родилась в г. Смела. Окончила Черкасское музыкальное училище (преподаватель фортепиано) и Московский литературный институт им. А.М. Горького (поэзия). Автор пяти поэтических книг. Стихотворения публиковались в журналах, альманахах и антологиях в России, Украине, Белоруссии, в переводах – в Сербии, Болгарии, США. Член Союза писателей России (СПР) и Ассоциации украинских писателей (АУП). Переводит поэзию с сербского, польского и украинского языков.

Надежда Бурова. Родилась в г. Киеве (1994). С 2013-го – участница творческой мастерской «Доска Ковчега» при кафедре языкознания, русской филологии, литературного и журналистского мастерства Пятигорского государственного лингвистического университета. Пишет на русском и украинском языках. Стихи и проза представлены в четырех изданных сборниках «Доска Ковчега». Переводила с украинского стихотворения Т.Г. Шевченко, с балкарского (по подстрочникам) стихотворения современного поэта Мурадина Ольмезова. В 2014 году в Пятигорске издан первый роман «Осколки иллюзорности». Второй роман «Логово Змиево» вышел в 2016 году в киевском издательстве «Издательский дом Дмитрия Бурого».

Татьяна Вольтская родилась и живет в Петербурге. Поэт, эссеист, автор девяти сборников стихов. Лауреат Пушкинской стипендии (Германия) и премии журнала «Звезда» (Санкт-Петербург). Печатается в литературных журналах «Звезда», «Новый мир», «Дружба народов», «Интерпоэзия», «Этажи» и др. Работает корреспондентом радио «Свобода/Свободная Европа».

Сергей Главацкий родился в Одессе в 1983 году. С 2002-го г. – председатель Южнорусского союза писателей, с 2006-го г. – председатель Одесской областной организации Конгресса литераторов Украины, с 2009 по 2012 гг. – член руководства Конгресса литераторов Украины. Выпускающий редактор литературного журнала «Южное сияние», главный редактор литературного интернет-проекта «Авророполис», председатель оргкомитета международного арт-фестиваля «Провинция у моря», член жюри ряда литературных конкурсов и фестивалей. Автор более 600 публикаций в изданиях Украины, России и дальнего зарубежья, в т.ч. в журналах «Дети Ра», «День и ночь», «Октябрь» и др. Автор книг «Неоновые пожары» и «Апокалипсис Улыбки Джоконды». Живет в Одессе.

Екатерина Голубкова – поэтесса, член НСПУ. Живет в Николаеве. Автор сборников лирики «Акварели», «Звездный корабль», «По праву любви», «День летящий» и «Звезда в колодце», а также многочисленных публикаций в коллективных сборниках, альманахах, журналах.

Андрей Грязов родился в 1961 году в городе Мары Туркменской ССР в семье военнослужащего. Окончил Киевский медицинский институт в 1984 году. Живет в Киеве. Работает в институте нейрохирургии, в отделе радиохимирургии и нейровизуализационных исследований, заведующий отделением радионейрохирургии. Кандидат медицинских наук. Старший научный сотрудник. Член НСПУ. Главный редактор альманаха «Каштановый Дом», организатор фестиваля «Каштановый Дом». Лауреат многих премий, в том числе Премии им. Юрия Долгорукого (за книгу стихов «Джаз», 2005), премии Национального союза писателей Украины имени Н. Ушакова (за книгу «Точка слуха», 2009), премии им. Л. Н. Вышеславского (2015) и других. Публикации – в периодических изданиях Украины, России, США, Германии, Израиля. Стихи переведены на украинский, английский, французский и немецкий языки.

Елена Дербилова. Художник-график (по профессии). Автор книги «Дар шрифта» (Харьков: Консум, 2003), сборника стихотворений «ИМЯ» (Харьков: Ксилон, 2009). Свои стихи и статьи опубликовала в журналах «День и ночь» (Красноярск), «Новый коллегийум» (Харьков), «Невский альманах» (Санкт-Петербург), «Аргмак» (Набережные Челны).

Майя Димерли. Родилась в Одессе (1973). Автор поэтического сборника «На грани» (Издательство ТЭС). Авторские подборки публиковались в различных литературно-художественных изданиях. Заняла 1-е место в Международном поэтическом конкурсе «Здесь можно жить, забыв про календарь...» в рамках арт-фестиваля «Провинция у моря»-2015.

Олег Духовный. Поэт, по профессии социолог, лауреат нескольких поэтических фестивалей, член Южнорусского союза писателей, автор поэтических книг «Осенний синдром» и «Императив», публиковался в различных литературных альманахах и журналах. Живёт в Николаеве.

Ирина Евса родилась в Харькове. В 1987 году окончила в Москве Литературный институт им. А.М. Горького. С 1979 года – член Национального союза писателей Украины. Член международного Пен-клуба.

Юлія Ємець-Доброносова. Письменница, есеїстка, художниця, кандидат філософських наук. Народилася у місті Слов'янську Донецької області, має філологічну освіту, нині живе і працює в Києві Автор книг «Відлуння самотності. Кнут Гамсун і контекст українського модернізму» (Київ: Факт, 2003), «Равлики тиші. Поезії» (Харків: Майдан, 2004), «Нутерука@ster.ua. Роман» (Львів: Піраміда, 2006), «UltraLight. Система дихання. Роман» (Київ: Наш час, 2011). Есеї публікувалися у журналах «Критика», «Сучасність», «Київська Русь», поезії – у часописах «Світовид», «Київська Русь».

Вадим Жук. Отец Вадима Жука киевлянин. Мать – из Симферополя. А сам он петербуржец, живущий в Москве. Известен своими капустниками, который играл созданный им Театр-студия «Четвёртая стена». Пишет для театра либретто музыкальных спектаклей с М. Дунаевским, В. Дашкевичем, С. Никитиным, А. Журбиным. Много работает в анимации. Публиковался в ряде российских и зарубежных журналов. Автор пяти книг.

Алексей Зарахович – поэт, художник. Родился в 1968 году в Киеве. Автор книг: «Машины и озера», «Табукатура», «Река весеннего завета», «Чехонь». Стихотворения публиковались в Украине, России, Белоруссии, Азербайджане, Германии, Сербии. Лауреат премии Планета Поэта им. Л.Н. Вышеславского, медаль «Н.В. Гоголь» (за гуманизм в творчестве). Работал учителем, тележурналистом, сценаристом. В данный момент – ведущий авторских программ на радио «Вести».

Семен Заславский – поэт, сценарист, переводчик, эссеист (Днепропетровск).

Ольга Иванова – педагог, поэт, писатель, публицист. Автор более пятнадцати поэтических книг. Лауреат литературной премии им. Н.С. Гумилева.

Ирина Иванченко. Поэт, журналист, автор шести поэтических книг. Родилась и живет в Киеве. Пишет на русском и украинском языках. Стихи публиковались в журналах, альманахах, антологиях Украины, России, Германии, Бельгии, Израиля, США и других стран. Лауреат Всеукраинской литературной премии НСПУ им. Николая Ушакова (2010), дипломант Международной литературной премии им. Юрия Долгорукого (2011), Международной премии им. Андрея и Арсения Тарковских (2012). Победитель Всемирного поэтического конкурса «Эмигрантская лира» в номинации «Неоставленная страна» (Бельгия, Франция, 2013). Член Национального союза писателей Украины. С 2013 года – член оргкомитета и жюри Всемирного поэтического конкурса «Эмигрантская лира». С апреля 2016 года – куратор поэтической рубрики в сетевом альманахе «Палисадник».

Сергей Игнатов. Живет в г. Сосенский (Россия).

Володимир Ільїн. Народився в Чернігові (1939). Український науковець, поет, перекладач. Фізико-хімік, доктор хімічних наук (1992), професор (1997), Заслужений діяч науки і техніки України (1997). Завідувач відділу Інституту фізичної хімії ім. Л.В. Писаржевського НАН України. Співавтор більш як 230 наукових статей, 40 авторських свідоцтв і патентів. Отримав премію імені Л. Писаржевського НАНУ (1998). Ліквідатор аварії на Чорнобильській АЕС. Автор поетичних книг. Перекладач віршів Папи Іоанна Павла II українською мовою («Римський триптих»), Ігоря Римарука – російською мовою («Доброе время твоё...»). Член Національної спілки письменників України.

Ольга Ильницкая. Поэт, прозаик, журналист. Родилась в Одессе (1951). Окончила исторический факультет Одесского университета. В советские времена публиковалась в самиздате Подмосковья и Ленинграда. Первая публикация в Одессе состоялась в 1991 году, в коллективном поэтическом альманахе «Вольный город» (составитель – Юрий Михайлик). Член PEN International (русское отделение), Союза писателей Москвы, Южнорусского Союза Писателей, Национального союза журналистов Украины, Конгресса литераторов Украины. Член жюри Международного арт-фестиваля «Провинция у моря» (2014 – 2016). Зав. отделом прозы литературного журнала «Южное Сияние».

Данило Йоканович (Данило Јокановић). Родился в Подгорице (Черногория), учился в г. Нови Сад, живет в Белграде (Сербия). Автор книг: «Другие мотивы» (1981), «Возможность выбора» (1984), «Эрос на коленях» (1992), «Ноев Ворон» (1994), «Трамвай на Колхиду» (1997), «Мерой роз и ветров» (2004), «Ненаписанные рассказы» (2009), «Букв наших имена» (2014) и «Колокола Святой Софии» (2016).

Александр Кабанов. Родился в г. Херсон (1968). Украинский поэт, живущий и работающий в Киеве, пишущий на русском языке. Автор 10-ти книг стихотворений и многочисленных публикаций в журнальной и газетной периодике: «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Континент», «Дружба народов», «Арион», «Новая газета», «Литературная газета» и др. Лауреат «Русской премии», премии «Antologia» за высшие достижения в современной поэзии, премии журнала «Новый мир», Международной Волошинской премии и др. Главный редактор журнала о современной культуре «ШО», координатор Международного фестиваля поэзии «Киевские Лавры», один из основателей украинского слэма.

Дмитрий Каратеев – поэт, родился в 1957 году в семье служащих. Окончил филологический факультет Киевского университета (1981). Автор книги стихов «Опыты» (Киев-Мюнхен, 1996). Печатался в журнале «Крещатик». Живет в Киеве.

Ирина Карпинос. Родилась и живет в Киеве. Закончила Литературный институт (Москва) в 1991 году. Член Союза театральных деятелей и Конгресса литераторов Украины. Написала и выпустила в свет три книги прозы: «Синема, Парнас и джаз», «Красный плащ трубадурики» и «Из логова змиева», а также четыре книги стихотворений: «Круговорот», «Запретный праздник», «Музы и пушки», «Перевернутый мир».

Ия Кива родилась в г. Донецке (1984). Закончила филологический факультет Донецкого национального университета. С 2014 г. живет в Киеве. Стихи и рецензии публиковались в журналах «Студия», «Слово\Word», «Нева», «Радуга», «Ковчег», «Плавучий мост», «Новая Юность», «Новый мир», «Крещатик» и др. Лауреат III и IV Международных молодежных поэтических конкурсов имени К.Р. (Санкт-Петербург, Россия). Лауреат Международного фестиваля литературы и культуры «Славянские традиции – 2013», литературной премии им. Юрия Каплана (2013), международного поэтического фестиваля «Эмигрантская лира – 2016», победитель Всеукраинского поэтического конкурса «Малахитовый носорог» (2014, Винница). Лонг-лист литературных премий «Белла» (2014) и «Дебют» в номинации «поэзия» (2015). Автор перевода романа Марии Галиной «Автохтоны» на украинский язык (2016, издательство «Фолио»).

Маріанна Кіановська (1973) – українська письменниця, перекладач, дослідниця літератури. Випускниця філологічного факультету Львівського національного університету ім. І. Франка (1997). Лауреат багатьох українських поетичних і літературних конкурсів.

Авторка поетичних збірок «Інкарнація» (1997), «Вінки сонетів» (1999), «Міфотворення» (2000), «Кохання і війна» (у співавторстві з Мар'яною Савкою; 2000), «Книга Адама» (2004), «Звичайна мова» (2005), «Дещо щоденне» (2008), «ДО ЕР» (2014), «373» (2014), «Листи з Литви/Листи зі Львова» (у співавторстві з Мар'яною Савкою; 2016). Авторка книжки оповідань «Стежка вздовж ріки» (2008). Член Національної спілки письменників України, українського ПЕН-у. Відзначена Почесним званням «За заслуги перед польською культурою» (Zasłużony dla kultury polskiej, листопад 2013).

Андрей Костюченко – поэт, писатель, киносценарист, журналист. Член Международной ассоциации писателей и Международной федерации журналистов. Родился и живет в Киеве. Публиковался в журналах «Радуга», «Соты», «Личности», «Ренессанс», «Отдохни!», «Натали» (все – Киев), «Фонтан» (Одесса), «Балаган» (Тель-Авив), «Вокруг смеха» (Санкт-Петербург), юмористических сборниках «Лужа смеха» и «Юморалка» (Киев).

Михаил Красиков – поэт, литературовед, культуролог, фольклорист, этнограф, культуртрегер. Член Национального союза писателей Украины, кандидат филологических наук. Автор пяти поэтических книг.

Феликс Кривин. Родился в г. Мариуполь (1928), умер в Беэр-Шева, Израиль (2016). Писатель, автор многочисленных книг лирико-иронического и философско-сатирического содержания. Жил в Одессе, Измаиле, Киеве, Мариуполе. Лауреат республиканской премии имени В.Г. Короленко (1990). В Тель-Авиве в 1999 г. вышла книга «Избранное». В 2001 г. была издана книга в серии «Антология сатиры и юмора России XX века».

Леонид Кулаковский. Родился в с. Дальник Овидиопольского р-на Одесской области (1965). Автор двух персональных поэтических сборников: «Мои меридианы» (2008) и «Пространство многоточий» (2014). Член Украинской ассоциации писателей с 2012 г. Председатель Литературного объединения имени Владимира Домрина в г. Черноморске.

Валерий Куринский (13.07.1939 – 03.05.2015) – известный украинский поэт, философ, музыкант, автор нового научного направления «постпсихология», полиглот. Автор более 5000 сонетов, стихов и прозаических произведений, многочисленных текстов к песням, написанных совместно с такими выдающимися композиторами,

как Игорь Шамо, Евгений Станкович, Валентин Сильвестров, Владимир Губа, Николай Полоз. В 2015-2016 годах посмертно вышли в свет книги Валерия Куринского «Прямую в близьку далечину», «Із метушні вихоплюючи барви», «Постпсихологічна автодидактика. І том», «Autodidactics» (в переводе на английский).

Елена Лазарева. Родилась в г. Дружковка Донецкой области. Длительное время проживает и работает в Киеве. Авторские сборники: «Сезон охоты», «Молитва о счастье», «В полный голос». Публикации в альманахах «Окно», «Дорога» (Санкт-Петербург). Автор литературного портала «Графоманов.нет». Лауреат международного поэтического конкурса «Провинция у моря» – 2016.

Дмитро Лазуткін народився в 1978 р. Вірші друкувалися в антології «Звільнений Улісс», журналах «ШО», «Четвер», «Дніпро», «Континент», «Діти Ра», «Повітря», «Волга», «Videria», «Акцент» та ін. Автор восьми поетичних збірок українською мовою і книги «Паприка мрій» (НЛО, 2006) російською мовою. Лауреат літературних премій «Співдружність», «Смолоскип», «Благовіст», «Русской премии». На фестивалі «Порядок слів» у Мінську був удостоєний звання «Король поетів». Живе в Києві.

Игорь Лапинский – киевский поэт, журналист. Автор поэтических книг: «Огни Святого Эльма» (СПб., 1992 г.), «LUDI» (Киев, 2000 г.), «Утро бессонных крыш» (Киев, 2002 г.), «З невидимого космосу» (Київ, 2005 р.), «Избранное» (Киев, 2009 г.), книги для детей «Дотепно і незвично про інструмент музичний» (Київ, 2002 р.), а также многочисленных публикаций в отечественных и зарубежных антологиях, литературной периодике. Лауреат литературных премий: «Планета поэта» имени Леонида Вышеславского (Киев, 2007.), Международной премии имени Арсения и Андрея Тарковских (Киев, 2010 г.).

Анатолий Лемыш. Родился и живет в Киеве. Закончил Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Издал три сборника стихотворений, записал три диска песен. Печатался в журналах и альманахах «Радуга», «Юрьев день», «Сталкер», «Соты», «Ковчег» и др. Ряд стихотворений опубликованы в антологиях современной русской поэзии. Лауреат литературных премий.

Милена Макарова – поэт, переводчик. Родилась в Риге. С 1998 года – член Союза писателей Латвии. Автор поэтического сборника «Амальгама» и пяти книг переводов латышской поэзии и прозы. Последняя книга «Вещество взгляда» (сборник переводов поэзии Лианы Ланги) вышла в 2013 г. в издательстве «Арт Хаус Медиа» (Москва). Неоднократный стипендиат Фонда культурного капитала Латвии. Член Балтийской Гильдии Поэтов.

Олег Максименко. Родился в 1964 году. Писать начал несколько лет назад, в основном поэзию, хотя есть и более ранние прозаические миниатюры. Всем, чего достиг, благодарен клубу «Киев ПОЭТажный». Всё остальное – в стихотворениях.

Саша Мальй родился в 1958 г. в Киеве. С 1959 по 1975 жил на Тянь-Шане. В 1991 г. эмигрировал в Германию. Стихи и проза публиковались в Украине, России, Германии, США, Бельгии.

Антонина Медведчук – практикующий психолог, иллюстратор, поэтесса. Родом из-под Черкасс. Пишет на русском и украинском языке около 13 лет. Автор дебютного сборника «Ласточка» (2013) и ряда песен на свои стихи. Живет и работает в Киеве.

Станислав Минаков. Родился в г. Харькове (1959). Член Союза писателей России, Всемирной организации писателей International PEN Club. Лауреат Международной премии имени Арсения и Андрея Тарковских (Киев-Москва, 2008), Всероссийской премии имени братьев Киреевских «Отчий дом» (Москва-Калуга, 2009) и других

литературных и журналистских премий России и Украины. Награжден Золотой медалью «Василий Шукшин» (2014).

Александр Моцар – украинский поэт, прозаик (пишет на русском языке). Автор сборника стихов «Александр Моцар, Бим и Бом и другие клоуны» (Днепропетровск: Лира, 2013 г.) и романа «Родченко (кошки-мышки)» (Киев: Каяла, 2016г.) Шорт-лист и победитель поэтического слэма Григорьевской премии 2015 г.

Димитр Никифоров родился в 1968 году. С 1999 года живёт в Софии. Автор двух книг – «Колбочки в сердце» (2013) и «Последняя пробоина» (2016).

Татьяна Орбатова – поэт, прозаик, одесситка. Публикуется в одесских журналах «Южное Сияние», «Дерибасовская – Ришельевская», а также в других периодических изданиях, таких как «45-я параллель», «Гостиная», «Ликбез» и др. В 2004 году была издана книга её рассказов «Пациенты планеты Земля», а в 2008-м – поэтический сборник «Ты видел рыб над головами?». Член Южнорусского союза писателей, многократный призёр сетевых литературных конкурсов.

Мария Панчехина. Родилась в г. Макеевка Донецкой области (1987). Публиковалась в литературных изданиях и альманахах «Семейка» (Вупперталь), «Соты» (Киев), «Крещатик» (Киев), «Дикое поле» (Донецк), «Четыре сантиметра луны» (Донецк).

Юлия Петрусевичюте. Поэт, режиссёр-постановщик, сценарист. Родилась в г. Одессе (1969). С 2002 года – член Южнорусского союза писателей. Руководитель театральной студии «Обочина». Работает помощником главного режиссёра одесского Театра юного зрителя. Автор книг стихотворений «Киммерийская Лета» (2006), «Археология перекрестка» (2014) и ряда самиздатовских сборников. Публиковалась в журналах и альманахах «Южное Сияние», «Дерибасовская – Ришельевская», «Октябрь», «День и ночь», «Меценат и мир», «Интерпоэзия», «Гостиная», «45-я параллель», «Ренессанс», «Ликбез» и др. Лауреат Литературной премии им. К. Паустовского (2014).

Евгений Пивень. Родился в г. Баштанка Николаевской области (1987). Поэт, инженер. Участник проектов в рамках «Форума издателей», «Книжного Арсенала», «Киевских лавров» и других литературных событий. Автор поэтических сборников «Первое приближение» («ПроLogos», 2014) и «Продолжение» («Лощия», 2016). Член поэтического объединения «Лига Эм» (г. Николаев). Администратор и редактор литературного портала Litcenter.

Антон Полунін. Організатор фестивалю «Kyiv Poetry Week», співзасновник видавництва «Лощія», модератор порталу «Український літературний центр». Твори публікувалися в журналах «Воздух», «День и Ночь», «Aesthetoscope», на порталі polutona.ru. Живе в м. Бровари Київської області.

Володимир Прилипка. Народився у с. Краскіно Приморського краю (Росія) (1947). Автор поетичних збірок «Лядова» (1995 р.), «Зелене сонце» (2003 р.), «Старий сад» (2006 р.). Лауреат Всеукраїнської літературної премії ім. М. Коцюбинського (2003 р.).

Анна Протасова родилась в Харькове, с начала 2000-х годов живёт в Киеве. Лауреат поэтических конкурсов «Здесь можно жить, забыв про календарь...» и «Бог сохраняет все, особенно – слова...» в рамках международного фестиваля «Провинция у моря» (Одесса, 2015, 2016). Лауреат поэтического конкурса «Неоставленная страна» в рамках 8-го всемирного поэтического фестиваля «Эмигрантская лира» (Бельгия, 2016). Дипломант всеукраинского конкурса для молодых авторов «Гранослов» (в номинации «Проза»).

Владимир Пучков. Поэт и журналист, лауреат литературных премий им. Н. Ушакова, «Планета поэта» им. Л. Вышеславского, Международной премии им. Арсения и Андрея Тарковских, диплома Anderson House Foundation (США). Автор восьми поэтических

книг, публикаций в антологиях, журналах, интернете. Заслуженный журналист Украины. Соорганизатор фестиваля поэзии «Ватерлиния». Живет и работает в Николаеве.

Елизавета Радванская. Родилась в г. Киеве (1990). Автор и соавтор нескольких сборников поэзии и прозы, печаталась в альманахах и журналах Киева, Одессы, Санкт-Петербурга, Читы и др. Лауреат и победитель международных конкурсов «Интерреальность», «Провинция у моря» и др. Региональный представитель Союза писателей ЮРСП в г. Киеве. Руководитель киевской литературной студии. Переводчик.

Елена Раскина. Автор исторических романов «Час Елизаветы», «Под знаком Софии» (в соавторстве с Владимиром Никольским), «Красная валькирия» (в соавторстве с Михаилом Кожемякиным), «Жена Петра Великого» (в двух частях) (в соавторстве с Михаилом Кожемякиным), исторических путеводителей «Франция – страна королей и пяти республик», «Черногория: горы в зеркале Адриатики» (оба – в соавторстве с Михаилом Кожемякиным), сборника стихов «К земле обетованной», пьес – «Встречи в «Бродячей собаке» (в соавторстве с Михаилом Кожемякиным), «Елабуга, отдай Марину!». Художественный руководитель Молодежной театральной лаборатории «Блуждающие звезды».

Илья Рейдерман. По образованию филолог, профессиональный журналист, музыкальный критик, культуролог, философ, ведущий авторских программ на телерадиоканале «Глас». Автор пятнадцати книг. Живет в г. Одесса.

Елена Росовская. Поэт. Родилась в г. Одесса (1972). Стихотворения опубликованы в журналах «Южное Сияние», «День и ночь», коллективных сборниках «Лит-Ё», «Провинция у моря» (2014. 2015. 2016), интернет-порталах «45-я параллель», «Золотое руно», «Авророполис» и др. Победитель Основного поэтического конкурса и Анонимного конкурса одного стихотворения на IV Международном арт-фестивале «Провинция у моря» (Одесса, 2014). Победитель IV Международного литературного фестиваля «Шорох» (Симферополь, 2014, 1 место в номинации «поэзия»). Член Южнорусского союза писателей (2014).

Элина Свенцицкая – поэт, писатель, лауреат литературных премий, доктор филологических наук, профессор.

Александр Семькин. Поэт. Родился в г. Одесса (1973). Живёт в г. Черноморск (Одесская область). Лауреат Третьего международного фестиваля литературы и культуры «Славянские традиции – 2011. Лауреат муниципальной литературной премии им. К. Паустовского (Одесса, 2013, 1-е место в номинации «поэзия»). Стихотворения публиковались в журналах «Дети Ра» (Москва), «Южное Сияние» (Одесса), «Дерибасовская – Ришельевская» (Одесса), «День и Ночь» (Красноярск), «Дон» (Ростов-на-Дону); в интернет-журналах «45-я Параллель» (Ставрополь), «Гостиная» (Филадельфия), в альманахах «Нам не дано предугадать...» (Нью-Йорк, 2014), «Меценат и Мир» (Москва, 2014), «ЛитЭра» (Симферополь, 2012) и др. Автор поэтического сборника «Кризис среднего во» (Одесса; Ильичевск, 2012). Член Южнорусского союза писателей (2011) и творческого объединения «Территория I».

Роман Скиба. Народився у м. Львові (1970). За освітою філолог (закінчив ЛДУ ім. І. Франка у 1992). Член НСПУ (від 1993). Вийшли друком збірки поезій: «Мене назвуть листопадом» («Укр. письменник», 1992); «Листопадом назвуть мене» та «Осінь на місяці, або Усміх дракона» («Відродження», 1993); «Тінь сови» («Відродження», 1994); «Хвороба росту» (зібрано-вибране; «Смолоскип», 1998); «Одіссея – 2000» («Сполом», 2002 та 2005); «П'ятизнак, або Життя і нежить» (зібране; «Апріорі», «Маузер», 2008); «Телефонний Будда» (зібране у двох томах, «Колесо», «Електрокнига», 2015). Нагороджений преміями «Міжнародного конкурсу "Гранослов"» (1991), конкурсу видавництва «Смолоскип» (1997), журналу для дітей «Соняшник» – «Найбільшій дитині 1998 року», «Благовіст» (1999),

журналу «Кур'єр Кривбасу» (2000), арт-клубу «ОстаННя барикада» та Чільної Української Молодіжної Мистецької Агенції «ЧУММА» – «Поету в Законі» (2002), фестивалю-конкурсу «Просто так» (2008), журналу для дітей «Ангелятко» – «Золота пір'їнка» (2011), конкурсу «Коронація слова», фестивалю-конкурсу «Ватерлінія» (2013).

Людмила Смоляр. Народилася в м. Полтаві (1994). Закінчила бакалаврат Києво-Могилянської академії, спеціальність – соціологія.

Сергей Соловьев. Родился в г. Киеве (1959). Автор 15 книг поэзии и прозы, в числе которых «Пир», «Крымский диван», «Книга», «В стороне», «Адамов мост» и др. Лауреат премии «Планета Поэта» и премии Давида Бурлюка, финалист премии Андрея Белого и Русского Гуливера. Живет в Мюнхене.

Александр Столяров. Родился в г. Львов (1959). Режиссёр, писатель, автор более 100 документальных и художественных фильмов. Номинирован на премию «НИКА» и «ТЭФИ» в 2010 году (фильм «Герман и Кармалита»). Наиболее известные фильмы – «Девочки-девочки» (2007), «Понять Человека» (2009), «Старец Паисий и я, стоящий вверх ногами» (2012). В сентябре 2015 года вышел сборник самых лучших рассказов писателя – «Неправильная сказка». Окончил Высшие курсы сценаристов и режиссёров в Москве. Основатель и художественный руководитель детского театра «Театр Андерсена». Лауреат литературной премии О. Генри (Нью-Йорк, 2016).

Євген Стрілецький. Народився у містечці Чернівці на Вінниччині (1946). У 1978 р. закінчив художній факультет Всесоюзного державного інституту кінематографії й багато років працював провідним художником-постановником кіностудії ім О. Довженка.

Майя Студзинская. Родилась в г. Киеве. Публиковалась в «Радуге», «Диком поле», «Сотах», «Арт-шуме», в «Новой прозе» и глянце.

Аркадий Суров. Поэт, член Союза писателей России, член Союза писателей Украины, наш современник. Живет в Николаеве.

Диана Сушко. Родилась в 1986 г. Занимается психологией. Поэзию считает неотъемлемой частью жизни. Состоит в разных поэтических сообществах, принимала участие и была победителем различных поэтических фестивалей, Соавтор совместного с Юлией Холод поэтического сборника «Нічого більше».

Андрей Танцырев. Родился в Свердловске, ныне Екатеринбург. Стихи публиковались в газетах «Молодежь Эстонии», «Вечерний Таллинн», «Уральский университет», в журналах «Урал», «Радуга/Викеркаар», советском «Таллине» (с напутствием Д. Самойлова), «Всемирное слово», альманахах «Истоки», «День и ночь», «Тула» (с предисловием В. Курбатова), в Антологии русского верлибра, Антологии современной уральской поэзии, Антологии «Русская поэзия XXI века» и др. Автор двух поэтических книг.

Вячеслав Теркулов. Нормальный, как мне кажется, человек. Думает, что он поэт, но это не точно... Говорят, что, скорее, бард. Любит Хлебникова и теорию семантических падежей Ч. Филлмора. Ну как бы и все...

Олексій Торхов. Поет, візуальний поет, прозаїк, публіцист. Поетичний псевдонім: «А.В. Тор...». Народився 28 лютого в селі Олінськ Нерчинського району Читинської області (РРФСР) (1961). Автор шести поетичних книжок: «Чайная пауза перед блюзом» (2002), «Языческий месяц Ересень» (2004), «Сь» (2007), «ЮкрейNзи» (2009), «Безвыдыханно» (2013), «Элюа» (2015); книжки короткої прози «Северные сказы про Максимку бога» (2012). Співавтор поетичної книжки «Частная жизнь почтовых ящиков» (спільно з Максимом Бородінім, 2015). Автор об'єктів бук-арта: «Отверстое», «Введение в кобуру», «Кот, исписанный лишь наполовину». Лауреат Міжнародної Відмітини імені Давида

Бурлюка (Міжнародна академія мудрагельства, Німеччина, 2010); літературної премії «Слов'янські традиції» (2010). Співорганізатор відкритого Всеукраїнського фестивалю поезії «Ватерлінія». Член ВТС «Конгрес літераторів України» (КЛУ) (2006), голова Правління Миколаївської обласної організації КЛУ.

Леся Тышковская. Родилась в Киеве. Член Союза писателей Украины. Автор трех музыкальных альбомов, шести поэтических сборников, а также рассказов и статей, опубликованных в многочисленных альманахах и антологиях. Актриса театра и кино, автор-исполнитель моноспектаклей – *opetanshow*, объединивших пантомиму, книжную поэзию и театральную песню. В настоящее время живет во Франции.

Людмила Усенко. Литературная студия «Третьи ворота» (с 2006), лауреат Литературной премии им. Юрия Каплана (2012). Стихи публиковала в поэтических антологиях, литературно-художественных сборниках, литературной газете и др. Член Конгресса литераторов Украины, дипломант поэтического фестиваля «Одна маленькая свеча» (2013), лауреат международного лит. конкурса «Каплантида» (2012).

Александр Филин. Писатель, поэт, публицист, журналист. С 1993 года – член Союза журналистов Украины, с 2009-го – член Ассоциации украинских писателей. Соавтор книг: «Серебряное мгновение» (вместе с Л. Каревой и Л. Анхоиной, 1999 г.), «Украина – боль и быль» (вместе с В. Винничуком и В. Янушевским, 2016). Автор поэтических сборников: «Год собаки» (Винница 2000), «Город мой и немой» (поэзия и проза, Винница, 2006), «И уходят друзья» (Винница 2009). Лауреат литературной премии им. М. Стельмаха.

Борис Чичибабин (9 января 1923, г. Кременчуг – 15 декабря 1994, г. Харьков). Всю жизнь прожил на Харьковщине (Чугуев, Харьков). Поэт сложной и богатой стиховой культуры, в произведениях которого органично переплелись философская, гражданская, любовная и пейзажная лирика. С 1963 по 1968 гг. вышли четыре поэтических сборника, сильно изуродованные цензурой. С 1964 по 1966 гг. руководил литературной студией при ДК связи (ныне Центр культуры Киевского района, при котором в 2001г. организован «Чичибабин – центр»). В 1966 году принят в Союз писателей, а в 1973 исключен за «написання антирадянських віршів». Не печатался около 20 лет. Перестройка вызволила поэта из забвения. В 1987 восстановлен в СП. За книгу стихов «Колокол» Чичибабин в 1990 г. удостоен Государственной премии СССР. В последний период жизни поэта опубликованы книги: «Мои шестидесятые» (Киев: Дніпро, 1990), «Колокол» (Москва: Известия, 1989 и Советский писатель, 1991), «82 сонета и 28 стихотворений о любви» (М.: PAN, 1994), «Цветение картошки» (М.: Московский рабочий, 1994). В 1993 стал лауреатом премии имени академика А.Д. Сахарова «За гражданское мужество писателя» литературно-общественного движения «Апрель».

Вячеслав Шаповалов. Русский поэт, переводчик тюркской и европейской поэзии. Народный поэт Киргизии, лауреат Государственной премии КР и Русской премии, заслуженный деятель культуры КР, профессор, доктор филологии, вице-президент Центрально-азиатского PEN-центра, член Русского PEN-центра, автор 12 книг стихотворений. Публикации в журналах «Арион», «Дружба народов», «Знамя», «Иерусалимский журнал», «Интерпоэзия», «Литературный Киргизстан», «Литература», «Новая Юность», «Новый берег», «Эмигрантская лира» и др.

Сергей Шаталов. Родился в г. Донецке (1958). Редактор литературно-художественного альманаха «Четыре сантиметра Луны». Режиссёр «театра земной астрономии» и цикла историко-документальных фильмов «Донбасс – бесконечная история». Автор трех поэтических сборников, двух книг прозы.

Людмила Шарга. Поэт, прозаик, публицист. Родилась в 1963 году. Автор сборников прозы и поэзии «Адамово Ребро», «На проталинах памяти», «Билет в осенний день», «Рукой подать...», «Повесть о падающих яблоках», «Яблоневые сны». Лауреат международных литературных конкурсов и премий, автор многочисленных публикаций в печатных и электронных периодических изданиях, в т.ч. в журналах «День и Ночь» (Красноярск), «Дон» (Ростов-на-Дону), «45-параллель» (Ставрополь), «Гостиная» (Филадельфия), «Камертон» (Москва), «Что есть истина» (Лондон), в альманахе «Меценат и Мир» (Москва) и т.д. Зав. отделом поэзии литературного журнала «Южное Сияние». Член Южнорусского союза писателей (2007).

Елена Шелкова. Родилась в Киеве (1986). Лауреат премии имени К. Квитницкой, член Южнорусского союза писателей, член ЛИТО «Каштановый дом». Автор книги «Чайники» (2012).

Михаил Юдовский. Родился в г. Киеве (1966). С 1989 года – свободный художник. Поэзию и прозу автора опубликовали литературные журналы и альманахи в Украине, России, Германии, Великобритании, Финляндии, Израиле, Австралии и США. В 2013 году издательство АСТ (Москва) выпустило книгу прозы М. Юдовского «Воздушный шарик со свинцовым грузом». В 2014 году в издательстве «Петит» (Латвия) вышла книга стихов «Полусредние века». В августе 2016 года в харьковском издательстве «Фабула» вышли на русском и украинском языке две книги прозы автора: «Сволочь» и «Богиня». Перевод на украинский сделал автор.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ДМИТРИЯ БУРАГО

ИЗДАНИЯ, ВЫШЕДШИЕ В 2016 ГОДУ

Валерія Богуславська. І мій обол : вірші і таке інше / В. Богуславська.

Авром Рейзен. О мій народі : вибрані поезії / Авром Рейзен; переклад з їдишу Валерії Богуславської; післямова: Шмуель Рожанські, Ноях При – луцький, Яків Глатштейн.

Бондаренко І. П., Осадча Феррейра Ю. В. Японська література. Курс лекцій. Частина друга: період шьогунатів.

Погодин І. А. Управляемое чудо, или как незнакомо изменить свою Жизнь, начал переживать её / И.А. Погодин.

Погодин І. А. «Мне никогда не было так больно, как сейчас! И никогда я не был так счастлив, как сегодня!» : сборник статей-описаний случаев из психотерапевтической практики /И.А. Погодин.

Шершньова А. В. Образотворення в англомовних орієнтальних поетичних мініатюрах: когнітивно-семіотичний аспект : монографія / А. В. Шершньова.

Хінкіладзе К. В. Література за межами високої словесності: Белетристика в літературі російсько-го Зарубіжжя 1920-х – 1930-х рр. : Монографія.

Мегела І. П. Література європейського середньовіччя. Курс лекцій / Навчальний посібник.

Микола Луговик-Сениця. Сова у вітряку : Поезії минулого і сьогодення / Микола Луговик-Сениця.

Безуглий В. К. Про емпіричну термодинаміку, спостерігачів і мову науки.

Марчук Л. М. Українська мова за професійним спрямуванням. Практичні заняття. Самостійна робота : навчальний посібник / Л. М. Марчук, Т. М. Сукаленко, В. О. Бойчук.

Анатолій Мойсієнко. Народна загадка в тексто-во-дискурсивному вимірі: Монографія.

Вернадских Влада. Вернуть всех / В. Вернадских.

Російсько-український словник: у 4-х т. — Т. 1. А—Ж / Редактори: В. Ганцов, Г. Голоскевич, М. Грінченкова. Головний редактор: акад. А. Кримський. — 12, XIV, 290 с. — Репринт з видання 1924 р. (Серія «Словникова спадщина України»).

Онкович Ганна Володимирівна, доктор педагогічних наук, професор. До 70-річчя від дня народження : біобібліографія / НАПН України, Ін-т вищої освіти, від. теорії та методології гуманітар. освіти ; упоряд. і наук. ред. О. А. Щербаківа.

Мегела І. П. Ейдоси літературознавчого дискурсу.

Поезія Тараса Шевченка новогрецькою мовою: збірник наукових праць.

Del Gaudio Salvatore / Дель Гаудіо Сальваторе Compendio di stilistica contrastiva italiano-ucraino Конспект лекцій з італійсько-української контрастивної стилістики.

Баранник М. Смех – дело серьезное, или СССР в анекдотах.

Хмельницький Б. Интриган. Роман-пародия.

Тимошенко Інна. Книга не в стил / Інна Тимошенко.

Бурова Надежда. Логово Змиєво. Роман.

Хімаван Прабово. Теоретична граматика індонезійської мови : підручник / Хімаван Прабово.

Собчук В. М. Літо на Парнасі. Роман, повість, оповідання / В.М. Собчук.

Криворучко С. К. Література країн Західної Європи межі ХХ–ХХІ століття : підручник.

Борисенко Олександр. Остаточна версія.

Володимир Голобородько. Тези й антитези з митропорчим віршем.

Сардарян К. Г. Творчість Ірини Жиленко у контексті розвитку української літератури другої половини ХХ – початку ХХІ століття : Монографія / К. Г. Сардарян.

Абрамович С. Вибрані праці / Семен Абрамович.

Гітара. Методичний посібник для початківців.

Анненкова О. С. Англійська література ХІХ століття: від Джейн Остін до Джорджа Мередіта. Навчальний посібник.

Анна Кіссо. Хранителі храмів. Книга поезій.

«Гармонія – абсолютна, а дисгармонія – относительна». Пам'яті М.М. Гиршмана.

Суцкевер, Абрам Потаємне місто: поезія / Абрам Суцкевер; переклад з їдишу Валерії Богуславської; післямова: Йоанна Лізек; Міндаугас Кветкаускас.

Балабан Г. Динамічні процеси у прийменниковій системі української літературної мови кінця ХХ – початку ХХІ сторіч.

Alekperov A. Leadership Formula / Adil Alekperov.

«Культурное пограничье» Льва Шестова [Текст] / Под ред. Аляева Г. Е., Савельевой М. Ю., Суходуб Т. Д. / Общество русской философии при Украинском философском фонде; Центр гуманитарного образования НАН Украины.

Гагаузы Украины : в 2 кн. : Книга 1. Гагаузы Украинской части Буджака / Авт. Любовь Чимпоеш, Емилия Банкова; Книга 2. Гагаузы Приазовья / Сост. Любовь Чимпоеш, Емилия Банкова, Тудора Арнаут; рук. проекта Тудора Арнаут, отв. ред. изд. Емилия Банкова, ред. гагаузских текстов Людмила Чобан.

Бураго Д.С. Поздние времена. Книга стихов.

Илья Рейдерман. Дело духа. Книга стихотворений.

Професор Заславський Ісай Якович (1915–2000 рр.): бібліографічний покажчик / Київ. нац. ун-т ім. Т. Шевченка, Ін-т філології, Наук. б-ка ім. М. Максимовича; упоряд.: І. І. Тіщенко, Л. Є. Герасименко; за заг. ред. О. О. Сербіна.

Богуславська, Валерія. Вболівання: вірші і таке інше / В. Богуславська.

Ruben Evuy. Inmunes al fracaso.

Японсько-український тематичний словник ономапопеїчної лексики : укладачі Егава Х., Кобелянська О.

Бондаренко І.П., Осадча Феррейра Ю.В. Японська література. Курс лекцій. Частина третя: література новітнього періоду.

Букрієнко А.О., Комісаров К.Ю. Японсько-український переклад: практичний курс: Т. 1. / Букрієнко А.О., Комісаров К.Ю.

Андрієнко Т.П. Стратегії і тактики перекладу: когнітивно-дискурсивний аспект (на матеріалі художнього перекладу з англійської мови на українську та російську) : Монографія.

Переодические издания

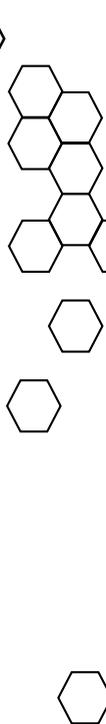
Культура слова. Збірник наукових праць Інституту української мови Національної академії наук України : Вип. 83, 84.

Літературознавчі студії. Збірник наукових праць Інституту філології Київського національного університету імені Тараса Шевченка : Вип. 46, 47.

Мовні і концептуальні картини світу. Збірник наукових праць Інституту філології Київського національного університету імені Тараса Шевченка : Вип. 55, 58.

Наукові записки. Збірник наукових праць Харківського національного педагогічного університету імені Г. С. Сковороди. «Серія літературознавство» : Вип. 82, 83, 84,

МОВА І КУЛЬТУРА. (Міжнародний науковий журнал). : Вип. 18. Т. II (177) – Т. V (180); 19. Т. I (181) – Т. III (183).

Книги **Издательского дома Дмитрия Бурого**
можно приобрести в **Киевском доме книги**
(ул. Льва Толстого, 11/61) или заказать на сайте
www.burago.com.ua

По вопросам издания книг
обращаться по тел.: **+38 (044) 227 38 86**,
e-mail: **burago@list.ru**